ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

3/2026

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук **Н.П. Андрюшкова**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, д-р филол. наук **Э.С. Ветрова**, канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **А.С. Ососкова**, канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology. **N.P. Andryushkova**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.S. Vetrova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **A.S. Ososkova**, Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: https://dongu-vestnik05.ru.

Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» . Протокол № 12 от 05.06.2026 г.

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д: Филология и психология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН в 1997 ГОДУ

№ 3/2026

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Кукушкина О. В. Об одной аномальной разговорной конструкции («как для» вместо «для») 5

Русанова М. А., Зиньковская А. В. Метафорическое моделирование исторического дискурса: театральная метафора как методологический инструмент 14

Тамерьян Т. Ю., Кусаева Е. Э. Криминалистический профайлинг в медианарративе 25

Файзиева Г. В., Аглеева З. Р. Структурно-семантические особенности фразем в субстандартной лексике разноструктурных языков: фреймовый подход 35

Архипова Н. А. Инфографика в системе медиакоммуникаций: от печатной графики к алгоритмическим системам 50

Гранин Р. С. Поэтика дневников Эмиля Чёрана 70

Захарова М.А., Калинина М.В. Пищевая картина мира уральского казака (на материале одноименного очерка В.И. Даля) 93

Максимчик О. А., Головина П. А. Реалии русской лингвокультуры: теоретическое обоснование и экспериментальное исследование 105

Пчелинцева С. Н., Шебанова В. И., Шебанова С. Г. Концепт пищевого поведения в русских и английских паремиях: лингвокультурный и психолингвистический анализ 126

Раздуев А. В., Ляшенко М. А., Абдульменова Е. В. Культурно-специфические элементы в ИИ-генерируемой аудиодескрипции: проблемы и стратегии адаптации для незрячих реципиентов 138

Сокол В. А., Шаманская М. А. Прагматический потенциал эллиптических и односоставных конструкций в немецкоязычном политическом медиадискурсе 148

Шешкина Т. Ф. Германо-славянские лексические параллели der Fuchs «лиса» — пух в сравнительно-историческом освещении 159

Фомин Е. В., Щурик Н. В. Идио-идеосоматические детерминанты перевода фильмонимов: прагматический и перцептивный аспекты 169
Долгая Т. А. Хронорефлексивные проекты на государственных языках республик Российской Федерации как механизм поддержания многоязычия и укрепления единства народов страны 182
Каширокова С. С. Культурные константы пограничья: лингвистические механизмы формирования «своего» и «чужого» в топонимии терских казаков 201
Ковалева А. И. О лингвистической природе русского афоризма 211
Кононенко Л. Л. Диалектная картина мира донских казаков в произведениях Ф.Д. Крюкова 1890-х годов 222
Рустамова М. Б. Способы выражения эмотивности в языке комедий Карло Гольдони 231
Трофимова Н. А., Озернова А. А. Ценностные модели гастрономического медиадискурса Джейми Оливера 247

Слово молодому учёному

Тамерьян М. А. Трансформация британской медиасистемы на рубеже XIX–XX вв.: от элитарности к таблоидизации и гендерной реконфигурации 258

Психология

Андрюшкова Н. П., Назаркина Е. Г. Личностные ресурсы стресс-совладающего поведения у лиц, проживающих в зоне проведения боевых действий 267
Антоновский А. В, Ван Ж. Актуальность исследования саморегуляции в юношеском возрасте: теоретико-методологический анализ 276
Дроздов А.Е. Влияние психологических травм на тело взрослого человека 288
Куликова Т.И. Преобладающие копинг-стратегии студентов с нормальным и патологическим перфекционизмом 299
Побокин П. А., Белашева Х. В., Калинкина Т. В. Социально-психологический мониторинг личностных свойств студентов 310
Романоф Н. А. Опыт организации психологического сопровождения детей Донбасса в православном детском лагере 320
Сидорчук Т. А. Новые траектории геронтообразования в условиях военного конфликта 330
Шаров А. А. Взаимосвязь доверия и социальной активности в виртуальной среде у представителей современной молодежи 341
Яновский М. И. «Этика заботы» как источник информационного «замусорения» в социокультурном пространстве 351
Анджелкович Б. Сопротивления в групповом анализе с православными клиентами 360
Кравчук Н. Ю. Классификация ценностей самореализации личности 373
Правила для авторов 388

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series D: Philology and Psychology

No 3/2026

C O N T E N T S

Philology

Kukushkina O. V. On anomalous colloquial construction (“kak dlya” instead of “dlya”) 5

Rusanova M. A., Zinkovskaya A. V. Metaphoric modeling of historical discourse: theatrical metaphor as methodological tool 14

Tameryan T. Yu., Kusaeva E. E. Criminal profiling in media narratives 25

Faizieva G. V., Agleeva Z. R. Structural and semantic features of phrasemes in substandard vocabulary of non-cognate languages: frame approach 35

Arkhipova N. A. Infographics in media communications: from print graphics to algorithmic systems 50

Granin R. S. Poetics of Emil Cioran's Diaries 70

Zakharova M.A., Kalinina M.V. Ural Cossack's food worldview (based on V.I. Dal’s Essay) 93

Maksimchik O. A., Golovina P. A. Realia of Russian linguoculture: theoretical substantiation and experimental research 105

Pchelintseva S. N., Shebanova V. I., Shebanova S. G. Concept of eating behaviour in Russian and English proverbs: linguocultural and psycholinguistic analysis 125

Razduyev A. V., Lyashenko M. A., Abdulmenova E. V. Cultural-specific elements in AI-generated audio description: challenges and adaptation strategies for blind recipients 138

Sokol V. A., Shamanskaya M. A. Pragmatic potential of elliptical constructions and one-member sentences in german-language political media discourse 148

Sheshkina T. F. Germanic-Slavic lexical parallels der Fuchs «fox» — puff in 59comparative historical perspective 159

Fomin E. V., Shchurik N. V. Idio-ideosomatic determinants of film name translation: pragmatic and perceptual aspects 169

Dolgaya T. A. Chrono-reflexive projects in official languages of Russian Federation republics as mechanism for maintaining multilingualism and of country's peoples unity strengthening 182
Kashirokova S. S. Borderlands cultural constants: linguistic mechanisms of «Our» and «Alien» formation in Terek Cossacks toponymy 201
Kovaleva A. I. On linguistic nature of Russian aphorism 211
Kononenko L. L. Dialect-based linguistic worldview of Don Cossacks in works of 1890s by F.D. Kryukov 222
Rustamova M. B. Emotive devices in comedies by Carlo Goldoni 231
Trofimova N. A., Ozernova A. A. Value models of Jamie Oliver's gastronomic media discourse 247

Commencing scholars, have your say!

Tamerian M. A. British media system transformation at turn of the 19th and 20th centuries: from elitist roots to tabloidization and gender reconfiguration 258

Psychology

Andryushkova N. P., Nazarkina E. G. Personal resources of stress-coping behaviour of individuals living in the military operations zone 267
Antonovsky A.V., Wang R. Relevance of studying self-regulation in youth: theoretical and methodological analysis 276
Drozdov A.E. Impact of psychological trauma on body of adult 288
Kulikova T.I. Prevailing coping strategies of students with normal and pathological perfectionism 299
Pobokin P. A., Belasheva Kh. V., Kalinkina T. V. Social and psychological monitoring of students' personal characteristics 310
Romanof N.A. Experience in organizing psychological support for children of Donbas in Orthodox children's camp 320
Sidorchuk T. A. New trajectories of gerontology in conditions of military conflict 330
Sharov A. A. Relationship between trust and social engagement of modern youth in virtual environment 341
Yanovsky M. I. "Ethics of care" as source of informational "garbage" in socio-cultural space 351
Angelkovich B. Resistance in group analysis with Orthodox clients 360
Kravchuk N. Yu. Classification of personal self-realization values 373

Guidelines for authors 388

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК: 81`37, 81`367.7
DOI: 10.5281/zenodo.21102178

ОБ ОДНОЙ АНОМАЛЬНОЙ РАЗГОВОРНОЙ КОНСТРУКЦИИ («КАК ДЛЯ» ВМЕСТО «ДЛЯ»)

© 2026 *О. В. Кукушкина*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
ORCID 0009-0008-3482-1102

В статье описывается и анализируется следующий языковой факт: в текстах одного автора обнаруживается регулярная вставка КАК, грубо нарушающая литературную норму. В связи с этим ставится задача лингвистического осмысления этого явления, которая решается путем сплошной выборки аномальных случаев и их последующего анализа. Этот анализ показал, что контексты с аномальной вставкой КАК однородны и представляют собой вариант литературной конструкции *КАКОЙ для кого-чего*. Описание семантической структуры этой конструкции позволило сделать вывод о том, что вставка КАК в нее вполне мотивирована. Лишнее КАК выполняет функции лексической экспликации определенных компонентов конструкции и ее обособления, тем самым повышая коммуникативный ранг выражаемого с ее помощью смысла. В связи этим далее обсуждается вопрос о том, почему эти возможности оказываются невостребованы литературным языком. В заключение рассматривается вопрос о том, представлена ли подобная аномалия вне текстов данного автора, и подтверждается положение о необходимости и важности изучения отрицательного языкового материала.

Ключевые слова: отрицательный языковой материал, валентности прилагательных, лексическая экспликация, обособление, коммуникативный ранг

Для цитирования: Кукушкина О. В. Об одной аномальной разговорной конструкции («как для» вместо «для») / О. В. Кукушкина // Вестник Донецкого государственного университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 5–13. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21102178.

Введение. Если в непереводном художественном тексте, написанном на вполне приемлемом русском языке, мы встречаем вставку явно лишнего слова, мы склонны видеть в этом случайность. Однако в следующем предложении такая случайность исключена:

*(1) Чарльз сидел за своим крохотным, **как** для его габаритов столом, и держал в зубах крохотную, **как** для его лица, сигару.*

Мы явно имеем здесь дело с определенным языковым фактом, который нуждается в лингвистическом осмыслении. Это тем более важно, что подавляющее большинство носителей русского языка не подозревают о возможности такой вставки и о существовании такого варианта. Русский литературный язык не допускает его даже в качестве разговорного. В связи с этим в статье ставится задача исследовать данное явление а) с функционально-семантической точки зрения; б) с точки зрения того, является ли данный вариант сугубо индивидуальной особенностью автора или представлен также вне его тестов, в языке других носителей.

Материалы и методы исследования.

Материалом исследования послужили тексты фантастических произведений В. Туманова, входящих в цикл «Знать»[1]. Обнаружив приведенный выше пример, мы

[1] https://litmir.club/a/?id=339857

провели далее сплошной анализ употребления КАК в этих текстах. В результате была получена выборка аномальных случаев. Все они оказались связаны со вставкой лишнего КАК. Их количество показало, что для данного автора вставка лишнего КАК является нормой. Чтобы доказать это, приведем другие обнаруженные в результате сплошной выборки примеры:

(2) На счёте Княжича красовалась сумма всего с тремя нулями. Семь тысяч орланов. Как для Княжича, не густо.

(3) Слишком ухоженный ты для мужчины. Тем более, как для рифтовика, — мужчина хмыкнул. — В любом случае, на скидку не надейся.

(4) Так, а это что за мужчина идёт в мою сторону? Коренастый, как для азиата. Одет в белую мантию, заправленную в синие широкие штаны.

(5) Взгляд её озверел, и это выглядело особенно странно, как для маленького ребёнка. Убить я их мог легко, но это ведь дети!

(6) Внутри меня сразу встретил бородатый мужик, телосложением похожий на Добрыню. Вот только, глуповат он был, как для военного.

(7) Мария выглядела очень неестественно, как для девушки, которая раньше всегда ассоциировалась у меня с пошлостью.

(8) У первого оказались два кинжала, пистолет и даже удавка. Интересный выбор оружия, как для ворья. Или они не просто воры?

(9) Он старше меня, но как для человека, представляющего аукцион, он молодой.

(10) Звали его Густав. Странное имя как для русского человека, но вдаваться в подробности не стал.

(11) Хм, а рукопожатие у него хлипкое, как для человека с пятой ступенью.

(12) Пришлось его по щекам пару раз ударить, чтобы он в себя пришёл, ведь он стоял на ногах и делал это весьма уверенно. Как для человека, который не ходит уже долгие годы.

(13) Ай, сука! — он закричал благим матом и отпрянул на пару шагов. — Больно бьёшь, как для слепого! Совсем мудак?! (обращение к слепому человеку)

(14) Так что мне грех жаловаться. Я почти за бесценок получил некогда лучшие броневики Империи. Как для почти гражданского человека это невероятные аппараты.

(15) Девчонкам нужно как-то учить Кару и налаживать с нею язык. Благо, она прижилась и не агрессирует на людей. Вроде как, даже вполне спокойна, как для ребёнка.

(16) Так, выходит, что мой Ранг — Мастер третьей ступени? Хм, а это неплохо, как для новичка.

(17) Все в этой комнате — Знатные, зуб даю. От всех исходит энергия, пускай и слабая, как для Знати. Видимо, они всё растеряли за те двадцать лет,

(18) Лютый теперь походил на самого настоящего волка! И никак иначе его не обозвать. Хотя, куда уж там, он превышал обычного волка в размерах, достигая почти полутора метров в холке. Что очень и очень много как для домашней животины.

(19) Мать у него — врач в военном госпитале, а отец — подполковник в отставке, живущий на внушительные, как для военного, пенсионные. (Туманов Генезис):

(20) Тысяч тридцать, может сорок. Но даже так, это огромное количество, как для одного острова.

(21) Всего с этой войны наш Род обогатился примерно на пять миллионов Орланов, пускай и не все из них мы успели получить. Небольшая сумма, как для войны Родов.

(22) Тебе не кажется это странным? — спросила Геля вслух очевидное. — Сотня миллионов за какой-то цех? — Как для одного упаковочного цеха — да (Туманов: Проклятая кровь)

(23) Цены у них тут, конечно, совсем не демократичные, как для простолюдинов. А вот для аристократов очень дёшево.

(24) Что же, ладно. Тройная оплата меня вполне устроит. Денег я с этого получу достаточно, как для первого задания, и не факт, что подобное подвернётся мне ещё раз.

(25) Покровский согласился встретиться через полтора часа, в Центре. Удачное место он выбрал, как для моих планов.

(26) — Знаешь, а ведь я был прав. Он создаёт альтернативный выход из рифта. Удобная штука, как для одиночки.

(27) К тому же, мне до сих пор не капнули деньги за те рифты, что я уже успел закрыть. Те, что проблемные. А закрыл я фиолетовый, синий и зелёный. Это вполне себе неплохие суммы выходят, как для одиночки.

Основная часть.

Как можно видеть, во всех этих случаях избыточное КАК предшествует сочетанию ‘***КАКОЙ*** (по качеству, количеству) ***для кого/чего***’ и его аналогам (с наречием или количественным сочетанием; см. 5, 7, 12, 18 и др.). Другие типы вставки КАК в текстах автора не обнаружены. Таким образом, мы имеем дело с нелитературным вариантом способа оформления определенной валентности прилагательного.

Семантика этой валентности неоднократно обсуждалась, и исследователи отмечали ее неоднородность (см., например [5]). Так, в работе [3] выделены четыре денотативных роли, которые выражаются с помощью *для+Gen* зависимого от прилагательного субстантива: *субъект квалификации, целевой стандарт, класс сравнения* и *бенефактив*. Однако у всех этих конкретных ролей, как отмечают авторы, есть, нечто общее, что позволяет свести их в единую гиперроль, названную авторами «репер квалификации». В этой роли вводимый с помощью *для+Gen* компонент выступает как та или иная точка отсчета для вынесения общей или дескриптивной оценки.

Как показывает анализ, в найденных контекстах с избыточным КАК имеет место оценка признака с помощью такого подтипа «репера квалификации» как *класс сравнения*. Зависимое имя в этом случае «ограничивает тот интервал на шкале параметра (сложности, цены и т. п.), в пределах которого определяется норма, служащая основанием для установления значения данного параметра» [3, с. 145]. Г. И. Кустова описывает семантику конструкции со значением *класс сравнения* как обозначение «несоответствия/соответствия ситуативной норме (прагматическим требованиям) или ожиданиям (типичному значению признака)» [6, с. 91]. При этом она отмечает, что актуальное значение признака оценивается чаще всего как несоответствующее обычному, ожидаемому его значению. Соответствие тоже может обозначаться данной конструкцией, но гораздо реже [6, с. 92]. Это подтверждает и рассматриваемый нами материал с избыточным КАК, где в подавляющем большинстве случаев подчеркивается именно несоответствие (соответствие можно видеть лишь в контекстах 24 — 27).

Таким образом, избыточное КАК появляется у автора в совершенно определенных контекстуальных условиях: оно вводит оценку описываемого признака, при этом

не простую, а производимую через сравнение с определенным классом. Т.е. имеет место не «паразитическое» использование данного слова, а оформление с его помощью варианта конкретной конструкции.

Для понимания возможных причин появления КАК в этой конструкции важно обратить внимание на то, что во всех случаях в ней имеет место вхождение носителя оцениваемого признака в "класс сравнения", т.е. он является представителем, экземпляром этого класса. Ср.:

Мария выглядела очень неестественно, как для девушки…(7)

'Мария является девушкой'

Он старше меня, но как для человека, представляющего аукцион, он молодой (9)

'Он является человеком, представляющим аукцион'

Именно соотнесение с классом порождает оценку признака с точки зрения его несоответствия/соответствия ожидаемому. В (7) выражено представление: *Девушки должны выглядеть иначе*. В (9) — *Люди, представляющие аукцион, должны быть старше.*

При соотнесении с классом выражается представление автора о той степени (количестве) признака, которая является нормой для класса, к которому принадлежит носитель признака. В целом эти представления должны соответствовать представлениям читателя. Иначе может возникнуть недопонимание, приводящее к неверному отнесению к классу. В этом отношении интерес представляет пример (4):

Так, а это что за мужчина идёт в мою сторону? Коренастый, как для азиата. (4)

Рассказчик не знает, является ли мужчина азиатом. Свои сомнения он выражает тем, что, по его мнению, степень признака «коренастый» у этого мужчины слишком велика для класса «азиаты». Но многие читатели, особенно возрастные, вряд ли согласятся с тем, что здесь есть несоответствие и, поскольку конструкция предполагает вхождение носителя признака в «класс сравнения», без сомнения поймут текст так: *мужчина являлся азиатом, но автора почему-то удивило то, что он был коренастым.*

На основе всего сказанного семантику рассматриваемой конструкции **КАКОЙ для кого/чего** (как со вставкой КАК, так и без нее), можно описать так: признак должен оцениваться (выглядит) как ТАКОЙ, ***если сравнивать его с тем, каким он должен быть для/у представителя класса, к которому относится его носитель*** (лицо, предмет, событие)**.**

Адекватность данного описания можно подтвердить, перефразировав конкретные предложения. Ср.:

Цены у них тут, конечно, совсем не демократичные, как для простолюдинов. А вот для аристократов очень дёшево. (23)

Т. е.: 'эти цены должны оцениваться как недемократичные, если сравнивать их с теми, какими они должны быть для/у представителей класса "цены простолюдинов". А вот если сравнить их с теми, какими они должны быть для/у представителей класса "цены аристократов" — они должны оцениваться как невысокие'.

Звали его Густав. Странное имя как для русского человека… (28)

Т. е.: 'это имя должно оцениваться как странное, если сравнивать его с теми именами, которые должны быть у представителя класса "русский человек", к которому Густав относится'.

Данное семантическое описание полезно тем, что хорошо эксплицирует те достаточно сложные ментальные операции, которые "упакованы" языком в рассматриваемую конструкцию и которые производит говорящий с ее помощью — помимо *оценки признака* это 1) *сравнение* и 2) *отнесение к классу*.

Как известно, лексическим экспликатором двух последних операций и является в русском языке союз/частица КАК. Эта единица используется для ввода сравнительных оборотов и предложений; она также передает значение ‘в качестве’, т.е. вводит указание на класс, исходя из принадлежности к которому описывается нечто (ср.: *Для меня как для специалиста это неприемлемо!*).

Все это дает основание говорить о том, что появление КАК в конструкции **КАКОЙ для кого/чего-л.** семантически вполне мотивировано. Очевидно также, что, помимо семантической экспликации, вставка КАК выполняет здесь еще одну, более явную функцию — синтаксическую, а именно — превращает управляемую словоформу существительного в обособленный оборот. Механизм обособления был подробно описан А. М. Пешковским, который характеризовал его так: «обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся, вместе с другими зависящими от него второстепенными членами, в отношении интонации и ритма отдельному придаточному предложению» [8, с. 257]. По замечанию А. М. Пешковского, с психологической точки зрения обособление является «проявлением особого внимания» [8, с. 264]. Это наблюдение полностью коррелирует с таким современным понятием, как «повышение коммуникативного ранга смыслового элемента». Механизм повышения этого ранга, по М. В. Всеволодовой, заключается в том, чтобы «предоставить более высокую позицию информативно значимому компоненту» [2, с. 594]. В [1] описана иерархия синтаксических средств такого повышения/понижения при выражении одного и того же пропозитивного содержания. Она показывает, как выбор синтаксического способа выражения влияет на текстовую значимость этого содержания и передачу интенций автора. Не вызывает сомнения, что обособление второстепенного члена предложения является частью интерпретационного механизма языка и средством повышения коммуникативного ранга смыслового компонента, важного для автора.

А.М. Пешковский указывал также на то, что обособление возможно только при «слабости синтаксической связи с окружающими членами» [8, с. 266]. В рассматриваемой конструкции ***КАКОЙ для кого/чего*** есть все условия для обособления, поскольку слабость связи с прилагательным очевидна. Здесь реализуется конструктивно обусловленная валентность, а такие валентности «не определяются значением прилагательного, а возникают в рамках конструкции» [6, с. 91-92].

Итак, появление варианта с КАК семантически и синтаксически вполне объяснимо. Однако здесь закономерно возникает следующий вопрос: почему в таком случае литературный язык не использует этот вариант и большинство носителей русского языка его ни разу не слышали? Одну из причин этого можно видеть в следующем. Добавление КАК может порождать неоднозначность и приводить к восприятию оборота ***КАК для кого/чего*** как стандартного сравнительного. В этом случае не происходит отнесение носителя признака к своему классу, а имеет место сравнение его с носителем другого класса, к которому он не относится. Ср. следующий пример:

…и это выглядело особенно странно, как для маленького ребёнка

Этот фрагмент может прочитываться так: ‘как если бы она была маленьким ребенком’. Полный текст однако показывает, что носитель признака (она) на самом деле является маленьким ребенком. Ср.:

Взгляд её озверел, и это выглядело особенно странно, как для маленького ребёнка. (5)

Как можно видеть, речь в тексте идет о вхождении референта (её) в класс «маленький ребенок». Но для того, чтобы это понять, читатель должен затратить значительные усилия и разгадать референционную загадку: является ли она сама маленьким ребенком или только сравнивается с ним? Поскольку значение ‘в качестве’

при зависимости от прилагательного у КАК реализоваться не может, помочь разрешить эту загадку союз здесь не помогает. Вероятно, запрещая вставку КАК, литературный вариант «оберегает» нас от подобной неоднозначности.

С лингвистической точки зрения интерес представляет еще один вопрос — может ли быть столь регулярная вставка сугубо индивидуальной, авторской особенностью или же в данном случае имеет место вариант, характерный для какой-то группы носителей русского языка (региональной, возрастной и т. п.), полностью игнорируемый литературной нормой? Попробуем далее ответить на этот вопрос.

Анализ текстов показал, что данный вариант имеет у автора явно разговорную окраску. Повествование в цикле ведется от первого лица и рассказчиком в нем является простой парень, не особо выбирающий слова. Таким образом, обороты со вставкой КАК используются при передаче устной разговорной речи и отражают представление автора об этой речи. Нужно отметить, что обсуждаемая вставка почти полностью отсутствует в имеющихся в интернете других текстах произведений того же автора. Это говорит либо о внешней их правке, либо о том, что автор воспринимает такую вставку (или стал воспринимать) как излишне разговорную и стилистически нежелательную. Однако сам факт регулярного использования варианта даже в одном произведении показывает, что автор уверен в его употреблении не только им одним, но и его читателями. И, как оказалось, он прав. Явное подтверждение этому обнаружилось в одной из интернет-дискуссий, где обсуждаются правила обособления оборота «КАК ДЛЯ». Инициатор обсуждения пишет следующее:

> Прошу помочь: нужно ли обособлять оборот "как для кого-л./чего-л."? Например:
>
> * В горах(,) как для июля(,) довольно влажно в этом году. (~ обычно в июле тут суше)
>
> * Он довольно мало знает(,) как для выпускника вуза. (~ от выпускника вуза следовало ожидать бОльших знаний)
>
> * Как для столь выдающегося автора(,) данная песня весьма слаба. (~ от этого автора мы ждали более качественной песни)
>
> Сердцем чую, что надо обособлять, а доказать не могу :), но могу и ошибаться. Или данный оборот вообще следует считать чересчур разговорным и избегать в приличном обществе? Однако, даже если и так, вопроса "Обособлять или нет?" это не снимает...

В ходе дальнейшего обсуждения оказывается, что для некоторых участников обсуждения именно вариант с КАК ДЛЯ является единственно верным. Ср. следующую реакцию на признание этого варианта нелитературным:

> Потрясена))) Всегда использовала «как для»
>
> Слушайте, а например эта фраза как должна правильно звучать, если без «как для»?
>
> — Экипаж горячо приветствует меня — слишком горячо, как для постороннего человека.
>
> — У тебя слишком хорошо получается как для первого раза.

См. также ответ инициатора обсуждения:

> Я тоже всегда использовал и даже продолжаю его использовать:).

В подтверждение допустимости оборота с КАК он сообщает, что нашел три аналогичных примера в Национальном Корпусе:

> Пишут, что "как" в данном обороте является лишним. Просмотрел первые 150 примеров употребления словосочетания "как для" в корпусе. В подавляющем большинстве случаев эти два слова являются частью совершенно других оборотов,

но нашлось, как мне кажется, три примера употребления, сходных с тем, о чём я веду речь:

Но, как для такого фильма, это было бы чересчур

Средний фильм, как для Блейда, но не так ужасен в сравнении с …»

Как для сбитого самолета, он довольно целый.

Как можно видеть из этих примеров, речь вновь идет о конструкции КАКОЙ КАК ДЛЯ с существительным в роли «класс сравнения». Интересно, что один из участников обсуждения пытается найти источник нежелательного оборота и объясняет его контаминацией *ДЛЯ кого* и *КАК кто:*

Еще наблюдение: возможно, все говорят немного о разном, когда указывают на безграмотность примеров. «Он довольно мало знает для выпускника вуза» или «Он довольно мало знает как выпускник вуза» — все нормально, но вот «он довольно мало знает как для выпускника вуза…» — все в кучу, потому и возникают проблемы.

Здесь имеет место довольно логичная попытка объяснить появление вставки смысловой близостью двух оборотов — без КАК и с КАК в значении ‘*в качестве’*. Однако формальное различие между этими двумя конструкциями слишком велико, чтобы можно было говорить о возможности их контаминации. В результате коллективного обсуждения в ходе дискуссии делается следующий вывод:

Коллективным разумом оборот признан крайне неудачным, к использованию не рекомендуется. При крайней же необходимости его использования обособление предпочтительно. Всем спасибо.

Инициатор обсуждения готов признать нелитературным привычный для него вариант с избыточным КАК, но, что важно, он указывает на его семантическое своеобразие. Ср.:

Спасибо за ваше мнение. Я лично чувствую за «своим» оборотом несколько отдельный смысл…, но общее мнение о неудачности данного выражения приму к сведению

Что это за «несколько отдельный смысл», не поясняется, но исходя из проведенного функционально-семантического анализа это ощущение можно объяснить так: носитель языка не может не чувствовать, что в варианте КАКОЙ КАК ДЛЯ, в силу синтаксического обособления, выражена более высокая степень коммуникативной значимости смысла ‘оценка признака’. В нем также имеет место и хорошо ощущаемое эксплицитное выражение способа оценки — через сравнение и указание того, в каком качестве выступает носитель признака при сравнении. В литературном варианте такая экспликация отсутствует.

В заключение обратим внимание на еще одну особенность, к которой привлекает внимание анализируемый материал. Она касается уже не обсуждаемых вариантов, а описываемого с их помощью параметра. Сама по себе оценка описанного качественного или количественного признака как несоответствующего (редко соответствующего) чему-либо носит дополнительный и необязательный характер. Как нам представляется, в рассмотренных текстах имеет место повышенная частота упоминания и сообщения читателю этого необязательного параметра. Конечно, это наблюдение носит предварительный характер. Обоснованный вывод такого рода можно делать только после анализа аналогичных текстов других авторов и выявления средней нормы. Тем не менее, данное наблюдение интересно тем, что за ним может стоять индивидуальная особенность способа переработки информации, т.е. когнитивного стиля автора. Эту особенность можно трактовать как проявление стремления к более детализированной

категоризации впечатлений и использование «более точных стандартов в оценке различий объектов». Данная черта характеризуется некоторыми психологами как «узость широты диапазона эквивалентности» (см. [9, с. 61]). Аналогичные явления описывались Ю. И. Левиным, указывавшим на обилие необязательных придаточных цели и причины и их эквивалентов, характерное для прозы А. Платонова [7].

Заключение. Основной вывод, который можно сделать из проведенного анализа, можно свести к следующему. Хотя у нас есть корпуса текстов и грамматики, в разговорном языке существуют еще такие конструкции, которые нас удивляют и кажутся нам абсолютно ненормальными, но при этом привычны для какой-то части носителей русского языка. Их нужно искать и исследовать, поскольку они являются очень важным источником знаний об устройстве нашего языка и понимания того, почему в литературном языке складывается та или иная норма. И это в очередной раз привлекает наше внимание к важности анализа так называемого «отрицательного языкового материала», о чем писал еще Л.В. Щерба [10], и в том числе «речевых неудач» [4] и особенностей письменных текстов, в огромном количестве представленных в русском интернете, но пока еще мало исследуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергельсон М. Б. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка / М. Б Бергельсон, А. Е. Кибрик. // Известия АН СССР сер. ОЛЯ. — 1981. — Т. 40, № 4. — С. 343–355
2. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка / М. В Всеволодова. — М.: УРСС, 2017. — 656 с.
3. Гращенков П. В. Семантические классы и управление прилагательных / П. В. Гращенков, И. М. Кобозева. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2 — М.: Изд-во РГГУ, 2017 — С. 134–149.
4. Кукушкина, О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах / О. В. Кукушкина. — М: Диалог-МГУ, 1998. — 288 с.
5. Кустова, Г. И. Синтаксические зависимые прилагательных (конструкция А для Род S) / Г. И. Кустова. // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. № 4 (10). М.: 2016 — С. 134 — 151.
6. Кустова, Г. И. Прилагательное /Г. И. Кустова. // Русская корпусная грамматика. Том второй. http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf. Дата последнего изменения файла: 2024-03-31 17:43:02
7. Левин, Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) / Левин Ю. И. // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. — М., 1998. — С. 392–419.
8. Пѣшковскій, А. М. Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи / А. М. Пешковский. // Москва, 1914. . — 440 с.
9. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М А .Холодная. Спб.: 2004, 2-е издание. — 384 с.
10. Щерба, Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании /Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. — С. 24–39.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Туманов В. А. Знать: https://litmir.club/a/?id=339857**.** Дата обращения 29.04.2026
12. См.: https://pishu-pravilno.livejournal.com/4782993.html?ysclid=meo6n0dq4c928520579
13. Обособление оборота "как для...": https://pishu-pravilno.livejournal.com/4782993.html?ysclid=meo6n0dq4c928520579 Дата обращения 29.04.2026

REFERENCES

1. Bergelson M. B., Kibrik A. A. (1981) *Pragmaticheskij «princip Prioriteta» i ego otrazhenie v grammatike yazyka* [The Pragmatic "Principle of Priority" and How it is Reflected in Language Grammar]. Izvestiya AN SSSR ser. OLYa [Izvestiya of the Academy of Sciences of the USSR, Series of Literature and Linguistics] — 1981. — T. 40, № 4. — S. 343–355. (In Russian).

2. Vsevolodova, M. V. (2017). *Teoriya funkcional`no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment fundamentalnoj prikladnoj (pedagogicheskoj) modeli yazyka* [Theory of functional non-communicative syntax. A Fragment of the fundamental appropriate (pedagogical) model of Language] — M.: URSS, 2017. — 656 s. (In Russian).
3. Grashhenkov P. V., Kobozeva I. M. (2017) *Semanticheskie klassy i upravlenie prilagatel`nyh* [Semantic classes and government of adjectives]. Komp`yuternaya lingvistika i intellektual`nye tekhnologii [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferencii «Dialog» (Moskva, 31 maya — 3 iyunya 2017 g.). Vyp. 16 (23): V 2 t. T. 2 — M.: Izd-vo RGGU, 2017 — S. 134–149. (In Russian).
4. Kukushkina, O. V. (1988) *Osnovnye tipy rechevykh neudach v russkikh pis`mennykh tekstakh* [The main types of speech failures in Russian written texts]. — M.: Dialog-MGU, 1998. — 288 s.
5. Kustova, G. I. Sintaksicheskie zavisimyje prilagatel`nykh (konstrukciya A dlya Rod S) [Syntactic dependencies of adjectives (construction «A DLYA gen s»]. Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova [Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language]. № 4 (10). M.: 2016 — S. 134 — 151. (In Russian)
6. Kustova, G. I. (2018) Prilagatel`noe [Adjective]. Russkaya korpusnaya grammatika [Russian Corpus Grammar] Tom vtoroj. http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf. Data poslednego izmeneniya fajla: 2024-03-31 17:43:02. (In Russian).
7. Levin, Yu. I. (1998) *Ot sintaksisa k smy`slu i dalee («Kotlovan» A. Platonova)* [From syntax to meaning and beyond ("The Foundation Pit" by A. Platonov]. Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika [Selected Works: Poetics. Semiotics] — S. 392–419. (In Russian).
8. Peshkovskij, A. M. (1914) Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russian Syntax from a Scientific Perspective]. Moskva, 1914. — 440 s. (In Russian).
9. Xolodnaya, M. A. (2004) *Kognitivny`e stili. O prirode individual`nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. Spb.: 2004, 2-e izdanie. — 384 s. (In Russian).
10. Shherba, L. V. (1974) O troyakom aspekte yazy`kovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii [On the Tripartite Aspect of Linguistic Phenomena and Experimentation in Linguistics]. Yazy`kovaya sistema i rechevaya deyatel`nost` [Language system and speech activity]. – L., 1974. — S. 24–39. (In Russian).

Поступила в редакцию 28.03.2026 г.

ON ANOMALOUS COLLOQUIAL CONSTRUCTION (“KAK DLYA” INSTEAD OF “DLYA”)

O. B. Kukushkina

The article describes and analyzes the following linguistic fact: in the texts of a single author, a regular insertion of "КАК" is found, which grossly violates the literary norm. In this regard, the task of linguistic comprehension of this phenomenon is set, which is solved by continuous sampling of anomalous cases and their subsequent analysis. This analysis showed that the contexts with the anomalous insertion of "КАК" are homogeneous and represent a variant of the literary construction "КАКОЙ for whom/what». The description of the semantic structure of this construction allowed us to conclude that the insertion of "КАК" into it is quite motivated. The superfluous "КАК" performs the functions of lexical explication of certain components of a construction and its isolation, thereby increasing the communicative rank of the meaning expressed by it. In this regard, the question of why these possibilities are not in demand by the literary language is further discussed. In conclusion, the question of whether such an anomaly is present outside the texts of this author is examined, and the position on the necessity and importance of studying negative linguistic data is confirmed.

Keywords: negative linguistic data, adjectival valencies, lexical explication, apposition, communicative rank

Кукушкина Ольга Владимировна.
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.
Доктор филологических наук, профессор.
ORCID 0009-0008-3482-1102.
E-mail: ovkukush@mail.ru

Kukushkina Olga Vladimirovna.
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
Doctor of Philology, Professor.

ORCID 0009-0008-3482-1102.
E-mail: ovkukush@mail.ru

Научная статья
УДК 81:133
DOI: 10.5281/zenodo.21102385

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

©2026 *М. А. Русанова*[1], ***А. В. Зиньковская***[2]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCID[1]: *0000-0002-6577-4643*
ORCID[2]: *0000-0003-3742-5064*

Статья посвящена исследованию проблемы реконструкции и осмысления исторического прошлого через призму метафорического моделирования. В центре внимания находится методология когнитивно-дискурсивного анализа, применяемая к историческому нарративу. Основным методом выступает когнитивное моделирование, используемое для выявления и анализа глубинных концептуальных структур, организующих исторический дискурс. Материалом исследования послужили историографические тексты различных эпох, в которых прослеживается доминирующая роль метафоры, в частности, театральной. В результате доказано, что метафора служит ключевым инструментом конструирования когнитивных моделей прошлого, а театральная метафора является устойчивой концептуальной моделью, формирующей ментальные пространства для понимания исторического процесса. Исследование выявляет эвристический потенциал и методологические границы данного подхода, раскрывая механизмы смыслообразования в историческом тексте и их связь с восприятием и когнитивными структурами аудитории.

Ключевые слова: когнитивный, метод, модель, анализ, исторический дискурс, метафора, театральная метафора, историческое сознание, когнитивное моделирование, исторический нарратив.

Для цитирования: Русанова М. А. Метафорическое моделирование исторического дискурса: театральная метафора как методологический инструмент/ М. А. Русанова, А. В. Зиньковская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 14–24. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21102385.

Современная гуманитарная наука переживает период активной методологической рефлексии, в рамках которой особое место занимает когнитивно-дискурсивная парадигма. Предложенная и детально разработанная Е. С. Кубряковой, эта парадигма, функционируя в русле антропоцентрического подхода, кардинальным образом смещает фокус исследовательского внимания. Если традиционная историография преимущественно концентрировалась на установлении фактов, их хронологической систематизации и каузальном объяснении, то когнитивный подход акцентирует процессы *понимания* и *осмысления* прошлого. Он ставит во главу угла вопрос о том, каким образом историческое знание формируется, структурируется и транслируется в сознании как отдельного исследователя, так и социума в целом. Эти методы приобретают особую эвристическую значимость для рецепции и реконструкции исторического прошлого, которое по определению не дано нам в непосредственном чувственном опыте и доступно лишь через посредничество текстов, образов и ментальных репрезентаций.

Исторический дискурс, понимаемый как сложное коммуникативное событие, объединяющее автора-историка, текст-нарратив и аудиторию-реципиента, представляет

собой идеальный объект для когнитивного анализа. Он не является пассивным отражением «как-бы-бывшего» (по выражению И. Дройзена), но представляет собой активный, структурированный и целеориентированный процесс конструирования смысла. Среди многообразного арсенала когнитивных методов анализа исторического дискурса особое методологическое значение и практическую продуктивность демонстрирует **когнитивное моделирование.** Этот метод приходит на смену линейному, сугубо словесно-логическому мышлению, которое доминировало в позитивистской историографии XIX века. Когнитивное моделирование предлагает работать не с изолированными фактами, а с целостными системами взаимосвязей, ментальными схемами и концептуальными структурами, организующими историческое повествование. **Как отмечается в оригинальной публикации, «когнитивные модели, будучи средством получения, хранения и использования структур знания, опираются на лингвистические модели речевой деятельности, направленные на выявление языковых единиц, способствующих порождению и восприятию речи»** [13, с. 286]. Таким образом, модель выступает связующим звеном между глубинными когнитивными процессами и их поверхностными языковыми репрезентациями в историческом тексте.

В соответствии с фундаментальной позицией В. И. Карасика, «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления» [5, с.6]. Применительно к историческому дискурсу когнитивная модель — это не упрощенная копия реальности, а сложный концептуальный инструмент, который позволяет исследователю организовать хаотичный поток информации о прошлом, выявить в нем системные связи, причинно-следственные отношения и иерархию значимости. Когнитивные модели, являясь средством получения, хранения, структурирования и применения структур знания (фреймов, сценариев, пропозиций), органично опираются на лингвистические модели речевой деятельности. Для понимания того, как именно метафора структурирует исторический материал, необходимо обратиться к таким базовым единицам когнитивного моделирования, как пропозиция и фрейм.

Пропозиция в данном контексте — это элементарная единица смысла, конституирующая событийную основу высказывания, своего рода «микросюжет». Если театральная метафора задает общую концептуальную рамку, то именно на уровне пропозиций происходит ее наполнение конкретным историческим содержанием. Например, глубинную пропозициональную структуру высказывания *«Олаф Харальдсон успешно провел христианизацию»* можно представить как [Агенс (актер-король) — Действие (играет роль) — Пациенс / Результат (смена декораций веры)]. Пропозиция позволяет увидеть, что за риторической фигурой скрывается стандартная актантная схема, изоморфная структуре сценического действия.

Фрейм же представляет собой более объемную и иерархически организованную структуру знания, «сценарий» типичной ситуации. В то время как пропозиция фиксирует конкретное событие, фрейм содержит набор слотов (терминалов), которые историк должен заполнить для создания связного повествования. Применительно к театральной модели исторического дискурса мы имеем дело с фреймом «Театральное представление», который включает слоты: [СЦЕНА (место действия)], [АКТЕРЫ (исторические деятели)], [СЦЕНАРИЙ (причинно-следственные закономерности)], [РЕЖИССЕР (движущие силы истории или провидение)], [ЗРИТЕЛИ (потомки/историки)], [РЕКВИЗИТ (материальная культура)].

Методологическая ценность фреймового анализа состоит в том, что он позволяет эксплицировать скрытые манипуляции историка. Если в слоте [РЕЖИССЕР]

у исследователя-марксиста окажутся «производительные силы», а у историка-романтика — «дух нации», то и вся историческая драма при заполнении остальных слотов будет развиваться по кардинально разным сценариям. Следовательно, пропозиции обеспечивают линейную связность нарратива на микроуровне, а фреймы формируют его глобальную смысловую когерентность, предопределяя интерпретацию

Именно язык предоставляет тот набор дискурсивных стратегий, риторических фигур и нарративных паттернов, которые материализуют ментальные конструкции в тексте.

Стратифицируя разноуровневые речемыслительные процессы (от генерации идеи до ее вербального оформления), выраженные в различных языковых подсистемах (лексической, синтаксической, стилистической), когнитивные модели обусловливают не только целостность и внутреннюю смысловую когерентность исторического дискурса, но и его убедительность для реципиента. Более того, они выполняют креативную функцию, конструируя **ментальные пространства** — специфические мыслительные области, «возможные миры», которые позволяют не только прогнозировать гипотетическое будущее или осмысливать актуальное настоящее, но и «населять» событиями, мотивами и действующими лицами ту область, которая обозначается как «историческое прошлое». Это прошлое, подчеркнем, не существует в виде объективной, готовой к восприятию данности; оно всегда есть результат сложного акта когнитивного и дискурсивного конструирования. Историческая реальность, таким образом, представляет собой не что иное, как когнитивную модель, выстраиваемую в ментальном пространстве историка посредством языка, который и создает «ткань» исторического дискурса. Историк работает не с прошлым как таковым, а с его концептуальными репрезентациями, и инструментом этого моделирования выступает, в первую очередь, метафора.

Важнейшую, можно сказать, центральную роль в когнитивном моделировании исторического дискурса играет **метафора.** В рамках когнитивной лингвистики, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, метафора перестала рассматриваться как сугубо риторическое украшение и была осмыслена как фундаментальный механизм человеческого мышления, позволяющий осваивать абстрактные и сложные области опыта через обращение к более конкретным и телесным. В историческом познании эта функция метафоры проявляется с исключительной силой. Она служит ключевым инструментом для установления связей между разрозненными событиями в историческом поле, для их категоризации и оценки, что абсолютно необходимо для их последующей реконструкции в связном пространстве нарратива. Метафора позволяет формировать устойчивые аналогии, которые становятся каркасом для исторического объяснения. В рамках этих аналогий возникают и постоянно переосмысляются абстрактные образы-концепты (например, «расцвет», «упадок», «революция», «прогресс»), без которых историческое повествование просто невозможно.

Метафорическое моделирование обеспечивает перевод невербализованного опыта, интуитивных догадок и ценностных установок историка в форму публичного, рационально организованного дискурса. Оно делает невидимое — видимым, неочевидное — убедительным. Историк, утверждающий, что реальный театр китайской истории поистине необъятен, оперирует не только фактологией, но и мощной образной системой: “The physical theatre of Chinese history is vast” («Физический театр китайской истории необъятен») [21, с.125]. Эта фраза — не просто констатация географического или хронологического масштаба; это инсталляция целой когнитивной модели, которая будет определять отбор фактов, их компоновку и интерпретацию на протяжении многих страниц исследования. Театральная метафора, как будет подробно показано ниже, стала одной из наиболее устойчивых и продуктивных в европейской исторической мысли, предоставляя историкам широчайшие возможности для репрезентации прошлого в качестве связного,

драматургически организованного спектакля. История, охватывающая жизнь человеческого общества во всём её невообразимом многообразии, внутренних противоречиях и каузальных переплетениях, закономерно ищет опоры в знакомых культурных формах, и театр как модель мира оказывается здесь идеальным инструментом.

В историческом дискурсе ученый, стремясь смоделировать прошлую жизнь человечества, часто бессознательно или вполне рефлексивно использует метафору театра. Это не просто стилистический прием, а целостная эпистемологическая позиция, предполагающая, что каждой исторической личности предначертана определенная роль, общественные институты выполняют функции декораций или сценических механизмов, а совокупность событий складывается в сюжет драмы, комедии или трагедии. Подобный взгляд позволяет историку осмыслить кажущиеся хаотичными действия отдельных агентов в рамках более широкой «пьесы» под названием «история».

Истоки этой мощной концептуальной модели уходят вглубь европейской культурной традиции. Канонической стала формула, выведенная Уильямом Шекспиром: «Весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль» (“All the world’s a stage, And all the men and women merely players: They have their exits and their entrances; And one man in his time plays many parts”). Однако важно понимать, что в елизаветинскую эпоху это утверждение не воспринималось исключительно как поэтическая метафора; оно отражало глубоко укорененное в ренессансном мировоззрении представление о мире. Культурно-исторический контекст здесь критически важен. Задолго до Шекспира, в 1528 году, граф Бальдассаре Кастильоне опубликовал трактат «Придворный» (“The Book of the Courtier”), который стал своего рода манифестом нового понимания социальной жизни. Кастильоне отождествлял успешное существование при дворе с виртуозной ролевой игрой на сцене, где каждый жест, слово и даже молчание подчинялось законам сценического присутствия. Главной функцией этих «театральных» приемов было, по Кастильоне, поразить других «актеров»-придворных и продемонстрировать абсолютную преданность «режиссеру»-правителю. Этот театрализованный *modus vivendi* Ренессанса, как точно отмечает Н. Э. Сейбель, стал «девизом целой эпохи, формулой, <…> определяющей трактовку жизни» [15, с. 66]. Социальное бытие осознавалось как перформанс. Важно добавить, что английское общественное сознание, с его выраженной эмпирической и прагматической ориентацией, оказалось особенно восприимчивым к такой модели. Уже в средневековых спорах номиналистов и реалистов в Англии возобладал номинализм, утверждавший приоритет конкретных, единичных вещей и действий над абстрактными сущностями. Что может быть конкретнее и нагляднее действия актера на сцене? Таким образом, театральная метафора упала на благодатную почву.

В эпоху Нового времени, с ее кризисом теоцентрической картины мира и поиском новых способов осмысления человеческой активности, метафорическое восприятие истории как театра, сфокусированного уже не на Боге-режиссере, а на человеческом воображении и разуме, стало общим интеллектуальным маркером для ведущих европейских стран, включая Британию. Свое философское «второе рождение» и глубокую концептуализацию модель «история — это театр» получила в немецкой классической философии, в частности, в трудах Ф. В. Й. Шеллинга. Немецкий философ, размышляя о природе свободы и необходимости в историческом процессе, активно использовал театральные метафоры. Он рассматривал форму пьесы с элементами импровизации как идеальную модель истории, где каждый участник свободен в своих действиях, но общий замысел (мировой дух, или «драматург») все же осуществляется. Шеллинг предлагал сложную диалектику свободы актера и замысла автора: «Если мы думаем об истории как о

театральном представлении, в котором каждый участник играет свою роль совершенно свободно и так, как ему заблагорассудится, рациональное развитие этой запутанной драмы возможно только в том случае, если есть единый дух, который говорит в каждом…» (“If we think of history as a theatrical performance in which each participant plays his role in complete freedom and as he pleases, a rational development of this entangled drama is only possible if there is a single spirit speaking in everyone…”) [22, с.210]. В этой формуле выражена самая суть историзма XIX века: поиск разумного смысла, «духа» эпохи в кажущемся хаосе индивидуальных свободных воль. Позднее Ф. Ницше, подвергая критике саму идею разумного миропорядка, увидел во вселенной лишь бесцельную «театральную игру скучающего бога», тем самым десакрализовав и деконструировав возвышенную шеллинговскую модель, но оставив в силе саму театральную парадигму.

В современном историческом дискурсе, прошедшем через горнило постмодернистской критики «больших нарративов», ученый продолжает стремиться постичь прошлое через метафоры, репрезентируя его как грандиозное, часто абсурдное или трагическое представление на сцене, которая называется «История». Жизнь общества в прошлом все чаще изображается не как планомерное шествие прогресса, а как «необъятное нагромождение спектаклей», где, по выражению Г.-Э. Дебора, «все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление» (“an immense accumulation of spectacles. All that once was directly lived has become mere representation”) [2, с.23]. Театральная метафора, несмотря на многовековое использование и неизбежную семантическую «усталость», не утратила своей привлекательности и объяснительной силы. Напротив, в эпоху тотальной медиатизации и симуляции ее актуальность лишь возрастает.

Однако констатация «семантической усталости» театральной метафоры не означает отказа от нее, но ставит вопрос о механизмах ее реконцептуализации. Историки преодолевают стертость этой модели тремя основными способами. Во-первых, путем жанровой детализации: на смену обобщенной «исторической драме» приходит спецификация — прошлое моделируется не просто как театр, а как «трагифарс» (К. Маркс о повторении истории), «театр абсурда» (при описании бюрократических коллапсов) или «иммерсивный спектакль», где читатель-зритель становится соучастником. Во-вторых, через гибридизацию метафорических моделей: театральная метафора скрещивается с механистической («исторические актеры как марионетки социальных структур») или игровой (геймификация истории), что возвращает ей объяснительную новизну. В-третьих, за счет реанимации внутренней формы: этимологическая рефлексия над лексемами «persona» (маска/личность), «act» (действие/акт) или «scene» восстанавливает исходную когнитивную напряженность между подлинностью бытия и его репрезентацией, выводя дискурс на уровень метаисторического анализа. Таким образом, методологическая продуктивность театральной метафоры поддерживается не консервацией ее исходного смысла, а постоянным семантическим приращением

Многоступенчатое когнитивно-дискурсивное моделирование исторической действительности с привлечением разнотипных театральных метафор (театр как зрелище, как машина, как мистерия, как балаган) позволяет историку представить события, растянувшиеся во времени и пространстве, как целостный, эмоционально переживаемый феномен, доступный пониманию современного читателя.

Следует особо подчеркнуть функциональную многогранность и смысловую полисемию театральной метафоры в историческом дискурсе. Ее применение далеко не однородно. В одних случаях она служит **невидимым каркасом** нарратива, скрытой

организующей схемой, неявно определяющей композицию и логику изложения. Историк может даже не упоминать слова «театр», «сцена», «роль», но его описание политических интриг, дипломатических переговоров или военных кампаний будет строиться по законам драматургического развития: завязка конфликта, его кульминация и развязка. В других случаях метафора выступает как **явный сравнительный конструкт**, постоянно напоминающий читателю об условности и сконструированности исторического повествования. Она явно указывает на то, что история — это сцена, на которой разыгрываются многоактные драмы, а в зрительном зале располагаются представители последующих эпох, которые с высоты своего времени (и с учетом своих ценностей) наблюдают за происходившими событиями.

Яркий пример такого явного использования — описание процесса христианизации Норвегии: “In Norway, too, the drama took place in two acts. One attempt by Olaf Tryggvason (r. 995–1000) faltered, while the second by Olaf Haraldson (r. 1016–28) succeeded through a mixture of bribery, coercion, and zealotry” («В Норвегии драма также разыгралась в двух актах. Попытка Олафа Трюггвасона (прав. 995–1000) провалилась, в то время как вторая попытка Олафа Харальдсона (прав. 1016–28) увенчалась успехом благодаря смеси подкупа, принуждения и фанатизма») [23, с. 328]. Здесь метафора выполняет несколько функций одновременно: 1) структурирует сложный процесс, деля его на четкие фазы («акты»); 2) задает оценку событий (провал/успех); 3) вводит морально-психологическую характеристику методов («смесь подкупа, принуждения и фанатизма»), которая ассоциативно отсылает к сценическим средствам воздействия на зрителя.

Таким образом, концептуальная метафора «история как театр», построенная на богатой системе образов (актер, роль, сценарий, режиссер, зритель, занавес, декорации), создает множественность смыслов и интерпретационных перспектив. Она позволяет историку не просто пересказать события, но и предложить их глубокое осмысление: показать, какие поступки ведут героя к бесславию и забвению, а какие — к славе и канонизации, как личный выбор взаимодействует с «сценарием» эпохи. Однако здесь кроется и определенная методологическая опасность. История, как справедливо отмечается в статье, является наукой идеологической, ценностно нагруженной. Расхождения в оценках как самих событий, так и исторических личностей могут привести к острым дискурсивным конфликтам. Шутка или ироническая трактовка «роли» одного исторического деятеля в интерпретации одного историка может быть воспринята как оскорбительная карикатура его сторонниками. Из этого следует важнейший практический вывод: историк, особенно использующий такие мощные инструменты, как театральная метафора, должен отчетливо осознавать **дискурсивность своей целевой аудитории**, ее культурный бэкграунд, ценностные ориентиры и возможные точки семантической чувствительности.

Подходя к истории с позиций театральной метафоры, историк исходит из базовой предпосылки, что каждому субъекту (личности, группе, институту) и даже объекту (например, идее, экономической формации) в дискурсе предназначена определенная роль. Сообщить об этой роли, дать ей оценку можно через структурную метафору. Например, историк может представить монархию XVI века в позитивном свете как силу, сыгравшую свою исторически прогрессивную роль в падении феодальной раздробленности: “…in the Sixteenth century monarchy had a positive historical role to play the destruction of the military feudalism” («…в XVI веке монархии предстояло сыграть положительную историческую роль в разрушении воинствующего феодализма») [24, с.225]. Здесь «роль» — это уже не просто образ, а категория исторического анализа, соединяющая оценку и объяснение.

В театре под названием «история» каждая личность, по мысли многих философов истории (например, Х. Ортеги-и-Гассета), имеет свое уникальное, неповторимое место в этом одноразовом, невоспроизводимом спектакле. Задача историка, следовательно, — не просто перечислить деяния, но выявить эту уникальную **роль**, этот «неповторимый облик», который личность обрела в контексте событий. Для этого историк часто прибегает к стратегии отстранения: он стремится абстрагироваться от морализаторства своего времени, представив события как законченную пьесу, сыгранную на сцене прошлого. Он становится своего рода «драматургом-реконструктором», который приглашает своих реципиентов занять место в зрительном зале, чтобы увидеть, как разворачивалось действие, и сделать собственные выводы.

Эта техника мастерски применяется в историографии для характеристики конкретных фигур. Через призму театральной метафоры можно показать, как та или иная личность сыграла ключевую, решающую роль в конкретном событии и извлекла из этого максимальные преимущества: "In the attack Cromwell played a leading part and secured from it the greatest advantage" («В этой атаке Кромвель сыграл ведущую роль и извлёк из неё наибольшую выгоду»)[24, с.244]. И наоборот, можно продемонстрировать, как другой персонаж, слепо следуя ошибочному «сценарию» (своим иллюзиям или дурным советам), пришел к катастрофическому финалу, разрушив все вокруг себя: "For three years he (Charles I) faithfully followed the line of action playing off the army against Cromwell and Scots against both till he had destroyed his credit and ruined his friends and made his execution both a political necessity and an act of justice" («Три года он (Карл I) верно следовал линии поведения, сталкивая армию с Кромвелем, а шотландцев с обоими, пока не уничтожил свой кредит доверия, не погубил своих друзей и не сделал свою казнь как политической необходимостью, так и актом правосудия») [24, с.246]. В этих примерах метафора «игры роли» позволяет сконцентрировать в лаконичной форме сложную причинно-следственную связь, моральную оценку и психологическую характеристику.

Образ театра, используемый для моделирования исторического прошлого, является одним из стержневых, проходящих красной нитью через всю европейскую историографическую традицию и определяющих не только ее тематику, но и эстетическую, риторическую составляющую. Образное переосмысление событий через эту призму позволяет и историку, и читателю увидеть давно знакомые факты в новом свете, создать иную, более объемную и эмоционально насыщенную картину мира прошлого. В основе концептуальной метафоры «мир исторического прошлого — это театр» лежат не умозрительные конструкции, а конкретные социальные, политические и культурные явления, которые благодаря такому моделированию обретают системность и наглядность. Это позволяет историку рассматривать массивный, многомерный исторический процесс как относительно целостное театральное действо, разворачивающееся во времени, где он сам занимает позицию вдумчивого зрителя (или режиссера-постановщика) своей эпохи.

В заключение следует подчеркнуть, что когнитивная модель истории, метафорически репрезентируемая как театр, представляет собой лишь один, хотя и чрезвычайно мощный, пример из широкого арсенала когнитивных методов анализа исторического дискурса. Ее сила — в способности организовывать, объяснять и делать коммуникативно доступным сложнейший материал. Ее ограниченность — в потенциальной опасности чрезмерной драматизации, упрощения, сведения многофакторных процессов к «игре» нескольких героев и в риске подмены исторического анализа моральной или эстетической оценкой «спектакля».

Рассматривая неизменные, «окаменевшие» события прошлого через метафорическую призму театрального зрелища, историк совершает важнейшую операцию: он предоставляет своей аудитории возможность изменить их восприятие, увидеть их по-новому, установить личное, почти экзистенциальное отношение к тому, что отделено временной пропастью. Это и есть главная цель когнитивного моделирования — сделать прошлое не объектом холодного изучения, а частью живого опыта понимания. И хотя каждое историческое событие имеет свое фиксированное место на шкале времени и не может быть физически изменено, в смысловом, дискурсивном пространстве оно обретает своего рода «бесконечность». Оно продолжает «разыгрываться» снова и снова — на сцене современной политики, в общественных дебатах, в школьных учебниках и художественных произведениях. Когнитивное моделирование, и в частности, моделирование через театральную метафору, дает нам ключ к пониманию того, как и почему это происходит, раскрывая механизмы постоянного диалога между прошлым и настоящим, который и составляет суть исторического сознания.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, обобщающих теоретические и методологические аспекты анализа метафорического моделирования в историческом дискурсе. В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы исторический нарратив предстает не как зеркальное отражение объективной реальности прошлого, а как сложный, многослойный конструкт, формируемый ментальными структурами сознания автора и реализуемый посредством языка. Когнитивное моделирование, выступая в качестве основного методологического инструмента, доказало свою эвристическую значимость: оно позволяет перейти от линейного описания фактов к выявлению глубинных концептуальных схем, организующих историческое повествование. Модель в данном контексте функционирует как связующее звено между невербализованным знанием, интуитивными догадками историка и их текстовой репрезентацией, обеспечивая смысловую когерентность и убедительность дискурса.

Центральным механизмом этого процесса выступает метафора, которая в когнитивной лингвистике трактуется как фундаментальная операция мышления, позволяющая осмыслить абстрактную и сложную сферу исторического бытия через обращение к конкретному чувственному и культурному опыту. Метафорическое моделирование выполняет ключевую креативную функцию: оно конструирует ментальные пространства, «населяя» прошлое событиями, мотивами и причинно-следственными связями, превращая хаотичный поток информации в структурированный нарратив. Особое место в этом процессе занимает театральная метафора, уходящая корнями в европейскую культурную традицию (от ренессансного трактата Кастильоне и шекспировской формулы «мир — театр» до философских обобщений Шеллинга и Ницше). Ее устойчивость и продуктивность в историографии обусловлены способностью представлять сложные, протяженные во времени процессы как целостное, драматургически организованное действо (спектакль) с четко распределенными ролями, сценами, актами и морально-эстетической оценкой.

Анализ конкретного историографического материала подтвердил функциональную многогранность театральной метафоры. Она может выступать как скрытый каркас нарратива, структурируя изложение по законам драмы (завязка, кульминация, развязка), или как явный сравнительный конструкт, акцентирующий условность исторической реконструкции. Через систему образов (актер, роль, сценарий, режиссер, зритель) метафора позволяет историку дать лаконичную и емкую характеристику деятельности исторических личностей, оценить их успехи или просчеты, показать взаимодействие личной воли и объективного «сценария» эпохи. Таким образом,

концептуальная метафора «история — это театр» служит не просто стилистическим украшением, а действенным инструментом исторического объяснения и понимания.

Вместе с тем, исследование выявляет и методологические границы данного подхода. Использование театральной метафоры несет в себе риски излишней драматизации, упрощения многофакторной исторической действительности и подмены объективного анализа субъективной эстетической или моральной оценкой «спектакля». Историк, применяющий такие мощные образные средства, должен учитывать дискурсивную природу своей аудитории, ее ценностные ориентиры и культурный бэкграунд, чтобы избежать смысловых конфликтов и неадекватной интерпретации. В конечном итоге, когнитивное моделирование через театральную метафору выполняет важнейшую гуманитарную функцию: оно превращает «окаменевшее» прошлое из объекта холодного изучения в часть живого опыта понимания, позволяя каждой новой эпохе заново «разыгрывать» исторические события на сцене современного сознания, тем самым обеспечивая непрерывный диалог между прошлым и настоящим, который и составляет суть исторического сознания. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сопоставительном анализе театральной метафоры с другими концептуальными моделями исторического дискурса (например, механистической, органической или архитектурной), а также в изучении ее национально-культурной специфики в различных историографических традициях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольные категории / Н.Н. Болдырев // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 16–35.
2. Дебор Г.-Э. Общество спектакля / Г.-Э. Дебор ; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: Радек, 2000. — 224 с.
3. Зарипов Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе / Р.И. Зарипов. — М.: ООО «Р. Валент», 2016. — 220 с.
4. Ирисханова О.К. Коммуникативное событие «обмен экспертными знаниями»: опыт лингвокогнитивного моделирования / О.К. Ирисханова, Ю.Б. Мотро // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. — 2009. — № 557. — С. 147–168.
5. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2013. — 320 с.
6. Керимов Р.Д. Театральная метафора в немецком политическом дискурсе (когнитивный аспект) / Р.Д. Керимов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 3 (24). — С. 206–216.
7. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М.: Наука, 1980. — 486 с.
8. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный ; отв. ред. Е.С. Кубрякова ; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1991. — 240 с.
9. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 34–47.
10. Кубрякова Е.С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) / Е.С. Кубрякова // Когнитивная семантика : материалы Второй Междунар. школы-семинара. — Тамбов: ТГУ, 2000. — Ч. 1. — С. 6–8.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
12. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 12–51.
13. Миньяр-Белоручева А.П. Когнитивные методы анализа исторического дискурса / А.П. Миньяр-Белоручева // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 2(53). — С. 286–293. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53215316 (дата обращения: 15.02.2026).
14. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. — Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt (дата обращения: 10.01.2026).

15. Сейбель Н.Э. Жизнь есть театр. Эволюция тезиса от XVII века к XX столетию / Н.Э. Сейбель // Мировая культура XVII-XVIII веков как метатекст: дискурс, картина, стиль : материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — № 26. — С. 66–69.
16. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. — М.: Тривола, Либерея, 2002. — 600 с.
17. Castiglione B. The Book of the Courtier [Electronic Resource] / B. Castiglione. — Mode of access: https://archive.org/details/bookcourtierfio01castgog/page/n4/mode/2up (date of access: 05.02.2026).
18. Fauconnier G. Mental Spaces / G. Fauconnier. — Cambridge: MIT Press, 1985. — 190 p.
19. Gaddis J. The landscape of History / J. Gaddis. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 192 p.
20. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
21. Roberts J.M. The History of the World / J.M. Roberts, O.A. Westard. — 6th edition. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 1260 p.
22. Schelling F.W.J. System of Transcendental Idealism / F.W.J. Schelling ; tr. P. Heath, intr. M. Vater. — Charlottesville, VA, 1978. — [Цит. по: Theatre as a Metaphor / ed. by E. Penskaya, J. Kupper. — Berlin/Boston: De Gruyter, 2019. — 240 p.].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

23. Davies N. Europe: A History / N. Davies. — London: Pimlico, 1992. — 1392 p.
24. Morton A.L. A Peoples History of England / A.L. Morton. — London: Lawrence and Wishart LTD, 1976. — 565 p.
25. Shakespeare W. As You Like It [Electronic Resource] / W. Shakespeare. — Act II, Scene VII, Line 139. — Mode of access: http://shakespeare.mit.edu/asyoulikeit/full.html (date of access: 15.02.2026).

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2000). Kognitivnyy podkhod k izucheniyu glagola i glagol'nyye kategorii [Cognitive approach to the study of the verb and verbal categories]. In Traditsionnyye problemy yazykoznaniya v svete novykh paradigm znaniya (pp. 16–35). Moscow: In-t yazykoznaniya RAN. (In Russian)
2. Debor, G.-E. (2000). Obshchestvo spektaklya [The Society of the Spectacle] (S. Ofertas & M. Yakubovich, Trans.). Moscow: Radek. (In Russian)
3. Zaripov, R. I. (2016). Metaforicheskoye modelirovaniye obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse [Metaphorical modeling of the image of Russia in modern French political discourse]. Moscow: OOO «R. Valent». (In Russian)
4. Irisxanova, O. K., & Motro, Yu. B. (2009). Kommunikativnoye sobytiye «obmen ekspertnymi znaniyami»: opyt lingvokognitivnogo modelirovaniya [Communicative event "exchange of expert knowledge": an experience of linguocognitive modeling]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Yazykoznaniye, 557, 147–168. (In Russian)
5. Karasik, V. I. (2013). Yazykovaya matritsa kul'tury [The language matrix of culture]. Moscow: Gnozis. (In Russian)
6. Kerimov, R. D. (2013). Teatral'naya metafora v nemetskom politicheskom diskurse (kognitivnyy aspekt) [Theatrical metaphor in German political discourse (cognitive aspect)]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 3(24), 206–216. (In Russian)
7. Kollingvud, R. Dzh. (1980). Ideya istorii. Avtobiografiya [The Idea of History. An Autobiography]. Moscow: Nauka. (In Russian)
8. Kubryakova, E. S., Shakhnarovich, A. M., & Sakharnyy, L. V. (1991). Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdeniye rechi [The human factor in language. Language and speech production]. Moscow: Nauka. (In Russian)
9. Kubryakova, E. S. (1994). Nachal'nyye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka [The initial stages of the formation of cognitivism: linguistics — psychology — cognitive science]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 34–47. (In Russian)
10. Kubryakova, E. S. (2000). V nachale XXI veka (razmyshleniya o sud'bakh kognitivnoy lingvistiki) [At the beginning of the 21st century (reflections on the fate of cognitive linguistics)]. In Kognitivnaya semantika: materialy Vtoroy Mezhdunar. shkoly-seminara (Vol. 1, pp. 6–8). Tambov: TGU. (In Russian)
11. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way to acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)
12. Lakoff, Dzh. (1988). Myshleniye v zerkale klassifikatorov [Thinking in the mirror of classifiers]. In Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23: Kognitivnyye aspekty yazyka (pp. 12–51). Moscow: Progress. (In Russian)

13. Min'yar-Belorucheva, A. P. (2023). Kognitivnyye metody analiza istoricheskogo diskursa [Cognitive methods of historical discourse analysis]. Kognitivnyye issledovaniya yazyka, 2(53), 286–293. Retrieved from https://elibrary.ru/item.asp?id=53215316 (In Russian)
14. Ortega-i-Gasset, Kh. (n.d.). Dve glavnyye metafory [The Two Great Metaphors]. Retrieved from http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt (In Russian)
15. Sejbel', N. E. (2002). Zhizn' est' teatr. Evolyutsiya tezisa ot XVII veka k XX stoletiyu [Life is a theatre. The evolution of the thesis from the 17th to the 20th century]. In Mirovaya kul'tura XVII-XVIII vekov kak metatekst: diskurs, kartina, stil': materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Vos'myye Lafontenovskiye chteniya» (No. 26, pp. 66–69). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo. (In Russian)
16. Solso, R. L. (2002). Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive Psychology]. Moscow: Trivola, Libereya. (In Russian)
17. Castiglione, B. (n.d.). The Book of the Courtier. Retrieved from https://archive.org/details/bookcourtierfio01castgog/page/n4/mode/2up
18. Fauconnier, G. (1985). Mental Spaces. Cambridge: MIT Press.
19. Gaddis, J. (2002). The Landscape of History. Oxford: Oxford University Press.
20. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago; London: University of Chicago Press.
21. Roberts, J. M., & Westard, O. A. (2013). The History of the World (6th ed.). Oxford: Oxford University Press.
22. Schelling, F. W. J. (1978). System of Transcendental Idealism (P. Heath, Trans.; M. Vater, Intr.). Charlottesville, VA. (Cited in Penskaya, E., & Kupper, J. (Eds.). (2019). Theatre as a Metaphor. Berlin/Boston: De Gruyter.)

Поступила в редакцию 09.03.2026 г.

METAPHORIC MODELING OF HISTORICAL DISCOURSE: THEATRICAL METAPHOR AS A METHODOLOGICAL TOOL

M.A. Rusanova, A.V. Zinkovskaya

The article deals with the study of the problem of reconstruction and understanding of the historical past through the prism of metaphoric modeling. The focus is made on the methodology of cognitive-discourse analysis applied to historical narrative. The main method is cognitive modeling, which is applied to identify and analyze deep conceptual structures that organize historical discourse. The research material is based on historiographical texts from various eras, in which the dominant role of metaphor, in particular, theatrical, is traced. As a result, it is proved that metaphor serves as a key tool for constructing cognitive models of the past, and theatrical metaphor is a stable conceptual model that forms mental spaces for understanding the historical process. The study reveals the heuristic potential and methodological boundaries of this approach, revealing the mechanisms of meaning formation in the historical text and their relationship to the perception and cognitive structures of the audience.

Keywords: cognitive, method, model, analysis, historical discourse, metaphor, theatrical metaphor, historical consciousness, cognitive modeling, historical narrative.

Русанова Мария Александровна.
Средняя общеобразовательная школа № 7 имени Л.И. Севрюкова, г. Анапа, Российская Федерация.
Учитель английского языка, соискатель.
ORCID: 0000-0002-6577-4643.
E-mail: marija.rusanova2011@yandex.ru

Зиньковская Анастасия Владимировна.
Доктор филологических наук, профессор.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация.
Преподаватель.
ORCID: 0000-0003-3742-5064.
E-mail: anastassiat@rambler.ru

Rusanova Maria Alexandrovna
Secondary School No. 7 named after L.I. Sevryukov, Anapa, Russian Federation.
Teacher of English, post-graduate student
ORCID: 0000-0002-6577-4643.
E-mail:marija.rusanova2011@yandex.ru

Zinkovskaya Anastasia Vladimirovna.
Doctor of Philology, Professor.
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation.
Teacher. Professor.
ORCID: 0000-0003-3742-5064.
E-mail: anastassiat@rambler.ru

Научная статья
УДК: 811.111-26
DOI: 10.5281/zenodo.21109640

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ В МЕДИАНАРРАТИВЕ

© 2026 *Т. Ю. Тамерьян*[1], *Е. Э. Кусаева*[2]
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
ORCID[1] 0000-0001-8109-1052
ORCID[2] 0000-0002-9105-1289

В статье исследуются профайлинговые методы репрезентации персонажа в криминальном медианарративе. На материале двух репортажей (*Daily Mail и CNN*), посвященных убийству Алекса Претти, выявляются и описываются случаи внешней, внутренней и нулевой фокализации. В основе методологии лежит комплексный подход, синтезирующий нарратологический, семиотический, профайлинговый, а также сравнительно-сопоставительный и контент-анализ. Исследование демонстрирует, как нарративные механизмы формируют конфликтующие профили участников событий. Установлено, что *Daily Mail* конструирует преимущественно образ «агрессивного активиста», акцентируя поведение жертвы за 11 дней до трагедии, тогда как *CNN* фокусируется на криминалистическом анализе момента стрельбы, создавая профиль «непрофессиональных силовиков» и переводя Претти в категорию жертвы. Делается вывод о том, что фокализация выступает ключевым инструментом селекции и акцентуации черт, определяющим интерпретационную рамку события.

Ключевые слова: медиакоммуникация, криминалистический профайлинг, нарративный прием, фокализация, криминальный медианарратив.

Для цитирования: Тамерьян Т. Ю. Профайлинг в криминальном медианарративе / Т. Ю. Тамерьян, Е. Э. Кусаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 25–34. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21109640.

Введение. Современное медиапространство характеризуется беспрецедентным разнообразием форм и каналов коммуникации, в центре которых неизменно остается человек — как субъект повествования, объект репрезентации и агент социального действия. Персонаж в широком смысле слова (от литературного героя до реального участника новостного события, сконструированного медиа) выступает ключевым элементом, организующим восприятие аудиторией любого медийного сообщения. Вопрос о том, как именно создается образ персонажа, какие средства и приемы задействованы в этом процессе, приобретает особую актуальность в эпоху, когда границы между документальным и вымышленным, реальным и сконструированным становятся все более проницаемыми, а трансмедийный характер современных персонажей требует пересмотра классических аналитических инструментов.

В этом контексте особую значимость приобретает понятие нарративной идентичности, понимаемое как идентичность личности, конструируемая через нарратив, т.е. человек становится рассказчиком собственной жизни, а самость обретает форму только в процессе повествования. Данная концепция применительно к медийному персонажу означает, что его образ не дан заранее, а формируется в результате отбора и организации событий, которые затем предъявляются аудитории в определенной последовательности и с определенной точки зрения. Таким образом, медийные нарративы не просто транслируют факты, они активно конструируют идентичность, предлагая читателю готовые схемы для категоризации и оценки участников событий.

Исследователи вопросов репрезентации и анализа персонажа предлагают разные подходы. Так Йэнс Эдер рассматривает персонаж в четырех измерениях, что позволяет интегрировать диегетический, нарративный и социокультурный анализ: **персонаж как репрезентируемое существо, персонаж как символ, персонаж как симптом, персонаж как артефакт** [4]**.** Тобиас Кунц и Лукас Р.А. Вильде предлагают методологический инструментарий для анализа персонажей, существующих в различных медиа (фильмы, сериалы, комиксы, видеоигры, даже нон-фикшн). Ключевая инновация заключается в том, что актантные роли рассматриваются не как статичные, а как **динамически распределенные** по различным медиаплатформам и версиям персонажа. Кунц и Вильде подчеркивают, что актантные функции реализуются **разными средствами в разных медиа** [10]. В трактовке Ирвинга Гофмана теория фреймов является ключевым инструментом для изучения медиаконструирования реальности. Применительно к персонажам фрейминг проявляется в том, что медиа не столько отражают действительность, сколько создают образы персонажей, внедряя их в заданные интерпретационные схемы. К числу основных инструментов такого конструирования относятся тональность сообщения, наделение субъекта конкретными качествами, его включение в устойчивые ролевые модели (жертвы, героя, преступника и т.д.), а также контекстуализация [7]. Развивая представления о конструируемой природе медиареальности, С. Холл в рамках теории кодирования/декодирования обосновал, что репрезентация представляет собой не пассивное отражение действительности, а активный процесс производства значений, опосредованный культурными кодами. Ключевым вкладом данного подхода является постулат о гетерогенности аудитории: в зависимости от социального контекста и культурного опыта зрители могут занимать различные позиции по отношению к транслируемому сообщению — доминантную (полное принятие предлагаемого кода), оппозиционную (его сознательное отвержение) или согласованную (negotiated), сочетающую принятие общей логики с локальными коррективами. Данная теоретическая рамка позволяет объяснить вариативность интерпретации одних и тех же медиаперсонажей различными сегментами аудитории [8].

В фокусе настоящего исследования находится криминальный медианарратив, где одним из ключевых понятий является криминалистический профайлинг личности как комплекс методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации на основе анализа невербального, вербального и субвербального поведения субъекта [1, с. 25]. Цель такого профайлинга — отнесение человека к определенному типу/профилю. Этот подход детально разработан в невербальной семиотике Г.Е. Крейдлина, где выделяются десять аспектов анализа: паралингвистика, кинесика, окулесика, гаптика, проксемика и др. [3].

Исследователи медийного нарратива разработали свой подход к проблеме создания профиля персонажа. В их трактовке профайлинг — это практика создания портретных очерков, которая, как отмечают Сью Джозеф и Ричард Лэнс Кибл, долгое время считалась «мягкой» журналистикой или PR-активностью, но в действительности представляет собой «контестное пространство», в котором сталкиваются различные интересы, стратегии репрезентации и интерпретационные рамки. Именно этот конфликтный потенциал делает профайл идеальным объектом для анализа того, как медиа конструируют образы реальных людей [9].

Для достижения цели настоящего исследования релевантен синтез **первого и второго подходов:** профайлинг как **медиапрактика конструирования образа**

персонажа через селективное выделение и акцентуацию определенных поведенческих, визуальных и биографических характеристик.

Материал и методы. Цель статьи заключается в выделении и описании профайлинговых методов репрезентации персонажа в криминальной медиакоммуникации посредством механизма фокализации как нарративного приема. Материалом для анализа служат репортажи из криминальной хроники английского интернет-сайта британской ежедневной газеты *Daily Mail и* американского новостного канала *CNN,* повествующие об убийстве демонстранта представителями федеральной власти США 24 января 2026: *"Alex Pretti spits at ICE agents and smashes federal SUV's tail light in shocking footage taken 11 days before he was shot dead"* [11]. — *«Алекс Претти плюет в сотрудников иммиграционной службы (ICE) и крушит заднюю фару правительственного внедорожника. Шокирующее видео было записано всего за 11 дней до того, как его застрелили»* (здесь и далее по тексту перевод автора Кусаевой Е.Э.), опубликованный 30 января 2026 года, а также "*How two federal agents escalated an encounter with Alex Pretti into a deadly shooting"* [12].— ***«Как двое федеральных агентов довели столкновение с Алексом Претти до стрельбы на поражение»,*** опубликованный 30 января 2026 года. Общий объем анализируемого текста составляет 4300 словоупотреблений. В основе методологии лежит комплексный подход, синтезирующий нарратологический, семиотический и профайлинговый анализ, а также сравнительно-сопоставительный и контент-анализ.

Для повышения репрезентативности выборки нами дополнительно проанализированы сопутствующие материалы, опубликованные на тех же платформах в период с 25 по 31 января 2026 года, включая видеокомментарии экспертов, публичные заявления официальных лиц и посты в социальных сетях, на которые ссылаются авторы репортажей. Это позволило реконструировать полную дискурсивную среду, в которой формировались профайлинговые характеристики участников.

Особое значение для настоящего исследования имеет разработанное Ж. Женеттом понятие фокализации — способа организации повествования, определяющего, «чьими глазами» читатель/зритель воспринимает события [7]. Исследователь выделяет три основных вида фокализации: нулевая, внутренняя и внешняя. В первом случае взгляд нарратора ничем не ограничен, он видит (знает) все. Во втором его кругозор определяется полем зрения персонажа — повествуемая реальность доступна лишь изнутри его восприятия. Наконец, в третьем случае нарратор по уровню информационной компетентности значительно уступает герою, не имея возможности проникнуть в его сознание («бихевиористская» манера рассказывания) [2, с. 207]. Вслед за Мике Баль мы рассматриваем фокализацию не просто как нарративную технику, но как отношение между субъектом восприятия (фокализатором) и конструируемым в этом восприятии объектом. Это позволяет операционализировать понятие профайлинга: различные фокализаторы в медиатексте (внешний наблюдатель, свидетель, автор) выступают агентами профайлинга, селективно акцентируя определенные черты персонажа и тем самым формируя его профиль в рамках заданной интерпретационной рамки. В новостных репортажах фокализация может быть реализована через выбор интервьюируемых свидетелей, использование видео с определенных ракурсов, акцентирование тех или иных деталей [4, с. 190].

Основная часть. Анализ исследовательского материала позволяет выделить три основных типа фокализации. Внешняя фокализация является наиболее объективной, так как реализуется посредством записи с камер наблюдения или со слов сторонних наблюдателей: повествование фиксирует внешние наблюдаемые действия персонажа:

“In the new video, Pretti is ***seen wearing an identical brown outfit*** *to the one the nurse wore on the day of his death.” — «На новом видео Претти одет в тот же самый коричневый костюм, который был на медбрате в день его гибели».* В данном отрывке обнаруженная внешняя фокализация определяет личность посредством установления связи между двумя событиями — протестом, произошедшим за одиннадцать дней до этого, и днем убийства. Роль Алекса Претти в качестве протестующего демонстрирует последовательность и неизменность его поведения. Подобное фактическое основание служит для подкрепления нарратива о том, что «он оставался тем же человеком». *“The clip begins with him* ***angrily spitting at the window of the Ford Expedition*** *SUV...” — «Ролик начинается с того, что он в гневе плюет на окно внедорожника Форд...».* В отрывке представлен **акт вербальной и физической агрессии.** Профайлинг фиксирует, что объект агрессии — не конкретный человек, а символ власти (машина федералов). “*As the Ford begins to pull away,* ***the furious agitator angrily kicks its tail light, shattering it****.” — «Когда Форд начинает отъезжать, разъяренный провокатор в ярости пинает его задний фонарь, разбивая его вдребезги».* Внешний фокус, передающий буйное поведение через объектив, переплетается с субъективной оценкой создателя текста (определяющего Алекса как "разъяренного провокатора"). Это создает образ человека, склонного к порче имущества в состоянии эмоционального возбуждения.

Детальное рассмотрение внешней фокализации в материалах Daily Mail раскрывает еще одну грань: временная организация видео (выпуск через 11 дней после событий) порождает ощущение предопределенности. Заснятые камерой вспышки гнева Претти формируют контекст для последующего освещения его смерти. Такой подход к монтажу выступает инструментом для создания профиля: прошлые поступки косвенно проецируются на момент трагедии, даже при отсутствии прямого видеоподтверждения агрессии в день гибели.

В медиа репортаже со ссылкой на *CNN* результаты экспертиз конкретизируют внешнюю фокализацию: *“CNN’s analysis of video shows that one* ***agent fired a flurry of rounds at Pretti’s incapacitated body*** *after a brief pause in the commotion and after officers had backed away.” — «Экспертиза видео, проведенная CNN, указывает на то, что один агент выпустил серию пуль по обездвиженному телу Претти после короткой паузы в суматохе и после того, как другие офицеры отошли назад».* Фрагмент содержит криминалистическую экспертизу, поскольку здесь заключены ключевые детали для правовой оценки: состояние жертвы *("incapacitated" / "обездвиженное"),* пауза, отход других офицеров. Этот факт не характеризует самого Претти, но критически важен для профайлинга *ситуации*. Он переводит Претти из категории «агрессор» в категорию «жертва», против которой применена сила, неадекватная угрозе. *“Video shows that in the seconds before Pretti is shot, the 37-year-old ICU nurse* ***grabs the observer’s backpack*** *when he is pulled to the ground by a group of agents.* ***In his right hand, he’s holding a cellphone****.” — «Видео показывает, что за секунды до того, как в Претти выстрелили, 37-летний медбрат отделения интенсивной терапии хватается за рюкзак наблюдателя, когда группа агентов валит его на землю. В правой руке у него — сотовый телефон».* Внешняя фокализация содержит **ключевой факт, опровергающий официальную версию.** Фиксация простого, наблюдаемого факта (в руке телефон) напрямую противоречит утверждению, что Претти угрожал оружием. Для профайлинга это улика поведения *(behavioral evidence)* и характеризует его намерения как оборонительные, а не наступательные.

Данные экспертиз: *“There is* ***no evidence that he brandished the weapon during the confrontation, according to multiple videos reviewed by CNN****.” — «Нет никаких*

доказательств того, что он угрожал оружием во время конфронтации, согласно многочисленным видео, изученным CNN». Здесь обобщаются данные, полученные путем внешнего наблюдения (из видео), и формулируется окончательный вердикт, имеющий юридический вес. Профиль Претти — человек, имеющий при себе оружие (легально), но не использующий его для угроз.

Синтез выделенных примеров внешней фокализации позволяет создать следующий профиль Алекса Претти: ролевая идентичность — устойчивый последовательный активист; модель агрессии — демонстрирует вербальную и физическую агрессию, направленную на символы власти (машина, униформа), а не на конкретных людей. Склонен к импульсивным, эмоциональным действиям (плевок, удар по машине). Поведение в критической ситуации имеет оборонительный и неагрессивный характер: он хватается за рюкзак, в руке у него телефон. Оружие не используется и не демонстрируется. Криминалистический вердикт — на основе данных внешней фокализации (видео) устанавливается, что Претти не совершал действий, которые могли бы быть расценены как угроза применения оружия.

Выявленная внешняя фокализация служит не просто для описания событий, а для сбора объективных данных, на основе которых строится профиль личности и дается юридическая оценка её действиям.

В анализируемых криминальных медианарративах *Daily Mail* и *CNN* случаи внутренней фокализации можно разделить на две группы: первая формирует образ Алекса Претти, вторая — образ федеральных агентов. Для криминалистического профайлинга важны обе группы, так как они раскрывают мотивы, состояние и роли участников.

Внутренняя фокализация в репортаже *Daily Mail,* направленная на профайлинг Алекса Претти, раскрывает эмоциональное состояние: *"...with Pretti heard screaming 'F*****g trash' at officers." — «...слышно, как Претти кричит на офицеров: «Г*****й мусор».* Вербальная агрессия указывает на крайнюю степень враждебности и презрения к представителям власти в тот момент. Такой аспект профайлинга как **интерпретация мотивов и статуса жертвы репрезентирован в цитате** адвоката Шлейхера: *"A week before Alex **was gunned down in the street** — despite posing no threat to anyone — **he was violently assaulted by a group of ICE agents**." «За неделю до того, как Алекса застрелили на улице — хотя он не представлял угрозы ни для кого — он был жестоко избит группой агентов **Иммиграционной и таможенной службы США»)**.* Адвокат представляет Претти как невиновную жертву неспровоцированной агрессии, что важно для понимания образа, который семья и защита стремятся создать. Профайлинговая характеристика полярной оценки личности: *"Trump officials initially attempted to portray Pretti as a **'domestic terrorist**..." — «Официальные лица Трампа изначально пытались представить Претти как «внутреннего террориста».* **Фокализация** показывает, как другая сторона конструирует образ Претти — как опасного преступника и врага.

Важно отметить, что внутренняя фокализация в *Daily Mail* реализуется в значительной степени через цитирование официальных источников и адвоката, создавая иллюзию многоголосия. Однако выбор цитат носит селективный характер: отсутствуют высказывания, которые могли бы представить действия агентов в критическом ключе. Это позволяет изданию сохранять формальную нейтральность, одновременно конструируя профиль Претти как социально опасного субъекта.

В криминальном репортаже *CNN* внутренняя фокализация направлена на конструирование такой профайлинговой черты как альтруистический мотив и роль

защитника: *“Pretti can be heard saying, “**Hey, do not push them into the traffic**!” — «Слышно, как Претти говорит: «Эй, не толкайте их на дорогу!».* Для профайлинга это важнее, чем эмоциональные оценки, так как показывает его действие и заботу о других.

Внутренняя фокализация, формирующая образ агентов, в репортаже *CNN* выявлена в цитатах эксперта Дебора Флейшакер, содержащей оценку тактики и намерений: *“Instead of doing that, they’re **leaning into the ways that they can escalate.**” — «Вместо этого они делают всё, чтобы эскалировать ситуацию».* Профессиональная характеристика действий агентов как сознательного выбора в пользу агрессии, а не деэскалации. *“The officer in the tan beanie **repeatedly hits Pretti in the head with the pepper spray canister.**” — «Офицер в бежевой вязаной шапке неоднократно бьет Претти баллончиком с перцовым спреем по голове».* Профайлинг конкретных действий указывает на их жестокость, выход за рамки необходимой силы, нанесение ударов в уязвимую область. Эксперт Скотт Муртгос анализирует чрезмерную силу: *“I’m extremely concerned by the second volley... I do not understand how one could reasonably **explain those additional shots**…” — «Я крайне обеспокоен вторым залпом... Я не понимаю, как можно разумно объяснить эти дополнительные выстрелы...»*. Эксперт указывает на необъяснимый с точки зрения самообороны характер второго залпа по уже обездвиженному человеку. Экс-агент ФБР Майк Герман выявляет нарушение правил безопасности: *“That’s problematic and **quite dangerous to their fellow agents.**” — «Это проблематично и довольно опасно для их коллег».* Бывший агент указывает на то, что стрельба велась без учета расположения других агентов, что говорит либо о панике, либо о крайней непрофессиональности. *“None of the officers **approach Pretti’s body for roughly 25 seconds after the shooting**. ... He [officer in black beanie] watches from there as EMS administers first aid. **He doesn’t appear to ever approach Pretti’s body.**” — «Никто из офицеров не подходит к телу Претти примерно 25 секунд после стрельбы. ... Он [офицер в черной шапке] наблюдает оттуда, как фельдшеры оказывают первую помощь. Он, кажется, так и не подходит к телу Претти».* В данном фрагменте выявлен профайлинг пост-криминального поведения офицеров: дистанцирование стрелка от жертвы, неоказание помощи сразу после стрельбы может указывать на шок, безразличие или попытку дистанцироваться от содеянного.

Сравнение подборки экспертов в *CNN* (бывшие сотрудники ФБР, профильные аналитики, юристы) и в *Daily Mail* (преимущественно адвокат семьи и официальные представители) указывает на различие в стратегии легитимации профайлинговых характеристик. *CNN* опирается на институционально признанных экспертов, что придает выводам о непрофессионализме агентов статус объективной экспертизы, тогда как *Daily Mail* использует экспертные высказывания для поддержки уже сформированной интерпретационной рамки.

Таким образом из примеров внутренней фокализации складываются два противоположных профиля Претти: агрессивный протестующий, использующий вербальные оскорбления, но в критический момент действующий как защитник других (пытается предотвратить их попадание под машины) и не проявляющий угрозы оружием (руки заняты телефоном и рюкзаком). Его действия до стрельбы (за 11 дней) создают контекст, но непосредственное поведение в момент гибели не соответствует образу «террориста». Профиль агентов: демонстрируют сознательную эскалацию (выбор не отступать, а нападать), применение чрезмерной и неоправданной силы (удары по голове лежачего, второй залп), нарушение правил безопасности (стрельба без учета позиции коллег) и отстраненное пост-криминальное поведение (неоказание помощи, уход с места).

Нулевая фокализация с точки зрения профайлинга персонажа, т.е. когда автор или камера сообщают читателю/зрителю больше, чем может знать или видеть конкретный участник события, и часто дают объективное, «внешнее» описание, является менее частотной по сравнению с описанными видами фокализации. Однако, выявленные случаи нулевой фокализации играют существенную роль в криминалистическом профайлинге Алекса Претти и агентов. Фрагмент из репортажа *Daily Mail* фокусируется на действиях Претти: *"The clip begins with him* ***angrily spitting*** *at the window of the Ford Expedition SUV filled with federal officers conducting raids to arrest illegal migrants, with Pretti* ***heard screaming 'F*****g trash' at officers****. As the Ford begins to pull away,* ***the furious agitator angrily kicks its tail light, shattering it.****" — «Клип начинается с того, что он в гневе плюет в окно Ford Expedition, набитого федералами, проводящими рейды по аресту нелегальных мигрантов, при этом Претти кричит на офицеров: "Г*****й мусор". Когда Ford начинает отъезжать, разъяренный зачинщик беспорядков в ярости пинает задний фонарь, разбивая его вдребезги».* В примере репортер выступает в роли всеведущего наблюдателя. Мы не знаем, что в этот момент чувствует Алекс Претти или, о чем думают агенты в машине. Читатель видит «чистое действие», описанное с акцентом на эскалацию агрессии. Это поведение попадает под категорию «активный протест с высоким риском физической конфронтации» и характеризует его как личность, не контролирующую импульсы в момент фрустрации.

Выявленный фрагмент с нулевой фокализацией из репортажа *CNN* акцентирует внимание на действиях агентов: *"Video shows the agent in the tan beanie* ***repeatedly shoving observers****... Pretti can be heard saying, 'Hey, do not push them into the traffic!'* ***The agent shoves the observer again****, and then turns his attention to Pretti, pushing him out of the way* ***before shoving the observer to the ground****. Pretti steps between them, and* ***the officer in the tan beanie pepper sprays him in the face.****" — «На видео видно, как агент в бежевой вязаной шапке неоднократно толкает наблюдателей... Слышно, как Претти говорит: "Эй, не толкайте их на дорогу!" Агент снова толкает наблюдателя, а затем переключает внимание на Претти, отталкивая его в сторону, прежде чем повалить наблюдателя на землю. Претти вступается между ними, и офицер в бежевой шапке распыляет ему в лицо перцовый баллончик».* Представленный отрывок, фиксирующий последовательность действий объективно, как в протоколе, без проникновения в мысли агентов, важен для понимания паттернов поведения силовиков: градация силы (толчки), игнорирование вербальной коммуникации, провокация эскалации (применение перцовки как катализатор конфликта). С точки зрения профайлинга, такое поведение характерно для сотрудника, который либо не обучен деэскалации, либо находится в состоянии стресса и воспринимает любые действия толпы как угрозу, требующую немедленного «силового подавления».

Различия в профайлинге персонажей в *Daily Mail* и *CNN* обусловлены как выбором фокализации, так и общей редакционной стратегией. Сравнительно-сопоставительный анализ обоих изданий позволил выделить основные критерии профайлингового различия: доминирующий фокус, профиль Алекса Претти, профиль федеральных агентов.

Так, приоритетным фокусом для *Daily Mail* служит контекст прошлого (инцидент за 11 дней), в то время как *CNN* акцентирует внимание на деталях момента (день убийства). Профиль Алекса Претти, сконструированного авторами репортажа из *Daily Mail* — «агрессивный активист/провокатор». Данный профайл служит обоснованием контекста и конструируется через внешнюю и внутреннюю фокализацию с использованием оценочной лексики, номинаций вербальной и физической агрессии.

Профайл Претти от *CNN* — «защитник / жертва обстоятельств», формируется через детализацию его действий в момент ареста и результатов криминалистики. В репортаже *Daily Mail* профиль федеральных агентов как обобщенного символа власти, на который направлена агрессия, дан через призму действий Алекса Претти. Для корреспондентов *CNN* агенты как «непрофессиональные / эскалирующие силовики» являются ключевым объектом профайлинга. Через внешнюю и внутреннюю фокализацию дан подробный анализ их тактики и поведения. Основная цель профайлинга для авторов *Daily Mail* — создание конфликтного контекста, акцентируя ранние агрессивные действия жертвы, что позволяет представить ситуацию как неоднозначную. *CNN,* напротив, применяет профайлинг как инструмент криминалистического расследования, детально препарируя действия агентов и поведение Претти в роковые секунды. В результате формируются два различных образа одного человека и диаметрально противоположные оценки действий представителей закона. Это подтверждает тезис о том, что профайлинг в медиа — это не объективное отражение личности, а конструируемая модель, подчиненная задачам конкретного издания.

Заключение. Результаты проведенного анализа показали, что криминалистический профайлинг в медианарративе представляет собой активную медийную практику конструирования личностных характеристик, реализуемую посредством механизма фокализации. Так, на материале криминальных репортажей, посвященных убийству Алекса Претти, выявлены внешняя, внутренняя и нулевая фокализации применительно к созданию образа персонажа. Внешняя фокализация, основанная на данных видеозаписей и показаниях свидетелей, составляет фактологическую основу для анализа поведения. Внутренняя фокализация отражает субъективные оценки и мотивы участников (адвокат семьи, эксперты). Нулевая фокализация объективирует последовательность действий и акцентирует ключевые моменты эскалации агрессии с обеих сторон. Значимым результатом работы стало выявление и сравнение профайлинговых стратегий двух изданий. Daily Mail создает полярный и контекстуально нагруженный портрет Алекса Претти, в то время как фокус CNN направлен на криминалистическое профилирование действий агентов, благодаря чему издание занимает позицию следствия. Данный вывод указывает на то, что медийный профайлинг связан с фреймингом события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арпентьева М.Р. Экспертный профайлинг как сфера профессиональной деятельности психолога-практика // Психологические науки. — 2016. — № 3. — С. 20–31.
2. Женетт Ж. Фигуры: В 2 томах. М.; Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.; Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
4. Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative (3rd ed.). University of Toronto Press, 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.academia.edu/43369770/Narratology_Introduction_to_the_Theory_of_Narrative_by_Mieke_Bal_z_lib_org_#outer_page_190 (дата обращения: 26.02.2026).
5. Eder J. Characters in Film and Other Media: Theory, Analysis, Interpretation. Open Book Publishers, 2025. — https://doi.org/10.11647/OBP.0283.
6. Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method. Cornell University Press, Ithaca and New York, 1980. — 285 p.
7. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience, Harvard University Press, 1974. — 586 p.
8. Hall S. Encoding/decoding // Media and cultural studies: Keyworks. Blackwell, 2006.P.163—173. — URL: https://spkb.blot.im/_readings/EncodingDecoding_HALL_1980.pdf. Accessed February 26, 2026.

9. Joseph S., Keeble R.L. Profile Pieces: Journalism and the 'Human Interest' Bias. Routledge, 2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315675893/profile-pieces-sue-joseph-richard-lance-keeble (дата обращения: 26.02.2026).
10. Kunz T., Wilde L. Transmedia Character Studies. Routledge, 2023. — 294 p. — https://doi.org/10.4324/9781003298793.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Alex Pretti spits at ICE agents and smashes federal SUV's tail light in shocking footage taken 11 days before he was shot dead. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.dailymail.co.uk/news/article-15507013/alex-pretti-death-video-border-patrol-agent-ice-protestor.html (дата обращения: 26.02.2026).
12. How two federal agents escalated an encounter with Alex Pretti into a deadly shooting. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://edition.cnn.com/2026/01/29/us/immigration-agents-shooting-alex-pretti-invs (дата обращения: 26.02.2026).

REFERENCES

1. Arpent'eva, M. R. (2016). Ekspertnyy profiling kak sfera professional'noy deyatel'nosti psikhologa-praktika [Expert profiling as a sphere of professional activity of a practicing psychologist]. Psikhologicheskie nauki, (3), 20—31. (In Russian)
2. Genette, G. (1998). Figury: V 2 tomakh [Figures: In 2 volumes]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. (In Russian)
3. Kreydlin, G. E. (2002). Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
4. Bal, M. (2009). Narratology: Introduction to the theory of narrative (3rd ed.). University of Toronto Press. Available at: https://www.academia.edu/43369770/Narratology_Introduction_to_the_Theory_of_Narrative_by_Mieke_Bal_z_lib_org_#outer_page_190. Accessed February 26, 2026. (In English).
5. Eder, J. (2025). Characters in film and other media: Theory, analysis, interpretation. Open Book Publishers. https://doi.org/10.11647/OBP.0283 (In English).
6. Genette, G. (1980). Narrative discourse: An essay in method. Ithaca, NY: Cornell University Press. (In English).
7. Goffman, E. (1974). Frame analysis: An essay on the organization of experience. Cambridge, MA: Harvard University Press. (In English).
8. Hall, S. (2006). Encoding/decoding. In Media and cultural studies: Keyworks (pp. 163—173). Blackwell. Available at: https://spkb.blot.im/_readings/EncodingDecoding_HALL_1980.pdf. Accessed February 26, 2026 (In English).
9. Joseph, S., & Keeble, R. L. (Eds.). (2016). Profile pieces: Journalism and the 'human interest' bias. Routledge. Available at: https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781315675893/profile-pieces-sue-joseph-richard-lance-keeble. Accessed February 26, 2026 (In English).
10. Kunz, T., & Wilde, L. R. A. (2023). Transmedia character studies (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003298793. (In English).

Поступила в редакцию 16.03.2026 г.

CRIMINAL PROFILING IN MEDIA NARRATIVES

T.Yu. Tameryan, E.E. Kusaeva

This article examines profiling methods of character representation in crime media narration. Based on the material of two reports (from the Daily Mail and CNN) about the murder of Alex Pretti, instances of external, internal, and zero focalization are identified and described. The methodology consists of an integrated approach, synthesizing narratological, semiotic, profiling, as well as comparative and content analysis. The study demonstrates the way the narrative mechanisms shape conflicting profiles of the event participants. It is established that the Daily Mail predominantly constructs the image of an "aggressive activist," emphasizing the victim's behaviour in the 11 days leading up to the tragedy, whereas CNN focuses on the forensic analysis of the moment of the shooting, creating a profile of "unprofessional security forces" and re-categorizing Pretti as a victim. The conclusion is made that focalization acts as a key tool for the selection and accentuation of traits, determining the interpretative framework of the event.

Keywords: media communication, forensic profiling, narrative device, focalization, crime media narration.

Тамерьян Татьяна Юльевна.
Доктор филологических наук.
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация.
Профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, факультет международных отношений.
ORCID 0000-0001-8109-1052.
E-mail: tamertu@mail.ru.

Кусаева Елена Эльбрусовна.
Кандидат филологических наук.
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей,
ORCID 0000-0002-9105-1289.
E-mail: lena_kusaeva@mail.ru

Tameryan Tatiana Yul'evna.
Doctor of Philology
Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation.

Professor at Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties, Faculty of International Relations.
ORCID 0000-0001-8109-1052.
E-mail: tamertu@mail.ru.

Kusaeva Elena El′brusovna.
Candidate of Philology.
Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation.

Assistant Professor, Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties.
ORCID 0000-0002-9105-1289.
E-mail: lena_kusaeva@mail.ru

Научная статья
УДК 811.111
DOI: 10.5281/zenodo.21109885

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕМ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ: ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД

© 2026 *Г. В. Файзиева*[1], *З. Р. Аглеева*[2]
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
ORCID[1] 0000-0002-0627-2045
ORCID[2] 0009-0005-3803-9052

Статья посвящена выявлению структурно-семантических особенностей фразем в субстандартной лексике разноструктурных языков с применением фреймового подхода. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления противоречия между универсальностью когнитивных механизмов человека и языковым разнообразием форм их объективации, а также отсутствием работ, рассматривающих субстандартную фразеологию сквозь призму фреймовой семантики. Цель работы — верификация гипотезы о том, что различия в структурной организации фразем в разноструктурных языках являются производными от способов фреймового структурирования ситуации, а не случайными расхождениями в лексико-грамматической форме. Используется метод направленной выборки, сравнительно-сопоставительный и концептуальный анализ отобранных фразеологических единиц, аналитико-описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения и интерпретации. Установлены универсальные для всех трех языков и дифференциальные черты субстандартной языковой объективации исследуемых фреймов. Выводы подтверждают, что субстандартная фразеология, в отличие от литературно-нормированной, с большей отчетливостью фиксирует оценочные и эмоциональные коннотации, связанные с фреймируемой ситуацией. Фреймовый подход позволяет констатировать межъязыковые структурно-семантические различия и предложить их когнитивно обоснованную интерпретацию через обращение к универсальным механизмам фреймирования и культурно-специфическим способам их языковой объективации.

Ключевые слова: фрейм, фреймовый подход, фреймовый анализ, фразеологизм, фразема, разноструктурные языки, структурно-семантические особенности, слот.

Для цитирования: Файзиева Г. В. Структурно-семантические особенности фразем в субстандартной лексике разноструктурных языков: фреймовый подход / Г. В. Файзиева, З. Р. Аглеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 35–49. — https://doi.org10.5281/zenodo.21109885/.

Введение. Современные лингвистические исследования характеризуются антропоцентрической, когнитивно обусловленной природой, что требует принципиально иного инструментария для анализа единиц вторичной номинации, таких как фраземы. Фразеологический фонд языка, долгое время изучаемый преимущественно в русле системно-структурной семантики, представляет собой уникальный материал для такого рода изысканий, поскольку фраземы аккумулируют не только лингвоспецифичные правила сочетаемости, но и культурно-маркированные сценарии восприятия действительности.

Настоящее исследование посвящено выявлению структурно-семантических особенностей фразем в субстандартной лексике разноструктурных языках посредством фреймового подхода. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления противоречия между универсальностью когнитивных механизмов человека и языковым разнообразием форм их объективации. В то время как традиционная компаративистика

сосредоточена на поиске эквивалентов или анализе безэквивалентной лексики, фреймовый анализ позволяет реконструировать глубинные пропозициональные структуры (слоты и терминалы), которые остаются инвариантными при варьировании поверхностных синтаксических и морфологических средств.

Применение фреймового анализа к материалу сопоставительной и контрастивной фразеологии открывает перспективы для выявления как универсальных, так и идиоэтнических механизмов фразеообразования. В работах исследователей фреймовая модель рассматривается как комплексное отражение семантики (А.М. Дибирова) [4], рассматриваются особенности репрезентации фрейма (Д.В. Девятияров) [3], фрейм представляется как способ и результат лексической категоризации (О.К. Жегалина) [6], как отражение научной картины мира (А.Г. Широколобова) [18], как структурный тип концепта (Н.А. Митусова) [12], как доминанта современного дискурса (С.И. Маджаева) [11] и как способ представления ценностных доминант концептосферы (Э.П. Чакалова, З.А. Фарамазян) [16], как средство описания объекта (Ли Ян) [9] и др. Фреймовый подход рассматривался как инструмент репрезентации дискурсивной ментальной деятельности человека (Т.В. Калюжная) [7], описания лингвокультурного кода (И.В. Дукальская) [5], систематизации терминологических знаний (С.И. Маджаева) [10], функционально-семантической характеристики современной английской музыкальной лексики (О.А. Алимурадов, О.В. Чурсин) [2]. Однако, структурно-семантические особенности субстандартных фразеологических единиц до настоящего времени через призму фреймового подхода не рассматривались, что еще раз подчеркивает перспективность настоящего исследования.

Мы предполагаем, что различия в структурной организации фразем в языках с аналитическим (например, английский) и синтетическим (например, русский, турецкий) строем являются производными от способов фреймового структурирования ситуации, а не случайными расхождениями в лексико-грамматической форме.

Методологическую базу составляют идеи Ч. Филлмора [15] по фреймовой семантике, труды исследователей Московской школы фразеологии (А.В. Кунин [8], В.Н. Телия [13], Н.М. Шанский [17]), а также разработки в области типологии языков. Материалом исследования послужила выборка фразем из авторитетных субстандартных словарей английского и русского языков [19; 20], словаря турецкого языка [18], репрезентирующих абсолютно не связанные между собой логически, а потому показательные фреймы «Гнев» (слот «интенсивность эмоционального состояния»), «Свадьба» (слоты «заключение брака», «соединение супругов», «ритуальное действо») и «Беззаботная жизнь» (слоты «защищенность», «отсутствие нужды», «пассивное потребление благ»). В работе использован метод направленной выборки, сравнительно-сопоставительный и концептуальный анализ отобранных фразеологических единиц, аналитико-описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения и интерпретации.

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на проблему переводимости идиом, а также создать типологию фразеологических единиц, где структура предстает не как жесткая форма, а как «след» когнитивной операции фреймирования. В работе обосновывается тезис, что даже при полном структурном несовпадении фразем в разноструктурных языках их фреймовая архитектура демонстрирует значительные зоны универсального сходства, что открывает перспективы для создания интегральных моделей описания языков.

Основная часть. Результаты исследования и их обсуждение.

В основе семантики языковых единиц любого уровня лежат когнитивные структуры, обеспечивающие процессы концептуализации и категоризации знаний.

Развитие когнитивного направления в лингвистике привело к расширению представлений о природе этих структур, что, в свою очередь, обусловило активное обращение исследователей к фреймовому подходу как к инструменту анализа языковых единиц через выявление когнитивных структур, которые стоят за их семантикой; при этом фрейм понимается как иерархически организованная система узлов и слотов, моделирующая типовую ситуацию и задающая ограничения на выбор языковых средств при ее вербализации. По мнению Ч. Филлмора, фрейм — это некая структура знаний, в которой соотносятся различные элементы и ассоциации с конкретными реалиями культуры, ситуациями и событиями из человеческого опыта [15]. Фрейм, обладая универсальным характером на уровне ментальных репрезентаций, получает специфическое языковое воплощение в разных лингвокультурах за счет вариативного заполнения терминальных узлов (слотов) этнокультурно маркированными компонентами. Методологическая ценность данного подхода определяется тем, что он ориентирует исследователя на изучение фраземы не только как единицы с фиксированной формой и значением, но и как объекта, обнаруживающего структурно-семантическую вариативность и динамику, которые задаются дискурсивным контекстом и когнитивными механизмами интерпретации.

Фрейм в рамках настоящего исследования понимается как когнитивная структура, выполняющая функцию операционального механизма отбора языковых репрезентантов [1]. Данный механизм обеспечивает выбор формально-грамматической модели фраземы, ее лексического состава и категориального статуса. Конечной целью фреймирования выступает обнаружение косвенно-производного прототипа денотативной ситуации и его последующая репрезентация в соответствующую фразеологическую форму. Конечная цель фреймирования, таким образом, сводится к реконструкции того ментального сценария, который опосредует связь между образным основанием фраземы и ее актуальным значением. В контексте сопоставительного анализа разноструктурных языков это позволяет перейти от простого перечисления межъязыковых различий к объяснительной модели, где структурно-семантические особенности фразем выводятся из особенностей национально-культурного фреймирования денотативных ситуаций»

Исследование фреймовой структуры фразеологических единиц приобретает особую объяснительную силу при обращении к субстандартной лексике, поскольку именно в ней наиболее рельефно проявляются механизмы косвенной номинации и межфреймовых переходов, часто остающихся без должного внимания в литературно-нормированных идиомах [14]. При этом фреймовая структура демонстрирует способность отражать межфреймовые связи, что проявляется в двух основных типах отношений. В первую очередь, идентичные фразеосхемы и лексические компоненты могут становиться вербализаторами различных фреймов. Так, английская субстандартная фразема *to go off the handle* (дословно *сорваться с рукоятки* (о топоре), в зависимости от контекста репрезентирует либо фрейм «внезапная потеря самообладания, гнев», либо фрейм «спонтанное раскрепощенное поведение, утрата социальных запретов». Аналогичную полисемию демонстрирует русская просторечная конструкция *как с цепи сорвался*, которая, в равной степени, может актуализировать фрейм «неконтролируемая агрессия, злость» и фрейм «безудержное веселье», причем снятие семантической неопределенности происходит исключительно за счет прагматических и ситуативных маркеров. В турецком субстандарте аналогичный механизм реализуется во фраземе *zincirinden boşanmak* (дословно *расстаться с цепью*, аналогично русскому *сорваться с цепи*), которая также обслуживает фреймы

агрессивного и излишне радостного поведения, что свидетельствует о типологической универсальности данного метафорического переноса в разноструктурных языках.

В то же самое время, один и тот же фрейм может объективироваться различными фразеологическими средствами, выбор которых обусловлен прагматическими интенциями говорящего, уровнем восприятия адресата или экстралингвистическими параметрами коммуникативной ситуации. В субстандартной лексике это положение иллюстрируется, например, репрезентацией фрейма «состояние сильного алкогольного опьянения»: в английском просторечии данный фрейм вербализуется через фраземы *to be three sheets to the wind, to have a few too many, to be blotto,* каждая из которых акцентирует различные слоты фрейма (навигационная метафора, количественная градация, физиологическое состояние); в русском субстандарте тот же фрейм объективируется единицами *быть в стельку, накачаться, уйти в разнос*, различающимися степенью образности и стилистической маркированности; в турецком жаргоне — фраземами *kafayı çekmek* (в значении *напиться*), *zom olmak* (быть «зомби»), *sızmak* (дословно «просачиваться»), выбор которых зависит от коммуникативной ситуации и интенции говорящего.

Таким образом, обращение к субстандартному фразеологическому материалу позволяет не только верифицировать универсальные механизмы фреймовых переходов, но и выявить национально-специфические способы заполнения слотов одного и того же фрейма в разноструктурных языках, что составляет эвристический потенциал предлагаемого подхода.

В межъязыковом аспекте фреймовый подход позволяет выявить случаи объективации тождественных фреймов при несовпадающих фразеологических образах. Например, значение «тайно причинять неприятность, вредить исподтишка» в русском языке передается фраземой *подложить свинью*, в английском — идиомой *to put a spoke in someone's wheel* (дословно *вставить спицу в чье-либо колесо*), а в турецком — единицей *çomak sokmak* (дословно *воткнуть палку*), при том, что во всех трех случаях актуализируется единый фрейм «скрытое препятствие, нанесение ущерба опосредованными действиями». Показательно, что в английской лингвокультуре лексема *spoke* (спица) не участвует в вербализации иных фреймов, связанных с животными или везением, тогда как в русском языке зооморфный компонент *свинья* задействован также в репрезентации фрейма «грубое, неблагодарное поведение» (*вести себя как свинья, подложить свинью* vs *свинья везде грязь найдет*), но не используется для обозначения удачи. В турецком языке, напротив, лексема *domuz* (свинья), в силу религиозно-культурных ограничений, практически отсутствует в субстандартных фраземах позитивной семантики, а рассматриваемый фрейм объективируется через инструментальную метафору *çomak sokmak*, где орудием вредительства выступает палка (*çomak*) — образ, чуждый как русской, так и английской фразеологическим традициям.

Данные расхождения свидетельствуют о том, что один и тот же фрейм может заполняться лексическими репрезентантами, отражающими различные культурно-маркированные сценарии препятствия: в русском случае — через образ животного, ассоциируемого с нечистоплотностью; в английском — через механическую метафору нарушения движения колеса; в турецком — через примитивное орудийное воздействие.

Таким образом, фреймовый анализ субстандартной фразеологии разноструктурных языков позволяет не только констатировать межъязыковое семантическое тождество при формальном расхождении образных оснований, но и реконструировать национально-специфические способы концептуализации одной и той же денотативной ситуации, что открывает перспективы для построения типологии фразеологической образности.

В контексте фреймовой объективации в языках с различным типологическим строением наибольшей значимостью обладают терминальные компоненты фреймовой структуры, образующие контекстуально-вариативные слоты, которые выполняют функцию когнитивного посредничества между абстрактным фреймом и конкретными дискурсивными условиями. Под слотом при этом понимается позиция, предназначенная для замещения информацией, релевантной для описываемого явления или события; сама операция подбора знакового наполнения слотов и выстраивания между ними ассоциативных и смысловых корреляций может быть охарактеризована как ориентирующая схема, детерминирующая как генерацию, так и семантическую декодировку фразеологической единицы. Указанная схема инициирует лингвокреативные механизмы мышления, направленные на адекватную реконструкцию опосредованного характера взаимосвязи между когнитивными и языковыми структурами, между которыми отсутствует взаимно-однозначное соответствие. Характер данной взаимосвязи определяется, в общей сложности, тремя факторами, а именно: денотативной отнесенностью фраземы, особенностями ее внутренней формы, а также закономерностями ассоциативно-образного опосредования, действующими в языковом сознании носителей.

В качестве примера рассмотрим слот «интенсивность эмоционального состояния» фрейма «Гнев». Для адекватной семантической интерпретации фразеологических единиц, репрезентирующих данный слот в рамках фрейма «Гнев», необходимо принимать во внимание культурно-символическую нагрузку ключевых компонентов, функционирующих в субстандартной лексике разноструктурных языков и демонстрирующих значительную межъязыковую вариативность в способах вербализации предельной степени раздражения. В английском субстандарте одной из распространенных фразем, объективирующих максимальную степень гнева, выступает выражение *to go ballistic* (дословно *перейти на баллистическую траекторию*), которое актуализирует военную метафору запуска ракеты, где слот интенсивности заполняется образами неконтролируемого движения, разрушительной силы и невозможности остановить начавшийся процесс. Слот цели или объекта воздействия здесь не заполнен — внимание сосредоточено на самом изменении статуса субъекта. Близким по семантике является субстандартное *to blow a fuse* (дословно *пробить предохранитель*), заимствованное из электротехнической сферы и репрезентирующее слот интенсивности через образ внезапного прекращения функционирования системы вследствие критической перегрузки, что подразумевает временную утрату контроля и последующую «поломку» субъекта эмоции. Общим для обоих выражений оказывается слот мгновенности и необратимости разрядки, однако, выражение *to go ballistic* акцентировано на пространственной неконтролируемости субъекта, а *to blow a fuse* — на его внутренней разрушительной силе вследствие перегрузки.

В русском субстандарте аналогичную функцию выполняет фразема *войти в раж*, восходящая к охотничьему арго (этимологически от французского rage — ярость, бешенство), где слот интенсивности заполняется зооморфным образом потери рассудочного контроля и перехода в инстинктивно-агрессивное поведение, при котором доминантой является внутреннее состояние человека. При этом, человек, *вошедший в раж*, не опасен в социальном смысле, так как все проявления этого состояния интровертны. Более экспрессивным вариантом является субстандартное *нестись в разнос* (дословно *о повозке, начавшей неконтролируемое движение под гору*), где актуализируется семантика необратимости процесса и невозможности его остановки силами самого субъекта. Здесь экспрессивность носит не столько интенсивный, сколько

демонстративно-деструктивный характер: человек не просто теряет контроль — он активно, шумно и целенаправленно обрушивает свою агрессию вовне и социально опасен. Таким образом, субстандартная фразеология фиксирует с высокой семантической точностью качественно различные модели аффективного поведения.

В турецком субстандарте широко употребительной фраземой, репрезентирующей фрейм «Гнев» с акцентом на слот интенсивности, выступает выражение *tepesi atmak* (дословно *его темя подбросило*), которое описывает физиологическую реакцию — внезапное сокращение мышц черепа и прилив крови к голове, что символизирует потерю самоконтроля и достижение эмоционального пика. Другой распространенной единицей является *kudurmak* (дословно *взбеситься, заболеть бешенством*), где слот интенсивности заполняется зооморфным образом бешеного животного, утратившего инстинкт самосохранения и способность к рациональному поведению.

Показательно, что в каждой из трех лингвокультур способы заполнения слота интенсивности в рамках фрейма «Гнев» принципиально различны: в английском субстандарте доминируют техногенные и военные метафоры (баллистическая ракета, электротехнический предохранитель), в русском — образы неконтролируемого механического движения (повозка, несущаяся под уклон) и охотничьей азартности (раж), в турецком — физиологические (прилив крови к голове) и зооморфные (бешенство) репрезентанты. Символическая нагрузка указанных компонентов является устойчивой не только в рамках собственно фрейма «Гнев», но и пронизывает более широкий круг субстандартных фразеологических единиц в каждом из рассматриваемых языков.

В английском субстандарте военная метафора интенсивности реализуется также во фраземах *to go nuclear* (дословно *перейти на ядерный уровень*) и *to hit the ceiling* (дословно ударить в потолок), где слот интенсивности заполняется образами предельно возможной степени разрушения или вертикального движения до границы пространства. В русском субстандарте метафора неконтролируемого движения прослеживается в единицах *понесло* (безличная конструкция, обозначающая потерю самоконтроля) и *попёрло* (аналогичная семантика с дополнительным оттенком грубой, животной силы). В турецком субстандарте физиологическая модель интенсивности фиксируется также во фраземе *kanı kaynamak* (дословно *кровь вскипела*), которая, однако, может репрезентировать как гнев, так и сильную симпатию, что требует контекстуального разрешения.

Таким образом, для корректной интерпретации субстандартных фразеологических единиц, входящих в слот «интенсивность эмоционального состояния» фрейма «Гнев», необходимо учитывать, что способы заполнения данного слота являются культурно и субкультурно обусловленными: английский субстандарт тяготеет к техногенной и военной образности, русский — к механической и охотничьей, турецкий — к физиологической и зооморфной, что свидетельствует об отсутствии прямого изоморфизма между когнитивной структурой эмоции и ее субстандартной языковой объективацией в разноструктурных языках.

Даже при установлении тождества фреймов в разных языках, когда совпадают не только терминальные элементы, но и вершинные узлы фреймовой структуры, фиксируется этноязыковая специфика наполнения соответствующих слотов. Универсальный, ментально обусловленный характер фреймов закономерно сочетается с их этнокультурным своеобразием на уровне конкретных языковых репрезентаций, что не противоречит когнитивной природе данных структур. Фрейм выполняет функцию когнитивной рамки, которая лимитирует и одновременно направляет интерпретацию тех событий и эмоциональных состояний, которые лежат в основе формирования фразеологического образа. В данном качестве фреймовые структуры фраземы могут

быть охарактеризованы как когнитивная контурная схема того события или переживания, которое закодировано посредством смыслообразующих компонентов фразеологической единицы. Фрейм очерчивает границы взаимодействия человека с теми фрагментами окружающей действительности, которые образуют узлы и слоты денотативной ситуации, подлежащей фразеологической объективации, и благодаря этому оказывает существенное воздействие на интерпретацию опыта, репрезентируемого на фразеологическом уровне.

Наиболее релевантным материалом для иллюстрации диалектики универсального и этноспецифического во фреймовых структурах применительно к субстандартной фразеологии английского, русского и турецкого языков выступает фрейм «свадьба», организующий вокруг себя разветвленную сеть слотов, которые демонстрируют пересечение со слотами смежных фреймов, таких как «праздник», «веселье», «дарообмен» и «ритуал». Несмотря на межкультурную универсальность базовых участников свадебного действа и фундаментальных отношений, связывающих их между собой, указанный фрейм в каждом из трех языков обнаруживает ярко выраженную этнокультурную специфику, наиболее отчетливо проявляющуюся на уровне терминальных узлов, где субстандартные фразеологические единицы фиксируют национально-маркированные сценарии свадебного поведения, ритуальные практики и связанные с ними оценочные смыслы, зачастую отсутствующие в литературно-нормированной фразеологии. Помимо слотов, общих для различных культур (сватовство, сговор, регистрация брака, проводы невесты, выкуп, дарообмен), в каждой лингвокультуре присутствуют этнографически маркированные слоты, ставшие прототипами для возникновения специфических фразеологических единиц, не имеющих прямых эквивалентов в других языках.

Указанная этнокультурная специфика фрейма «свадьба» на уровне терминальных узлов может быть проиллюстрирована рядом субстандартных фразеологических единиц, зафиксированных в английском, русском и турецком языках. В английском субстандарте широко распространена фразема *to tie the knot* (дословно *завязать узел*), которая объективирует слот «заключение брака» через образ морского узла, что актуализирует семантику неразрывности, прочности и одновременно потенциальной возможности распутывания. В субстандартных регистрах английского языка данная фразема приобретает дополнительные коннотации, связанные со скоропалительностью и необдуманностью брачного решения, особенно в конструкциях типа *to jump the knot* или *to tie the knot on the rebound*, где акцент смещается на спонтанность и отсутствие рефлексии. Близкой по функции является единица *to get hitched* (дословно *прицепиться, соединиться, как упряжь с повозкой*), где слот «соединение» заполняется метафорой животноводческой или транспортной сцепки, привносящей оттенок принудительности, тягловой обязанности и снижения романтического ореола брака до уровня сугубо утилитарного, физического соединения. В русском субстандарте аналогичный фрейм «свадьба» вербализуется, в частности, фраземой *сыграть свадьбу*, где глагольный компонент *сыграть* актуализирует слот «ритуальное действо» через театрально-игровую метафору, имплицирующую неподлинность, сценичность и подчинение заданному сценарию происходящего. Более маркированной субстандартной единицей является выражение *закрутить горбатого*, которое в криминальном и полукриминальном арго обозначает поспешную, часто фиктивную или корыстно мотивированную регистрацию брака, где слот «бракосочетание» заполняется зооморфным образом с отчетливой негативной оценочностью, имплицирующей нелегитимность, ущербность и комичность происходящего. Другой русской

субстандартной фраземой является *надеть хомут*, где слот «брачное обязательство» репрезентируется через метафору принудительного труда, потери свободы и подчинения, что коррелирует с английским *to get hitched*, однако в русском варианте акцент смещен не на соединение, а на одностороннее ограничение свободы одного из супругов (традиционно — мужчины).

В турецком субстандарте фрейм «свадьба» репрезентируется, в частности, фраземой *düğün dernek yapmak* (дословно *делать свадьбу и народное гулянье* / *собрание*), которая объективирует слот «праздничное действо» через удвоение синонимичных лексем (*düğün* — свадьба, *dernek* — народное сходбище, гулянье), что акцентирует не столько сам акт бракосочетания, сколько его экстенсивную социальную составляющую — массовость, шумность, продолжительность и вовлеченность общины. Более маркированной субстандартной единицей является выражение *kayış bağlamak* (дословно *завязать ремень*), которое в сельском и полугородском просторечии обозначает бракосочетание через метафору скрепления кожаным ремнем, что, подобно английскому *to tie the knot*, актуализирует семантику связывания, однако с акцентом на грубость, неэстетичность и утилитарность материала (сыромятная кожа, ремень), а не на элегантность узла. Другой турецкой субстандартной единицей является фразема *bacaya kilit vurmak* (дословно *повесить замок на дымоход*), которая фиксирует слот «маркирование перехода женщины в статус замужней» через специфический бытовой образ, восходящий к деревенской традиции запирать дымоход дома невесты после ее ухода, символизируя необратимость изменения ее социального статуса.

Сравнительный анализ приведенных примеров позволяет выявить как универсальные механизмы фреймирования, так и этноспецифические способы заполнения слотов. Универсальным для всех трех языков оказывается использование метафоры связывания, соединения или скрепления при вербализации слота «заключение брака»: английское *to tie the knot*, русское *завязать* (имплицитно присутствующее в метафоре узла, хотя в субстандарте более эксплицитна метафора хомута), турецкое *kayış bağlamak*. Однако этнокультурная специфика проявляется в выборе материала и характера этого связывания: в английском — морской узел, ассоциируемый с мореплаванием и определенной эстетикой; в русском — хомут, ассоциируемый с крестьянским трудом и принуждением; в турецком — сыромятный ремень, ассоциируемый с кочевым бытом, грубой обработкой кожи и сельской прагматикой. Далее, универсальным является акцент на принудительном, обременительном характере брачных уз, представленный в английском *to get hitched,* русском *надеть хомут* и частично в турецком *kayış bağlamak* (где ремень имплицирует стеснение движений), однако степень этой негативной оценочности варьируется: в русском субстандарте она максимальна и сопровождается образами утраты свободы и кабалы, тогда как в английском снижена до уровня легкой иронии, а в турецком нейтрализована утилитарной семантикой. Наиболее этноспецифичной оказывается турецкая фразема *bacaya kilit vurmak*, не имеющая прямых аналогов ни в английском, ни в русском субстандарте, поскольку она фиксирует уникальный культурный сценарий, связанный с архаичной деревенской обрядностью маркирования социального перехода женщины.

Русская фразема *закрутить горбатого*, в свою очередь, демонстрирует специфическую для криминального субстандарта негативную оценку фиктивного или поспешного брака через зооморфный образ ущербности, что также не находит прямого соответствия в английской и турецкой субстандартной фразеологии. Таким образом, анализ субстандартных фразеологизмов английского, русского и турецкого языков в рамках фрейма «свадьба» подтверждает исходный тезис: при совпадении

тождественных фреймов на ментальном уровне их терминальные слоты заполняются этнокультурно специфическими, а нередко и субкультурно (арготически, жаргонно) маркированными образами, что делает фреймовый анализ субстандартной фразеологии особенно показательным для выявления механизмов взаимодействия универсального когнитивного и национально-специфического языкового в разноструктурных языках

Проведенный анализ субстандартных фразеологических единиц английского, русского и турецкого языков, репрезентирующих фрейм «свадьба», позволяет сделать ряд принципиальных выводов относительно взаимодействия универсальных когнитивных механизмов и этнокультурной специфики их языковой объективации. Исследование подтверждает, что на ментальном уровне фрейм «свадьба» демонстрирует значительную степень межъязыковой универсальности: во всех трех лингвокультурах базовые слоты данного фрейма, такие как «заключение брака», «соединение супругов» и «ритуальное действо», заполняются метафорами связывания, скрепления или принудительного соединения, что свидетельствует о существовании общих когнитивных оснований для осмысления брачных отношений вне зависимости от конкретного языка. Также, при сохранении этой универсальной когнитивной рамки каждый из трех языков обнаруживает ярко выраженную этнокультурную специфику в выборе конкретных образных репрезентантов для заполнения тождественных слотов: английский субстандарт тяготеет к морской и транспортной метафорике (морской узел, упряжь), русский — к крестьянско-бытовому и криминально-арготическому образам (хомут, горбатый), турецкий — к кочевой и сельско-ремесленной символике (сыромятный ремень, дымоход, замок).

Можно сделать вывод, что субстандартная фразеология, в отличие от литературно-нормированной, с большей отчетливостью фиксирует оценочные и эмоциональные коннотации, связанные с фреймируемой ситуацией: в русском субстандарте доминирует негативная оценка брака как утраты свободы и кабалы, в английском преобладает ироническое снижение с элементами игрового начала, в турецком — нейтрально-утилитарная или обрядово-маркированная семантика без выраженной негативной модальности.

В ходе анализа выявлены случаи уникальных, не имеющих прямых соответствий в других языках фразеологических репрезентантов (турецкое *başaya kilit vurmak*, русское закрутить горбатого), что свидетельствует о наличии культурно-специфических слотов или культурно-маркированных способов заполнения универсальных слотов, выводимых только через реконструкцию глубинных фреймовых структур.

Таким образом, субстандартная фразеология разноструктурных языков предоставляет репрезентативный материал для демонстрации того, как универсальные когнитивные механизмы фреймирования, будучи примененными к одной и той же денотативной ситуации (свадебный обряд), порождают принципиально различные лексико-грамматические и образные репрезентации, обусловленные этнокультурными, историко-бытовыми и субкультурными особенностями каждой лингвокультуры. Фреймовый подход в приложении к субстандартной фразеологии позволяет не только констатировать эти различия, но и объяснить их через обращение к глубинным когнитивным структурам, остающимся инвариантными при варьировании поверхностных языковых форм.

Рассмотрение этноспецифических слотов фрейма «свадьба» позволяет выявить особенности традиционного уклада, обрядовой культуры и ценностных ориентаций народа, а также привлечь к анализу фразеологии обширный пласт культурно маркированного материала. Фраземы, объективирующие данные слоты, предстают как

этноспецифические средства трансляции культурного опыта, фиксирующие в своей семантике архаичные ритуальные практики.

Фреймовая организация фразеологического значения в субстандартной фразеологии сопоставляемых языков может быть выявлена также на материале репрезентации фрейма «беззаботная жизнь». В русском субстандарте данный фрейм вербализуется, в частности, единицей *жить как у Маньки на пупу*, представляющей просторечную трансформацию литературной фраземы с внесением фамильярно-пренебрежительного оттенка за счет замены сакрального образа Христа на бытовой образ женщины, а также фраземой *кататься как сыр в масле*, функционирующей в фамильярно-просторечном дискурсе и акцентирующей образ избыточного довольства с оттенком самодовольства; более маркированной субстандартной единицей является *жить на золотом унитазе,* подчеркивающей образ достатка, но тем не менее не приносящего пользу, т.к. все уходит впустую — в унитаз; в криминальном арго аналогичный фрейм объективируется единицей *сидеть на харчах*, обозначающей пассивное существование на чужом обеспечении с оттенком паразитизма и социального иждивенчества.

В английском субстандарте приблизительными соответствиями выступают фраземы *to live the life of Riley,* где слот «беззаботное существование» заполняется образом условного персонажа, ассоциируемого с праздностью и материальным достатком без необходимости трудиться, а также *to live on easy street*, актуализирующая пространственную метафору нахождения в зоне комфорта и отсутствия финансовых затруднений; для передачи семантики пассивного потребления благ без приложения усилий используется жаргонная фразема *to sponge off someone* (дословно *паразитировать на ком-либо*), а также более экспрессивная единица *to have it made,* которая в субстандартном употреблении обозначает состояние, при котором все жизненные проблемы уже решены, а субъекту не остается ничего, кроме как наслаждаться результатом; в американском сленге широко распространена фразема *to be on cruise control* (дословно *быть на круиз-контроле*), заимствованная из автомобильной терминологии и репрезентирующая слот «автоматическое, не требующее усилий движение по жизни».

В турецком субстандарте фрейм «беззаботная жизнь» объективируется, в частности, фраземой *kaymağını yemek*, репрезентирующей слот «извлечение наилучшей доли из ситуации» через гастрономическую метафору присвоения самого ценного продукта без затрат, связанных с его производством; более экспрессивной субстандартной единицей является *sırtüstü yatıp para kazanmak*, где слот «беззаботное существование» заполняется образом полной физической пассивности, парадоксально сочетающейся с получением материальной выгоды, что имплицирует критическую оценку паразитического образа жизни; в городском арго широко употребляется фразема *rahatına düşkün*, которая в субстандартном контексте приобретает отчетливый пейоративный оттенок и обозначает индивида, демонстративно избегающего любых форм трудовой активности и ответственности; в обсценно-сниженном регистре турецкого субстандарта функционирует единица *yata yata köşe olmak* (дословно *лежа-лежа стать углом*), где метафора трансформации тела под влиянием длительной неподвижности символизирует деградацию личности вследствие беззаботного и пассивного существования.

Во всех рассмотренных субстандартных единицах русского, английского и турецкого языков доминирующей остается интегральная сема «пребывание в состоянии защищенности, отсутствие материальной нужды и житейских забот, а также пассивное или паразитическое потребление благ, нередко сопровождаемое негативной социальной

оценкой». Вершинные узлы фрейма, включающие субъекта благополучного состояния, объект или источник благ, а также собственно состояние беззаботности, совпадают в сопоставляемых языках на ментальном уровне, однако слоты, отвечающие за образную конкретизацию и заполняемые субстандартными репрезентантами, обнаруживают устойчивые межъязыковые различия.

В английских субстандартных фраземах актуализируются семы «персонализированная праздность, ассоциируемая с условным героем» (*to live the life of Riley*), «топологическая принадлежность к зоне комфорта» (*to live on easy street*), «паразитирование на другом субъекте» (*to sponge off someone*), а также «автоматизированное, не требующее усилий существование» (*to be on cruise control*), причем последний образ привносит оттенок технологической метафоры, характерной для современной англо-американской субкультуры.

В русских субстандартных единицах доминирующими являются семы «бытовое, обывательское покровительство, лишенное сакральности» (жить как у Маньки на пупу), «самодовольное пресыщение» (кататься как сыр в масле), «инфантильное паразитирование с оттенком обывательского самодовольства» (*жить на золотом унитазе*), а также «криминализированное иждивенчество» (*сидеть на харчах*), что отражает более высокую степень негативной оценочности и социальной стигматизации беззаботного существования в русской субстандартной картине мира.

В турецких субстандартных фраземах, напротив, доминируют семы «присвоение наилучшей части без затрат» (*kaymağını yemek*), «парадоксальное сочетание физической пассивности и материального обогащения» (*sırtüstü yatıp para kazanmak*), «демонстративное избегание ответственности, квалифицируемое как отрицательное качество» (*rahatına düşkün*), а также «деградация личности вследствие пассивности» (*yata yata köşe olmak*), причем турецкий субстандарт демонстрирует наиболее разветвленную систему этически маркированных единиц, фиксирующих не только само состояние беззаботности, но и его негативные долгосрочные последствия для личности.

Таким образом, сопоставительный анализ субстандартных фразем русского, английского и турецкого языков в рамках фрейма «беззаботная жизнь» демонстрирует, что при сохранении инвариантной когнитивной рамки терминальные слоты данной фреймовой структуры заполняются культурно и субкультурно обусловленными образами: в русском субстандарте преобладает бытово-обывательская, инфантильно-паразитическая и обсценно-маркированная метафорика с высокой степенью негативной оценочности; в английском — персонализированно-праздная, топологически-комфортная, паразитическая и технологическая; в турецком — гастрономически-присваивающая, парадоксально-пассивная, этически-пейоративная и деградационно-телесная. Указанные различия отражают не столько расхождения в когнитивной организации самого фрейма, сколько различия в культурно-специфических способах его образной конкретизации, фиксируемых субстандартной фразеологией как наиболее чувствительным к социокультурным, оценочным и субкультурным смыслам пластом лексики.

Заключение. Проведенное исследование структурно-семантических особенностей субстандартных фразем русского, английского и турецкого языков в рамках не связанных между собой логически фреймов «Гнев» (слот «интенсивность эмоционального состояния»), «Свадьба» (слоты «заключение брака», «соединение супругов», «ритуальное действо») и «Беззаботная жизнь» (слоты «защищенность», «отсутствие нужды», «пассивное потребление благ») с применением фреймового подхода позволил выявить как универсальные, так и этноспецифические черты фреймирования. Универсальным для всех трех языков оказалось использование

метафорических механизмов связывания, соединения, перемещения или пассивного состояния при вербализации тождественных фреймов, что свидетельствует о наличии общих когнитивных оснований для осмысления базовых денотативных ситуаций независимо от конкретного языка.

Однако, при сохранении универсальной когнитивной рамки для каждого из анализируемых фреймов, их терминальные слоты заполняются этноспецифическими образами, а дифференциальные черты фреймов определяются степенью абстрактности денотативной ситуации, характером оценочности, наличием ритуальной составляющей и особенностями культурно-субкультурной образной базы, что подтверждает отсутствие прямого изоморфизма между когнитивными структурами и их субстандартной языковой объективацией в разноструктурных языках.

Субстандартная фразеология предстает в данном контексте как уникальный эмпирический материал, позволяющий с наибольшей отчетливостью зафиксировать взаимодействие универсального и этноспецифического в процессах категоризации и концептуализации мира человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аглеева З.Р. Фреймы, объективируемые фраземами, в разноструктурных контактирующих языках / З. Р. Аглеева // Гуманитарные исследования. — 2023. — № 1(85). — С. 5–9.
2. Алимурадов О.А. Когнитивно-фреймовый подход к функционально-семантической характеристике современной английской музыкальной лексики / О.А. Алимурадов, О.В. Чурсин // В мире научных открытий. — 2009. — № 3–1(3). — С. 21–28.
3. Девятияров Д.В. Репрезентация сетевого фрейма «Hostile encounter» / «Враждебное столкновение» в англоязычных интернет-комментариях / Д.В. Девятияров // Политическая лингвистика. — 2022. — № 3(93). — С. 20—26.
4. Дибирова А.М. Фреймовая репрезентация концепта CRIME в английском языке / А.М. Дибирова // Успехи гуманитарных наук. — 2022. — № 2. — С. 181–183.
5. Дукальская И.В. Фреймовый подход к описанию лингвокультурного кода / И.В. Дукальская // Альманах современной науки и образования. — 2013. — № 5(72). — С. 66–67.
6. Жегалина О.К. Фрейм как способ и результат лексической категоризации экономической картины мира в медиадискурсе / О.К. Жегалина // Гуманитарные и социальные науки. — 2025. — Т. 111, № 4. — С. 151–159.
7. Калюжная Т.В. Пропозиционально-фреймовый подход при описании гнезд однокоренных слов русского языка как репрезентация дискурсивной ментальной деятельности человека / Т.В. Калюжная // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — Т. 21, № 1(77). — С. 205–211.
8. Кунин А.В. Английская фразеология [Электронный ресурс]. — М. : «Высшая школа». — 1970. — 346 с. Режим доступа: https://www.phantastike.com/linguistics/angliyskaya_frazeologiya/djvu/view/ (дата обращения: 21.01.2026).
9. Ли Ян. Фрейм как средство описания туристических объектов / Ли Ян // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 3. — С. 42–46.
10. Маджаева С.И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний / С.И. Маджаева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2012. — № 2(22). — С. 130–137.
11. Маджаева С.И. Фрейм «искусственный интеллект» как доминанта современного медицинского дискурса / С.И. Маджаева // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2024. — Т. 43, № 4. — С. 544–551.
12. Митусова Н.А. Фрейм как структурный тип концепта (на примере английских глаголов вынужденного согласия) / Н. А. Митусова // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. — 2011. — № 5. — С. 64–77.
13. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры». — 1996. — 288 с.
14. Файзиева Г.В. Метафоричность субстандартных лексических единиц: проблематика и особенности изучения (на базе английского и русского языков) / Г.В. Файзиева // Наука и образование: от теории

к практике : Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, Астрахань, 15 ноября 2017 года / Институт среднего и дополнительного профессионального образования Астраханского государственного университета. — Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2017. — С. 232–235.
15. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор. // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : [б. и.], 1988. — Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. — С. 52–92.
16. Чакалова Э.П. Фрейм «Человеческие отношения» как способ представления ценностных доминант греческой концептосферы / Э.П. Чакалова, З.А. Фарамазян // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2023. — № 1(112). — С. 178–187.
17. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [Электронный ресурс]. — СПб.: Специальная литература. — 1996. — 191 с. Режим доступа: https://www.phantastike.com/dic/phraseology_shanskiy/djvu/view/ (дата обращения: 15.01.2026).
18. Широколобова А.Г. Фрейм и сценарный фрейм русской терминосистемы «Терроризм» как отражение научной картины мира / А.Г. Широколобова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1(38). — С. 45–53.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Сарыгез О.В. Турецко-русский фразеологический толковый словарь с примерами / О.В. Сарыгез. — Москва : Onebook.ru, 2023. — 1015 с.
20. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб. : Норинт. — 2004. — 762 с.
21. Partridge E.A. Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes / E.A. Partridge. London. Henley : Routledge & Kegan Paul. 1979. Vol. I : The Dictionary. XVI. 1–974 p.; Vol. II : The Supplement. X. 975–1528 p.

REFERENCES

1. Agleeva, Z.R. (2023) Frejmy, ob″ektiviruemye frazemami, v raznostrukturnykh kontaktiruyushchikh yazykakh [Frames objectified by phrasemes in differently structured contacting languages] Gumanitarnye issledovaniya, 1(85), 5–9. (In Russian)
2. Alimuradov, O.A. (2009) Kognitivno-frejmovyj podkhod k funktsional′no-semanticheskoj kharakteristike sovremennoj anglijskoj muzykal′noj leksiki [A cognitive-frame approach to the functional and semantic characteristics of modern English musical vocabulary] V mire nauchnykh otkrytij, 3–1(3), 21–28. (In Russian)
3. Devyatiyarov, D.V. (2022) Reprezentatsiya setevogo frejma «Hostile encounter» / «Vrazhdebnoe stolknovenie» v angloyazychnykh internet-kommentariyakh [Representation of the «Hospitable encounter» / «Hostile encounter» network frame in English-language Internet comments] Politicheskaya lingvistika, 3(93), 20–26. (In Russian)
4. Dibirova, A.M. (2022) Frejmovaya reprezentatsiya kontsepta CRIME v anglijskom yazyke [Frame representation of the CRIME concept in English] Uspekhi gumanitarnykh nauk, 2, 181—183. (In Russian)
5. Dukal′skaya, I.V. (2013) Frejmovyj podkhod k opisaniyu lingvokul′turnogo koda [A frame-based approach to describing the linguistic and cultural code] Al′manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya, 5(72), 66–67. (In Russian)
6. Zhegalina, O.K. (2025) Frejm kak sposob i rezul′tat leksicheskoj kategorizatsii ekonomicheskoj kartiny mira v mediadiskurse [Frame as a way and result of lexical categorization of the economic picture of the world in media discourse] // Gumanitarnye i sotsial′nye nauki, 111, 4, 151–159. (In Russian)
7. Kalyuzhnaya, T.V. (2019) Propozitsional′no-frejmovyj podkhod pri opisanii gnezd odnokorennykh slov russkogo yazyka kak reprezentatsiya diskursivnoj mental′noj deyatel′nosti cheloveka [The propositional-frame approach in describing the nests of single-root words of the Russian language as a representation of human discursive mental activity] Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 21, 1(77), 205–211. (In Russian)
8. Kunin, A.V. (1970) Anglijskaya frazeologiya [English phraseology] [Elektronnyj resurs]. — M. : «Vysshaya shkola». Rezhim dostupa: https://www.phantastike.com/linguistics/angliyskaya_frazeologiya/djvu/view/ (data obrashcheniya: 21.01.2026). (In Russian)
9. Li Yan (2020) Frejm kak sredstvo opisaniya turisticheskikh ob″ektov [Frame as a means of describing tourist sites] Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul′turnaya kommunikatsiya, 3, 42–46. (In Russian)
10. Madzhaeva, S.I. (2012) Frejmovyj podkhod k sistematizatsii terminologicheskikh znanij [A frame-based approach to the systematization of terminological knowledge] Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2(22), 130–137. (In Russian)

11. Madzhaeva, S.I. (2024) Frejm «iskusstvennyj intellekt» kak dominanta sovremennogo meditsinskogo diskursa [The frame «artificial intelligence» as the dominant of modern medical discourse] Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya, 43, 4, 544–551. (In Russian)
12. Mitusova, N.A. (2011) Frejm kak strukturnyj tip kontsepta (na primere anglijskikh glagolov vynuzhdennogo soglasiya) [Frame as a structural type of concept (using the example of English verbs of forced consent)] Aktual′nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov, 5, 64—77. (In Russian)
13. Teliya, V.N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul′turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M. : Shkola «Yazyki russkoj kul′tury». (In Russian)
14. Fajzieva, G.V. (2017) Metaforichnost′ substandartnykh leksicheskikh edinits: problematika i osobennosti izucheniya (na baze anglijskogo i russkogo yazykov) [Metaphoricity of sub-standard lexical units: problems and features of learning (based on English and Russian)] Nauka i obrazovanie: ot teorii k praktike : Materialy I Mezhregional′noj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Astrakhan′, 15 noyabrya 2017 goda / Institut srednego i dopolnitel′nogo professional′nogo obrazovaniya Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta. — Astrakhan′: Individual′nyj predprinimatel′ Sorokin Roman Vasil′evich (Izdatel′: Sorokin Roman Vasil′evich), 232–235. (In Russian)
15. Fillmor, Ch. (1988) Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and semantics of understanding] / Ch. Fillmor. // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. — Moskva : [b. i.], XXIII : Kognitivnye aspekty yazyka, 52–92. (In Russian)
16. Chakalova, E.P. (2023) Frejm «Chelovecheskie otnosheniya» kak sposob predstavleniya tsennostnykh dominant grecheskoj kontseptosfery [The «Human relations» frame as a way of representing the value dominants of the Greek conceptual sphere] Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 1(112), 178–187. (In Russian)
17. Shanskij, N.M. (1996) Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language] [Elektronnyj resurs]. SPb.: Spetsial′naya literatura. Rezhim dostupa: https://www.phantastike.com/dic/phraseology_shanskiy/djvu/view/ (data obrashcheniya: 15.01.2026). (In Russian)
18. Shirokolobova, A.G. (2014) Frejm i stsenarnyj frejm russkoj terminosistemy «Terrorizm» kak otrazhenie nauchnoj kartiny mira [The frame and scenario frame of the Russian terminological system «Terrorism» as a reflection of the scientific picture of the world] Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 1(38), 45—53. (In Russian)

Поступила в редакцию 06.03.2026 г.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PHRASEMES IN SUBSTANDARD VOCABULARY OF NON-COGNATE LANGUAGES: FRAME APPROACH

G.V. Fayzieva, Z.R. Agleeva

The article deals with the identification of the structural and semantic features of phrasemes in the substandard vocabulary of structurally diverse languages using a frame approach. The relevance of the research is accounted for by the need to overcome the contradiction between the universality of human cognitive mechanisms and the linguistic diversity of their objectification forms, as well as the lack of works considering sub-standard phraseology through the prism of frame semantics. The aim of the work is to verify the hypothesis that differences in the structural organization of phrasemes in differently structured languages are derived from the ways of frame structuring a situation, and not random discrepancies in lexico-grammatical form. The method of directed sampling, comparative and conceptual analysis of selected phraseological units, analytical and descriptive method, including methods of observation, generalization and interpretation, is used. Universal for all three languages and differential features of the substandard linguistic objectification of the studied frames are established. The findings confirm that sub-standard phraseology, unlike literary-normalized phraseology, more clearly captures evaluative and emotional connotations associated with the framed situation. The frame approach makes it possible to identify interlanguage structural and semantic differences and propose their cognitively sound interpretation by referring to universal framing mechanisms and culturally specific ways of their linguistic objectification.

Keywords: frame, frame approach, frame analysis, phraseology, phraseme, non-cognate languages, structural and semantic features, slot.

Файзиева Галина Владимировна.
Доктор филологических наук, профессор.
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация.
Профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций.
ORCID 0000-0002-0627-2045.
E-mail: fayzievagv@yandex.ru

Аглеева Зухра Равильевна.
Доктор филологических наук, доцент.
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация.
Профессор кафедры русского языка.
ORCID 0009-0005-3803-9052
E-mail: z.agleeva@yandex.ru

Fayzieva Galina Vladimirovna.
Doctor of Philology, Professor.
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation.

Professor of English Language and Professional Communications Department.
ORCID 0000-0002-0627-2045.
E-mail: fayzievagv@yandex.ru

Agleeva Zukhra Ravilievna
Doctor of Philology, Associate Professor.
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation.

Professor of Russian Language Department.
ORCID 0009-0005-3803-9052
E-mail: z.agleeva@yandex.ru

Научная статья
УДК: 070:004.9:7.01
DOI: 10.5281/zenodo.21110018

ИНФОГРАФИКА В СИСТЕМЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ОТ ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКИ К АЛГОРИТМИЧЕСКИМ СИСТЕМАМ

© 2026 *Н. А. Архипова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет». Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет» (ММУ)
ORCID: 0000-0002-8120-2514

Актуальность статьи обусловлена трансформацией информационного жанра инфографики из вспомогательного элемента в основной язык современной журналистики и медиакоммуникаций на фоне цифровизации. Цель — медиакоммуникационный анализ исторического развития визуализации данных как жанра и формата, рассмотрев ее генезис и трансформацию в контексте смены медиапарадигм — от печатных СМИ до цифровых и алгоритмических медиасистем. На основе историко-генетического и компаративного методов выявляются основные этапы генезиса инфографики: от ранних форм в прессе к институционализации в масс-медиа и далее — к современному состоянию как сложного интерактивного и алгоритмического формата. Установлено, что преобразование инфографики в автономный жанр отражает ключевые сдвиги в логике медиакоммуникаций: переход от монологической модели журналистского сообщения к диалогической и интерактивной, от текстоцентричности к визуально-данной наррации, от стандартизированного формата к персонализированным и генеративным решениям. Основной вывод заключается в том, что инфографика, пройдя путь от элемента газетного дизайна к самостоятельному медиажанру, стала неотъемлемым элементом цифровой медиасреды, формирующим новые практики производства, распространения и восприятия журналистского контента, а также новые формы взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: инфографика, медиакоммуникации, журналистика, визуализация данных, цифровые медиа, медиаформаты, интерактивность, алгоритмические системы, эволюция медиа.

Для цитирования: Архипова Н. А. Инфографика в системе медиакоммуникаций: от печатной графики к алгоритмическим системам / Н. А. Архипова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 50–69. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21110018.

Введение. В условиях цифровой трансформации медиасферы происходит переосмысление форматов и языков коммуникации. Инфографика, изначально существовавшая как способ схематизации данных, в XXI в. превратилась в один из ключевых форматов журналистики и медиакоммуникаций, синтезирующий визуальный нарратив, данные и интерактивность. Данный формат перестал быть лишь иллюстрацией, превратившись в самостоятельное средство репрезентации сложных социальных, экономических и политических процессов, а также в инструмент медиавоздействия и формирования общественного мнения [19].

С точки зрения медиакоммуникаций, эволюция инфографики представляет собой процесс адаптации визуального языка к меняющимся технологическим платформам, аудиторным ожиданиям и логике медиапотребления. Исследование данного процесса позволяет выявить, как под влиянием технологий меняются принципы создания и восприятия медийного сообщения, роль автора-журналиста и степень вовлеченности аудитории.

Целью данной статьи является медиакоммуникационный анализ исторической эволюции инфографики как формата — от ее становления в печатной прессе до современных алгоритмических и иммерсивных систем в цифровых медиа. Методологическую основу составляют историко-генетический и компаративный методы, позволяющие проследить преемственность и трансформацию инфографики в разных медиасредах.

Материалы и методы исследования.

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методологию медиакоммуникаций, теории журналистики и исторический анализ медиаформатов. Основными методами являются:

1. Историко-генетический метод, примененный для реконструкции процесса становления инфографики как медийного формата, выявления ключевых этапов ее развития и причинно-следственных связей между технологическими инновациями, профессиональными практиками в журналистике и изменениями в формате.

2. Компаративный метод, использованный для сравнительного анализа инфографики в разные исторические периоды (XIX, XX, XXI вв.) и в разных типах медиа (газета, журнал, веб-сайт, социальные сети), что позволило выделить специфику ее функционирования в каждой медиасреде.

Уникальность работы заключается в рассмотрении исторического развития визуализации данных инфографики сквозь призму трансформации медиакоммуникативной модели: от односторонней коммуникации в печатных СМИ к интерактивному диалогу в цифровой среде и далее — к симбиозу с алгоритмическими системами, меняющим само понятие авторства и формата в журналистике.

Итак, в работе применены историко-генетический метод для реконструкции генезиса европейской и американской инфографики от ранних графических форм XVII в. до алгоритмических систем XXI в. и сравнительный метод для анализа трансформаций форматов в контексте смены медиапарадигм. Корпус исследования включает архивные источники печатных изданий (The Times 1786 г., Fortune Magazine 1930 г., USA Today 1982 г.), цифровые архивы (NYT Graphics, Guardian Datablog) и базы данных (CyberLeninka, Information is Beautiful). Критерии отбора: репрезентативность по этапам эволюции (печатная графика, интерактивные форматы, ИИ-генерация), охват 50+ исторических примеров с фокусом на медиакоммуникационные сдвиги (от моно- к диалогу).

Для реконструкции генезиса отечественной инфографики применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию визуальных способов передачи информации от исходных протоформ (летописные миниатюры) до развитых жанров (газетные схемы XIX века). Метод фиксирует качественные изменения на каждом хронологическом этапе и выявляет факторы (технологические, социальные), обусловившие переход от рукописных иллюстраций к оперативной печатной графике. Это позволяет представить генезис отечественной инфографики как целостный поступательный процесс, а не набор разрозненных фактов.

Структурно исследование включает четыре раздела. Первые три раздела последовательно раскрывают генезис инфографики в западной медиатрадиции — от ее становления в печатных СМИ XVII–XIX вв. до институционализации в массовой визуальной культуре XX века и последующей трансформации в интерактивные, иммерсивные и алгоритмические форматы цифровой эпохи. Выбор западного материала обусловлен тем, что именно в этой среде сложились базовые жанровые и технологические модели инфографики, сформировался основной корпус теоретических работ и были впервые апробированы ключевые редакционные инновации. Четвертый

раздел посвящен отечественной инфографике и позволяет сопоставить глобальные тенденции с национальной спецификой ее развития.

Несмотря на исследования истории инфографики, остаётся пробел в синтезе исторических этапов с современными алгоритмическими трендами в российском филологическом и журналистском контексте, где визуализация данных эволюционирует от вспомогательного элемента к автономному жанру медиакоммуникаций. Отсутствует комплексный анализ перехода от статичных таблиц к AR/VR и генеративному ИИ, влияющего на производство и восприятие журналистского контента в условиях цифровизации.

Основная часть.

1. Инфографика в доцифровую эпоху: формирование визуального кода.

Генезис инфографики как культурной практики следует рассматривать не как линейный технический прогресс, а как процесс кристаллизации специфического визуального кода, необходимого для фиксации и передачи усложняющегося знания и социального опыта. В исторической динамике развития техник визуализации информации можно выделить ключевые этапы, каждый из которых вносил свой вклад в формирование этого кода: этап изобразительной фиксации, этап вербализации, этап тиражирования и цифровой этап [23]. Однако современная проблематика визуальной репрезентации требует междисциплинарного исследования, учитывающего ее воздействие на становление визуального языка медиа, когнитивные паттерны восприятия и эстетические принципы презентации данных.

Ранние формы демонстрируют зарождение базовых принципов медиавизуализации. Так, наскальные изображения эпохи палеолита, являясь архаичной формой фиксации информации, уже имплицитно содержали принципы символической условности, нарративной организации и контекстуальной адаптивности, что подтверждается анализом композиционной структуры росписей пещер Альтамиры и Ласко [12]. Качественный трансформационный скачок связан с переходом к печатной графике, обусловленным технологическими прорывами и становлением социальных институтов, требовавших тиражирования визуальных сообщений [8, 5]. Печатная графика периода Возрождения, при технологической ограниченности, достигла высокой степени семиотической насыщенности, где каждый элемент нёс строго детерминированную информационную и символическую нагрузку. Гравюры Альбрехта Дюрера из цикла «Апокалипсис» (1498) могут быть интерпретированы как прототип современной инфографики, синтезирующий повествовательную последовательность, символическую плотность и дидактическую функцию [3, 15, 14].

Современное понятие инфографики берёт начало в Новое время. В XVII в. астроном Кристоф Шайнер впервые применил повторяющиеся графические элементы в схемах для визуализации динамики солнечного вращения. XVIII столетие стало эпохой становления новых форм визуализации данных, связанных с растущим интересом к графической репрезентации природных и социальных явлений, развитием картографии и типографского дела [17, 16]. Революционный характер фотографии в эволюции визуальных коммуникаций определился фундаментальной трансформацией онтологического статуса визуального сообщения, создав иллюзию прямого контакта с реальностью, хотя даже ранний фоторепортаж был продуктом компромисса между техническими ограничениями, идеологическими задачами и живописной эстетикой [4, 7, 11].

Переломным этапом, предопределившим вхождение инфографики в систему массовых медиакоммуникаций, стал XIX в. — «золотой век» её становления как самостоятельного жанра. Развитие статистических методов, прогресс полиграфических

технологий и формирование массовой аудитории периодических изданий создали необходимые условия. Инфографика была освоена прессой (The Times, The Daily Graphic) как средство легитимации нарратива через «наглядную объективность» научного метода. Однако это же приводило к неизбежному упрощению и схематизации, конструируя особую форму «визуального аргумента», убедительность которого достигалась продуманной композицией и использованием графических метафор [10, 6].

Итак, в печатной прессе инфографика выполняла несколько ключевых функций с точки зрения медиакоммуникаций:

— Легитимация нарратива. Визуализация данных придавала журналистскому материалу ауру научной объективности и фактологической достоверности;

— Упрощение сложного. Инфографика служила инструментом адаптации сложной информации (экономической, научной, социальной статистики) для массовой аудитории;

— Визуальный аргумент. Продуманная композиция и графические метафоры превращали инфографику в мощное средство убеждения и, нередко, идеологического воздействия [6, 10].

Модель коммуникации в этот период была монологической: инфографика представляла собой статичное, законченное авторское сообщение, предназначенное для пассивного восприятия читателем. Каноны формы были жесткими, определяемыми техническими ограничениями печати.

Рассмотрим основные этапы в Таблице 1, структурирующую ключевые этапы, события и особенности развития инфографики в период с XVII по XIX вв. [1, 24, 9, 17]. Таблица объединяет хронологию, основные достижения и их роль в эволюции визуализации данных.

Таблица 1. Историческая эволюция зарубежной инфографики (XVII–XIX вв.)

Хронологический период	**Ключевые события и фигуры**	**Технологические и методологические инновации**
XVII в. (Зарождение)	Кристоф Шайнер (астроном): использование повторяющихся графических элементов в схемах вращения Солнца.	- Зарождение принципа повторяющихся элементов для отслеживания динамики процессов; - Первые схемы, предвосхищающие инфографику.
XVIII в. (Становление и развитие форм)	- 1700 г. — появление первых тематических карт (геологических, экономических, гидрографических); - 1702 г. — (по мнению ряда исследователей) зарождение вспомогательной инфографики; - 1764 г. — Джозеф Пристли создаёт «Биографическую таблицу» — прототип современной временной шкалы (timeline); - 1786 г. — Уильям Плейфер создаёт график, доказывающий зависимость цен на пшеницу от зарплат (основатель графической статистики); - 1801 г. — У. Плейфер публикует первую круговую диаграмму.	- Развитие картографии: использование изолиний и контуров для повышения информативности; - Интеграция изображений и цвета в печатные издания; — Изобретение ключевых типов диаграмм: линейные, столбчатые, круговые; - Создание первых хронологических графиков; - Трансформация печатного дела: переход к более комплексному и сдержанному типографскому дизайну.
XIX в. («Золотой век» и массовое распространение)	- 1826 г. — Шарль Дюпен создаёт первую фоновую картограмму (хороплет);	- Развитие тематической картографии, включая карты хороплеты и картограммы;

	- 1830-е гг. — Андре-Мишель Герри разрабатывает карты «моральной статистики» с затенением; - 1854 г. — Джон Сноу использует карту для анализа вспышки холеры в Лондоне; - 1857 г. — Флоренс Найтингейл создаёт диаграмму «Кокскомб» для визуализации причин смертности в госпиталях; - 1861 г. — карта распределения рабов в США, повлиявшая на общественное мнение; - 1869 г. — Шарль Жозеф Минар создаёт знаменитую карту похода Наполеона 1812 года; - 1844-1850 гг. — развитие типографики (Эдвард Тафти), усложнение диаграмм.	- Применение цветового кодирования и затенения для статистических данных; — Создание комплексных многослойных визуализаций, сочетающих разные типы данных; - Усовершенствование полиграфических технологий (цветная печать), обеспечивающее массовое тиражирование; - Стандартизация и усложнение видов диаграмм.

Проведенный исторический анализ развития визуализации данных связанного с инфографикой выявляет её сложный путь трансформации от элементарных схематических изображений XVII столетия в мощный инструмент визуальной коммуникации, обладающий собственным семиотическим кодом. Развитие данного феномена предстает как нелинейный процесс, детерминированный диалектическим взаимодействием научного познания, актуализированных социальных потребностей и доступных технологических возможностей [101]. Ключевые этапы этого эволюционного пути маркируют фундаментальный сдвиг в парадигме визуальной коммуникации: инфографика выходит за рамки роли вспомогательной иллюстрации, превращаясь в автономный язык, способный транслировать комплексные данные и причинно-следственные связи. Этот переход сопровождался формированием массовой визуальной грамотности, кристаллизацией стандартизированных графических языков и последовательным возрастанием когнитивно-управленческой роли инфографики в процессах принятия социально-значимых решений.

2. XX век — институционализация в медиа и становление массовой визуальной культуры.

XX в. стал эпохой окончательной институционализации инфографики как неотъемлемого элемента медиаязыка и массовой визуальной культуры. От погодных карт в The New York Times (1904) до сложных разворотов в Fortune Magazine (1930-е) и цветных диаграмм USA Today (1980-е) происходила стандартизация ее форм и адаптация к различным медиаформатам — от ежедневной газеты до телевизионного репортажа. Этот период можно охарактеризовать как эпоху монологической визуализации: инфографика оставалась авторским, статичным сообщением, подлежащим пассивному потреблению, но уже прочно занявшим место в арсенале средств массовой коммуникации, выполняя функции информирования, разъяснения и идеологического воздействия.

Анализ инфографических сообщений XX в. позволяет систематизировать ключевые трансформации (Таблица 2).

Таблица 2. Хронология технологических и медийных трансформаций зарубежной инфографики в XX в.

Хронологический период	**Ключевые события и фигуры**	**Технологические и методологические инновации**
Зарождение современной инфографики в прессе (1900-1920-е гг.)	- 1904 г. — The New York Times публикует первую погодную карту с изотермами; - 1910-е гг. — массовое	- Внедрение тематических карт (изотермы) в ежедневную прессу; - Стандартизация статистических диаграмм как инструмента

	использование статистических диаграмм в экономических обзорах; - 1919 г. — The Times (Лондон) внедряет инфографику в военные репортажи.	экономического анализа в СМИ; - Интеграция инфографики в жанр репортажа для наглядного освещения сложных событий (война).
Визуализация данных в условиях кризисов (1930-1940-е гг.)	- 1933 г. — Fortune Magazine революционизирует деловую инфографику; - 1937 г. — появление первых инфографических разворотов в Life Magazine; - 1942 г. — создание пропагандистских инфоплакатов военного времени.	- Развитие журнальной инфографики высокого качества, сочетающей дизайн и анализ; - Формирование формата инфографического разворота как нарративного и визуального центра публикации; - Применение инфографики как инструмента массовой агитации и пропаганды.
Технический прогресс и стандартизация (1950-1960-е гг.)	-1952 г. — издания внедряют цветную инфографику в ежедневные выпуски; -1967 г. — разработка первых компьютерных программ визуализации данных; - 1969 г. — лунная миссия Apollo стимулирует развитие научной инфографики.	- Цветная печать делает инфографику более доступной и привлекательной в ежедневной газете; - Автоматизация визуализации: переход от ручной графики к компьютерным алгоритмам; - Инфографика становится ключевым инструментом для коммуникации сложных научных и технологических достижений.
Компьютерная революция (1970-1980-е гг.)	- 1975 г. — проведение первых экспериментов с интерактивной графикой; - 1980 г. — National Geographic устанавливает новые стандарты научной и географической картографии; - 1982 г. — USA Today укрепляет позиции лидера по использованию инфографики в массовой прессе.	- Зарождение концепции интерактивной визуализации данных; - Повышение точности и детализации тематических карт и научной иллюстрации; - Массовизация и популяризация инфографики через её системное использование в ведущих изданиях.

Проведенный анализ трансформации жанра инфографики в СМИ XX в. выявляет её качественную трансформацию из вспомогательного элемента в автономный жанр визуальной журналистики, детерминированную диалектикой технологического прогресса, социального запроса и профессионализации медиасферы [18, 108]. Технические инновации 1950–1960-х гг. (цветная полиграфия, первые компьютерные системы) способствовали стандартизации и тематической специализации [17]. Качественный скачок произошел в 1970–1980-е гг. благодаря компьютерной революции, позволившей перейти к экспериментам с интерактивностью и утвердить новые профессиональные стандарты [20, 44].

К началу 80-х гг. XX в. персональные компьютеры стали значительно доступнее для пользователей, что привело к расширению возможностей использования программного обеспечения в образовательном процессе [22, с.9].

Итогом столетней эволюции стали три ключевые тенденции, отражающие сдвиги в медиакультуре:

1) технологическая — от ручной графики к цифровым и алгоритмическим решениям;

2) содержательная — от узкоспециальных данных к универсальному языку массовой визуальной коммуникации;

3) функциональная — от иллюстрации к самостоятельному жанру.

Эти процессы маркируют общий переход медиасистемы от текстоцентричной к визуально-ориентированной модели, что соответствует зарождающейся парадигме цифровой эпохи. Современные мультимедийные форматы, синтезируя различные модальности (текст, графика, звук), реализуют принципы интерактивности и адресности, что оптимизирует восприятие и способствует более глубокой вовлеченности аудитории [21]. Таким образом, инструменты визуализации формируют комплексный медиаинструментарий, обеспечивающий расширение охвата, повышение качества контента и интенсификацию пользовательского участия в информационных процессах.

3. Цифровая эра: интерактивность, диалог и алгоритмизация.

Рубеж XX–XXI вв., отмеченный распространением интернета, инициировал качественный сдвиг в онтологии инфографики как медиаформата. Переход от статичного изображения к интерактивной веб-визуализации (с использованием Flash, а затем HTML5 и JavaScript) изменил саму логику взаимодействия с контентом.

Основные трансформации в цифровую эпоху:

1. Смена роли аудитории. Реципиент превратился из пассивного наблюдателя в активного со-исследователя, получившего возможность управлять данными (фильтровать, сортировать, выбирать слои информации). Это ознаменовало переход к диалогической модели медиакоммуникации.

2. Интеграция в новые медиаформаты. Инфографика адаптировалась под логику социальных сетей, став форматом для вирусного распространения. Появление дата-блогов (например, The Guardian Datablog) и дашбордов (как во время пандемии COVID-19) сделало ее инструментом журналистики данных в реальном времени.

3. Алгоритмический поворот. Внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения привело к автоматизации анализа данных и генерации визуализаций. Это ставит новые вопросы перед журналистикой: о роли журналиста-куратора, об этике использования алгоритмов и о новом типе алгоритмического авторства [60, 98].

4. Иммерсивный сторителлинг. Технологии дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR) открывают путь к созданию пространственной инфографики, «погружающей» пользователя в данные, что формирует принципиально новый опыт восприятия журналистского нарратива [102].

В современной парадигме инфографика вышла за рамки традиционного СМИ, став частью экосистемы цифровых медиакоммуникаций, где взаимодействие с данными, интерактивность и персонализация являются базовыми принципами.

Рассмотрим эволюцию цифровой инфографики в XXI в. в Таблице 3 [100, 60, 97, 108, 99].

Таблица 3. Эволюция цифровой зарубежной инфографики в XXI в.

Хронологический период	**Ключевые события и фигуры**	**Технологические и методологические инновации**
Цифровая революция и первые интерактивные решения (2000-2005 гг.)	- 2001 г. — The New York Times внедряет первые интерактивные веб-инфографики; - 2003 г. — появление специализированных отделов инфографики в редакциях; - 2005 г. — Активное начало	- Становление интерактивности как базового принципа веб-инфографики; - Институционализация инфографики в медиа: создание профильных отделов; - Доминирование Flash как

	использования Flash-технологий для анимации данных.	основной технологии для создания сложных анимированных визуализаций.
Расцвет интерактивной визуализации данных (2006-2010 гг.).	- 2006 г. — The Guardian запускает знаковый проект Datablog, посвященный данным и их визуализации; - 2008 г. — разработка первых мобильных приложений, ориентированных на инфографику; - 2010 г. — визуализация «Как работает нефтяное пятно» (The New York Times) — эталонный пример объясняющей журналистики.	- Появление специализированных дата-блогов как новых медиаформатов; - Мобилизация контента: адаптация инфографики под смартфоны и планшеты; - Развитие нарративной инфографики, где визуализация ведет читателя по сложному сюжету.
Эпоха Big Data и социальных медиа (2011-2015 гг.)	- 2011 г. — массовое внедрение инфографики в социальные сети (Facebook, Twitter) как формат для вирусного распространения; - 2013 г. — создание первой полноценной адаптивной (responsive) инфографики, корректно отображающейся на любом устройстве; - 2015 г. — первые эксперименты с VR-инфографикой в журналистике.	- Инфографика как инструмент социального шеринга и привлечения аудитории в соцсетях; - Внедрение принципов responsive design, сделавших визуализацию универсальной; - Освоение иммерсивных технологий (VR) для «погружения» в данные.
Искусственный интеллект и автоматизация (2016-2020 гг.)	- 2016 г. — применение алгоритмов машинного обучения для анализа данных и поиска визуальных паттернов; - 2018 г. — использование нейросетей для автоматического создания шаблонов и элементов инфографики; - 2020 г. — Повсеместное использование real-time инфографики для отслеживания пандемии COVID-19.	- Автоматизация анализа данных и генерации визуализаций с помощью ИИ; - Интеграция нейросетевых моделей в дизайн-процесс; - Развитие динамической инфографики, обновляемой в реальном времени из источников данных.
Иммерсивные технологии и генеративный ИИ (2021 г. — настоящее время)	- 2021 г. — The New York Times внедряет AR-инфографику (дополненную реальность) в свои статьи; - 2022 г. — эксперименты с размещением инфографики в прототипах метавселенных; - 2023 г. — активное использование генеративного искусственного интеллекта (напр., DALL-E, Midjourney) для создания и концептуализации инфографики.	- Переход к иммерсивному сторителлингу через AR, накладывающему данные на реальный мир; - Исследование инфографики в контексте 3D-виртуальных пространств; - Революция в создании контента: генеративный ИИ как помощник в дизайне, иконографии и генерации идей.

Современный этап определяется конвергенцией больших данных, искусственного интеллекта и иммерсивных технологий. Инфографика эволюционирует в сторону сложных алгоритмических систем, что знаменует новый виток в ее культурной роли:

— Автоматизация и генеративность. Алгоритмы машинного обучения и генеративный ИИ берут на себя задачи анализа паттернов в данных, создания шаблонов и даже концептуального дизайна. Это меняет творческий процесс, смещая роль человека к кураторству и постановке задач, что ставит новые вопросы об авторстве и эстетике в цифровой культуре [60, 98];

— Real-time визуализация и дашборды. Дашборды пандемии COVID-19 стали ярким примером того, как инфографика превратилась в инструмент ориентации в турбулентной реальности, функционируя как общедоступный «пульт» мониторинга глобальных процессов [60]. Это свидетельствует о слиянии инфографики с системами управления и принятия решений в режиме реального времени;

— Иммерсивный поворот. Внедрение технологий дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR) открывает путь к «погружению» в данные [100]. Пространственная инфографика перестает быть метафорой, позволяя буквально находиться внутри моделируемых процессов, что формирует принципиально новый тип телесного и пространственного опыта взаимодействия с информацией, стирая границы между медиа, интерфейсом и окружающей средой.

В этой парадигме инфографика выходит за пределы традиционной журналистики и образования, интегрируясь в data-культуру — среду, где взаимодействие с алгоритмически обработанными данными определяет повседневные практики, художественные формы (data art — искусство на основе данных как синтез визуализации и генеративных алгоритмов) и механизмы социального управления [99, 103].

4. Отечественный журналистский опыт в сфере инфографики до XX века (от древнерусских летописей до конца XIX столетия).

Эволюция отечественной журналистики неразрывно связана с развитием способов визуальной передачи информации. Еще до появления современных медиа российские авторы использовали приемы, которые сегодня относят к инфографике: от схематичных миниатюр в летописях до статистических диаграмм в газетах XIX века. В данном разделе на основе хронологического подхода рассматриваются ключевые этапы становления отечественной журналистской инфографики, ее главные фигуры и технологические инновации (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Отечественный журналистский опыт в сфере инфографики до XX века (от древнерусских летописей до конца XIX столетия).

Хронологический период	**Ключевые события и фигуры**	**Технологические и методологические инновации**
XI-XVI вв. (Древняя Русь: рукописные летописи и лицевые своды)	- «Остромирово Евангелие» (1056-1057) — миниатюры с пояснительными элементами. - «Радзивилловская летопись» (XV в.) — более 600 цветных миниатюр, изображающих события, батальные схемы, осады городов. - «Лицевой летописный свод» (XVI в., при Иване Грозном) — 10 томов, ~16 тыс. миниатюр.	- Появление летописных миниатюр как прото-инфографики: схематичное изображение войск, стен, рек, мостов. - Использование внемасштабных карт-схем в тексте (совмещение текста и изображения). - Создание хронографических таблиц (зрительное сопоставление дат и событий).

XVII в. (Первый печатный опыт и рукописные газеты)	- Издание «Букваря» Кариона Истомина (1694) — гравюры с пояснительными схемами. - Рукописные «Куранты» (протогазеты) — редкие иллюстрации крепостей, кораблей, карт битв. - Гравированные «лубочные листы» (пояснительные схемы к библейским и историческим сюжетам).	- Техника ксилографии (гравюра на дереве) и резцовой гравюры на меди для тиражирования схем. - Появление изобразительной статистики — рисунки с цифровыми подписями (налоги, войско). - Развитие придворной визуальной пропаганды через гравюры-диаграммы.
1700-1750-е гг. (Петровская эпоха: первая газета и утилитарная графика)	- Газета «Ведомости» (с 1703) — первые карты местности, схемы кораблей, планы осад (гравюры). - Работа гравёров: Алексей Зубов, Михаил Карновский. - «Арифметика» Леонтия Магницкого (1703) — иллюстрации-схемы числовых таблиц.	- Регулярное использование карт и планов в периодическом издании (политическая и военная инфографика). - Создание комбинированной гравюры (текст + цифры + масштабируемый рисунок). - Зарождение прикладной технической графики в СМИ (схемы пушек, шлюзов, кораблей).
1750-1800 гг. (Елизаветинский и екатерининский классицизм)	- Журнал «Трудолюбивая пчела» (1759, А. Сумароков) — элементы деловой графики (таблицы расходов, схемы земель). - Академические «Календари» и «Месяцесловы» — таблицы затмений, карты неба, схемы природных явлений. - Газета «Санкт-Петербургские ведомости» — изредка схемы кораблекрушений и карты новых открытий.	- Внедрение линейной перспективы и масштабных сеток в газетные иллюстрации. - Появление статистических таблиц как самостоятельного визуального жанра (урожаи, население, налоги). - Переход от чисто гравюрной техники к офорту и акватинте (более детальная схематизация).
1800-1850 гг. (Первая половина XIX в.: расцвет иллюстрированных журналов)	- Журнал «Живописное обозрение» (1835) — панорамные гравюры-схемы городов и полей сражений. - «Северная пчела» (Ф. Булгарин) — первые «карикатурно-схематические» карты общественных нравов. - Фигура: Иван Теребенёв (сатирические плакаты 1812 г. со схемами расположения армий).	- Переход к литографии — более дешёвое и быстрое тиражирование схем. - Рождение сатирической инфографики (преувеличение пропорций, упрощённые символы для социальных слоёв). - Схематизация исторических событий в «журнальных обозрениях» (хронологические ленты с рисунками).

1850-1880 гг. (Эпоха великих реформ: статистическая и земская графика)	- Земские издания, «Статистические временники» — диаграммы и картограммы урожаев, заболеваемости, грамотности. - Журналы «Нива», «Всемирная иллюстрация» — схемы подземных железных дорог, паровозов, шахт. - Фигура: Василий Поленов (схематические планы театров и археологических раскопок в прессе).	- Активное внедрение столбчатых диаграмм и круговых секторов в периодике (идеи А. Гельмгольца через нем. журналы). - Создание хромолитографии — цветная схематическая графика. - Появление жанра «объяснительная графика к фельетону» (смесь текста, стрелок и рисунков).
1880-1899 гг. (Конец XIX в.: предтеча газетной инфографики)	- Газета «Новое время» (А. Суворин) — ежедневные схемы чрезвычайных происшествий (пожары, крушения поездов, карты боёв). - Журнал «Огонёк» (основан в 1899 г.) — дебют оперативной событийной графики. - Фигуры: художники-иллюстраторы И. Галкин, Н. Каразин (схемы экспедиций в газетах).	- Переход к «кальке с фотографии» + дорисовка стрелок и подписей (прообраз современной новостной инфографики). - Создание репортажной пояснительной графики в номере (быстрое производство схем за 2--3 часа). - Использование метода наложения прозрачных слоёв при многокрасочной печати для сложных схем.

Становление отечественной журналистской инфографики прошло несколько ключевых этапов.

В XI–XVI веках в рамках рукописных летописей («Радзивилловская летопись», «Лицевой летописный свод») появились миниатюры-схемы, изображавшие войска, карты местности и хронографические таблицы. В XVII веке с первыми печатными изданиями и «Курантами» начала использоваться гравюра для тиражирования изобразительной статистики и придворной визуальной пропаганды [67, 73, 77, 59, 55, 31, 33, 34, 52, 79, 38].

Петровский период (1700–1750-е гг.) стал переломным: газета «Ведомости» регулярно публиковала карты, планы осад и схемы кораблей. В екатерининскую эпоху (1750–1800 гг.) статистические таблицы выделились в самостоятельный жанр, появились линейная перспектива и масштабные сетки [25, 28, 83, 90, 93, 80, 81].

В первой половине XIX века (1800–1850 гг.) расцвели иллюстрированные журналы, зародилась сатирическая инфографика (плакаты И. Теребенева), а литография ускорила тиражирование схем. Эпоха реформ (1850–1880 гг.) принесла столбчатые и круговые диаграммы в земских изданиях и цветную хромолитографию. Наконец, в конце XIX века (1880–1899 гг.) газеты «Новое время» и «Огонёк» начали выпускать оперативные схемы происшествий, используя метод «кальки с фотографии» и создавая пояснительную графику за несколько часов [29, 53, 87, 85, 64, 91, 65, 68, 69].

Таким образом, к концу XIX века в отечественной журналистике сложилась традиция использования инфографических форм — от летописных миниатюр до репортажных схем. Были освоены ключевые технологии (ксилография, литография, хромолитография), выработаны основные жанры (карта-схема, диаграмма, хронографическая лента) и методы оперативного производства визуального контента. Этот опыт стал фундаментом для развития современной российской школы журналистской инфографики.

5. Отечественная инфографика в журналистике: от советского плаката к российским дата-проектам.

Отечественная журналистская визуализация данных советского периода развивалась автономно, под влиянием государственного контроля медиа, идеологических задач и неравномерной технологической модернизации. Ее эволюция не носила линейного догоняющего характера: на одних этапах она опережала или предлагала оригинальные решения, на других — существенно запаздывала относительно мировых тенденций.

Рассмотрим конкретные примеры и обсудим новизну технологий в Таблице 5.

Таблица 5. Основные этапы развития отечественной журналистской инфографики (от советского периода до современной России).

Хронологический период	**Ключевые события и фигуры**	**Технологические и методологические инновации**
1920–1930-е гг. (Становление советской газетной графики)	- Выход «Окон РОСТА» (1919–1925) — плакаты с лаконичными рисунками; - Работа художников В. Маяковского, Д. Моора, М. Черемных; - Развитие журналов «Огонёк», «Крокодил» с элементами пояснительной графики.	-Появление пропагандистского плаката с комбинированием текста и символических изображений; -Формирование принципа «графика вместо текста» для малограмотной аудитории; -Ручная техника трафарета и литографии.
1950–1970-е гг. (Эпоха научно-популярной и картографической графики)	- Журнал «Наука и жизнь»: схемы, чертежи, пояснительные рисунки; -Газета «Комсомольская правда» начинает использовать карты и схемы к событиям (полёты в космос, стройки);	-Внедрение линейных схем и картосхем в ежедневной прессе; -Возникновение авторской пояснительной графики как жанра; -Использование фоторепортажа в сочетании с ручной графикой.
1980–1990-е гг. (Перестройка и появление компьютерных технологий)	- Газета «Известия»: первые попытки статистической инфографики (диаграммы, графики); - Газета «Коммерсантъ» (с 1989) начинает применять деловую графику.	-Начало перехода от ручной отрисовки к компьютерному дизайну (PC, Adobe Illustrator версий 3–5); -Появление деловой (статистической) инфографики — столбчатые и круговые диаграммы, биржевые графики.
2000–2010 гг. (Цифровая революция и зарождение студий)	- Создание отдела инфографики в газете «Ведомости» (2002) — первый штатный профессиональный отдел; - Журнал «Русский Newsweek»: сложные нарративные схемы; - Газета «Аргументы и факты»: рекордные по сложности карты и схемы.	-Активное внедрение 3D-моделирования и анимации (для CD-приложений и сайтов); -Стандартизация модульных сеток в газетах; -Появление первого отечественного софта для верстки графики (скрипты для Adobe InDesign).
2010–2015 гг. (Расцвет в онлайн-СМИ и лонгридах)	- Проект «Лента.ру»: спецпроекты с вертикальной скролл-инфографикой; - Издание «Коммерсантъ» запускает отдел визуальных данных;	-Переход к интерактивной и анимированной веб-инфографике (JavaScript, D3.js, Canvas); -Появление респонсив-дизайна для графиков;

	- Журнал «Инфографика» (2011).	-Развитие жанра «лонгрид с embedded-графикой».
2015–2020 гг. (Мейнстриминг и открытые данные)	- Проекты ТАСС, РИА Новости («Рейтинг», «Инфографика на карте»); - Аналитическая визуализация российского «Forbes»: издание регулярно использует диаграммы, карты и интерактивные форматы для объяснения экономических, финансовых и социальных тем.	-Массовое использование инструментов open data (Tableau Public, Datawrapper); -Развитие дата-журналистики как метода: сбор и очистка массивов данных; -Внедрение библиотек D3 в production в новостных редакциях.
2020–2025 гг. (Автоматизация и мультиформатность)	- Редакции Тинькофф-журнала, «РБК» — дата-сторителлинг; - Иммерсивные проекты РИА Новости, - Центр инновационной журналистики РИА «Новости» — первые VR-журналисты в России; - RT360 — мобильное приложение для панорамного видеоконтента RT (Russia Today).	-Автоматическая генерация инфографики из API (выборы, COVID-статистика); -Формирование методологии проверки данных перед визуализацией; -Эксперименты с AR/VR-графикой в мобильных приложениях СМИ; -Отказ от Flash → HTML5 + WebGL.

Советская инфографика формировалась в русле агитационно-плакатной традиции и в значительной мере выполняла идеологически-иллюстративную функцию. При технологических ограничениях полиграфии она долго сохраняла упрощенные формы — таблицы, схемы и линейные диаграммы, — а качественное расширение ее задач произошло лишь в 1960–1970-е гг. в научно-популярной журналистике, где инфографика стала инструментом популяризации знания [70–72, 78, 106, 71, 26, 56, 82, 107, 104, 105, 66, 36].

В период перестройки и в 1990-е гг. в отечественной прессе активизировалось освоение западных канонов инфографики на фоне экономической нестабильности и недостаточной институционализации дизайн-практик. В 2000–2010-е гг. цифровизация медиасреды и деятельность таких авторов, как Фёдор Шумилов, Игорь Рудерман, Владимир Лаптев, Виталий Артюхин и Мария Уварова способствовали становлению отечественной школы инфографики. Их деятельность способствовала не только закреплению инфографики как устойчивого редакционного инструмента, но и постепенному оформлению профессиональной среды, в которой визуализация данных стала рассматриваться как самостоятельное направление журналистской практики, а не только как вспомогательный элемент оформления.

Современный этап российской инфографики отличается успешным освоение м иммерсивных и data-driven форматов, а также способностью находить эффективные решения в условиях санкционных ограничений. К сильным сторонам отечественной школы относятся продуманная нарративная связь с текстом, гибкая адаптация под платформенные форматы и умение выполнять социально значимую функцию в государственном медиасегменте [50, 54, 107, 48, 84, 107, 92, 45].

В заключение следует отметить, что современная российская журналистика развивается в направлении мультимедийности, платформенной адаптации и усиления роли визуальных форматов. Одновременно внедрение искусственного интеллекта остается неравномерным, что воспроизводит технологический разрыв между ведущими

и периферийными медиа. В этих условиях возрастает значение новых профессиональных компетенций, связанных с анализом данных, визуализацией, фактчекингом и цифровой безопасностью, что существенно трансформирует роль журналиста в медиакоммуникационной системе.

Заключение. Проведенный медиакоммуникационный анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция инфографики представляет собой репрезентативную модель трансформации медийных форматов и практик под влиянием технологий. Пройден путь, маркирующий ключевые сдвиги в системе «журналист — медиаформат — аудитория»:

1. От монологического формата в печатных СМИ (статичная иллюстрация, контроль автора) к диалогической и интерактивной модели в цифровой среде (со-участие аудитории, user-generated paths).

2. От вспомогательного элемента текстового нарратива к самостоятельному полимодальному жанру журналистики данных, а затем к алгоритмически-адаптивным системам, генерирующим персонализированные визуальные нарративы.

3. От жестких канонов печатного дизайна к гибким, адаптивным и иммерсивным форматам, интегрированным в социальные медиа и новые технологические платформы (AR/VR, метавселенные).

Инфографика утвердилась как фундаментальный элемент языка современной журналистики и медиакоммуникаций, формирующий новые стандарты фактчекинга, нарративные стратегии и практики вовлечения аудитории. Ее дальнейшее развитие будет определяться способностью журналистского сообщества осваивать алгоритмические инструменты, соблюдать этические стандарты визуальной коммуникации и создавать на их основе содержательные форматы, обеспечивающие глубокое и критическое взаимодействие с информационной сложностью мира.

Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта показывает, что, несмотря на универсальную логику технологической эволюции, конкретные формы и функции инфографики всегда опосредованы национальными медиасистемами, что требует дальнейших кросс-культурных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, Н. А. Исторический обзор и особенности визуализации инфографики с XVII по XIX вв / Н. А. Архипова // Вестник Московского Международного Университета. — 2024. — № 2(2). — С. 16–21.
2. Баранова, Е. А. Все, что вы должны знать, если хотите развивать инфографику на газетном сайте / Е. А. Баранова // Медиаскоп. — 2013. — № 4. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vse-chto-vy-dolzhny-znat-esli-hotite-razvivat-infografiku-na-gazetnom-sayte (дата обращения: 03.12.2025).
3. Бартрум, Г. Альбрехт Дюрер и его наследие / Г. Бартрум; пер. с англ. — Лондон: British Museum Press, 2002. — 256 с.
4. Гернсхайм, Г. Истоки фотографии / Г. Гернсхайм; пер. с англ. — Лондон: Thames & Hudson, 1982. — 280 с.
5. Гранов, Д. А. Древнейшие страницы истории человечества / Д. А. Гранов. — М.: Наука, 1965. — 280 с.
6. Джонсон, С. Карта призраков. Как самая страшная эпидемия холеры в викторианском Лондоне изменила науку, города и современный мир / С. Джонсон ; пер. с англ. — М. : Бомбора, 2020. — 320 с.
7. Келлер, У. Величайшее зрелище: Визуальная история Крымской войны / У. Келлер; пер. с англ. — Нью-Йорк: Routledge, 2001. — 340 с.
8. Клотт, Ж. Пещерное искусство / Ж. Клотт; пер. с фр. — Лондон: Phaidon, 2008. — 320 с.
9. Королев, Л. Н. Трудный путь к стандартизации сетей хранения данных / Л. Н. Королев // Открытые системы. СУБД. — 2013. — № 5. — Режим доступа: https://www.osp.ru/os/2013/05/13036001 (дата обращения: 02.12.2025).
10. Куликова, К. Ю. Онлайновая инфографика: типы, цели, особенности дизайна / К. Ю. Куликова // Альманах научных работ молодых ученых Университета ИТМО : Материалы XLVI научной и учебно-методической конференции, Санкт-Петербург, 31 января — 03 2017 года. Том 4. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2017. — С. 140–144.

11. Лапин, А. И. Фотография как... / А. И. Лапин. — 2-е изд. — СПб. : Лань, 2011. — 400 с.
12. Леруа-Гуран, А. Сокровища доисторического искусства / А. Леруа-Гуран; пер. с фр. — Нью-Йорк: Abrams, 1967. — 450 с.
13. Лукашкова, И. Л. Медиаобразовательный потенциал инфографики в высшей школе / И. Л. Лукашкова // Медиасфера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве: сб. науч. ст. X Междунар. науч.-метод. конф., Могилев, 22–26 мая 2023 года. — Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2023. — С. 62–66.
14. Некрасова, Е. А. Немецкая гравюра XV–XVI веков / Е. А. Некрасова. — М.: Искусство, 1984. — 215 с.
15. Панофский, Э. Жизнь и творчество Альбрехта Дюрера / Э. Панофский; пер. с англ. — Принстон: Princeton University Press, 1943. — 320 с.
16. Рева, Е. К. Инфографика в средствах массмедиа: от теории к практике: учеб. пособие / Е. К. Рева, Г. С. Зуева. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. — 76 с.
17. Северова, Т. С. Инфографика: учебное пособие / Т. С. Северова. — М. : МПГУ, 2023. — 96 с. — Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/338990 (дата обращения: 02.12.2025).
18. Силанов, Н. А. Информационная графика в современной визуальной культуре / Н. А. Силанов // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 23–31.
19. Симакова, С. И. Инфографика в семиосфере журналистики / С. И. Симакова. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2021. — 200 с.
20. Симакова, С. И. Инфографика: прошлое, настоящее, будущее / С. И. Симакова, В. В. Федотовский // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2016. — № 3 (20). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-proshloe-nastoyaschee-buduschee (дата обращения: 02.12.2025).
21. Смирнов, А. В. Что такое мультимедиа? / А. В. Смирнов // Наука и школа. — 2006. — № 4. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-multimedia (дата обращения: 03.12.2025).
22. Старичкова, Ю. В. Разработка компонента управления данными программы учебной дисциплины для информационной системы управления образовательной средой / Ю. В. Старичкова, И. Е. Рогов, В. С. Томашевская // Russian Technological Journal. — 2023. — Т. 11, № 1. — С. 7–17. — https://doi.org/10.32362/2500-316X-2023-11-1-7-17
23. Стефанов, С. И. Краткая энциклопедия печатных технологий / С. И. Стефанов. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2017. — 248 с.
24. Фролова, М. А. История возникновения и развития инфографики / М. А. Фролова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. — 2014. — № 10. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-infografiki (дата обращения: 02.12.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 1703, 2 янв. Выход в свет первой русской газеты «Ведомости» [Электронный ресурс] // Dzodzo. — URL: https://dzodzo.ru/dates/1703-2-yanv-vyhod-v-svet-pervoj-russkoj-gazety-vedomosti/ (дата обращения: 28.05.2026).
2. Азбуки революции [Электронный ресурс] // Обсерватория культуры. — 2015. — С. 45–58. — URL: https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/964/706 (дата обращения: 28.05.2026).
3. АиФ. Инфографика. [Электронный ресурс] // AiF.ru. — URL: https://aif.ru/infographic?ysclid=mpqpsyw3q7477847458 (дата обращения: 28.05.2026).
4. Алексей Зубов. Петровская гравюра [Электронный ресурс] // Ренессанс. — URL: https://renesans.ru/russian_artist/zubov-f-e/petrovskay-gravura.shtml (дата обращения: 28.05.2026).
5. Архив газеты «Северная пчела» за 1825–1861, 1863–1864 годы (10610 номеров) [Электронный ресурс] // Vtome.ru. — URL: https://vtome.ru/jurnali/jgumanitarnie/120789-arhiv-gazety-severnaya-pchela-za-1825-1861-1863-1864-gody-10610-nomerov.html (дата обращения: 28.05.2026).
6. Баранова Е. А. Все, что Вы должны знать, если хотите развивать инфографику на газетном сайте // Медиаскоп. 2013. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1435 (дата обращения: 29.05.2026).
7. Behind the Scenes at the Guardian Datablog [Электронный ресурс] // DataJournalism.com. — 2020. — URL: https://datajournalism.com/read/handbook/one/in-the-newsroom/behind-the-scenes-at-the-guardian-datablog (дата обращения: 03.12.2025).
8. Букварь Кариона Истомина (1694) [Электронный ресурс] // Internet Archive. — URL: https://archive.org/details/1694-bukvar-istomin_20240103/1694_Bukvar_Istomin/page/n7/mode/2up (дата обращения: 28.05.2026).

9. Вести-Куранты (газета) [Электронный ресурс] // Академический словарь. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/527/BTOhttp:/dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/295188 (дата обращения: 28.05.2026).
10. Вести-Куранты. 1600—1639 гг. (1972) [Электронный ресурс] // Internet Archive. — URL: https://archive.org/details/1600-1639-..-1972/mode/2up (дата обращения: 28.05.2026).
11. Ведомости. Инновации и технологии [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2013. — 7 февр. — URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/02/07/karernyj_rost_v_kartinah (дата обращения: 28.05.2026).
12. Выпуски с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. Подшивка газеты «Комсомольская правда» за 1941—1945 годы // [Электронный ресурс] Habr. — Текст: электронный. — URL: https://habr.com/ru/articles/590769/ (дата обращения: 29.05.2026).
13. Визуализация данных и инфографика: тренды и разбор кейсов [Электронный ресурс] // Sostav. — 2021. — 13 янв. — URL: https://www.sostav.ru/publication/trendy-v-infografike-govorit-i-pokazyvaet-tass-32323.html (дата обращения: 28.05.2026).
14. Вышел первый петербургский номер газеты «Ведомости» [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. — URL: https://www.prlib.ru/history/619259 (дата обращения: 28.05.2026).
15. Генеральные информационные партнеры [Электронный ресурс] // Форум Восток. — URL: https://forumvostok.ru/archive/2017/partners/general-media/ (дата обращения: 28.05.2026).
16. Giardina, M. (2013). Information Graphics Design Challenges and Workflow Management. Online Journal of Communication and Media Technologies, 3(1), 108–123. — URL: https://www.ojcmt.net/download/information-graphics-design-challenges-and-workflow-management.pdf (дата обращения: 03.12.2025).
17. Gibbons, S. (2018, May 27). Information Visualization: A Brief 20th and 21st Century History. Nielsen Norman Group. — URL: https://www.nngroup.com/articles/information-visualization-history/ (дата обращения: 11.04.2024).
18. Forbes Россия. Инфографика. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Forbes Russia. — URL: https://www.forbes.ru/tegi/infografika?ysclid=mpr0yzd1z7648145112 (дата обращения: 28.05.2026).
19. Герасимова, И. С. Зарубежный опыт визуализации научной информации в массмедиа [Электронный ресурс] // Медиаскоп. — 2016. — Вып. 4. — URL: http://www.mediascope.ru/node/2185 (дата обращения: 29.05.2026). (дата обращения: 28.05.2026).
20. Журнал «Инфографика» [Электронный ресурс] // Infogra.ru. — 2010. — 31 дек. — URL: https://infogra.ru/infographics/infographicsmag (дата обращения: 28.05.2026).
21. Иммерсивные проекты РИА Новости [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 13.01.2023. — URL: https://ria.ru/20230113/riavr-1841965276.html (дата обращения: 29.05.2026).
22. Инфографика — РИА Новости [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2022. — 31 дек. — URL: https://ria.ru/infografika/ (дата обращения: 28.05.2026).
23. Инфографика АиФ [Электронный ресурс] // Infogra.ru. — 2022. — 17 июня. — URL: https://infogra.ru/infographics/infografika-aif (дата обращения: 28.05.2026).
24. Инфографика — ТАСС [Текст] // ТАСС. — 2020. — URL: https://tass.ru/msp-infografika?ysclid=mpr09w6n4e748735612 (дата обращения: 28.05.2026).
25. Инфографика агентства РИА Новости [Электронный ресурс] // Infogra.ru. — 2012. — 30 июня. — URL: https://infogra.ru/infographics/infografika-agenstva-ria-novosti (дата обращения: 28.05.2026).
26. Инфографика: что такое и как создать [Электронный ресурс] // 360.yandex.ru. — 15.07.2024. — URL: https://360.yandex.ru/blog/business/kak-s-pomoshyu-infografiki-vizualizirovat-informaciyu/ (дата обращения: 29.05.2026).
27. Искусство книги и гравюры Петровского времени [Электронный ресурс] // Студfile. — URL: https://studfile.net/preview/9946079/ (дата обращения: 28.05.2026).
28. Искусство лубка в дореволюционной России [Электронный ресурс] // Культура.РФ. — URL: https://www.culture.ru/materials/254483/iskusstvo-lubka-v-dorevolyucionnoi-rossii (дата обращения: 28.05.2026).
29. К истории газеты «Северная пчела»: Ф. В. Булгарин и Российско-Американская компания [Электронный ресурс] // Мой универ. — URL: https://moyuniver.net/k-istorii-gazety-severnaya-pchela-f-v-bulgarin-i-rossijsko-amerikanskaya-kompaniya/ (дата обращения: 28.05.2026).
30. Коммерсантъ. Инфографика [Электронный ресурс] // Kartoteka.ru. — 2024. — 15 марта. — URL: https://www.kartoteka.ru/infographics/1/ (дата обращения: 29.05.2026). (дата обращения: 28.05.2026).
31. Карион Истомин. Букварь [Электронный ресурс] // Государственный исторический музей. — URL: https://nav.shm.ru/exhibits/2574/ (дата обращения: 28.05.2026).

32. Крокодил (журнал) [Электронный ресурс] // Википедия. — 2006. — 18 окт. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крокодил_(журнал) (дата обращения: 28.05.2026).
33. Лайкова Я. В. Инфографика в российских СМИ: периодизация и тренды развития [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2015. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/1712 (дата обращения: 29.05.2026). (дата обращения: 28.05.2026).
34. Lima, M. (2014). The Book of Trees: Visualizing Branches of Knowledge. New York: Princeton Architectural Press.
35. Лицевой летописный свод в XXI веке [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. — URL: https://nlr.ru/manuscripts/RA1312/Litsevoy-letopisnyiy-svod (дата обращения: 28.05.2026).
36. Лучшие нейросети для инфографики [Электронный ресурс] // Neiroset. — 2025. — URL: https://neiroset.com/catalog/infographics (дата обращения: 03.12.2025).
37. Максимальный минимализм: [Электронный ресурс]: Текст: электронный // Infogra.ru. — 07.11.2011. — URL: https://infogra.ru/infographics/maksimalnyj-minimalizm (дата обращения: 29.05.2026).
38. Naked Science. #Инфографики [Электронный ресурс]// Naked Science. — URL: https://naked-science.ru/tags/infografiki (дата обращения: 29.05.2026).
39. Николай Романов, совладелец журнала «Инфографика» [Электронный ресурс] // The Village. — URL: https://www.the-village.ru/business/svoemesto/146847-svoi-lyudi-nikolay-romanov-sovladelets-zhurnala-infografika (дата обращения: 28.05.2026).
40. «Нива» [Электронный ресурс] // Internet Archive. — URL: https://archive.org/search?tab=all&query=Нива (дата обращения: 28.05.2026).
41. «Новое Время» [Электронный ресурс] // ИМЛИ РАН. — URL: https://ruslit-journ.imli.ru/index.php/rospisi-i-teksty/novoe-vremya (дата обращения: 28.05.2026).
42. О чем писали в 1966–1975 году [Электронный ресурс] // Спецпроект КП. — 2015. — 31 дек. — URL: https://100.kp.ru/1966-1975/ (дата обращения: 28.05.2026).
43. О письме и декоре [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Республики Коми. — URL: https://expositions.nlr.ru/facsimile/OstromirGospel/RA5261/dekor (дата обращения: 28.05.2026).
44. «Огонёк». 1899 [Электронный ресурс] // Internet Archive. — URL: https://archive.org/search?tab=all&query=Огонёк+1899 (дата обращения: 28.05.2026).
45. «Огонёк». №1. 1899 год [Электронный ресурс] // Internet Archive. — URL: https://archive.org/details/1899-1.bmk-brz/mode/2up (дата обращения: 28.05.2026).
46. Окна РОСТА, или УДАРное искусство [Электронный ресурс] // ВКонтакте. — 2019. — 17 сент. — URL: https://vk.com/@bgunb31-okna-rosta-ili-udarnoe-iskusstvo (дата обращения: 28.05.2026).
47. Окна РОСТА В.В. Маяковского: проблемы текстологии и ... [Электронный ресурс] // Архив НРГУМИС. — 2026. — 13 марта. — URL: https://arxiv.nrgumis.ru/articles/2292/ (дата обращения: 28.05.2026).
48. «Окна сатиры РОСТА». История создания и выпуска плакатов ТАСС [Электронный ресурс] // Rambler.news. — 2019. — 25 авг. — URL: https://news.rambler.ru/other/42720723-okna-satiry-rosta-istoriya-sozdaniya-i-vypuska-plakatov-tass/ (дата обращения: 28.05.2026).
49. Остромирово евангелие. Миниатюры и орнаменты [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. — URL: https://nlr.ru/exib/Gospel/ostr/popova_3.html (дата обращения: 28.05.2026).
50. Основные этапы развития инфографики в СМИ [Текст] // Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. — URL: https://www.journ.msu.ru/study/handouts/final-year/infographica.pdf (дата обращения: 28.05.2026).
51. Особенности инфографики в качественной прессе //Образовательный портал «Справочник». [Электронный ресурс] — URL https://spravochnick.ru/zhurnalistika/osobennosti_infografiki_v_kachestvennoy_presse/ (дата обращения: 29.05.2026).
52. Рева, Е. К. Инфографика в современных российских журналах / Е. К. Рева. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. — С. 156-158. — URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/25/989 (дата обращения: 29.05.2026).
53. Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. В четырех томах. Том 4. — М., 1999 [Электронный ресурс] // EastView. — URL: http://guides.eastview.com/browse/gbfond.html?fund_id=336689&enc=rus&bid=151 (дата обращения: 28.05.2026).
54. Русская первая инфографика [Электронный ресурс] // Одноклассники. — 2016. — URL: https://m.ok.ru/group/52009868460175/topic/65246733923727 (дата обращения: 28.05.2026).
55. Русский лубок [Электронный ресурс] // HSE Design. — URL: https://hsedesign.ru/project/d8f764e91be64745a448bed062e49210 (дата обращения: 28.05.2026).

56. Самарин А. Первые российские месяцесловы [Электронный ресурс]. — URL: https://web.archive.org/web/20200924081159/https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/37/pervyie-rossijskie-mesyatseslovyi-6b.html (дата обращения: 28.05.2026).
57. Санкт-Петербургские ведомости [1728—1917] // Русская периодическая печать (1702—1894). — 1959 [Электронный ресурс] // ФЭБ. — URL: https://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0191.htm (дата обращения: 28.05.2026).
58. Советский журнал «Крокодил» как исторический источник [Электронный ресурс] // Профиль Москвы. — 2020. — 18 авг. — URL: https://profil.mos.ru/ntek/proekty/sovetskij-zhurnal-krokodil-kak-istoricheskij-istochnik.html (дата обращения: 28.05.2026).
59. Среднерусское арифметическое [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/363433 (дата обращения: 28.05.2026).
60. Спецпроекты — Lenta.RU [Электронный ресурс] // Лента.ру. — URL: https://lenta.ru/specprojects/ (дата обращения: 28.05.2026).
61. Статистический временник Российской империи. Сер. 1. Т. 1 (1866) [Электронный ресурс] // РусНеб. — URL: https://rusneb.ru/catalog/004735_000094_RuPRLIB12041085/ (дата обращения: 28.05.2026).
62. Такие дела — медиа о социальных проблемах [Электронный ресурс] // Такие дела. — 2025. — 29 окт. — URL: https://takiedela.ru (дата обращения: 28.05.2026).
63. Теребенёв Иван Иванович [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека. — URL: https://rusmuseumvrm.ru/reference/classifier/author/terebenev_ii/index.php?lang=ru (дата обращения: 28.05.2026).
64. Tufte, E. (2006). Beautiful Evidence. Cheshire, CT: Graphics Press.
65. Управляемый юмор / Русский Newsweek [Электронный ресурс] // Томский государственный университет. — URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha:001130211/SOURCE1 (дата обращения: 28.05.2026).
66. ФЭБ: Трудолюбивая пчела [Спб., 1759] // Русская периодическая печать (1702—1894). — 1959 [Электронный ресурс] // ФЭБ. — URL: https://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0262.htm?cmd=p&istext=1 (дата обращения: 28.05.2026).
67. «Всемирная иллюстрация» [Электронный ресурс] // Internet Archive. — URL: https://archive.org/search?query=Всемирная+иллюстрация&tab=all (дата обращения: 28.05.2026).
68. Вырковский А. В. Мультимедийные элементы в современном медиатексте [Электронный ресурс] / А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. В. Колесниченко, А. Ю. Образцова, С. А. Вартанов // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: http://www.mediascope.ru/2364 (дата обращения: 29.05.2026).
69. Зубов Алексей Фёдорович [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека. — URL: https://rusmuseumvrm.ru/reference/classifier/author/zubov_af/index.php (дата обращения: 28.05.2026).
70. Covid-19 #CoronaVirus Infographic Datapack [Электронный ресурс] // Information is Beautiful. — 2024. — URL: https://informationisbeautiful.net/visualizations/covid-19-coronavirus-infographic-datapack/ (дата обращения: 03.12.2025).
71. Deepwater Horizon Oil Spill: An Interactive Look [Электронный ресурс] // The New York Times. — 2010. — URL: https://www.nytimes.com/interactive/us/spill_index.html (дата обращения: 03.12.2025).
72. Efforts to Stop the Leaking Oil in the Gulf of Mexico [Электронный ресурс] // The New York Times. — 2010. — URL: https://www.nytimes.com/interactive/2010/05/25/us/20100525-topkill-diagram.html (дата обращения: 03.12.2025).
73. Flash Journalism: Bringing Stories to Life Online [Электронный ресурс] // Journalism University. — 2025. — URL: https://journalism.university/broadcast-and-online-journalism/bringing-stories-to-life-online/ (дата обращения: 03.12.2025).
74. Generative AI is already being used in journalism [Электронный ресурс] // The Conversation. — 2025. — URL: https://theconversation.com/generative-ai-is-already-being-used-in-journalism-heres-how-people-feel-about-it-247232 (дата обращения: 03.12.2025).
75. Graphics & Data Visualization [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: https://www.nytimes.com/spotlight/graphics (дата обращения: 11.01.2025).
76. History of the Web Timeline Infographic [Электронный ресурс] // AppInstitute. — 2024. — URL: https://appinstitute.com/history-of-the-web-infographic/ (дата обращения: 03.12.2025).
77. History of visualization of data in one infographic [Электронный ресурс] // Tableau PRO. — URL: https://tableau.pro/datavizhistory (дата обращения: 11.01.2025).
78. How The NY Times Is Sparking the VR Journalism Revolution [Электронный ресурс] // Wired. — 2015. — URL: https://www.wired.com/2015/04/virtual-reality-journalism-nyt-mag/ (дата обращения: 03.12.2025).
79. Infographics, New Media and Media Consumption Habits [Электронный ресурс] // Reuters Institute. — 2019. — URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2019-

08/Infographics_New_Media_and_Media_Consumption_Habits_in_Nigeria.pdf (дата обращения: 03.12.2025).
80. «Наука и жизнь» (журнал 1980–89 гг.) [Электронный ресурс] // Публичная библиотека. — 2003. — 30 июня. — URL: https://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/'Nauka_i_jizn'_(jurnal)/NiJ_1980-89.html (дата обращения: 28.05.2026).
81. Наука и жизнь [Электронный ресурс] // Википедия. — 2005. — 23 авг. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Наука_и_жизнь (дата обращения: 28.05.2026).
82. «Мы относились к искусству, как к восстанию», выпуск №120 [Электронный ресурс] // Газета «Правда». — 2023. — 2 нояб. — URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/120-31469-2-noyabrya-2023-goda/my-otnosilis-k-iskusstvu-kak-k-vosstaniyu/ (дата обращения: 28.05.2026).
83. Инфографика и жанры в газете «Коммерсантъ» [Электронный ресурс] // Студенческий файл. — 2025. — С. 9. — URL: https://studfile.net/preview/2553891/page:9/ (дата обращения: 28.05.2026).
84. The New York Times Website Turns 20 Today [Электронный ресурс] // Observer. — 2016. — URL: https://observer.com/2016/01/the-new-york-times-website-turns-20-today/ (дата обращения: 03.12.2025).

REFERENCES

1. Arkhipova, N. A. (2024) Istoricheskii obzor i osobennosti vizualizatsii infografiki s XVII po XIX vv [Historical overview and features of infographic visualization from the 17th to the 19th centuries], Vestnik Moskovskogo Mezhdunarodnogo Universiteta, 2(2), pp. 16–21.
2. Baranova, E. A. (2013) Vse, chto vy dolzhny znat, esli khotite razvivat infografiku na gazetnom saite [Everything you need to know if you want to develop infographics on a newspaper website], Mediaskop [Online], 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vse-chto-vy-dolzhny-znat-esli-hotite-razvivat-infografiku-na-gazetnom-sayte (Accessed: 3 December 2025).
3. Bartrum, G. (2002) Albrekht Dyurer i ego nasledie [Albrecht Dürer and his legacy]. Translated from English. London: British Museum Press.
4. Gernsheim, H. (1982) Istoki fotografii [The origins of photography]. Translated from English. London: Thames & Hudson.
5. Granov, D. A. (1965) Drevneishie stranitsy istorii chelovechestva [The most ancient pages of human history]. Moscow: Nauka.
6. Johnson, S. (2020) Karta prividenii. Kak samaya strashnaya epidemiya kholery v viktorianskom Londone izmenila nauku, goroda i sovremennyi mir [The ghost map: The story of Londons most terrifying epidemic--and how it changed science, cities, and the modern world]. Translated from English. Moscow: Bombora.
7. Keller, U. (2001) Velichaishchee zrelishche: Vizualnaya istoriya Krymskoi voiny [The ultimate spectacle: A visual history of the Crimean War]. Translated from English. New York: Routledge.
8. Clottes, J. (2008) Peshchernoe iskusstvo [Cave art]. Translated from French. London: Phaidon.
9. Korolev, L. N. (2013) Trudnyi put k standartizatsii setei khraneniya dannykh [The difficult path to storage network standardization], Otkrytye sistemy. SUBD [Online], 5. Available at: https://www.osp.ru/os/2013/05/13036001 (Accessed: 2 December 2025).
10. Kulikova, K. Yu. (2017) Onlainovaya infografika: tipy, tseli, osobennosti dizaina [Online infographics: types, goals, design features], in Almanakh nauchnykh rabot molodykh uchenykh Universiteta ITMO : Materialy XLVI nauchnoi i uchebno-metodicheskoi konferentsii [Proceedings of the XLVI scientific and educational conference]. St. Petersburg, 31 January — 3 February 2017. Vol. 4. St. Petersburg: ITMO University, pp. 140–144.
11. Lapin, A. I. (2011) Fotografiya kak... [Photography as...]. 2nd edn. St. Petersburg: Lan.
12. Leroi-Gourhan, A. (1967) Sokrovishcha doistoricheskogo iskusstva [Treasures of prehistoric art]. Translated from French. New York: Abrams.
13. Lukashkova, I. L. (2023) Mediaobrazovatelnyi potentsial infografiki v vysshei shkole [Media educational potential of infographics in higher education], in Mediasfera i mediaobrazovanie: spetsifika vzaimodeistviya v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve [Media sphere and media education: specifics of interaction in the modern socio-cultural space]: Collection of scientific articles of the X International Scientific and Methodological Conference. Mogilev, 22–26 May 2023. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, pp. 62–66.
14. Nekrasova, E. A. (1984) Nemetskaya gravyura XV–XVI vekov [German engraving of the 15th–16th centuries]. Moscow: Iskusstvo.
15. Panofsky, E. (1943) Zhizn i tvorchestvo Albrekhta Dyurera [The life and art of Albrecht Dürer]. Translated from English. Princeton: Princeton University Press.
16. Reva, E. K. and Zueva, G. S. (2016) Infografika v sredstvakh massmedia: ot teorii k praktike [Infographics in mass media: from theory to practice]: textbook. Penza: Penza State University Publishing House.

17. Severova, T. S. (2023) Infografika [Infographics]: textbook [Online]. Moscow: Moscow Pedagogical State University. Available at: https://e.lanbook.com/book/338990 (Accessed: 2 December 2025).
18. Silanov, N. A. (2010) Informatsionnaya grafika v sovremennoi vizualnoi kulture [Information graphics in modern visual culture], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika, 3, pp. 23–31.
19. Simakova, S. I. (2021) Infografika v semiosfere zhurnalistiki [Infographics in the semiosphere of journalism]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
20. Simakova, S. I. and Fedotovsky, V. V. (2016) Infografika: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Infographics: past, present, future], Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya [Online], 3 (20). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-proshloe-nastoyaschee-buduschee (Accessed: 2 December 2025).
21. Smirnov, A. V. (2006) Chto takoe multimedia? [What is multimedia?], Nauka i shkola [Online], 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-multimedia (Accessed: 3 December 2025).
22. Starichkova, Yu. V., Rogov, I. E. and Tomashevskaya, V. S. (2023) Razrabotka komponenta upravleniya dannymi programmy uchebnoi distsipliny dlya informatsionnoi sistemy upravleniya obrazovatelnoi sredoi [Development of a data management component for a curriculum in an educational environment management information system], Russian Technological Journal, 11(1), pp. 7–17. Available at: https://doi.org/10.32362/2500-316X-2023-11-1-7-17
23. Stefanov, S. I. (2017) Kratkaya entsiklopediya pechatnykh tekhnologii [A brief encyclopedia of printing technologies]. 2nd edn. Moscow: FLINTA.
24. Frolova, M. A. (2014) Istoriya vozniknoveniya i razvitiya infografiki [The history of the origin and development of infographics], Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnye kompyuternye tekhnologii v obrazovanii [Online], 10. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-infografiki (Accessed: 2 December 2025).

Поступила в редакцию 22.03.2026 г.

INFOGRAPHICS IN MEDIA COMMUNICATIONS: FROM PRINT GRAPHICS TO ALGORITHMIC SYSTEMS

N.A. Arkhipova

The relevance of the study is accounted for by the infographic information genre transformation from an auxiliary element to the main language of modern journalism and media communications at the background of digitalization. The objective is media communications analysis of the data visualization historical development as a genre and format. Its genesis and transformation in the context of shifting media paradigms are considered — from print media to digital and algorithmic media systems. Based on historical, genetic, and comparative methods, the main stages of the infographic's genesis are singled out: from early forms in the press to institutionalization in mass media and further to the modern state as a complex interactive and algorithmic format. It is established that the infographics' transformation into an autonomous genre reflects key shifts in the logic of media communications. They are as follows: transition from a monological model of journalistic communication to a dialogical and an interactive one, from text-centricity to a visually-given narrative, from a standardized format to personalized and generative solutions. The conclusion is made that infographics, having gone from an element of newspaper design to an autonomous media genre, has become an integral element of the digital media environment, forming new practices for the production, distribution and perception of journalistic content, as well as new forms of interaction with the audience.

Keywords: infographics, media communications, journalism, data visualization, digital media, media formats, interactivity, algorithmic systems, media evolution.

Архипова Наталья Андреевна.
Доцент, кандидат искусствоведения.
МИРЭА — Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация.
Доцент кафедры игровой индустрии
Московский международный университет (ММУ) г. Москва, Российская Федерация.
Доцент кафедры журналистики.
ORCID: 0000-0002-8120-2514.
E-mail: naarkhip@yandex.ru

Arkhipova Natalia Andreevna.
Candidate of Art History, Associate Professor.
MIREA — Russian Technological University", Moscow, Russian Federation.
Associate Professor of Game Industry Department, Moscow International University (MIU), Moscow, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Journalism.
ORCID: 0000-0002-8120-2514.
E-mail: naarkhip@yandex.ru

Научная статья
УДК 82.0
DOI: 10.5281/zenodo.21110092

ПОЭТИКА ДНЕВНИКОВ ЭМИЛЯ ЧЁРАНА

© 2026 Р. С. Гранин
Международный теоретический журнал «Credo-New»
ORCID 0009-0002-3049-0584

Статья посвящена анализу поэтики «Дневников» Эмиля Чёрана (Cahiers: 1957–1972), представляющих собой уникальный корпус текстов, соединяющий философскую фрагментарность и исповедальную интимность. В первой части рассматривается история создания и издания дневников: от частных тетрадей, не предназначавшихся для публикации, до их посмертного появления в редакции Симоны Буэ, сыгравшей ключевую роль в их расшифровке и сохранении. Далее описывается структура дневниковых тетрадей, построенных как непрерывный поток размышлений, афоризмов, самокритических заметок и миниатюр, в которых фиксируются как события, так и состояния духа. Эти записи образуют своеобразную лабораторию письма, где рождается и распадается мысль. Показывается, что Чёран постоянно редактировал, сокращал и трансформировал свои записи, превращая дневники в черновой источник для будущих книг. Как произведение-палимпсест, эти тексты сохраняют следы прежних редакций, слоёв письма и самоотмены, демонстрируя поэтику наслаивания и забвения. Введенная концепция текста-фронтира позволяет рассматривать дневники как пограничное письмо, соединяющее философию и литературу, публичное и сокровенное, французский язык и память о румынском, переход от стиля к отказу от него. Это пространство перехода, где авторская идентичность переживает собственное разложение и перерождение. Подчёркивается, что поэтика дневников Чёрана тесно связана с его пониманием поэзии как формы существования мысли: здесь философ становится поэтом отказа, а фраза — единственной формой дыхания в пустоте.

Ключевые слова: поэтика, палимпсест, текст-фронтир, декомпозиция, генетический анализ, переписывание, черновик, фрагментарность, частный мыслитель.

Для цитирования: Гранин Р. С. Поэтика дневников Эмиля Чёрана / Р. С. Гранин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 70–92. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21110092.

Эмиль Чёран: от румынского взрывного стиля к французской афористике. Дневник как летопись перехода.

Румынский период (1932–1946) творчества Эмиля Чёрана (рум., фр. Emil Cioran; 1911–1995) — один из самых напряжённых и вулканических этапов европейской интеллектуальной литературы XX века. Именно в эти годы возникает тот уникальный голос, который позднее, уже во французских книгах, станет более сдержанным, афористическим и классически отточенным, но никогда не утратит своей внутренней раны. Самим Чёраном в предвоенной Румынии было опубликовано пять книг; условно их можно назвать «румынским пятикнижием» Чёрана — по аналогии с «Великим пятикнижием» Достоевского — любимого писателя Чёрана. Румынский Чёран — это ещё не моралист и не скептик позднего периода, а мыслитель катастрофического темперамента, философ-лирик, для которого мышление неотделимо от биографии тела: бессонницы, нервного истощения, эротического напряжения, мистических кризисов, политического бреда, тоски по абсолюту и отвращения к истории. Его философия возникает не из системы, а из потрясения. Он мыслит не понятиями, а состояниями. Поэтому румынские книги Чёрана — не трактаты, а исповеди, не исследования, а внутренние землетрясения.

Первая книга Чёрана — «На вершинах отчаяния» (Pe culmile disperării, 1934) [15] — рождается из опыта бессонницы, доведённой до предела. Это книга, написанная человеком, который пытается избежать самоубийства посредством письма. Вместо физической смерти совершается символическое уничтожение личности. Автор разрушает прежнее «я», чтобы собрать себя заново — уже как литературное существо. После этого распада возникают основные маски раннего Чёрана: лирический самоубийца, подпольный человек, новый Иов, человек, заболевший сознанием. Именно здесь философия Чёрана перестаёт быть систематической и становится лирической (личной, но не столько искренней, сколько выдуманно-желаемой). Мысль приобретает плоть. Все традиционные философские темы — смерть, вечность, зло, Бог, время, отчаяние — больше не существуют как отвлечённые категории. Они становятся физиологическими состояниями. Чёран пишет не идеи, а навязчивые идеи. Его мысль всегда имеет температуру тела, которое находится в бреду горячки. Поэтому он предпочитает нервный кризис любой абстракции («Писать надо в горячке, иначе книга не будет заразной», — как он скажет в одном из поздних интервью). Отсюда и характерная для него смесь философии, поэзии, исповеди, пророчества. Одной из центральных тем книги становится время — не как категория, а как внутреннее разложение: «Время растёт внутри нас подобно смерти» [там же] (аллюзия на ницшеанское «Пустыня растет, горе тому, кто носит в себе пустыню»). В этом коротком высказывании уже содержится вся позднейшая метафизика Чёрана: время не движется вокруг человека, оно паразитирует внутри него. Мир у Чёрана одновременно абсурден и банален: «Абсурдность мира едва ли превосходит его банальность, чтобы позволить себе хоть малейшую иллюзию» [там же]. Здесь проявляется важнейшая особенность его поэтики: он разрушает романтическую возвышенность отчаяния. Мир не трагичен в классическом смысле — он унизительно пуст. Однако именно страдание даёт сознанию глубину. Чёран противопоставляет удовольствие боли как поверхностное — подлинному: «Если бы человек испытывал в удовольствии столько же осознанности, как и в боли, то он мог бы искупить свои удовольствия…» [там же]. Сознание у Чёрана всегда связано с болезнью. Его антропология трагична: человек — это испорченное животное, существо, заражённое рефлексией. «Совесть сделала животное человеком, а человека — демоном…» [там же]. Особенно важна для Чёрана тема пророка и сомнения. Он ненавидит фанатизм и ценит только того, кто способен сомневаться даже в собственной миссии: «Критерий сомнения — единственный способ отличить пророков от маньяков» [там же]. Даже образ Христа интересует его прежде всего как фигура внутреннего колебания, а не догматической истины. В этом уже зарождается поздняя «негативная мистика» Чёрана. Стиль книги колеблется между лиризмом и иронией. Философия здесь перестаёт быть доказательством и становится театром внутренней агонии. Именно поэтому ранний Чёран производит впечатление человека, который философствует собственными нервами.

Особое место в поэтике раннего Эмиль Чёран занимает «Книга иллюзий» (рум. Cartea amăgirilor, 1936) [31] — одна из самых лирических, экстатических и метафизически напряжённых его книг (наш перевод ее выходит в июне). Это уже не просто философское эссе, а настоящая поэма в прозе, где мысль существует как судорога плоти, а философия превращается в форму внутреннего крика. Ранний Чёран пишет здесь с неистовством одержимого. Его стиль предельно музыкален, фрагментарен и исповедален. Он мыслит не понятиями, а состояниями: экстазом, тоской, страхом, мистическим опьянением, ужасом перед временем и судьбой. В этой книге особенно заметно, что философия Чёрана рождается не из логики, а из внутреннего надрыва.

Главная тема книги — трагическая необходимость иллюзий. Человек не может жить без самообмана, потому что истина разрушает жизненную энергию. Поэтому существование оказывается балансированием между жаждой абсолютного и невозможностью вынести его присутствие. Чёран одновременно восхищается святостью и боится её: «Презирайте святых, ибо ни один святой не сошел с ума» [там же]. Святость для него — не гармония, а предельная опасность духа. Именно поэтому раннего Чёрана так привлекают фигуры Иова и Достоевского: «Я знаю только два вида внутреннего надрыва: иудейский и русский (Иов и Достоевский)» [там же]. Страдание у Чёрана приобретает почти метафизическое достоинство. Оно становится единственным способом преодоления посредственности: «Единственное оружие против посредственности — страдание» [там же]. Это одна из ключевых идей всей ранней поэтики Чёрана: боль не уничтожает личность, а создаёт её. Через страдание человек меняет своё отношение к миру и становится «случаем» («казусом»), исключением, судьбой. Отсюда возникает характерный для Чёрана культ интенсивности существования («Вера — это вопрос интенсивности» [там же]). Он требует жить так, словно каждое мгновение является последним: «Говори, как приговоренный к смерти; пусть каждое слово несет на себе печать окончательности» [там же]. Поэтому стиль книги отличается крайней эмоциональной концентрацией. Каждая фраза стремится к пределу — к экстазу, к катастрофе, к самосожжению. Чёран превращает внутреннюю биографию в миф: «Проживай себя как миф» [там же]. Так формируется вся поэтика раннего Чёрана — поэтика метафизической лихорадки, в которой философия, мистика, поэзия и исповедь сливаются в единый поток трагического сознания.

Третья книга румынского пятикнижия — «Преображение Румынии» (Schimbarea la față a României, 1936) [12] — самая опасная и противоречивая книга молодого Чёрана. Это одновременно политический манифест, националистическая утопия и документ личной духовной катастрофы. Молодой Чёран мечтает о «великой Румынии», о мистическом историческом скачке, который превратил бы периферийную страну в судьбоносную культуру. Но за этим политическим пафосом скрывается гораздо более глубокая драма — ненависть к собственной исторической второстепенности. Чёран воспринимает Румынию как навязчивую идею: «Тот ничего не понимает в Румынии, для кого она не является навязчивой идеей» [там же]. Нация становится формой личного кризиса. Поэтому его любовь к родине всегда носит патологический характер: «Я могу любить Румынию только в бреду» [там же]. Это уже не патриотизм, а форма коллективной мистики. Чёран мечтает о катастрофическом пробуждении истории: «У нас есть только одно решение: прыжок в историю» [там же]. Но прямо внутри книги начинается разрушение этой веры. Мессианский энтузиазм постепенно переходит в усталость, скепсис и желание бегства. Одно из самых трагических признаний книги: «Я не верю в Румынию» [там же]. Так «Преображение Румынии» становится хроникой краха собственного политического мифа. Именно из этого краха позднее родится французский скептицизм Чёрана.

В книге «Слёзы и святые» (Lacrimi și sfinți, 1937) [17] Чёран достигает одной из вершин своей духовной поэтики. Это книга о мистике, написанная человеком, неспособным верить. Слёзы здесь становятся не знаком покаяния, а последней формой метафизической чувствительности. Чёрана интересуют не догматы, а экстаз, не вера, а внутреннее землетрясение души. Особенно важна для него связь между русским нигилизмом и испанской мистикой: «Из всех феноменов “современной культуры” русский нигилизм более всего напоминает испанскую мистику» [там же]. В этом сопоставлении — вся логика Чёрана. Террорист и святой оказываются родственными существами, потому что оба живут

на пределе интенсивности. Россия и Испания становятся для него странами метафизического огня: «Бог колеблется между Россией и Испанией» [там же]. Здесь особенно заметно влияние Достоевского и испанской мистической традиции. Чёран воспринимает культуру не эстетически, а духовно-физиологически: культуры для него имеют температуру, пламя, степень близости к безумию.

Сумерки мыслей (рум. Amurgul gândurilor, 1940) [25] — последняя книга «румынского пятикнижия», написанная в Париже в 1940 году, уже на границе между двумя языками и двумя судьбами (наш перевод этой книги выходит в июне). Название книги — это оммаж «Сумеркам идолов», однако различие между двумя авторами принципиально: если Ницше философствует молотом, то Чёран — кинжалом. Каждая мысль здесь похожа на нервный спазм. Афоризм перестаёт быть завершённой формой мудрости и превращается в след ранения. Мысль становится не аргументом, а состоянием — бессонницей, тоской, лихорадкой. Чёран определяет задачу мыслителя почти как поэтическую миссию: «Предназначение мыслителя: изобретать поэтические идеи, восполнять мир абсолютными образами…» [там же]. Это чрезвычайно важное признание. Чёран не доверяет философии как системе. Его мысль существует через образ, ритм, вспышку. Другая цитата раскрывает центральный парадокс всей его поэтики: «Я начал любить жизнь лишь по мере рассеивания надежд» [там же]. Для Чёрана спасение возможно только после крушения иллюзий. Надежда — враг глубины. Лишь утратив всё, человек способен обрести странную форму примирения с существованием. Поэтика «Сумерек мыслей» музыкальна и фрагментарна. Каждая фраза звучит как последняя. Чёран создаёт философию предела, где мышление уже не ищет истины, а фиксирует внутренний распад.

Книга «Из Франции» (или по-румынски — «О Франции», 1941) [14] фиксирует внутренний перелом Чёрана. Это уже не румынский пророк катастрофы, а будущий французский стилист. Франция становится для него одновременно спасением и формой самоотречения. Он пишет: «Я постигаю Францию через все гнилое во мне» [14, 4]. Это поразительная формула культурной метаморфозы. Франция возникает не как внешняя страна, а как внутренняя пустота, требующая новой формы. В этом тексте особенно заметен переход от румынской экспрессивности к французской интеллектуальной ясности. Но трагическое ядро остаётся прежним.

«Бревиарий побеждённых» (рум. Îndreptar pătimăș, фр. Bréviaire des vaincus, 1944) [12] — последняя румынская книга Чёрана, опубликованная при жизни автора, спустя полвека после написания (см. о ней ниже). Она принадлежит уже пространству изгнания и внутреннему распаду прошлого. Это книга человека, потерявшего родину, историю, политические иллюзии и почти самого себя. Здесь мысль становится раскалённой до предела. Чёран пишет: «Реальность — это застывшее явление» [там же]. Мир утрачивает устойчивость. Всё превращается в поток ощущений, боли и метафизической тревоги. Особенно характерно для этой книги эстетизирование страдания: «“Я” — это произведение искусства, питающееся тем страданием, которое религия стремится смягчить» [там же]. Это ключ и к раннему румынскому и к позднему французскому Чёрану вообще. Страдание для него не просто опыт, а материал само-конструирования. Человек создаёт себя через собственную рану. Отсюда и его трагический индивидуализм: «Человек есть искусство, потому что он горд и одинок» [там же]. В этих строках слышен уже весь поздний Чёран — скептик, эстет, мистик без веры, философ одиночества.

Поэтика румынского периода Чёрана строится на превращении философии в исповедь, а мысли — в форму внутреннего переживания. Его тексты существуют на

границе между философией, поэзией, молитвой и криком. Он разрушает традиционный образ философа как рационального мыслителя и создаёт новый тип письма — письмо нервной интенсивности. Румынский Чёран — это мыслитель, который ещё горит. Поздний французский период принесёт ему стиль, дисциплину и холодную ясность. Но именно румынские книги сохраняют первичное пламя его сознания — ту опасную смесь мистики, нигилизма, лиризма и отчаяния, благодаря которой Чёран остаётся одним из самых узнаваемых голосов европейской культуры XX века.

Также, примерно с 1943 по 1945 в оккупированном Париже Чёран работает над черновиком книги, которую даже не озаглавил, и, которая впервые будет издана в Румынии только в 2021 году под названием «Записки одного проклятого» [30], а во Франции — в 2019 «Окна в ничто» [35]. И последний румынский текст, который Чёран, собирался опубликовать, судя по тому, что озаглавил его «Разное» и пронумеровал местами страницы, писался примерно с 1944 по 1946, был впервые опубликован в Румынии в 2012 [43], а во Франции — в 2019 под названием «Отклонения» [34].

«О разложении основ» (на русский его также можно перевести как «Катехизис распада», 1946–1949, переписывалась четыре раза, как отмечал Чёран во многих своих интервью) — следующий шаг — первая полноценная книга, написанная по-французски. Второй будет книга — «Силлогизмы горечи» (в русском переводе не совсем точное — «Горькие силлогизмы», 1952), которую Чёран считал гротескно-преувеличенной, неудачной, провалившейся в продаже. Следующую свою (третью) французскую книгу — «Искушение существованием» — он опубликует в 1956 году. И сразу же после этого в 1957 году начнет вести свои знаменитые дневники, на страницах, которых развернется вся его рефлексия о себе, о своем творчестве, о румынском прошлом, о французском настоящем и своих перспективах в этом языке (его знаменитая максима из небольшого эссе «Мы заперты в языке»: «Родина — это не страна, родина это страна»). Обратимся далее к самим дневникам, чтобы попытаться восстановить историю становления французского Чёрана, без тех масок, аватаров и интертекстуальных голосов, через которые он предстает в своих книгах.

История создания и издания дневников

«Я ампутант всех слов».
«Нужно писать для … гладиаторов».
«Вести дневник — значит приобрести привычки консьержа»
«Автор не обязан быть строгим;
переводчик обязан и даже несет ответственность за недостатки автора.
Я ставлю хорошего переводчика выше хорошего писателя».

Обратимся к генетическому анализу тетрадей (записных книжек; фр. *Cahiers* — тетрадь, блокнот, записная книжка, журнал, ведомость, спецификация) Эмиля Чёрана — культового румыно-французского философа (мы используем написание фамилии Cioran через безударную ё, см. об этом подробнее в нашей монографии [1, т. I, с. 27–33]). Это 34 черные тетради на спирали, найденные после его смерти в июне 1995 года его гражданской женой Симоной Буэ (фр. Simone Boué). Буэ расшифровала трудночитаемый почерк Чёрана и на основе части этих тетрадей (фрагментов, которые были датированы) составила Дневник Чёрана, который охватывает период с 26 июня 1957 по 14 ноября 1972 года. Этот дневник был впервые опубликован парижским издательством *Gallimard* в 1997 году под названием «Cahiers. 1957–1972» [34] (рус. «Чёрный дневник. 1957–1972») [15]. Симона Буэ утонула при купании в реке (возможно из-за несчастного случая, она страдала артритом; но некоторые журналисты назвали это самоубийством) 11 сентября 1997 года, накануне исправления гранок, поэтому ей не довелось увидеть эту книгу, которая именно ей обязана своим изданием.

После смерти Буэ букинистом Симоной Болез (фр. Simone Boles) в квартире Чёрана была найдена вторая серия, состоящая из 37 тетрадей (с 1972 по 1987 г.), также содержащая серию дневниковые записей (восемнадцать «дневниковых» тетрадей, написанных с 1972 по 1980 год). Хранитель фонда рукописей Чёрана в Литературной библиотеке Жака Дусе (Париж) Сильвия Массиас (фр. S. Massias — доктор литературы (филологических наук) — работала в литературной библиотеке Жака Дусе, где она занималась фондом Чёрана с 1995 по 1999 год.) структурировала эти рукописи.

Литературная библиотека Жака Дусе (Bibliothèque littéraire Jacques-Doucet; BLJD) — это историческая библиотека французской литературы от символизма до наших дней, расположенная на площади Пантеон 8-10, в 5-м округе Парижа. Коллекция произведений, собранная меценатом Жаком Дусе по совету писателя Андре Суареса и начатая с 1916 года, расширяется благодаря таким авторитетным библиотекарям и консультантам, как Андре Бретон, Луи Арагон, Мари Дормуа или Робер Деснос. После смерти Дусе в 1929 году его коллекция была завещана Парижскому университету, который передал работы на площади Пантеон под управление Мари Дормуа до 1950-х годов. Созданная для того, чтобы собрать литературу того, что позже было названо модернизмом, и его предшественников, коллекция включает, в частности, произведения Стендаля, Шарля Бодлера, Гийома Аполлинера и Андре Мальро. Различные фонды и коллекции впоследствии обогащают первоначальное наследие. Университетская и исследовательская библиотека последней инстанции, открытая по предварительному заказу для исследователей, студентов и специалистов, предоставляет в распоряжение своей аудитории два читальных зала, один в помещениях на площади Пантеон, 8, другой — в помещениях библиотеки Сент-Женевьев, 10.

Массиас отделила дневниковые записи от фрагментов, подготовленных Чёраном для публикаций своих эссе. Массиас показала генезис этих текстов и их палимпсестный характер: многократные внутритекстовые переписывания, исправления, сокращения, которые прекратились в 1987 году, когда Чёран перестал писать и публиковаться, что было связано с прогрессирующей у него болезнью Альцгеймера. Эта вторая серия дневников по суду была присуждена нашедшей их Симоне Болез, они до сих пор не опубликованы, и их судьба неизвестна, их стоимость в настоящее время оценивается экспертами в один миллион евро. Мы назвали опубликованную часть дневников «Чёрным дневником», чтобы подчеркнуть теневую суть Чёрана, отраженную в них, где философ предстает без масок и поз, которые присутствуют в его публикациях, что является ключевым для понимания всего творчества философа. Также это игра слов (помня этимологию фамилии философа): чёрный — чёрановский дневник.

Как пишет Массиас, смерть, навязчиво присутствующая в работах Чёрана, стала поводом для откровения: посмертного открытия «всегда закрытой тетради» [28, p. 193]. В предисловии к изданию тетрадей, которое Симона Буэ впоследствии подготовила, она объяснила: «Долгое время на столе Чёрана лежала тетрадь, которая всегда была закрыта. Когда после его смерти я собрала все его рукописи и передала их в Библиотеку Дусе, то обнаружила тридцать четыре одинаковые тетради. Единственным отличием были пронумерованные и датированные обложки. Начатые 26 июня 1957 года, они заканчиваются в 1972 году. В течение пятнадцати лет Чёран держал на столе, в пределах досягаемости, одну из этих записных книжек, которая, казалось, всегда была одной и той же и которую я никогда не открывала. В ней содержатся, как правило, краткие записи (“Фрагмент у меня в крови”), в основном недатированные. Датируются только события, которые считаются важными, то есть выезды на природу и бессонные ночи» [31, p. 9]. Причем, как отмечает Буэ в том же предисловии: «На обложке тетрадей I, II, IV, VIII, X

было написано: „Подлежит уничтожению“. На первой тетради Чёран добавил и подчеркнул „Все эти тетради подлежат уничтожению“, аналогично на тетрадях VIII и X. И все же эти тетради он бережно хранил» [Ibid., p. 10].

Дилемма, с которой она столкнулась: согласился бы Чёран на публикацию этих записных книжек? И опубликовал бы он все это сам? В конце концов она решила переписать их сама. В интервью, которое она дала Норберту Додиллю в то время, когда была погружена в эту работу, она объяснила: «Я подумала, что это пойдет в Фонд Дусе, и, конечно, для исследователей это было бы интересно, и что обязательно найдется кто-нибудь, кто когда-нибудь опубликует это, и мне было бы лучше взять на себя инициативу» [32, p. 23]. Но задача была чрезвычайно сложной. Она сказала своему интервьюеру: «Я одновременно счастлива и несчастна от того, что я делаю, от того, какой выбор я делаю. Я не знаю, правильно ли я поступаю» [Ibid].

Издание этих «Дневников 1957–1972» годов является частичным. Буэ выбрала промежуточное решение между тем, чтобы ничего не публиковать, и тем, чтобы публиковать все, решение, которое состояло в том, чтобы сделать выбор, и это не могло не поставить ее в затруднительное положение: «У меня множество сомнений в том, что я являюсь [именно] редактором, я печатала на машинке его тексты, но сейчас это нечто большее. Я печатала его тексты при его жизни, но я не решала, будет ли это опубликовано или нет, я вообще не имела права голоса» [Ibid]. В самом общем смысле, пишет Массиас, можно было бы сказать, что Симона Буэ пошла в направлении творчества, что делал и сам Чёран, когда использовал свои тетради для публикаций. Однако выбор Симоны Буэ мог отличаться от его собственного. Таким образом, некоторые заметки, которые она не использовала, были им воспроизведены и опубликованы в его сборниках; поэтому их нельзя обнаружить в записных книжках дневника. Кроме того, за исключением нескольких отрывков из трех записных книжек 1970 года, отпускные записные книжки опубликованы не были.

Можно выделить некоторые принципы редактирования, но их недостаточно, чтобы объяснить выбор, сделанный Симоной Буе, причины которого потребовали бы настоящей исследовательской и аналитической работы, работы, которая пролила бы свет на то, как она воспринимала Чёрана. Для Норбера Додиля это «текст записных книжек как объект, который мог бы стоять между Симоной Буэ и Чёраном [...], который участвует в диалоге между Чёраном и ней». Она также упоминает о своей идентификации с исчезнувшим автором «не как личности, а как писателя», так что осуществленное ею редактирование записных книжек в конечном итоге было результатом или плодом сотрудничества двух авторов — «произведением, созданным в две руки» [28, p. 199].

Мы также замечаем, пишет Массиас, эволюцию в выборе последовательности фрагментов: очень важную в первых тетрадях, затем они становятся менее строгими, а затем снова ужесточаются. Таким образом, из последней переписи (XXXIV) было сохранено 188 обозначений, 254 остались неопубликованными.

Не боялась ли Симона Буэ утомить читателя повторяющимся эффектом навязчивой мысли? Ее цель состояла не в том, чтобы создать научное издание, а в том, чтобы раскрыть другое лицо Чёрана своим друзьям-читателям, поскольку записные книжки были для нее «ценным открытием, которое [показало] его в ином свете» [32, p. 21]. В этом она полностью достигла своей цели и выполнила свою миссию.

Первая французская публикация дневников состоялась в 1997 году в издательстве *Gallimard* (Paris), также мы насчитали шесть полных переводов на другие языки (французский, итальянский, японский, немецкий, румынский, польский, испанский) и

несколько частичных переводов (на венгерский [22], русский [16], английский [23]). Укажем их: *Cahiers* (французское издание, 1997) [34]; *Quaderni* (итальянский перевод, 2001) [25]; カイエ (японский перевод, 2006) [27]; *Notizen* (немецкий перевод, 2015) [24]; *Caiete* (румынский перевод, 2016) [20]; *Zeszyty* (польский перевод, 2016) [26]; Cuadernos (испанский перевод, 2020) [21].

В настоящее время издано три тома из четырех нашего перевода дневников — «Чёрный дневник» (четвертый том выходит в июне 2026) [15].

Приведем здесь полностью продолжение предисловия Симоны Буэ к подготовленному ей изданию:

Записные книжки Чёрана совсем не похожи на дневник, в котором он в мельчайших подробностях фиксировал события дня, — этот жанр был ему неинтересен. Вместо этого создается впечатление, что перед нами черновики. В этих блокнотах нельзя найти ни одну мысль, ни один фрагмент без изменений. Некоторые записи помечены красным крестиком на полях или заключены в рамку, как бы сохраняясь в резерв.

В июне 1971 года он писал: «Я решил собрать воедино разрозненные размышления в этих тридцати двух тетрадях. Пройдет два-три месяца, и я увижу, смогут ли они составить содержание книги (название которой могло бы быть „Междометия“ или „Ошибка рождения“)».

Это не просто „черновые тетради“, но также и рабочие тетради. Эта мысль повторяется до трех, четырех раз в разных формах, проработанная, обтекаемая, всегда с одинаковым стремлением к краткости, сжатости.

В декабре 1969 года Чёран пишет: «Я собираюсь держаться за эти тетради, потому что это единственный контакт, который у меня есть с “письмом”. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я ничего не написал». И добавляет: «Но это ежедневное упражнение — хорошая вещь, оно сближает меня со словом и позволяет излить в нем свои навязчивые идеи и капризы [...] Ибо нет ничего более иссушающего и тщетного, чем погоня за „идеей“».

Отсюда анекдоты, рассказы о встречах, портреты или более или менее свирепые зарисовки друзей или врагов, обозначенных инициалами или буквой X. Одно имя, первоначально воспроизведенное полностью, было вычеркнуто, как будто сохраняя анонимность, Чёран хотел защитить тех, на кого нападал или кого высмеивал. Приходило ли ему в голову, что эти страницы могут быть когда-нибудь прочитаны?

На обложках тетрадей I, II, IV, VIII и X было написано: «Подлежит уничтожению». На первой тетради Чёран добавил и подчеркнул: «Все эти тетради подлежат уничтожению», то же самое относится и к тетрадям VIII и X. И все же он хранил эти тетради и аккуратно их подшивал. Они помогали ему сводить счеты со Вселенной и прежде всего с самим собой. День за днем он записывал в них свои неудачи, страдания, тревоги, ужасы, ярость и унижения. За этой пронзительной тайнописью скрывается дневной Чёран, насмешливый и бодрый, комичный и переменчивый. Но разве не говорил он неоднократно, что берется за перо только тогда, когда ему хочется «пустить себе пулю в лоб?»

События, о которых он рассказывает, сцены, которые он описывает (например, сообщение о смерти матери), сцены, свидетельницей которых я была, я запомнила заметно отличающимися от рассказов самого Чёрана. Дело в том, что пережив их, он почувствовал себя одиноким. Он везде и всегда один.

Одинокий живой и одинокий мертвый. В то время, когда провокационный и безумный молодой человек, каким он был в далеком прошлом, подвергается поношению, когда появляется анализ его творчества и якобы объективные исследования,

а свора самодовольных гончих псов распоясывается, — цикл пройден. Одинокий в жизни, вдвойне одинокий в смерти.

В июне 1995 года Фернандо Саватер написал в газете *El Paìs* [«Страна» — *прим. Р.Г.*] трогательное прощание, которое заканчивалось так: *Tienes que bajar solo* (исп. «Здесь ты идешь в одиночку»). Мне также вспоминается название, под которым в 1990 году в издательстве *Humanitas* были собраны некоторые ранние статьи,написанные на румынском языке, — прекрасное название, которое для меня подводит итог жизни Чёрана: *Singurâtate si Destin* — «Одиночество и судьба».

Simone Boué, 1997 [31].

О структуре «дневниковых» тетрадей Чёрана

Массиас отмечает, что чтобы отличать дневниковые тетради от других тетрадей, в которых Чёран записывал свои фрагменты с целью публикации, она пишет это слово с большой буквы, за исключением тех случаев, когда оно относится непосредственно к материальности объекта (тетради на спирали, например). Также для большей ясности она использует термин «нотации» для Дневников (*Cahiers*) и «фрагменты» для их переписывания и публикации [28, p. 193].

Мы вслед за Сильвией Массиас будем пользоваться ее системой обозначения тетрадей, а совокупность «дневниковых тетрадей» назовем «Дневником» или «Чёрным дневником», чтобы подчеркнуть, что в них отражена обнаженная теневая сторона личности Чёрана без маски, которую он всегда надевал в своих произведениях, подготовленных для публикаций.

Тридцать четыре тетради на спиралях, которые Чёран пронумеровал с I по XXXIV и в которых он всегда отмечал дату открытия каждой, имеют малый формат до тетради XXVII, а затем большой формат, начиная со следующей, начатой в сентябре 1970 года (см. рис. 1–3 — малоформатные тетради; 4–5 — крупноформатные тетради). Они вошли в фонд Чёрана, который был передан на хранение в литературную библиотеку Жака Дусе после того, как Симона Буэ осуществила их издание. К этой дате (1997 год) Сильвия Массиас уже в значительной степени организовала и провела инвентаризацию всего фонда Чёрана. Она поместила их в конец рукописей под инвентаризационными номерами CRN Ms. 798-831.

К этим тридцати четырем тетрадям добавляются девять тетрадей, написанных в дни каникул, небольшого формата, которые Чёран не пронумеровал (CRN Ms. 832–842). Большинство из них находятся на периферии серии из тридцати четырех тетрадей, хотя и вписываются в нее в хронологическом порядке. Шесть из них были написаны летом 1966, 1968, 1969 и 1970 годов. Чёран планировал вернуться к первой, написанной во время пребывания в Таламанке на острове Ибица, чтобы превратить ее в главу для «Злого Демиурга». Сильвия Массиас подготовила издание этой тетради под названием «Тетрадь Таламанки — Ибицы / 31 июля — 25 августа 1966 года» (тетрадь литературной библиотеки Жака Дусе, № 1, 1997, стр. 29–48 (см. наш перевод этого текста [10]).

Летом 1970 года были написаны три тетради (Ms. 835–837). На другой тетради периода отпуска (Ms. 840) год не указан. Следующие две тетради более поздние и большего формата не входят в серию из тридцати четырех тетрадей: первая (Ms. 838), строго говоря, не является тетрадью периода отдыха Чёрана, она включает записи, датированные 23 августа 1980 года — 1 сентября 1981 года; вторая (Ms. 839) использовалась для записей периода 1979, 1980 и 1987 [36] годов. Также есть небольшой фрагмент дневника, не вошедший в редакцию Симоны Буэ, — «Дневник 1958» [35]. В то время, когда Сильвия Массиас проводила инвентаризацию рукописей Чёрана, она не

знала, что существует продолжение записных книжек I–XXXIV, продолжающее ведение этого «дневника» до 1980-х годов. Ко всем этим записным книжкам следует добавить листок, вырванный из более поздней записной книжки (CRN Ms. 796). Он состоит из двух цифр, соответствующих записи дней Чёраном (указывать месяц он больше не удосуживался). Одного этого листка могло быть достаточно, чтобы дать понять, что существовали другие дневниковые записи, более поздние.

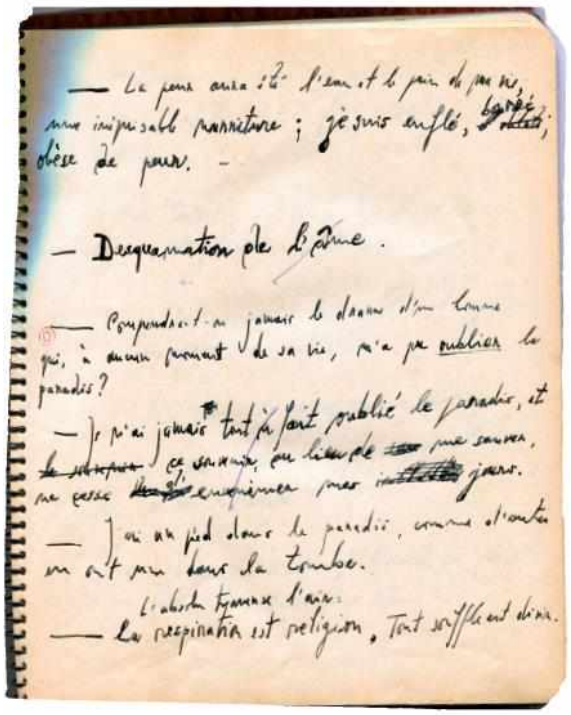

Рис. 1. Чёран, тетрадь I, 4-й лист, июнь или июль 1957 г. Париж, литературная библиотека Жака Дусе, CRN Ms. 798[5] (Источник: [28]).

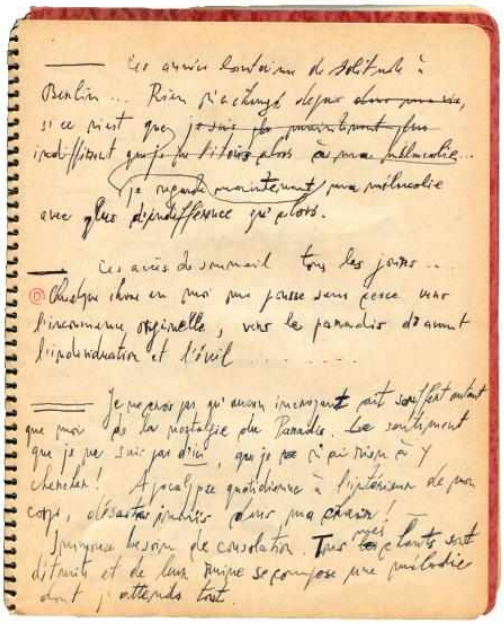

Рис. 2. Чёран, тетрадь I, 45-й лист, с марта по май 1958 г. Париж, литературная библиотека Жака Дусе, CRN Ms. 798[46] (Источник: [28]).

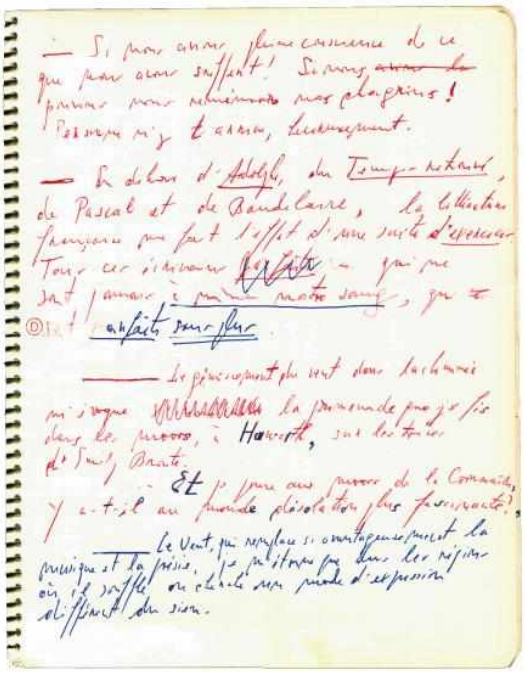

Рис. 3. Чёран, тетрадь V, 36-й лист, конец августа 1962 г. Париж, литературная библиотека Жака Дусе, CRN Ms. 802[37] (Источник: [28]).

После смерти Симоны Буэ был обнаружен набор из тридцати восьми тетрадей, о которых она явно не знала (об этом ниже). Эти тетради представляют большой интерес: они дополняют пробелы в наборах и значительно обогащают сохранившийся фонд в библиотеке Дусе. Согласно каталогу продаж, к которому было подготовлено описание, партия включает двенадцать тетрадей, содержащих последовательные записи сборника «О недостатке рождения» (фр. De l'inconvénient d'être né, 1973) [6], четыре подготовительных тетради к собранным фрагментам под заголовком «Черновики головокружения», наброски к «Четвертованию» (В русском переводе: «Разлад» [19]), три подготовительные тетради к работе «Исповедь и анафемы» (фр. Aveux et Anathèmes, 1987) [18], дополненные восемнадцатью тетрадями «дневника», продолжающими те, что были обнаружены Симоной Буе. Таким образом, за тридцатью четырьмя тетрадями периода 1957–1972 годов последовала еще одна серия записных книжек (восемнадцать «дневниковых» тетрадей), написанных с 1972 по 1980 год.

Чёран также упорядочил большинство тетрадей этой второй серии, на этот раз используя буквы: десять имеют на обложке буквы от A до L (отмечается отсутствие тетрадей I и K); за ними следуют две тетради без цифр и букв — которые для удобства Массиас обозначила буквами [M] и [N], а затем еще двумя пронумерованными «I» и «II» — [O] и [P]. Даты, отмеченные на обложке каждой из тетрадей, демонстрируют их преемственность. Как и в первой серии, «отпускные» тетради (написанные в дни каникул), которых четыре, перемежаются: первая между тетрадями A и B, чтобы составить подразумеваемую «Записную книжку» A; две других внутри «Записной книжки» G; наконец, четвертая — внутри «Записной книжки» J [28, p. 195].

Переход от серии цифр к серии букв указывает на то, что мы действительно имеем дело с двумя отдельными наборами записных книжек. Первая тетрадь из второй серии, однако, имеет основополагающий статус. Написанная с ноября 1972 года по июль 1973 года, она имеет на обложке двойное обозначение: XXXV (последняя из первой серии) и A (первая из второй серии), а также примечание Чёрана, объясняющее, что эта тетрадь

имеет гибридный статус: «17 мая 1973 года я передал рукопись издателю. “О недостатке рождения”». Она была опубликована в том же году издательством *Gallimard*. Этот сборник афоризмов был составлен на основе фрагментов, использованных в основном в этой серии из тридцати пяти тетрадей.

На обложке «Записной книжки» [N], завершенной 13 июля 1979 года, Чёран отметил, что рукопись текста «Четвертования» была передана 30 мая 1979 года. 16 ноября 1978 года он уточняет, что сделал нумерацию до этой даты. Таким образом, можно считать, что вторая серия состоит из четырнадцати тетрадей (десять записных книжек от A до L и четыре входящие в них «отпускные» тетради), к которым добавляются «Записные книжки» [M] и [N].

Следующие две тетради, [O] и [P], открывают третью и последнюю серию. Как и предыдущие, они имеют точную дату на обложке. Но самые последние фрагменты первой тетради соответствуют переписыванию фрагментов, взятых из более ранних тетрадей, G и E, переписывание которых продолжается и в следующих тетрадях, где все упоминания о дате исчезли. Тетрадь [P] больше не является «Записной книжкой» дневника: Чёран переписывает в нее записи из более ранних тетрадей второй серии. Возобновление набора тетрадей продолжится в двух тетрадях под номером III и IV. Эта третья серия сочетается с переписыванием более ранних тетрадей с целью подготовки сборника «Исповедь и анафемы» [28, p. 195].

Переписывание тетрадей

Вероятно, под влиянием написания своих «Дневников» Чёран возвращается к фрагментарному письму. Для составления сборников «афоризмов», которые полностью или частично составляют его произведения, опубликованные в издательстве *Gallimard* с 1969 года: главу «Подавленные мысли» из «Злого демиурга» (1969) [17], «О недостатке рождения» (1973) [6], «Головокружительные наброски», включенные в «Четвертование» (1979) [19], «Исповедь и Анафемы» (1987) [18], он обращается к своим тетрадям, выбирая заметки для переписывания.

Спустя восемь лет после начала работы над «Записными книжками» своих дневников, первая их подборка была опубликована в марте 1965 года в специальном выпуске немецкого журнала «Антайос». При ее составлении Чёран опирался на тетради IX и X, а затем на различные более ранние тетради. Эта антология соответствует тому, что станет первым разделом «Подавленных мыслей» «Злого демиурга» (1969). В первый раздел «Подавленных мыслей» войдут фрагменты, заимствованные из более поздних тетрадей (в частности, XVI, XVII и XVIII), к которым Чёран впоследствии добавит фрагменты, взятые из более поздних тетрадей. Затем он составляет второй, а потом и третий раздел в соответствии с порядком своих тетрадей. Раздел II (из «Четвертования») содержит множество фрагментов, заимствованных из тетрадей с XI по XIV (а также из тетрадей X, XV, XVII, XVIII, добавленных позже к рукописной версии, классифицированной как CRN Ms. 564), раздел III («Четвертования») содержит фрагменты, взятые в основном из тетрадей XVI–XVIII, и некоторые другие фрагменты, взятые из тетрадей XIII, XV, XIX, II–IV.

Менее чем через два года после появления «Злого демиурга», в начале 1971 года Чёран публикует серию фрагментов под названием «Призрак рождения» (В журнале La *Nouvelle Revue française* («Новое французское обозрение»), janvier 1971, № 217, P. 1–25). Чтобы продолжить то, что станет начальным разделом сборника «О недостатке рождения», он решает методично просмотреть все свои тетради. Решение фиксируется 3 июня 1971 года: «Я решил собрать воедино разрозненные размышления из этих тридцати двух тетрадей. Пройдет два-три месяца, прежде чем я увижу, смогут ли они составить

основу книги (название которой могло бы быть “Междометия” или “Ошибка рождения”)» [цит. по: 28].

Сборник («О недостатке рождения») состоит из трех последовательных версий. В первой, написанной в пяти тетрадях, пронумерованных с I по V, Чёран воспроизводит свои тетради по порядку, от тетради I до XXXII, а также четыре отпускные тетради: «Таламанка — Ибица» и три тетради лета 1970 года. Он выбрал ряд заметок, иногда значительно преобразуя их, часто сильно сокращая. Разделы книги уже обретают форму. Несмотря на то что позже он изменит порядок ряда фрагментов, в последнем прослеживается хронология тетрадей дневника. В трех одинаково пронумерованных тетрадях он затем берет свои пять тетрадей (I–V) и делает новые обозначения, удаляя многие фрагменты, переписывая те, которые он сохранил. В результате повторения пяти записных книжек первой версии он добавляет подборку обозначений, взятых из записной книжки XXXIII, написанной тем временем. Наконец, он снова возвращается к своему выбору в двух тетрадях I и II, дополненных набором листов. Все это разделено на разделы, пронумерованные со II по XI, которые примерно соответствуют разделам сборника (в записных книжках этой третьей версии встречаются некоторые исправления, сделанные рукой Симоны Буе). Продолжая переработку трех предыдущих тетрадей, он добавляет новые фрагменты, на этот раз взятые из более поздних тетрадей: XXXIII–XXXV, которые в основном дополнят разделы X и XI книги («О недостатке рождения»). Некоторые фрагменты, опубликованные в «О недостатке рождения», которые все еще отсутствуют в этой третьей версии, будут взяты из записных книжек XXXIV и XXXV. Примечательно, что переписывание фрагментов для публикации повлияло на написание записных книжек (тетрадей), которые теперь включают множество примеров внутреннего переписывания. Так обстоит дело, в частности, с записной книжкой XXXIV. Смотреть, например, рисунки 4 и 5.

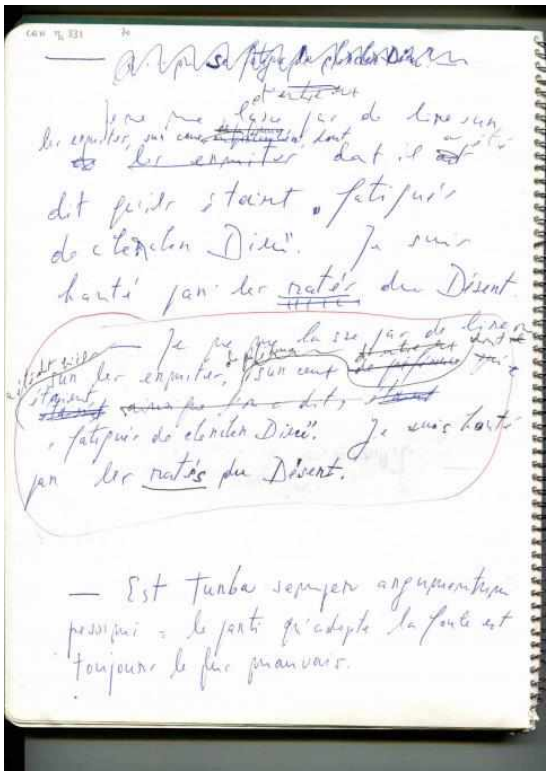

Рис. 4. Чёран, тетрадь XXXIV, 69-й лист, октябрь 1972 г. Париж, литературная библиотека Жака Дусе, CRN Ms. 831[70] (Источник: [28]).

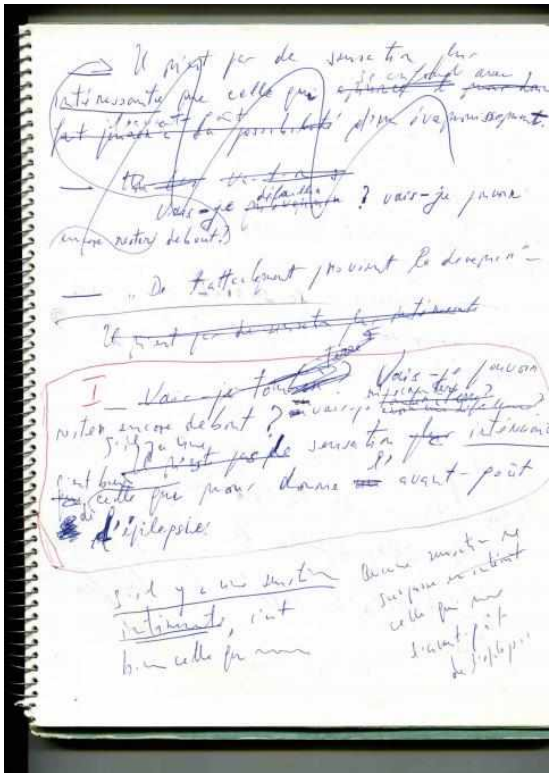

Рис. 5. Чёран, тетрадь XXXIV, 81-й лист, ноябрь 1972 г. (Париж, литературная библиотека Жака Дусе, CRN Ms. 831[83] (Источник: [28]).

Через два года после публикации «О недостатке рождения» Чёран приступил к новой подборке фрагментов. 22 марта 1975 года он записал: «Я сейчас перечитываю эти тетради (около тридцати). На каждой странице: уныние [букв. “таракан”], желание плакать, оскорбление, неудача и очарование неудачи, измены и т. д. — и так будет годами и годами. Как я мог продолжать в том же духе? Я не знаю» [28, p. 197]. И 4 апреля: «Я только что перечитал несколько записных книжек, *подобие дневника* [фр. simulacre de Journal. — *прим. Г.Р.*], и я поражен количеством вещей, которые я забыл» [Ibid]. Избранные фрагменты будут собраны вместе под заголовком «Головокружительные наброски» в конце сборника «Четвертование», составляющего почти две трети книги. Первый набор появился в октябре 1975 года под названием «Флуктуации» (в специальном выпуске журнала NRF — *La Nouvelle Revue française*) под названием «Дневники и записные книжки». Он составит первый раздел «Головокружительных набросков». Рукописная тетрадь (CRN Ms. 576) показывает, что Чёран переписал обозначения (нотацию), взятые из всех его тетрадей, как из первой серии, так и из первых тетрадей второй серии, не следуя порядку. Затем он снова берет их, чтобы извлечь из них обозначения, которые он выбирает и переписывает в четырех тетрадях, пронумерованных со II по V. Этот выбор будет использован для разработки разделов со II по IV «Головокружительных набросков». В отличие от фрагментов, собранных во «Флуктуациях», они будут отобраны более методично: начиная с четвертого листа тетради II, Чёран приводит в порядок свои тетради, а также свои «отпускные» тетради. Но он начинает задаваться вопросом, не были ли уже опубликованы некоторые

фрагменты («проверить, не встречается ли этот “афоризм” где-нибудь еще») или не была ли уже высказана эта идея («дублирование / сравнивать с другим»).

В последний раз он соберет все свои тетради, чтобы составить «Исповедь и анафемы». Генетический архив этого сборника особенно сложен. Он начинается с тетради [O] и тетради [P], упомянутых выше, в которых Чёран переписывает фрагменты, взятые из более ранних тетрадей, и за которыми следуют еще две тетради: в первой («III») взяты обозначения из тетрадей G и H, а затем из тетрадей первой серии в произвольном порядке; из тетради «IV» снова переписаны обозначения первой серии, но более методично (тетради с XXI по XXVI повторяются на первых двадцати четырех листах, затем тетради с XI по XVIII на следующих, вплоть до 74-го листа; тетрадь завершается переписыванием обозначений, включенных в три тетради летнего отпуска 1970 года). В двух других тетрадях под номерами I и II, носящих название «Исповедь и анафемы», переписаны обозначения из тетради [O], из самых разных тетрадей обеих серий, из тетради [P], другие взяты в произвольном порядке из разных тетрадей: G и H, XIX и XXXIV (Записная книжка I), затем обозначения различных тетрадей первой серии в произвольном порядке (Записная книжка II).

Сильвия Массиас отмечает, что к этим двум Записным книжкам следует добавить Записную книжку «III» (CRN Ms. 605), которая могла бы стать продолжением двух предыдущих. Начало выглядит как записная книжка из дневника, с некоторыми пометками, датированными 1982 и 1983 годами, как будто Чёран пунктуально возобновил это упражнение, которое долгое время практиковал и прервал в 1980 году (поэтому эти страницы должны быть добавлены в корпус дневниковых тетрадей). Затем, начиная с листа 18, он возобновляет более ранние записи, начиная с самой первой и заканчивая записной книжкой X (лист 51). Затем он переписывает обозначения, взятые из записных книжек [O], а затем [P], и из различных тетрадей обеих серий. Генетическая папка с «Исповедью и анафемами» также включает в себя еще одну записную книжку, несколько наборов листов и стенографический блок (CRN Ms. 604, 606–610; он также включает шесть отрывных отдельных рукописных листов (Ms. 600–602)). В наборе видно, что Чёран неоднократно повторял записи из тех же записных книжек своего дневника, выполненные в произвольном порядке, что затрудняет работу по идентификации фрагментов и пониманию генезиса произведения. Эти особенности, безусловно, связаны с его состоянием здоровья и прогрессирующей потерей памяти. Рукописи свидетельствуют о его трудностях: во многих из них некоторым фрагментам предшествовала надпись «уже?», задаваясь вопросом, не брал ли он их раньше или даже не публиковал ли в более ранних сборниках. Таким образом, один и тот же фрагмент был опубликован в двух главах «Исповеди и анафемы» с вариациями, обе версии взяты из независимых переписей («Серьезность не входит в определение существования...» и «Серьезность — это не совсем атрибут существования...»).

Из этих многочисленных корректур записных книжек следует, что ряд примечаний был переписан несколько раз, с интервалом в несколько лет и для разных публикаций. Некоторые переписанные тексты принадлежат генетическому файлу произведения, но не были отобраны для публикации. Вот пример записи, повторенной дважды, взятой из тетради V: «В моей судьбе — осознавать себя только наполовину. Во мне все усечено: мой образ жизни, а также то, как я пишу. Человек из фрагментов» [34, p. 93]. Чёран повторяет ее в первой версии «О недостатке рождения», не сохранив ее в окончательном варианте: «В его судьбе было исполнить себя только наполовину. В нем все было усечено». Он переписал ее много лет спустя и опубликовал в «Исповеди и анафемах»: «На его долю выпало исполнить себя только наполовину. Все в нем было усечено: его

образ жизни, как и его образ мыслей. Человек из обрывков, сам обрывок» [18, с. 35]. Но есть случаи, когда были опубликованы обе версии. Таким образом, «печаль ведет к унынию» [34, p. 421] была переписана и опубликована в главе «Подавленные мысли» «Злого демиурга», а затем подверглась дальнейшему переписыванию, включенному в «Исповедь и анафемы».

К бесчисленным примерам «внешнего» переписывания следует добавить те, которые являются внутренними по отношению к самим записным книжкам и которые множатся под влиянием их переделки для публикаций. Это явление делает границу между тетрадями дневника и тетрадями, готовящимися к изданиям в форме сборников, проницаемой, так что трудно провести четкое различие между теми и другими. Все это представляет собой обширную и увлекательную площадку для переписывания, исследованную во всех смыслах и обогащенную множеством слоев и расширений, что делает сложным налаживание издания тетрадей Дневника, если оно действительно предполагает учитывать все переписывания и быть «научным».

История с продолжением

Вторая находка дневниковых рукописей состоялась в феврале 1998 года после смерти Симоны Буэ (в 1997 году). Торговцу букинистическими изданиями Симоне Болез (фр. *Simone Baulez*) было поручено очистить квартиру Симоны Буэ. В подсобке она обнаружила 38 (37?) старых, неопубликованных записных книжек.

В декабре 2005 года Симона Болез планировала продать тетради в Друо (крупная аукционная площадка в Париже, известная торговлей изобразительным искусством, антиквариатом и предметами старины), установив цену в 150–200 тысяч евро. Но литературная библиотека Жака-Дусе, а точнее Канцелярия парижских университетов, в ведении которой находится библиотека, заблокировала продажу. Библиотеке были завещаны рукописи писателя, и желанный лот не был передан ей Симоной Буэ после смерти философа. В 2008 году Парижский суд высшей инстанции отклонил иск библиотеки, и это решение было подтверждено Апелляционным судом в марте 2011 года. Таким образом, букинистический торговец сохранила право собственности на найденные ею тетради. Второй иск поступил от невестки писателя несколько недель спустя, в июне 2011 года. Элеонора Чёран, которая хотела вернуть рукописи на основании содержания завещания писателя, подала апелляцию в Кассационный суд. Кассационный суд отклонил ее апелляцию. Таким образом, Симона Болез окончательно сохранила физическое право собственности на тетради и может перепродать их единым лотом, если пожелает [29].

В начале апреля 2011 года состоялся аукцион, организованный Бинош и Жикелло, который состоялся на парижской аукционной площадке Друо (*hotel Drouot Richelieu*). На нем были выставлены: диплом лиценциата (бакалавра) (17 000 евро), сам текст этого диплома (8500 евро); диплом бакалавра (об окончании гимназии) (8000 евро); рукопись «Преображение Румынии» (20 000 евро), «Книги иллюзий» (13 000 евро) и «Слез и святых» (8000 евро). Также были выставлены многочисленные открытки и письма, адресованные родителям и другим родственникам; фотография сидящего Чёрана с подписью на обороте; письмо, датированное 23 июня 1932 года; студенческие билеты, выпущенные в Германии за 1933–1934 гг. с фотографией и подписью; несколько удостоверений личности, выданных в Германии; паспорт, выданный 15 сентября 1934 года; проездные билеты на поезд; читательские билеты, студенческий билет, выданные во Франции, и многое другое.

В аукционе приняли участие два румынских учреждения: Румынское телевидение (TVR) и Центральная библиотека Бухарестского университета (BCU), претендовавшие

на принадлежавшие Эмилю Чёрану предметы, оцененные экспертами в сумму около 100.000 евро.

Но после закрытия аукциона стало известно, что некий румын купил весь лот с рукописями и документами Эмиля Чёрана, предложив в конце всю сумму за все предметы, которые продавались отдельными лотами. Им оказался румынский бизнесмен Георгий Брайлою (рум. *George Brăiloiu*), купивший весь лот рукописей и личных документов Эмиля Чёрана за сумму 405 000 евро. Брайлою сообщил, что компания KDF Energy, которой он владеет, купила рукописи и что они все будут переданы румынской стороне.

Все эти рукописи, охватывающие период жизни Чёрана до его окончательного отъезда во Францию в 1940-е годы, полностью отличаются от 37 записных книжек, которые французские суды окончательно приписали букинисту Симоне Болез, и их настоящая судьба неизвестна. По мнению экспертов, стоимость этих манускриптов сейчас превышает один миллион евро [30].

Произведение палимпсеста

«Разве через двадцать лет после этого первого издания не могли бы мы воспользоваться открытием новых тетрадей, чтобы возобновить его и выпустить издание всех тетрадей 1957–1980 годов, включая отпускные тетради?» — задается вопросом Сильвия Массиас [28, p. 199]. Это новое издание могло бы включать указатели и примечания, в которых, в частности, указывались бы фрагменты, взятые из сборников эссе. Подготовка текста столкнулась бы с определенными проблемами, связанными с тем, что эти тетради не предназначались для публикации. Некоторые обозначения незакончены или частично зачеркнуты, другие зачеркнуты полностью, но могли бы занять место в издании; они подпадают под ту же цензуру, что и та, которая заставила написать Чёрана на обложке первой тетради: «все эти тетради подлежат уничтожению», чего он не сделал, напротив, несколько раз перечитав их. С другой стороны, тетради дневника трудно отделить от их повторений в подготовительных тетрадях к сборникам эссе. Возникает вопрос, следует ли включать переписывания их нотаций (обозначений), независимо от того, были они опубликованы или нет. Не могут ли случаи внутренних переписываний быть расширены путем расшифровки некоторых «внешних» переписываний? (Некоторые серии фрагментов — это не столько переписывания, сколько вариации на одну и ту же тему или углубление линии мысли, которая может быть прочитана как путешествие мысли.) Не было бы целесообразно включить некоторые особенно интересные переписывания, неопубликованные и исключенные в промежуточных версиях, в издание записных книжек, которое также представляло бы собой иллюстрацию генетического редактирования сборников фрагментов Чёрана?

Тетради, вероятно, являются основной работой Чёрана. Следует задаться вопросом, что могло мотивировать их написание в 1957 году? Они последовали сразу же за публикацией третьего сборника, который он написал на французском языке: «Искушение существованием» (1956) [4], появившимся за год до «Дневников» и после «О разложении основ» (1949) [7] и «Силлогизмов горечи» (1952) [3]. Рукописи этих трех сборников свидетельствуют о кропотливом характере их написания, который исчезает в случае с последующими сборниками. Все происходит так, как будто Чёран к тому времени достиг такого высокого уровня владения французским языком, что теперь он мог выразить на нем свою личную драму, драму человека, изгнанного из рая: «Поймем ли мы когда-нибудь драму человека, который ни разу в своей жизни не смог забыть рай?», — читаем мы в начале тетради I [34, p. 13] (см. рис. 1), «религиозная драма неверующего» (Записные книжки II, CRN Ms. 799[9] (неопубликованные)), о существе,

«выпавшем из времени» (там же). Это владение или глубокое усвоение языка делает возможным писать для себя и поиск «истины», которую, по словам Чёрана, он ищет как просветления, которое положило бы конец состоянию отстраненности и упадка, которое определяет для него его состояние, как «мелодия, от которой он всего ждет»: «Думаю, ни один неверующий не страдал так сильно, как я, от тоски по Раю. Чувство, что я не принадлежу себе, что мне здесь не место, что мне нечего искать! Ежедневный апокалипсис внутри моего тела, неслыханные бедствия в моей плоти! Безмерная потребность в утешении. Все мои песни уничтожены, и из их обломков слагается мелодия, от которой я жду всего» (там же).

Чёран неоднократно заявлял об этом: «Я давно уже не беспокоюсь о том, чтобы писать книги, оставлять “произведение искусства”… В лучшем случае я склонен высказать несколько соображений, которые могут заинтересовать тех, кто знаком со способом застрять, аналогичным моему» (Cahier G, p. 25. (неопубликованное)). Его поиски выделяют его в мире литературы: «Я не писатель, я тот, кто ищет; я веду духовную борьбу; я жду, когда мой разум откроется какому-то свету, которому нет названия на наших языках» [Cioran 1997: 306]. Благодаря своей яркости фрагментарное письмо направлено на восстановление утраченного единства, оно является поиском избавления, чего, по его словам, «произведение» стремится достичь искусственным путем, преследуя идею в ущерб «внутренней истине» [Cioran 1997: 690], с помощью механизма выражения, который не достигает бытия в его почти недостижимой истине.

Именно в его записных книжках эта форма письма, созданная для него самого, хотя несомненно, что Чёран оставил свои записи для прочтения другими («Чтобы создать впечатление искренности, возможно, ничего не следует публиковать при жизни» [34, p. 248]) исполнена *par excellence* («лучшим образом»). В них не только письмо противопоставляется произведению, но и во многих отношениях публикация предстает как средство шифрования, сокрытия, «[маскировка] автобиографического характера [...] бессвязных речей» (Cahier II, CRN Ms. 799[43] (неопубликованные)) его автора. Он надевает маску на лицо, которое в «Дневниках» проявляется в резкой наготе. «Я приобрел некоторую холодность. Я обнаружил полезность маски» (Cahier B, p. 86 (не опубликована)), — заявляет Чёран об эволюции своего «способа выражения». Однако эта маска попадает в «Дневники», раскрывая «мученика», стоящего за эссеистом: «Есть маска и есть маска. Мученик, замаскированный под эссеиста» (Cahier A, p. 23 (не опубликована)). Ниже переписано: «Жертва чумы, замаскированная под акробата. У каждого своя маска» [28, p. 200].

Посмертное раскрытие записных книжек Чёрана переворачивает перспективу, которая направляет произведение от первоначального состояния к его окончательной версии: второе в некотором роде является шифрованием или даже переодеванием этого первого состояния. Тетради представляют собой гораздо больше, чем просто черновики опубликованных работ: они являются их секретным источником, находящимся под палимпсестом многочисленных исправлений и переписываний, удалений и серьезных сокращений. Этот текст должен стать доступным, чтобы можно было попасть в лабораторию, тесно связанную с мыслью и писанием, которые действовали против самих себя, но так и не смогли отречься от своего парадоксального происхождения — бытия, которое возвращает нас к самой Книге Бытия и к неутолимой тоске по потерянному, но никогда не забываемому раю [ibid].

Таким образом, то, что мы условно обозначили как «Чёрный дневник» (совокупность опубликованных Симоной Буэ «дневниковых» тетрадей), как и все прочие тетради-черновики, являются ключом к пониманию всего творчества Чёрана, к его

стилю, к фрагментарному письму, афористики, абсурда, парадоксальности и иронии. В них раскрывается теневая (тень по Юнгу) сторона Чёрана. Подобными были «Черные книги» Юнга и их квинтэссенция — «Красная книга». Таковыми были «Чёрные тетради» Хайдеггера. В этом ряду можно вспомнить «Самопознание. Опыт философской автобиографии» Бердяева. Родоначальником подобных дневниковых записок (доведенных до разной степени литературной обработанности) является «Исповедь» Августина, дневники многих деятелей французского просвещения, энциклопедистов.

Текст дневников как текст-фронтир

Фронти́р (англ. frontier — «граница, рубеж, пограничье» — от ср.-англ. frounter, из ст.-франц. fronter (в отличие от франц. frontière), из ст.-франц. front, из лат. frōns, frontem «лоб, передняя часть, фронт») — в истории США — зона освоения Дикого Запада (западных территорий США), за которой начинались неосвоенные пространства, расположенные на территории современных штатов Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Колорадо, Канзас, Небраска, Оклахома и Техас, которая постепенно расширялась и перемещалась на запад вплоть до Тихоокеанского побережья. Каждый шаг фронтира на Запад отдалял Америку от Европы, и чем дальше продвигался фронтир, тем сильнее становилась самобытность американского общественного развития. Происходил культурный и языковой обмен индейских племен и белых.

Мы решили воспользоваться метафорой фронтира и ввести понятие текста-фронтира — пограничного, переходного произведения или ряда произведений, которое фиксирует перелом в поэтике, языке (идиоме) или мировоззренческой установке автора. Такой текст одновременно сохраняет черты предыдущего этапа творчества и предвосхищает черты следующего, функционируя как граница между двумя художественными или лингвистическими периодами. Он служит переходной зоной (фр. frontière), в которой происходит переформатирование стиля, языка, жанра и авторской позиции. На наш взгляд, это понятие, как нельзя лучше подходит для обозначения явления перехода Чёрана от родного румынского языка к французскому — языковой трансгрессией, сопровождавшейся рождением нового стиля и генезисом французского текста; а также для его дальнейшей декомпозиции стиля, чем ознаменовалось разложение французского периода на два («стилистический» и «антистилистический»). Это понятие метафорически применимо к переходным состояниям в письме, где сталкиваются и накладываются разные языки, стили, культурные коды. У Чёрана текст-фронтир — это не только межъязыковое пространство (между румынским и французским), но и временное растяжение, на котором разворачивается переход от одного способа письма к другому: от эсхатологического пророчества к фрагменту, от высокопатетической лексики к иронии, от декларации к молчанию; а также и ментальная перестройка самого автора. Текст-фронтира может быть осмыслен в рамках генетической критики, когда изучаются черновики, автографы, «генетическое досье» текста (см. Главу VII), а также в контексте культурной трансгрессии: перехода между языками, культурами, идентичностями.

Во франкофонный мир Чёран триумфально ворвался своей первой же французской книгой «О разложении основ» (Précis de décomposition, 1949), мгновенно прославившись как блестящий стилист. Свой успех он развил и закрепил в последующих двух книгах: «Горькие силлогизмы» (1952) и «Искушение существованием» (1956). Однако в дневниках видна оборотная сторона успеха. Чёрана тяготит необходимость писать по-французски; его стиль — это «смирительная рубашка»; он хотел бы писать так же легко, как думает, как это было в румынский период; но страх солецизма (ошибиться) лишает его спонтанности и возможности новаторства в иностранном для него языке. Пик этих

настроений приходится на 1960-е годы. Тогда же в творчестве мыслителя происходит поворот от стиля к его декомпозиции — разложению (идея, которая уже заложена в его первой франкофонной книге). Этот поворот прослеживается, начиная с «Истории и утопии» (1960) и в последующих работах: «Падение во время» (1964); «Злой Демиург» (1969) и других.

Из дневниковых записей, начиная с 1957 года, и чем далее, тем больше видно, что философ считает себя достаточно освоившим литературный язык (хотя до конца жизни говорит на нем с акцентом), став в нем общепризнанным мастером, поэтому может позволить себе не следить за стилем, что позволяет ему совершать некоторые новации в новом для него языке, играть с ним, как настоящему носителю языка: «Меня останавливает от новаторства во французском языке то, что я хочу писать правильно. Эта щепетильность, доведенная до крайности, проистекает из того факта, что я начал “сочинять” на этом языке в возрасте тридцати семи лет. Это все равно как, если бы я писал на мертвом языке, а мы знаем разницу между живым и мертвым языком, как утверждает Мейе, — в последнем не разрешается делать ошибки. (Одержимость ошибками лишает меня удовольствия писать по-французски. Это то, что я назвал “смирительной рубашкой”, — ощущение, которое этот идиом [язык] до сих пор дает мне, — слишком жесткое, чтобы мне нравиться. Язык, в котором я не могу забыть себя, в котором я скован, напряжен, стеснен, язык, правила которого парализуют и преследуют меня, отнимают все мои средства. Пророк, раздавленный грамматикой.)» Он хочет писать так же легко и непринужденно, как писал на родном румынском, не думая, как писать, а только о том, что он пишет.

На основании дневниковых записей и анализа текстов до 1957 года и после (начиная с «Истории и утопии», 1960) рядом французских исследователей предложено выделять в творчестве Чёрана два французских периода: 1949–1956 и 1960–1987. Это помимо румынского периода с его «румынским пятикнижием» и другими текстами на румынском (период с 1930 по 1946). Упомянем, что «Румынским пятикнижием» (по аналогии с любимым писателем Чёрана — Достоевским; это: «На вершинах отчаяния», 1934 [44 ; 12]; «Книга иллюзий», 1936 [38]; «Преображение Румынии», 1936 [47 ; 13]; «Слезы и святые», 1937 [43 ; 14]; «Сумерки мыслей», 1940 [33]) мы назвали пять книг опубликованных Чёраном непосредственно после написания в Румынии (пятая книга была написана уже в Париже, куда Чёран уехал в 1937 [2, с. 71]). Еще четыре текста написаны в стол, два буду опубликованы спустя полвека («Из Франции», 1940 [39; 11]; «Страстный путеводитель» или во фр. пер. «Бревиарий побежденных», 1942/43–1943/44 [42; 9]) два — после смерти (неозаглавленный текст, во французском издании «Окна в Ничто» [41], в румынском — «Записки одного проклятого» [37], примерно 1943–1945 гг; и «Блуждая [или Отклонения]», 1945/46 [45; 40]).

Таким образом, начало ведения дневниковых записей можно считать текстом-фронтиром между двумя французскими периодами творчества философа. В 1957 году Чёрану 46 лет — возраст акме у древних греков и кризис среднего возраста — в современной западной цивилизации. Чёран в этом амбивалентен — перелом в его творчестве наследует черты и того, и другого.

Последняя его книга — «Исповедь и анафемы» (1987), после чего прогрессирующая болезнь Альцгеймера не дала мыслителю продолжать заниматься литературой. Но о началах этой книги он упоминает уже в дневниковой записи за 1967 год: «Я наблюдаю за собой последние несколько лет и замечаю у себя ухудшения памяти, жалкую неспособность сосредоточиться, явные признаки размягчения мозга. Эти артерии, как я их ненавижу!» (15.05.1967). А также: «Сегодня после обеда в банке,

собираясь заполнить форму для получения чека, я не смог вспомнить номер своего счета. То есть я знал только последние цифры, но не первые. Мне пришлось уйти внезапно, что, наверное, поразило сотрудницу, которая выглядела озадаченной (я даже оглянулся, чтобы посмотреть на нее). Это симптомы той “тупости”, на которую жаловался Бодлер? (“Сегодня я почувствовал себя тупым”.) У меня большие сомнения по поводу будущего моего мозга» (16.10.1967).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранин Р. С. Поэтика Эмиля Чёрана: деконструкция [автора], генезис [текста], декомпозиция [стиля]. Издание в 3-х тт. — М.: Тотенбург, 2025–2026.
2. Гранин Р.С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающем философу. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 126 с.
3. Massias S. Les Cahiers de Cioran: une oeuvre palimpseste. Genesis, 2017, № 45, pp. 193–200.
4. Электронный ресурс: https://www.livreshebdo.fr/article/la-brocanteuse-simone-baulez-est-bien-proprietaire-des-cahiers-de-cioran (дата обращения: 22.02.2026).
5. Электронный ресурс: https://www.mediafax.ro/cultura-media/omul-de-afaceri-roman-care-a-cumparat-manuscrisele-lui-emil-cioran-le-va-dona-statului-8139237 (дата обращения: 22.02.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

6. Сиоран Э.М. Горькие силлогизмы // Горькие силлогизмы. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — С. 26–145.
7. Сиоран. Искушение существованием // Искушение существованием / Пер. с фр. В.А. Никитина, ред. Прим. И.С. Вдовиной. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 144–271.
8. Сиоран. История и утопия // Искушение существованием / Пер. с фр., предисл. В.А. Никитина; ред., примеч. И.С. Вдовиной. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 272–338.
9. Сиоран Э.М. О злополучии появления на свет (фрагменты из произведения) // Горькие силлогизмы. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — С. 146–366.
10. Сиоран. О разложении основ // Искушение существованием. М.: Республика; Палимпсест, 2003. С. 14–142.
11. Сиоран. Падение во время // Искушение существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 340–410.
12. Чёран Э. Бревиарий побежденный / Пер. с рум. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 106 с.
13. Чёран Э. Дневник Таламанки: Ибица (31 июля — 25 августа 1966 года) / Пер. с фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — С. 380–404.
14. Чёран Э. Из Франции / Пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025 — 102 с.
15. Чёран Э. На вершинах отчаяния / Пер. с рум. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 176 с.
16. Чёран Э. Преображение Румынии / Пер. с рум. и фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — 352 с.
17. Чёран Э. Слёзы и святые / Перевод с румынского Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 300 с.
18. Чёран Э. Чёрный дневник (1957 — 1972). Издание в четырех томах / Пер. с фр. Р.С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025–2026.
19. Чоран Э.М. Записные книжки [фрагмент] // После конца истории: Философская эссеистика / Пер. с франц.: Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 377–536.
20. Чоран Э.М. Злой Демиург // После конца истории: Философская эссеистика / Пер. с франц.: Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной; Предисл., биогр. Справка Б. Дубина. — СПб: Симпозиум, 2002. — С. 23–136.
21. Чоран, Э. М. Признания и проклятия: Философская эссеистика / Пер. с фраранц. О. Акимовой. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 206 с.
22. Чоран, Э.М. Разлад // После конца истории: Философская эссеистика / Пер. с франц.: Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной; Предисл., биогр. справка Б. Дубина. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 137–260.
23. Boué S. Avant-propos. Cioran. Cahiers. 1957–1972. — Paris: Gallimard, 1997. — P. 9–11.
24. Interview de Simone Boué par Norbert Dodille. Lectures de Cioran. Textes réunis par Norbert Dodille et Gabriel Liiceanu. — Paris: L’Harmattan, 1997. — P. 11–42.
25. Cioran E. Amurgul gândurilor [Сумерки мыслей]. — Sibiu: Dacia Traiană, 1940. — 282 p.
26. Cioran. Cahiers. 1957–1972. Paris: Gallimard, 1997. — 998 p.

27. Cioran E. Cahier 1958 [Дневник 1958] [CRN. MS. 799] // Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020, pp. 434–437.
28. Cioran E. Cahiers Dieppe, 1987 [Дневники Дьеппа, 1987] [CRN. Ms. 839] // Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon: Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020, pp. 438–447.
29. Cioran E.M. Caiete: 1957–1972. — București: Humanitas, 2016. — 952 p.
30. Cioran. Carnetul unui afurisit [Записки одного проклятого] / Stabilirea textului, prefaţă, note şi variante de C. Zaharia. — București: Humanitas, 2021. — 244 p.
31. Cioran E. Cartea amăgirilor [Книга иллюзий]. — București: Editura Vremea, 1936. — 190 p.
32. Cioran E.M. Cuadernos. 1957–1972. — Barcelona: Tusquets Editores S.A., 2020. — 1056 p.
33. Cioran. Despre Franta [Из Франции, 1941]. — București: Humanitas, 1991. — 108 p.
34. Cioran. Divagations [Отклонения] / Édition et trad. du roumain par N. Cavaillès. — Paris: Gallimard, 2019. — 131 p.
35. Cioran. Fenêtre sur le Rien [Окна в ничто] / Trad. N. Cavaillès. — Paris: Gallimard, 2019. — 231 p.
36. Cioran, E. Îndreptar pătimăș [Страстный наставник / фр. Бревиарий побежденных]. — București: Humanitas, 1991. — 126 p.
37. Cioran E.M. Füzetek 1957–1972. — Budapest: Európa Könyvkiadó, 1999. — 226 p.
38. Cioran E. Lacrimi și sfinți [Слезы и святые]. — București: Editura autorului, 1937. — 250 p.
39. Cioran E.M. Notebooks. — New York: Arcade Publishing, 2007. — 320 p.
40. Cioran E.M. Notizen 1957–1972. — Wien: Karolinger Verlag, 2015. — 1021 p.
41. Cioran E. Pe culmile disperării [На вершинах отчаяния]. — București: Fundația pentru Literatură și Artă «Regele Carol II», 1934. — 166 p.
42. Cioran E.M. Quaderni 1957–1972. — Milano: Adelphi, 2001. — 1104 p.
43. Cioran. Razne [Разное/Блуждая] / Stabilirea textului, prefaţă şi note de C. Zaharia. — București: Humanitas, 2012. — 128 p.
44. Cioran E. Revelațiile durerii [Откровения боли]. — Cluj: Editura Echinox, 1990. — 202 p.
45. Cioran E. Schimbarea la față a României [Преображение Румынии]. — București: Editura Vremea, 1936. — 234 p.
46. Cioran E. Scrisori către cei de-acasă [Письма к тем, кто дома] / Stabilirea şi transcrierea textelor: Gabriel Liiceanu, Theodor Enescu; trad. Din fr.: Tania Radu; ed., note şi indici: Dan C. Mihăilescu. — București: Humanitas, 2004. — 376 p.
47. Cioran E.M. Zeszyty 1957–1972. — Warszawa: Aletheia, 2016. — 988 p.
48. Cioran E.M.シオラン. カイエ: 1957 — 1972. — 東京: 法政大学出版局, 2006. — 1030 ページ数

REFERENCES

1. Granin R. S. Poetika Emilya Chyorana: dekonstrukciya [avtora], genezis [teksta], dekompoziciya [stilya]. Izdanie v 3-h tt [The Poetics of Emil Cioran: Deconstruction [of the Author], Genesis [of the Text], Decomposition [of the Style]. Published in 3 volumes]. — Moscow: Totenburg, 2025–2026. (In Russian)
2. Granin R.S. Emil' Chyoran. Priblizhenie k uskol'zayushchem filosofu [Approaching the Elusive Philosopher]. — Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ [Center for Humanitarian Initiatives], 2024. — 126 p. (In Russian)
3. Massias S. Les Cahiers de Cioran: une oeuvre palimpseste. Genesis, 2017, № 45, pp. 193–200. (in French)
4. Electronic resource: https://www.livreshebdo.fr/article/la-brocanteuse-simone-baulez-est-bien-proprietaire-des-cahiers-de-cioran (date of access: 22.02.2026).
5. Electronic resource: https://www.mediafax.ro/cultura-media/omul-de-afaceri-roman-care-a-cumparat-manuscrisele-lui-emil-cioran-le-va-dona-statului-8139237 (date of access: 22.02.2025)

Поступила в редакцию 13.03.2026 г.

POETICS OF EMIL CIORAN'S DIARIES

R.S. Granin

The article addresses the poetics of Emil Cioran's Diaries (Cahiers: 1957–1972), which constitute a unique corpus of texts that blends philosophical fragmentation and confessional intimacy. The first part deals with the history of the diaries' creation and publication, starting from private notebooks not intended for publication. Then the paper covers their posthumous appearance edited by Simone Boué, who played a key role in their decipherment and preservation. The structure of the diaries is then described. It is pointed out that the diaries are constructed as a continuous stream of reflections, aphorisms, self-critical notes, and miniatures, recording both events and states

of mind. These entries form a unique writing laboratory, where thought is born and disintegrates. The article demonstrates that Cioran constantly edited, abridged, and transformed his entries, turning the diaries into a draft source for his future books. As palimpsest works, these texts retain traces of previous editions, layers of writing, and self-cancellation, demonstrating a poetics of layering and oblivion. The introduced concept of the frontier text allows us to consider the diaries as border writing, connecting philosophy and literature, the public and the private, the French language and the memory of Romanian, a transition from style to its rejection. This is a space of transition, where the author's identity undergoes its own disintegration and rebirth. It is emphasized that the poetics of Cioran's diaries is closely linked to his understanding of poetry as a form of thought: here, the philosopher becomes a poet of refusal, and the phrase is the only form of breathing in the void.

***Keywords*:** poetics, palimpsest, frontier-text, decomposition, genetic criticism, rewriting, draft, fragmentation, private thinker

Гранин Роман Сергеевич.
Кандидат философских наук,
Заместитель главного редактора Международного теоретического журнала «Credo-New» (https://credo-new.ru) , Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
ORCID 0009-0002-3049-0584.
E-mail: grrom@mail.ru

Granin Roman Sergeevich.
Candidate in Philosophy,
Deputy Editor-in-Chief of the International Theoretical Journal "Credo-New" (https://credo-new.ru) , Russian Federation, Saint-Petersburg.

ORCID 0009-0002-3049-0584.
E-mail: grrom@mail.ru

Научная статья
УДК 802
DOI: 10.5281/zenodo.21110250

ПИЩЕВАЯ КАРТИНА МИРА УРАЛЬСКОГО КАЗАКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОИМЕННОГО ОЧЕРКА В.И. ДАЛЯ)

© 2026 ***М. А. Захарова***[1]***, М. В. Калинина***[2]
[1-2]Государственное образовательное бюджетное учреждение культуры высшего образован «Волгоградский государственный институт искусств и культуры»
ORCID[1] 0009-0000-2856-1254
ORCID[2] 0000-0002-4096-9663

В статье осуществляется лингвокультурологическая реконструкция фрагмента пищевой картины мира уральского казака на материале очерка В.И. Даля «Уральский казак». Методологическую основу составил комплексный подход, включающий сплошную выборку лексем из текста Даля, компонентный и этимологический анализ с привлечением диалектных словарей, а также культурно-историческую интерпретацию материала в контексте старообрядческой традиции и межэтнических контактов. Подробному анализу подвергаются лексемы хлеб, щи, кашица, каймак, кокурки, а также отдельные наименования съедобных растений и животных продуктов, встречающихся в дикой природе. Анализируемая лексика сопровождается культурологическими комментариями. Полученные результаты показали, что лексика пищи неоднородна по происхождению, включает собственно русские и заимствованные от контактных этносов названия и отражает особенности хозяйственного уклада, религиозных взглядов и социальной идентичности уральского казачества.

Ключевые слова: этнолингвистика, языковая картина мира, наименования еды, уральские говоры, хлеб, кокурки, щи, кашица, каймак, культурный код

Для цитирования: Захарова М. А. Пищевая картина мира уральского казака (на материале одноименного очерка В.И. Даля) / М. А. Захарова, М. В. Калинина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 93–104. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21110250.

Введение. Актуальность исследования обусловлена двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, в современной этнолингвистике наблюдается устойчивый интерес к реконструкции фрагментов языковой картины мира через анализ концептуальных полей, среди которых особое место занимает пища как универсальный культурный код, интегрирующий природно-климатические, религиозные, социальные и этнические особенности народа. Во-вторых, уральское казачество как этнолокальная группа, сформировавшаяся на стыке славянской, тюркской и угро-финской культурных традиций, представляет собой уникальный объект для изучения процессов лингвокультурной адаптации в условиях пограничья.

Диалектная лексика питания исследовалась преимущественно на материале севернорусских и сибирских говоров [4; 8]. Отдельные блюда, их обрядовые функции и особенности организации трапезы жителей русского Севера были рассмотрены в работе Т.А. Ворониной [4], статьях Т.Б. Андреевой [1], К.В. Осиповой [11–13], А.В. Фроловой [14–15], тогда как уральские говоры казаков остаются недостаточно изученными в аспекте семиотической нагрузки наименований продуктов питания. Отдельные работы посвящены системе пищевых запретов, а также сложным обрядовым действиям уральцев [9], однако системное описание пищевой картины мира уральца в ее целостности отсутствует. Очерк В.И. Даля «Уральский казак» служит уникальным источником,

фиксирующим не только гастрономические реалии, но и их глубокую связь с природной средой, религиозными практиками и социальными отношениями. В нем содержатся большие возможности для изучения языковой картины мира жителя Урала.

Цель статьи — на материале очерка В.И. Даля реконструировать фрагмент пищевой картины мира уральского казака путем лингвокультурологического анализа наименований продуктов питания и определения их семиотической функции в системе ценностей этнокультурной группы.

Пища рассматривается нами как система, включающая несколько аспектов: прагматический (удовлетворение физиологических потребностей), ритуально-символический (участие в обрядах) и как маркер этнической, конфессиональной и социальной принадлежности. Такой подход позволяет рассматривать лексику пищи в историко-культурном контексте.

В очерке В.И. Даля «Уральский казак» зафиксировано 11 единиц, описывающих пищевые практики уральских казаков. Среди них: ***постная кашица***, ***пустые щи***, ***каймак***, ***кокурка***, ***красная рыба***, ***черная рыба***; ***солодковый корень***, ***челим (чилим)***, ***лебеда***, ***яйца мартышек***, ***земляной хлеб***. В рамках физиологического очерка В.И. Даля эти наименования образуют семантическое поле традиционного питания, отражающее хозяйственный уклад и культурные традиции уральского казачества. Выделенные нами единицы неоднородны в отношении ареала своего распространения: часть из них можно отнести к общерусским (***лебеда***), другие представляют собой диалектизмы, неизвестные литературному языку (***земляной хлеб***) или включенные в нормативные толковые словари русского языка с пометой «областное» (***мартышка*** ‘крачка’, ***кокурка***). Ещё один пласт лексем является общим для литературного языка и говоров (***щи***, ***кашица***), однако объем понятий, обозначаемых этими единицами, в литературном языке и в говорах, различен. Несмотря на то, что в очерке В.И. Даля единицы последней группы употреблены в «литературном» значении, этнолингвокультурологический контекст требует обращения к диалектным лексикографическим источникам. В данной статье мы рассмотрим 9 единиц, за исключением наименований ***рыбы*** — ***красной*** и ***черной***. Это обусловлено тем, что названия рыб в уральских говорах образуют разветвлённую систему, которая является частью лексико-семантического поля «Рыболовство» и которую целесообразно рассматривать в рамках отдельной статьи.

Для уточнения дефиниций диалектных слов, выявления контекстов их использования и сравнения диалектных единиц на уровне сводной системы русских народных говоров мы обращались к «Словарю говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи, «Словарю русских донских говоров», «Словарю русских народных говоров», которые можно назвать памятниками духовной и материальной культуры народа. В качестве дополнительных источников нами также привлекались толковые словари русского языка, изданные в конце XVIII–XIX вв., нормативные толковые словари, подготовленные в XX в., а также этимологические словари. Кроме того, мы обращались к трудам П.С. Палласа и Н.И. Анненкова как источникам дополнительных сведений.

В качестве основного использовался метод сплошной выборки (из очерка В.И. Даля «Уральский казак» были извлечены все лексемы, имеющие отношение к пище), применялся этимологический и контекстуальный анализ, лингвистические данные соотносились с этнографическими источниками, что позволило реконструировать особенности культуры и быта уральских казаков.

Основная часть. А.М. Дубовиков отмечает: «В кухне уральцев просматривается влияние поморского севера, русского юга и тюркского востока. В целом на нее определенное влияние оказала кухня киргизов, татар, башкир, хивинцев, а также

старообрядчество с его запретами и предписаниями» [7, с. 46]. Взаимодействие уральцев с иноверцами было обусловлено хозяйственно-культурной необходимостью. Как отмечают этнографы, «окрестное население вовлекалось в основную сферу занятости уральцев — в лов и переработку рыбы» [6, с. 20], поэтому среди рассматриваемых единиц отмечаются заимствованные по происхождению лексемы. Например, ***каймак*** — слово тюркского происхождения (ср. татарское, башкирское ***каймак***), вошедшее в речь уральских казаков через контакты с соседними народами. Это свидетельствует о хозяйственно-культурной адаптации и заимствовании кулинарных практик. В то же время исконно славянские названия (***щи***, ***кашица***) сохраняют базовую идентичность.

Пищевая лексика уральских казаков не только отражает этнические контакты, но и фиксирует особую организацию быта, где пространственный фактор играет ключевую роль. Домашняя и походная жизнь требовали разных пищевых стратегий, что нашло отражение в языке. Соответственно, все наименования продуктов питания можно разделить на две группы: связанные с внутренним пространством (домом, семьей) и связанные с внешним (походным) пространством. В рамках данной оппозиции формируется специфическая иерархия пищевых ценностей: домашняя пища маркируется религиозными и обрядовыми смыслами, тогда как походная пища получает функцию выживания в экстремальных условиях [7, с. 47].

Внутреннее пространство

Рассмотрим более подробно лексемы ***хлеб***, ***кокурка***, ***щи, кашица*** и ***каймак*** с опорой на материал очерка В.И. Даля и словарные источники.

Обращение к «Словарю говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи позволяет поставить лексему ***хлеб*** в центр лексико-семантического поля «Еда» наряду с обозначениями рыб. Отдельные значения многозначного слова ***хлеб*** образованы в результате метонимического переноса или семантического сдвига. Рассмотрим только те лексико-семантические варианты, которые связаны с хлебом как продуктом питания.

В говоре казаков-уральцев лексемой ***хлеб*** обозначают пшеницу, кукурузу, в целом ‘зерно хлебных культур’ [25, с. 374–375], то есть в плане содержания лексемы актуализированы метонимические связи по модели «готовый продукт питания — ингредиент». В словарях также зафиксировано суженное значение лексемы ***хлеб*** именно для обозначения ***чёрного*** (ржаного) ***хлеба*** в противовес белому, пшеничному (***калачу***): «На Урале чёрный хлеб до сих пор не в употреблении. Если вы спросите у казака „хлеба“ (вообще), то он, понимая, что вы просите „чёрного хлеба“, откажет вам, хотя у него есть калач (т.е. белый хлеб). Надо спросить „калача“, и тогда он подаст вам просимое» [25, с. 374–375]. По-видимому, появление значения ‘ржаной хлеб’ у анализируемого слова было связано с лексическим эллипсисом — пропуском в устной речи диалектоносителей определения ***чёрный*** с ограничительной семантикой.

Лексема ***хлеб*** встречается и во фразеологизме, связанном со свадебной обрядностью: ***взять на хлеба́ —*** ‘принять зятя в дом невесты’ [25, с. 375] (ср. также в других говорах: ***хле́бины*** / ***хлеби́ны*** — ‘1) праздничный обед в доме родителей невесты через несколько дней после свадьбы, 2) праздничный обед по поводу какого-либо важного события в семье молодоженов’ [35, с. 180–181]). В данном случае, на наш взгляд, можно говорить о расширении значения и об отражении этого семантического процесса как на лексическом, так и на грамматическом уровне: ***хлеб*** как обозначение продукта питания → ***хлеба́*** (*мн.ч.*) как обозначение пищи в целом. Материал уральских говоров отражает общекультурную значимость хлеба в свадебных обрядах (роль хлеба в семиотике свадебного обряда рассматривается, например, в статье А.В. Фроловой [15, с. 150–151]).

В народной культуре хлебу приписывалась особая сила, он применялся во многих лечебных и магических практиках. Как отмечает И.Б. Качинская, «[н]а хлеб или на хлеб-соль начитывались многочисленные заговоры, с которыми обращались в самых различных случаях как к человеку, так и к домашним животным» [10, с. 132].

Казаки ели ***коку́рки (коку́рочки)*** — ‘сдобные булки, небольшие белые хлебцы, испечённые на коровьем или растительном масле, иногда с запечённым внутри яйцом’ [21, с. 109; 23, с. 212]. Это был специальный походный продукт: «…на поход снабжала хозяйка своего казака кокурками, сколько можно было подвязать их в торока» [21, с. 109] (ср.: «Запрягам мы лошадей и кладем мы все ето, хлеб и кокурочки, выезжам на ятовь» [23, с. 212–213]), — который выступал в роли пищи-оберега, наделенного символической функцией защиты.

Диалектное слово ***коку́ра*** отмечено в словарях русского языка еще с XIX века: ***коку́ра*** (*уменьшительное* ***коку́рка***) — ‘1) (*областное*) большой пирог на крестьянских свадьбах, 2) сдобный пшеничный хлебец с запеченным яйцом’ [37, с. 188]; оно встречается в языке художественной литературы, особенно XIX века, и зафиксировано в современных словарях: ***коку́рка*** — ‘(*областное*) сдобный пшеничный хлебец, обычно с запечённым внутри яйцом’ [18, с. 213].

На уровне сводной системы русских народных говоров существует несколько лексем с корнем ***кокур-***, различающихся грамматическими характеристиками и словообразовательными формантами и связанных с разными ареалами: ***кокур*** (костромское), ***коку́ра*** (костромское, владимирское, нижегородское, ярославское, пензенское, пермское, рязанское, саратовское, уральское, челябинское), ***коку́рка*** (владимирское, московское, тамбовское, костромское, нижегородское, пензенское, саратовское, оренбургское, уральское), ***коку́рочка*** (оренбургское, уральское), ***коку́рок*** (*чаще множ.:* ***коку́рки***; русские говоры Среднего Урала) [33, с. 104–106]. Денотаты перечисленных выше лексем закономерно различаются в зависимости от географического ареала, однако на уровне сводной системы русских народных говоров можно выделить несколько семантических инвариантов: с одной стороны, повседневная (необрядовая) или походная еда, детское лакомство (лепешка, калач, хлебец), с другой — обрядовая еда (пирог), связанная с колядованием и свадебными обычаями [33, с. 104–106].

В говорах казаков-уральцев слово ***коку́рка*** образует дериваты: ***коку́рошник*** — ‘любитель кокурок или мастер их печь’ [23, с. 213], ***коку́рошный*** — ‘приготовленный из кокурки’: «Мешок кокурошных сухарей висел (приготовленный для рыболовства). Кокурошно кесто [тесто. — *М.З., М.К.*] поставила, да, видится, прибелка давнишня, не подыматся штой-то» [23, с. 213]. Разновидность и функция хлебобулочного изделия уточняются в словарных контекстах. Так, в одном из примеров упоминаются ***коку́рочки-ро́званцы***: «Надо печи кокурочки, кокурочки-розванцы» [23, с. 212]; ***ро́званец*** — ‘розанец, хворост (печенье)’ [24, с. 544]. Метафора, лежащая в основе наименования ***ро́званец*** / ***ро́занец*** (‘в форме розы’), связана в том числе с эстетикой свадебного обряда: «Кокурочки, крендельки сделать на свадьбу» [23, с. 212], «Розанцы и открытки [открытые сладкие пироги или лепешки со сладкой начинкой. — *М.З.*, *М.К.*] подают на свадьбах» [24, с. 99, 544].

Постоянные жизненные испытания, которые переносили казаки, сформировали у них умение довольствоваться малым, аскетично относиться к своим желаниям, связанным с едой: «…а как посты все соблюдались во всей строгости, так и приходилось в году месяцев шесть хлебать постную кашицу да пустые щи» [21, с. 109].

Слово ***кашица***, по-видимому, использовано В.И. Далем в общеупотребительном значении: ***ка́шица*** ‘похлебка с большим количеством крупы’ [37, с. 167] (ср. ***ка́шица*** /

кашúца — ‘жидкая каша — кушанье из варенной в воде или молоке крупы’ [17, с. 723, 725]). Однако в говорах казаков-уральцев значение слова ***кашица*** по сравнению с литературным значением отличает семантический сдвиг: это ‘отвар пшенной каши’: «Кашицу слили, схлебали, а кашу после съели. Кашицу сварили, слили, лучку туда покрышили и коровьим маслом заправили» [23, с. 180]. Примечательно, что на уровне сводной системы русских народных говоров у лексемы ***кашица*** также отмечены более узкие, специализированные значения, чем в литературном языке, например: ‘суп из ячменной или овсяной крупы’ (псковское), ‘очень густой мясной суп, с овсяной крупой и картофелем’ (новгородское, вологодское), ‘кушанье из толокна на кипяченой воде’ (кировское) [32, с. 151]. Дифференциальные семы в данном случае отражают особенности местной кухни.

Примечательно, что в говоре казаков-уральцев значение лексемы ***щи*** шире, чем в литературном языке: это ‘суп особого приготовления’ [25, с. 505]. Особенности приготовления щей раскрыты в словарных контекстах: «Гороховые щи с подбойкой [подливкой]. Щи — рис, капуста, картошка, лук, подбойка, сметана. Вот, примерно, уральски казаки речи не изменили: суп, примерно, звали щи. Немного картошки, немного пышанца — щи» [24, с. 227; 25, с. 505]. Как следует из процитированных выше примеров, в говорах казаков-уральцев ***щами*** называлось достаточно сытное, плотное по консистенции кушанье; слово ***щи*** использовалось практически как синоним к слову ***суп*** — эта семантическая особенность свойственна лексеме ***щи*** и на Русском Севере [13, с. 48].

Однако если рассматривать лексему ***щи*** в том значении, в котором она известна литературному языку — ‘жидкое кушанье из рубленой капусты, а также из щавеля, шпината и т.п.’ [36, с. 743], в тексте очерка В.И. Даля также можно выделить ряд культурно значимых деталей. Е.Л. Березович и К.В. Осипова отмечают: «Согласно русским народным пищевым канонам, “настоящий” суп должен быть наваристым, густым, жирным» [3, с. 218]. Жидкие щи «ели в основном во время поста» [3, с. 233]. Прием пищи в народной традиции жестко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями [2, с. 10], поэтому пищевые практики становятся видимым выражением религиозной дисциплины, особенно в среде старообрядцев, для которых соблюдение постов было не просто предписанием, а элементом конфессиональной идентичности.

Рассмотрим названия кисломолочных продуктов, которые употребляли уральские казаки. Одним из таких наименований является ***каймáк*** (тж. редко ***камáк***). В говорах казаков-уральцев это слово многозначно: ‘1) густые сливки с топленого молока; 2) (*переносное*) наивысшая похвала’: «В кубатках [глиняной посуде с широким горлом без ручки] жарили молоко, потом камак сымали. Мы с вами пьём чай с каймаком. Дела идут — самый каймак. Глину хорошо смяли, она, как каймак маслена, трескаться не будет» [23, с. 153, 302]. Использовали каймак и для приготовления жидких каш: «В чугуне баламыгу варят, каймаком мажут да едят» (***баламыга*** — ‘жидкая каша, саламата’) [22, с. 94]. Распространено и уменьшительно-ласкательное слово ***каймачóк***: «Снимали каймачок и копили его в шайках [деревянной посуде с двумя ушками, в которой держат молоко, настаивают на каймак]» [23, с. 153; 25, с. 471]. На уровне сводной системы русских народных говоров этим же словом обозначают особым образом приготовленные сливки (из кипяченого, топленого или парного молока); молоко, приготовленное особым способом (упаренное до густоты молоко со сливками и густыми пенками); сметану; масло; творог [31, с. 325–326].

Лексема ***каймак*** образует дериваты, которые различаются грамматически (родовой принадлежностью) и имеют как общие, так и различные лексико-семантические варианты:

каймáшник	***каймáшница***
Одинаковые значения	
‘1) (тж. ***каймáшня***) посуда для каймака’: «Каймашник — ето круглая посуда и в боку отверстие для ложечки. Посудина, в которой сымам каймак, эт и есть каймашня» [23, с. 153, 154]; ‘2) любитель каймака (тж. ***каймáшное брюхо***)’ [23, с. 153, 154];	‘1) то же, что каймашник (1)’ [23, с. 154]; ‘2) любительница каймака’ [23, с. 154];
Различающиеся значения	
‘3) казак-малолеток, ворующий каймак для вечеринки’ [23, с. 153]; ср. ***каймáшничать*** — ‘воровать каймак, лазить по чужим погребам и чуланам в поисках каймака для молодёжных вечеринок’ [23, с. 154]; ‘4) шкафчик’: «В каймашник посуду кладут» [23, с. 153].	‘3) женщина, продающая каймак’ [23, с. 154]; ‘4) корова, дающая молоко с большим процентом жирности’ [23, с. 154]; ‘5) (*переносное*) неженка, белоручка’: «Это каймашница, она работать не будет. Каймашница — укорительное слово» [23, с. 154].

Кроме того, говорам известно и прилагательное ***каймáшный*** — ‘1) прилагательное к ***каймак***; 2) любитель каймака’: «Каймашно масло и поджаренным пахнет, оно везде шло. Мама! Каймаку хочу! — Иш ты, какой каймашный!» [23, с. 154].

Разветвленные словообразовательные связи слова ***каймак*** отражают, с одной стороны, значимость этого продукта в домашнем хозяйстве (отсюда — разнообразие наименований тары для приготовления и хранения каймака), с другой стороны, как знаки вторичной номинации они помогают выразить оценку определенного поведения, отношение к человеку, ведущему себя определенным образом.

В очерке В.И. Даля также упомянуты продукты, которые были под запретом: «Но конины и верблюжины Проклятов не стал бы есть ни за что; скорее, говорит, издохну, а такого греха на душу не возьму» [7, с. 47; 21, с. 112]. Как известно, староверы строго соблюдали все традиции и обычаи, в каждой семье у них была отдельная посуда, не мешавшаяся с «мирской».

Внешнее пространство

Традицию употребления в пищу дикорастущих хлебных растений уральские казаки переняли от коренных угро-финских народностей, которые «были охотниками и рыболовами, но никогда не были хлебопашцами» [5, с. 167]. Наименования ***челим*** / ***чилим*** (водяной, или чертов, орех — род растений семейства рогульниковых), ***лебеда***, ***солодковый корень***, ***яйца мартышек*** (яйца птиц семейства чайковых) и ***земляной хлеб*** (съедобный лишайник) указывают на использование дикоросов и даров природы в условиях вынужденного или сезонного дефицита. Эти лексемы отражают непростые условия выживания в экстремальных обстоятельствах (например, в долгих походах или в неурожайные годы). Их наличие в тексте подчеркивает тесную связь казачества с природной средой и знание местных ресурсов: «Солодковый корень, челим, лебеда, яйца мартышек, даже земляной хлеб и разные другие съедобные снадобья пропитывали его в

беде по нескольку суток сряду» [21, с. 112]. Наблюдения о пользе ***солодкового корня*** отмечены в словарях, например: «У нас окыль Урала растёт солодка, ***солодский корень*** [жирный курсив наш. — *М.З.*, *М.К.*] пользительный» [25, с. 136]. Как отмечается в «Словаре Академии Российской» (1792), ***лебеда*** дикая, или лесная, «употребляется в варево» [28, стлб. 1150]; огородная «употребляется для варения щей, приготовления ботвиньи и проч.» [28, стлб. 1150].

П.С. Паллас в записи от 29 июня 1769 отмечает, что в непроточных мелких озёрах при Яике растёт много водяных орехов (название ботанического рода — ***чилим***), которые едят сырыми [26, с. 343]. Водяные орехи вытаскивались со дна специальными колючими «рогожами» [21, с. 112; 25, с. 445]. Лексема ***чили́минка*** обозначает ‘отдельное растение чилима, отдельный орех чилима’ [25, с. 445].

Словари сохранили этнографические детали: «Джилимы питательны, больше пяти не съешь» [22, с. 408]. Название водяного ореха представляет собой тюркизм и зафиксировано в говорах уральских казаков в двух фонетических вариантах: собственно ***чили́м*** и ***джили́м***. Оба слова образуют дериваты — ***чили́мный*** [25, с. 445] и ***джилимный*** [22, с. 408] соответственно. Эти прилагательные входят в состав топонимов: ***Джилимна(я) прорва*** [22, с. 408], ***Чилимна(я) яма*** [25, с. 445]. Озеро или река, в которых было много чилима, также назывались ***чилимными*** [25, с. 445].

Под названием «***земляной хлеб***, или ***земляной мох***» [23, с. 94; 25, с. 375] подразумевается съедобный кочующий лишайник, произрастающий в киргизских степях [16, с. 189; 20, стлб. 1693]; у него «есть некоторое сходство, судя по питательным качествам, с исландским мохом, и в голодные годы его едят» [21, с. 112]. П.С. Паллас передаёт легенду, согласно которой заблудившиеся в степи охотники употребляли ***земляной мох (земляной хлеб)*** в пищу и тем спаслись от голодной смерти; в местностях по Яику используется этот «мох» и в лечебных целях [26, с. 539]. Н.И. Анненков приводит несколько названий этого лишайника, в том числе ***джар-бидай*** (с пометой «*киргизское*») [16, с. 189]. По-видимому, фразеологизм ***земляной хлеб*** является калькой соответствующего местного обозначения и может быть отнесен к регионализмам.

Прилагательное ***мартышечий*** (тж. ***мартышин —*** ‘прилагательное от ***мартын*** — чайка’ [23, с. 401]) относится к обозначению водоплавающих птиц: в говорах уральских казаков ***мартышка*** — это ‘1) большая порода морских чаек, крик которых весьма похож на хохот человека’ [23, с. 401]. Яйца этих птиц ценятся достаточно высоко: «Мартышины яйца лучше куриных; таки чубары [пестрые. — *М.З.*, *М.К.*], маленькие» [23, с. 401; 25, с. 458] (ср. тж. в камчатских говорах: ***мартышечий*** — ‘относящийся к мартышке (крачке)’: «мартышечьи яйца собирали» [34, с. 376]). Прилагательное ***мартышечий*** также входит в состав топонимов, например: «Недалеко от Мартышечьей лощины есть Язвенна низина» [23, с. 401].

Точная этимология названия птицы не установлена, однако можно предположить иноязычное ее происхождение [27, с. 511–512]. В диахронии на уровне общенационального языка можно выделить пару ***мартын*** / ***мартышка*** со значением птицы из семейства чайковых, представленную также рядом несколько фонетических и словообразовательных вариантов, то есть данные лексемы нельзя считать уральскими регионализмами:

мартын ‘общее название водных птиц-рыболовов’ [27, с. 511] (данные этимологического словаря), ‘народное название водоплавающей птицы семейства чайковых; крачка’ [19, с. 547] (дефиниция из современного нормативного толкового словаря);

марти́н, ***мартишо́к*** ‘порода чаек’ (в говоре казаков-некрасовцев) [34, с. 376],

мартине́ц ‘мартын, птица из породы чаек’ (донские говоры) [30, с. 130],
мартыно́к ‘птица мартышка, крячка’ (нижегородское) [34, с. 376];
мартышка ‘Sterna [крачка. — *М.З.*, *М.К.*]; птица водяная, на чайку или рыболова во всем похожая, но отличающаяся от оного клювом шиловидным, прямым, острым, со сторон сжатым’ [29, стлб. 48] (толковый словарь конца XVIII века), ‘Sterna, водяная птица’ [37, с. 288] (толковый словарь середины XIX века), ‘(*уменьшительное*) те же птицы [рыболовы. — *М.З.*, *М.К.*] поменьше’ [27, с. 511] (дефиниция из этимологического словаря), ‘то же, что мартын [народное название крачки. — *М.З.*, *М.К.*]’ [19, с. 547] (дефиниция из современного нормативного толкового словаря).

Вместе с тем в «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» у лексем ***мартын*** и ***мартышка*** зафиксировано значение, сфера употребления которого изначально была ограничена регионом (Южный Урал): ***мартын*** — ‘белый голубь с красной головой’: «Продай своего мартына. Я его хочу вон с той мартышкой понять, мартыньев должны давать», ***мартышка*** — ‘порода голубей’ [23, с. 401–402] (ср. также ***мартышо́нок***, *мн.* ***мартыша́та*** — ‘птенец мартына (голубя)’ [23, с. 402]). Кроме того, на наш взгляд, пару ***мартын***[1] / ***мартышка***[1], обозначающую крачек, можно считать омонимами к лексемам ***мартын***[2] / ***мартышка***[2], обозначающим голубей: денотаты и, соответственно, сферы употребления представленных выше лексических пар существенно различаются.

Заключение. Проведенный лингвокультурологический анализ позволил реконструировать фрагмент пищевой картины мира уральского казака как сложную семиотическую систему, где пища функционирует на трех уровнях: прагматическом — как обозначения предметов питания, адаптированных к природно-климатическим условиям; ритуальном — как маркер религиозной идентичности старообрядцев и идентификационном — как индикатор этнокультурных контактов и социальной организации казачьего сообщества. Материалы проведенного исследования могут быть использованы для составления этнолингвистических словарей.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сопоставительном анализе пищевой лексики уральских, донских и сибирских казаков с целью выявления общерусских и регионально-специфических черт в подходах к питанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Т.Б. Пиво как праздничный напиток жителей Русского Севера (XIX — начало XX века) / Т.Б. Андреева // Праздничная и обрядовая пища народов мира. — Москва: Наука, 2017. — 773 с. — С. 134–157. — EDN YUNQSJ.
2. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е.Л. Березович // Вопросы языкознания. — 2004. — № 6. — С. 3–24. — EDN OTWWDT.
3. Березович Е.Л. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка / Е.Л. Березович, К.В. Осипова // Антропологический форум. — 2014. — № 20. — С. 218–239. — EDN SXDFKZ.
4. Воронина Т.А. Пища и утварь / Т.А. Воронина // Русский Север : Этническая история и народная культура. XII–XX века / И.В. Власова, А.А. Желтов, И.С. Кызласова [и др.] ; Российская Академия наук; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — 2-е изд., стереотип. — Москва: Наука, 2004. — С. 367–424. — EDN XVWOWR.
5. Гудков А.Г. Рацион крестьян Русского Севера в конце XVIII — первой половине XIX века / А.Г. Гудков // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы : Материалы научной конференции, Вологда-Молочное, 02–03 марта 2006 года. Том 1. — Вологда-Молочное: Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина, 2006. — С. 159–170. — EDN VULGGZ.
6. Данилко Е.С. Казаки-уральцы — этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане : (материалы полевых исследований) / Е.С. Данилко, Е.А. Агеева. — Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. — 32 с. — (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ; 249). — EDN VVQPFB.
7. Дубовиков А.М. Повседневная культура уральского казачества (XVI-XIX вв.) / А.М. Дубовиков // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008. — № 10(92). — С. 44–49. — EDN KVOTZP.

8. Исламова Ю.В. Лексика пищи и напитков в русских старожильческих говорах Обь-Иртышского междуречья / Ю.В. Исламова, М.Г. Бакшеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 12. — С. 28–32. — DOI 10.30853/filnauki.2020.12.5. — EDN ORXQUE.
9. Калинина М.В. Отражение старообрядческих нравственных ценностей и принципов в физиологическом очерке В. И. Даля «Уральский казак» / М.В. Калинина, М.А. Захарова // Искусство Культура Образование: современные тенденции. — 2025. — № 3(7). — С. 30–38. — EDN OPUANL.
10. Качинская И.Б. Этнолингвистический словарь Кенозерья: пробные словарные статьи. Хлеб / И.Б. Качинская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2025. / отв. ред. С.А. Мызников. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. — С. 123–140. — DOI: 10.30842/265861502025
11. Осипова К.В. Наименования похлебки из рыбы на русском Севере: этнолингвистический аспект / К.В. Осипова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 2. — С. 48–57. — DOI 10.17238/issn2227-6564.2019.2.48. — EDN OLGBGR.
12. Осипова К.В. О принципах составления этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера»: на примере статьи «Каша» / К.В. Осипова // Традиционная культура. — 2017. — № 4(68). — С. 111–123. — EDN YOCNXV.
13. Осипова К.В. Щи на русском Севере: культурно-языковая символика / К.В. Осипова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2017. — Т. 9, № 2. — С. 47–54. — DOI 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54. — EDN ZEFYGF.
14. Фролова А.В. Праздничная пища русских Архангельского Севера (начало XX века) / А.В. Фролова // Праздничная и обрядовая пища народов мира. — Москва: Наука, 2017. — С. 158–172. — EDN YUODQD.
15. Фролова А.В. Хлеб в праздничной и обрядовой пище русских Архангельского Севера начала XX века / А.В. Фролова // Традиционная культура. — 2020. — Т. 21, № 4. — С. 149–157. — DOI 10.26158/TK.2020.21.4.013. — EDN APLPTC.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Анненков Н.И. Ботанический словарь : Справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей [Электронный ресурс] / сост. Н. Анненков, Имп. Рос. о-ва акклиматизации, Моск. физ.-мед. о-ва... — почет. чл. — Новое испр., пополн. и расшир. изд. — Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1878. — 646 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003623929/ (дата обращения: 03.02.2026).
17. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. — Москва, Санкт-Петербург : Наука, 2004–. — Т. 7. И–Каюр, 2007. — 728 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/357 (дата обращения: 03.02.2026).
18. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. — Москва, Санкт-Петербург : Наука, 2004–. — Т. 8. Каюта–Кюрины, 2007. — 839 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/358 (дата обращения: 03.02.2026).
19. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. — Москва, Санкт-Петербург : Наука, 2004–. — Т. 9. Л–Медь, 2007. — 658 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/359 (дата обращения: 03.02.2026).
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ; репринт. воспроизв. изд. 1912–1914 гг. — Москва: Цитадель ; Дом славянской книги, 2011. — Том I. А–З. — 944 с.
21. Даль В.И. Уральский казак / В.И. Даль // Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. — Москва — Ленинград: ГИХЛ, 1961. — С. 101–115.
22. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство. 2002–2003. — Т. 1. А–Ж. — 496 с.
23. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство. 2002–2003. — Т. 2. З–Н. — 592 с.
24. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство. 2002–2003. — Т. 3. О–Р. — 568 с.
25. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство. 2002–2003. — Т. 4. С–Я. — 536 с.
26. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. [В 1768 и 1769 годах] [Электронный ресурс] / П.С. Паллас. — Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1770–1788. — Ч. 1. — 1773. — 657 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003336731/ (дата обращения: 03.02.2026).

27. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка/ сост. А. Преображенский, заслуж. преподаватель Московской 4-й гимназии. Т. 1–2. — Москва : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. — Том первый. А–О. — XXIV, 674, V с. — Режим доступа: https://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijA-O.pdf (дата обращения: 03.02.2026).
28. Словарь Академии Российской. — Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1789-1794. — Ч. 3. От З до М. — 1792. — 1388 стлб., [63] с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004095748/ (дата обращения: 03.02.2026).
29. Словарь Академии Российской. — Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. — Ч. 4. От М до Р. — 1793. — 1272 стлб. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004095764/ (дата обращения: 03.02.2026).
30. Словарь русских донских говоров: В 3 т. / Ред. коллегия: доц. В. С. Овчинникова (отв. ред.) [и др.] ; Рост.-на-Дону гос. ун-т. — Ростов н/Д : [б. и.], 1975–. Т. 2: З (заклекать) — П (перветка). / авт.-сост. З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная, А.А. Дибров [и др.]. — 1976. — 223 с.
31. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — Москва : Наука; Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–. Вып. 12: Зубрёха — Калумаги / сост. Л.И. Балахонова [и др.] ; гл. ред. Ф.П. Филин. — 1977. — 368 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/1338 (дата обращения: 03.02.2026).
32. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — Москва : Наука; Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–. — Вып. 13: Калун — Кобза / сост. Н.И. Андреева-Васина [и др.] ; гл. ред. Ф.П. Филин. — 1977. — 358 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/1339 (дата обращения: 03.02.2026).
33. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — Москва : Наука; Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–. — Вып. 14: Кобзарик — Корточки / сост. О.Д. Кузнецова [и др.] ; гл. ред. Ф.П. Филин. — 1978. — 376 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/1340 (дата обращения: 03.02.2026).
34. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — Москва : Наука; Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–. — Вып. 17: Леснокаменный — Масленичать / сост. Н.И. Андреева-Васина [и др.] ; гл. ред. Ф.П. Филин. — 1981. — 383 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/1343 (дата обращения: 03.02.2026).
35. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс] / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. — Москва : Наука; Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–. — Вып. 50: Хас — Хоглок / [составители.: Ю.Ф. Денисенко, Е.В. Колосько]. — 2018. — 334 с. — Режим доступа: https://iling.spb.ru/publications/3006 (дата обращения: 03.02.2026).
36. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва: Русский язык, 1985–1988. — Т. 4. С–Я, 1988. — 800 с.
37. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук = Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1847. — Т. 2. — 471 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003825500/ (дата обращения: 03.02.2026).

REFERENCES

1. Andreyeva, T. B. (2017). Pivo kak prazdnichnyy napitok zhiteley Russkogo Severa (XIX — nachalo XX veka) [Beer as a Festive Drink in the Russian North]. In Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira [Festive and Ritual food of the Peoples of the World] (pp. 134–157). Moscow: Nauka. (In Russian).
2. Berezovich, E. L. (2004). K etnolingvisticheskoy interpretatsii semanticheskikh poley [On the ethnolinguistic interpretation of semantic fields]. Voprosy yazykoznaniya, 6, 3–24. (In Russian).
3. Berezovich, E. L. & Osipova, K. V. (2014). “Chto yedim, tak i zhist′ zhivem”: pustoy sup i nekrepkiy chay v zerkale yazyka [Our Life is What We Eat: Low-Fat Soup and Weak Tea Reflected in Language]. Antropologicheskiy forum, 20, 218–239. (In Russian).
4. Voronina, T. A. (2004). Pishcha i utvar′ [Food and Utensils]. In Vlasova, I. V., Zheltov, A. A., Kyzlasova, I. S., et al. (2025). Russkiy Sever : Etnicheskaya istoriya i narodnaya kul′tura. XII–XX veka [The Russian North: Its Ethnic History and Folk Culture] (pp. 367–424). Moscow: Nauka. (In Russian).
5. Gudkov, A. G. (2006). Ratsion krest′yan Russkogo Severa v kontse XVIII — pervoy polovine XIX veka [The Peasants’ Diet in the Russian North at the end of the 18th century and in the first half of the 19th century]. In Yevropeyskiy Sever Rossii: traditsiya i modernizatsionnyye protsessy : Materialy nauchnoy konferentsii, Vologda-Molochnoye, 02–03 marta 2006 goda. Tom 1 [The European North of Russia: tradition and modernization processes: Proceedings of the scientific conference, Vologda-Molochnoye, March 2–3, 2006.

Vol. 1] (pp. 159–170). Vologda-Molochnoye: Vologda State Dairy Farming Academy Named after N.V. Vereshchagin. (In Russian).
6. Danilko, E. S., & Ageyeva, E. A. (2016). Kazaki-ural′tsy — etnolokal′naya gruppa russkikh v Sredney Azii i Kazakhstane : (materialy polevykh issledovaniy). Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii; 249 [The Ural Cossacks: an ethnolocal group of Russians in Central Asia and Kazakhstan: materials of field studies; Studies in Applied and Urgent Ethnology, 249]. Moscow: The Institute for Ethnology and Anthropology Named after N.N. Miklukho-Maklay, The Russian Academy of Sciences. (In Russian).
7. Dubovikov, A. M. (2008). Povsednevnaya kul′tura ural′skogo kazachestva (XVI-XIX vv.) [Everyday Life of the Ural Cossacks in the 16th–19th centuries]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 10(92), 44–49. (In Russian).
8. Islamova, Yu. V., & Baksheyeva, M. G. (2020). Leksika pishchi i napitkov v russkikh starozhil′cheskikh govorakh Ob′-Irtyshskogo mezhdurech′ya [Food and Drink Vocabulary in the Russian Old-Timers' Dialects of the Ob-Irtysh Interfluve]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 13 (Vol. 12), 28–32. DOI 10.30853/filnauki.2020.12.5. (In Russian).
9. Kalinina, M. V., & Zakharova, M. A. (2025). Otrazheniye staroobryadcheskikh nravstvennykh tsennostey i printsipov v fiziologicheskom ocherke V. I. Dalya "Ural′skiy kazak" [The Reflection of the Old Believers' Moral values and Principles in V. I. Dal's physiological sketch "The Ural Cossack"]. Iskusstvo Kul′tura Obrazovaniye: sovremennyye tendentsii, 3(7), 30–38. (In Russian).
10. Kachinskaya, I. B. (2025). Etnolingvisticheskiy slovar′ Kenozer′ya: probnyye slovarnyye stat′i. Khleb [An Ethnolinguistic Dictionary of Kenozero: test entries. Bread]. In S. A. Myznikov (chief ed.), Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2025 [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2025] (pp. 123–140). Saint-Petersburg, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. DOI: 10.30842/265861502025 (In Russian).
11. Osipova, K. V. (2019). Naimenovaniya pokhlebki iz ryby na russkom Severe: etnolingvisticheskiy aspekt [Names of Fish Soup in the Russian North: Ethnolinguistic Aspect]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal′nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial′nyye nauki, 2, 48–57. DOI 10.17238/issn2227-6564.2019.2.48. (In Russian).
12. Osipova, K. V. (2017). O printsipakh sostavleniya etnolingvisticheskogo slovarya "Pishcha Russkogo Severa": na primere stat′i "Kasha" [On the Principles of Compilation of the Ethnoliguistic Dictionary "Food of the Russian North" as shown by the diary entry "Kasha"]. Traditsionnaya kul′tura, 4(68), 111–123. (In Russian).
13. Osipova, K. V. (2017). Shchi na russkom Severe: kul′turno-yazykovaya simvolika [*Shchi* in the Russian North: Cultural and Linguistic Symbolism]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, Vol. 9, No.2, 47–54. DOI 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54. (In Russian).
14. Frolova, A. V. (2017). Prazdnichnaya pishcha russkikh Arkhangel′skogo Severa (nachalo XX veka) [Russian Festive Food in Archangelsk Oblast (in the early 20th century)]. In Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha narodov mira [Festive and Ritual food of the Peoples of the World] (pp. 158–172). Moscow: Nauka. (In Russian).
15. Frolova, A. V. (2020). Khleb v prazdnichnoy i obryadovoy pishche russkikh Arkhangel′skogo Severa nachala XX veka [Bread in the Festive and Ceremonial Food of Russians of the Arkhangelsk North in the early 20th century]. Traditsionnaya kul′tura, 21(4), 149–157. DOI 10.26158/TK.2020.21.4.013. (In Russian).

Поступила в редакцию 05.03.2026 г.

URAL COSSACK'S FOOD WORLDVIEW (BASED ON V.I. DAL'S ESSAY)

M.A. Zakharova, ***M.V. Kalinina***

This article presents a linguocultural reconstruction of the Ural Cossacks' food worldview fragment based on the lexical material from V.I. Dal's essay "The Ural Cossack". The study employs an integrated methodological approach with a continuous sample of all diet-related lexemes in V.I. Dal's essay, supplemented by componential and etymological analysis with reference to dialectal dictionaries. The findings are interpreted within the historical and cultural framework of Old Believer traditions and interethnic contacts in the region. Particular attention is paid to such terms as ***khleb***, ***shchi***, ***kashitsa***, ***kaimak***, ***kokurki***, as well as designations of wild edible plants and animal products. Each lexical item is accompanied by a cultural commentary. The analysis reveals that this dietary vocabulary is of heterogeneous origin, incorporating both native Russian lexemes and borrowings from contact ethnic groups, and reflects distinctive features of the Ural Cossacks' domestic practices, religious beliefs, and social identity.

Keywords: ethnolinguistics, linguistic worldview, denominations of food, Ural dialects, *khleb*, *kokurki*, *schi*, *kashitsa*, *kaimak*, cultural code.

Захарова Мария Алексеевна.
Кандидат филологических наук.
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация.
Преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.
ORCID 0009-0000-2856-1254.
E-mail: forestwell@yandex.ru

Калинина Маргарита Владимировна.
Кандидат филологических наук.
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация.
Доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-4096-9663.
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Zakharova Maria Alekseevna.
Candidate of Philology.
Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russian Federation.
Lecturer at Department of Humanities.
ORCID 0009-0000-2856-1254.
E-mail: forestwell@yandex.ru

Kalinina Margarita Vladimirovna.
Candidate of Philology.
Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Humanities.
ORCID 0000-0002-4096-9663.
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Научная статья
УДК 811.111+81'33+81'37
DOI: 10.5281/zenodo.21110387

РЕАЛИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2026 *О. А. Максимчик*[1], ***П. А. Головина***[1,2]
[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет», [2]Частное общеобразовательное учреждение «Лицей №1 “Спутник”»
ORCID[1] 0009-0002-7412-0032.
ORCID[2] 0009-0008-7622-3821.

В статье рассматривается проблема реалий русской лингвокультуры. Обосновываются теоретические основы изучения реалий, описывается соотношение между «реалией» и «термином», а также между «реалией-словом», «реалией-объектом» и «реалией-понятием» через призму семантического треугольника Г. Фреге. Актуальность проблемы теоретического и практического описания реалий русской лингвокультуры обусловливается недостаточной степенью изученности иноязычных наименований реалий России в аспекте интерлингвокультурологии, а также недостатком посвященных им лексикографических источников. Материалом практической части исследования послужили результаты опроса студентов факультета иностранных языков СГСПУ, позволившие актуализировать перечень реалий в представлении современной молодежи (в количестве 533 единиц). Методами исследования, помимо общетеоретических, послужили: статистические методы сбора и обработки информации, ассоциативный эксперимент, моделирование. Результаты исследования включают уточнение понятия «реалия», введение и обоснование понятия «реалия русской лингвокультуры», актуализация инвентаря реалий на основе экспериментального исследования и их визуализация в облаках. Мы надеемся, что проведенное исследование послужит основой для дальнейших теоретических и практических изысканий в области изучения реалий русской лингвокультуры на материале английского либо других языков.

***Ключевые слова**:* реалия, термин, реалия русской лингвокультуры, семантический треугольник, иностранный язык, английский язык, интерлингвокультурология, облака реалий, экспериментальное исследование, инвентарь реалий.

Для цитирования: Максимчик О. А. Реалии русской лингвокультуры: теоретическое обоснование и экспериментальное исследование / О. А. Максимчик, П. А. Головина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 105–124. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21110387.

Введение. В современном мире взаимовлияние языка и культуры выступает одним из ключевых аспектов исследований в области лингвокультурологии, что подчеркивает неразрывную связь языковой картины мира с культурными ценностями, историко-культурным контекстом развития общества, его социальным устройством и достижениями, наиболее отчетливо отражаясь в лингвокультурных реалиях. Как язык является зеркалом культуры, так и реалия, будучи одним из самых ярких пластов лексики, является зеркалом исторического и национального колорита народа-носителя языка.

В настоящее время все больше научных исследований посвящается вопросам изучения языковых реалий, их перевода [22], в том числе с русского языка [2; 28], адаптации лингвокультурных реалий в языке-реципиенте [27], классификации реалий [20]. Различных точек зрения придерживаются исследователи в интерпретации самого термина «реалия» — реалии рассматриваются как неэквивалентная лексика [37], лексемы с национально-культурным компонентом [17], безэквивалентные языковые единицы [23]. Ученые исследуют различные аспекты функционирования и перевода реалий на материале аутентичных художественных текстов [25], словарей [34], медиатекстов [29],

пословиц и поговорок [3], а также в отражении искусственного интеллекта [4]. Проблема иноязычного описания и перевода реалий русской культуры различных областей жизни освещается в отечественной и зарубежной научной литературе [16; 38; 43]. Особую актуальность, по мнению исследователей, представляет вопрос классификации реалий [1], а также проблема изучения реалий следующих сфер русской культуры: литература [24; 26; 40], история [12], социально-политическая [9] и экономическая сферы [39], география [10], образование [6; 19], быт [21], религия [15], кухня [42] и др. Рассматривается вопрос изучения реалий в лингводидактическом аспекте [11].

Несмотря на многообразие современных научных исследований, посвященных проблемам изучения реалий, в том числе реалий русской культуры, в вышеперечисленных работах исследователи, делая акцент на практическом рассмотрении реалий, не уделяют достаточного внимания теоретическому обоснованию понятия «реалия», а также изучению реалий в интерлингвокультурологическом аспекте [13], что определяет *актуальность* настоящей статьи.

Цель статьи — конкретизировать научные представления о понятии «реалия» и обосновать термин «реалия русской лингвокультуры», а также описать результаты экспериментального исследования. Для реализации цели необходимо решить ряд *задач*:

1) провести теоретический обзор научных представлений о понятии «реалия»;
2) рассмотреть соотношение между «реалией» и «термином» с целью расширения представлений о понятии «реалия»;
3) представить модель реалии через призму семантического треугольника Г. Фреге;
4) ввести и обосновать понятие «реалия русской лингвокультуры»;
5) привести результаты экспериментального исследования с целью актуализации инвентаря реалий русской лингвокультуры;
6) на основе результатов экспериментального исследования представить облака реалий русской лингвокультуры с целью визуализации современных представлений о наиболее важных реалиях.

Материал и методология исследования. Материалом исследования послужили результаты опроса 32 студентов языковых специальностей СГСПУ. Целью анкетирования было уточнение инвентаря реалий русской лингвокультуры в представлении современного поколения. Опрос состоял в приведении примеров реалий, распределенных по 14 темам, в результате которого было получено 533 единицы.

Методами исследования, помимо общетеоретических, являются: статистические методы сбора и обработки информации, ассоциативный эксперимент, моделирование.

Выбор данных методов обосновывается обозначенными задачами исследования:

— использование понятийного аппарата социально-гуманитарного научного познания для конкретизации научных представлений о понятиях «реалия» и «реалия русской лингвокультуры»;

— статистические методы сбора и обработки информации при анализе материала исследования;

— метод компьютерного моделирования для разработки облаков реалий русской лингвокультуры, с учетом их количественного соотношения.

Основная часть. На сегодняшний день в лингвистике не существует единого подхода к определению понятия «реалия». Данная лексическая единица привлекла внимание и стала объектом многочисленных исследований примерно в 50-е годы XX века. В современном значении одним из первых его употребляет Л.Н. Соболев в «Пособии по переводу с русского языка на французский», где определяет реалии как

«бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а, следовательно, и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что этих предметов и явлений нет в других странах» [30, с. 281]. В то же время кратко охарактеризовывают реалии Г.В. Чернов и А.Е. Супрун, называя их «безэквивалентной» [35] и «экзотической» [31] лексикой. К термину «безэквивалентная лексика» склонялись и Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, понимая под ней «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А, и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, которому они принадлежат» [7, с. 53].

Позднее ученые стали уточнять данное понятие, приводя в своих дефинициях конкретные жизненные области, предметы и явления которых обозначают реалии. Согласно определению О.С. Ахмановой, реалии — это «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие, как государственное устройство страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка с точки зрения их отражения в данном языке» [44, с. 381]. Схожее определение мы можем найти у Г.Д. Томахина, который под реалиями подразумевает «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [32, с. 4]. Л.С. Бархударов дает более лаконичное определение: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [5, с. 95].

Ньюмарк (Newmark), анализируя различные типы реалий в контексте лингвистической и культурной системы, выделяет три основных понятия: *proper names*, *national institutional terms* и *cultural terms* [41, p. 70]. Понятие *national institutional terms* соответствует «общественно-политическим реалиям», то есть реалиям, связанным с общественными и политическими структурами, государственными институтами и официальными учреждениями, которые характеризуют общественно-политическую жизнь страны, а *cultural terms* предлагается для всех остальных реалий, включающих элементы, связанные с обычаями, традициями, верованиями, аспектами культуры и повседневной жизни, которые формируют уникальный культурный облик народа.

В рамках нашего исследования интерес представляет соотношение понятий «термин» и «реалия». Их схожесть определяется тем, что оба понятия обозначают конкретные предметы и явления, зачастую однозначные слова, часто иноязычного происхождения. Однако при общих схожих признаках, следует отметить, что они обладают и значительными отличиями. Реалии неразрывно связаны с культурой народа, имеют национальную окраску, в то время как под «терминами» в современной лингвистике подразумевают искусственно созданные для выражения специальных понятий, предметов и явлений определения, употребляющиеся в особых ситуациях, не имеющие особой национальной окраски, характеризующиеся кросс-культурностью и полной эквивалентностью. Более того, термины «преимущественно создаются искусственно, чтобы охватить определенную область научного знания, характеризуются точностью и системностью, стремятся к однозначности, обладают интернациональностью и универсальностью» [18, с. 96]. Так, несмотря на сложность решения проблемы разграничения данных понятий в лингвистике, можно утверждать, что «термин» в общепринятом понимании не обладает такими характеристиками, как эмоциональность, национальная и стилистическая окрашенность, образность. Однако,

необходимо подчеркнуть, что, рассматривая лексические единицы в культурном контексте, без отрыва от истории и быта той общности, в которой они существуют и используются, следует иметь в виду, что единицы, имеющие лексические эквиваленты в других языках, обладают, в то же время, национальной окраской лексического значения в рассмотрении с внутренней стороны определенной исторической общности людей, а, следовательно, мы можем говорить о национально-культурном компоненте лексических единиц, в том числе терминов.

Например, языковая единица, «*birch*» может являться биологическим термином (*a tree with smooth bark and thin branches that grows in northern countries* [46]), имея лексические эквиваленты в других языках, однако, говоря о культуре России и Великобритании, следует отметить ее национальный компонент. Так, в русской культуре береза, являясь национальным деревом, служит символом России. В Великобритании же березовые палки использовались для битья, и «*the birch*» означало практику наказания, что находит отражение в словарных дефинициях языковой единицы («*the birch – the practice of hitting somebody with a bunch of birch sticks, as a punishment*» [46]).

Другим примером может стать языковая единица «*working class*». С точки зрения ее использования в экономической сфере, она обладает лексической и семантической эквивалентностью в других языках («*working class*» *— from or connected with the social class whose members do not have much money or power and are usually employed to do manual work (= physical work using their hands)*» [47]). Однако говоря о данной реалии в плоскости истории, нельзя не отметить национальные особенности ее восприятия в культурах России (идеологическое происхождение, символ прогресса и советской власти, строительство коммунизма, индустриализация, «диктатура пролетариата», основа государства) и Великобритании (происхождение из социально-экономических условий, социальное неравенство, оппозиционное отношение к государству — борьба за права через профсоюзы).

Система образования также полна ярких примеров явлений, выходящих за пределы понятия «термин» и переходящих в «реалии» благодаря национальной окраске значения. Рассматривая понятия *«university»*, *«school»* и *«college»* как культурные реалии, а не просто термины, обозначающие учебные заведения, мы видим их национальную специфику. В Великобритании «*school*», особенно «*public school*», является мощным социальным институтом, формирующим элиту, а «*university*», особенно в контексте Оксфорда или Кембриджа («*Oxbridge*»), отражает престиж старинных университетов. В США ключевой реалией становится «*college*» — обобщенный символ нового этапа взрослой жизни, связанный с переездом в кампус и обретением независимости. В России аналог *«college» — «колледж»* — обозначает среднее профессиональное образование (техникум), не неся смысла престижа, а «*university» — «университет*», наоборот, сохраняет роль главного и наиболее престижного академического института. Таким образом, за одними и теми же, на первый взгляд, общекультурными терминами скрываются разные культурные модели: в Великобритании — система исторического престижного социального структурирования, в США — обряд перехода к взрослости, а в России — четкая линейная иерархия образовательных ступеней.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в контексте культурной обусловленности невозможно четкое разграничение терминов и реалий, и в отношении национального сообщества можно говорить либо о терминах с культурным компонентом значения, либо о переходе общекультурных терминов в реалии.

Кроме того, уточняя определение «реалии», С.И. Влахов и С.П. Флорин предложили разграничить понятия «реалия-слово» и «реалия-объект» в своей работе

«Непереводимое в переводе» [8], рассматривая их как элементы языковой и внеязыковой действительности соответственно. «Реалия-слово» согласно данной теории как элемент лексики конкретного языка служит знаком, с помощью которого «реалия-объект» приобретает языковое выражение. Мы хотим расширить данное представление о реалии как о двуплановой единице за счет введения третьего компонента.

Воспользовавшись семантическим треугольником Готлоба Фреге, являющимся распространенной семантической моделью, которая показывает, как взаимосвязаны понятия «знак» (слово), «предмет» (объект) и «смысл» (понятие), мы предприняли попытку представить семантическую взаимосвязь в контексте рассмотрения реалии как тройственной единицы в виде модели семантического треугольника *(Рис. 1).* В нашей модели ключевыми аспектами выступают «реалия-слово» как знак, материальный носитель — слово или словосочетание, «реалия-объект» как реальный предмет: денотат (класс объектов) или референт (конкретный объект) — место, предмет, лицо, существо или явление и т.п., и «реалия-понятие», то есть сигнификат, тот смысл, который носитель языка ассоциирует со словом.

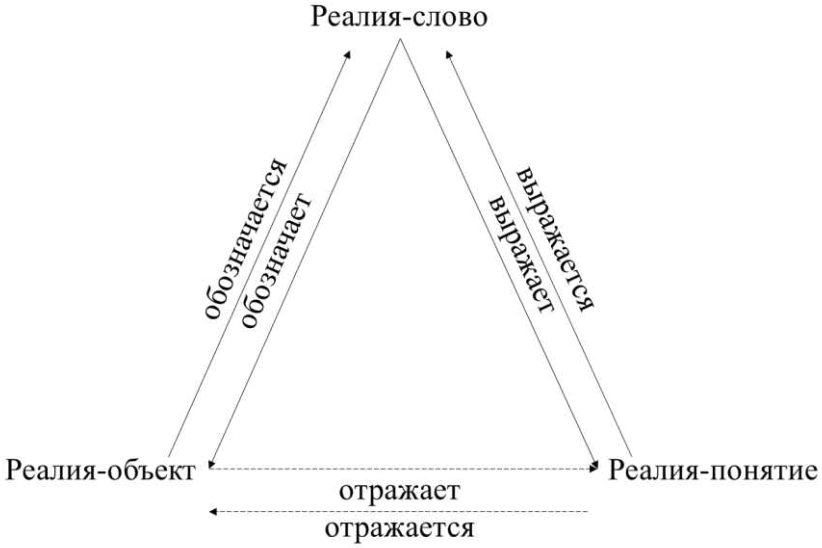

Рисунок 1. «Реалия» через призму семантического треугольника Готлоба Фреге

Для практического разъяснения данной модели, приведем пример семантического треугольника на примере реалии «bаnya» — «баня» *(Рис. 2)*. В данном случае реалией- словом служит языковая единица «bаnya», реалией-объектом — баня как здание или культурный институт, а реалией-понятием — смысл, который ассоциирует с этим словом носитель русского языка (как физический в виде мытья, веника и процедуры парения, так и культурный в контексте места для отдыха, ритуала, символа здоровья, традиции и пр.).

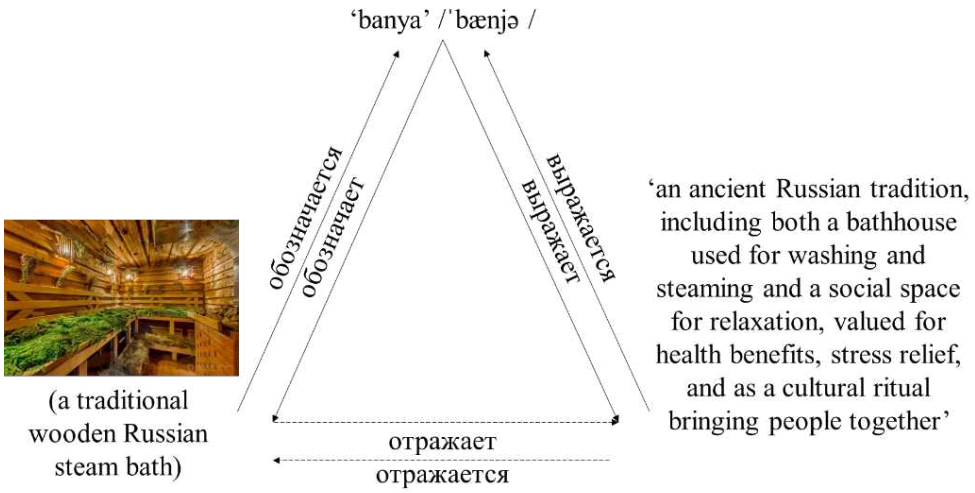

Рисунок 2. «Реалия «banya» через призму семантического треугольника Готлоба Фреге

Такой подход к трактовке реалий через призму семантического треугольника Г. Фреге расширяет классическую дихотомию «реалия-слово» — «реалия-объект» за счет введения третьего компонента — «реалии-понятия», что позволяет представить реалию не как противопоставление реалии-слова и реалии-объекта, а как неразрывное единство реалии-слова, реалии-объекта и реалии-понятия, а именно триединство слова, реального предмета / явления и культурного смысла.

Таким образом, несмотря на отсутствие единой интерпретации понятия «реалия» в лингвистике, реалии характеризуются как безэквивалентные, экзотические, культурно-специфичные языковые единицы, связанные с конкретными предметами, явлениями и личностями, характерными для определенной культуры, обладающие национальной окраской, эмоционально-оценочным компонентом и служащие важным средством отображения национальной идентичности и культурного богатства в языке. Более того, приведенные примеры показали, что некоторые термины, несмотря на эквивалентность перевода в своем основном значении, в жизни национальных сообществ имеют отличительные черты, характеризуются специфичностью и уникальностью, и, следовательно, входят в сферу наших научных интересов. Поскольку некоторые общекультурные явления, выраженные терминами, переосмысливаются в контексте национальной культуры, мы можем понимать реалии несколько шире, чем слова, не имеющие эквивалентов в других языках и существующие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре. Рассматривая реалию через призму модели семантического треугольника Г. Фреге мы делаем вывод, что реалия, являющаяся взаимопроникающим феноменом, охватывает и область языка, и область культуры, и область смысла, а следовательно, мы можем говорить, что реалия представляет собой триаду: триединство предмета / явления, его языкового выражения и значения, которое оно несет — реалии-объекта, реалии-слова и реалии-понятия. Это позволяет учитывать не только языковую реалию и материальный объект, но и культурно-обусловленное смысловое содержание, ассоциируемое с реалией носителями языка.

Поскольку реалии представляют одну из самых серьезных трудностей в межкультурной коммуникации, проблема изучения реалий, свойственных культуре России, в отражении английского языка как языка международного общения становится все более актуальной. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению реалий как пласта лексики (см. обзор выше), проблема изучения реалий в их

вторичной культурной ориентации в научной литературе не получила достаточного освещения.

Изучению реалий русской культуры посвятил свои работы В.В. Кабакчи, который рассматривает их с точки зрения интерлингвокультурологии — междисциплинарной лингвистической дисциплины, которая изучает язык в его вторичной культурной ориентации. Языковые особенности данной группы реалий ученый анализирует в рамках феномена «язык, обращенный в область иноязычной культуры» (Foreign-Culture-Oriented Language), а именно «английский язык, обращенный в область русской культуры» (Russian-Culture-Oriented English) [14, с. 16]. Особое внимание следует уделить терминологии, используемой В.В. Кабакчи, который называет языковые элементы оригинальной культуры «культуронимами», отличающиеся от «идиокультурнонимов», то есть языковых реалий, тем, что первые именуют предметы и явления, свойственные определенной культуре, независимо от языка, а вторые имеют непосредственную привязку к нему. При этом сами реалии или «идиокультуронимы» исследователь разделяет на «идионимы», то есть реалии-слова, являющиеся исходными наименованиями реалий-предметов, когда язык слова совпадает с культурой предмета, и «ксенонимы», являющиеся иноязычными наименованиями реалий-предметов, свойственных оригинальной культуре.

Интерес для нас представляют именно англоязычные обозначения элементов русской культуры, которые В.В. Кабакчи называет «ксенонимы-русизмы» [45, с. 5]. Мы предлагаем расширить данное понятие и ввести новый термин «*реалии русской лингвокультуры*» (РРЛК), под которыми мы понимаем иноязычные наименования языковых единиц, обозначающих предметы и явления русской культуры различных сфер жизни, т.е. реалии в интерлингвокультурологическом аспекте.

Культура в данном случае понимается нами в широком плане как обобщенная система духовных, материальных, социальных и культурных ценностей, традиций, обычаев, норм и образцов поведения, характерных для определенного народа или общества на протяжении исторического развития и в контексте конкретной географической среды. Она включает в себя исторический опыт, достижения науки и искусства, религиозные верования, языковые особенности, достопримечательности, бытовые традиции и социальные институты, формирующие уникальную идентичность народа и его взаимодействие с окружающей природой и историческими условиями, отражая совокупность всех аспектов жизни общества, их взаимосвязь и эволюцию в рамках определенного историко-географического контекста. Реалии русской лингвокультуры в данном случае представляют собой языковые единицы, выражающие культурные, географические и исторические контексты, обусловленные национальными традициями, мировоззрением и менталитетом многонационального народа России.

Таким образом, проблема изучения реалий русской лингвокультуры остается недостаточно освещенной в научной литературе, особенно в интерлингвокультурологической ориентации и отражении в английском языке, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований в этой области.

Одной из проблем изучения РРЛК является отсутствие их инвентаря. Единственным известным нам англоязычным лексикографическим источником является словарь В.В. Кабакчи «The Dictionary of Russia» [45], однако, несмотря на его преимущества в виде наличия большого перечня культурных терминов и их толкований, а также примеров их употребления, некоторые его аспекты требуют уточнения. На наш взгляд, реализуемый в нем алфавитный подход не отвечает задачам организованного упорядочивания реалий. Многие выдающиеся ученые, внесшие значительный вклад в

исследование реалий (среди них Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин), предпринимали попытки систематического представления и анализа лингвокультурных реалий. Наиболее подходящими для задач настоящего исследования являются классификации, построенные на тематическом принципе, который обеспечивает полное, систематизированное и структурированное упорядочение культурно-языковых единиц. Так, тематический принцип классификации реалий Г.Д. Томахина предполагает их упорядочивание по сферам жизни носителя языка (культура, экономика, политика, география, история, быт и пр.), см., например, [32]. В связи с этим мы считаем целесообразным использовать тематический принцип при упорядочивании РРЛК.

Более того, рассмотренный нами словарь «The Dictionary of Russia», включая богатый инвентарь русской культурной терминологии, является недостаточно актуальным ввиду года выпуска (2002), а значит возникает проблема уточнения и дополнения инвентаря реалий за счет представлений о языковых единицах, отражающих современный образ России, ее истории и культуры.

В связи с этим с целью актуализации инвентаря реалий в представлении современного поколения, мы посчитали целесообразным провести экспериментальное исследование в виде ассоциативного эксперимента. В опросе приняло участие 32 студента факультета иностранных языков СГСПУ 2-5 курсов, изучающих английский язык как первый иностранный. Целью опроса было выявление реалий, которые студенты считают наиболее важными. При этом использовался тематический принцип систематизации реалий. Респондентам было предложено привести примеры РРЛК — по 2-3 варианта реалий по 14 темам: *«На приведенные ниже вопросы напишите 2-3 варианта реалий, которые вы считаете наиболее значимыми для изучения в рамках каждой из предложенных тем»* Следует уточнить, что большая часть единиц приводилась респондентами на английском языке, однако для некоторых реалий был использован русский язык (опрос это допускал). Для языковых единиц на русском языке мы позволили предложить англоязычный аналог, пользуясь общепринятыми нормами перевода и доступными источниками.

В результате было получено 533 уникальных единицы по следующим обозначенным темам:

1) «Государственные символы России» (18 единиц);
2) «История России: исторические события» (29 единиц);
3) «История России: исторические личности» (24 единицы);
4) «Географические особенности России» (29 единиц);
5) «Достопримечательности России» (53 единицы);
6) «Москва — столица России» (30 единиц);
7) «Социальная и этническая структура российского общества» (38 единиц);
8) «Экономическая система России» (33 единиц);
9) «Система образования и наука России» (42 единицы);
10) «Русская литература» (72 единицы);
11) «Русский язык» (37 единиц);
12) «Изобразительное искусство в России» (42 единицы);
13) «Театр, музыка и кино в России» (38 единиц);
14) «Национальные особенности России» (48 единиц).

Приведенные респондентами примеры реалий представляют любопытный материал для исследования, поэтому они были подвергнуты анализу, что позволяет нам предложить ряд суждений о РРЛК.

Во-первых, были сделаны выводы о некоторых лингвистических особенностях РРЛК. Они представлены ономастическими реалиями, выраженными топонимами *(e.g. Baikal, the Ural Mountains)* и антропонимами *(e.g. Peter the Great, Vladimir Lenin)*; и апеллятивными реалиями — важными для национального сообщества именами нарицательными *(e.g. tundra, balalaika)*, реалиями-ассоциациями *(e.g., chamomile, bear)*. При этом однословные реалии могут быть выражены именами существительными *(e.g. Domovoy)*, глаголами *(e.g. to dekulakize)*, прилагательными *(e.g. Orthodox)* и аббревиатурами *(e.g. KGB, USSR)*; реалии-словосочетания содержат разное количество компонентов *(e.g. Red Square, the two-headed eagle, the Trans-Siberian Railway)*, реже встречаются реалии-предложения *(e.g. Don't teach a learned one)*.

Мы также выявили, что для РРЛК характерен феномен синонимии, например, *«Baikal»* и *«Lake Baikal»*, *«the Volga»* и *«the Volga River»*, *«the Ruble»* и *«the Russian Ruble»*. Синонимичные реалии также встречаются среди антропонимов, например, имен писателей и поэтов, ученых, политических деятелей: респонденты часто приводили антропонимы в разных форматах: «Имя + Отчество», «Имя + Отчество + Фамилия», «И.О. Фамилия». При подсчете синонимичные реалии рассматривались нами как одна уникальная.

Во-вторых, следует отметить, что тематическое деление РРЛК является довольно условным, поскольку некоторые реалии могут повторяться в нескольких тематических группах: *Lomonosov* — в темах «История России: исторические личности» и «Русская литература», *the Ural Mountains* — в темах «Географические особенности России» и «Достопримечательности России», *the Bolshoi Theatre* — в темах «Москва — столица России» и «Достопримечательности России». Также некоторые темы могут быть разделены на более узкие подтемы, например, «Русская литература» и «Русский фольклор», «Система образования в России» и «Наука в России». Таким образом, предложенная систематизация реалий по темам может быть уточнена и расширена, став основной для более подробной классификации.

В-третьих, исследование подтвердило, что понимание «реалии» в восприятии респондентов шире общепринятых научных представлений о понятии. Например, студенты в примерах указывали реалии, имеющие эквиваленты в других языках, но в то же время отражающие отличительные национальные характеристики: *multinationality* в теме «Социальная и этническая структура российского общества», *boundless territories* в теме «Географические особенности России», *agriculture* в теме «Экономические особенности России», *peasant life* в теме «Изобразительно искусство в России» и др., что также соответствует нашему подходу к более широкому рассмотрению понятия «реалия» в исследовании.

Поскольку целью экспериментального исследования было выявление наиболее важных реалий, а также с целью визуализации полученных результатов, после статистической обработки данных, мы составили тематические облака реалий для отражения образа России в различных сферах жизни страны с применением сервиса Wordclouds [49]. Разный размер реалий в облаках свидетельствует о той или иной частотности их упоминания — размер увеличивается по мере возрастания числа упоминаний конкретной реалии. Приведем облака реалий по темам.

1. ***Географические особенности России / Geographical features of Russia*** (рис. 3). В теме «Географические особенности» в ответах наиболее часто встречаются следующие реалии: *Siberia* (13 упоминаний), *Ural* (6) и *the Ural Mountains* (12), *Baikal / Lake Baikal* (10), *the Volga / the Volga River* (6), *taiga* (4), *tundra* (3), также помимо достопримечательностей респонденты отмечают непосредственно географические

особенности, например: *the Siberian permafrost, the Far North / the Extreme North / Russian North, steppe, boundless territories, etc.*

Рисунок 3. Облако реалий темы «Географические особенности России»

2. ***Экономические особенности России / Economic features of Russia*** (рис. 4). Среди наиболее часто упоминаемых реалий в облаке мы наблюдаем: *oil and gas industry* (7) / *oil and gas* (6), *agriculture* (6), *the ruble / the Russian ruble* (5), *the Central Bank / the Central Bank of the Russian Federation / the Bank of Russia / CBR* (4), *market economy* (4), *Gazprom* (2), *the minimum wage* (2).

Рисунок 4. Облако реалий темы «Экономические особенности России»

3. ***Москва — столица России / Moscow as the capital of Russia*** (рис. 5). В данной тематике респонденты упоминали не только достопримечательности Москвы (*St. Basil's Cathedral (8), the Bolshoi Theatre (6), the Moscow Kremlin / the Kremlin (5), the State Tretyakov Gallery (4), etc.*), но и исторические события, связанные с Москвой (*the Battle of Moscow (1)*), общие характеристики Москвы как столицы (*the capital of the Russian Federation (1), the city of federal subject significance (1), the administrative centre (1)*), транспортную систему (*the Moscow Metro (12))* и географические особенности (*the Moskva River (1)*).

Рисунок 5. Облако реалий темы «Москва — столица России»

4. ***Социальная и этническая структура российского общества / Social and ethnic structure of Russian society*** (рис. 6). В теме «Социальная и этническая структура российского общества» наиболее важными реалиями, по мнению респондентов, являются реалии, относящиеся к общим характеристикам: *multinationality* (встречается 17 раз), *urban and rural population* (3), *multiculturalism* (1), *cultural diversity* (1), *religious diversity* (1), *linguistic diversity* (1); реалии, связанные с народами России: *the peoples of Russia* (2), *the Russians* (4), *the Tatars* (3), *the Bashkirs* (3), *the Chuvash* (2), *the Ukrainians* (1), *the Chechens* (1), *the Armenians* (1), *the Kalmyks* (1), *the Slavic peoples* (1), *the Turkic peoples* (1), *the Finno-Ugric peoples* (1), *the Caucasian peoples* (1), *the Eskimos* (1); религиями: *Orthodoxy* (4), *the Orthodox Christians* (1), *the Muslims* (1), *the Buddhists* (1), *the followers of Paganism* (1); социальным разнообразием: *the middle class* (3), *the elite* (2), *the ruling elite* (1), *the poor* (2), *the working class* (1).

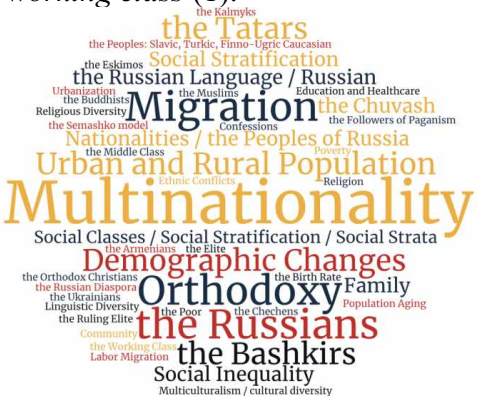

Рисунок 6. Облако реалий темы «Социальная и этническая структура российского общества»

5. ***Система образования России и российская наука / Education system of Russia and Russian science*** (рис. 7). В данной тематике респонденты выделяют реалии, относящиеся к высшим учебным заведениям: *MSU — Moscow State University named after Lomonosov* (10), *St. Petersburg State University* (3), *HSE — Higher School of Economics* (1), *KFU — Kazan Federal University* (1); экзаменам и образовательным стандартам: *the Unified State Exam (USE) / EGE* (9), *the Basic State Examination / OGE* (3), *the Federal State Educational Standard* (2), *All Russian verification work (ARVW)* (1), *the Final State Certification* (*FSC*) (1); ученым: *Lomonosov* (3), *Mendeleev* (2), *Pavlov* (2), *Tsiolkovsky* (1), *Popov* (1); министерствам и академиям наук: *RAS — the Russian Academy of Sciences* (7), *the Ministry of Education* (1); этапам образования и типам учебных заведений: *higher education* (4), *compulsory education* (1), *primary education* (1), *general education* (1), *secondary education* (1), *postgraduate education* (1), *the specialist degree* (1), *school* (1), *lyceum* (1), *college* (1), *university* (1).

Рисунок 7. Облако реалий темы «Система образования России и российская наука»

6. ***Русская литература и фольклор / Russian literature and folklore*** (рис. 8). Облако реалий темы «Русская литература и фольклор» является одним из самых насыщенных языковыми единицами, среди которых реалии следующих подтем — писатели и поэты: *A.S. Pushkin* (8), *Leo Tolstoy* (8), *F.M. Dostoevsky* (4), *Anton Chekhov* (4), *Mikhail Lermontov* (3), *Sergey Yesenin* (3), *N.V. Gogol* (2), *Bulgakov* (2), *Anna Akhmatova* (2), *Boris Pasternak* (2), *Tsvetaeva* (2), *Mayakovsky* (2), *A. Krylov* (1), *Ivan Turgenev* (1), *Goncharov* (1), *Solzhenitsyn* (1), *M.V. Lomonosov* (1), *etc*.; литературные персонажи: *Onegin* (2), *Chichikov* (1), *Oblomov* (1); мифология и фольклор: *Russian folk tales* (6), *byliny* (5), *Baba Yaga* (4), *Koshchei the Immortal / Deathless* (1), *Zmei Gorynich* (1), *Ilya Muromets* (1), *Dobrynya Nikitich* (1), *Kolobok* (1), *Ivan Tsarevich* (1), *Domovoy* (1); литературные произведения — *«War and Peace»* (8), *«Crime and Punishment»* (6), *«Eugene Onegin»* (4), *«The Brothers Karamazov»* (2), *«The Master and Margarita»* (2), *«The Cherry Orchard»* (2), *«Dead Souls»* (2), *«A Hero of Our Time»* (1), *«Boris Godunov»* (1), *«Fathers and Children»* (1), *«And Quiet Flows the Don»* (1), «*The Tale of the Fisherman and the Fish»* (1), etc.; история литературы: *the Golden age of Russian poetry* (2), *the Silver age of Russian poetry* (2), *the Soviet era of Russian literature* (1).

Рисунок 8. Облако реалий темы «Русская литература и фольклор»

7. Изобразительное искусство в России / Fine arts in Russia (рис. 9). Наиболее важными реалиями в видении респондентов стали: реалии категории «Художественные музеи и галереи»: *the State Tretyakov Gallery* (5), *the State Russian Museum* (2), и *the Regional Art Museum (Samara)* (1); «Художники»: *I. I. Levitan* (10), *Aivazovsky / I. Aivazovsky* (7), *I.E. Repin / I. Repin / Repin / Ilya Repin* (7), *Shishkin / Ivan Shishkin* (5), *Kazimir Malevich / Malevich* (4), *Surikov* (3), *Peredvizhniki* (3), *Vasnetsov* (2), *Vasily Kandinsky* (2), «Особенности и тематические направления искусства»: *the Russian avant-garde* (5), *realism* (2), *interest in peasant life* (1), *portrait painting* (1), *orthodox art* (1), *post-soviet art* (1), *impressionism* (1), *art nouveau* (1), *socialist realism* (1), *traditional painting* (1); «Иконография»: *iconography* (6), *Russian iconography* (5), *Russian icon* (3), *«The Trinity»* (2), *Theophanes the Greek* (1), *Rublev* (1); «Картины и памятники»: *«Black Square»* (2), *«The Boatmen on the Volga»* (1), *«The Apotheosis of War»* (1); «Декоративно-прикладное искусство»: *Gzhel* (2), *Khokhloma* (1), *Palekh* (1).

Рисунок 9. Облако реалий темы «Изобразительное искусство в России»

8. ***Театр, музыка и кино в России / Theatre, music and cinema in Russia (рис. 10)***. В данном тематическом облаке наиболее часто упоминаются реалии, относящиеся к композиторам: *Tchaikovsky / Pyotr Tchaikovsky* (13), *Rachmaninov* (6), *Shostakovich* (4), *Prokofiev* (2), *Rimsky-Korsakov* (2), *Mussorgsky* (1), *Scriabin* (1), *Glinka* (1); театрам: *Bolshoi Theatre* (10), *Moscow Art Theatre* (3), *The Opera and Ballet Theatre* (2), *Maly Theatre* (2), *Mariinsky Theatre* (2), *Mikhailovsky Theatre* (1), *Vakhtangov State Academic Theatre* (1), *theatrical tradition* (1); кино и кинематографу: *the Soviet Cinema* (7), *Tarkovsky* (4), *Mosfilm* (3), *Fyodor Bondarchuk* (2), *Nikita Mikhalkov* (1), *Oleg Yankovsky* (1); балету: *Russian Ballet* (4), *the Russian Ballet School* (1), *«The Nutcracker»* (1), *«Swan Lake»* (1).

Рисунок 10. Облако реалий темы «Театр, музыка и кино в России»

Облака реалий по темам «Государственные символы России / State symbols of Russia», «История России: Исторические события / Russian history: Historic events», «История России: Выдающиеся исторические личности / Russian history: Outstanding historic figures», «Достопримечательности России / Russian sights», «Русский язык / Russian language», «Национальные особенности России» представлены на рис. 11–16. Облака реалий также размещены на разработанном информационном ресурсе Russian Studies [48].

Рисунок 11. Облако реалий темы «Государственные символы России»

Рисунок 12. Облако реалий темы «История России: Исторические события»

Рисунок 13. Облако реалий темы «История России: Исторические личности»

Рисунок 14. Облако реалий темы «Достопримечательности России»

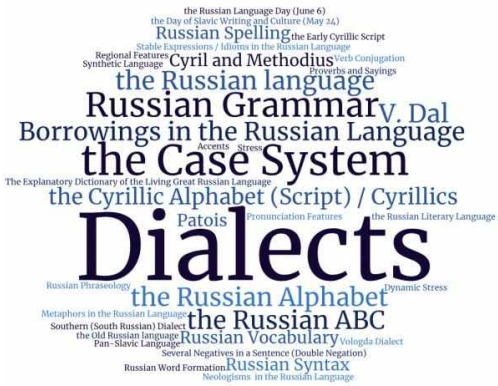

Рисунок 15. Облако реалий темы «Русский язык»

Рисунок 16. Облако реалий темы «Национальные особенности России»

Данные облака реалий являются отражением образа России через реалии русской лингвокультуры, а также средством тематической систематизации единиц и их визуализации в зависимости от степени важности в представлении респондентов. Таким образом, экспериментальное исследование позволило выявить современные представления о РРЛК, уточнить перечень реалий, а также наглядно показать их значимость для респондентов в порядке убывания с помощью облаков реалий. Полученные данные могут служить дополнением лексикографических источников, например, словаря русской культурной терминологии В.В. Кабакчи [45].

Заключение. Данная статья способствует развитию теоретических представлений о понятии «реалия», а также приводит результаты практического изучения «реалий русской лингвокультуры», в чем заключается вклад исследования в решение поставленной проблемы. Проведенный теоретический обзор способствует конкретизации научных представлений о понятии «реалия», выявляя соотношение между понятиями «реалия» и «термин» и расширяя понимание «реалии». Рассмотрение реалии на основе модели семантического треугольника Г. Фреге позволяет наглядно представить соотношение между «реалией-словом», «реалией-объектом» и «реалией-понятием». В исследовании вводится, теоретически обосновывается и определяется понятие «реалия русской лингвокультуры». Результаты экспериментального исследования в виде ассоциативного эксперимента позволяют уточнить и актуализировать инвентарь РРЛК, а тематические облака реалий служат способом визуализации представлений молодого поколения о наиболее важных реалиях современной России. Таким образом, мы последовательно решили все поставленные задачи.

В целом, полученные результаты расширяют представления о природе реалий и ставят вопрос о необходимости их многоаспектного анализа. Значимость данной работы заключается в подтверждении актуальности рассмотрения реалий русской лингвокультуры на материале английского языка, возможности тематического подхода к их упорядочиванию (в том числе с использованием облаков) и их комплексном рассмотрении, включающем теоретическое обоснование и экспериментальное исследование. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в подробном лингвистическом анализе РРЛК, а также в разработке современного лексикографического источника, посвященного РРЛК и основанного на тематическом принципе. Предлагаемый подход может служить основой для дальнейших лингвокультурологических исследований РРЛК на материале других языков или реалий других лингвокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амири М.А. Классификация реалий в русском и персидском языках / М.А. Амири, А.А. Мадаени // Русистика. — № 4. — 2014. — С. 90–97.

2. Артемьева Ю.В. Интерпретация русских реалий в переводах произведений Ф.М. Достоевского / Ю.В. Артемьева, Ю.В. Явари // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — № 4. — 2021. — С. 7–17.
3. Бабиян Т.В. Пословицы и поговорки как средства репрезентации лингвокультурных реалий / Т.В. Бабиян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — № 10 (76). — 2017. — С. 48–50.
4. Багрова Н.А. Ежу понятно: идиоматические выражения русского языка глазами нейросети / Н.А. Багрова // Бархударовские чтения. — 2024. — С. 25–28. — DOI: 10.24412/cl-37223-2024-1-25-28.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
6. Битнер М.А. Интерпретация некоторых реалий российского образования при переводе на английский язык / М.А. Битнер // Стратегия и тактика письменного перевода: традиции и инновации: материалы VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. — Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2017. — С. 20–26.
7. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1983. — 269 с.
8. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. — М.: Международные отношения, 1980. — 341 с.
9. Волошина К.С., Сайбель Н.Ю. Номинации российских исторических и социально-политических реалий: модели образования и способы перевода на английский язык / К.С. Волошина, А.В. Большак, Н.Ю. Сайбель // Вестник Челябинского государственного университета. — № 6 (476). — 2023. — С. 128–134. ─ DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-128-134.
10. Воронова Е.В. Семантика, синтагматика и символика единиц лексико-семантического субполя «Физическая география Крыма» в идиолекте И.С. Шмелева / Е.В. Воронова // Вестник Вятского государственного университета. — № 12. — 2016. — С. 107—113.
11. Головина П.А. Россиеведческий компонент обучения английскому языку в упражнениях на знание реалий российской культуры / П.А. Головина, О.А. Максимчик // Актуальные вопросы иноязычного образования в контексте межкультурного взаимодействия: сб. науч. ст. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. — С. 22–28.
12. Иконникова В.А. Особенности функционирования терминологических единиц, обозначающих реалии, в англоязычных текстах по истории России / В.А. Иконникова // Материалы международной конференции, посвященной 70-летию доктора филологических наук, почетного работника высшей школы РФ, лауреата премии правительства РФ в области образования Ольги Васильевны Афанасьевой. — М.: ООО «Диона». — 2019. — С. 16–21.
13. Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию / В.В. Кабакчи, Е.В. Белогазова. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. — 252 с.
14. Кабакчи В.В. Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре / В.В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — № 1 (45). — 2015. — С. 16–22.
15. Куликова Е.Ю. Стратегии передачи прецедентных феноменов и реалий религиозного дискурса: на примере переводов романа-хроники Н.С. Лескова «Соборяне» на английский и французский языки / Е.Ю. Куликова, В.А. Лабко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — № 59. — 2019. — С. 169–184. — DOI: 10.17223/19986645/59/10.
16. Курбакова М.А. Вариативность трансляции некоторых русских реалий в западную культуру / М.А. Курбакова, М.М. Боришанская // Russian Journal of Linguistics. — № 4. — 2013. — С. 24–31.
17. Лучинская Е.Н. Лексемы с национально-культурным компонентом значения как фрагмент греческой языковой картины мира / Е.Н. Лучинская, З.А. Фарамазян // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — № 1 (164). — 2022. — С. 239–244.
18. Максимчик О. А. Англоязычные реалии сферы высшего образования: систематизация с помощью онлайн-словарей тезаурусного типа / О.А. Максимчик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2024. — № 3. — С. 94–110. — DOI 10.5281/zenodo.12551279.
19. Митчелл П.Д. Проблема перевода русских и английских академических терминов (из опыта работы центра перевода ФИЯ ТГУ) / П.Д. Митчелл, Н.И. Маругина // Вестник Томского государственного университета. — № 394. — 2015. — С. 53–58. — DOI: 10.17223/15617793/394/9.
20. Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Л.В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. — № 11. — 2005. — С. 155—161.
21. Низовцева Т.В. Особенности перевода бытовых реалий с русского языка на английский в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на

обочине» и ее перевода на английский язык) / Т.В. Низовцева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. № 4. — 2019. — С. 107–114. ─ DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-107-114.
22. Николаева Е.С. Проблема специфики перевода языковых реалий в художественном тексте (на материале перевода романа Э. Сиболд «Милые кости») / Е.С. Николаева, И.Г. Барабанова // Russian Linguistic Bulletin. — № 11 (47). — 2023. — С. 1–4. — DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.27.
23. Нурмухаметов А.Н. Особенности перевода безэквивалентных языковых единиц в межкультурной коммуникации / А.Н. Нурмухаметов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — Т. 42. — № 1. — 2023. — С. 157–165. — DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165.
24. Олицкая Д.А. Повесть А.П. Чехова «Степь» в англоязычных переводах / Д.А. Олицкая, В.В. Черткова // Текст. Книга. Книгоиздание. — № 30. — 2022. — С. 5–21. — DOI: 10.17223/23062061/30/1.
25. Павлова Т.А. Культурная реалия как феномен языка и художественного текста / Т.А. Павлова, К.С. Потовская // Филология: научные исследования. — № 2. — 2024. — С. 30–36. — DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69757.
26. Пушкина А.В. Сравнительный анализ перевода реалий в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином» / А.В. Пушкина, Л.В. Кривошлыкова, А.П. Меркулова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. — № 9 (87). — С. 382–387. — DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.36.
27. Саяхова Д.К. Лингвокультурные реалии и заимствования: проблемы адаптации в языке-реципиенте / Д.К. Саяхова // Вестник Башкирского университета. — Т. 26. — № 3. — 2021. — С. 739–744. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.36.
28. Свешникова М.И. Проблема передачи реалий в переводе поэтического текста с русского языка на романские языки / М.И. Свешникова, Е.И. Сернова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Т. 18. — Выпуск 2. — 2025. — С. 725–730. ─ DOI: 10.30853/phil20250102.
29. Сегал Н.А. Зоонимичная метафора как средство моделирования современных политических реалий (на примере образа обезьяны) / Н.А. Сегал // Политическая лингвистика. — № 1 (103). — 2024. — С. 12–20.
30. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский / Л.Н. Соболев. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1952. — 404 с.
31. Супрун А.Е. Экзотическая лексика / А.Е. Супрун // Филологические науки. — М., 1958. — № 2. — С. 50–54.
32. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы / Г.Д. Томахин. — М.: Высшая школа, 1988. — 239 с.
33. Федорович Е.В. Интерпретация реалий в современном английском языке / Е.В. Федорович, О.А. Полякова // Гуманитарные и социальные науки. — Т. 94. — № 5. — 2022. — С. 111–115. — DOI: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-111-115.
34. Харитонова И.В Особенности отражения новых референтных реалий в современных цифровых и онлайн-версиях словаря «Le Petit Robert de la langue française» / И.В. Харитонова, Е.Е. Беляева // Вопросы современной лингвистики. — № 6. — 2024. — С. 112–122. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-112-122.
35. Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Г.В. Чернов // Ученые записки МГПИИЯ. — т. 16. — 1958. — С. 223–224.
36. Чуйкина Н.В., Бусурина Е.В. Лингвокреативные номинативные реалии, инновации и русский язык как иностранный / Н.В. Чуйкина, Е.В. Бусурина // Образование и наука. — Т. 22. — № 4. — 2020. — С. 110–130. — DOI: 10.17853/1994-5639-2020-4-110-130.
37. Abdullaeva, M.A. (2021). Reflection of Language Culture on Non-Equivalent Vocabulary. Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya, 11 (168), 61–64.
38. Barsukova, E.A. (2019). The Image of Russia in the New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Current Issues in Modern Linguistics and Humanities: Proceedings of the 11th All-Russian Research and Methodological Conference with International Participation. (pp. 656–665). Moscow: Peoples Friendship University of Russia.
39. Bondareva, N.V., Zheltukhina, M.R. (2015). English and Russian economic lexicon in the contemporary media discourse: linguocultural aspect. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: gumanitarnye nauki, 18 (215), 95–100.
40. Kameneva, Yu.Yu. (2021). Realia-Words in Russian Literature of the 20th Century: Features and Ways of Translation into English and Spanish. Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya, 3 (88), 513–515. DOI 10.24412/1991-5497-2021-388-513-515.

41. Newmark, Peter (1981). Approaches to Translation. Oxford; New York: Pergamon Press, 200.
42. Quero, Gervilla E.F., Shananina, M. (2023). Strategies of Russian-Spanish Translation of Gastronomy-Related Cultural Referents in M. Bulgakov's Novel The Master And Margarita. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 4 (9), 63–78. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-4.
43. Triberio, Tania. (2021). Insights into Translation of Russian Realia. Translation Studies: Theory and Practice, 1 (2), 55–68. DOI: 10.46991/TSTP/2021.1.2.055.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

44. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. / О.С. Ахманова — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 569 с.
45. Кабакчи В.В. The Dictionary of Russia (2500 cultural terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. — СПб.: Издательство «Союз», 2002. — 576 с.
46. Oxford Learner's Dictionary: birch. Retrieved from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/birch?q=birch (accessed 14 December 2025).
47. Oxford Learner's Dictionary: working class. Retrieved from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/working-class?q=working+class (accessed 14 December 2025).
48. Russian Studies. Retrieved from https://sites.google.com/view/rossievedenie/главная-страница (accessed 14 December 2025).
49. Wordclouds.com. Retrieved from https://www.wordclouds.com/ (accessed 14 December 2025).

REFERENCES

1. Amiri, Manizhe A., & Madaeni Avval A. (2014). Klassifikaciya realij v russkom i persidskom yazy`kax [Realia classification in Russian and Persian languages]. Russian Language Studies, 4, pp. 90-97 (In Russian).
2. Artem'eva, Yu.V., & Yavari Yu.V. (2021). Interpretaciya russkix realij v perevodax proizvedenij F.M. Dostoevskogo [The interpretation of Russian realia in translation of works by Fyodor Dostoevsky]. Moscow University Bulletin on Translation Studies, 4, pp. 7–17 (In Russian).
3. Babiyan, T.V. (2017). Proverbs and sayings as means of linguiocultural realia representation. Philology. Theory & Practice, 10 (76), pp. 48-50 (In Russian).
4. Bagrova, N.A. (2024). Ezhu ponyatno: idiomatic expressions through neural networks. Barkhudarovskie chteniya, pp. 25–28. DOI: 10.24412/cl-37223-2024-1-25-28 (In Russian).
5. Barkhudarov, L.S. (1975). Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) [Language and translation (Questions of general and particular theory of translation)]. Moscow: International Relations (In Russian).
6. Bitner, M.A. (2017). Translating Russian education realia into English. Strategiya i taktika pis'mennogo perevoda: traditsii i innovatsii [Translation strategy and tactics: traditions and innovations]. Materialy VI Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Materials of the VI All-Russian Student Scientific and Practical Conference with international participation]. (pp. 20–26). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (In Russian).
7. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov V.G. (1983). Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture: Linguistic and Foreign studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Russian Language (In Russian).
8. Vlakhov Sergei, & Florin Sider. (1980). Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. Moscow: International Relations (In Russian).
9. Voloshina, K.S., Bol'shak A.V., & Saibel' N.Yu. (2023). Russian historical and socio-political realia nominations: formation patterns and methods of translation into English. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 6 (476), pp. 128–134. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-128-134 (In Russian).
10. Voronova, E.V. (2016). Semantics, syntagmatics and lexical-and-semantic Crimean physical geography semantic sub-field"s unit symbolism in I.S. Shmelyov's idiolect. Bulletin of Vyatka State University, 12, 107–113 (In Russian).
11. Golovina, P.A., & Maksimchik, O.A. (2024). Rossievedcheskij komponent obucheniya anglijskomu yazy`ku v uprazhneniyax na znanie realij rossijskoj kul`tury` [Russian studies component of English language teaching in exercises on knowledge of the realia of Russian culture] // Aktual`ny`e voprosy` inoyazy`chnogo obrazovaniya v kontekste mezhkul`turnogo vzaimodejstviya [Current issues of foreign language education in the context of intercultural interaction]. (pp. 22–28). Cheboksary`: Chuvash State Pedagogical University (In Russian).
12. Ikonnikova, V.A. (2019). Terminological units denoting cultural realia: peculiarities of functioning in English texts on Russian history. Materials of the international conference dedicated to the 70th anniversary of Olga

Vasilyevna Afanasyeva, Doctor of Philology, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of education. (pp. 16–21). Moscow: LLC «Diona» (In Russian).
13. Kabakchi, V.V., & Beloglazova, E.V. (2012). Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to interlinguoculturology]. St. Petersburg: SPbGUEF Publishing House. 252 (In Russian).
14. Kabakchi, V.V. (2015). Realii russkoi kul'tury v bol'shom oksfordskom slovare [The Realia of Russian Culture in the Great Oxford Dictionary]. The Humanities and Social Studies in the Far East, 1 (45), pp. 16–22 (In Russian).
15. Kulikova, E.Yu., & Labko, V.A. (2019). Strategies of Rendering Cultural References and Realia of Religious Discourse: A Case Study of the Translations of The Cathedral Clergy by Nikolay Leskov into English and French. Bulletin of Tomsk State University, Filologiya, 59, pp. 169–184. DOI: 10.17223/19986645/59/10 (In Russian).
16. Kurbakova, M.A., & Borishanskaya, M.M. (2013). Some variants of translating Russian realia into the western culture (on the materials of English newspapers). Russian Journal of Linguistics, 4, pp. 24–31 (In Russian).
17. Luchinskaya, E.N., & Faramazyan, Z. A. (2022). Lexical units with the national and cultural component as the fragment of the Greek linguistic picture of the world. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 1 (164), pp. 239–244 (In Russian).
18. Maksimchik, O.A. (2024). English realia of higher education system: systematization based on online thesaurus-type dictionaries. Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology, 3, pp. 94–110. DOI 10.5281/zenodo.12551279 (In Russian).
19. Mitchell, Petr Dzh., & Marugina, N.I. (2015). The problem of translating Russian and English academic terms (The experience of the center for translation, Faculty of Foreign Languages, TSU). Bulletin of Tomsk State University, 394, pp. 53–58. DOI: 10.17223/15617793/394/9 (In Russian).
20. Mosienko, L.V. (2005). Linguistic and cultural problem of realities classification. Bulletin of Orenburg State University, 11, pp. 155–161 (In Russian).
21. Nizovtseva, T.V. (2019). Translation of everyday realia from Russian to English in science fiction (study of the novel «Roadside Picnic» by A. and B. Strugatski and its English translation). Bulletin of the Moscow State Regional University. Seriya: lingvistika, 4, pp. 107–114. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-107-114 (In Russian).
22. Nikolaeva, E.S., & Barabanova, I.G. (2023). The problem of specificity of translation of linguistic realities in a fiction text (on the material of the translation of A. Sebold's novel «The Lovely Bones». Russian Linguistic Bulletin, 11 (47), pp. 1–4. DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.27 (In Russian).
23. Nurmukhametov, A.N. (2023). Features of translation of non-equivalent language units in intercultural communication. Issues of Journalism, Education, Linguistics, 1 (42), pp. 157–165. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165 (In Russian).
24. Olitskaya, D.A., & Chertkova, V.V. (2022). Anton Chekhov's novella «The Steppe» in English translations. Text. Book. Publishing, 30, pp. 5–21. DOI: 10.17223/23062061/30/1 (In Russian).
25. Pavlova, T.A., & Potovskaya Ks.S. (2024). Cultural reality as a phenomenon of language and artistic text. Philology: scientific research, 2, pp. 30-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69757 (In Russian).
26. Pushkina, A.V., Krivoshlykova L.V., & Merkulova A.P. (2018). Comparative analysis of realia translation in A.P. Chekhov's «The House with the Mezzanine». Philological Sciences. Questions of theory and practice, 9 (87). (pp. 382–387). Tambov: Gramota. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.36 (In Russian).
27. Sayakhova, D.K. (2021). Linguocultural realities and borrowings: problems of adaptation in the recipient language. Bulletin of the Bashkir University, 3 (26), pp. 739–744. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.36 (In Russian).
28. Sveshnikova, M.I., & Sernova, E.I. (2025). The problem of conveying realities in the translation of a poetic text from Russian into Romance languages. Philology. Theory & Practice, 2 (18), pp. 725–730. DOI: 10.30853/phil20250102 (In Russian).
29. Segal, N.A. (2024). Zoonymic Metaphor as a Means of Modeling Modern Political Realities (On the Example of the Image of a Monkey). Political Linguistics, 1 (103), pp. 12-20 (In Russian).
30. Sobolev, L.N. (1952) Posobie po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskii [Manual on translation from Russian into French]. Moscow: Foreign Languages Publishing House (In Russian).
31. Suprun, A.E. (1958). Ehkzoticheskaya leksika [Exotic vocabulary]. Philological Sciences, 2, pp. 50–54 (In Russian).
32. Tomakhin, G.D. (1988). Realii-amerikanizmy [Realia-Americanisms]. Moscow: Higher School (In Russian).
33. Fedorovich, E.V., & Polyakova, O.A. (2022). Interpretation of realias in modern English. The Humanities and Social Sciences, 5 (94), pp. 111–115. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-111-115 (In Russian).

34. Kharitonova, I.V., Belyaeva, E.E. (2024). Peculiarities of reflecting new reference realities in modern digital and online versions of the dictionary « Le Petit Robert de la langue française». Key Issues of Contemporary Linguistics, 6, pp. 112–122. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-112-122 (In Russian).
35. Chernov, G.V. (1958). K voprosu o peredache bezehkvivalentnoi leksiki pri perevode sovetskoi publitsistiki na angliiskii yazyk [On the issue of the transfer of non-equivalent vocabulary in the translation of Soviet journalism into English] // Scientific Notes of the MGPIIA, 16, pp. 223–224 (In Russian).
36. Chuikina, N.V., & Busurina, E.V. (2020). Linguocreative nominative realia, innovations, and Russian as a foreign language. The Education and Science Journal, 4 (22), pp. 110–130. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-4-110-130 (In Russian).

Поступила в редакцию 26.03.2026 г.

REALIA OF RUSSIAN LINGUOCULTURE: THEORETICAL SUBSTANTIATION AND EXPERIMENTAL RESEARCH

O.A. Maksimchik, P.A. Golovina

The article addresses the issue of realia in Russian linguoculture. It substantiates the theoretical foundations for the study of realia and describes the relationship between «realia» and «term» as well as between «realia-word», «realia-object», and «realia-concept» through the prism of G. Frege's semantic triangle. The topicality of the theoretical and practical study of Russian linguacultural realia is determined by the insufficient level of research into foreign-language designations of Russian realia from interlinguocultural perspective, and by the lack of lexicographic sources devoted to them. The practical part of the study is based on the results of a survey of students of the Faculty of Foreign Languages at SSUSSE, which helped to compile a relevant inventory of realia as perceived by modern youth (totaling 533 items). The applied research methods, in addition to the general theoretical ones, included statistical methods of data collection and processing, the associative experiment, and modelling. The study results include a refined interpretation of the concept of «realia», the introduction of the concept of «realia of Russian linguoculture», an updated inventory of realia based on the experimental research, and their visualization in word clouds. We hope that this research will serve as a basis for further theoretical and practical inquiries into the study of Russian linguocultural realia.

Key words: realia, term, realia of Russian linguoculture, semantic triangle, foreign language, the English language, interlinguoculturology, clouds of realia, experimental research, inventory of realia.

Максимчик Оксана Александровна.
Кандидат филологических наук.
Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация.
Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.
ORCID 0009-0002-7412-0032.
E-mail: maksimchik@pgsga.ru

Головина Полина Александровна.
Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация.
Лаборант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.
Лицей №1 «Спутник», Российская Федерация, г. Самара.
Учитель английского языка.
ORCID 0009-0008-7622-3821.
E-mail: golovina.polina@sgspu.ru.

Maksimchik Oksana Aleksandrovna.
Candidate of Philology.
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation.

Associate Professor at English Philology and Cross-cultural Communication Department.
ORCID 0009-0002-7412-0032.
E-mail: maksimchik@pgsga.ru

Golovina Polina Aleksandrovna.
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation.

Laboratory assistant at English Philology and Cross-cultural Communication Department.
Lyceum No. 1 «Sputnik», Russian Federation, Samara.
Teacher of English.
ORCID 0009-0008-7622-3821.
E-mail: golovina.polina@sgspu.ru.

Научная статья
УДК 398.91:81'27:81'23
DOI: 10.5281/zenodo.21110496

КОНЦЕПТ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2026 *С. Н. Пчелинцева[1], В. И. Шебанова[2], С. Г. Шебанова[3]*
[1-3]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Херсонский аграрный университет»
ORCID[1] 0009-0005-1531-2482
ORCID[2] 0000-0002-1658-4691
ORCID[3] 0000-0002-0271-896X

В статье реконструируется концепт пищевого поведения на материале русских и английских паремий в лингвокультурном и психолингвистическом ракурсах. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к пищевым практикам как носителям социальных норм и сценариев саморегуляции, закрепленных в устойчивых речевых формулах. Научная новизна заключается в сопряжении семиотики пищевых образов с интерпретацией их регулятивной функции как «социальной инструкции» поведения. Материалом послужили русские и английские пословицы и поговорки, отобранные из лексикографических источников. Применены сравнительно-сопоставительный анализ, семантико-интерпретативный и дискурсивный методы. Выделены тематические поля: труд и пища, мера и самоограничение, дефицит и распределение, гостеприимство, здоровье. Установлено, что русская паремийная система закрепляет пищевое поведение через коллективные практики стола и этику «простого достатка», английская — через рациональность выбора, прагматику ресурса и проверку практикой.

Ключевые слова: паремии, пословицы, пищевое поведение, лингвокультура, психолингвистика, гастрономический код, пищевой код, оценочность, нормативность, метафора, труд, мера, гостеприимство, здоровье.

Для цитирования: Пчелинцева С. Н. Концепт пищевого поведения в русских и английских паремиях: лингвокультурный и психолингвистический анализ / С. Н. Пчелинцева, В. И. Шебанова, С. Г. Шебанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 125–137. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21110496.

Введение. В настоящем исследовании под концептом пищевого поведения понимается совокупность устойчивых языковых и культурных представлений о нормах, стратегиях и ритуалах, связанных с приемом пищи, закрепленных в паремийном фонде языка. Данный макроконцепт реализуется через систему взаимосвязанных микроконцептов (тематических групп), таких как «труд и пища», «мера и самоограничение», «гостеприимство», «здоровье» и пр.

Будучи закрепленным в языке, пищевое поведение представляет собой сложный многоуровневый феномен, в котором переплетаются биологические, психологические и социокультурные детерминанты. Опираясь на положения синергетического подхода, В.И. Шебанова рассматривает данный феномен как метасиндромальное образование мультикаузальной природы, включающее иерархически организованную систему механизмов опосредования и процессов саморегуляции [12]. Данная система, согласно концепции исследователя, в норме обеспечивает адаптивное функционирование индивида, тогда как ее дисрегуляция может приводить к формированию различных проблемных форм пищевого поведения, производных от общего хода психосоматического развития [12]. Особое значение в структуре регуляции, как подчеркивается в работах В.И. Шебановой, приобретает интерпсихологический уровень,

выступающий ведущим фактором опосредования телесных потребностей и формирования психосоматического синдрома, реализуемого через психологические процессы и механизмы [12].

В соответствии с разработанной авторской моделью, к числу факторов, детерминирующих психосоматическое развитие пищевого поведения, относятся: биосоматические (генетические и психофизиологические), психологические (интрапсихологические и интерпсихологические), а также культурно-духовные и социальные. Последняя группа факторов объединяет социально-экономические условия, социально-психологические характеристики среды, семейные традиции, национальные пищевые практики, следование модным системам питания, диетам и стандартам красоты [12].

Актуальность исследования обусловлена тем, что повседневные практики питания находят свою фиксацию не только в этнографических описаниях и психологических моделях саморегуляции, но и в языке — прежде всего в пословицах и поговорках. В паремийном фонде пища выступает многофункциональным маркером: она фиксирует социальные нормы и отклонения от них, выражает одобрение или порицание, регулирует распределение ресурсов, контроль желания, отношение к труду и собственному телу. Паремиологический материал представляет собой удобный объект для аналитического исследования в силу высокой концентрации смыслов: краткая устойчивая формула аккумулирует в себе оценку, образ, социальную санкцию и типовой сценарий поведения в ситуации выбора (есть / воздержаться; делиться / копить; работать / ожидать; лечиться / пренебрегать лечением).

Цель работы заключается в реконструкции концепта пищевого поведения, закрепленного в русских и английских паремиях, и выявлении ценностных конструкций и регулятивных механизмов, которые транслируются данными устойчивыми формулами в качестве социально одобряемых моделей и «микроинструкций» поведения. Психолингвистический ракурс исследования реализуется через анализ «свернутости» смысла и воздействующего потенциала паремий (что сближает данный подход с задачами лингвопрагматики, изучающей функционирование языковых знаков в коммуникации), а не через экспериментальные методы. Такой ракурс позволяет рассматривать паремию как речевое действие, встроенное в контекст социального взаимодействия.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выделить тематические группы паремий, в которых пища задает модель нормы (мера, труд, здоровье, гостеприимство, дефицит);
2. Сопоставить лексико-образные средства русской и английской лингвокультурных традиций, формирующие оценку пищевых практик;
3. Интерпретировать регулятивные механизмы паремий (предписание, предупреждение, рационализация выбора) с позиций психолингвистического анализа устойчивой формулы.

Научная новизна исследования состоит в сопряжении двух уровней описания: семиотики пищевых образов (анализ кодов культуры, образных оснований, ценностных акцентов) и анализа регулятивного потенциала паремии как речевой «микроинструкции» поведения, встроенной в коллективный опыт и транслирующей социально значимые установки.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую базу исследования составили научные публикации, посвященные вербализации пищевого кода в паремиологической картине мира. Анализ работ по данной проблематике позволил

выделить ключевые направления, релевантные для настоящего исследования. Так, в сопоставительном аспекте лексико-семантическое поле «хӯрок / еда / *food*» рассмотрено И.А. Асламовым [1]. Лингвокультурологический анализ пищевого кода представлен в исследованиях М.А. Гасановой и М.Р. Музаровой [2], а механизмы актуализации фитонимического кода в устойчивых выражениях выявлены А.А. Гусейновой [3]. Сопоставительное описание вербализации концепта «еда» в английской и русской лингвокультурах осуществлено И. С. Зукаевой, Р.Д. Шамилевой [4]; гастрономический код в разноструктурных языках исследован Т.Б. Кабыловым с соавторами [5]. Ценностные характеристики глюттонического дискурса проанализированы Л.В. Копоть [6], а подходы к лингвоаксиологическому анализу паремий с пищевым компонентом разработаны Н.Ю. Нелюбовой с соавторами [7; 8]. Теоретическое обоснование функционирования культурных кодов в языке представлено Е.О. Опариной [9], семиотическая модель интерпретации гастрономического кода предложена Ван Тянью и Н.Л. Чулкиной [10].

Особое значение для формирования теоретической базы настоящего исследования имеют работы В.И. Шебановой, в которых пищевое поведение рассматривается в широком культурно-историческом контексте. Обращаясь к генезису взаимоотношений человека и пищи, исследователь обосновывает бинарную природу последней. С одной стороны, пища выступает как фундаментальная практика жизнеобеспечения, направленная на удовлетворение витальной потребности; с другой — функционирует в качестве канала трансляции символических смыслов, выступая медиатором между материальным и духовным началами. Данная символическая функция находит выражение в многообразии ритуалов, пищевых традиций и обрядов, историческая цель которых заключалась в установлении сакральной связи в триаде «еда — человек — дух» [11; 12].

Опора на указанные теоретические источники обусловила выбор методов исследования. В работе использован комплекс методов лингвистического анализа. Сравнительно-сопоставительный метод применен для выявления типологических сходств и культурно обусловленных различий в репрезентации пищевого поведения в русской и английской паремиологических традициях. Семантико-интерпретативный анализ позволил раскрыть оценочные компоненты значения устойчивых выражений и выявить ценностные доминанты, закрепленные в паремийных формулах. Дискурсивный анализ использован для реконструкции регулятивного потенциала паремий, реализуемого в коммуникативных ситуациях через предписания, предупреждения и запреты. Метод систематизации позволил выделить устойчивые тематические поля, в рамках которых пищевое поведение концептуализируется как нормативно регулируемая практика (сытость и мера, труд и вознаграждение, гостеприимство, здоровье, дефицит и распределение ресурсов).

Теоретическая интерпретация полученных данных опирается на семиотический подход к анализу культурных кодов, разработанный в исследованиях Е.О. Опариной [9], а также на семиотическую модель интерпретации гастрономического кода, предложенную Ван Тянью и Н.Л. Чулкиной [10], что позволяет рассматривать пищевые образы как знаки, репрезентирующие коллективный опыт и социальные нормы.

Материалом для анализа послужили русские и английские паремии, отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников (словари пословиц и поговорок, сборники устойчивых выражений), а также корпус паремий, представленный в проанализированных научных публикациях. Отбор материала осуществлялся по критерию наличия пищевой лексики (наименования продуктов питания, процессов приготовления и потребления пищи, гастрономических практик).

Результаты. Проведенный анализ паремиологического материала позволил выделить ряд устойчивых тематических доменов, в рамках которых осуществляется концептуализация пищевого поведения как социально нормируемой практики. К числу таких доминантных смысловых линий относятся: а) труд как необходимое условие получения пищи; б) мера и самоограничение в потреблении; в) дефицит и стратегии распределения ресурсов; г) гостеприимство как форма поддержания социальной связности; д) пища как фактор здоровья и профилактики.

Полученные данные свидетельствуют о том, что концептуализация гастрономического кода в паремиях характеризуется как разнообразием форм выражения, так и глубиной социокультурного содержания. Пищевой код демонстрирует сложную структуру и многослойное ассоциативно-семантическое поле, а репрезентирующие его концепты объективируются широким спектром языковых средств. В соответствии с положениями лингвокультурологии (М.А. Гасанова, М.Р. Музарова, Т.Б. Кабылов, А.М. Усманова и др.), пищевой (гастрономический) код в паремийном фонде может быть описан как система устойчивых знаков, посредством которых коллективное сознание фиксирует и транслирует социальные нормы и санкции [2; 5; 10; 11]. Данный код отражает всю полноту отношений человека с пищей — от процессов приготовления до ситуаций потребления — и служит механизмом передачи культурно значимой информации.

Наиболее последовательно нормативная функция пищевого кода раскрывается в тематической группе паремий, связывающих процесс добывания пищи с трудовыми усилиями, что позволяет рассмотреть, как базовые витальные потребности трансформируются в этические императивы.

Труд как условие получения пищи. Русская паремиологическая традиция последовательно актуализирует причинно-следственную связь между трудовой деятельностью и возможностью насыщения. Данная нормативная модель репрезентируется в пословицах: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Кто не работает, тот не ест», «Хлеб — всему голова» (где хлеб выступает обобщенным знаком результата труда). В английском паремийном фонде фиксируется сходная аксиологическая рамка, реализуемая в формулах: *No pain, no gain* (в бытовой интерпретации — необходимость усилия для достижения результата), *There is no such thing as a free lunch* (акцент на рациональности распределения ресурса и невозможности получения блага без затрат), *You reap what you sow* (развертывание аграрной метафоры для обозначения причинно-следственных связей). Расширение корпуса примеров позволяет выявить дополнительные репрезентации данной модели. В русском языке: «Как потопаешь, так и полопаешь», «Что посеешь, то и пожнешь», «Горька работа, да хлеб сладок». В английском языке: *He that would eat the fruit must climb the tree*, *Who depends on another man's table often dines late, The labourer is worthy of his hire*. В обеих лингвокультурах пища выступает своеобразной «мерой реальности»: витальное желание есть сублимируется в этику усилия, а категория достатка неразрывно связывается с дисциплиной действия. Теоретическое обоснование подобной интерпретации опирается на концепцию нормативной функции пищевого кода в паремийном фонде [2; 5]. Русскую гастрономическую модель в данном аспекте можно охарактеризовать как житейско-прагматическую: пища, репрезентируемая преимущественно образами хлеба, соли и каши, функционирует как индексальный знак, отсылающий к базовым категориям выживания, труда и материального достатка.

Мера и самоограничение. Паремии, регламентирующие степень насыщения и контроль над аппетитом, формируют еще один значимый тематический домен. Русские

устойчивые формулы «Кашу маслом не испортишь» и «Не в коня корм» задают параметры оценочной шкалы соразмерности: удовольствие от еды и насыщение подчиняются имплицитному представлению о границе «достаточного». Более развернутую регламентацию предлагают пословицы: «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба каравай, так и под елью рай» (мера счастья прямо пропорциональна наличию пищи), «Сытый голодного не разумеет» (фиксация разрыва в восприятии реальности в зависимости от степени насыщения). Английские паремии в еще большей степени акцентируют мотив самоконтроля и рационального выбора. Классической формулой невозможности совмещения взаимоисключающих желаний выступает *You can't have your cake and eat it.* Ценность достаточности как самостоятельной добродетели закреплена в пословице *Enough is as good as a feast*. Идея относительности удовольствия и ситуативного повышения ценности пищи передается через формулу *Hunger is the best sauce*. Дополнительные примеры усиливают данную тенденцию: *Appetite comes with eating* (констатация психофизиологической закономерности, требующей контроля), *Fast bind, fast find* (архаичная английская пословица, значение: «Крепко свяжешь — надежно сохранишь»), *A glutton young, a beggar old* (прогностическая санкция за неумеренность). Следуя семиотической перспективе, предложенной Ван Тянью и Н.Л. Чулкиной, мы интерпретируем эти формулы как вторичную знаковую систему, где образ еды опосредует связь между телесным переживанием и социальной нормой, причем в английской традиции эта связь чаще рационализируется через индивидуальный выбор [10, с. 52].

Если паремии о труде кодируют внешние условия доступа к пище (её добывание), то следующая группа пословиц обращена к внутренним регуляторам — контролю над аппетитом и соблюдению меры в потреблении.

Дефицит и стратегии распределения. Паремии данной группы фиксируют модели поведения в условиях ограниченности ресурсов и задают параметры «нормального» и «приемлемого» рациона. Русские пословицы «Без соли, без хлеба — худая беседа», «Щи да каша — пища наша» маркируют базовый минимум как основу социального взаимодействия и повседневного существования, утверждая ценность устойчивого, традиционного рациона. Расширенный корпус примеров включает: «Хлеб на стол, и стол — престол; а хлеба ни куска — и стол — доска» (сакрализация наличия пищи), «Голо, голо, а луковка во щи есть» (ирония как способ принятия скудости), «Пустой колос всегда нос кверху дерет» (осуждение гордыни на фоне реальной бедности). Английская формула *Half a loaf is better than none* эксплицирует стратегию принятия неполного ресурса как рационального компромисса. Данная группа может быть дополнена пословицами: *Beggars can't be choosers* (императив смирения в условиях дефицита), *A hungry man is an angry man* (прогнозирование социальных последствий нехватки пищи), *Hunger breaks stone walls* (абсолютизация силы голода как двигателя поведения). Наши наблюдения полностью согласуются с выводами И.С. Зукаевой и Р.Д. Шамилевой о том, что русская паремиология в ситуациях дефицита акцентирует домашность и гостеприимство, тогда как английская -- прагматику индивидуального достатка [4, с. 66]. Мы также разделяем позицию Т.Б. Кабылова с соавторами, которые в своем типологическом анализе подчеркивают, что различия в доминирующих акцентах двух традиций коренятся в разных моделях распределения ресурса: общинной (русская) и индивидуально-договорной (английская) [5, с. 389].

Если в условиях дефицита паремии закрепляют стратегии выживания и смирения, то в контексте гостеприимства пищевой код раскрывает свою противоположную функцию — маркирование социального принятия, щедрости и единения.

Гостеприимство и социальная связность. Русские пословицы «Не красна изба углами, а красна пирогами», «Чем богаты, тем и рады» закрепляют за пищей функцию знака социального признания, включения и принятия. Еда в данном контексте выступает медиатором межличностных отношений, материализованным выражением расположения. Дополнительные примеры усиливают данную семантику: «Пироги не расти — хозяина не свести», «Гость на порог — счастье в дом», «В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив», «Просим на хижину: чем богаты, тем и рады». В английской традиции сходная функция реализуется в формулах, где совместная трапеза маркирует социальный порядок и договорные отношения. При этом культурная «теплота» выражается более имплицитно, через рациональные сценарии совместного действия и предупреждения о нарушении его регламента. Классическим примером выступает *Too many cooks spoil the broth* — предостережение против чрезмерного числа участников, разрушающего результат. Данная группа может быть дополнена пословицами: *A house is not a home without a mother's blessing and a pot on the fire* (акцент на пище как атрибуте дома), *Feed a cold and starve a fever* (инструментальное отношение к еде даже в контексте заботы), *Uninvited guests are often welcomest when they are gone* (ирония как регулятор гостеприимства). Вслед за Е.О. Опариной, мы рассматриваем эти паремии как реализацию культурного кода, где система знаков материального мира (пища, дом, огонь) становится носителем информации о социальных связях и их иерархии [9, с. 96].

Пищевой код культуры не ограничивается регуляцией социальных связей — не менее важная его функция заключается в закреплении представлений о связи питания и здоровья, где еда выступает уже не медиатором между людьми, а инструментом воздействия человека на собственное тело.

Здоровье и профилактика. Английская пословица *An apple a day keeps the doctor away* представляет собой развернутую модель профилактики через осознанный пищевой выбор, эксплицитно связывая характер рациона с заботой о телесном здоровье. Данная группа может быть дополнена формулами: *Eat to live, not live to eat* (утверждение инструментальной, а не гедонистической функции пищи), *A close mouth catches no flies* (гигиеническая норма, транслируемая через пищевой образ), *Gluttony kills more than the sword* (гиперболизированная санкция за обжорство). Русский паремийный фонд демонстрирует иную модель концептуализации здоровья. При наличии прямых указаний на лекарские свойства продуктов («Лук от семи недуг», «Чеснок да лук — от семи недуг», «Хрен да редька, лук да капуста — лихого не попустят») и сакрализации регулярного приема пищи («Хлеб на стол — и стол престол»), норма здоровья здесь чаще выводится не из следования специальным диетическим предписаниям, а из устойчивости режима и приверженности «простой» традиционной пище. Это подтверждают пословицы, связывающие здоровье с умеренностью и осуждением излишеств: «Где пиры да чаи, там и немочи», «Каша — мать наша, а хлебец — кормилец». Таким образом, если в английской традиции здоровье концептуализируется как результат осознанного индивидуального выбора и профилактических действий (проект), то в русской — как производное от стабильности уклада, включенности в традицию и природный цикл (состояние). Это ключевое различие в культурных моделях отношения к телесности может быть использовано как основа для дальнейших междисциплинарных исследований. Данная интерпретация находит подтверждение в результатах сопоставительного описания концепта «еда», выполненного И.С. Зукаевой и Р.Д. Шамилевой [4], а также в типологическом анализе гастрономического кода, представленном в исследовании Т.Б. Кабылова, А.М. Усмановой и Н. Бактыбек кызы [5], в которых выявляются тематические доминанты двух лингвокультурных традиций.

Кроме того, наше наблюдение развивает выводы Н.Ю. Нелюбовой с соавторами о том, что ценностные смыслы в паремиях закрепляются не столько в эксплицитных предикатах, сколько в самом выборе культурно маркированного образа [7, с. 935; 8, с. 95], а также согласуется с положением В.И. Шебановой о том, что пища выступает медиатором между материальным и духовным началами, а пищевые практики аккумулируют в себе символические смыслы, транслирующие культурные коды и социальные нормы поведения [11, с. 108-109; 12].

Этот символический потенциал пищевых практик наиболее наглядно раскрывается при анализе конкретных образов, регулярно воспроизводящихся в паремийном фонде. Именно через устойчивую символику хлеба, соли, пирогов и их английских аналогов коллективное сознание транслирует ценностные установки и поведенческие сценарии.

Символическая нагрузка пищевых образов и механизмы аксиологической интерпретации. Пищевой образ в паремиологической картине мира не ограничивается прямой номинацией продукта, но актуализирует развернутый культурный сценарий. Так, хлеб функционирует как знак базового благополучия и жизненной устойчивости, соль — как маркер общения, доверия и гостеприимства, пироги — как символ праздничности и социального принятия. В сопоставительных исследованиях подобные единицы рассматриваются как «модули» коллективного опыта, в которых номинация продукта неразрывно связана с типовой ситуацией (дележ пищи, встреча гостя, маркирование бедности или достатка) [2, с. 384; 5, с. 387].

В русле развития теоретической базы исследования целесообразно обратиться к понятию глюттонического дискурса, которое, вслед за Л. В. Копоть, понимается нами как особый вид социальной коммуникации, тематически связанной с концептом «еда» [6, с. 58]. В рамках данного дискурса пища функционирует как носитель оценочных значений, коррелирующих с социальными ожиданиями, нормами поведения и символической оппозицией «телесное — моральное». Показательными в этом отношении являются русская паремия «Не в коня корм», реализующая порицание неэффективности затраченных усилий («вложений»), и английская формула *The proof of the pudding is in the eating,* где пищевой образ выступает моделью верификации истинности через практический опыт. Подобная «переносимость» пищевых образов в сферу морально-социальных отношений согласуется с трактовкой гастрономического кода как вторичной знаковой системы [10, с. 52].

Существенную роль в формировании ценностных смыслов играет фитонимическая лексика (наименования растений и продуктов их переработки: яблоко, зерно, хлеб). Включаясь в структуру паремий, данные номинации расширяют сеть культурных смыслов, связывая пищу с природными циклами, трудовой деятельностью и ценностью простоты. Как демонстрируют исследования фитонимического кода, выполненные А.А. Гусейновой, названия растений и производных от них продуктов закономерно включаются в структуру устойчивых формул, выступая в качестве «свернутых» репрезентаций культурного знания — в частности, представлений о достатке и традиционном жизненном укладе [3, с. 25].

Аксиологическая интерпретация паремий с пищевым компонентом позволяет заключить, что оценка закрепляется не столько в эксплицитных предикатах «хорошо / плохо», сколько в самом выборе культурно маркированного образа. В русской традиции «хлеб» актуализирует семантику достоинства и базовой устойчивости; «пироги» выступают знаком социального принятия и щедрости; «каша» маркирует привычность уклада и повседневную норму. В английской паремиологической традиции образ *cake* (пирожное / кекс) устойчиво связывается с идеей противоречивого желания «получить

всё сразу», что находит выражение в критике невозможности совмещения взаимоисключающих благ: *You can't have your cake and eat it* [7, с. 935; 8, с. 95].

Как отмечает Е.О. Опарина, культурные коды представляют собой «систему знаков материального и нематериального мира, которые становятся носителями культурно значимой информации» [9, с. 95]. Формирование кода культуры в паремиях осуществляется через синтез ментефактов (идей, представлений), артефактов (предметов культуры) и натурфактов (природных объектов), что обеспечивает хранение, передачу и интерпретацию культурных смыслов.

Семиотический подход к моделированию гастрономического кода подтверждает, что устойчивый пищевой образ инициирует актуализацию целостного комплекса знаний — от телесных переживаний (голод / сытость) до социально одобряемых поведенческих моделей (вежливость, экономия, дисциплина) [10, с. 55]. Сопоставительное изучение лексико-семантического поля «еда / *food*» в разноструктурных языках позволяет проследить устойчивую корреляцию между номинацией и культурной семантикой, что объясняет, почему определенные продукты (хлеб, яблоко, каша, пирог) приобретают функцию «быстрых маркеров» социальной нормы. Данное положение согласуется с выводами И.А. Асламова о том, что в состав лексико-семантического поля «еда» закономерно включаются наименования наиболее привычных, часто употребляемых продуктов, что обусловлено базовой частотностью соответствующих потребностей человека [1, с. 45], а также с результатами сопоставительного анализа И.С. Зукаевой и Р.Д. Шамилевой, выявивших устойчивую корреляцию между номинацией и культурной семантикой в русской и английской лингвокультурах [4, с. 65].

Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно национально-культурной специфики паремиологической репрезентации пищевого поведения. Русская паремийная система обнаруживает устойчивую тенденцию к закреплению пищевых практик через коллективные формы социального взаимодействия: концепты дома, стола, совместной трапезы, угощения. Пищевое поведение здесь концептуализируется в этических координатах «простого достатка» и разделенной трапезы как основы социальной связности. Английская паремиологическая традиция в значительно большей степени акцентирует рациональность индивидуального выбора, прагматику распределения ресурсов, идею добровольного ограничения и верификации результатов практическим опытом.

Основанием для данного вывода служат результаты сопоставительного описания концепта «еда», выполненного И.С. Зукаевой и Р.Д. Шамилевой на материале русских и английских паремий [4, с. 66], а также типологический анализ гастрономического кода в многоязычной перспективе, предпринятый Т.Б. Кабыловым, А.М. Усмановой и Н. Бактыбек кызы и подтверждающий различия в доминирующих смысловых моделях двух лингвокультур [5, с. 389].

Обсуждение. Проведенный анализ паремиологического материала позволяет утверждать, что пищевое поведение в русских и английских пословицах и поговорках моделируется не столько как физиологическая функция, сколько как социально регулируемая практика. Еда последовательно встраивается в структуру коллективной нормативности, выступая смысловым центром, вокруг которого выстраиваются такие категории, как распределение ресурсов, дисциплина труда, допустимые границы желания, рамки щедрости и способы поддержания социальных связей. В связи с этим сопоставление двух лингвокультурных традиций представляется более продуктивным вести не через перечень продуктов питания, а через реконструкцию стоящих за ними типовых сценариев поведения.

Русские паремийные формулы обнаруживают устойчивую ориентацию на концепт «стола» как точки социального согласия и семейно-бытового единения. Пища в данной традиции становится знаком принятия и совместности, а отказ от угощения или дефицит базовых продуктов (хлеба, соли) интерпретируется как нарушение порядка общения, маркер социальной неблагонадежности или враждебности. В английской паремиологической традиции пищевой образ с большей частотностью функционирует как модель индивидуального выбора и добровольного ограничения. Когнитивный центр смещается в сторону рациональности, акцентируется невозможность совмещения взаимоисключающих желаний (*You can't have your cake and eat it*), а также признание частичного результата как приемлемого компромисса (*Half a loaf is better than none*).

Наши выводы о коллективистской природе русских паремий и индивидуалистическом характере английских вступают в диалог с результатами других исследователей. Так, М.А. Гасанова и М.Р. Музарова, анализируя пищевой код в аварском и русском языках, также приходят к заключению о высокой значимости концепта «стола» и совместной трапезы для славянской паремиологической картины мира, что подтверждает наше наблюдение об устойчивости данной модели [2, с. 384]. Работа Т.Б. Кабылова с соавторами, выполненная на материале трех языков, показывает, что оппозиция «коллективное — индивидуальное» является одной из ключевых типологических характеристик при сопоставлении гастрономических кодов разных культур. Наше исследование конкретизирует эту оппозицию, демонстрируя, как она реализуется в сценариях гостеприимства и отношения к дефициту [5, с. 388].

В то же время, наши данные позволяют уточнить выводы И.С. Зукаевой и Р.Д. Шамилевой. Если в их работе акцент делается преимущественно на различии в наборе лексических единиц, то мы показываем, что за этими различиями стоят глубинные поведенческие сценарии. Например, наличие в обеих традициях паремий о труде и пище указывает на типологическое сходство, однако способы концептуализации этой связи разнятся: в русском языке труд часто сакрализуется через образ хлеба («Хлеб — всему голова»), тогда как в английском — рационализируется через договор и затраты (*There is no such thing as a free lunch*). Тем самым мы развиваем тезис Н.Ю. Нелюбовой с соавторами о том, что лингвоаксиологический анализ должен учитывать не только ценностный компонент, но и стоящий за ним «поведенческий модуль» [7, с. 940].

При этом выявленные различия не отменяют типологического сходства: обе традиции используют пищу как универсальный язык оценки и предписания, закрепляя за гастрономическими образами функцию трансляции социально одобряемых моделей поведения.

Психолингвистический ракурс анализа позволяет интерпретировать регулятивный потенциал паремий через тезис о «свернутости» смысла. Устойчивое выражение выполняет функцию когнитивной экономии: оно быстро переводит частную, конкретную ситуацию в разряд типовых, социально означенных случаев и закрепляет ожидаемую реакцию адресата. Воздействующая сила паремии не сводится к простому информированию; ее эффективность строится на узнаваемости культурного образа и на готовности адресата принять социальную санкцию, имплицитно встроенную в выражение.

Отдельного рассмотрения требует проблема перевода и межкультурной интерпретации паремий с пищевым компонентом. Прямое установление межъязыковых соответствий (пословица — пословица) нередко приводит к утрате или искажению культурной нагрузки: при внешнем совпадении образа ценностное содержание может существенно расходиться. Наиболее рельефно эта проблема проявляется на примере образа «пироги / cake»: в русской традиции он несет отчетливый знак социальной

включенности и гостеприимства, тогда как в английских паремиях образ cake в пословице *You can't have your cake and eat it* закрепляет критику противоречивого желания получить двойную выгоду, хотя в других контекстах (например, *piece of cake*) образ может иметь иные коннотации. Перед переводчиком, таким образом, возникает задача передачи не столько предметного значения (номинации продукта), сколько социального смысла, закрепленного за данным образом в конкретной лингвокультуре.

В связи с полученными результатами необходимо прояснить два методологических аспекта, которые могут вызвать вопросы. Во-первых, в работе анализируются как пословицы (законченные суждения назидательного характера), так и поговорки (образные выражения, констатирующие факт). Мы осознаем, что поговорки в меньшей степени реализуют функцию прямого предписания, однако они фиксируют устойчивые оценки и стереотипы восприятия, которые формируют «фон» нормативности, поэтому их включение в корпус представляется оправданным. Во-вторых, значительная часть проанализированных паремий является архаичной («Щи да каша — пища наша», «Голо, голо, а луковка во щи есть»). В связи с этим важно подчеркнуть, что предметом анализа выступает не столько эмпирическое пищевое поведение современных носителей языка, сколько культурный код — система традиционных представлений и мифологем, которые продолжают воспроизводиться в языке и оказывать опосредованное влияние на ценностные ориентации.

Ограничения исследования. Признавая оправданность включения в корпус как пословиц, так и поговорок, а также архаичных единиц, следует, однако, обозначить границы проведенного анализа. Представленная работа не включает экспериментального блока: не проводилась проверка ассоциативных реакций носителей языка, не фиксировалась скорость распознавания паремий, не изучалось их влияние на принятие решений в моделируемых ситуациях. В силу данного ограничения психолингвистические выводы опираются преимущественно на аналитическое чтение структуры формулы и на интерпретацию ее регулятивной функции в гипотетической речевой практике.

Перспективы дальнейшей разработки темы. Дальнейшее исследование может быть связано с расширением корпуса англоязычных паремий, в особенности по тематике режима питания, пищевых запретов и профилактических практик. В отношении русскоязычного материала перспективным представляется выделение региональных вариантов и жанровых модификаций (поговорка, присловье, современные паремийные трансформации), поскольку в данных формах нередко трансформируется не только лексическое наполнение, но и тип социальной санкции.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы в соответствии с поставленными задачами.

1. В результате анализа паремиологического материала выделены устойчивые тематические группы, в рамках которых пища кодирует социально одобряемые модели поведения: а) труд как необходимое условие получения пропитания; б) мера и самоограничение в потреблении; в) стратегии поведения в условиях дефицита и распределения ресурсов; г) гостеприимство как форма поддержания социальной связности; д) пища как фактор поддержания здоровья и профилактики.

2. Сопоставительный анализ позволил установить расхождения в доминирующих смысловых моделях двух лингвокультурных традиций. Русская паремийная система обнаруживает устойчивую тенденцию к закреплению пищевого поведения через коллективные практики, связанные с концептами дома, стола, совместной трапезы и угощения, а также через этику «простого достатка» как основы социальной

стабильности. При этом в русской традиции присутствуют и мотивы индивидуальной ответственности («Что посеешь, то и пожнешь»), однако они, как правило, вписаны в более широкий контекст общинной морали. Английская паремиологическая традиция в значительно большей степени актуализирует пищевой образ в контексте рационального выбора, добровольного ограничения, верификации результатов практическим опытом и прагматического расчета ресурсов. Вместе с тем в английских паремиях также фиксируются сценарии социальной кооперации (например, *The labourer is worthy of his hire*), однако они чаще оформляются через договорные, а не через эмоционально-родственные связи. Таким образом, противопоставление двух традиций не является абсолютным, но отражает доминирующие акценты в ценностно-нормативной системе

3. Предложена интерпретация регулятивного механизма паремии с позиций лингвопрагматики и психолингвистики. Устойчивые формулы функционируют как речевые микромодели поведения, в которых пищевой образ выполняет функцию «пускового механизма», актуализирующего готовую оценку и имплицитное предписание. Данный механизм обеспечивает быстрый перевод частной ситуации в разряд социально означенного, узнаваемого сценария, что подтверждает тезис о «свернутости» культурного смысла в паремийных единицах.

В целом проведенное исследование подтверждает продуктивность сопряжения лингвокультурного и психолингвистического подходов при анализе паремиологического материала и открывает перспективы для дальнейшего изучения национально-культурной специфики пищевого поведения, закрепленной в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асламов И. А. Некоторые особенности ЛСП «Хӯрок» (еда, food) как предмета лингвистических и культурологических исследований / И. А. Асламов // Вестник педагогического университета. — 2021. — № 1 (90). — С. 43–47.
2. Гасанова М. А. Пищевой код культуры в паремиологической картине мира аварского и русского языков / М. А. Гасанова, М. Р. Музарова // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 4 (89). — С. 383–385. — DOI: 10.24412/1991-5497-2021-489-383-385.
3. Гусейнова А. А. Актуализация лингвокультурного фитонимического кода в паремиях и фразеологизмах / А. А. Гусейнова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. — 2024. — № 20. — С. 23–28.
4. Зукаева И. С. Вербализация концепта «еда» в английской и русской лингвокультурах (на материале пословиц и поговорок) / И. С. Зукаева, Р. Д. Шамилева // Вопросы природопользования. — 2024. — № 3 (10). — С. 62–70. — DOI: 10.25726/k1824-1613-2185-e.
5. Кабылов Т. Б. Гастрономический код культуры в паремиологической картине мира английского, кыргызского и русского языков / Т. Б. Кабылов, А. М. Усманова, Н. Бактыбек кызы // Бюллетень науки и практики. — 2025. — Т. 11, № 1. — С. 385–390. — DOI: 10.33619/2414-2948/110/46.
6. Копоть Л. В. Актуализация этногендерных ценностных характеристик концепта «маскулинность» в русском глюттоническом дискурсе / Л. В. Копоть // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2022. — № 2 (297). — С. 57–65.
7. Нелюбова Н. Ю. Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) / Н. Ю. Нелюбова, Н. М. Дугалич, О. А. Кадилина, Ч. Ш.-О. Кол // Oriental Studies. — 2023. — Т. 16, № 4. — С. 929–947. — DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947.
8. Нелюбова Н. Ю. Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала) / Н. Ю. Нелюбова, Д. С. Скнарев, Ч. Ш. Кол // Новые исследования Тувы. — 2024. — № 2. — С. 90–111. — DOI: 10.25178/nit.2024.2.6.
9. Опарина Е. О. Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие / Е. О. Опарина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — Вып. 5 (873). — С. 94–99. — DOI: 10.52070/2542-2197_2023_5_873_94.

10. Тянью Ван. Гастрономический код культуры: семиотическое моделирование мира в русских и китайских пословицах / Ван Тянью, Н. Л. Чулкина // Вопросы психолингвистики. — 2025. — № 4 (66). — С. 48–65. — DOI: 10.30982/2077-5911-2025-66-4-48-65.
11. Шебанова В. И. Трансформация пищевых стратегий: от ценности сытости к нормированию / В. И. Шебанова // Психология. Экономика. Право. — 2014. — № 1. — С. 99–109.
12. Шебанова В. И. Психология пищевого поведения : дисс. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Шебанова Виталия Игоревна ; Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. — Киев, 2017. — 562 с.

REFERENCES

1. Aslamov, I. A. (2021). Nekotorye osobennosti LSP "Khūrok" (eda, food) kak predmeta lingvisticheskikh i kul'turologicheskikh issledovanii [Some features of the lexical-semantic paradigm "Khūrok" (food) as an object of linguistic and cultural studies]. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta*, 1(90), 43–47. (In Russian).
2. Gasanova, M. A., & Muzarova, M. R. (2021). Pishchevoi kod kul'tury v paremiologicheskoi kartine mira avarskogo i russkogo iazykov [Food code of culture in the paremiological worldview of the Avar and Russian languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 4(89), 383–385. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-383-385 (In Russian).
3. Guseinova, A. A. (2024). Aktualizatsiia lingvokul'turnogo fitonimicheskogo koda v paremiiakh i frazeologizmakh [Actualization of the linguocultural phytonymic code in proverbs and phraseological units]. *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov*, 20, 23–28. (In Russian).
4. Zukaeva, I. S., & Shamileva, R. D. (2024). Verbalizatsiia kontsepta "eda" v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh (na materiale poslovits i pogovorok) [Verbalization of the concept "food" in English and Russian linguocultures (based on proverbs and sayings)]. *Voprosy prirodopol'zovaniia*, 3(10), 62–70. https://doi.org/10.25726/k1824-1613-2185-e (In Russian).
5. Kabylov, T. B., Usmanova, A. M., & Baktybek kyzy, N. (2025). Gastronomicheskii kod kul'tury v paremiologicheskoi kartine mira angliiskogo, kyrgyzskogo i russkogo iazykov [Gastronomic code of culture in the paremiological worldview of English, Kyrgyz, and Russian languages]. *Biulleten' nauki i praktiki*, 11(1), 385–390. https://doi.org/10.33619/2414-2948/110/46 (In Russian).
6. Kopot', L. V. (2022). Aktualizatsiia etnogendernykh tsennostnykh kharakteristik kontsepta "maskulinnost'" v russkom gliuttonicheskom diskurse [Actualization of ethnogender value characteristics of the concept "masculinity" in Russian gluttonic discourse]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Filologiia i iskusstvovedenie*, 2(297), 57–65. (In Russian).
7. Neliubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Kadilina, O. A., & Kol, Ch. Sh.-O. (2023). Lingvoaksiologicheskii analiz kalmytskikh poslovits i pogovorok s pishchevym komponentom (na russkom i frantsuzskom paremiologicheskom fone) [Linguoaxiological analysis of Kalmyk proverbs and sayings with a food component (against the Russian and French paremiological background)]. *Oriental Studies*, 16(4), 929–947. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947 (In Russian).
8. Neliubova, N. Yu., Sknarev, D. S., & Kol, Ch. Sh. (2024). Rol' gastronomicheskogo komponenta v vyrazhenii aksiologicheskogo smysla tuvinskikh paremii (na fone russkogo i frantsuzskogo materiala) [The role of the gastronomic component in expressing axiological meaning of Tuvan proverbs (against Russian and French material)]. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2, 90–111. https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6 (In Russian).
9. Oparina, E. O. (2023). Kul'turnye kody v iazyke: diapazon deistviia i razvitie [Cultural codes in language: Scope and development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 5(873), 94–99. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_5_873_94 (In Russian).
10. Wang, Tianyu, & Chulkina, N. L. (2025). Gastronomicheskii kod kul'tury: semioticheskoe modelirovanie mira v russkikh i kitaiskikh poslovitsakh [Gastronomic code of culture: Semiotic modeling of the world in Russian and Chinese proverbs]. *Voprosy psikholingvistiki*, 4(66), 48–65. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2025-66-4-48-65 (In Russian).
11. Shebanova, V. I. (2014). Transformatsiia pishchevykh strategii: ot tsennosti sytosti k normirovaniiu [Transformation of food strategies: From the value of satiety to regulation]. *Psikhologiia. Ekonomika. Pravo*, 1, 99–109. (In Russian).
12. Shebanova, V. I. (2017). *Psikhologiia pishchevogo povedeniia* [Psychology of eating behavior] (Doctoral dissertation). Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv (In Ukraine).

Поступила в редакцию 22.03.2026 г.

CONCEPT OF EATING BEHAVIOUR IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS: LINGUOCULTURAL AND PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS

S.N. Pchelintseva, V.I. Shebanova, S.G. Shebanova

The article deals with reconstruction of the macro-concept of eating behaviour based on Russian and English proverbs from linguocultural and psycholinguistic perspectives. The relevance of the research is determined by the growing interest in food practices as carriers of social norms and self-regulation scenarios embedded in stable speech formulas. The scientific novelty lies in combining the semiotics of food images with the interpretation of their regulatory function as regulatory micro-instructions for behaviour and as a "social instruction" embedded in collective experience. The material comprises Russian and English proverbs and sayings selected from lexicographic sources. The comparative analysis, semantic-interpretive and discourse analysis have been applied in the study. The following thematic fields (micro-concepts) are identified: labour and food, moderation and self-restraint, scarcity and distribution, hospitality, health. It is established that the Russian proverbial system consolidates eating behaviour through collective practices of the table and the ethics of "simple sufficiency", while the English tradition emphasizes rationality of choice, resource pragmatics, and validation through practice.

Key words: proverbs, sayings, eating behaviour, macro-concept, linguoculture, psycholinguistics, gastronomic code, food code, evaluativeness, normativity, regulatory micro-instructions, metaphor, labour, moderation, hospitality, health.

Пчелинцева Светлана Николаевна
Херсонский аграрный университет, г. Скадовск, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры лингвистики.
ORCID 0009-0005-1531-2482.
E-mail: pcelka2782@mail.ru

Шебанова Виталия Игоревна.
Доктор психологических наук, профессор, действительный член Крымской академии наук.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Херсон.
Профессор кафедры прикладной психологии и развития личности
ORCID 0000-0002-1658-4691.
E-mail: v1talia.sh@yandex.ru

Шебанова Светлана Георгиевна.
Кандидат психологических наук, доцент, член-корреспондент Крымской академии наук.
Херсонский технический университет, Российская Федерация, г. Геническ.

Доцент кафедры психологии и социологии.

ORCID 0000-0002-0271-896X.
E-mail: sveta1_sh@rambler.ru

Pchelintseva Svetlana Nikolaevna.
Kherson Agrarian University, Skadovsk, Russian Federation.
Senior Teacher, Department of Linguistics.
ORCID 0009-0005-1531-2482.
E-mail: pcelka2782@mail.ru

Shebanova Vitalia Igorevna.
Doctor of Psychology, Professor, Full Member of the Crimean Academy of Sciences.
Kherson State Pedagogical University, Russian Federation, Kherson.
Professor, Department of Applied Psychology and Personality Development
ORCID 0000-0002-1658-4691.
E-mail: *v1talia.sh@yandex.ru*

Shebanova Svetlana Georgievna.
Candidate of Psychology, Associate Professor, Corresponding Member of the Crimean Academy of Sciences.
Kherson Technical University, Russian Federation, Genichesk.
Associate Professor, Department of Psychology and Sociology.
ORCID 0000-0002-0271-896X.
E-mail: sveta1_sh@rambler.ru

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.5281/zenodo.21110834

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ИИ-ГЕНЕРИРУЕМОЙ АУДИОДЕСКРИПЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ДЛЯ НЕЗРЯЧИХ РЕЦИПИЕНТОВ[2]

© 2026 ***А. В. Раздуев***[1], ***М. А. Ляшенко***[2], ***Е. В. Абдульменова***[3]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
[3]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
ORCID[1] 0000-0002-9936-014X
ORCID[2] 0009-0009-9992-8194
ORCID[3] 0009-0004-5679-6199

В статье рассматривается проблема обработки культурно-специфических элементов (КСЭ) — религиозных символов, исторических костюмов, архитектурных форм и бытовых артефактов — в аудиодескрипции, генерируемой системами искусственного интеллекта (ИИ). Целью исследования является выявление системных недостатков ИИ-генерируемой аудиодескрипции при работе с КСЭ и разработка научно обоснованных стратегий их преодоления. В работе применялись методы лингвистического анализа, типологизации культурных реалий, классификации ошибок автоматической вербализации и моделирования стратегий межкультурной адаптации с учетом когнитивных особенностей слабовидящих и полностью незрячих реципиентов. Основные результаты включают разработку типологии КСЭ, выявление и систематизацию типичных ошибок ИИ (элиминация, гипергенерализация, неадекватная замена), а также формулирование комплекса лингвистических, когнитивных и технологических стратегий адаптации, ориентированных на обеспечение прагматической адекватности и лингвокультурной точности дескрипций. Полученные данные могут быть использованы при проектировании интеллектуальных систем аудиодескрипции, разработке методических рекомендаций для специалистов в области инклюзивных технологий и совершенствовании стандартов обеспечения культурной доступности аудиовизуального контента для слабовидящих и незрячих пользователей.

Ключевые слова: культурно-специфический элемент, автоматическая аудиодескрипция, ИИ-генерируемая аудиодескрипция, незрячий реципиент, межкультурная адаптация, слабовидящий реципиент.

Для цитирования: Раздуев А. В. Культурно-специфические элементы в ИИ-генерируемой аудиодескрипции: проблемы и стратегии адаптации для незрячих реципиентов / А. В. Раздуев, М. А. Ляшенко, Е. В. Абдульменова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 138–147. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21110834.

Аудиодескрипция (АД, англ. *Audio Description, AD;* амер. *Video Description, VD*) представляет собой особый тип вербального сопровождения визуальной информации, предназначенного для людей с различными нарушениями зрения [https://www.euroblind.org;

[2] Публикация выполнена в рамках научного проекта «Разработка лингвистических принципов и проектирование технических решений для создания прототипа нейросети для сопровождения аудиодескрипции» по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проект № 1022100500014-8-6.2.1, науч. рук. — канд. филол. наук, проф. А.В. Раздуев).

The article presents the research within the framework of the scientific project “The development of linguistic principles and technical solutions for creating a neural network prototype to generate and accompany audio descriptions” funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Pyatigorsk State University, project № 1022100500014-8-6.2.1, scientific advisor — PhD in Philology, Professor A. V. Razduyev).

https://vananservices.com/blog/implementing-audio-description-guidelines-for-content-creators-and-service-providers/; Remael et al., https://www.adlabproject.eu/Docs/adlab%20book/]. Согласно точке зрения Л. Фрайер, АД — это процесс перевода визуального в вербальное, обеспечивающий доступ к недоступному сенсорному опыту [Fryer, 2016, p. 1-2; см. также: Борщевский, 2009]. В условиях стремительного внедрения ИИ-технологий в сферу цифровой доступности (например, через функции расширений для браузера и программ чтения с экрана (англ. *screen reader*), автоматического субтитрирования для видео (англ. *automatic subtitling*), описания от фотографий товаров до изображений в социальных сетях по запросу) возникает новая проблема: машинная интерпретация культурно-маркированных визуальных элементов.

В отличие от человека, в нашем случае — профессионального аудиодескриптора, обладающего лингвокультурной компетенцией и способного к эмпатии, искусственный интеллект (ИИ) распознает объекты по паттернам, но во многом не понимает их символического, исторического или ритуального значения. У незрячих реципиентов, особенно рожденных слепыми, отсутствует базовый визуальный опыт, на который мог бы опереться ИИ при генерации простого, «очевидного» описания. Именно поэтому культурно-специфические элементы требуют не просто называния, идентификации, а пояснительной адаптации, основанной на когнитивных схемах и культурном контексте.

Актуальность темы обусловлена по крайней мре тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, массовое внедрение ИИ-генерируемой аудиодескрипции (в том числе в стриминговых сервисах и музейных приложениях) выдвигает проблему качества автоматических описаний на первый план: в отличие от человека, алгоритмы часто не распознают культурную значимость объектов или вербализуют ее стереотипно. Во-вторых, полностью незрячие реципиенты лишены возможности стихийного и непроизвольного усвоения культурно-специфических элементов через визуальное наблюдение (национальная одежда, архитектурные стили, ритуальные предметы, символы и т.д.), что делает аудиодескрипцию практически единственным источником доступа к тому или иному культурному коду. Ошибка или упрощение в описании может привести не просто к потере информации, а к искажению лингвокультурного смысла. В-третьих, в условиях глобализации медиаконтента представители одной культуры все чаще сталкиваются с предметами другой культуры (реалиями), что требует от аудиодескрипции не механического перевода визуального ряда, а лингвокультурной адаптации — баланса между информативностью, точностью и доступностью для слабовидящих и полностью незрячих реципиентов. Исследование стратегий подобной адаптации в условиях автоматизации процесса создания аудиодескрипции становится насущной задачей лингвокультурологии, терминоведения и инклюзивных технологий.

Цель данной статьи состоит в выявлении системных недостатков ИИ-генерируемой АД при работе с реалиями — культурно-специфическими элементами (КСЭ) и предложить научно обоснованные стратегии их преодоления.

Исходя из заявленной цели, в рамках исследования решаются следующие задачи:

1) дать определение КСЭ, дать их типологию и привести примеры;

2) выявить проблемы ИИ-систем, возникающие при обработке КСЭ, провести типологизацию системных ошибок ИИ-генерируемой аудиодескрипции при вербализации КСЭ;

3) определить ключевые стратегии адаптации КСЭ в ИИ-генерируемой аудиодескрипции, обозначить перспективы развития данной области.

Исследование культурных реалий в аудиодескрипции формирует междисциплинарное поле на стыке переводоведения, лингвокультурологии и

инклюзивных технологий. Ключевым теоретическим основанием выступает концепция аудиодескрипции как межсемиотического перевода — трансформации визуального кода в вербальный, в ходе которой культурно-специфические элементы подвергаются особой трансформации. И.С. Борщевский систематизирует способы передачи реалий в этом процессе, выделяя транслитерацию с пояснением, функциональную замену, описательный перевод и концептуальную адаптацию; при этом автор подчеркивает, что выбор стратегии определяется не столько лингвистическими, сколько когнитивными ограничениями незрячего реципиента, для которого отсутствует визуальный опыт, необходимый для расшифровки культурного кода [Борщевский, 2019: 27-28].

Этот подход получает развитие в работах, рассматривающих тифлокомментирование сквозь призму межкультурной коммуникации. Е.А. Гринкевич расширяет рамки анализа, утверждая, что аудиодескрипция выступает не просто особой техникой перевода, а полноценным актом межкультурного диалога, где комментатор становится медиатором между культурой создателя произведения и культурным бэкграундом незрячего зрителя. Автор обосновывает необходимость формирования у специалистов по тифлокомментированию «культурной компетенции» — способности распознавать скрытые культурные маркеры и принимать взвешенные решения об их вербализации с учетом потенциального культурного барьера реципиента [Гринкевич, 2022: 24-25].

Особую сложность представляет передача культурных реалий в контексте комического дискурса, что актуализирует проблему потери юмора при автоматизированной или непродуманной адаптации. И.В. Мелик-Казарян демонстрирует, что культурные реалии часто являются носителями комического эффекта (например, через стереотипы, исторические аллюзии или языковую игру), и их упрощенная передача в аудиодескрипции ведет к двойной потере — как лингвокультурного смысла, так и эмоционально-экспрессивного воздействия произведения. Автор подчеркивает, что эффективная стратегия должна учитывать не только денотативное значение реалии, но и ее прагматическую функцию в рамках коммуникативного акта [Мелик-Казарян, 2025: 52-53].

Таким образом, представленные исследования формируют целостную парадигму: от описания конкретных переводческих стратегий (И. С. Борщевский) через осмысление тифлокомментирования как межкультурного посредничества (Е. А. Гринкевич) к анализу прагматических последствий искажения культурного кода, особенно в чувствительных жанрах вроде комедии (И. В. Мелик-Казарян). Эта триада работ создает теоретическую базу для разработки методик адаптации культурно-специфических элементов, учитывающих как когнитивные особенности реципиентов, имеющих различные проблемы со зрением, так и многослойную природу культурных смыслов в аудиовизуальных текстах.

Начнем с того, что под КСЭ понимаются языковые или визуальные единицы, значение которых определяется культурным контекстом и не может быть полностью передано без дополнительного пояснения [см. Стернин, 2011]. КСЭ встречаются повсеместно и, в частности, выступают в качестве одного из важных объектов АД.

Среди КСЭ, встречающихся в рамках АД, можно выделить:

- *религиозные атрибуты*: икона, хиджаб, кипа, тилак, крест, полумесяц, звезда Давида и др.;

- *национальные костюмы*: бунад, кафтан, килт, кимоно, сарафан, сари, тога, халат, ханбок, ханьфу, чарро и др.;

- *архитектурные формы*: готический свод, луковичные купола, мавзолей, минарет, пагода, юрта и др.;

- *бытовые предметы*: квеври, самовар, тандыр, татами, джебба, чайник гунфу, хукка;
- *ритуальные жесты и действия*: поклон, крестное знамение, приветствие «намасте», обход священного дерева и др.

Все эти и аналогичные элементы несут в себе вторичную семантику, выходящую за рамки их физических характеристик. Например, описание-запрос «женщина в черной одежде с белым платком на голове» может соответствовать просто обычной женщине и не передает, что это может быть православная монахиня, носящая *апостольник*, если не указан данный культурный маркер (см. Рис. 1 и 2, сгенерированные ИИ [https://chat.qwen.ai/]).

Рис. 1 и 2. ИИ-сгенерированные картинки по описанию без и с лексемой-культурным маркером («апостольник»)

В рамках АД часто наблюдается тенденция к упрощению культурных реалий до их основных визуальных признаков, что лишает полностью или частично незрячего реципиента АД возможности полного понимания ситуации и сюжета в целом.

В ходе работы были выявлены проблемы ИИ, возникающие при обработке КСЭ, которые включают: 1) поверхностную идентификацию без контекста; 2) этнокультурную предвзятость; 3) отсутствие какого-либо пояснения; 4) галлюцинирование и стереотипизацию. Рассмотрим данные проблемы подробнее.

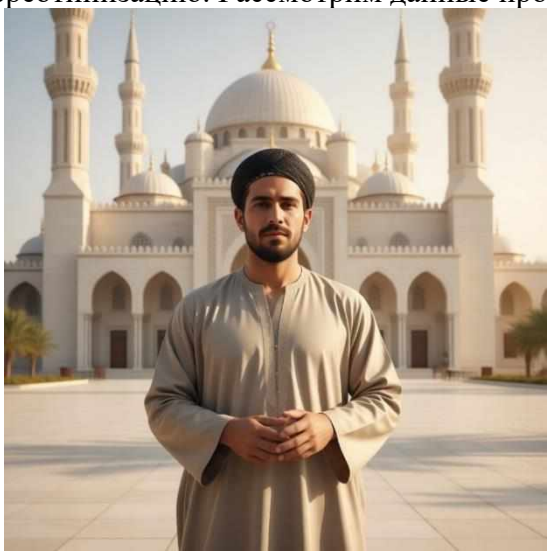

Рис. 3. ИИ-сгенерированное изображение по запросу «мужчина в джеллабе и тарбуше на фоне мечети»

Нами было сгенерировано изображение по запросу «*мужчина в **джеллабе** и **тарбуше** на фоне **мечети***» (см. Рис. 3) [https://chat.qwen.ai/]. Как видим, ИИ-система частично справилась с созданием изображения по описанию с КСЭ: тарбуш (феска) представлен на картинке неверно (должен быть красный колпак с черной кисточкой).

Обратное действие по генерации описания (АД) по изображению также удается не столь успешно. Прежде всего, при работе с ИИ-системами наблюдается **поверхностная, слишком общая идентификация деталей без контекста, а также попытка выразить эмоционально-экспрессивную составляющую изображения**. ИИ-описание: «*Мужчина в светлой традиционной одежде и черной **куфии** стоит перед белой **мечетью** с куполами и минаретами. На фоне — просторная площадь с пальмами, золотистый свет утра создает атмосферу спокойствия и гармонии*» [https://chat.qwen.ai/]. Проблема состоит в том, что упущена религиозно-культурная принадлежность мужчины (арабский/мусульманский контекст), т.е. модель распознала цвет и форму (например, купола белой мечети), но не функцию. При этом в рамах описания предпринимается попытка выразить эмоции и экспрессию («просторная площадь», «атмосфера спокойствия и гармонии», «золотистый цвет утра» и др.). В целом, описание традиционной одежды, музыкальных инструментов, национальных блюд или архитектурных элементов может быть неточным из-за отсутствия соответствующих терминов в языковых ИИ-моделях.

Лингвокультурные различия влияют на ожидания реципиентов относительно стиля, глубины и детализации АД. То, что считается приемлемым или достаточно информативным в одной культуре, может быть неприемлемым или избыточным в другой. ИИ-системы зачастую не учитывают эти различия, что снижает удовлетворенность реципиентов АД.

В некоторых случаях при построении АД с помощью ИИ-систем наблюдается некоторая **этнокультурная предвзятость и обобщение**. ИИ-модели, обученные преимущественно на западных изображениях (например, *ImageNet, COCO* и др.), склонны интерпретировать незнакомые элементы через призму своей «культурной нормы». Например, индийское **сари** может быть описано просто как *«длинное платье»*, а **хиджаб** — как *«(длинный) шарф»* или просто *«платок»* и т.д. В целом, точность распознавания КСЭ может сильно варьироваться. В частности, ИИ-модель Qwen3-Max достаточно легко и точно справляется с описаниями изображений, например, девушек в сари и хиджабе разных цветов и форм, используя данные лингвокультурно специфические лексические единицы. Были получены, например, следующие описания при загрузке соответствующих изображений: *«На картинке изображена женщина в светло-зеленом **сари** с узорами в виде кошек и тонкой серебристой каймой»; «На изображении женщина в роскошном бирюзовом сари с блестящей вышивкой и богатой каймой»; «На картинке крупным планом изображена молодая женщина в розовом **хиджабе**»; «На изображении — женщина в бордовом **хиджабе** с кружевной отделкой»* [https://chat.qwen.ai/] и др.

Кроме того, в некоторых случаях наблюдается отсутствие пояснительной функции. ИИ-системы **редко добавляют какие-либо поясняющие конструкции**, например: *«традиционная японская одежда — **кимоно**»* или *«**православный храм** с луковичными куполами, характерными для русской архитектуры»*. Это может быть критично для реципиентов с малым визуальным опытом или вообще без него, поскольку они не могут «достроить» недостающий контекст, который вполне очевиден зрячему реципиенту.

Приведем пример, когда система ИИ вполне успешно использует пояснения при описании изображения (см. Рис. 4).

Рис. 4. ИИ-сгенерированный жест пранам-мудры (или молитвенной мудры) (по запросу «намасте»)

Получаем следующее описание изображения: *«На белом фоне изображены две желтые руки, сложенные в традиционном молитвенном жесте* ***пранам-мудры*** *(****поза приветствия или поклонения, распространенная в индуизме, буддизме и других восточных культурах****). Ладони соприкасаются, пальцы вытянуты вертикально вверх, а большие пальцы направлены друг к другу, образуя единый символ гармонии и уважения»* [https://chat.qwen.ai/].

В условиях неопределенности модель может галлюцинировать и генерировать правдоподобную, но одновременно ложную информацию. Например, изображение женщины в хиджабе в результате стереотипизации может описываться как *«подозрительная фигура»* — это проявление скрытых предубеждений в обучающих данных. В связи с этим должны быть обязательно учтены тексты, на которых система ИИ прошла обучение. Неправильная интерпретация лингкокультурных кодов может привести к дискриминационным или даже оскорбительным дескрипциям.

АД по своей сути является межмодальным переводом — переводом из визуального в вербальный модус [см. Newmark, 1981; Taylor, 2013]. При переводе культурно-специфических элементов возможно применение следующих стратегий: калькирование («*луковичный купол*»), описательный перевод («*головной убор мусульманок — хиджаб», «поза приветствия или поклонения в индуизм — намасте*» и др.), функциональная замена («*место молитвы — мечеть*»), различные добавления («*прислонился — прислонился к стене/дереву*») и др.

Следует отметить тот факт, что для незрячих реципиентов требуется дополнительный уровень адаптации — когнитивная доступность, т.е. понимание осуществляется только при наличии соответствующей ментальной схемы [https://www.frcds.ru/wp-content/uploads/2024/08/GOST-R-ISO-21801-1-2022.pdf].
Например, если у реципиента нет опыта взаимодействия с чайником-самоваром, описание «сосуд, сочетающий заварочный и заливной чайники» остается достаточно абстрактным и непонятным. Поэтому эффективная АД должна включать также некоторые тактильные и/или функциональные аналоги.

Так, например, использование аналогий с тактильным опытом может происходить при описании одежды: «***Кимоно*** *— это одежда, напоминающая по крою длинный халат с широкими рукавами, завязывающийся поясом спереди. Ткань обычно шелковая, гладкая на ощупь*».

При создании АД может использоваться функционально-культурное пояснение, например, вместо простого «*здание с куполами*» — «*православный храм с золотыми луковичными куполами, символизирующими небесный свод в русской архитектуре*». При этом ИИ-модели зачастую необходимо дообучать на размеченных корпусах АД с лингвокультурными аннотациями и культурно-специфическими элементами, что позволит им не только распознавать объект, но и генерировать лингвокультурно адекватное описание.

Лингвокультурная адаптация ИИ-генерируемой АД представляет собой комплексную задачу, требующую интеграции лингвокультурных знаний и ИИ-технологий. Разработка стратегий лингвокультурной адаптации позволит значительно повысить качество и доступность аудиовизуального контента для незрячих и слабовидящих реципиентов из различных культурных сред, четко идентифицировать КСЭ в визуальном контенте и оценивать их значимость для целевой аудитории, выбирать оптимальные стратегии вербализации с учетом лингвокультурного фона реципиентов, а также в дальнейшем адаптировать описание к культурным ожиданиям и предпочтениям конкретных пользователей [см. Perego, 2018].

Достаточно остро встает необходимость разработки специализированных баз данных [https://www.adlabproject.eu/Docs/adlab%20book/], содержащих информацию о культурно-специфических элементах, относящихся к различным культурам, что позволит ИИ-системам более точно идентифицировать и правильно описывать культурные маркеры. По нашему мнению, подобные базы данных должны включать:

- визуальные образцы лингвокультурных элементов с их описаниями, с примерами успешной культурной адаптации;
- культурные контексты и соответствующая историческая справка;
- рекомендации по вербализации для различных типов аудиторий.

Важной представляется разработка систем персонализированной АД, учитывающих культурный фон и предпочтения конкретного пользователя, что позволит адаптировать описание к индивидуальным потребностям реципиента. Персонализация АД может включать:

- настройку уровня детализации в зависимости от пожеланий (например, имеющегося времени) и культурной осведомленности пользователя;
- выбор подходящего стиля описания (формальный, неформальный, академический);
- адаптацию лексики и терминологии к культурному контексту пользователя;
- учет культурных табу, культурно-обусловленных предпочтений и т.д.

В будущем возможно создание интерактивных систем, позволяющих пользователям запрашивать дополнительную информацию о культурно-специфических элементах, что повысит информативность АД. Интерактивные элементы могут включать:

- возможность запроса дополнительных пояснений, дефиниций терминов и т. д.;
- ссылки на лингвокультурные словари и справочники;
- наличие альтернативных вариантов описания;
- обратную связь для улучшения характеристик системы.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают гипотезу о критической важности лингвокультурной адаптации ИИ-генерируемой АД для полностью и частично незрячих реципиентов. Культурно-специфические элементы при этом не являются второстепенными деталями, а представляют собой существенную часть семантической структуры аудиовизуального контента. Игнорирование лингвокультурного контекста, в

частности, культурно-специфических элементов, приводит к значительной потере информации и снижению эффективности коммуникации.

К сожалению, полная автоматизация АД пока нереалистична в связи с наличием множества параметров и переменных. Наиболее эффективным решением является гибридный подход, при котором ИИ-система генерирует черновое описание, которое затем проверяется и корректируется человеком-дескриптором с учетом лингвокультурного контекста и потребностей целевой аудитории.

Таким образом, ИИ-генерируемая АД пока не способна в полной мере заменить аудиодескриптора при работе с КСЭ. Однако за счет внедрения лингвистически и когнитивно обоснованных стратегий адаптации, а также размеченных культурно-маркированных обучающих данных, можно значительно повысить ее адекватность и инклюзивность.

Ключевым принципом выступает не просто «назвать» некоторый объект, а обеспечить понимание через лингвокультурный мост, особенно для тех незрячих реципиентов АД, кто никогда не видел визуального мира. Перспективы дальнейших исследований включают создание мультиязычных лингвокультурных корпусов АД, международных стандартов в области АД, разработку универсальных и более частных моделей лингвокультурной адаптации, онтологий культурных реалий и стандартизацию этических норм для ИИ в сфере инклюзии, исследование долгосрочного влияния культурно-адаптированной АД на социальную интеграцию полностью или частично незрячих людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борщевский И. С. Способы передачи культурных реалий в межсемиотическом переводе (на примере аудиодескрипции) / И. С. Борщевский // Филология и лингвистика. — 2019. — № 1 (10). — С. 25–30. — Доступ: https://moluch.ru/th/6/archive/119/3977 (Дата обращения: 01.12.2025).
2. Гринкевич Е. А. Тифлокомментирование как вид межкультурной коммуникации / Е. А. Гринкевич// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2022. — № 3 (844). — С. 22–27.
3. Мелик-Казарян И. В. Перевод комического и культурных реалий в аудиовизуальных текстах: теоретический аспект / И. В. Мелик-Казарян // Научный Лидер. — 2025. — № 46 (247). — С. 51–54.
4. Стернин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений / И. А. Стернин // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — № 1. — С. 8–22.
5. Национальный стандарт Российской Федерации. Когнитивная доступность. ГОСТ Р ИСО 21801-1-2022. — Доступ: https://www.frcds.ru/wp-content/uploads/2024/08/GOST-R-ISO-21801-1-2022.pdf (Дата обращения: 01.12.2025).
6. European Blind Union (EBU). Guidelines for Audio Description. Brussels, 2020. — Доступ: https://www.euroblind.org (Дата обращения: 01.12.2025).
7. Fryer L. An Introduction to Audio Description: A Practical Guide. — London: Routledge, 2016. — 212 p.
8. Implementing Audio Description: Guidelines for Content Creators and Service Providers. — Доступ: https://vananservices.com/blog/implementing-audio-description-guidelines-for-content-creators-and-service-providers/ (Дата обращения: 01.12.2025).
9. Newmark P. Approaches to Translation. — Oxford: Pergamon Press, 1981. — 200 p.
10. Perego E. Audio description: Evolving recommendations for usable, effective and enjoyable practices // The Routledge handbook of audiovisual translation. — 1st ed. — Abingdon: Routledge, 2018. — P. 114–129.
11. Remael A., Reviers N., Vercauteren G. Pictures painted in Words. ADLAB Audio Description guidelines. — Доступ: https://www.adlabproject.eu/Docs/adlab%20book/ (Дата обращения: 01.12.2025).
12. Taylor C. Multimodality and Audiovisual Translation // Gambier Y., Doorslaer L. van (eds.). Handbook of Translation Studies. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2013. Vol. 4. P. 98–104.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

13. Qwen. — Доступ: https://chat.qwen.ai/ (дата обращения: 01.12.2025).

REFERENCES

1. Borshchevsky, I. S. (2019). Sposoby peredachi kul'turnykh realii v mezhsemioticheskom perevode (na primere audiodeskriptsii) [Ways of transmitting cultural realia in inter-semiotic translation (drawing on the example of audio transcription)]. In *Filologiya i lingvistika* [Philology and Linguistics]. № 1 (10). Pp. 25–30. Available at: https://moluch.ru/th/6/archive/119/3977 (Accessed: 01.12.2025). (In Russ.).
2. Grinkevich, Ye.A. (2022). Tiflokommentirovanie kak vid mezhkul'turnoy kommunikatsii [Typhlocommenting as a type of intercultural communication]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Education and Pedagogical Sciences]. № 3 (844). Pp. 22–27. (In Russ.).
3. Melik-Kazaryan, I.V. (2025). Perevod komicheskogo i kul'turnykh realiy v audiovizual'nykh tekstakh: teoreticheskiy aspekt [Translation of the comic and cultural realia in audiovisual texts: a theoretical aspect]. In *Nauchny Lider* [Scientific Leader]. № 46 (247). Pp. 51–54. (In Russ.).
4. Sternin I. A. (2011). O ponyatii lingvokul'turnoy spetsifiki yazykovykh yavleniy [On the concept of linguistic and cultural specificity of linguistic phenomena]. In *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture]. № 1. Pp. 8–22. (In Russ.).
5. Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Kognitivnaya dostupnost'. GOST R ISO 21801-1-2022. [National Standard of the Russian Federation. Cognitive accessibility. GOST R ISO 21801-1-2022. Available at: https://www.frcds.ru/wp-content/uploads/2024/08/GOST-R-ISO-21801-1-2022.pdf (Accessed: 12/01/2025).
6. European Blind Union (EBU). Guidelines for Audio Description. Brussels, 2020. Available at: https://www.euroblind.org (accessed: 01.12.2025).
7. Fryer L. (2016). An Introduction to Audio Description: A Practical Guide. London: Routledge, 212 p.
8. Implementing Audio Description: Guidelines for Content Creators and Service Providers. Available at: https://vananservices.com/blog/implementing-audio-description-guidelines-for-content-creators-and-service-providers/ (Accessed: 01.12.2025).
9. Newmark P. (1981). Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 200 p.
10. Perego E. (2018). Audio description: Evolving recommendations for usable, effective and enjoyable practices // The Routledge handbook of audiovisual translation. 1st ed. Abingdon: Routledge. P. 114–129.
11. Remael A., Reviers N., Vercauteren G. Pictures painted in Words. ADLAB Audio Description guidelines. Доступ: https://www.adlabproject.eu/Docs/adlab%20book/ (Accessed: 01.12.2025).
12. Taylor C. (2013). Multimodality and Audiovisual Translation // Gambier Y., Doorslaer L. van (eds.). Handbook of Translation Studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Vol. 4. P. 98–104.

LIST OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

13. Qwen. Available at: https://chat.qwen.ai/ (accessed: 01.12.2025). (In Russ.).

Поступила в редакцию 25.03.2026 г.

CULTURALLY SPECIFIC ELEMENTS IN AI-GENERATED AUDIO DESCRIPTION: CHALLENGES AND ADAPTATION STRATEGIES FOR BLIND AND VISUALLY IMPAIRED RECIPIENTS*

A. V. Razduyev, M. A. Lyashenko, Ye. V. Abdulmenova

The article deals with the issue of processing cultural-specific elements (CSE) — religious symbols, historical costumes, architectural forms and household artifacts — in audio description generated by artificial intelligence (AI) systems. The aim of the study is to identify the systemic disadvantages of AI-generated audio description when working with CSE and to develop scientifically based strategies to overcome them. The research methods include the method of linguistic analysis, typologization of cultural realia, classification of errors of automatic verbalization and modelling strategies of intercultural adaptation, taking into account the cognitive characteristics of visually impaired and completely blind recipients. The main results include the development of the typology of CSE, the identification and systematization of typical AI errors (elimination, hypergeneralization, inadequate replacement), as well as the formulation of a set of linguistic, cognitive and technological adaptation strategies aimed at ensuring the pragmatic adequacy and linguocultural accuracy of descriptions. The data obtained can be used in designing intelligent audio description systems, developing methodological recommendations for specialists in the field of inclusive technologies, and improving standards for ensuring cultural accessibility of audiovisual content for visually impaired and blind users.

***Keywords**:* culturally specific element, automated audio description, AI-generated audio description, blind recipient, cross-cultural adaptation, visually impaired recipient.

Раздуев Алексей Валерьевич.
Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, профессор кафедры теории и практики перевода Института переводоведения, русистики и многоязычия, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокультурные технологии».
Пятигорский государственный университет, Российская Федерация, г. Пятигорск.
ORCID 0000-0002-9936-014X
E-mail: arazduev@bk.ru

Ляшенко Мария Алеексеевна.
Ассистент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия, ассистент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Института иностранных языков и международного туризма.
Пятигорский государственный университет, Российская Федерация, г. Пятигорск.
ORCID 0009-0009-9992-8194.

E-mail: lyashenko-masha@inbox.ru

Абдульменова Елена Витальевна.
Магистрант психолого-педагогического факультета.
Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, г. Ставрополь.
E-mail: vetinchukvictory@mail.ru.
ORCID 0009-0004-5679-6199.

Razduyev Aleksey V.
PhD in Philology, Associate Professor, Professor of West-European Languages and Cultures Department, Professor of Theory and Practice of Translation Department of the Institute of Translation Studies, Russian Philology and Multilingualism, leading researcher of the scientific and educational center «Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguocognitive Technologies».
Pyatigorsk State University, Russian Federation, Pyatigorsk.
ORCID 0000-0002-9936-014X
E-mail: arazduev@bk.ru

Lyahenko Maria A.
Assistant Instructor of West-European Languages and Cultures Department of the Institute of Translation Studies, Russian Philology and Multilingualism, Assistant Instructor of the Experimental Linguistics and Intercultural Competence Department of the Institute of Foreign Languages and International Tourism.
Pyatigorsk State University, Russian Federation, Pyatigorsk.
ORCID 0009-0009-9992-8194.
E-mail: lyashenko-masha@inbox.ru

Abdulmenova Yelena Vitalyevna.
Master's student of Psychology and Pedagogy Department.
North Caucasus Federal University, Russian Federation, Stavropol'.
E-mail: vetinchukvictory@mail.ru.
ORCID 0009-0004-5679-6199

Научная статья
УДК 81.112.2
DOI: 10.5281/zenodo.21111152

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ И ОДНОСОСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

***© 2026 В. А. Сокол*[1], *М. А. Шаманская*[2]**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ORCID[1] 0009-0007-5336-8836
ORCID[2] 0000-0001-5896-058X

В статье представлены результаты исследования синтактико-прагматических особенностей эллиптических и односоставных предложений, транслирующих политические установки в современном немецкоязычном медиадискурсе. Целью работы является выявление специфики и раскрытие манипулятивных возможностей использования таких конструкций в качестве языковых инструментов воздействия на мнение адресата. В ходе классификации корпуса примеров выделены клишированные синтаксические модели, предполагающие вариативность лексического наполнения и позволяющие формулировать политические высказывания с разной степенью проявления побудительной силы и оценки. Применение методов дискурсивного и семантико-стилистического анализа позволило соотнести рассматриваемые модели с тремя типами дискурсивных инструментов, повышающих эффективность коммуникации: эпидейктическим, персуазивным и оценивающим. Описывается функционирование лингвокогнитивных механизмов, задействованных при использовании каждой из моделей, а также присущая им оценочная составляющая. В результате установлено, что применение сокращенных конструкций в политическом медиадискурсе обладает высоким манипулятивным потенциалом.

***Ключевые слова**:* политический дискурс, медиадискурс, синтаксическая модель, эллиптическое предложение, односоставное предложение, лингвокогнитивный механизм, прагматическая установка, манипулятивное воздействие.

Для цитирования: Сокол В. А. Прагматический потенциал эллиптических и односоставных конструкций в немецкоязычном политическом медиадискурсе / В. А. Сокол, М. А. Шаманская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 148–158. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21111152.

Введение. Революция, произошедшая в сфере цифровых источников информации, привела к размытию четкой границы понятий политического и медийного дискурса: вернее полагать, что они образуют единое дискурсивное пространство. Цель политического дискурса состоит во внушении адресантом «единственного политически верного» мнения адресату; цель медиадискурса — воздействие на сознание адресата, описание действительности и ее интерпретация. Средства массовой информации играют особую роль в современном политическом дискурсе, являясь основным каналом осуществления политической коммуникации [13, с. 45]. Взаимодействие агентов политического дискурса и медиаисточников, доступных сейчас каждому, повышает эффективность односторонней коммуникации в рамках такого смешанного дискурса, субъектами которого, наряду с политиками, политическими партиями и общественно-политическими движениями, становятся СМИ определенной политической направленности.

Политический медиадискурс, как отмечает в своей работе Т.Г. Добросклонская — это «функционально обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации во всем богатстве

и сложности их взаимодействия» [3, с. 110]. Его изучение становится особенно значимым в современных геополитических реалиях, поскольку позволяет раскрыть механизмы не только отражения в языке политических процессов, но и влияния на них и даже их формирования с помощью дискурсивных инструментов. Продукты речевой деятельности представляют собой сложное переплетение синтаксических, прагматических и семантических элементов, которые становятся объектом лингвистического рассмотрения. Так, исследуются такие аспекты политического медиадискурса, как его лексико-стилистические особенности [5, 10] или применяемые в его рамках коммуникативные стратегии, направленные на манипуляцию сознанием адресата [6]. Традиция изучения прагматических аспектов данного типа дискурса обусловлена спецификой его целеполагания и восходит к теории речевых актов [16, 21] и теории интенциональности [18]. Как показывает анализ актуальных публикаций в этой области, прагматический потенциал синтаксических конструкций, используемых в политической коммуникации, является темой, нуждающейся в детальной разработке.

Прагматические особенности политического медиадискурса отражают, прежде всего, отношение субъекта речи к тому, что он сообщает, и выражаются в организации высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение [1]. Таким образом, эффективным инструментом прагматической организации дискурса являются средства языковой экономии — эллиптические и односоставные конструкции, позволяющие обратить внимание адресата непосредственно на смысловое ядро высказывания. Именно такие конструкции, используемые в немецкоязычном политическом медиадискурсе, являются объектом нашего исследования. В настоящее время в фокусе внимания лингвистов, изучающих сокращенные семантические конструкции, находятся не столько собственно синтаксические или семантические аспекты, сколько их коммуникативные функции [4, 12, 17]. Синтаксические экспрессивные средства — эллиптические и односоставные конструкции — обладают свойством увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх степени, изначально заложенной в лексические единицы [11].

Актуальность темы исследования определяется востребованностью в современной лингвистике изучения лингвокогнитивных механизмов, используемых в различных типах дискурса с целью воздействия на мнение аудитории. Научная новизна исследования заключается в анализе прагматического аспекта употребления сокращенных синтаксических конструкций в сфере политики, представленной в немецкоязычных масс-медиа. Цель настоящей работы заключается в выявлении специфики использования эллиптических и односоставных конструкций в немецкоязычном политическом медиадискурсе с учетом действия лингвокогнитивных механизмов, направленных на повышение эффективности его воздействия на адресатов. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

- выборка примеров сокращенных синтаксических конструкций, являющихся материалом исследования;
- классификация конструкций и выделение на ее основе обобщенных синтаксических моделей;
- выявление сопряженных с названными моделями лингвокогнитивных механизмов;
- определение потенциала воздействия этих механизмов на адресатов высказывания.

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования использовался корпус примеров односоставных и эллиптических предложений, которые

были отобраны методом сплошной выборки из текстов немецкоязычных политических медиаисточников. В приведенных далее примерах сохранена та орфографическая форма, в которой они опубликованы в источниках.

При отборе примеров мы опирались на широкую трактовку понятия эллиптических и односоставных предложений как совокупности различных (зачастую весьма разных) типов синтаксических конструкций, представленную в работе Х. Ортнера [20, с. 197].

Согласно классификации Э.Г. Ризель, к односоставным предложениям относятся номинальные, глагольные, адвербиальные, а также предложения, грамматической основой которых являются утвердительные или отрицательные частицы и междометия [7, с. 165].

Эллиптические предложения, по определению Е.И. Шендельс — «такие предложения, в которых один или оба основных члена предложения опущены, но легко восстановимы из контекста или ситуации по аналогии с полными предложениями» [14, с. 258]. Автором приведены модели таких предложений в монологической речи: первая модель эллиптического предложения представлена как состоящая из субъекта и предикатива, притом оба члена предложения выражены через существительное; вторая модель — субъект-предикатив, оба члена предложения в котором выражены через причастия; третья — субъект-предикатив, в котором первый член предложения выражен через существительное или местоимение, а второй через прилагательное, наречие или причастие; четвертая модель состоит из субъекта в сочетании с адвербиальной частью вербального предиката; пятая модель, встречающаяся только в диалогах, представляет собой субъект в сочетании с отрицательной частицей «nicht» [14]. Е.И. Шендельс отмечает также существование многих форм эллиптических конструкций, не поддающихся моделированию, поскольку в соответствии с коммуникативной задачей любой член предложения может стать эллиптическим предложением [14, с. 260].

Данный тезис подтверждается эмпирическими данными, полученными в ходе нашей работы. Так, в немецкоязычных медиаисточниках встречаются заголовки, лозунги и названия политических и общественных программ, построенные на сочетании таких членов предложения, как предикатив и несогласованный атрибут (*ZEIT FÜR UNSERE KULTUR* [22]), субъект и несогласованный атрибут (*Investitionen für ein gutes Leben* [36]).

Методологически мы опираемся на концепцию эффективности дискурса, предложенную И.А. Якоба. В своей диссертационной работе названный автор объясняет действие лингвокогнитивных инструментов, понимаемых как «средства воздействия на объект, преобразования и создания объекта, его изменения или измерения в целях достижения полезного эффекта» [15, с. 204]. И.А. Якоба выделяет шесть групп таких инструментов: визуализации, управляющие вниманием, эпидейктические, персуазивные, продвигающие и оценивающие. Соответственно, во время коммуникативного акта должны быть приведены в действие различные лингвокогнитивные механизмы (ЛКМ) — когнитивно-дискурсивные операции, конструирующие смысл высказывания. Стоит заметить, что концепция, предложенная И.А. Якоба, подразумевает комплексное исследование действия механизма, однако в рамках настоящей работы рассмотрен лишь его фрагмент, поскольку только синтаксический анализ не позволяет раскрыть действие ЛКМ в полной мере. Его всестороннее описание предполагает более масштабное исследование. Нашей целью не является рассмотрение семантического аспекта изучаемых языковых явлений, однако необходимо отметить, что прагматический анализ не исключает обращения к семантической составляющей: в основе семантики лежит прагматика [2, 19].

Таким образом, при проведении исследования метод дискурсивного анализа, включающий в себя наблюдение, обобщение, интерпретацию прагматической роли

рассматриваемых языковых единиц и реконструкцию задействованных при их использовании ЛКМ, дополняется методом семантико-стилистического анализа.

Основная часть. На основе полученного нами корпуса примеров были выделены следующие синтаксические модели: ZEIT FÜR [...]; JETZT + INFINITIV; KEIN [...] OHNE [...]; [...] FÜR [...]; JA ZU [...] — NEIN ZU [...]. Эти модели рассматриваются и анализируются далее с точки зрения концепции параметризации медийного дискурса и с применением методологии, предложенной И.А. Якоба.

ZEIT FÜR [...]

Такую модель чаще всего можно встретить в материалах политических партий — лозунгах, призывающих к действию и твердо обозначающих направленность объединения. Е.И. Шейгал описывает лозунги как «непосредственный инструмент политической борьбы», характеризующийся лапидарностью, что обусловливает специфическое наличие в них повторяющихся клишированных структур [13, с. 287]. Так, например, партия «Alternative für Deutschland» использует такую модель в заголовках своих буклетов:

ZEIT FÜR *UNSERE KULTUR* [22]
ZEIT FÜR *UNSEREN AUFSCHWUNG* [22]
ZEIT FÜR *UNSERE ZUKUNFT* [22]

Партия «Freie Demokratische Partei» задействует идентичную модель эллиптического предложения в своем лозунге ***ZEIT FÜR*** *DIE RADIKALE MITTE* [25], а также в новостной заметке о политической программе: ***Zeit für*** *echte Reformen* [25]. В описанных примерах наблюдается эпидейктический механизм инспирации, в котором реализуется возможность вдохновения и мотивирования аудитории, на которую такие лозунги направлены [15]. Первое место в эллиптическом предложении занимает лексический аттрактор **ZEIT**, придающий высказыванию бóльшую уверенность по оценочной шкале эпистемического пространства: действие представлено как реальное, одновременное с моментом рецепции информации, содержащейся в высказывании.

Номинализация в этой конструкции способствует акцентуализации смыслового компонента темпоральности, выраженного лексемой *Zeit*: в сознании аудитории закрепляется представление о том, что время для совершения определенных действий уже наступило. Таким образом подчеркивается актуальность декларируемых в приведенных примерах политических установок, предлагающих оптимальный с точки зрения адресанта способ решения насущных политических проблем. Соответственно, таким установкам приписывается положительная оценочность. Содержательно-подтекстовая информация манипулирует ожиданиями адресатов, при этом элиминация наименования деятеля из предложения позволяет включить в число лиц, призванных воплотить содержащуюся в заголовках программу, как адресанта, так и адресата, что способствует консолидации сторонников определенного политического движения.

В клишированную структуру в случае заголовков буклетов «Alternative für Deutschland» добавляется притяжательное местоимение *unser* — маркер инклюзивности, единства адресанта и адресата, который является средством актуализации одной из базовых культурных оппозиций «свой — чужой». Первый член этой оппозиции несет положительную оценку, второй — отрицательную. Так в рамках прагматической установки имплицируется утверждение «наше — хорошее», что усиливает манипулятивное воздействие заголовка.

Стоит также отметить, что анафорическое повторение имеет место в подавляющем большинстве названий разделов программы, что усиливает действие механизма инспирации. Важно заметить, что такой пропуск формального подлежащего и

сказуемого — исключительно синтаксический. Восстановима и очевидна субъектно-предикатная конструкция «(Es ist die **höchste**) Zeit für…», содержащая в своей семантической структуре компонент значимости и неотложности предлагаемого действия.

JETZT + INFINITIV

Содержательно к рассмотренной конструкции близка модель JETZT + INFINITIV. Здесь аттрактор — также лексическая единица с темпоральным значением, однако в односоставных предложениях такого типа гораздо более четко выражен побудительный характер, поскольку они являются конкурентной формой предложений в повелительном наклонении [7]:

Jetzt *Idee* ***einreichen****!* [25]
Jetzt *Mitglied* ***werden****!* [25]
Jetzt wählen gehen*!* [31]

В случае приведенной модели также задействуется эпидейктический механизм инспирации. В лексическом аттракторе **JETZT** заложен манипулятивный потенциал механизма. Семантический компонент темпоральности, выражаемый этой лексемой — предполагаемая одновременность действия с моментом рецепции — придает высказыванию смысловой оттенок незамедлительности. Притом в приведенных примерах односоставных предложений отсутствует субъект: таким образом между адресантом и адресатом сокращается коммуникативная дистанция. Форма обобщенно-личного глагольного односоставного предложения позволяет элиминировать формальное обращение *Sie*, входящее в структуру повелительного предложения и предполагаемое в контексте дискурса.

Вербализация в такой модели, в отличие от номинальных структур, рассматриваемых нами, является средством призыва к действию, создания динамики, акцентуации деятеля, а не факта или результата. Пресуппозиция, выражаемая лексическим аттрактором — возможность сделать это «здесь и сейчас». Прагматический потенциал такого предложения высок, поскольку импликатура очевидна. Она лишь интенсифицируется: например, используется волюнтативная функция восклицательного знака — призыв к действию.

KEIN [...] OHNE [...]

Приведенная модель встречается в названиях общественных и политических программ. В отличие от лозунгов, которые призывают к действию, такая конструкция направлена на констатацию факта, в некотором роде — манифестацию. Модель встречается в наименованиях образовательных инициатив:

Kein *Abschluss* ***ohne*** *Anschluss* [37]
Keine *Bildung* ***ohne*** *Medien!* [33]

Стоит отметить, что в первом примере сила воздействия на аудиторию интенсифицируется языковой игрой — использованием однокоренных существительных Abschluss и Anschluss и звуковой анафоры.

Также конструкцию можно обнаружить в заголовках статей, посвященных социальной и экономической политике:

Kein *Bad* ***ohne*** *Sportplatzverkauf* [29]
Kein *Frieden* ***ohne*** *Sicherheitsgarantien* [27]
Keine *Koalition mehr* ***ohne*** *echte Reformpolitik* [28]
Kein *Tag* ***ohne*** *sexistisches Verhalten* [*30*]
Ohne *Politik* ***kein*** *Geschäft* [35]

В последнем случае наблюдается инверсия, имеющая акцентуирующее назначение: лексический компонент *Politik* занимает место первого номинативного элемента, и его позиция придает ему бóльшую коммуникативную ценность.

Модель **KEIN [...] OHNE [...]**, как было упомянуто выше, несет манифестирующую функцию, которая по концепции, предложенной И.А. Якоба, относится к персуазивным инструментам, воздействующим на точку зрения адресата. Когнитивный механизм заключается в управлении вниманием и стимулировании к пост-коммуникативным действиям. Так, лингвокогнитивный механизм, задействованный в модели — фокусирование, направленное на смещение модальности, заострении внимания на единственном ракурсе определенной проблемы с целью исключения ее альтернативных интерпретаций.

В сознании адресата закрепляется образ неразрывности двух содержательных компонентов: взаимодополняющие элементы высказываний занимают места соответственно их смысловой роли, комплементарность достигается при помощи отрицательного артикля **KEIN**, после которого называется главный компонент высказывания, и предлога **OHNE**, место после которого занимает компонент со значением уточнения, представленный как неотъемлемый от первого.

Конструкция предполагает высшую эпистемическую оценку со стороны адресанта. Прагматическая установка модели — напротив — заключается в установлении имплицитной аксиологической низшей оценки экстралингвистической ситуации, описанной в предложении. Содержательно-подтекстовая информация в наименованиях образовательных инициатив предполагает, что на момент создания таковой характерно противоположное названному (негативное) положение вещей. Заголовки статей социальной и экономической направленности, в отличие от названий инициатив, напрямую не призывают к действиям, но также имеют социально-регрессивный смысловой оттенок.

Номинализация в рассматриваемой модели не аннулирует прагматический потенциал: адресант закрепляет в сознании факт, однако адресат, в отличие от модели **ZEIT FÜR [...]**, даже на поверхностном уровне высказывания не предполагается инициатором действия для преобразования сложившейся ситуации. Конструкция более всего подходит для констатации фактов, в которой взаимодополняющая роль компонентов представлена как должное положение вещей. Манипуляции ожиданиями адресата в таком случае не происходит.

[...] FÜR [...]

Такая эллиптическая модель схожа с конструкцией **ZEIT FÜR [...]**, однако вместо лексического аттрактора с темпоральным значением первое место в ней занимают различные номинативные элементы, количество которых может варьироваться. По сравнению с вышеупомянутой конструкцией, второе место могут занимать более расширенные дополнения. Так, мы можем обнаружить модель **[...] FÜR [...]** в новостных заголовках:

*Kein Cent Steuergeld **für** Terroristen* [26]

*Günstige Mobilität **für** alle* [24]

*Investitionen **für** ein gutes Leben* [36]

Первый элемент в конструкции может быть и нулевым. Например, в случае лозунга партии «BIG Partei» конструкция будет начинаться с предлога:

***Für** ein starkes, gerechtes und solidarisches Deutschland* [23]

Модель позволяет нам говорить, как и в случае с **ZEIT FÜR [...]**, о механизме инспирации, однако, принимая во внимание тот факт, что номинативные элементы в

модели претерпевают изменения в зависимости от темы статьи, инспирация здесь выражена в меньшей степени. В отличие от модели **ZEIT FÜR [...]**, реципиенты, ввиду отсутствия лексического аттрактора с темпоральным значением, получают лишь общую идею высказывания, также не обладающую конкретными временными рамками, но в данном случае содержательно-подтекстовая информация вовсе элиминируется.

Клишированная модель **[...] FÜR [...]** не содержит в себе имплицитной информации, которая могла бы непосредственно сформировать отношение, аксиологическую оценку. Исключение компонента темпоральности в таком номинализированном предложении может аннулировать прагматический потенциал высказывания, поскольку у действия нет субъекта. Так, лозунг партии «BIG Partei» констатирует наличие определенной цели, но не детерминирует того, кто будет инициатором действия для ее достижения.

На основании всего вышесказанного мы можем предположить, что инспирирование в данном случае будет работать лишь поверхностно: по эпистемической шкале уровень уверенности, выражаемого в высказывании, без аттрактора **ZEIT** с темпоральным значением деградирует.

JA ZU [...] — NEIN ZU [...]

В качестве способа интенсификации речи в построении дискурса может использоваться экспрессивная синтаксическая контрастивная структура [9]. Модель относится к односоставным предложениям. Она частотна в названиях митингов и петиций, как, например, в приведенных ниже заголовках:

***Ja** zu Berlin — **nein** zum Kaputtsparen* [33]

***NEIN** zu Straßensperren — **JA** zu vernünftiger Verkehrspolitik* [34]

Здесь задействуется оценивающий инструмент, при помощи которого эксплицируется значимость объекта оценивания, «его место на оценочной шкале в аксиологическом пространстве» [8, с. 136]. Лингвокогнитивный механизм — позиционирование. В случае рассматриваемой модели актуализируется подвид оппозиции «да-нет». Лексические компоненты высказывания становятся контекстуальными членами оппозиции при помощи утвердительной частицы **JA** и отрицательной — **NEIN**. Последовательность членов оппозиции служит средством акцентуации одного из них.

Смысловой элемент, выраженный лексемой, стоящей после отрицательной частицы, закрепляется в сознании адресата на низшем уровне оценочной шкалы: при этом лексическая единица, сочетаемая с отрицательной частицей, выступает в качестве антагонистического элемента со значением препятствия по отношению к утвердительной части контрадикторной оппозиции. Выражаемое в этой части оппозиции содержание, напротив, относится к высшему уровню на аксиологической шкале. Так, эпистемическая оценка — уверенность в односторонности, инвариантности интерпретации сложившейся ситуации, созданная употреблением отрицательной и утвердительной частиц — априорное суждение, предопределяющее ценностную оценку.

Такая номинальная модель более всего уместна для использования в контексте митингов и петиций: констатируется негативный факт, действия для достижения которого уже произошли. Инвариантность оценки и определенное позиционирование позволяют участникам заявить о своей позиции, при этом номинальная структура высказывания не предусматривает совершение ими собственных действий для преобразования ситуации. Участники — не деятели, а наблюдатели, выражающие свое мнение.

Заключение. Исследование продемонстрировало, что сокращенные синтаксические конструкции, частотные в употреблении в немецкоязычном политическом медиадискурсе,

обладают большим прагматическим потенциалом. Поскольку такой тип дискурса построен, скорее, на ожиданиях аудитории, эллиптические и односоставные предложения позволяют адресантам сообщений манипулировать сознанием адресатов в целях успешной реализации политической деятельности.

Прагматическая установка таких конструкций — высшая эпистемическая оценка, которая достигается посредством номинализации и вербализации предложений. Во всех конструкциях наблюдается детерминация: отсутствуют модальные слова, придающие высказыванию смысловой оттенок вероятности или возможности. Информация преподносится как объективная и инвариантная. Эффект создается, в том числе, и при помощи употребления частотных лексических аттракторов: ZEIT; JETZT. В целях акцентуации они занимают первую позицию в конструкции.

Номинальные конструкции позволяют элиминировать наименование субъекта предполагаемого действия в рамках политических программ, что способствует «перекладыванию ответственности» непосредственно с политических деятелей. Тем не менее, в сознании адресатов дискурса закрепляется констатируемый факт, ассоциирующийся с адресантом — партией, представляющей программу. Вербальные конструкции, направленные на адресатов, напротив, призывают к действию и сокращают коммуникативную дистанцию, поскольку обращение к исполнителю генерализованно.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что такие конструкции относятся, согласно концепции И.А. Якоба, к трем группам инструментов: эпидейктическому, персуазивному и оценивающему. Все эти группы успешно задействуют лингвокогнитивные механизмы инспирации, фокусирования, манифестации и позиционирования, которые утверждают в сознании адресатов «единственное политически верное» мнение, выраженное адресантом дискурса.

Таким образом, проанализированные нами примеры из текстов немецкоязычных политических медиаисточников подтверждают воздействующий, манипулятивный потенциал односоставных и эллиптических конструкций в целях успешной реализации политических программ, освещения социальных и экономических реалий, выражения активной политической позиции.

Перспективы дальнейших исследований включают более детальное рассмотрение действия каждого из представленных выше лингвокогнитивных механизмов, а также привлечение материала других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 389–390.
2. Верхотурова Т.Л. Фактор наблюдателя в языке науки / Т.Л. Верхотурова. — Иркутск: ИГЛУ, 2008. — 235 с.
3. Добросклонская Т.Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований / Т.Г. Добросклонская // Язык и социальная динамика. — 2014. — № 14-1. — С. 106–115.
4. Ловянникова В.В. Реализация принципов языковой экономии в немецком интервью / В.В. Ловянникова, И.Г. Колиева // Современные исследования социальных проблем. — 2022. — Т. 14. № 3. —С. 309–325. — https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-309-326.
5. Миронина А.Ю. Эвфемизм как средство реализации стратегии уклонения от истины в политическом медиадискурсе / А.Ю. Миронина, Г.В. Порческу // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2023. Т. 9. № 2. — С. 4–18. — https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.
6. Мухаматшин А.Р. Митигация как средство манипулятивного воздействия в американском политическом медиадискурсе (на материале политических статей CNN) / А.Р. Мухаматшин // Казанская наука. — 2025. — № 4. — С. 656–661.

7. Ризель Э.Г. Стилистика немецкого языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс. — М.: Высш. школа, 1975. — 316 с.
8. Социопрагматическое пространство дискурса: коллективная монография / Н.С. Баребина, Т.Л. Верхотурова, Т.И. Семенова, И.А. Кузнецова, Е.Б. Шавалиева; науч. ред Н.С. Баребина. — М.: ФЛИНТА, 2025. — 208 с.
9. Форманюк Г.А. Экспрессивные средства выражения отрицания в англоязычном художественном дискурсе [Электронный ресурс] / Г.А. Форманюк, Л.Р. Оганян // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 12 (48). — Режим доступа: https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.38 (дата обращения: 27.01.2025). — https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.38.
10. Хафизова А.А. Моделирование имиджа страны и образа политического деятеля в американском медиадискурсе / А.А. Хафизова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2025. — Т. 16. № 1. — С. 77–89. — https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-77-89.
11. Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса / Р.Р. Чайковский // Уч. записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романогерманской филологии. — Москва, 1971. — Т. 64. — С. 196–200.
12. Черникова Н.В. Стилистические функции односоставных глагольных предложений в газетном дискурсе / Н.В. Черникова // Неофилология. — 2025. — Т. 11. № 2. — С. 232–241. — https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-232-241.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 325 с.
14. Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка: Учебник для I-III курсов ин-тов и фак-тов иностр. яз. — 2-е изд., испр. / Е.И. Шендельс. — М.: Высш. школа, 1982. — 400 с.
15. Якоба И.А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса : дисс. докт. филол. наук : 10.02.19 Теория языка / И.А. Якоба ; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. — Улан-Удэ, 2020. — 399 с.
16. Austin J.L. How to Do Things with Words / J.L. Austin. — Cambridge: Harvard University Press, 1962. — 166 p.
17. Buss M. Die Ellipse — ein linguistischer Kategorienfehler? [Elektronische Ressource] / M. Buss // Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. — Режим доступа: https://www.inst.at/trans/15Nr/06_2/buss15.htm (дата обращения: 23.01.2025).
18. Grice H.P. Utterer's Meaning and Intention / H.P. Grice // The Philosophical Review. — 1969. — Vol. 78. № 2. — pp. 147–177.
19. Kravchenko A.V. Cognitive linguistics as a methodological paradigm / A.V. Kravchenko // Cognitive Linguistics Today. Eds. B. Lewandowska-Tomaszczyk and K. Turewicz. — Frankfurt/Main: Peter Lang, 2002. — pp. 41–54.
20. Ortner H. Die Ellipse: Ein Problem der Sprachtheorie und der Grammatikschreibung / H. Ortner. —Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. — 242 S.
21. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J.R. Searle. — London, New York: Cambridge University Press, 1969. — 203 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. AFD — Alternative für Deutschland. https://www.afd.de/ (дата обращения: 10.10.2025).
23. BIG Partei. URL: https://bigpartei.de/ (дата обращения: 10.10.2025).
24. Günstige Mobilität für alle. https://www.die-linke-nuernberg.de/themen/guenstige-mobilitaet-fuer-alle/ (дата обращения: 10.10.2025).
25. FDP. Freie Demokraten. https://www.fdp.de/ (дата обращения: 10.10.2025).
26. FDP. Kein Cent Steuergeld für Terroristen. https://www.fdp.de/kein-cent-steuergeld-fuer-terroristen (дата обращения: 14.10.2025).
27. FDP. Kein Frieden ohne Sicherheitsgarantien. https://www.fdp.de/kein-frieden-ohne-sicherheitsgarantien (дата обращения: 14.10.2025).
28. FDP. Keine Koalition mehr ohne echte Reformpolitik. https://www.fdp.de/keine-koalition-mehr-ohne-echte-reformpolitik (дата обращения: 14.10.2025).
29. Frankfurter Rundschau. Kein Bad ohne Sportplatzverkauf. https://www.fr.de/rhein-main/hochtaunus/kein-ohne-sportplatzverkauf-11434780.html (дата обращения: 14.10.2025).
30. Frankfurter Rundschau. Kein Tag ohne sexistisches Verhalten. https://www.fr.de/frankfurt/kein-ohne-sexistisches-verhalten-12767854.html (дата обращения: 14.10.2025).
31. Jetzt wählen gehen!! Die Wahl findet statt! https://gemeinsam-toelz-gestalten.de/blog/jetzt-waehlen-gehen (дата обращения: 14.10.2025).

32. Keine Bildung ohne Medien. https://www.keine-bildung-ohne-medien.de/ (дата обращения: 18.10.2025).
33. Landesbezirk Berlin-Brandenburg. Ja zu Berlin — nein zum Kaputtsparen. https://bb.verdi.de/++co++a234fabe-ac0e-11ef-bfa6-a7774381ad27 (дата обращения: 18.10.2025).
34. NEIN zu Straßensperren-JA zu vernünftiger Verkehrspolitik: Frankfurt gemeinsam unterwegs. https://www.change.org/p/verkehrswende-ja-aber-nicht-so-wir-fordern-ein-koordiniertes-und-ausgewogenes-gesamtverkehrskonzept-für-den-fließenden-und-ruhenden-verkehr (дата обращения: 18.10.2025).
35. NZZ. Ohne Politik kein Geschäft. https://www.nzz.ch/lukoil-und-novatek-glaenzen-nur-unter-politischem-vorbehalt-ld.1023773 (дата обращения: 14.10.2025).
36. Soziale Sicherheit. Investitionen für ein gutes Leben. https://www.die-linke.de/themen/soziale-sicherheit/ (дата обращения: 14.10.2025).
37. TH OWL. Kein Abschluss ohne Anschluss (KAoA). https://www.th-owl.de/studienberatung/projekte/kaoa/ (дата обращения: 15.10.2025).

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. (1990) Pragmatika [Pragmatics]. Moscow: Sov. enciklopediya, 389 —390 (In Russian).
2. Verkhoturova T.L. (2008) Faktor nabludatelya v yazyke nauki [The Factor of an Observer in the Language of Science]. Irkutsk: ISLU. (In Russian).
3. Dobrosklonskaya T.G. (2014) Politicheskij mediadiskurs v kontekste diskursivnyh issledovanij [Political Media Discourse in the Context of Discourse Researches]. Yazyk i sotsialnaya dinamika, 106–115. (In Russian).
4. Lovyannikova V.V., Kolieva I.G. (2022) Realizaciya principov yazykovoj ekonomii v nemeckom intervjyu [Implementation of the Principles of Language Economy in a German Interview]. Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem, 14 (1), 309–325. — https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-309-326 (In Russian).
5. Mironina A.Yu., Porchesku G.V. (2023) Evfemizm kak sredstvo realizacii strategii ukloneniya ot istiny v politicheskom mediadiskurse [Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse]. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 9 (2), 4–18. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1 (In Russian).
6. Muhamatshin A.R. (2025) Mitigaciya kak sredstvo manipulyativnogo vozdejstviya v amerikanskom politicheskom mediadiskurse (na materiale politicheskih statej CNN) [Mitigation as a means of manipulative influence in the American political media discourse (based on CNN political articles]. Kazanskaya nauka, № 4, 656–661. (In Russian).
7. Riesel E.G., Schendels E.I. (1975) Stilistika nemeckogo yazyka [Stylistics of the German Language]. Moscow: Vysch. Schkola. (In German).
8. Sociopragmaticheskoe prostranstvo diskursa: kollektivnaya monografiya (2025). [The Sociopragmatic Space of Discourse: A Collective Monography]. Moscow: FLINTA. (In Russian).
9. Formanyuk G.A., Oganesyan L.R. (2023). Ekspressivnye sredstva vyrazheniya otricaniya v angloyazychnom hudozhestvennom diskurse [Expressive Means of Expressing Negation in English-language Literary Discourse]. Russian Linguistic Bulletin. Retrieved from: rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.38. https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.38 (In Russian).
10. Khafizova A.A. (2025). Modelirovanie imidzha strany i obraza politicheskogo deyatelya v amerikanskom mediadiskurse [Modelling the Image of the Country and the Image of Political Leader in the American Media Discourse]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 77–89. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-77-89 (In Russian).
11. Chajkovskij R.R. (1971) Obshchaya lingvisticheskaya kategoriya ekspressivnosti i ekspressivnost' sintaksisa [The General Linguistic Category of Expressivity and Expressivity of Syntax]. Uch. zapiski MGPIIYA im. M. Toreza. Voprosy romanogermanskoj filologii, 64, 196 —200. (In Russian).
12. Chernikova N.V. (2025) Stilisticheskie funkcii odnosostavnyh glagol'nyh predlozhenij v gazetnom diskurse [Stylistic Functions of Single-compound Verb Sentences in Newspaper Discourse]. Neophilologia, 11 (2), 232–241. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-232-241 (In Russian).
13. Scheigal E.I. (2004) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
14. Schendels E.I. (1982) Prakticheskaya grammatika nemeckogo yazyka: Dlya I-III kursov in-tov i fak-tov inostr. yaz. [Practical Grammar of the German Language: For I-III year students of foreign language institutes]. Moscow: Vysch. Schkola. (In German).
15. Yakoba I.A. (2020) Kognitivno-kommunikativnaya parametrizaciya medijnogo diskursa [Cognitive-Communicative Parametrization of Media Discourse] (Doctoral dissertation). Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude. (In Russian).

16. Austin J.L. (1962) How to Do Things with Words. Cambridge: Harvard University Press. (In English).
17. Buss M. (2004) Die Ellipse — ein linguistischer Kategorienfehler? Retrieved from https://www.inst.at/trans/15Nr/06_2/buss15.htm (In German).
18. Grice H.P. (1969) Utterer's Meaning and Intention. The Philosophical Review, 78 (2), 147–177. (In English).
19. Kravchenko A.V. (2002) Cognitive linguistics as a methodological paradigm. In B. Lewandowska-Tomaszczyk and K. Turewicz (eds.) Cognitive Linguistics Today, Frankfurt/Main: Peter Lang, 41–54. (In English).
20. Ortner H. (1987) Die Ellipse: Ein Problem der Sprachtheorie und der Grammatikschreibung. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In German).
21. Searle J.R. (1969) Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. London, New York: Cambridge University Press. (In English).

Поступила в редакцию 25.03.2026 г.

PRAGMATIC POTENTIAL OF ELLIPTICAL CONSTRUCTIONS AND ONE-MEMBER SENTENCES IN GERMAN-LANGUAGE POLITICAL MEDIA DISCOURSE

V.A. Sokol, M.A. Shamanskaya

The article presents the results of the study of syntactic and pragmatic features of elliptical and one-member sentences that convey political attitudes in modern German-language media discourse. The purpose of the work is to identify the specifics and reveal the manipulative possibilities of using such constructions as linguistic tools to influence the addressee's opinion. In the course of classifying the corpus of examples, cliched syntactic models were identified, suggesting a variety of lexical content and allowing political statements to be formulated with varying degrees of motivation and evaluation. The use of methods of discourse and semantic-stylistic analysis made it possible to correlate the considered models with three types of discourse tools that increase the effectiveness of communication: epideictic, persuasive and evaluative. The functioning of the linguocognitive mechanisms involved in the use of each of the models, as well as their inherent evaluative component, is described. As a result, it has been established that the use of reduced constructions in political media discourse has a high manipulative potential.

Keywords: political discourse, media discourse, syntactic model, elliptical sentence, one-member sentence, linguistic cognitive mechanism, pragmatic setting, manipulative influence.

Сокол Влада Ангелина.
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, г. Иркутск.
Студент.
ORCID 0009-0007-5336-8836.
E-mail: adalvy21@yandex.ru

Шаманская Мария Анатольевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, г. Иркутск.
Доцент кафедры романо-германской филологии.

ORCID 0000-0001-5896-058X.
E-mail: mary-sch@yandex.ru

Sokol Vlada Angelina.
Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk.
Student.
ORCID 0009-0007-5336-8836.
E-mail: adalvy21@yandex.ru

Shamanskaya Maria Anatolyevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk.

Associate Professor at Department of Romance and German Philology.
ORCID 0000-0001-5896-058X.
E-mail: mary-sch@yandex.ru

Научная статья
УДК 81-112
DOI: 10.5281/zenodo.21111318

ГЕРМАНО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ *DER FUCHS «ЛИСА» — ПУХ* В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

© 2026 *Т. Ф. Шешкина*
Государственное бюджетноео образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки
ORCID 0000-0002-2396-5898

В работе рассматриваются лексические корреляты *der Fuchs — пух,* восходящие к одному праиндоевропейскому субстрату, перешедшие в процессе своего развития в разные семантические разряды и сохранившие весьма условную денотативную общность. В современном научном дискурсе превалирующее число подобного рода изысканий находится в орбите фразеологии, при достаточно поверхностном применении данных этимологии. Мы попытаемся исправить это упущение, произведя многоаспектный анализ коррелятов в ракурсе диахронии, что и составляет актуальность нашего исследования. В ходе работы автор применил методы сплошной выборки, компонентного анализа, сопоставления и обобщения. Проведенное исследование германо-славянских лексических параллелей уточняет уже имеющиеся сведения о глубине языковых и неязыковых этнических контактов, имевших место в далеком прошлом, а также конкретизирует степень их общего языкового вклада в решение конкретных проблем славистики и германистики

Ключевые слова: германо-славянские параллели, индоевропейский субстрат, зооним, коннотация, денотативный компонент

Для цитирования: Шешкина Т. Ф. Германо-славянские лексические параллели *Der Fuchs «лиса» — пух* в сравнительно-историческом освещении / Т. Ф. Шешкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 159–168. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21111318.

Введение

Лексическая система языка является одним из наиболее вместительных хранилищ данных, отражающим экзистенциальную реальность социума на различных этапах своего онтогенеза. Сопоставительный анализ словарного запаса языков, в том числе и дальнеродственных, позволяет проследить путь развития этноса-носителя языка, причем не только в материально-бытовом аспекте, но и в логико-когнитивном ракурсе. Вопросы о причине выбора различного фонетического оформления общего для разных народов лексического денотата, о принципах построения семантико-когнитивного единства связанного с ним сигнификата неизменно возникают при сопоставительно-историческом исследовании словарного запаса языков.

Полем нашего исследования послужили славянские и германские лексические системы, а именно лексические корреляты этих языковых групп. По нашему мнению, именно лексические параллели являются наиболее информативным исследовательским материалом, т.к. предъявляют «широкие возможности проецирования полученных результатов на всю лексическую парадигму сравниваемых языков, языковых групп и семей» [8, с. 4]. Полагаем, что получению более точных результатов также способствует сравнение лексических единиц именно дальнеродственных языков, т.к. оно «показывает

их формально-содержательную близость и национально-культурное своеобразие, предупреждает переводческие трудности, акцентирует внимание на возможных интерференционных ошибках» [1, с. 84].

В нашем исследовании мы обратились к лексическим параллелям *der Fuchs* «лиса» — *пух*. Взаимодействие с окружающей средой, с живой природой является неотъемлемой частью существования человека с древнейших времен. Это взаимодействие проявляется во всех сферах нашей жизни — бытовой, культурной, религиозной. Элементы живой природы воспринимаются как обязательный атрибут нашего существования и находят свое отражение в лексике любого языка в форме зоонимов, орнитонимов, фитонимов и т. д.

Цель статьи — выявить общий архетип исследуемых коррелятов, с последующим определением точки расхождения векторов дальнейшего функционирования слов в разных языках, а также причин, эти расхождения вызывающие.

Для достижения поставленной цели нами были сформулированы и решены следующие задачи:

1) осуществлена выборка исследуемого лексического материала из этимологических словарей немецкого, английского, датского, норвежского, шведского, нидерландского, исландского языков;

2) привлечены лексикографические этимологические данные славянского лексического фонда;

3) определены фонетические и морфологические особенности исследуемого языкового материала в ракурсе диахронии;

4) выявлен уровень глубины этимологизации радиксов исследуемых лексических единиц;

5) определен вектор семантических трансформаций лексических параллелей;

6) упорядочены систематизированы результаты проведенного исследования.

Материалы и методы исследования. Теоретической основой нашего исследования выступили лексикографические труды отечественных и зарубежных флагманов сравнительно-исторической лингвистики, а именно: «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Etymologisches Wörterbuch des Deutschen» В. Пфайфера и возглавляемого им коллектива лингвистов АН ГДР, «Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache» Ф. Клуге, «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch» Ю. Покорного и др. Также нами активно привлекались данные немецкой, английской, датской, нидерландской и русской фразеологии и ономастики.

В ходе работы автор применил методы сплошной выборки, компонентного анализа, сопоставления и обобщения. Теоретическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при уточнении вклада каждого языка при решении конкретных проблем славянкой и германской этимологии. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения полученных данных в практике работы по созданию этимологических словарей конкретных германских и славянских языков.

Основная часть.

Fuchs, der, сущ., м. р. «лиса» — *пух* сущ., м.р.

Первые письменные фиксации лексемы *der Fuchs* в германском языковом поле датируются 10 в.: др. в. н. *fuhs*, ср.в.н. *vuhs*, *vuohs*, ср. н. н. ср.нидерл. нидерл. *vos*, др.англ., англ. *fox* и восходят к германской основе **fuhsa-* «лиса» [22, с. 483; 32, с. 374]. Этимологизация исследуемого слова достигает уровня праиндоевропейского радикса

puk̃-, *peuk-* «волосатый, мохнатый (с мохнатым хвостом), шерстистый» и не вызывает сомнений в среде германистов-этимологов [26, с. 321]. К этому же радиксу восходят и славянские лексемы: рус. *пух*, укр. *пух*, блр. *пух*, болг. *пух*, польск. *puch* [17, с. 85], однако их первые упоминания относятся к более позднему периоду — к 14 в.: *цолобитые ѿ ѥсифа брату своѥму фомѣ цо бъ ѥси прислалъ восъку да мъла да овьцини добро сотые [так!] по шубѣ сошьѥмъ а пуху...* [14, с. 326]. Вышеуказанные славянские лексические параллели происходят от праслав. **puchъ-* «опушка на верхней одежде», указывая на славяно-германскую семантико-понятийную цепочку «опушка на верхней одежде» → «мех пушного зверя» → «пушной зверь» → «лиса». Также подобную корреляцию находим в рус. диал. *пухлянка* «меховая одежда» [15, с. 162].

Исследуя парадигму праслав. **puchъ-* < праиндоевроп. *puk̃-*, *peuk-* мы обнаружили некоторые расхождения, касающиеся ширины праславянского радиксального поля. Так М. Фасмер, Р. Дерксен и А. Брюкнер усматривают родство рус. *пух* и словен. *puh* «дуновение», чеш. *puch* «вонь», в.-луж. *puch* «мяч» (нечто надутое), н.-луж. *puch* «вздыхать», «выдыхать», рус. *пухлый*, рус. *пухнуть*: праиндоевроп. *puk̃-*, *peuk-* > праслав. **puchъ-* > рус. *пух,* рус. *пухлый* , словен. *puh,* чеш. *puch* [16, с. 414; 21, с. 423; 20, с. 447]. Однако П.Я. Черных такую возможность категорически отвергает, утверждая, что рус. *пухлый*, словен. *puh,* чеш. *puch,* в.-луж. *puch* «мяч» (нечто надутое), н.-луж. *puch* «вздыхать», «выдыхать» < ст.слав. *пыхати* «тяжело дышать», «задыхаться» < праиндоевроп. **pй-*, **peu̯ə-* «гнить, вонять» [17, с. 162]. Можем предположить, что утверждение П.Я. Черных допускает совпадение семантических орбит праиндоевропейских радиксов **puk̃-*, **peuk-* «волосатый, мохнатый, шерстистый» и **pй-* , *peu̯ə-* «гнить, вонять» в части микросемы «объемный» — большой по объему мех, пух и большой по объему предмет, надутый с помощью газа (раздувшийся от гниения).

Тесную семантическую коннотацию нем. *der Fuchs* со значением «пух» мы можем обнаружить при обращении к феминитиву нем. *die Fähe* «самка **пушного** зверя». При этом этимологизация феминитива *die Fähe* < др.в.н. *fõha*, ср.в.н. *fohe*, ср.н.н. *vohe* позволяет нам с уверенностью говорить, что нем. *der Fuchs*, в отличие от русского коррелята, является суффиксальным образованием (*-s)*: ср. др.в.н. *fuh**s*** — *fõha,* ср.в.н. *vuh**s***, *vuoh**s*** — *fohe,* ср.н.н. *vo**s*** — ср.н.н. *vohe*. Источником суффикса *-s* может быть праиндоевропейская частица **so* «здесь», рефлексы которой встречаются в санскрите *sa*, готском *sa*, греческом *ho.* В современной германистике выдвинуто предположение, что на активной стадии доиндоевропейского и раннего индоевропейского языков **so* ставилось после существительных для обозначения подлежащего, а также субъекта в конструкциях с родительным падежом [10, с. 40]. Когда праиндоевропейский язык стал языком с аккузативным склонением, частица **so* передвинулось в позицию после существительного, а *-o* со временем исчезло: **so* > *-s.*

Считаем необходимым отметить, что в славянской этимологии все же присутствует мнение об аффиксальной природе рус. *пух*. Н.М. Шанский и Т.А. Боброва усматривают родство рус. *пух* с сербохорв. *пухати* «дуть», чеш. *puchati* «дышать», рус. *пыхтеть*, рус. *пухнуть*, восходящими к звукоподражательной праиндоевропейской основе **pu-* «фу» [18, с. 262]. Важно также то, что реконструкция праиндоевроп. **pй-*, **peu̯ə-* «гнить, вонять» < праиндоевроп. **pu-* является предположительной [29, с. 848]. Продолжая наше исследование лексических параллелей *der Fuch — пух* в рамках морфологического поля мы также обнаружили их схожесть в грамматическом макрокомпоненте, а именно в частеречном и компоненте родовой принадлежности (имя существительное, мужской род).

Анализируя развитие германского семантического вектора *пух → пушистый хвост → лиса* мы можем прийти к выводу, что нем. *der Fuchs* является результатом имевшего место табуирования, в основе которого находится описание пушистого хвоста

животного. Подтверждением этого может служить совпадающие литовский и испанский языковые паттерны: лит. *uodegà* «хвост» > *uodẽgis* «лиса», испан. *rabo «хвост» > raposo* «лиса» что может указывать на санскр. *púcha-* «хвост» > герм. **fuhsa-* «лиса» [26, с. 321]. Также в пользу табуирования говорит и тот факт, что в некоторых германских языках скандинавской языковой группы, а именно в шведском и норвежском, животное лиса обозначается апеллятивами *räv* и *rev* соответственно. Оба существительных могут восходить к значению «красный»: др.сканд. *reba-* «красно-коричневый» > швед. *räv,* норв. *rev* [24, с. 678—679; 23, с. 931]. Таким образом очевидна номинация по внешнему признаку объекта — цвету лисьего меха.

Отметим, что номинация по какому-либо объективному признаку денотата в принципе характерна для процесса табуирования. Так в немецком языке находим *der Bär* «медведь», в основе реконструкции которого, среди прочего, германистами усматривается der *Bär* < герм. **beran* «медведь» < праиндоевроп. *bher-* «коричневый» [22, с. 123]. Как известно, табуирование сопровождало языковое развитие любого этноса на протяжении долгого периода. То, чего боялись, что внушало страх и было способно принести существенный вред человеку, старались обозначать завуалировано, по какому-то очевидному признаку. Соприкасание человека с природой, с животным миром происходило на всех этапах социального онтогенеза, но вектор и степень такого взаимодействия были, естественно, совершенно разные на разных ступенях материально-технического прогресса. Табуирование зоонимов относится к древнейшему номинативному процессу, когда животный мир оказывал огромное влияние на условия быта человека, на возможность его выживания в окружающей среде. Животные служили не только пищей, но и грозной силой, способной свести все усилия людей к благополучному существованию на нет. Встреча с некоторыми представителями фауны могла закончиться трагически для самого человека или нанести непоправимый вред его хозяйству. Именно поэтому, дабы лишний раз не потревожить опасное животное, не привлечь его в свой дом, человек инстинктивно заменял его название неким нейтральным словом, соотнесенным с табуированным денотатом весьма условно, с опорой на характеристику внешнего вида, повадок, пищевых пристрастий и т. д. Таким образом, табуирование, основанное на синкретическом мышлении, породило весьма обширный древний лексический пласт, способный указать на специфические отличительные черты мировосприятия того или иного этноса, на его лингво-когнитивную картину мира. Исходя из вышеизложенного мы можем предположить, что лисы воспринимались германскими племенами как животные, способные причинить серьезный урон подсобному хозяйству (перебить домашнюю птицу), либо самому человеку, являясь переносчиком неизлечимых болезней (бешенство и т. д.).

На возможное табуирование германских коррелятов указывают и Т.В. Гамкрелидзе с В.В. Ивановым. Языковеды говорят о наличии общей древней индоевропейской основы *$*\hat{u}lp^{[h}\text{-}]$* «волк», реализующейся практически во всех названиях «лисы» в исторических диалектах [2, с. 513]. Уточним, что эта номинативно-семантическая корреляция обозначения двух разных животных опирается на схожесть их внешнего вида и кормовой базы. Исследователи выделяют архетип *$*\hat{u}lop^{[h]}ek^{[h]}\hat{u}\text{-}\bar{a}$*, использующийся для обозначения «лисы» и представляющий собой сложение трех индоевропейских основ *$*\hat{u}el$*- (в нулевой огласовке) «раздирать добычу», «убивать», «мертвый» + *$*\hat{u}lp^{[h]}\text{-}i/\text{-}e$* «лиса» + *$*p^{[h]}ek^{[h]}u$*- «скот». Сумма этих основ приводит к значению «губитель скота» или «поедающий павший скот». При этом в ряде германских диалектов, по мнению Т.В. Гамкрелидзе с В.В. Иванова, в качестве замены этой лексемы через возможное табуирование предстает др.в.н. *fuhs,* нем. *Fuchs,* др.англ. *fox*, англ. *fox* [там же, с. 513—514]. Очевидно, что славянские корреляты результатом табуирования не являются.

В ходе исследования германо-славянских лексических параллелей нем. *der Fuchs* «лиса» — рус. *нух,* наше внимание привлекли также исландское и датское языковые поля, где компоненты одного лексико-семантического поля «лиса» принадлежат разным радиксам. Так в исландском языке находим следующую дедуктивную цепочку: *refur* «лиса» → (хитрость как характеристика повадок зверя) → *fox* в значении «мошенник» [27, с. 204].; в датском языке мы обнаруживаем: *ræv* «лиса» → (рыжий окрас меха зверя) → *fuks* «рыжая лошадь» [23, с. 281]. При этом свое лексикографическое подтверждение находит этимологизация: исл. *fox* «мошенник» < герм.**fuhsa-* «лиса» > дат. *fuks* «рыжая лошадь» [там же].

Отголоски табуирования мы можем увидеть и в вербальных формах германских лексем. Так немецкий глагол *fuchsen* имеет, среди прочих, значения «злить, сердить», «обманывать», что явственно указывает на характер животного (хищный зверь — злой зверь) и на его повадки (хитрый); нем. *fuchsschwänzen* «льстить» (< «ласкать мягким лисьим хвостом, доставляя приятные ощущения») [22, с. 483]. В английском языке глагол *to fox* также предъявляет значения, перекидывающее семантическую параллель к повадкам зверя — «хитрить, обманывать», «затруднять, сбивать с толку». При этом вербальные значения с отсылкой к цвету меха животного также присутствуют в английском дискурсе: *to fox* «покрываться бурыми пятнами» (чаще о предметах из бумаги, например о страницах книг) [28].

Реализация исследуемых германо-славянских лексических параллелей *der Fuch — нух* в области ономастики носит достаточно широкий характер. Так, германский коррелят предъявляет высокую квантитативность в качестве части фитонимов : нем. *der Fuchsbaum* — «лакрица», «солодка» (номинация на основе сходства формы соцветия с пышным хвостом лисы) [12, с. 160], англ. *Foxglove* — «наперстянка пурпурная» (номинация на основе сходства цвета и формы соцветия с пышным хвостом лисы) [там же, с. 126], англ. *fox grape* — «лисий виноград» (номинация на основе сильного мускусного (лисьего) запаха растения) [там же, с. 25], англ. *foxtail* / нем. *der Fuchsschwanz* — «лисохвост», «амарант» (номинация на основе сходства цвета и формы соцветия с пышным хвостом лисы) [там же, с. 315], нем. *die Fuchshirse* — «чумиза», «головчатое просо» (номинация на основе сходства цвета и формы соцветия с пышным хвостом лисы) [там же, с. 328]. Как видим из примеров, не всегда номинация фитонимов происходит по одному вектору в немецком / английском и русском языковых полях, что говорит об определенных концептуальных различиях восприятия экзистенциального поля германских и славянских этносов. Лексема *нух* как часть названий растений реализуется достаточно редко (*пушица* — номинация по сходству околоцветника растения, состоящего из шелковистых белых или рыжеватых волосков, с пухом), однако одним из лексических значений слова является обозначение пушистой семенной коробочки некоторых растений («тополиный пух»).

В рамках топонимики также обнаруживается квантитативная разница реализации исследуемых коррелятов в пользу германского языкового поля: нем. *Fuchs im Loch* исторически значимая сельскохозяйственная община, расположенная в Южном Тироле, нем. *Fuchs* — община в Саксонии, англ. *Fox* — названия рек в Онтарио, Мичигане, Иллинойсе, *Пуховичи* — город в Беларуси. Полагаем, что подобная количественная языковая дифференциация указывает на особенности фауны, а именно большого количества лис, определенных регионов и местностей, что, в свою очередь является более атрибутивно значимым компонентом номинации, чем пух (как часть растения, шерсти животного, или оперения птицы).

В ходе нашего исследования мы также обратились и к данным фразеологии. Привлечение такого рода материала обусловлено тем, что «…фразеология представляет

собой наиболее культуроносный слой лексики, в котором находят свое отражение опыт различных народов, наивно-бытовое видение картины мира. Анализ фразеологизмов того или иного языка позволяет сделать вывод как об общих, универсальных принципах организации действительности человеческим сознанием, так и выявить национально-специфические закономерности» [6, с. 40].Как было отмечено выше, денотат германских лексических параллелей является ярким и достаточно распространенным представителем животного мира континентальной Европы, что, в свою очередь, и обуславливает широкую реализацию германских коррелятов, по сравнению со славянскими в идиомах, фразеологизмах, паремиях. Полагаем, что высокая квантитативность представленности исследуемых германских коррелятов-зоонимов в поле фразеологии основывается, во-первых, на том, что «они составляют отдельный пласт лексики, обладая высокой степенью языкового аллегоризма и семантической насыщенности» [4, с. 24], а во-вторых, на том факте, что зооморфная метафора, являясь результатом когнитивной проекции, связанной с применением образа животного к характеристике человека, сама по себе подразумевает оценочные коннотации, что особенно характерно для фразеологических единиц [5, с. 54].

Таким образом, лиса, являясь весьма распространенным языковым зооморфным образом в области фразеологии, предъявляет фокус когнитивно-лингвистического внимания, направленный, прежде всего, на ее повадки (хитрость) и на яркий внешний вид (красивый, ценный мех). Исследуемые германские корреляты как компоненты фразеологии несут достаточно сильную коннотационную нагрузку и, в большинстве своем, отрицательную. Это связано, прежде всего, с тем, что дабы быть пойманной, лиса, как объект пушного промысла требовала от охотника серьезных усилий, ловкости, а выступая в роли дикого животного, рассматривалась как опасный хищник, способный нанести существенный вред человеку и его подсобному хозяйству. Другими словами, в народном сознании в орбиту концепта «лиса» были включены семы «прикладывать усилия», «вред», «урон», «обман».

Так в немецкой паремиологии находим: *Füchse prellen* — «перехитрить хитрецов»; *Er ist darauf aus wie der Fuchs auf die Flenne* — «как кот на сметану облизывается» [11, с. 290]. Английский пословичный фонд предъявляет: *When the fox preaches, beware of your geese* — «Начнёт лиса зубы заговаривать — с гусей глаз не спускай» [19].

В среде охотников на лис, изучивших образ жизни зверя, его повадки, выработались определенные устойчивые выражения, которые были позже перенесены в повседневную речь людей в виде фразеологических единиц. Немецкое выражение *Füchse mit Füchsen fangen* (дословно: «ловить лис с помощью лис») — «На каждую хитрость есть еще одна хитрость» изначально описывало процесс охоты на лис, когда в качестве приманки использовалась цепная лисица в состоянии течки [11, с. 290].

Долгое ожидание охотником лисицы около ее норы, вызывавшее чувство нетерпения, а затем радость, когда зверь наконец-то высовывался из своего убежища, передается в немецком выражении *nun kommt der Fuchs ans Licht* (дословно: «наконец-то лиса на свет вышла»), которое позже стало иметь значение «Все тайное становится явным» [там же, с. 291].

Во время охоты, когда лиса попадала в силок или сети, вытащить ее оттуда было весьма трудной задачей: лиса кусалась, а ее укусы были весьма опасны и даже считались смертельными (вероятно по причине того, что животное зачастую было переносчиком бешенства и других опасных смертельных заболеваний). Этот факт лег в основу фразеологизма-проклятия, когда врагу, сопернику желают несчастья, неудачи, беды: нем. *der Fuchs bisse dich — «лиса покусает тебя»*. При этом укусы зверя было опасным

не только для человека, но и для охотничьих собак, которые зачастую не решались напрямую атаковать живую лису. Эта нерешительность нашла свое отражение в немецкой идиоме *den Fuchs nicht beissen* (дословно: «не кусать лису») — не решаться на какой-либо поступок, не браться за какое-либо трудное дело [там же].

Также широкую реализацию во фразеологическом поле германские лексические параллели находят и в корреляции с описанием внешнего вида лисы. Рыжий цвет меха животного переносится на рыжий цвет волос человека англ. *red as a fox* — «рыжий, как лиса» [33, с. 494]. Лиса, как яркое, красивое животное является источником метафорического переноса в английском выражении *stone fox* — «привлекательная девушка», «красотка» [30]. Помимо нейтральной и положительной коннотации, демонстрируемой приведенными выше фразеологизмами, цветовая метафора может предъявлять и отрицательную. В семантическом поле «пьянство, алкоголизм» находим: англ. *He has caught a fox* (дословно: «он поймал лису») — он напился [33, с. 207]. Здесь определяется отсылка к рыжему цвету алкогольного напитка (виски, эля и др.). Также в германском языковом поле присутствует метафорическая связка цвета меха лисы и цвета денег (золота): нем. *die Füchsle vorreiten* — «считать» (деньги), нем. *Füchse vorspannen* — «помогать деньгами» [11, с. 292].

В нашем исследовании мы не могли не затронуть фразеологизмы основанные на метафорическом переносе хитрых повадок лисы на личностные качества человека. Причем коннотационный фон таких выражений может быть не только отрицательным, но и положительным, когда сема «хитрость» пересекается в общей плоскости с семой «мудрость»: англ *to play the fox* — «хитрить, обманывать» [9, с. 133], нем. *schlau wie ein Fuchs* — «хитрюга» [3, с. 3416], но нидерл. *Dat de leeuw niet weet, doet de vos* — «Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу» [25], англ. *Old foxes want no tutors* — «Старой лисе учителя не нужны» [31, с. 335], нидерл. *zo slim al seen vos* — «умный как лис» [7, с. 32].

Реализация русской лексемы в область паремиологии транслирует свое основное значение «нечто мягкое», «нечто маленькое, легкое»: *Деньги пух — только дунь на них — и нет; Разбить, расчесать в пух и прах* [13, с. 72]. Являясь стилистически нейтральным словом, лексема *пух* предъявляет эту коннотационную нейтральность и в области фразеологии, что и определяет ее низкую квантитативную реализацию в этом направлении. Как нами ранее было сказано, исследуемые германо-славянские лексические параллели имеют на современном этапе развития языков весьма узкую общую денотативную плоскость: праиндоевроп. *puk̄-*, *peuk-* «волосатый, мохнатый (с мохнатым хвостом), шерстистый» > нем. *Fuchs* «лиса» (животное с пушистым хвостом) / рус. *пушной зверь*. Такую корреляцию (нем. *Fuchs* — рус. *пушной зверь*) мы обнаружили и в русской паремии *Погоди, молода, еще не выкуняла* (*выкунеть — дойти шерстью, пухом, как рослая куница*) [там же, с. 228].

Заключение. В ходе проведенного исследования германо-славянских лексических параллелей *Fuchs, der*, сущ., м.р. «лиса» — *пух* сущ., м.р. нами были обнаружены как общие, так и различные структурно-функциональные признаки. Рассматриваемые лексические параллели *der Fuchs — пух* реконструируются до глубины общей праиндоевропейской основы, однако их общий денотативный компонент размыт и практически утрачен. Германский коррелят является результатом табуирования, тогда как славянский сохранил семантическую близость с общим архетипом. При этом в славистике не выработалось единого мнения о ширине праславянского радиксального поля. Нами была выявлена общность представленных лексических параллелей в грамматическом макрокомпоненте (частеречная принадлежность — имя существительное); функционально-стилистическом — обе лексемы относятся к разряду

межстилистической лексики; в функционально-территориальном компоненте — *der Fuchs — nyx* принадлежат пласту лексики общераспространенной. При этом степень коннотационной нагрузки у рассматриваемых лексических параллелей различна (рус. *nyx* — нейтрально), что и находит свое отражение в степени представленности лексем во фразеологическом поле языков.

Полагаем, что дальнейшее исследование лексических параллелей дальнеродственных языков является перспективным вектором научных диахронических изысканий. Потенциал приложения данных исторической фонетики, семантики и морфологии к лингво-культурологическим сведениям характеризуется достаточной высокой актуальностью, научной широтой и результативностью в рамках уточнения и систематизации уже известных фактов сравнительно-исторического языкознания.

Условные сокращения

Англ. — английский, блр. — белорусский, болг. — болгарский, в.-луж. — верхнелужицкий, герм. — германский, дат. — датский, др.англ. — древнеанглийский, др.в.н. — древневерхненемецкий, др.сканд. — древнескандинавский, исл. — исландский, испан. — испанский, лит. — литовский, н.-луж. — нижнелужицкий, нем. — немецкий, нидерл. — нидерландский, польск. — польский, праиндоевроп. — праиндоевропейский, праслав. — праславянский, рус. — русский, сербохорв. — сербохорватский, словен. — словенский, ср.в.н. — средневерхненемецкий, ср.н.н. — средненижненемецкий, ср.нидерл. — средненидерландский, ст.слав. — старославянский, укр. — украинский, чеш. — чешский, швед. — шведский.

Диал. — диалектное, простореч. — просторечное.

Сущ. — имя существительное, м.р. — мужской род.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубичинский В.В. О новом лексикографическом проекте: Русско-немецком словаре лексических параллелей [Электронный ресурс] / В.В. Дубчинский. — Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42948/1/nr_2016_08.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 2 / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов; предислов. Р.О. Якобсон. — Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984. — 1328 с.
3. Гончарюк Н.Л., Москвина Т.Н. Диалектная фразеология немецких диалектов на Алтае (лингвокультурологический аспект) / Н.Л. Гончарюк, Т.Н. Москвина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — № 9. — С. 3414–3418. — http://doi.org/10.30853/phil20240483
4. Гусева А.Е., Корчагина Е.П. Когнитивные аспекты репрезентации зоонимов во фразеологии германских языков: от стереотипов к национально-культурным концептам (на материале немецкого и английского языков) / А.Е. Гусева, Е.П. Корчагина/ / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 9 (903). — С. 22–29.
5. Кашапова Л.А. Образ лиса в норвежской культуре / Л.А. Кашапова // StudArctic Forum. — 2023. — Т. 8, № 1. — С. 54–58.
6. Лаврищева Е.В., Аброськина Н.Б., Остроухова А.В. / Е.В. Лаврищева , Н.Б. Аброськина, А.В. Остроухова // Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецкой и английской языковой картине мира // Вестник ВУиТ. — 2019. — № 2. — С. 40–46.
7. Опарина Е.О. Фразеология в контексте культуры: репрезентация культурных кодов во фразеологизмах и паремиях / Е.О. Опарина // Этнопсихолингвистика. — 2023. — № 2 (13). — С. 21–36. — http://doi.org/10.31249/epl/2023.02.02
8. Шешкина Т.Ф. Германо-славянские лексические параллели — имитативы «lecken» — «лизать»: этимология, диахрония, современное состояние / Т.Ф. Шешкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — № 10. — С. 3224–3228. — http://doi.org/10.30853/phil20230501
9. Щукина Г.О. Сопоставительный ономасиологический анализ лексем «Fox» и «Лиса» (на примере фразеологизмов и словарных статей) / Г.О. Щукина // Вестник СВФУ. — 2017. — № 3 (59). — С. 129–139.
10. Lehmann W.P. A Grammar of Proto-Germanic / W.P. Lehmann. — Texas : Linguistics Research Center, University of Texas at Austin, 2005. — 118 pp.
11. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1. / L. Röhrich. — Freiburg : Herder, 1973.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Анненков Н.И. Ботанический словарь / Н.И. Анненков. — СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1878. — 646 с.
13. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т.1 / В.И. Даль. — М. : Художественная литература, 1989. — 431 с.
14. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т.9. АН СССР. Ин-т рус. яз. — М. : Русский язык; Азбуковник, 2012. — 480 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 33 / под ред. Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой// РАН, Ин-т лингвистических исследований. — СПб. : Наука, 1999. — 361 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4 / пер. с нем. (с доп.) О.Н. Трубачев. — М. : Прогресс, 1987. — 864 с.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2. / П.Я. Черных. — М. : Русский язык, 1999. — 560 с.
18. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. — М. : Дрофа, 2002. — 400 с.
19. A dictionary of English proverbs and proverbial phrases : with a copious index of principal words [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gutenberg.org/ebooks/39281 (дата обращения: 19.01.2026).
20. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. — Kraków : Nakł. i własność Krakowskiej spółki wydaw, 1927. — 805 s.
21. Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon / R. Derksen. — Leiden; Boston: Brill, 2008.— 726 pp.
22. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Bd. 1 / W. Pfeifer, G. Ginschel, G. Hagen [u.a.]. — Berlin : Akademie-Verlag, 1989.— 621 S.
23. Falk H.S., Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch Auf Grund der Übers. von Dr. H. Davidsen neu bearb. deutsche Ausg. mit Literatnachweisen strittiger Etymologien sowie deutschem und altnordischem Wörterverz / Von H.S. Falk und Alf Torp, Professoren .... — Heidelberg : Winter, 1910. — 808 s.
24. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok / E. Hellquist. — Lund : Gleerups, 1922. — 1283 s.
25. Harrebomée P.J. Spreekwoordenboek der Nederlandsche taal. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.dbnl.org/tekst/harr001spre01_01/harr001spre01_01_0036.php#19842 (дата обращения: 16.01.2026)
26. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. 25. Aufl., bearb. von E. Seebold. — Berlin, Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011. — 1021 S.
27. Magnússon Á.B. Íslensk orðsifjabók / Á.B. Magnússon. — Reykjavík : Orðabók Háskóláns, 1989. — 1231 s.
28. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 26.01.2026)
29. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. / J. Pokorny — Bern ; München : A. Francke Verlag, 1965. — 1183 S.
30. The Free Dictionary by Farlex. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.thefreedictionary.com/fox (дата обращения: 26.01.2026)
31. The Oxford Dictionary Of English Proverbs / ed. By W.G. Smith. — London : Oxford university press, 1989. — 644 pp.
32. The Oxford English Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions. — New York : Oxford university press, 1989. — 1025 pp.
33. Wilkinson P.R. Thesaurus of Traditional English Metaphors / P.R. Wilkinson. 2nd Edition. — New York : Routledge, 2013. — 896 pp.

REFERENCES

1. Dubichinskij, V.V. (2016). O novom leksikograficheskom proekte: Russko-nemeckom slovare leksicheskih parallelej. [About a new lexicographic project: The Russian-German Dictionary of Lexical Parallels]. Available from: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42948/1/nr_2016_08.pdf (accessed 09.01.2026). (In Russian)
2. Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. (1984). Indoevropejskij yazyk i indoevropejcy: rekonstrukciya i istoriko-tipologicheskij analiz prayazyka i protokul'tury. CH. 2 [Indo-European language and Indo-Europeans: reconstruction and historical and typological analysis of the Proto-language and protoculture. Part 2]. Tbilisi : Tbilisi University. (In Russian)
3. Goncharyuk, N.L., Moskvina ,T.N. (2024). Dialektnaya frazeologiya nemeckih dialektov na Altae (lingvokul'turologicheskij aspekt) [Dialect phraseology of German dialects in Altai (linguistic and cultural aspect)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 9, 3414–3418. http://doi.org/10.30853/phil20240483 (In Russian)

4. Guseva, A.E., Korchagina, E.P. (2025). Kognitivnye aspekty reprezentacii zoonimov vo frazeologii germanskih yazykov: ot stereotipov k nacional'no-kul'turnym konceptam (na materiale nemeckogo i anglijskogo yazykov) [Cognitive aspects of the representation of zoonyms in the phraseology of Germanic languages: from stereotypes to national-cultural concepts (based on German and English)]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, № 9 (903), 22–29. (In Russian)
5. Kashapova, L.A. (2023). Obraz lisa v norvezhskoj kul'ture [The image of the fox in Norwegian culture]. StudArctic Forum, № 8 (1), 54–58. (In Russian)
6. Lavrishcheva, E.V., Abros'kina, N.B., Ostrouhova A.V. (2019). Nacional'naya specifika frazeologizmov s komponentom-zoonimom v nemeckoj i anglijskoj yazykovoj kartine mira [National Specificity of Phraseological Units with Zoonymic Components in the German and English Linguistic Worldview]. Vestnik VUiT, №2, 40–46. (In Russian)
7. Oparina, E.O. (2023). Frazeologiya v kontekste kul'tury: reprezentaciya kul'turnyh kodov vo frazeologizmah i paremiyah [Phraseology in the context of culture: representation of cultural codes in phraseological units and proverbs]. Etnopsiholingvistika, №2 (13), 21–36. http://doi.org/10.31249/epl/2023.02.02 (In Russian)
8. Sheshkina, T.F. (2023). Germano-slavyanskie leksicheskie paralleli — imitativy «lecken» — «lizat'»: etimologiya, diahroniya, sovremennoe sostoyanie [Germanic-Slavic lexical parallels — imitatives of «lecken» — «to lick»: etymology, diachrony, current status]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 10, 3224–3228. http://doi.org/10.30853/phil20230501 (In Russian)
9. Shchukina, G.O. (2017). Sopostavitel'nyj onomasiologicheskij analiz leksem «Fox» i «Lisa» (na primere frazeologizmov i slovarnyh statej) [Comparative onomasiological analysis of the lexemes «Fox» and «Lisa» (based on the example of phraseological units and dictionary entries). Vestnik SVFU, № 3 (59), 129–139. (In Russian)
10. Lehmann, W.P. (2005). A Grammar of Proto-Germanic. Texas : Linguistics Research Center, University of Texas at Austin. (In English).
11. Röhrich, L. (1973). Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1. [Dictionary of proverbial sayings. V. 1]. Freiburg : Herder. (In German).

Поступила в редакцию 01.03.2026 г.

GERMANIC-SLAVIC LEXICAL PARALLELS *DER FUCHS «FOX» — PUFF* IN COMPARATIVE HISTORICAL PERSPECTIVE

T.F. Sheshkina

The research examines the lexical correlates of *der Fuchs — fluff,* dating back to the same proto-Indo-European substrate, which in the course of their development passed into different semantic categories and retained a very conditional denotative community. In modern scientific discourse, the prevailing number of such studies is in the orbit of phraseology, with a fairly superficial application of etymological data. We will try to correct this omission by performing a multidimensional analysis of correlates from the perspective of diachrony, which is the relevance of our research. In the course of the work, the author applied the methods of continuous sampling, component analysis, comparison, and generalization. The conducted study of Germanic-Slavic lexical parallels clarifies the already available information about the depth of linguistic and non-linguistic ethnic contacts that took place in the distant past, and also specifies the degree of their common linguistic contribution to solving specific problems of Slavic and Germanic studies.

Keywords: German-Slavonic parallels, Indo-European language substrate, zoonym, connotations, denotative component

Шешкина Татьяна Фоминична.
Кандидат филологических наук.
Ставропольский государственный педагогический институт, Филиал в г. Ессентуки, Российская Федерация, г. Ессентуки.
Доцент кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин.
ORCID 0000-0002-2396-5898.
E-mail: sheshkinatatiana@mail.ru

Sheshkina Tatiana Fominichna.
Candidate of Philology.
Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki, Russian Federation, Yessentuki.
Associate Professor at Department of Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines.
ORCID 0000-0002-2396-5898.
E-mail: sheshkinatatiana@mail.ru

Научная статья
УДК 81:112
DOI: 10.5281/zenodo.21127644

ИДИО-ИДЕОСОМАТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОНИМОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ПЕРЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2026 *Е.В. Фомин, Н.В. Щурик*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ORCID 0009-0002-5439-4546

Настоящая статья посвящена исследованию влияния идио-идеосоматических характеристик перевода названий фильмов (с английского языка на русский). Перевод фильмонимов рассматривается как особая форма межкультурной коммуникации, в которой переводческие решения формируются под влиянием дихотомии двух измерений: индивидуального и коллективно-культурного. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью названия кино на современном кинематографическом рынке. Значимость кинозаголовка определяется его прагматической доминантой — функцией воздействия, которая подчиняет себе его изначальную номинативную природу. Особое внимание уделяется анализу факторов, определяющих выбор переводческого варианта, включая культурные ожидания, ценностные ориентиры и институциональные ограничения проката. В работе демонстрируется, что перевод названий фильмов нередко выходит за рамки формального соответствия оригиналу и ориентируется на достижение сопоставимого эмоционального и перцептивного эффекта. Новизну настоящего исследования подчеркивает недостаточное исследование вопроса рассмотрения аспекта идио-идеосоматики в области аудиовизуального перевода. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего изучения соматического восприятия перевода, а также для совершенствования практик перевода аудиовизуального контента.

Ключевые слова: идиосоматика, идеосоматика, фильмоним, аудиовизуальный перевод, сознание, телесно-чувственное восприятие, семантическая трансформация, культурно-идеологический фактор.

Для цитирования: Фомин Е. В. Идио-идеосоматические детерминанты перевода фильмонимов: прагматический и перцептивный аспекты / Е. В. Фомин, Н. В. Щурик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 169–181. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21127644.

Введение. Современное переводоведение переживает этап существенного теоретического и методологического переосмысления, что обусловлено как расширением междисциплинарных связей, так и растущей потребностью в моделях, позволяющих объяснить перевод не только как сугубо лингвистическую операцию, но и как социально-коммуникативную, культурную и телесно-чувственную практику. В этих условиях особую актуальность приобретают концепции, которые стремятся преодолеть традиционный антиномический разрыв между *«объективной»* языковой нормой и *«субъективным»* поведением переводчика. Одной из наиболее значимых в этом отношении является *диалогическая теория* Д. Робинсона, предлагающая комплексный взгляд на перевод как на динамическое взаимодействие переводчика с автором и реципиентом в пределах культурно и соматически обусловленного коммуникативного пространства.

Цель настоящей работы — систематизировать и эмпирически обосновать влияние идиосоматических и идеосоматических факторов на перевод англоязычных названий фильмов и сформулировать методические положения, направляющие процедуру принятия прокатных решений. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) представить концептуальную характеристику понятий «идиосоматика» и «идеосоматика» в контексте переводоведения и обозначить их прикладное значение для анализа фильмонимов;

2) сопоставить стратегии перевода названий (транскрипция, транслитерация, калькирование, семантическая трансформация) и выявить их связь с перцептивными и институциональными факторами;

3) провести анализ репрезентативных корпусных данных и кейсов перевода, чтобы определить частотность и функциональность параметров трансформаций;

4) исследовать корреляцию идиосоматического и идеосоматического факторов на материале прагматической адаптации кинотекста (на примере фильма *«Большой куш»* / *«Snatch»*, 2000) и выявить особенности их реализации в современных стратегиях медиаперевода, ориентированных на интерактивное вовлечение аудитории (на примере фильма *«Пушки Акимбо»* / *«Guns Akimbo»*, 2019).

Материалы и методы исследования. Теоретическую основу исследования составляют работы по диалогической теории перевода Д. Робинсона, отечественные и зарубежные аналитические исследования, посвященные осмыслению положений данной теории (Е. Ю. Куницына, Е. Е. Калиш, И. Окулска, Л. Чжу, Б. Ли и др.).

В качестве эмпирической базы использованы опубликованные корпусные данные и репрезентативные примеры практики аудиовизуального перевода, подробно рассмотренные в исходном материале исследования. В частности, анализ опирается на корпус из 330 англоязычных заголовков, проанализированный О. И. Александровой, в котором зафиксировано около 30 % существенных семантических преобразований. Кроме того, в настоящей работе исследуются конкретные кейсы перевода (например, *«Snatch»* — *«Большой куш»* (2000), *«Guns Akimbo»* — *«Пушки Акимбо»* (2019) — эксперимент с общественным опросом ≈ 48 тыс. участников) и популярные любительские/прокатные переводы (включая примеры «*эпохи VHS*» и последующих практик).

В работе применён комплекс теоретических и эмпирических методов:

1. Использован сопоставительный корпусный анализ, позволивший выявить частотность и распределение переводческих стратегий, а также эмпирически зафиксировать процент семантических трансформаций.

2. Проведён качественный семантико-прагматический анализ, направленный на интерпретацию смысловых и коннотативных сдвигов, а также изменений в жанровой и эмоционально-соматической маркированности заголовков.

3. Применён метод кейс-анализа, позволивший реконструировать процедуру принятия прокатного решения и сопоставить идиосоматический и идеосоматический уровни переводческого решения.

4. Использован дискурсивно-институциональный анализ, направленный на выявление роли цензурных, маркетинговых и культурных факторов, а также вторичный анализ рецептивных данных, использованных как вспомогательный индикатор эффективности перевода.

Основная часть. В основе концепции Д. Робинсона, изложенной в работе «The Translator’s Turn», представляется возможным выделить следующий тезис: перевод представляет собой не линейную трансляцию содержания, а диалогический процесс, включающий рациональные, культурные и телесно-чувственные механизмы [13]. По мнению отечественных исследователей, в концепции Д. Робинсона переводчик не является «проводником» заранее заданного смысла, но выступает активным участником коммуникации, который «*прокладывает путь себе и людям*» [5, с. 2576]. Данная метафора — одна из центральных в теории Д. Робинсона, выражающая стремление рассматривать переводчика как субъекта действия, создающего новый маршрут интерпретации, а не механически воспроизводящего уже существующий. В своей работе Д. Робинсон использует следующий образ: переводчик не переходит на заранее существующую

«параллельную дорогу» языка перевода, а вынужден буквально прокладывать новый путь: подобно тому, как тяжёлый бульдозер углубляется в «тропический лес», прокладывая дорогу там, где её ранее не было [13]. Такой подход существенно расширяет лингвистическую теорию перевода, включая в неё аспекты соматики — телесной реакции переводчика, встроенной в культурные модели поведения.

Понятие «*пути-тропы*» в теории Д. Робинсона соотносится с риторическими механизмами интерпретации. Перевод, следуя за автором, есть диалог переводчика с автором, в рамках которого переводческие решения могут быть описаны как использование определённого стилистического тропа. Автор выделяет следующие тропы: метонимию, синекдоху, метафору, иронию, гиперболу и металепсис. Каждый из них представляет собой особый тип «*поворота*» (turn) от исходного смысла к новому выражению в тексте перевода. В терминах исследователя, данные шесть тропов очерчивают герменевтический путь, по которому переводчик движется навстречу автору [13, с. 140]. Однако перевод — это не только диалог с автором, но и взаимодействие с читателем. Так, Д. Робинсон вводит вторую систему — систему *версий* (versions), описывающих коммуникативную направленность перевода по отношению к его целевой аудитории. К таким «версиям» относятся, например, интроверсия, экстраверсия, конверсия, субверсия, перверсия, диверсия и др. Каждая версия представляет собой конкретный способ воздействия на читателя, что позволяет описывать перевод не только как семантическую трансформацию, но и как форму культурного взаимодействия.

Тезис Д. Робинсона о том, что «переводчик прокладывает путь себе и людям», получает в диалогической теории трёхуровневое толкование понятия «путь»:

1. На герменевтическом уровне — выбор тропа, который определяет характер взаимодействия с исходным текстом.

2. На прагматическом уровне — выбор версии, определяющей стратегию коммуникативного воздействия на читателя.

3. На культурном уровне — создание новых маршрутов рецепции, по которым целевая аудитория воспринимает текст в иной идеологической и культурной среде.

Теоретические положения диалогики перевода находят отклик в отечественной переводоведческой традиции. Так, Е. Е. Калиш в работе «Реконструкция дискурса в целях перевода: Теоретические проблемы» отмечает фундаментальный характер соматического подхода Д. Робинсона и интерпретирует некоторые его положения: «идеосоматика — это заложенная в человека с момента рождения социальная программа реагирования на слова, идеологизированная реакция тела. Благодаря идеосоматике люди понимают друг друга. В то же время, каждый человек имеет свой собственный опыт, который определяет его идиосоматику, индивидуальную реакцию на словесные сообщения» [4, с. 121]. Е. Ю. Куницына рассматривает теорию Д. Робинсона в рамках людической теории перевода, определяя переводческие решения как игру между переводчиком, автором и читателем. По мнению исследователя, «перевод-игра требует от своего ключевого игрока — переводчика — свободного воления и серьезности ответствия вызову игры, ответствия, понимаемого как ответчивость (ответная реакция, восприимчивость) и ответственность в смысле М. М. Бахтина» [6, с. 72]. Переводчик в процессе коммуникации выступает «одновременно со-субъектом и со-объектом игры. Переводчик как EGO играющее и тем самым EGO рискующее сам определяет, в какую игру он собирается играть с автором и читателем, однако он одновременно и подчинен игре — игра «вовлекает его и держит». Кроме того, Е. Ю. Куницына отмечает: «перевод — не «просто» языковая игра, перевод — это игра тела, души и духа» [6, с. 72]. Данный

подход усиливает понимание «поворота» Д. Робинсона как этически нагруженного и коммуникативно значимого действия.

В зарубежных переводоведческих трудах диалогическая теория также стала объектом научного исследования и получила разностороннее развитие. Британский специалист И. Окулска подчеркивает одновременно инновационность и абстрактность подхода Д. Робинсона: “Robinson proposes a turn in process research to focus on the translator… and incorporate the translator’s somatic motivations” — «Робинсон предлагает изменить направление исследований в области процессов, сосредоточив внимание на переводчике… и учитывая его соматические мотивации» (Перевод наш — Е. Ф.) [12, с. 141], однако многие положения, по мнению исследователя, остаются в основном концептуальными и требуют эмпирического исследования. Китайский лингвист Л. Чжу рассматривает соматико-диалогическую модель Д. Робинсона как значимый вклад в антропологизацию переводческих исследований, отмечая, что подход Д. Робинсона, центральной фигурой которого является переводчик, переопределяет перевод как физическую, эмоциональную и социально обоснованную деятельность, благодаря чему его теория оказывается применимой к мультимодальным и интерактивным формам перевода [16]. Существенные комментарии вносит сам автор теории в интервью «An Interview with Prof. Douglas Robinson on Translation and Translation Studies», в котором исследователь подчёркивает, что перевод — процесс не столько абстрактного познания, сколько соматической восприимчивости. Исследователь также указывает на непредсказуемый и реляционный характер любого переводческого решения, комментируя путь переводчика как непредсказуемый, по своей природе относительный и зависимый от ситуации процесс [11]. Обзор существующих исследований демонстрирует, что теория Д. Робинсона воспринимается современными учёными как гибкая и плодотворная модель, объясняющая перевод не как исключительно словесную передачу смысла, а как процесс телесно и социально обусловленного выбора, в котором тропы и версии функционируют как инструменты описания реальных стратегий переводчика.

В фокусе научного интереса оказываются не только механизмы передачи смысла, но и те формы телесного опыта, которые сопровождают понимание и воспроизведение текста в другом языке. Как отмечает Д. Робинсон в своих рассуждениях о диалогике перевода, переводчик не только интерпретирует значение высказывания, но и вступает в непосредственный контакт с «телом» языка: перевод есть не только интеллектуально-рефлексивный акт, но и воплощение личного, «идиосоматического» переживания. Данный тезис прослеживается в трудах других ученых. Так, К. Скотт в статье «The metamorphoses of the body in the space/time of literary translation» утверждает, что перевод не столько связан со значением текста, сколько с телом читателя; перевод — это психофизиологический контакт читателя с текстом [14]. Для понимания сущности психофизиологического контакта необходимо подчеркнуть, что центральным элементом данной концепции выступает сознание. В этой связи целесообразно обратиться к исследованиям в области психологии, в рамках которых сознание рассматривается как определяющий фактор процессов принятия решений. А. Н. Леонтьев, в рамках исследования «Деятельность. Сознание. Личность», возводит на пьедестал концепт сознания и определяет его как «открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [3, с. 167]. Тем самым подчеркивается, что сознание не сводится к совокупности психических явлений, но представляет собой целостное отражение действительности, обеспечивающее возможность осмысленного и целенаправленного действия. Центральной функцией сознания, по А. Н. Леонтьеву, является обеспечение деятельности субъекта посредством формирования субъективного

образа мира. В структуре сознания исследователь выделяет три взаимосвязанных компонента — значения, личностный смысл и чувственную ткань образа. Последняя придает отражаемой картине мира переживаемую субъектом конкретность и «предметность», обеспечивая её феноменальную реальность [3]. Развивая данную проблематику, представители деятельностного и субъектного подходов акцентируют внимание на активной, отражательно-преобразующей роли сознания в психологической картине личности. Так, С. Л. Рубинштейн рассматривает сознание как специфическую форму психической деятельности, обеспечивающую рефлексию внешнего мира и собственных состояний субъекта. В концепции исследователя сознание проявляется через целостный акт отражения, включающий «единство двух противоположных компонентов: знания и отношения» [7, с. 280]. Акцент переносится на диалектический характер сознательного акта: отражение действительности не является пассивным, но включает ценностное, мотивационное и личностное измерение. Вопрос о природе сознания и его соотношении с речью нередко приводил исследователей к использованию образных метафор. Так, Л. С. Выготский считает, что «мысль проливается дождем слов» или «мысль подобна нависшей туче» [2]. Однако по мнению Т. Н. Ушаковой, несмотря на распространённость подобных метафор, они представляются методологически некорректными. В приведённом образе сопоставляются два состояния одного и того же физического вещества (воды), тогда как отношение между мыслью и речью принципиально иное: мысль относится к сфере психического, идеального, тогда как речь — к сфере материального, акустически и артикуляционно выраженного [8]. Следовательно, аналогия перехода вещества из одного агрегатного состояния в другое не отражает специфику взаимодействия сознания и речи и может вводить в заблуждение относительно природы данных феноменов. Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Metaphors We Live By» продемонстрировали, что концептуальные метафоры формируются на основе телесного опыта и систематически организуют мышление. Метафорические структуры исходного языка часто опираются на специфические сенсомоторные схемы (например, пространственные отношения), и их адекватная передача требует понимания исходной схемы на уровне телесного опыта [10]. В практике перевода довольно часто возникают ситуации, когда неверно переданная метафора способна «сломать» эмоциональный отклик повествования.

Размышления ученых по вопросу исследования концепта языкового сознания позволяют отметить, что речемыслительная деятельность, в т. ч. перевод, не сводится к вычислению соответствий между знаками, но включает соматический опыт переводчика и читателя, а также культурно-структурированные реакции на язык. При этом современная концепция в области идеологии перевода подчёркивает, что переводчик всегда действует в рамках культурных и институциональных ограничений: выбор стратегии, стиля, эмоционально-окрашенной лексики, а также языкового регистра обусловлен социальными нормами и идеологией целевой культуры. В этой связи понятия «идиосоматика» и «идеосоматика», которыми в своих научных трудах оперирует Д. Робинсон, представляют собой стремление сформировать теоретические основы двух взаимосвязанных измерений перевода: индивидуального, телесно-чувственного восприятия языка и коллективно-культурного, идеологически оформленного восприятия. Данные концепты формируют основу переосмысления перевода как *воплощённого межъязыкового и межкультурного взаимодействия*.

Представляется целесообразным более детально рассмотреть соотношение понятий идиосоматики и идеосоматики, а также выявить специфику их взаимосвязи в контексте переводческого процесса. Д. Робинсон выстраивает рассуждение вокруг

противопоставления когнитивного и соматического восприятия языка, реализуемого через категории идиосоматики и идеосоматики перевода. Согласно автору, процесс освоения и понимания иностранного языка не ограничивается когнитивной деятельностью: язык начинает восприниматься как «реальность» лишь тогда, когда вступает в непосредственное взаимодействие с телесно-эмоциональной сферой субъекта. Развивая данную идею, исследователь отмечает: “Foreign languages begin to take on reality… through our somatic responses to them” — «Иностранные языки обретают реальность… через наши соматические реакции» (Перевод наш — Е.Ф.) [13, с. 15]. Таким образом, успешное владение языком и, следовательно, качественно выполненный перевод требуют не только интеллектуального анализа, но и способности буквально «чувствовать слова».

Соматическое восприятие языка, следуя за автором, предполагает не пассивное наблюдение за жестами или артикуляцией носителя, а активное воображаемое включение переводчика в телесный опыт другого, т.е. буквально вживаться в тело говорящего (в терминах Д. Робинсона — «проецировать себя в тело другого человека»). Подобное отождествление с телом носителя языка для понимания его интенции представляет собой одно из базовых профессиональных качеств, определяющих успешность переводческой деятельности. Если же переводчику не удаётся «почувствовать тело исходного текста», вероятность создания «физически осязаемого» или эмоционально достоверного целевого текста оказывается минимальной. Понятие эквивалентности перевода Д. Робинсон интерпретирует с позиции соматического подхода. Согласно исследователю, эквивалентность не сводится к семантическому соответствию, но основана прежде всего на телесном созвучии: “Equivalence between an SL and a TL word or phrase is always primarily somatic: the two phrasings feel the same” — «Эквивалентность между словом или фразой в исходном и в целевом языках всегда прежде всего соматическая: оба выражения ощущаются одинаково» (Перевод наш — Е. Ф.) [13, с. 18].

Тем самым критерий переводческой адекватности определяется не только лингвистическими, но и перцептивно-телесными характеристиками. Однако, как подчёркивает автор, такие ощущения неизбежно носят субъективный характер: то, что одному переводчику представляется эквивалентным, для другого может показаться интонационно или эмоционально неуместным. Противопоставлением идиосоматическому аспекту перевода Д. Робинсон вводит понятие идеосоматики, интерпретируемое как проявление культурно-идеологической телесности языка. В рамках традиционного рационалистического подхода язык трактуется как «трансцендентальная система правил», лишённая телесного и чувственного измерения; соответственно, «чувственная составляющая» в переводе считается нежелательной, а её проявление воспринимается как отклонение от нормы. Данная установка, по мнению автора, представляет собой форму коллективного, институционального программирования переводческого поведения. Аналитическая теория перевода, декларирующая нейтральность и объективность, не является исключительно идиосоматическим, но и идеосоматическим изобретением [13], поскольку её мотивация определяется не только индивидуальными, но и коллективными идеологическими установками.

Таким образом, Д. Робинсон резюмирует, что субъективность переводчика не существует в чистом виде, а обусловлена взаимодействием индивидуально-телесного и культурно-идеологического уровней. Иными словами, “… what we think of as “ourselves” is a complex mixture of idiosomatic and ideosomatic experience” — «… то, что мы считаем самими собой, представляет собой сложную смесь идиосоматического и идеосоматического переживания» (Перевод наш — Е. Ф.) [13, с. 31]. Следовательно,

даже индивидуальный стиль переводчика, воспринимаемый как проявление его личного восприятия мира, формируется под воздействием культурных норм, социальных ожиданий и идеологических конструктов, что делает перевод актом не только личным, но и обусловленным окружающей социальной средой.

Положения диалогической теории Д. Робинсона о телесно-перцептивной природе переводческого акта и о двойственной структуре переводческого опыта — идиосоматической и идеосоматической — создают теоретическую основу для анализа не только литературного, но и аудиовизуального перевода. Учитывая, что фильмоним функционирует как паратекстуальная единица (в терминах Ж. Женетта — перитекст), направленная на мгновенное воздействие на аудиторию, соматический аспект перевода приобретает в данном свете особую значимость. Именно в названиях кинопроизведений наиболее отчётливо проявляется взаимодействие индивидуальной телесно-эмпатической реакции переводчика и культурно-идеологических ориентиров, определяющих стратегию перевода: в данном ключе переводческий выбор должен не только «точно» передавать содержание, но и воспроизводить сопоставимый соматический эффект, вызывая ожидаемую эмоцию, жанровое предвосхищение или телесный отклик у зрителя.

Исходя из обозначенных теоретических предпосылок, представляется возможным проанализировать, каким образом идиосоматические и идеосоматические факторы оказывают влияние на выбор стратегии перевода англоязычных названий фильмов на русский язык. Современные переводоведы подчеркивают, что эквивалентность при передаче заголовков определяется многоуровневой системой факторов: семантическими характеристиками, прагматическим потенциалом, жанровой принадлежностью, коннотативным значением, а также культурно-идеологическими ожиданиями целевой аудитории. Как отмечает британская исследовательница М. Бейкер, эквивалентность никогда не является абсолютной, поскольку определяется множеством лингвистических и культурных факторов [9]. Данное положение применимо к фильмонимам в первую очередь, поскольку, ввиду принадлежности к крупной коммерческой сфере кино, заголовок является контекстуально зависимым знаком. Культурно-идеологическая составляющая выбора варианта перевода подтверждается работами американского переводоведа Л. Венути, автора знаменитой концепции «невидимости» переводчика. По мнению специалиста, успешность «скрытности» переводчика характеризуется естественностью текста перевода (ПТ) [15]. Естественность, в контексте перевода названий фильмов, рассматривается как форма идеосоматического «присвоения» текста культурой-реципиентом.

Именно в переводе названий фильмов данная совокупность установок приобретает особую значимость: кино — коммерческий продукт, а заголовок — инструмент маркетинговой коммуникации. Выбор окончательного варианта перевода названия обусловлен комплексом экстралингвистических и социально-коммуникативных факторов. К числу наиболее значимых относятся:

1) требования цензуры — *«F**k» — «Фак»* (2005);

2) ограничения на употребление отдельных общественно-политических концептов — *«American Gangster» — «Гангстер»* (2007), *«Captain America: Civil War» — «Первый мститель: Противостояние»* (2016);

3) актуальные социальные тенденции — *«Follow Her» — «Без фильтров»* (2022), *«Tragedy Girls» — «Убить за лайк»* (2017);

4) динамика успеха определенных кинофраншиз — *«Host» — «Астрал. Онлайн»* (2020), *«Deadstream» — «Паранормальные явления. Дом призраков»* (2022);

5) актерский состав, который нередко определяет маркетинговое позиционирование фильма и, как следствие, его заголовок — *«Public Enemies» — «Джонни Д.»* (2009).

Указанные параметры могут быть интерпретированы как идеосоматические, поскольку, как было отмечено ранее, они формируются в пространстве коллективно-культурных и идеологически детерминированных телесно-эмоциональных реакций, регулирующих восприятие текста. В результате большинство перечисленных факторов ориентируют переводчика не на формальные операции транскрипции, транслитерации или калькирования, а на использование семантических трансформаций, позволяющих адаптировать заголовок к прагматическим и культурным ожиданиям целевой аудитории. Данное положение подкрепляется эмпирическими данными. Так, согласно результатам исследования, выполненного О. И. Александровой и посвященного семантическим трансформациям в переводе кинематографических названий, из 330 заголовков около 30 % подвергаются существенным преобразованиям, включающим замену ключевых референтов, усиление эмоционально-соматического воздействия на аудиторию или смещение акцента с персонажа на событие или место действия [1]. С учётом того, что рассматриваемое исследование охватывает фильмы, вышедшие в российский прокат в 2018 году, представленные статистические данные оказываются весьма любопытными. Менее половины картин получили трансформированные варианты названий, что свидетельствует о тенденции к сохранению структурной и семантической близости к оригиналу, а также о предпочтении стратегий транскрипции, транслитерации и калькирования как средств достижения максимально возможной эквивалентности. Однако подобный процент не следует интерпретировать как снижение значимости либо постепенное вытеснение семантических трансформаций из практики перевода фильмонимов. Напротив, ограниченность выборки одним календарным годом закономерно снижает долю преобразованных заголовков, тогда как в более масштабных корпусах семантические трансформации стабильно занимают существенную долю переводческих решений.

Следует подчеркнуть, что стратегии трансформации по-прежнему активно используются в современной переводческой практике, что обусловлено как расширением профессионального инструментария, так и общими процессами информационно-технологической модернизации. Сегодня типичная практика прокатных компаний предполагает предварительную передачу текстовых материалов фильма переводчику, наличие адекватных временных рамок для подготовки перевода и доступ к справочным ресурсам (специализированным словарям, параллельным текстам, корпусам данных и т. п.), что обеспечивает более взвешенный и обстоятельный подход к передаче художественного содержания. Несмотря на то, что переводчик нередко задействован в нескольких проектах одновременно, профессионализация, накопление опыта и доступ к методическим материалам позволяют оперативно адаптироваться к требованиям рынка и поддерживать высокий уровень качества перевода. Подобная профессиональная обстановка заметно контрастирует с практиками, характерными для так называемой «*эпохи VHS*», впоследствии приобретшей статус культурного феномена. В данный период в связи с дефицитом лицензионной продукции и её высокой стоимостью на рынке широкое распространение получили пиратские копии киноматериалов. Для подобных нелегальных версий были характерны неудовлетворительное качество видеоряда и звукового сопровождения, а также отсутствие дубляжа: зрителю предлагалась либо оригинальная звуковая дорожка, либо одноголосый любительский закадровый перевод, знаковыми фигурами которого

являются А. М. Михалев, Л. В. Володарский, В. О. Горчаков, А. Ю. Гаврилов и др. В. О. Горчаков в интервью изданию «КиноPeople» сообщает, что не просматривал оригинальные ленты перед переводом, поскольку «это была необходимость … в день приходилось переводить по десять фильмов. Такой перевод с ходу был очень хорошей школой, так как нельзя было останавливаться — ни в кинотеатре, ни на видео. А теперь, когда можно остановить, вернуть, исправить то, что тебе не понравилось — эта работа может затянуться…» [18]. Подобный темп работы был типичным для значительной части переводчиков «*эпохи VHS*», что закономерно отражалось на качестве создаваемых переводов. Среди наиболее показательных примеров в области перевода фильмонимов следует выделить *«The Terminator» — «Киборг-убийца»* (1984) и *«X-Men» — «Радиоактивные люди»* (1992). Данные варианты, отличающиеся заметной семантической вольностью и нередко вызывающие комический эффект, со временем стали неотъемлемой частью отечественного интернет-сообщества.

Возвращаясь к современному этапу аудиовизуального перевода, следует отметить, что на стадии чернового перевода переводчик занимается не только передачей диалогов и надписей, но и подбором вариантов названия. Процедуру условно можно разделить на два этапа. На первом этапе переводчик свободен в выборе вариантов: он «вживается» в контекст фильма, размышляет о значении заголовка и замысле автора, подбирая те варианты, которые соответствуют коммуникативной роли оригинала. Такой подход можно описать через призму идиосоматики — индивидуального, телесно-чувственного восприятия текста. Второй этап начинается после отправки чернового варианта на согласование менеджерам прокатной компании. На данном этапе вступают в силу экстралингвистические и социально-коммуникативные факторы: варианты перевода претерпевают существенные изменения с учётом актуального социального курса, трендов рынка и внутренней политики прокатной студии. Таким образом, перевод переходит из личного измерения в коллективно-культурное, адаптируясь к общественным нормам и идеологическим установкам.

Рассмотрим применение данной модели в русле актуальной практики перевода фильмонимов. Британо-американский комедийный фильм *«Snatch» — «Большой куш»* (2000) вышел в мировой прокат в 2000 году; его российская премьера состоялась годом позже (студия «Каскад Фильм»). Сложный сюжет картины, юмористические и абсурдные ситуации произвели благоприятное впечатление на отечественного зрителя. Вместе с тем при адаптации к российскому прокату были внесены существенные изменения. По соображениям цензуры вся нецензурная лексика была заменена нейтральной, что значительно смягчило речь лондонских преступников. Утерян также колорит английских каламбуров и устойчивых выражений — заложенные автором комические эффекты были нивелированы или полностью опущены. Русскоязычный вариант названия *«Большой куш»* отличается семантической нейтральностью и не передаёт того криминального оттенка, который заложен в оригинальном наименовании *«Snatch»*. Последнее содержит значимый семантический компонент, отражающий ключевой сюжетный мотив — стремительное и почти хаотическое «перехватывание» драгоценного камня различными персонажами, что формирует сквозную метафору динамики повествования и криминального характера происходящего.

Прокатный перевод *«Большого куша»*, а также версии, выполненные по заказу телевизионных компаний, представляется возможным рассмотреть, как перевод, ориентированный на идеосоматическую модель: он адаптирован к социальным требованиям (в первую очередь — цензурным) и «ощущается» как стилистически приемлемый текст. Вскоре после выхода картины начал появляться любительский

перевод, который, по мнению части зрителей, был направлен на исправление допущенных недочётов. Наиболее заметный пример — перевод Д. Ю. Пучкова, известного под псевдонимом Гоблин. В «гоблинской» версии переводчик стремится в максимальной степени сохранить прагматический потенциал исходного текста, что требует особого внимания к передаче обсценной лексики оригинала. Вместо смягчения или нейтрализации табуированной лексики подбираются функционально соразмерные эквиваленты в языке перевода (ПЯ), сопоставимые по степени экспрессивности и коммуникативного воздействия. Кроме того, особое внимание было уделено реконструкции прагматического потенциала оригинальных каламбуров и юмористических реплик, что позволяет обеспечить адекватное восприятие фильма целевой аудиторией. Название *«Сп****ли»*, выбранное Д. Ю. Пучковым для *«Snatch»*, вызвало неоднозначную реакцию: с одной стороны, такая версия демонстрирует «телесный» отклик языка и сохраняет невидимую связь с содержанием оригинала, благодаря которой передаётся криминальный флер и эмоциональная напряжённость, а с другой, подобный перевод в рамках официального проката и лицензионных изданий абсолютно неприемлем. Тем не менее, следует отметить, что в интернет сообществе «гоблинский» перевод данного фильма стал широко популярным: многие пользователи советуют смотреть *«Большой куш»* исключительно в переводе Гоблина, а отдельные фразы и само название данной версии вошли в повседневный лексикон российского зрителя.

Не менее любопытным примером взаимодействия идиосоматического и идеосоматического измерений является эксперимент, проведенный в 2020 году упомянутой ранее студией «Каскад Фильм». Во время подготовки к выпуску в прокат фильма *«Guns Akimbo»* (2019) редакция компании «впервые в истории российского кинопроката» предложила аудитории участвовать в выборе названия [17]. В официальной группе «ВКонтакте» зрителям были представлены два варианта перевода: дословный *«Пушки Акимбо»* и альтернативный *«Безумный Майлз»*. В опросе приняли участие около 48 тыс. человек: 60 % проголосовали за вариант *«Пушки Акимбо»* (28 830 голосов против 19 201 за перевод *«Безумный Майлз»*). Комментируя результаты опроса, представители студии «Каскад Фильм» заявили, что фильм выйдет в прокат под названием *«Пушки Акимбо»*. Одна из отличительных черт данного эксперимента заключалась в том, что пользователи предлагали множество собственных креативных вариантов — *«С двух рук», «Не покладая пушек», «По-македонски», «Гарри Поттер и руки-пистолюки»* и др., часть из которых носила комический характер. Предложенные варианты иллюстрируют, как индивидуальные языковые фантазии аудитории пересекаются с официальным переводом: коллективное решение во многом отразило идеосоматический характер восприятия и ожидания целевой аудитории.

Заключение. В ходе проведённого исследования была достигнута поставленная цель — систематизировано и эмпирически обосновано влияние аспекта идио- и идеосоматики на перевод англоязычных названий фильмов для российского кинопроката, а также сформулированы методические положения, регламентирующие процедуру принятия прокатных решений. Полученные результаты подтверждают продуктивность диалогической теории перевода Д. Робинсона для анализа фильмонимов, как паратекстуальных единиц с выраженной прагматической и перцептивной нагрузкой.

В рамках решения первой задачи была уточнена концептуальная специфика понятий «идиосоматика» и «идеосоматика» в рамках переводоведения. Исследование демонстрирует, что идиосоматика отражает индивидуально-телесную, интуитивную реакцию переводчика на исходное название, тогда как идеосоматика репрезентирует

совокупность коллективно-культурных, институциональных и рыночных предписаний, определяющих допустимые границы переводческого выбора. Их разграничение позволило описать перевод фильмонимов, как многоуровневый процесс согласования индивидуального и коллективного опыта.

В ходе сопоставления стратегий перевода названий было установлено, что формально-ориентированные приёмы (транскрипция, транслитерация, калькирование) преобладают в условиях минимального идеосоматического контроля, тогда как семантические трансформации активизируются при необходимости адаптации названия к ожиданиям целевой аудитории и требованиям выпуска прокатной продукции. В результате изучения корпусных данных и кейсов удалось подтвердить устойчивую тенденцию к использованию трансформационных стратегий в случаях, когда требуется усиление эмоционально-прагматического воздействия или смещение фокуса интерпретации.

Рассмотрение перевода названия художественного фильма *«Snatch»* (2000) позволило наглядно продемонстрировать механизм взаимодействия идиосоматических и идеосоматических факторов: индивидуально мотивированный переводческий вариант подвергается институциональной фильтрации, в результате чего формируется прокатное решение, ориентированное на коллективное восприятие и нормативные ограничения. Анализ экспериментальных практик, применённых в ходе перевода художественного фильма *«Guns Akimbo»* (2019), выявил новые формы идеосоматического воздействия, включая вовлечение зрительской аудитории в процесс выбора переводческого решения, что свидетельствует о трансформации традиционной модели аудиовизуального перевода в сторону интерактивности и рецептивной верификации.

Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что перевод названий фильмов представляет собой динамическую процедуру балансирования между идиосоматической интуицией переводчика и идеосоматическими параметрами принимающей культуры и маркетинговых стратегий кинокомпаний. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанных методических положений в профессиональной деятельности переводчиков аудиовизуального контента. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпусного материала, привлечением экспериментальных рецептивных методов и более детальным изучением влияния соматического восприятия на эффективность переводческих решений в сфере медиакоммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.И. Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык / О. И. Александрова // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. — Т. 10. № 4. — С. 810–827. — http://doi.org/ 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь : психологические исследования / Л.С. Выготский. — М.: Нац. образование, 2016. — 367 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 303 с.
4. Калиш Е.Е. Реконструкция дискурса в целях перевода. Теоретические проблемы: Монография / Е.Е. Калиш. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. — 151 с.
5. Карачева Н.С. В поисках «дома в медвежьем углу»: В. Руднев vs. Б. Заходер в диалоге с А. А. Милном / Н.С. Карачева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 2576–2580.
6. Куницына Е.Ю. О некоторых лингвофилософских аспектах людической теории художественного перевода / Е.Ю. Куницына // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Язык. Литература. Культура. — 2010. — № 11. — С. 70–76.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург: ПИТЕР, 1998. — 705 с.

8. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. — М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2000. — С. 13–23.
9. Baker M. In other words : A coursebook on translation. — Repr. — London and New York : Routledge, 1997. — 304 p.
10. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago and London : The University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
11. Li B. An Interview with Prof. Douglas Robinson on Translation and Translation Studies // Compilation and Translation Review. Lingnan University of Hong Kong. — 2014. — Vol. 7. — No. 1. — pp. 235–260.
12. Okulska I. Douglas Robinson, Charles Bernstein, Versatorium and Metonymic Repetition: Tropes as a Practical Tool for Translation Criticism // Przekładaniec, special issue. “Word and Image in Translation”. — 2018. — pp. 140–166.
13. Robinson D. The Translator’s Turn. — London : The Johns Hopkins University Press, 1991. — 318 p.
14. Scott C. The metamorphoses of the body in the space/time of literary translation // inTRAlinea. Online translation journal. [Электронный ресурс]. — 2022. — Режим доступа: https://www.intralinea.org/specials/article/the_metamorphoses_of_the_body_in_the_space_time_of_literary_translation (дата обращения: 26.11.2025).
15. Venuti L. The Translators Invisibility: A History of Translation. — Repr. — London and New York : Routledge, 1995. — 353 p.
16. Zhu L. The Translator-Centered Multidisciplinary Construction. Douglas Robinson’s Translation Theories Explored. — Bern : Peter Lang AG, 2012. — 243 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Вконтакте. «Пушки Акимбо»: как пользователи VK выбирали название для нового фильма с Дэниэлом Рэдклиффом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vc.ru/vk/103857-pushki-akimbo-kak-polzovateli-vk-vybirali-nazvanie-dlya-novogo-filma-s-denielom-redkliffom (дата обращения: 29.11.2025).
18. Fantlab. Голос с прищепкой. Интервью Василия Горчакова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fantlab.ru/blogarticle24595 (дата обращения: 01.12.2025).

REFERENCES

1. Aleksandrova O.I. (2019) Semanticheskaya transformatsiya nazvaniy kinofilmov perevedenikh na russkiy yazyk [Semantic transformation of movie titles translated into Russian]. Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics], 10 (4), 810–827 (In Russian).
2. Vygotskiy L.S. (2016) Myshlenie i retch : psihologicheskiye issledovaniya [Thinking and Speech: Psychological Studies]. Moscow: National education (In Russian).
3. Leontyev A.N. (1975) Deyatelnost. Soznanie. Lichnost. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat (In Russian).
4. Kalish E.E. (2018. Rekonstruktsiya diskursa v tselyakh perevoda. Teoreticheskiye probliemi. [Reconstruction of discourse for translation purposes. Theoretical issues]. Irkutsk (In Russian).
5. Karacheva N.S. (2014) V poiskah “doma v medvezhyem uglu”: V. Rudnev vs. B. Zakhoder v dialoge s A.A. Milnom [In search of a “home in Bear Corner”: V. Rudnev vs. B. Zakhoder in dialogue with A.A. Milne]. Nauchno-metodicheskiy elektonniy zhurnal “Kontsept”. [Scientific and methodological electronic journal “Concept”], 20, 2576–2580 (In Russian).
6. Kunitsyna E.Yu. (2010) O nekororikh lingvofilosofskikh asperktah ludicheskoy teoriyi khudozhestvennogo perevoda [On linguophilosophical aspects of the ludic theory of literary translation]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Yazyk. Literatura. Kultura. [Bulletin of Buryat State University. Series: Language. Literature. Culture], 11, 70–76 (In Russian).
7. Rubinshtein S.L. (1998) Osnovy obschey psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. Saint-Petersburg: PITER (In Russian).
8. Ushakova T.N. (2000) Yazykovoye soznanie i printsipi ego issledovaniya [Language consciousness and principles of its study]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (In Russian).
9. Baker M. (1997) In other words : A coursebook on translation. — London and New York: Routledge (In English).
10. Lakoff G., Johnson M. (1980) Metaphors We Live By. — Chicago and London: The University of Chicago Press (In English).
11. Li B. (2014) An Interview with Prof. Douglas Robinson on Translation and Translation Studies. — Lingnan University of Hong Kong, 7 (1), 235–260 (In English).

12. Okulska I. (2018) Douglas Robinson, Charles Bernstein, Versatorium and Metonymic Repetition: Tropes as a Practical Tool for Translation Criticism. — Przekładaniec, 140–166 (In English).
13. Robinson D. (1991) The Translator's Turn. — London: The Johns Hopkins University Press (In English).
14. Scott. C. (2022) The metamorphoses of the body in the space/time of literary translation. — inTRAlinea. Online translation journal (In English).
15. Venuti L. (1995) The Translators Invisibility: A History of Translation. — London and New York: Routledge (In English).
16. Zhu L. (2012) The Translator-Centered Multidisciplinary Construction. Douglas Robinson's Translation Theories Explored. — Bern: Peter Lang AG (In English).

Поступила в редакцию 26.03.2026 г.

IDIO-IDEOSOMATIC DETERMINANTS OF FILM NAME TRANSLATION: PRAGMATIC AND PERCEPTUAL ASPECTS

E.V. Fomin, N.V. Shchurik

The article addresses the influence of idio-ideosomatic characteristics on the translation of film titles (from English into Russian). The translation of film titles is considered a special form of intercultural communication, in which translation decisions are influenced by the dichotomy of two dimensions: individual and collective-cultural. The relevance of the study is accounted for by the growing role of film titles in the modern film market. The significance of a film title is determined by its pragmatic dominance—its function of influence, which subordinates its original nominative nature. Particular attention is paid to the analysis of factors that determine the choice of translation, including cultural expectations, value orientations, and institutional distribution constraints. The work demonstrates that the translation of film titles often goes beyond formal correspondence with the original and is oriented toward achieving a comparable emotional and perceptual effect. The novelty of this study is emphasized by the insufficient research on the aspect of idiom-ideosomatics in the field of audiovisual translation. The results of the work can be used for further study of the somatic perception of translation, as well as for improving the practices of translating audiovisual content.

Key words: idiosomatics, ideosomatics, film names, audiovisual translation, consciousness, bodily-sensory perception, semantic transformation, cultural-ideological factor.

Фомин Егор Вениаминович.
Магистрант кафедры перевода и переводоведения
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, г. Иркутск.

ORCID 0009-0002-5439-4546.
E-mail: egorfomin2002@mail.ru

Щурик Наталья Викторовна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, г. Иркутск.
Зав. кафедрой перевода и переводоведения
ORCID 0000-0002-0036-5582.
E-mail: amistad@yandex.ru

Fomin Egor Veniaminovich.
Master's student of Translation and Translation Studies Department
Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk.
ORCID 0009-0002-5439-4546.
E-mail: egorfomin2002@mail.ru

Shchurik Natalia Viktorovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk.
Head of Translation and Translation Studies Department
ORCID 0000-0002-0036-5582.
E-mail: amistad@yandex.ru

Научная статья
УДК 81:27
DOI: 10.5281/zenodo.21127857

ХРОНОРЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЕКТЫ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖАНИЯ МНОГОЯЗЫЧИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЕДИНСТВА НАРОДОВ СТРАНЫ

© 2026 *Т. А. Долгая*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
ORCID 0009-0008-3626-889X

В статье рассматриваются хронорефлексивные проекты типа «Слово года» на татарском, марийском и башкирском языках как особая форма институциональной языковой рефлексии в многоязычном пространстве Российской Федерации. Эмпирическую базу исследования составляют четыре проекта: два на татарском языке, один на марийском языке и один на башкирском языке. Методологическая основа включает концептуальный анализ, дискурс-анализ, качественный контент- анализ и сравнительно-типологический анализ. Показано, что хронорефлексивные проекты выполняют пять взаимосвязанных функций: диагностико-рефлексивную, аксиологическую, идентификационную, политико-дискурсивную и просветительско-репрезентативную. Сопоставительный анализ выявляет три конфигурации аксиологических доминант: интегративную (татарские проекты), духовно-экологическую (марийский проект) и семейно-экзистенциальную (башкирский конкурс) при общем ценностном горизонте (семья, мир, взаимопомощь, родной язык). Делается вывод о том, что проекты типа «Слово года» на государственных языках республик РФ функционируют как механизм укрепления общероссийской идентичности через публичное признание и артикуляцию этнокультурных ценностей и тем самым трансформируют языковое многообразие страны в ресурс символической интеграции.

Ключевые слова: хронорефлексивные проекты; слово года; институциональный дискурс; аксиологическая лингвистика; языковая политика; языки народов России; татарский язык; марийский язык; башкирский язык.

Для цитирования: Долгая Т. А. Хронорефлексивные проекты на государственных языках республик Российской Федерации как механизм поддержания многоязычия и укрепления единства народов страны / Т. А. Долгая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 182–200. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21127857.

Введение. В многоязычном пространстве Российской Федерации язык выступает системообразующим ресурсом общественной жизни: он задает коды повседневного общения, обслуживает деятельность социальных институтов и одновременно является носителем ценностных ориентиров и коллективной памяти. Именно поэтому особого внимания заслуживают социолингвистические проекты типа «Слово года» [29], в которых реализуется специфический механизм осознания времени: посредством выбора «слова года» сообщество формулирует для самого себя и для внешних адресатов понимание проживаемого исторического периода. Эти метаязыковые практики соединяют научно-лингвистическое, медийное и наивно-языковое осмысления времени, формируя устойчивый жанр дискурса, в котором фиксируется совокупность символов времени. Закономерно, что именно такие практики оказываются в фокусе государственной языковой политики: их символический ресурс прямо соотносится с задачами сохранения языков и конструирования единства народов.

Актуальность этой соотнесенности определяется двумя взаимосвязанными тенденциями. Во-первых, государственная языковая политика России в последние годы получает четкую концептуальную рамку: Концепция государственной языковой политики РФ, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 1481-р. [28], и «Основы государственной языковой политики Российской Федерации», утвержденные Указом Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 [34], формулируют задачу согласования роли русского языка как объединяющего языка государства с сохранением и развитием языкового многообразия, интерпретируя языки народов России как ресурс культурной безопасности и символической интеграции. Во-вторых, на этом фоне успешно развиваются социолингвистические проекты на государственных языках республик РФ, — они превращаются в площадки, где этнокультурные общности проговаривают свое видение времени, а институты фиксируют и подтверждают эти интерпретации. Таким образом, метаязыковые практики типа «Слово года» оказываются на пересечении языковой политики, культурной рефлексии и дискурсивного конструирования единства народов России. Содержательное описание этого пересечения требует обращения к теоретическим ресурсам дискурсологии и аксиологической лингвистики [26, с. 9].

С точки зрения этих дисциплин проекты типа «Слово года» представляют собой особый дискурсивный жанр, в котором совмещаются регламентированность процедур, публичный характер высказываний и подчеркнутая ценностная нагруженность используемых единиц. Выбор «слова года» выступает не только как акт номинации, но и как коммуникативное действие, задающее рамку интерпретации прошедшего года: формулирует оценку событий, маркирует точки напряжения и точки опоры, обозначает границы «своего» мира и способы сопряжения этого мира с общегосударственными и глобальными процессами. В результате возникает специфическая форма темпорального дискурса, в которой языковые единицы выполняют роль знаков времени и одновременно маркеров идентичности. Для точного описания этой формы необходим инструмент, фиксирующий ее двуплановую природу.

Таким инструментом в настоящей статье служит *хронорефлексив*, сформированный в русле антропоцентрической и аксиологической парадигмы современного языкознания, рассматривающей язык как пространство фиксации человеческого опыта и закрепления ценностных ориентиров. В русле традиции изучения рефлексивов [3, с. 475] под хронорефлексивом понимается комплексное метаязыковое высказывание, в котором эксплицитно устанавливается и символически закрепляется связь между определенной языковой единицей и отрезком исторического времени ее актуализации, реализующаяся в модели «языковая единица X есть квинтэссенция социально значимых процессов, имеющих место в период времени Y» [11]. Хронорефлексив обладает следующей структурой: его ядро образует знак — слово, словосочетание, иногда графический или мультимодальный символ, — а периферию составляет интерпретирующий метатекст, задающий ценностно-временное прочтение этого знака; только их сочетание образует единицу, в которой пересекаются темпоральное и аксиологическое измерения. В этом смысле хронорефлексив можно трактовать как особый режим существования лингвокультурного концепта [17, с. 78; 30, с. 25; 6, с.67], намеренно выдвинутого в центр публичного внимания и институционально закрепленного как символ определенного исторического отрезка.

Практики определения слов года привлекали исследовательское внимание прежде всего применительно к языкам с высокой степенью институциональной кодификации: в существующих работах тематический спектр охватывает описание неологизации и

трансформации лексической нормы, анализ аксиологических доминант медиадискурса и прагматику выбора «слов времени» [3; 19, с. 84; 7]. Вместе с тем хронорефлексивные практики на региональных языках остаются на периферии внимания. Проведенный обзор показал, что на сегодняшний день устойчивые проекты типа «Слово года» реализуются лишь на трех региональных языках России — татарском, марийском и башкирском. Эти проекты позволяют увидеть, как языки республик включаются в общероссийскую и глобальную повестку: хронорефлексивы на татарском, марийском и башкирском языках выявляют ценностные горизонты этнокультурных общностей, задают их позиционирование в структуре российского общества и демонстрируют способы символического участия региональных языков в дискурсе единства.

Цель статьи состоит в сопоставительном анализе институциональных форматов и функций проектов типа «Слово года» на выявленных в ходе исследования трех государственных языках республик Российской Федерации и определении роли данных инициатив в укреплении единства народов России. Для достижения цели решаются следующие задачи: (1) охарактеризовать институциональные форматы и провести сопоставительный аксиологический анализ хронорефлексивных проектов на татарском, марийском и башкирском языках; (2) определить, каким образом данные проекты участвуют в конструировании общероссийской идентичности и дискурса единства народов.

Предметом исследования выступает функциональная архитектура хронорефлексивных проектов типа «Слово года» на государственных языках республик РФ (татарском, марийском, башкирском) в контексте государственной языковой политики и повестки единства народов России.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат четыре хронорефлексивных проекта на государственных языках республик РФ: медиапроект «Татарские слова года» (издание «Миллиард.Татар»), социологический проект «Слово года в Татарстане» (агентство «ПромРейтинг»), марийский проект «Мемнан мутна» / «Наше слово» (МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева) и башкирский конкурс «Самое красивое башкирское слово» (АНО «Детско-юношеский центр», Всемирный курултай башкир). Для формирования исследовательского корпуса слова-победители и номинанты проектов 2020–2025 годов, институциональные описания проектов и соответствующие медийные тексты были включены в эмпирическую базу хронорефлексивов [30]. Методология исследования строится на пересечении аксиологической лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики; применяются концептуальный анализ (для реконструкции ценностно-смыслового ядра хронорефлексивов), дискурс-анализ институциональных и медийных текстов (для описания жанровых форм, акторов и стратегий обоснования), качественный контент-анализ лексем и метатекстов (для выделения тематических и аксиологических кластеров), а также сравнительно-типологический анализ, позволяющий выявить общие и специфические модели языковой рефлексии времени в трех лингвокультурах.

Основная часть.

1. Многоязычное устройство Российской Федерации и языковое многообразие

Российское сообщество изначально организовано как полилингвальное: языковое многообразие выступает здесь не побочным результатом истории, а структурной нормой существования государства [2, с. 16]. Институционально это закреплено в государственном устройстве: наряду с русским языком — государственным языком Российской Федерации — конституционно признаны государственные языки национальных республик. Согласно базе данных информационно-аналитических

материалов Государственной Думы РФ [27], статусом государственных языков в республиках Российской Федерации наделены 37 языков (включая 13 языков народов Дагестана), каждый из которых маркирует особое культурное пространство и собственный тип языковой картины мира [12, с. 138; 13, с.126]. В таком контексте язык предстает не только средством коммуникации, но и знаком принадлежности к определенной общности, инструментом сохранения памяти и средством артикуляции национальной идентичности — что прямо соответствует пониманию языка как носителя культурных ценностей [15, с. 29; 16, с. 7].

Конституция Российской Федерации [20] закладывает фундаментальные принципы этой языковой политики. Статья 26, часть 2 гласит, что «каждому гарантируется право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»; часть 3 статьи 68 формулирует, что Российская Федерация «гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»; статья 69 закрепляет защиту культурной самобытности и языкового многообразия всех народов и этнических общностей России. В совокупности эти положения институционально оформляют двуединый принцип: признание русского языка как общегосударственного при одновременной правовой охране и поддержке языков народов России.

Концепция государственной языковой политики Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481-р) закрепляет этот принцип в качестве основы современной языковой политики. Русский язык определяется как язык «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов», а языки народов России — как объект сохранения и развития. Среди ключевых положений Концепции — признание равных прав народов России на сохранение и всестороннее развитие своих языков; право республик устанавливать государственные языки и право субъектов определять языки официального общения населения; обеспечение условий для получения образования на государственном, региональных и родных языках.

В 2025 году обозначенные установки были конкретезированы в «Основах государственной языковой политики Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 — документе стратегического планирования, направленном «на сохранение, развитие и поддержку русского языка, государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации». В нем подчеркивается, что языковое многообразие рассматривается как основа единства и стабильности государства и гражданского общества, а не как фактор их дестабилизации.

Указанная конфигурация дополняется Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года [35]. В этом документе языковое многообразие и этнокультурная самобытность народов России прямо описываются как ресурс национальной безопасности, а среди стратегических задач выделяются сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия, создание условий для использования, сохранения и развития языков народов России [18, с. 21], а также совершенствование системы обучения для их поддержания. Тем самым нормативная рамка многоязычия задается на пересечении государственной языковой политики и государственной национальной политики, что задает важный контекст для анализа проектов типа «Слово года».

Важным политико-аксиологическим контекстом государственного дискурса служит провозглашение 2026 года Годом единства народов России [25]: в официальных формулировках задачи языковой политики и укрепление общероссийской гражданской

идентичности эксплицитно соотносятся как взаимообусловленные направления государственной деятельности [32, с. 22; 33, с.411]. Межнациональное согласие, признание языкового и культурного многообразия и уважение к национальной самобытности народов рассматриваются как ключевые ориентиры общественного поведения и основы национальной безопасности. Тем самым языковая политика предстает не только как регуляция сфер употребления языков, но и как инструмент аксиологической консолидации общества.

Перечисленные нормативные установки получают последовательное осмысление в современных научных работах. Исследовательская традиция сходится на том, что единство государства достигается не вопреки языковому разнообразию, а через его признание, правовую защиту и целенаправленную поддержку: языковая политика понимается как составляющая этнонациональной политики, направленной на консолидацию общества, а сохранение языков предполагает сочетание правовых механизмов и инициатив гражданского активизма [2; 22; 23].

В этой перспективе языки народов России одновременно обслуживают этнокультурную и общероссийскую идентичность. Хронорефлексивные проекты на государственных языках республик РФ рассматриваются в настоящей статье как один из инструментов реализации обновленной политики «единства при многообразии»: через выбор и интерпретацию «слов года» этнокультурные сообщества вербализуют свое понимание времени и ценностей на родном языке и одновременно адресуют эти смыслы общероссийскому пространству, соотнося собственные ценностные горизонты — мир, семья, язык, взаимопомощь, справедливость — с общегосударственными ориентирами.

2. Институциональные форматы хронорефлексивных проектов типа «Слово года» на языках народов России

2.1. Проекты на татарском языке

Татарские хронорефлексивные инициативы демонстрируют два институциональных формата, по-разному соотносящих медийный, экспертный и массовый компоненты, но в обоих случаях выдвигающих на первый план татарский язык как код групповой солидарности и инструмент осмысления времени.

Медиапроект «Татарские слова года», реализуемый изданием «Миллиард.Татар», функционирует в формате цифрового медийно-журналистского дискурса. Организатором выступает редакция онлайн-издания, ориентированного на татароязычный сегмент интернета и широкую татароязычную аудиторию за пределами республики; таким образом формируется распределенное коммуникативное пространство, в котором татарский язык закрепляется как язык повседневного общения, общественного обсуждения и символического самопредставления [8, с. 86]. Ключевыми каналами служат сайт издания, социальные сети, Telegram-каналы, что позволяет интегрировать практики хронорефлексии в повседневную цифровую коммуникацию.

Процедура отбора имеет трехступенчатый характер: (1) автоматизированный мониторинг цифрового дискурса (социальные сети, поисковые запросы, медийные публикации), фиксирующий статистически значимые единицы; (2) экспертное обсуждение и интерпретация полученного массива; (3) открытое голосование аудитории. Критериальная база включает наблюдаемую частотность употребления и социокультурную значимость единицы в текущей повестке. В поле хронорефлексивов ежегодно попадают лексические единицы, репрезентирующие разные сегменты татарской картины мира и разные уровни актуальности событий: так, в 2024 г. рядом оказываются *гаилә* (семья), *БРИКС*, *чәч-чәк* (чак-чак), *ясалма интеллект*

(искусственный интеллект), соединяя ценностное, политико-цивилизационное, культурно-гастрономическое и технологическое измерения.

(1) Татарские слова года (издание «Миллиард.Татар»), Республика Татарстан: 2024 → гаилә (семья) — ‘семейный союз’.

Иной институциональный формат демонстрирует проект «Слово года в Татарстане», реализуемый агентством «ПромРейтинг». В его основе лежит социологический дискурс: организатор опирается на репрезентативные телефонные опросы жителей Республики Татарстан, в ходе которых респондентам предлагается самостоятельно назвать слово или выражение, через которое они описали бы уходящий год. В центр выдвигается массовое языковое сознание: фиксируются лексемы, которые сами участники коммуникации признают репрезентативными для переживаемого времени.

Формально критерии отбора совпадают с медиапроектом («частотность» и «социокультурная значимость»), однако источники данных различны: вместо цифровой аналитики используются индивидуальные ответы респондентов. Тип институционального дискурса можно охарактеризовать как социолого-исследовательский, ориентированный на получение «среза» массовых представлений. Показательно, что среди слов года появляются *ярдәм* (помощь), *тыныч* (спокойствие, мир), *мәхәббәт* (любовь) — единицы, в которых кристаллизуются коллективные ожидания безопасности, поддержки, эмоциональной устойчивости.

(2) *Слово года в Татарстане, Республика Татарстан, (агентство «ПромРейтинг»): 2023 → тыныч — ‘спокойствие, мир, отсутствие тревоги’.*

Два татарских проекта тем самым иллюстрируют два способа институционального обоснования хронорефлексивов: через модель, основанную на сочетании автоматизированной аналитики и экспертной интерпретации, и через ответы респондентов, репрезентирующие массовое языковое сознание, что позволяет сопоставлять медийно-экспертный и массово-социологический подходы к осмыслению времени.

2.2. Проект на марийском языке

Марийский проект «Мемнан мутна» («Наше слово»), функционирующий под эгидой Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, представляет иной тип институциональной установки, в котором соединяются научный и культурно-просветительский дискурсы. Организатором выступает академический институт в партнерстве с культурными учреждениями республики, что придает проекту статус авторитетного научно-культурного центра осмысления языка для марийского сообщества. Целевая аудитория имеет двойственный характер. С одной стороны, это носители марийского языка, для которых проект выполняет функцию внутренней самоидентификации и рефлексии над собственным ценностным миром. С другой — более широкий круг, включая русскоязычных читателей, которым через переводы и комментарии открывается доступ к марийскому культурному коду [1, с. 6; 21, с. 61]. Таким образом, «Мемнан мутна» совмещает идентификационную и презентационную функции: локальные смыслы переводятся в формы, доступные для межкультурного понимания.

Механизм отбора включает два этапа. На первом этапе реализуется открытое выдвижение: любой участник может предложить слово-кандидат. На втором этапе командой проекта совместно с учеными-лингвистами и культурологами принимается коллегиальное экспертное решение. Такое сочетание открытого предложения и научной экспертизы обеспечивает, с одной стороны, связь проекта с живым языковым употреблением, а с другой — концептуальную стройность и методологическую осознанность отбора.

Критерии выбора ориентированы не столько на статистическую частотность, сколько на культурную и духовную значимость концептов для марийской лингвокультуры. Особое значение придается интерпретации: каждое слово года сопровождается развернутым метатекстом, в котором раскрываются мифологические, религиозные, этические, экологические и исторические измерения соответствующего концепта. В последние годы в центр выдвигаются *ото* (роща), *мланде* (земля), *еш* (семья), *ава* (мама) — единицы, которые описываются как опорные элементы марийской картины мира.

(3) Мемнан мутна (Наше слово), Республика Марий Эл: 2024 → ото (роща) — ‘небольшой лиственный лес, обособленный от основного лесного массива‘.

В терминологии типологии дискурсов [14, с. 6] «Мемнан мутна» можно охарактеризовать как научно-культурно-просветительский институциональный дискурс, в котором исследовательский и аксиологический ракурсы неразрывно слиты.

2.3. Проект на башкирском языке

Конкурс «Самое красивое башкирское слово» в официальном описании квалифицируется как лингвокультурная и педагогическая инициатива, однако по выполняемым функциям и механизму отбора он оказывается близок к практике хронорефлексии. Проект реализуется с 2020 г. в формате грантовой программы; организаторами выступают АНО «Детско-юношеский центр», Всемирный курултай башкир и детские медиа республики (школьные телеканалы, центры дополнительного образования).

Целевая аудитория — прежде всего дети и молодежь, а также семьи, вовлекаемые через детские и семейные медиаплощадки. Таким образом, формируется особое образовательное коммуникативное пространство, в котором башкирский язык осваивается не только как учебный предмет, но и как носитель эмоционально значимых, «своих» смыслов.

Процедура отбора принципиально открыта: участникам предлагается назвать «самое красивое башкирское слово»; далее ежегодно проводится общественное голосование с последующим медийным объявлением результатов. В отличие от татарских и марийского проектов, здесь отсутствует экспертный отбор в строгом смысле слова; роль институциональных акторов проявляется в организации конкурса, его медийном сопровождении и интерпретации результатов.

Критерием выбора выступает эстетическая и эмоциональная значимость слова для участников — «красота» единицы, ощущение родства с ней. В результате в качестве победителей и фаворитов конкурса оказываются слова, в которых кристаллизуются базовые представления о хорошем, правильном, ценном: *әсәй* (мама), *атай* (папа), *йәнтөйәк* (родной край), *йән* (душа), *намыҫ* (совесть, честь), *ҡот* (уют), *өмә* (взаимопомощь).

(4) *Самое красивое башкирское слово, Республика Башкортостан: 2020 → йәнтөйәк (родной край) — 'пространство, воспринимаемое как своя земля, место принадлежности, памяти и эмоциональной укорененности'.*

Институциональное окружение проекта — Всемирный курултай башкир, общественные организации, образовательные учреждения и детские медиа — превращает конкурс в площадку коллективного переживания языка как ценности. Язык здесь предстает не только средством коммуникации, но и пространством эмоциональной привязанности и нравственной опоры, что придает конкурсу выраженный воспитательный потенциал.

2.4. Сравнительный вывод

Сопоставление рассмотренных инициатив позволяет выявить как общее, так и специфическое в институциональном оформлении хронорефлексивных практик на

языках народов России. Общее состоит в том, что во всех случаях хронорефлексивы порождаются в рамках устойчивых институциональных дискурсов — медийно-журналистского, социологического, культурно-просветительского и социально-педагогического. Во всех проектах присутствует комбинация двух базовых критериев: наблюдаемой активности единицы в дискурсе (в разных форматах) и ее способности репрезентировать значимые для сообщества ценности.

Специфика проявляется прежде всего в источниках институционального авторитета и целевых аудиториях. В татарском медиапроекте решающую роль играют цифровая аналитика и экспертное сообщество; в социологическом проекте «ПромРейтинга» — голос «рядового носителя» в формате репрезентативного опроса; в марийском проекте — единство научного института и культурно-просветительской дирекции; в башкирском конкурсе — детские и молодежные медиа, образовательные институты и общественные организации.

Таким образом, выстраивается типология институциональных форматов хронорефлексивов, в которой различаются каналы отбора и интерпретации, но сохраняется общая установка: через выбор «слова года» или «красивого слова» зафиксировать для сообщества значимый фрагмент картины мира и темпорально его маркировать. Обобщенные параметры проектов представлены в таблице 1, которая отражает различия в организаторах, типах дискурса, аудиториях, процедурах и тематике выбранных слов.

Таблица 1. Институциональные параметры проектов типа «Слово года» на татарском, марийском и башкирском языках.

Язык	Проект	Организатор	Тип дискурса	Аудитория	Процедура	Год	Слова года (примеры)
Татарский	«Слово года в Татарстане»	Агентство «ПромРейтинг»	Социологический	Жители Республики Татарстан	Репрезентативный опрос	2023	ярдәм (помощь) тыныч (спокойствие); мәхәббәт (любовь)
	«Татарские слова года»	Издание «Миллиард.Татар»	Медиа-журналистский	Татары Республики Татарстан и татароязычная диаспора; пользователи татароязычного сегмента интернета	Автоматизированный мониторинг цифрового дискурса → экспертный отбор → открытое онлайн-голосование	2020-2025	БРИКС; гаилә (семья); чәч-чәк / чак-чак (татарское лакомство); ясалма интеллект (искусственный интеллект)
Марийский	«Мемнан мутна» («Наше слово»)	МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева	Культурно-просветительский	Носители марийского языка; русскоязычная аудитория	Открытое выдвижение → экспертный выбор	2020-2025	мланде (земля); еш (семья); ава (мама) ото (священная роща)
Башкирский	«Самое красивое башкирское слово»	АНО «Детско-юношеский центр»,	Социально-педагогический	Дети, молодежь, широкая аудитория	Открытое голосование	2020-2025	әсәй (мама); йәнтөйәк (родной край);

		Всемирный курултай башкир					намыҫ (совесть); өмә (взаимопомощь)

3. Функциональная архитектура хронорефлексивных проектов типа «Слово года» на языках народов России

Рассматриваемые как разновидность институционального дискурса, хронорефлексивные проекты выполняют пять взаимосвязанных функций: (1) диагностико-рефлексивную, (2) аксиологическую, (3) идентификационную, (4) политико-дискурсивную и (5) просветительско-репрезентативную.

3.1. Диагностико-рефлексивная функция

Во всех рассматриваемых инициативах хронорефлексивные проекты выполняют диагностико-рефлексивную функцию: через выбор «слова года» сообщество формулирует свой взгляд на проживаемое время, обозначает значимые события и дает оценку текущей исторической ситуации. В этом режиме слово года выступает своеобразным «вердиктом года», фиксирующим зоны тревоги и смысловые опоры, а также доминирующие эмоциональные и ценностные состояния сообщества.

(5) *Татарские слова года (издание «Миллиард.Татар»), Республика Татарстан: 2025 → туган тел (родной язык) — ‘язык, который человек усваивает с раннего детства.*

(6) *Татарские слова года (издание «Миллиард.Татар»), Республика Татарстан: 2025 → бала (ребенок) — ‘человек в период детства’.*

Выбор выражения «Туган тел» на фоне дискуссий о статусе родных языков в школе и частотность «бала» в 2025 году диагностируют напряжение вокруг языковой идентичности и связку «ребенок — семья — будущее» как центральный мотив татароязычной повестки.

Аналогично, в проекте «Слово года в Татарстане» (агентство «ПромРейтинг») сочетание «мәхәббәт», «тыныч», «дуслык», «җиңү» фиксирует стремление сообщества обозначить позитивные опоры — любовь, спокойствие, дружбу, победу — в условиях внешних кризисов.

(7) *Мемнан мутна (Наше слово), Республика Марий Эл: 2024 → еш (семья) — ‘малая социальная группа, основанная на кровном родстве или браке, члены которой проживают, как правило, на одной территории и связаны между собой общностью быта, взаимной помощью и ответственностью‘.*

В марийском и башкирском проектах диагностико-рефлексивный режим реализуется через устойчивые опорные концепты «еш» (семья), «йәнтөйәк» (родной край), «өмә» (взаимопомощь), задающие чтение периода через призму семейной солидарности и общинной взаимоподдержки.

3.2. Аксиологическая функция

Аксиологическая функция состоит в формировании и публичном предъявлении ценностного профиля сообщества [5, с.136]: через выбор «слов года» выстраивается иерархия доминирующих концептов и задаются желательные состояния социальной реальности. Сопоставительный анализ позволяет выделить три конфигурации аксиологических доминант: интегративную (татарские проекты), духовно-экологическую (марийский проект) и семейно-экзистенциальную (башкирский конкурс).

Интегративная модель *(татарские проекты)* предполагает совмещение традиционных семейно-общинных ориентиров — *гаилә* (семья), *мәхәббәт* (любовь) — с макросоциальными и геополитическими концептами, такими как БРИКС. Базовые отношения близости интерпретируются в одной ценностной рамке с представлениями о

желательном мировом порядке, а семейные и региональные идентичности символически «встраиваются» в общегосударственный и международный контекст.

(8) «Слово года в Татарстане», 2023 → мәхәббәт (любовь) — ‘чувство, свойственное человеку, глубокая привязанность и устремленность к другому человеку или объекту, чувство глубокой симпатии‘.

В интерпретирующих комментариях подчеркивается, что именно любовь — к близким, к народу, к Родине — «сохраняет ощущение единства» в трудные периоды. Интимно-личное чувство становится матрицей коллективной солидарности, связывая семейный, региональный и общероссийский уровни идентичности.

(9) «Татарские слова года», 2024 → БРИКС — ‘неформальное межгосударственное объединение стран с развивающейся экономикой’.

В сопутствующих текстах объединение описывается как формат многополярного мира, в котором Татарстан выступает активным участником выработки правил глобального развития. Включение БРИКС в ряд ключевых слов года символически «вписывает» региональное сообщество в широкий геополитический и цивилизационный контекст, а семейные и региональные ценности, артикулируемые через *гаилә* и *мәхәббәт*, соотносятся с образом желательного глобального порядка. Это подтверждает интегративный характер татарского аксиологического горизонта.

Духовно-экологическая модель *(марийский проект)* строится вокруг концептов *ава* (мать), *еш* (семья), *ото* (священная роща), *мланде* (земля), *мер* (мир), раскрывающихся в метатекстах как опорные элементы марийского миропорядка, объединяющие родовую память, сакральное пространство и гармонию человека с природой.

(10) «Мемнан мутна», 2024 → ава (мама) — ‘женщина по отношению к рожденным ею детям‘.

Метатексты акцентируют сакрализованный статус материнской фигуры в марийской культуре, ее связь с непрерывностью рода и «землей предков». Хронорефлексив совмещает интимно-семейное и коллективно-культурное измерения, репрезентируя материнство как ценность, определяющую и повседневный уклад, и традиционную систему представлений о гармонии человека, природы и сообщества.

Семейно-экзистенциальная модель *(башкирский конкурс)* объединяет хронорефлексивы, фиксирующие привязанность, внутреннюю цельность и общинную взаимопомощь: *әсәй* (мама), *йән* (душа), *йәнтөйәк* (родной дом, букв. «гнездо души»), *намыҫ* (честь, совесть), *өмә* (коллективная взаимопомощь).

(11) «Самое красивое башкирское слово», 2020 → һөйәм (люблю) — ‘люблю; вербальное выражение личного чувства привязанности и нежности’.

Этот хронорефлексив фиксирует приоритет интимно-личных отношений и эмоциональной открытости, задавая образ времени через опыт любви и близости.

Таким образом, через выбор и интерпретацию слов года сообщества артикулируют иерархию ценностных опор — от любви и семьи до мира, природы и чести, — вписывая локальные конфигурации в более широкий символический контекст, заданный государственной языковой и национальной политикой.

3.3. Идентификационная функция

В идентификационном режиме хронорефлексивы работают как языковые символы принадлежности [38, с.10]: через «слово года» сообщество обозначает границы «своего» мира, артикулирует этнокультурную специфику и способы включения в общероссийское пространство.

В *татарских проектах* совмещаются этнические и общегосударственные акценты. Концепты *гаилә* (семья), *мәхәббәт* (любовь), *дуслык* (дружба) конструируют «свое» как

пространство близости и солидарности, тогда как *ифтар* (разговение в месяц Рамадан) и *татарча телеграм* (телеграм на татарском языке) дополнительно маркируют конфессиональные и языковые параметры идентичности.

(12) «Татарские слова года», 2023 → ифтар (разговение) — ‘вечернее разговение в месяц Рамадан как форма религиозной практики’.

Этот хронорефлексив фиксирует значимость исламской религиозной практики как важной составляющей повседневной жизни и коллективной самоидентификации татарского сообщества; «свое» маркируется как пространство, в котором религиозный календарь и общинные формы празднования остаются живым социальным опытом.

(13) «Татарские слова года», 2024 → татарча телеграм — ‘телеграм на татарском языке; название мессенджера с локализованным татароязычным интерфейсом’.

Хронорефлексив указывает на то, что «свое» определяется как возможность говорить по-татарски в глобальных цифровых средах. В сочетании с семейными и религиозными концептами формируется образ идентичности, одновременно укорененной в локальной культуре и интегрированной в общероссийское цифровое пространство.

В *марийском проекте* «марийскость» задается как через форму, так и через содержание лексем [37, с. 73]: *ава*, *еш*, *ото*, *мланде*, *мер* формируют образ «своего» мира как пространства родовой памяти и гармонии с природой. В *башкирском конкурсе* язык предстает пространством наиболее интимных смыслов — семьи, родного дома, чести, совести; через набор *әсәй*, *атай*, *йән*, *намыҫ*, *өмә* конструируется модель «мы — те, кто так говорит о своих близких и своей земле».

Хронорефлексивы функционируют как языковые маркеры, связывающие этнокультурную и общегражданскую идентичность: «свое» артикулируется через ценности, резонирующие с общероссийскими ориентирами — мир, взаимопомощь, семья, язык, что позволяет рассматривать эти проекты как механизм укрепления единства народов страны.

3.4. Политико-дискурсивная функция

Политико-дискурсивная функция состоит в участии хронорефлексивных проектов в артикуляции политических смыслов, связанных со статусом языков народов России, языковой политикой и вопросами национальной идентичности [2; 32, с.321]. Особенно отчетливо это проявляется в татарском материале.

(14) «Татарские слова года», 2025 → туган тел (родной язык) — ‘язык, которым человек владеет с раннего детства’.

Хронорефлексив выступает средством артикуляции требований к языковой политике «снизу»: сохранение татарского языка представляется условием культурной самодостаточности и полноценного участия в общероссийском пространстве.

(15) «Татарские слова года», 2025 → Татар мәктәбе (татарская школа) — ‘учебное заведение, где обучение и воспитание учащихся осуществляется на татарском языке’.

Этот хронорефлексив выводит на первый план образовательное измерение языковой политики [36, с. 261], соединяя повседневный опыт родителей и педагогов с дискуссиями о федеральных и региональных нормах в сфере образования.

(16) «Слово года в Татарстане», 2021 → җәнисәп (перепись населения) — ‘единый процесс сбора, обобщения, анализа и публикации демографических, экономических и социальных данных населения, относящихся по состоянию на определенное время ко всем лицам в стране или четко ограниченной ее части’.

Хронорефлексив отсылает к масштабной государственной кампании, актуализируя темы признания многоязычия и репрезентации этнического состава региона: население выступает одновременно объектом и участником политики.

В марийском и башкирском проектах это измерение выражено менее эксплицитно, однако лексемы со значениями мира, родного языка и взаимопомощи косвенно поддерживают дискурс о культурной безопасности [1; 9; 10].

(17) «Самое красивое башкирское слово», 2024 → тыныс (покой, внутренний мир) — ‘состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства’.

Хронорефлексив соотносит мир как отсутствие конфликтов с внутренним ощущением защищенности в родном пространстве, встраивая локальные представления о мире в общегосударственную повестку в мягкой, культурно опосредованной форме.

3.5. Просветительско-репрезентативная функция

Просветительско-репрезентативная функция проявляется в том, что хронорефлексивные проекты становятся каналами публичного перевода локальных смыслов: они объясняют значения избранных слов года, раскрывают их культурные, исторические и духовные коннотации, адресуя этот комментарий как внутренней, так и внешней аудитории. В этом режиме хронорефлексив выступает не только знаком времени, но и поводом для развернутого культурного комментария, через который языковое сообщество представляет себя и свой мир другим.

Особенно отчетливо эта функция реализуется в марийском проекте «Мемнан мутна», где каждое слово сопровождается переводом и подробным комментарием, ориентированным в том числе на русскоязычного читателя: марийские концепты «ава», «еш», «ото», «мланде», «мер» описываются как элементы духовно-экологического миропорядка, что одновременно поддерживает внутреннюю рефлексию и внешнюю презентацию марийской культуры. В башкирском конкурсе «Самое красивое башкирское слово» просветительско-репрезентативная функция реализуется через детские и молодежные медиа: обсуждение мотивов выбора слов «әсәй», «йәнтәйәк», «өмә» превращает конкурс в «школу ценностей», где родной язык осваивается как источник эмоционального и нравственного опыта. В татарских проектах образовательный компонент проявляется в медийных обсуждениях и объяснительных текстах: читателю предлагается не только назвать слово, но и осмыслить, какие исторические и культурные процессы за ним стоят, что превращает хронорефлексивы в инструмент символического представительства татарского мира.

В целом хронорефлексивы выступают многомерными единицами, совмещающими функции знака времени, ценностного маркера, идентификационного кода и инструмента участия языков народов России в политико-дискурсивной повестке, ориентированной на сохранение их самобытности и укрепление общероссийской идентичности.

Заключение. Результаты исследования подтверждают и одновременно уточняют ключевые положения теории институционального дискурса. Согласно Т. ван Дейку, Н. Фэрклоу и Р. Водак, институциональные форматы коммуникации нормируют социальные практики, конструируют рамки интерпретации событий и закрепляют ценностные иерархии [43, с. 27; 40, с. 36; 44, с.38]. Хронорефлексивные проекты полностью подтверждают эту логику: медийно-журналистский, социологический, культурно-просветительский и социально-педагогический форматы, в которых функционируют четыре рассмотренные инициативы, предлагают сообществам не просто слова, но готовые интерпретационные матрицы. Вместе с тем российский материал вносит существенную поправку: хронорефлексивы выполняют дополнительную

функцию — они обосновывают сам факт публичного существования языка, превращая «слово года» в аргумент в пользу его жизнеспособности и функциональной полноты.

Не менее важен вывод о соотношении локального и общегосударственного в аксиологических профилях. Интегративная (татарская), духовно-экологическая (марийская) и семейно-экзистенциальная (башкирская) конфигурации ценностей различаются по содержанию, но объединены общим горизонтом — семья, мир, взаимопомощь, родной язык. Это структурное совпадение не случайно: оно отражает ту самую логику «единства при многообразии», которую В. Ю. Михальченко квалифицирует как идеологию полиязычия [23, с. 65], а Указ № 474/2025 закрепляет нормативно, трактуя языковое многообразие как «основу единства и стабильности государства». Тем самым хронорефлексивные проекты работают как «мягкая» языковая политика в терминологии Б. Сполски и Э. Шохами [42, с.5; 41, с.45]: они встраивают локальные ценностные конфигурации в общегосударственную повестку не через прямое нормативное регулирование, а через совместное производство символических образов времени и культуры.

Суммируя результаты, сформулируем основные выводы исследования.

1. Понятие хронорефлексива расширяет теоретический аппарат аксиологической лингвистики и институционального дискурс-анализа, предоставляя инструмент описания метаязыковых практик в многоязычных пространствах.
2. Хронорефлексивные проекты на татарском, марийском и башкирском языках образуют особый тип институционального дискурса, в котором язык функционирует не только как средство коммуникации, но и как инструмент коллективной рефлексии над временем, ценностями и идентичностью.
3. Институциональные форматы рассмотренных проектов («Татарские слова года», «Слово года в Татарстане», «Мемнан мутна», «Самое красивое башкирское слово») демонстрируют разнообразие акторов, процедур отбора и целевых аудиторий, но во всех случаях опираются на сочетание дискурсивной активности языковых единиц и их ценностной значимости для сообществ.
4. Функциональная архитектура хронорефлексивных инициатив включает пять взаимосвязанных функций — диагностико-рефлексивную, аксиологическую, идентификационную, политико-дискурсивную и просветительско-репрезентативную, — благодаря которым проекты типа «Слово года» оказываются встроенными как в локальные, так и в общегосударственные контуры языковой политики и культурного самоописания.
5. Аксиологические профили трех сообществ различаются (интегративный татарский, духовно-экологический марийский, семейно-экзистенциальный башкирский), но при этом соотносятся с общим ценностным горизонтом — семья, мир, взаимопомощь, родной язык, — что создает условия для символической интеграции в рамках многоязычного государства.
6. Проекты типа «Слово года» на государственных языках республик Российской Федерации функционируют как один из механизмов укрепления единства народов страны: через публичное признание и аксиологическую артикуляцию этнокультурных ценностей они трансформируют языковое многообразие в ресурс символической интеграции и общероссийской идентичности.

Ограничения проведенного исследования связаны с объемом корпуса — три языка, четыре проекта, период 2020–2025 гг. — и преимущественно качественной методологией; привлечение корпусной статистики и масштабных социологических опросов позволило бы уточнить распределение аксиологических кластеров и степень узнаваемости слов года в массовом сознании.

Перспективными направлениями представляются сравнительный анализ хронорефлексивных практик в других полиэтнических государствах, а также изучение динамики аксиологических доминант в долгосрочной перспективе — с применением корпусных и квантитативных методов. Это позволит установить, в какой мере российская модель «единства при многообразии» обладает типологической воспроизводимостью в иных социолингвистических контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абукаева Л. А. Пищевой культурный код в текстах марийских молитв // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pischevoy-kulturnyy-kod-v-tekstah-mariyskih-molitv (дата обращения: 13.01.2026).
2. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. — 2013. — № 5 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-mire (дата обращения: 12.01.2026).
3. Бородулина Н. Ю. Лингвистические маркеры эпохи через призму проекта «Слово года» / Н. Ю. Бородулина, Т. В. Мордовина // Преподаватель XXI век. — 2024. — № 2, ч. 2. — С. 480–490. — DOI: 10.31862/2073–9613-2024-2-480-490.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.
5. Вепрева И. Т. Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии / И. Т. Вепрева, Т. В. Мальцева // Политическая лингвистика. — 2017. — № 1 (61). — С. 132–138.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
7. Вульфович Е. В., Смирнова М. С. Слова года 2023 как показатели неологических процессов в русском и английском языках // МНИЖ. 2024. № 10 (148). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slova-goda-2023-kak-pokazateli-neologicheskih-protsessov-v-russkom-i-angliyskom-yazykah (дата обращения: 17.01.2026).
8. Габдрахманова Г. Ф. Язык в системе культурных составляющих идентичности татар // Социолингвистика. 2020. № 2 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-v-sisteme-kulturnyh-sostavlyayuschih-identichnosti-tatar (дата обращения: 17.04.2026).
9. Гайнанова, Д. Р. Концепт акча (деньги) в татарском паремиологическом фонде (на материале пословиц и поговорок с компонентом мал (имущество) / Д. Р. Гайнанова // Казанская наука. — 2022. — № 12. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=mxljhn (дата обращения: 17.04.2026).
10. Галяутдинов И. Г. Башкирский язык в полиэтничном регионе: социолингвистический анализ // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23, № 4. — С. 1107–1112.
11. Долгая Т. А. Хронорефлексивы как инструмент метаязыковой концептуализации времени (на материале проектов типа «Слово года») // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. — 2026. — № 5 (911). — С. 58–68.
12. Замятин К. Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) Сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2024. — № 3. — С. 137–149. — DOI: 10.17072/2218–1067-2024-3-137-149.
13. Замятин К. Ю. От языка нации к языку цивилизации: формирование государственной языковой политики России // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. — 2025. — Т. 19, № 3. — С. 122–132.
14. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
16. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.
17. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. — С. 75–80.
18. Кибрик А.А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы / А.А. Кибрик // Социолингвистика. — 2020. — № 1 (1). — С. 17–28. — DOI: 10.37892/2713–2951-2020-1-1-17–28.
19. Колоскова О. А., Пономаренко Е. В. Популярная лексика как отражение трансформационных процессов в лексической системе английского языка в 2020–2023 гг. // Вопросы прикладной лингвистики. — 2023. — № 51. — С. 137–162. — DOI: http://doi.org/10.25076/vpl.51.06.

20. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 10.01.2026).
21. Куцаева М. В. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2021. — № 4 (34). — С. 58–72.
22. Михальченко В. Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. 2015. №2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 17.01.2026).
23. Михальченко В. Ю. Социолингвистический портрет языка как прием сбора и интерпретации материала // Альманах современной науки и образования. — 2016. — № 9 (111). — С. 65–68.
24. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России: Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 962 // Официальный интернет портал правовой информации. 25.12.2025. № опубл. 0001202512250003. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003 (дата обращения: 12.01.2026).
25. Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. — М. — Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. — 390 с.
26. Правовой статус языков Российской Федерации // База данных информационно аналитических материалов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: http://pda.iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13973 (дата обращения: 11.01.2026).
27. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. 14.06.2024. № опубл. 0001202406140048. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406140048 (дата обращения: 10.01.2026).
28. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023622615 Российская Федерация. Социолингвистические проекты «Слово года» в мировой практике: № 2023622285: заявл. 12.07.2023: опубл. 31.07.2023 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Т. А. Долгая.
29. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2026620655 Российская Федерация. Хронорефлексивы в мировой практике: № 2026620369: заявл. 29 января 2026 г: опубл. 13 февраля 2026 г / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Т. А. Долгая.
30. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич; Волгоградский гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2004.
31. Тин У. Основные тенденции развития языковой политики России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 320–326. — https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-3-320-326
32. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. — М.: Наука, 2013. — 649 с.
33. Тишков В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы / В. А. Тишков // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89, № 4. — С. 408–412.
34. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. 11.07.2025. № опубл. 0001202507110017. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (дата обращения: 10.01.2026).
35. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 25.11.2025. № опубл. 0001202511250024. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 12.01.2026).
36. Хилханова, Э.В. Языковая политика в образовании и её роль в сохранении миноритарных языков в России и других странах / Э. В. Хилханова // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 162, кн. 5. — С. 261–271. — DOI: 10.26907/2541–7738.2020.5.261–271.
37. Шабыков В. И. Ценностная парадигма общественного сознания в Республике Марий Эл. — Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева, 2016.
38. Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. — М.: ИЭА РАН, 2021. — 620 с. — ISBN 978-5-4211-0273-1.
39. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. — М.: Институт языкознания РАН, 2015.

40. Fairclough, N. Language and Power. — 2nd ed. — London: Routledge, 2001.
41. Shohamy, E. Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. — London: Routledge, 2006.
42. Spolsky, B. Language Policy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
43. van Dijk, T. A. Discourse and Power. — Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008.
44. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual / R. Wodak. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — 252 p.

REFERENCES

1. Abukaeva, L. A. (2024). Pishchevoy kulturnyy kod v tekstakh mariyskikh molitv [Food cultural code in the texts of Mari prayers]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 1, 6 — 14. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/pischevoy-kulturnyy-kod-v-tekstah-mariyskih-molitv (accessed 12.01.2026). (In Russian).
2. Alpatov, V. M. (2013). Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world]. *Nauchnyy dialog*, 5(17). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-mire (accessed 12.01.2026). (In Russian).
3. Borodulina, N.Yu., & Mordovina, T.V. (2024). Lingvisticheskie markery epokhi cherez prizmu proekta «Slovo goda» [Linguistic markers of the era through the prism of the "Word of the Year" project]. Prepodavatel XXI vek, 2(2), 480–490. DOI: 10.31862/2073–9613-2024-2-480-490 (In Russian).
4. Dolgaya, T. A. (2026). Khronorefleksivy kak instrument metayazykovoy kontseptualizatsii vremeni (na materiale proektov tipa «Slovo goda») [Chronoreflexives as an instrument of metalinguistic conceptualisation of time: Evidence from word-of-the-year projects]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki, 5(911). (In Russian).
5. Fairclough, N. (2001). Language and Power (2nd ed.). London: Routledge. (In English).
6. Gabdrakhmanova, G. F. (2020). Yazyk v sisteme kulturnykh sostavlyayushchikh identichnosti tatar [Language in the system of cultural components of Tatar identity]. Sotsiolingvistika, 2(2). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-v-sisteme-kulturnyh-sostavlyayuschih-identichnosti-tatar (accessed 10 February 2026). (In Russian).
7. Galyautdinov, I. G. (2018). Bashkirskiy yazyk v polietnicheskom regione: sotsiolingvisticheskiy analiz [The Bashkir language in a multi-ethnic region: A sociolinguistic analysis]. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 23(4), 1107 — 1112. (In Russian).
8. Gaynanova, D. R. (2022). Kontsept akcha (dengi) v tatarskom paremiologicheskom fonde [The concept akcha ‘money’ in the Tatar paremiological fund]. Kazanskaya nauka, 12. Retrieved from https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=mxljhn (accessed 10.02.2026). (In Russian).
9. Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa [On types of discourse]. In V. I. Karasik & G. G. Slyshkin (Eds.), Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs [Linguistic personality: Institutional and personal discourse] (pp. 5 — 20). Volgograd: Peremena. (In Russian).
10. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs [The language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
11. Karasik, V. I. (2013). Yazykovaya matritsa kultury [The language matrix of culture]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
12. Karasik, V. I., & Slyshkin, G. G. (2001). Lingvokulturnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [The linguocultural concept as a unit of research]. In I. A. Sternin (Ed.), Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics] (pp. 75 — 80). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian).
13. Khilkhanova, E.V. (2020). Yazykovaya politika v obrazovanii i eyo rol' v sokhranenii minoritarnykh yazykov v Rossii i drugikh stranakh [Language policy in education and its role in preserving minority languages in Russia and other countries]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, 162(5), 261 — 271. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.5.261-271 (In Russian).
14. Kibrik, A.A. (2020). Sokhranenie yazykovogo raznoobraziya Rossii: kontury programmy [Preserving linguistic diversity of Russia: outlines of a program]. Sotsiolingvistika, 1(1), 17–28. DOI: 10.37892/272713–2951020-1-1-17-28 (In Russian).
15. Koloskova, O. A. & Ponomarenko, E. V. (2023). Populyarnaya leksika kak otrazhenie transformatsionnykh protsessov v leksicheskoy sisteme angliyskogo yazyka v 2020–2023 gg. [Popular vocabulary as a reflection of transformational processes in the English lexical system in 2020–2023]. Voprosy prikladnoy lingvistiki [Issues of Applied Linguistics], 51, 137–162. DOI: http://doi.org/10.25076/vpl.51.06 (In Russian).
16. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, odobrennykh v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (with amendments approved during the all-Russian vote

on 01.07.2020)]. Ofitsialnyy internet portal pravovoy informatsii. Retrieved from http://pravo.gov.ru/constitution/ (accessed 10.01.2026). (In Russian).
17. Kutsaeva, M. V. (2021). Funktsii etnicheskogo yazyka v mariyskoy diaspore moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region]. Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy, 4(34), 58–72. (In Russian).
18. Martynova, M.Yu. (Ed.). (2021). Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii [Language and identity: an anthropological study of the situation in Russia]. Moscow: IEA RAN. (In Russian).
19. Mikhal'chenko, V. Yu. (2015). Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennoy Rossii [Language situation and language policy in modern Russia]. *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka*. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-v-sovremennoy-rossii (accessed 17.01.2026). (In Russian).
20. Mikhalchenko, V. Yu. (2016). Sotsiolingvisticheskiy portret yazyka kak priyem sbora i interpretatsii materiala [The sociolinguistic portrait of a language as a method of data collection and interpretation]. Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya, 9(111), 65–68. (In Russian).
21. Milovanova, M. S. (Ed.), Sigal, K. Ya., Karasik, V. I., Slyshkin, G. G., Fominykh, B. I., Bozhenkova, N. A., Goncharova, L. M., Matrusova, A. N., & Shamsutdinova, R. R. (2022). *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian Linguoaxiology]. IYaz RAN, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina. Kantsler. (In Russian).
22. O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda edinstva narodov Rossii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25 dekabrya 2025 g. № 962 [On holding the Year of Unity of the Peoples of Russia in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 962 of December 25, 2025]. Ofitsialnyy internet portal pravovoy informatsii. 25.12.2025. No. publ. 0001202512250003. Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003 (accessed 12.01.2026). (In Russian).
23. Pravovoy status yazykov Rossiyskoy Federatsii [Legal status of the languages of the Russian Federation]. Baza dannykh informatsionno-analiticheskikh materialov Gosudarstvennoy Dumy Federalnogo Sobraniya RF. Retrieved from http://pda.iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13973 (accessed 11.01.2026). (In Russian).
24. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 12 iyunya 2024 g. № 1481-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1481-r of June 12, 2024 “On approval of the Concept of the State Language Policy of the Russian Federation”]. Ofitsialnyy internet portal pravovoy informatsii. 14.06.2024. No. publ. 0001202406140048. Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406140048 (accessed 10.01.2026). (In Russian).
25. Shabykov, V. I. (2016). Tsennostnaya paradigma obshchestvennogo soznaniya v Respublike Mariy El [The value paradigm of public consciousness in the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI im. V. M. Vasil’eva. (In Russian).
26. Shohamy, E. (2006). Language policy: Hidden agendas and new approaches. London: Routledge. (In English).
27. Slyshkin, G. G. (2004). Lingvokulturnyye kontsepty i metakontsepty [Linguocultural concepts and metaconcepts] (Doctoral dissertation). Volgograd State Pedagogical University, Volgograd. (In Russian).
28. Spolsky, B. (2004). Language policy. Cambridge: Cambridge University Press. (In English).
29. Svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2023622615. Sotsiolingvisticheskie proekty «Slovo goda» v mirovoy praktike [Certificate of state registration of database No. 2023622615. Sociolinguistic projects “Word of the Year” in world practice] / G. G. Slyshkin, I. V. Smirnova, T. A. Dolgaya. (In Russian).
30. Svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2026620655. Khronorefleksivy v mirovoy praktike [Certificate of state registration of database No. 2026620655. Chronoreflexives in world practice] / G. G. Slyshkin, I. V. Smirnova, T. A. Dolgaya. (In Russian).
31. Tin, U. (2024). Osnovnyye tendentsii razvitiya yazykovoy politiki Rossii [Main trends in the development of Russia’s language policy]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye, 11(3), 320 — 326. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-3-320-326 (In Russian).
32. Tishkov, V.A. (2013). Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [The Russian people: history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka. (In Russian).
33. Tishkov, V.A. (2019). Rossiiskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian identity: internal and external challenges]. Vestnik Rossiiskoi akademii nauk, 89(4), 408–412. (In Russian).
34. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 11 iyulya 2025 g. № 474 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 11, 2025 “On approval of the Foundations of the State Language Policy of the Russian Federation”]. Ofitsialnyy internet portal pravovoy informatsii. 11.07.2025. No. publ. 0001202507110017. Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017 (accessed 10.01.2026). (In Russian).

35. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25 noyabrya 2025 g. № 858 «O Strategii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2036 goda» [Decree of the President of the Russian Federation No. 858 of November 25, 2025 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036"]. Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. 25.11.2025. No. publ. 0001202511250024. Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (accessed 12.01.2026). (In Russian).
36. van Dijk, T. A. (2008). Discourse and power. Houndmills: Palgrave Macmillan. (In English).
37. Vepreva, I.T. (2005). Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow: OLMA-PRESS. (In Russian).
38. Vepreva, I. T., & Mal'tseva, T. V. (2017). Bazovye tsennosti rossiyan v otrazhenii yazykovoy refleksii [Basic values of Russians in the reflection of language reflexion]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(61), 132–138. (In Russian).
39. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: The formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. Filologicheskiye nauki, 1, 64–72. (In Russian).
40. Vulfovich, E. V., & Smirnova, M. S. (2024). Slova goda 2023 kak pokazateli neologicheskikh protsessov v russkom i angliyskom yazykakh [Words of the year 2023 as indicators of neological processes in Russian and English]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatelskiy zhurnal [International Research Journal], 10(148). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/slova-goda-2023-kak-pokazateli-neologicheskih-protsessov-v-russkom-i-angliyskom-yazykah (accessed 17.01.2026). (In Russian).
41. Wodak, R. (2009). The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan. (In English).
42. Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh protsessov [Language policy in the context of contemporary language processes]. (2015). Moscow: Institute of Linguistics, RAS. (In Russian).
43. Zamyatin, K. Yu. (2024). Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat yazykovoe mnogoobrazie? (I) Sokhranenie yazykov Rossii, yazykovaya politika i yazykovaya revitalizatsiya [Why are we failing to preserve linguistic diversity? (I) Preservation of the languages of Russia, language policy and language revitalization]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya [Perm University Herald. Political Science], 3, 137 — 149. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-3-137-149. (In Russian).
44. Zamyatin, K. Yu. (2025). Ot yazyka natsii k yazyku tsivilizatsii: formirovaniye gosudarstvennoy yazykovoy politiki Rossii [From the language of the nation to the language of civilisation: Formation of Russia's state language policy]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya, 19(3), 122 — 132. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/ot-yazyka-natsii-k-yazyku-tsivilizatsii-formirovanie-gosudarstvennoy-yazykovoy-politiki-rossii (accessed 5 January 2026). (In Russian).

Поступила в редакцию 20.04.2026 г.

CHRONO-REFLEXIVE PROJECTS IN OFFICIAL LANGUAGES OF RUSSIAN FEDERATION REPUBLICS AS MECHANISM FOR MAINTAINING MULTILINGUALISM AND OF COUNTRY'S PEOPLES UNITY STRENGTHENING

T.A. Dolgaya

This article examines chrono-reflexive projects such as "Word of the Year" in the Tatar, Mari, and Bashkir languages as a special form of institutional linguistic reflection in the multilingual space of the Russian Federation. The empirical basis of the research consists of four projects: two in the Tatar language, one in the Mari language and one in the Bashkir language. The methodological framework includes conceptual analysis, discourse analysis, qualitative content analysis, and comparative typological analysis. It is shown that chrono-reflexive projects perform five interrelated functions: diagnostic-reflexive, axiological, identification, political-discourse, and educational-representative. The comparative analysis reveals three configurations of axiological dominants: integrative (Tatar projects), spiritual-ecological (Mari project), and familial-existential (Bashkir competition), all within a common value framework (family, peace, mutual assistance, native language). It is concluded that projects such as "Word of the Year" in the official languages of the Russian Federation republics function as a mechanism for pan-Russian identity strengthening through public recognition and articulation of ethnocultural values, thereby transforming the country's linguistic diversity into a resource for symbolic integration.

Key words: chrono-reflexive projects, word of the year, institutional discourse, axiological linguistics, language policy, languages of the peoples of Russia, Tatar language, Mari language, Bashkir language.

Долгая Татьяна Анатольевна.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.
Старший преподаватель центра лингвистики и профессиональной коммуникации, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».
ORCID 0009-0008-3626-889X.
E-mail: dota73@mail.ru

Tatiana Anatolyevna Dolgaya.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.

Assistant Professor, Centre for Linguistics and Professional Communication, Expert, Research Laboratory "Linguistic Security and Psychology of Information Impact".

ORCID 0009-0008-3626-889X.
E-mail: dota73@mail.ru

Научная статья
УДК 81'27:81'373.21(470.6)
DOI: 10.5281/zenodo.21127971

КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ ПОГРАНИЧЬЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ТОПОНИМИИ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ[3]

© 2026 *С. С. Каширокова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова»
ORCID: 0009-0009-3832-4901

В статье предпринята попытка лингвокультурологической реконструкции механизмов формирования коллективной идентичности терского казачества через анализ его топонимической системы. Теоретическую рамку исследования составляют концепция культурных констант Ю.С. Степанова, теория номинации и критически адаптированная к российскому контексту концепция фронтира. В результате проведенного анализа корпуса исторических топонимов классифицированы три группы лингвистических механизмов: 1) конструирующие «свое» пространство (перенос, антропонимическая мемориализация, создание обжитого пространства); 2) маркирующие «чужое» (заимствование, описательная номинация); 3) гибридные, снимающие жесткую оппозицию (семантическое переосмысление, параллельные названия). Доказывается, что топонимический ландшафт терских казаков представляет собой семиотическое наслоение, в котором отражена динамика ключевых констант («Граница», «Свое — Чужое», «Память») — от конфронтации к взаимодействию и синтезу.

Ключевые слова: культурные константы, фронтир, терские казаки, топонимия, лингвокультурология, семиотика пространства, «свое» и «чужое», языковая адаптация, гибридная идентичность, Северный Кавказ.

Для цитирования: Каширокова С. С. Культурные константы пограничья: лингвистические механизмы формирования «своего» и «чужого» в топонимии терских казаков / С. С. Каширокова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 201–210. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21127971.

Введение. Феномен пограничья, или фронтира как зоны интенсивного межкультурного взаимодействия, представляет собой один из наиболее продуктивных объектов для современных гуманитарных исследований. Особый интерес в этом контексте вызывает история и культура терского казачества, сформировавшегося в XVI–XVIII вв. на стыке славянской, северокавказской и тюркской цивилизаций. Культура терских казаков возникла не как простая трансплантация великорусских традиций, а как сложный синтез, результатом которого стало появление уникальных форм идентичности, материальной и духовной жизни. Как отмечает Е.Ф. Ковлакас, исследуя аналогичные процессы в полиэтничном регионе Кубани, «топонимическая картина мира полиэтнического региона», репрезентируемая топонимами, отражает материальный и духовный опыт народа [7, с. 142].

[3] Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».
The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 45).

Одним из наиболее репрезентативных и одновременно недостаточно изученных источников для реконструкции этой гибридной культуры является топонимия — совокупность географических названий, закрепленных казачьим сообществом за объектами окружающего ландшафта. Топонимия выступает как мощный семиотический инструмент освоения пространства: каждый акт номинации есть акт присвоения, включения территории в свою концептуальную картину мира, маркировки ее как «своей», «чужой», «опасной» или «дружественной».

Целью данной статьи является выявление и анализ лингвистических механизмов, посредством которых в топонимической системе терских казаков конструировались и воспроизводились фундаментальные культурные оппозиции «своего» и «чужого». Для ее реализации последовательно решены следующие **задачи:**

1) обосновано применение концепции культурных констант (Ю.С. Степанов) к исследованию культуры пограничья (фронтира) и определены базовые константы («граница», «свое — чужое», «память»), релевантные для анализа топонимии как семиотической системы освоения пространства;

2) определен корпус источников и сформирована комплексная междисциплинарная методология, интегрирующая лингвокультурологический подход, теорию номинации и теорию фронтира для анализа топонимических данных;

3) охарактеризованы и классифицированы лингвистические механизмы конструирования «своего» и маркировки «чужого» пространства в топонимии терских казаков;

4) выявлены и проанализированы лингвистические механизмы гибридизации (семантического переосмысления, номинации симбиоза, возникновения параллельных названий), свидетельствующие о трансформации оппозиции «свое — чужое» и формировании уникальной пограничной идентичности терских казаков;

5) интерпретирована топонимическая система терских казаков как лингвокультурная интерференция и доказано, что она репрезентирует динамику ключевых культурных констант пограничья, выступая инструментом символического освоения территории и конструирования коллективной идентичности.

Теоретической основой исследования служит концепция культурных констант, разработанная Ю.С. Степановым. В своем фундаментальном труде он определяет константы как «концепты, существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [6, с. 84]. Они образуют инвариантный каркас культуры, ее «свернутый» генетический код, который раскрывается в различных дискурсивных практиках. Для культуры пограничья, находящейся в состоянии постоянного диалога и противостояния, именно оппозиция «свое — чужое» становится одной из таких ключевых, структурообразующих констант. Применение метода семантических оппозиций, как подчеркивает Е.Ф. Ковлакас, помогает «проникнуть в сущность топонимического материала» и вычленить «скрытые смыслы и основу мировидения» [7, с. 140].

Ключевые для нашего исследования концепты «свое» и «чужое» напрямую связаны с фундаментальным для русской культуры концептом «мир». Как отмечает Ю.С. Степанов, «Концепт „мир“ в культурном отношении является производным от концепта „свои“ — „чужие“, в нем соединяются компоненты-концепты „Место (пространство)“, „свои, свой народ“ и „закон, законность“» [12, с. 87]. Эта связь раскрывается в семантической двуединости слова: «Мир — обжитое пространство», «в древнерусском выражается словом миръ, и тем же словом выражается понятие „согласие, покой, отсутствие вражды“» [12, с. 87]. Таким образом, создание «своего» пространства — это одновременно акт его «омирения», установления в нем порядка и закона,

противопоставленного внешнему «чуждому» хаосу. Само понятие освоенного места также имеет глубинные культурные корни: «Концепт “место” в русском языке выражается и.-е. корнем *mei- — „укреплять“, в именном значении „столб, балка, деревянная постройка“». «Древнерусское мѣсто, первоначально означавшее укрепленное и освещенное место; в дальнейшем эти значения разошлись, приведя, с одной стороны, к значению „укрепленное место, город“, с другой, к значению „место, местоположение, пространство“» [12, с. 89]. Топонимическая практика казаков, таким образом, может рассматриваться как продолжение этой древней семиотической традиции «укрепления» и «освещения» (т.е. означивания) пространства, превращения «чужого» в «освоенное место» в рамках своего «мира».

Второй важнейшей теоретической опорой выступает концепция фронтира. Однако её применение требует критического анализа. Как справедливо указывает И. П. Басалаева, активная эксплуатация этого концепта в постсоветской историографии «не сопровождается должной методологической рефлексией его содержания и эпистемологических оснований» [3, с. 20]. Классическая концепция Ф. Дж. Тернера, сформулированная в конце XIX века, несёт на себе след эпохи и «явный отпечаток… идей философии жизни», представляя динамику фронтира как «институциональное проявление сокровенных “жизненных сил”» [3, с. 26]. Более того, в её основе лежат имперские и колонизационные нарративы. И. П. Басалаева подчёркивает, что «фронтирную концепцию Ф. Дж. Тернера следует расценивать как проект имперской реинтерпретации истории», в рамках которой земли, на которые распространялась экспансия, «официально объявлялись пустующими, безлюдными, свободными», а сам процесс колонизации виделся как цивилизаторская миссия [3, с. 23, 25]. Этот подход игнорировал картину мира автохтонных народов, что отражалось в «бинаристской логике семантико-аксиологических оппозиций», где индигенные группы описывались как «чистый объект, лишенный голоса» [3, с. 24].

Следовательно, используя теорию фронтира как описательную модель для казачьего пограничья, необходимо учитывать её гносеологическую ограниченность. Кавказский фронтир не был «пустым пространством», а представлял собой плотно означенный автохтонными культурами ландшафт. Механизмы топонимического освоения, анализируемые ниже, показывают не просто «расширение границ», а сложный процесс семиотического диалога, конфликта и синтеза, в котором стратегии Тернера (присвоение «пустоты») сочетаются с вынужденным признанием и адаптацией уже существующей «чужой» номинативной системы.

Научная новизна работы заключается в применении методологии Ю.С. Степанова к материалу не «классической» русской культуры, а ее пограничного, казачьего варианта, а также в комплексном лингвокультурологическом анализе топонимии как динамической системы, отражающей процесс становления гибридной идентичности. Работа также вносит вклад в критическое переосмысление концепции фронтира применительно к российскому/казачьему контексту, смещая фокус с колонизационной парадигмы на анализ семиотических механизмов межкультурного взаимодействия.

Концепция Ю. С. Степанова позволяет рассматривать культуру не как хаотичный набор явлений, а как структурированное целое, центрированное вокруг ряда устойчивых концептов-констант. Эти константы («Правда», «Закон», «Любовь», «Слово», «Вера» и др.) обладают свойством инвариантности, но их конкретное содержание и взаимоотношения могут варьироваться в зависимости от исторического и социального контекста. Культура пограничья, по нашему мнению, обладает собственным набором констант, производных от базовых, но адаптированных к условиям постоянного межкультурного контакта.

Развивая идеи Ю.С. Степанова, современная лингвокультурология ищет инструменты для более операциального анализа того, как культурные смыслы «сворачиваются» в языке и «разворачиваются» в дискурсе. В этом контексте плодотворной представляется метадисциплинарная теория когнитивно-прагматических программ (КПП) Д. И. Иванова, согласно которой культурный концепт следует рассматривать не только как «сгусток культуры» в сознании человека, но и как константу особого рода — константу когнитивно-прагматической программы [5, с. 5]. Этот подход перекликается с идеей Е. Ф. Ковлакас о том, что топонимы, являясь именами собственными, выступают «одним из активных элементов, определяющих систему знаний о мире и участвующих в формировании мировоззрения человека» [6, с. 71].

В рамках этой концепции происходит важное уточнение статуса концепта: сохраняя все свои базовые свойства, он предстает как «программный код», то есть как результат процесса «кодификации». Как поясняет И. Д. Иванов, «смена статуса концепта (исходный статус: концепт — константа программы) приводит к его закономерной трансформации, которую условно можно назвать кодификацией концепта. Другими словами, концепт, сохраняя все свои базовые свойства и характеристики, превращается в „программный код“» [5, с. 5].

Сам процесс кодификации, по мысли исследователя, включает два этапа: категоризацию (адаптацию концепта к условиям программы) и функциональную конкретизацию (когнитивно-ментальную «алгоритмизацию» его содержания) [5, с. 6]. Применительно к материалу нашего исследования это означает, что топонимическую систему терских казаков можно интерпретировать как результат подобной кодификации фундаментальных культурных констант пограничья («граница», «свое — чужое», «память»). Топоним в этой парадигме выступает не просто как имя собственное, а как вербализованный «программный код», в котором в «свернутом» виде заложена целая когнитивно-прагматическая программа: идентификация объекта, его оценка, связь с историей сообщества и регуляция отношения к нему. Е. Ф. Ковлакас предлагает рассматривать топоним как знак, связывающий носителя имени и носителя сознания, что позволяет ему становиться «знаком культуры» [6, с. 72].

Одной из центральных для фронтира становится константа «Граница», понимаемая не как линия раздела, а как зона напряжения, взаимодействия и взаимопроникновения. Она тесно связана с диадой «Свое — Чужое», которая в стабильных культурных ареалах часто носит латентный характер, но на границе выдвигается на первый план, становясь основой мировосприятия. «Свое» в условиях фронтира — это не только унаследованная традиция, но и постоянно отстаиваемый и переосмысляемый комплекс ценностей, норм и практик. «Чужое» — это не только внешняя угроза, но и источник новых элементов, которые могут быть ассимилированы, адаптированы и включены в свою систему. Как отмечает Е. Ф. Ковлакас, «народ-номинатор (в нашем случае переселенцы), изначально отрицательно оценивая „чужое“ пространство, переносит на него ценности „своего“ пространства, называя его или именем своей родины, или названием своего полка» [9, с. 143]. Так возникает «вторично-родное» пространство [7, с. 143].

Лингвистика, и, в частности, ономастика, предоставляет уникальный инструментарий для изучения этих процессов. Топонимия, согласно теории номинации, является результатом выбора определенного признака для наименования объекта. Этот выбор никогда не бывает нейтральным — он отражает ценностные ориентиры, исторический опыт и картину мира номинативного сообщества. Восприятие пространства при этом может идти по двум типам: маршрутному (вдоль реки или объектов) или радиальному (от человека как центра) [8, с. 5–6]. Для кочевых и полукочевых народов, с которыми взаимодействовали

казаки, был характерен именно радиальный тип, что влияло и на их топонимические практики [8, с. 5–6]. Таким образом, анализируя корпус топонимов, мы можем реконструировать, как в языке и через язык происходило символическое освоение пространства, как маркировались зоны «своего» и «чужого», как «чужое» постепенно становилось «своим» через механизмы языковой адаптации.

Материалы и методы исследования. Исследование построено на междисциплинарной **методологической базе**, объединяющей: лингвокультурологический анализ [10; 13] для выявления связи языковых форм с культурными смыслами, теорию номинации (А.В. Суперанская, В.Н. Топоров) [9; 10] для понимания механизмов выбора и закрепления названий, концепцию фронтира (Ф.Дж. Тернер, адаптированную к российскому контексту) для интерпретации социокультурных условий формирования топонимии с учётом её критического переосмысления, предложенного И. П. Басалаевой [3].

Источниковую базу составили картографические материалы XIX — начала XX вв. (карты Терской области, Кавказского края); архивные документы (посемейные списки станиц, станичные приговоры) из фондов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А); научные труды по топонимии Северного Кавказа [1; 2]; словари и справочники [11; 12; 13]. Общий корпус проанализированных топонимических единиц составляет более 100 наименований, включая названия станиц, хуторов, рек, урочищ и других географических объектов на территории проживания терских казаков.

Основная часть. Анализ лингвистических механизмов конструирования «своего» и «чужого». Как справедливо отмечают исследователи, «на конструирование, формирование, функционирование номинаций географических объектов в том или ином ареале, бесспорно, влияют физико-географический, исторический, политический, экономический, культурный, социальный, мировоззренческий и иные факторы, придающие топонимии информативную, культурологическую ценность» [2, с. 74]. Данное положение в полной мере относится и к топонимической системе терского казачества, формировавшейся в уникальных условиях Кавказского фронтира. Именно комплексное взаимодействие перечисленных факторов — от физико-географических особенностей региона до сложных социально-политических и этнокультурных процессов — определило специфику ойконимии терских казаков. Географическая среда (реки, горы, леса) предоставляла естественные ориентиры для номинации, исторические условия (военная служба, колонизационная политика государства) диктовали необходимость в названиях-маркерах, а культурные и мировоззренческие установки (православная традиция, память об исторической родине, уважение к героям) наполняли топонимы глубинными смыслами, превращая их в значимые элементы коллективной идентичности. Анализ этой информативной и культурологической ценности, заложенной в названиях станиц, позволяет реконструировать картину мира казачьего сообщества.

Первый комплекс механизмов направлен на создание в новом, часто враждебном, пространстве узнаваемых островков «своей» исходной культуры. Этот процесс соответствует не только прагматике освоения, но и той «имперской реинтерпретации истории» [3, с. 25], которая склонна воспринимать новую территорию как tabula rasa, подлежащую означиванию. Однако, в отличие от американского фронтира, здесь это означивание часто накладывается на уже существующие автохтонные названия. Народ-номинатор, по точному замечанию Е.Ф. Ковлакас, стремиться сделать «чужое» пространство «не-чужбиной», создавая «вторично-родное» пространство через перенос привычных имен и ценностей [7, с. 143].

1. Перенос исходных топонимов. Это самый прямой способ символического присвоения территории, имплицитно утверждающий её «пустоту» для своей культуры. Названия, принесенные с исторической родины (южнорусских и центральных губерний), накладывались на новые географические объекты, создавая эффект «домашнего» ландшафта. Так появляются станицы а) с прямым переносом: *Курская* (от Курской губернии), *Червленная* (Червлёный Яр в Рязанском княжестве), *Ладожская* (от Ладожского полка), *Тифлисская/Тбилисская* (по имени Тифлисского редута, у которого была заложена); б) перенос с формантами «ново-/старо-»: *Новокорсуновская, Новоджерелиевская/Староджерелиевская, Новотитаровская/Старотитаровская, Нововеличковская/Старовеличковская, Новощербиновская/Старощербиновская, Новомарьевская/Старомарьевская, Новогладковская/Старогладковская.* В связи с тем, что появляются противоположные наименования по типу «новый/старый», то корень ойконима (за семантической избыточностью) исчезает из активного узуса. Эти механизмы напрямую реализует константу «свое» как нечто, противопоставленное окружающему «чужому» миру, и служит мощным фактором внутренней консолидации группы, создавая «архипелаг» своего «мира» в смысле, описанном Ю.С. Степановым.

2. Антропонимическая мемориализация. Наречение мест в честь атаманов, героев или первопоселенцев — распространенная практика, создающая «свой» пантеон и «свою» историю на новой земле. Здесь мы наблюдаем реализацию концепта «Человек», который, по мысли Е.Ф. Ковлакас, может быть представлен на трех уровнях: конкретная личность (герой, атаман), родовой социум (память о первопоселенцах) и племенной социум (христианские святые как часть «своего» народа) [6, с. 73–75]. Станицы назывались а) в честь членов царской семьи и государственных деятелей: *Екатериноградская, Екатерининская, Александровская, Александрийская, Николаевская, Павлодольская, Григориполисская, Елизаветинская*; б) в честь военачальников и атаманов: *Суворовская, Котляревская, Слепцовская, Некрасовская, Кахановская, Титаровская;* в) в честь святых (христианский пантеон как часть «своей» сакральной географии): *Михайловская, Петропавловская, Марьинская, Геогргиевская, Александрийская;* а также г) в честь христианских праздников: *Вознесенская, Троицкая, Воздвиженская*. Это не просто ритуальная практика, а активное семиотическое утверждение своей религиозной и культурной доминанты в инородном окружении. Этот тип номинации, как отмечал Ю.С. Степанов, связан с константой «Память», которая в казачьей среде приобретает характер культа предков и героев, отстоявших границу. Это также акт «укрепления места» (mei-), связывания его с сакральными фигурами коллективной идентичности.

3. Создание обжитого пространства. Внутри станичного юрта возникали сотни названий мелких объектов, неизвестные внешнему миру: *Каргинский редут, Козий Яр, редут у Ста Дерев, Солиманов брод, Черногаев хутор, Урочище на севере от станицы Калиновской, Бештов хутор, Батыркин хутор, Сакайкин хутор,* и др. Также возникали поселения с наименованиями а) по физико-географическим признакам: *Приближная, Пришибская, Лысогорская, Усть-Лабинская, Верхнеподгорное/Нижеподгорное, Северная, Круглолесская,* отражающие рельеф и локацию объекта; *Горячеводская, Кисловодская, Железноводская,* иллюстрирующие наличие и расположение целебных вод на территории; *Дубовская, Калиновская, Стодеревская, Змейская, Барсуковская,* репрезентирующие флору и фауну; *Темнолесская, Красногорская, Прочноокопская, Каменнобрордская,* раскрывающие свойства объектов; б) по роду деятельности человека*: Солдатская, Шелкозаводская, Воровсколесская* (маркировка опасности извне, что также конституирует «свое» безопасное пространство).

Эта система топонимов выполняла утилитарную (ориентация) и социокультурную функции. Она создавала плотное, детально прописанное, «обжитое» пространство, понятное только своим. Это уровень максимальной интенсивности константы «Свое», пространство абсолютной безопасности и порядка, противопоставленное внешнему миру. Именно такое пространство в полной мере соответствует концепту «миръ» как «обжитое пространство» и «согласие» [6, с. 87]. Это «место», которое было «укреплено» (mѣsto) не столько физически, сколько семиотически, через густую сеть имён. Это соответствует параметру «обжитости пространства», который Е.Л. Березович считает одним из ключевых для качественной характеристики освоенной человеком территории [цит. по 8, с. 5].

Второй комплекс стратегий связан с необходимостью ориентации и взаимодействия в уже именованном автохтонными культурами ландшафте. Эти механизмы демонстрируют выход за рамки чисто колонизационной модели и признание существования «Другого».

1. Заимствование и фонетическая адаптация автохтонных топонимов. Это наиболее частотный и прагматичный механизм. Казаки заимствовали у соседей-горцев названия крупных, стратегически важных объектов, адаптируя их к фонетике своего диалекта. Так возникли наименования как гидронимические заимствования (прагматическое принятие «чужого» имени для ключевых объектов): *Ассиновская* (р. Асса), *Сунженская* (р. Сунжа), *Усть-Джегутинская* (р. Джегута), *Зольская* (р. Золка), *Терская* (р. Терек), *Урухская* (р. Урух), *Ардонская* (р. Ардон), *Левокумское/Правокумское* (р. Кума), *Ессентукская* (р. Ессентук), *Урупская* (р. Уруп), *Лабинская* (р. Лаба), *Чамлыкская* (р. Чамлык). Это основной механизм включения «чужого» ландшафта в свою оперативную карту. Так, номинация по уже существующему «чужому» имени свидетельствует о признании факта первичного освоения территории другими народами. Однако адаптация — это уже первый шаг к семиотическому освоению, включению объекта в свою коммуникативную среду. Интересно, что подобные процессы характерны и для других регионов: как отмечает Н.А. Пряманова, в тюркской ойконимии также преобладают оттопонимические названия, образованные от гидронимов (Аксу, Карасу), что связано с типом хозяйствования и мировосприятием народа [8, с. 6].

2. Описательная номинация с маркировкой «чужого». Прямое или косвенное указание на этническую принадлежность объекта или его связь с соседним народом: *Воровсколесская* (действия горцев как «чужих»), *Темижбекская* (соседство с аулом князя Темижбека), *Моздок* — название города происходит от кабардино-черкесского «мэздэгу» («мэз» — лес, «дэгу» — глухой, густой). Такие названия четко фиксируют границу контакта, зону перехода. Они маркируют «Чужое» как внешний, но знакомый и локализованный фактор. Эта стратегия отражает бинарную модель мира, характерную для ранних этапов существования на фронтире, и соответствует «бинаристской логике семантико-аксиологических оппозиций» [3, с. 24], но уже на уровне лингвистической практики.

Наиболее продуктивным для понимания специфики пограничной культуры является анализ случаев, когда оппозиция «свое — чужое» снимается, порождая новые, гибридные формы. Здесь происходит трансформация фронтира из «барьера» в «мост», что соответствует современному пониманию фронтира как процесса социального конструирования пространства.

1. Семантическое переосмысление «чужого» топонима. Заимствованное название начинает жить своей жизнью в рамках казачьей истории. Например, *Ессентукская, Солдатская Малка, Моздок, Боргустанская, Ахтанизовская, Урупская, Чамлыкская* и др. Автохтонное название, лишенное для казаков исходного смысла, обрастало новыми коннотациями, вплеталось в «свою» историю. Это процесс активной, творческой

переработки «чужого» в «свое». Это подтверждает тезис Е.Ф. Ковлакас о том, что топонимы «могут служить посредниками при переходе с одного кода картины мира на другой» [7, с. 144].

2. Возникновение «двойных», альтернативных или параллельных названий. Один и тот же объект может иметь казачье название для внутреннего употребления и общепринятое заимствованное — для внешней коммуникации. Например, *Калиновская/Гал-Г1ала, Червленная/Оьрза-Г1ала, Николаевская/Салт-Г1ала, Ассиновская/Эха-Борзе, Троицкая/Обарг-Юрт* и др. Это языковое явление есть прямое отражение двойственности, бикультурности казачьей идентичности, её положения «между» культурами. Подобные примеры биноминации подробно фиксируются в современных исследованиях по топонимике региона [10; 13].

Таблица 1. Лингвистические механизмы конструирования «своего» и «чужого» в топонимии терских казаков

Механизм	Группа	Примеры	Культурная константа
Перенос	Конструирование «своего»	Курская, Ладожская, Новотитаровская и др.	«Свое», «Мир»
Антропонимическая мемориализация	Конструирование «своего»	Суворовская, Михайловская, Екатериноградская и др.	«Память», «Сакральное»
Номинация по свойствам	Конструирование «своего»	Лысогорская, Горячеводская, Дубовская и др.	«Свое» (освоение/обжитость)
Заимствование	Маркировка «чужого»	Сунженская, Урупская, Ардонская и др.	«Граница», «Чужое»
Описательная маркировка	Маркировка «чужого»	Воровсколесская, Темижбекская и др.	«Чужое» как угроза
Семантическое переосмысление	Гибридизация/ Синтез	Моздок, Ессентукская, Чамлыкская и др.	Диалог культур
Параллельные названия	Гибридизация/ Синтез	Калиновская/ Гал-ГIала; Червленная/ Оьрза- ГIала и др.	Бикультурная идентичность

Как видно из таблицы, топонимическая система охватывает широкий спектр стратегий — от утверждения исключительно «своего» до сложных гибридных форм.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что топонимическая система терских казаков представляет собой не случайный набор названий, а сложно организованный лингвокультурный код, в котором зашифрована история освоения Кавказского фронтира.

Лингвистические механизмы именования выступают инструментами реализации фундаментальных культурных констант пограничья — «Границы» и диады «Свое — Чужое», которые, в свою очередь, тесно связаны с базовыми для русской культуры концептами «Мир» и «Место». Стратегии переноса и мемориализации конструируют «архипелаги» своего мира, «укрепляя» новое пространство. Механизмы заимствования и описательной номинации осваивают и маркируют «чужое» пространство, признавая его существование, но подчиняя своим категориям. Наконец, практики семантического переосмысления и синтеза порождают гибридные формы, которые являются наиболее ярким свидетельством формирования новой, пограничной идентичности.

В центре этого процесса всегда находится человек. Как справедливо отмечает Е. Ф. Ковлакас, «человек наделяет окружающий мир собственными пространственными

представлениями» [7, с. 144], и топонимическая картина мира «закрепляет индивидуальное и общенациональное в восприятии географического пространства» [7, с. 147].

Использование концепции фронтира для анализа этого процесса продуктивно, но, как показывает работа И. П. Басалаевой, требует осторожности и критической дистанции. Кавказский фронтир терских казаков не был движением в «пустоту», а представлял собой напряженный диалог с уже сформированными культурными ландшафтами. Топонимический ландшафт терских казаков предстает как система, где слои различного происхождения (славянские, тюркские, кавказские) накладываются и взаимодействуют друг с другом. Это явление отражает динамику константы «Свое — Чужое»: от жесткого противопоставления — через взаимодействие — к частичному взаимопроникновению и синтезу.

Таким образом, изучение топонимии через призму теории культурных констант и с учетом критического взгляда на эпистемологию фронтирной концепции не только раскрывает специфику казачьей культуры Кавказа, но и вносит вклад в общую теорию пограничья, демонстрируя, как языковые практики становятся ключевым инструментом символического освоения территории, конструирования коллективной идентичности и семиотического взаимодействия этносов в зоне интенсивного межкультурного контакта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий /Отв. ред. Э. М. Мурзаев; АН СССР. — Москва: Наука, 1990. — 254 с.
2. Ахматова, М. А., Башиева, С.К., Кимов, Р.С. Особенности репрезентации мира в разных лингвокультурах: монография. — Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2022 — 139 с.
3. Басалаева И. П. Социально-философские основания концепции фронтира Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств — 2012. — С. 20–28.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). — Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 331 с.
5. Иванов Д.И. О «константах культуры» в контексте теории когнитивно-прагматических программ (теоретический этюд). // Мир русского слова. — 2022. — № 4. — С. 4–13. — DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-4-13.
6. Ковлакас Е.Ф. Когнитивно-прагматический аспект исследования топонимической системы // Вестник Читинского государственного университета. — 2008. — № 4 (49). — С. 71–77.
7. Ковлакас Е.Ф. Семантика «свой / чужой» в топонимической картине мира // Верхневолжский филологический вестник. — 2025. — № 3 (42). — С. 140–149. — DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-140.
8. Пряманова Н. А. Пространственные маркеры ойконимической картины мира// Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2011. — №6 — С. 184–190.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / АН СССР. Ин-т языкознания. — Москва: Наука, 1973. — 366 с.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст // Язык. Семиотика. Культура– Москва: Яз. рус. культуры, Кошелев, 1997. — С. 455–515.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. — Майкоп: Краснодаское кн. изд-во, Адыгейское отд-ние, 1981. — 183 с.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
13. Твердый А.В. Кавказ в именах, названиях, легендах. — Краснодар, 2008. — 230 с.

REFERENCES

1. Ageeva, R. A. (1990). Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanij [Countries and Peoples: The Origin of Names]. (E. M. Murzaev, Ed.). Moscow: Nauka. (In Russian).
2. Akhmatova, M. A., Bashieva, S. K., & Kimov, R. S. (2022). Osobennosti reprezentatsii mira v raznykh lingvokul'turakh [Features of World Representation in Different Linguocultures]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University. (In Russian).

3. Basalaeva, I. P. (2012). Sotsial'no-filosofskie osnovaniya kontseptsii frontira F. Dzh. Ternera [Socio-Philosophical Foundations of F. J. Turner's Frontier Concept]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 19/1, 20–28. (In Russian)
4. Ivanov, D. I. (2022). O «konstantakh kul'tury» v kontekste teorii kognitivno-pragmaticheskikh programm (teoreticheskij etyud) [On "Cultural Constants" in the Context of the Theory of Cognitive-Pragmatic Programs (A Theoretical Study)]. Mir russkogo slova, 4, 4–13. https://doi.org/10.24412/1811-1629-2022-4-4-13 (In Russian).
5. Kovlakas, E. F. (2008). Kognitivno-pragmaticheskij aspekt issledovaniya toponimicheskoj sistemy [Cognitive and Pragmatic Aspect of the Toponymic System Research]. Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta, 4(49), 71–77. (In Russian).
6. Kovlakas, E. F. (2025). Semantika «svoj / chuzhoj» v toponimicheskoj kartine mira [Semantics of "Own / Foreign" in the Toponymic Image of the World]. Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik, 3(42), 140–149. https://doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-140 (In Russian).
7. Meretukov, K. Kh. (1981). Adygejskij toponimicheskij slovar' [Adyghe Toponymic Dictionary]. Maykop: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Adygejskoe otdelenie. (In Russian).
8. Pryamanova, N. A. (2011). Prostranstvennye markery ojkonimicheskoj kartiny mira [Spatial Markers of the Oikonymic Worldview]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, 6, 184–190. (In Russian).
9. Stepanov, Yu. S. (2001). Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture] (2nd ed.). Moscow: Akademicheskij Proekt. (In Russian).
10. Superanskaya, A. V. (1973). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka. (In Russian).
11. Toporov, V. N. (1997). Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In Yazyk. Semiotika. Kul'tura [Language. Semiotics. Culture] (pp. 455–515). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian).
12. Tverdyj, A. V. (2008). Kavkaz v imenakh, nazvaniyakh, legendakh [The Caucasus in Names, Appellations, Legends]. Krasnodar. (In Russian).
13. Vorob'ev, V. V. (1997). Lingvokul'turologiya (Teoriya i metody) [Cultural Linguistics (Theory and Methods)]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russian).

Поступила в редакцию 27.02.2026 г.

BORDERLANDS CULTURAL CONSTANTS: LINGUISTIC MECHANISMS OF «OUR» AND «ALIEN» FORMATION IN TEREK COSSACKS TOPONYMY

S. S. Kashirokova

The article attempts to reconstruct, from a linguocultural perspective, the mechanisms of formation of the Terek Cossacks' collective identity through the analysis of their toponymic system. The theoretical framework of the research consists of Yu.S. Stepanov's cultural constants concept, the theory of nomination and the concept of the frontier critically adapted to the Russian context. The analysis of the corpus of historical toponyms enabled to distinguish three groups of linguistic mechanisms: 1) constructing "our" space (transference, anthroponymic memorialization, creation of a habitable space); 2) marking "alien" (borrowing, descriptive nomination); 3) hybrid, removing rigid opposition (semantic reinterpretation, parallel names). It is proved that the toponymic landscape of the Terek Cossacks is a semiotic layer, which reflects the dynamics of key constants ("Border", "Our — Alien", "Memory") — from confrontation to interaction and synthesis.

Keywords: cultural constants, frontier, Terek Cossacks, toponymy, linguocultural studies, semiotics of space, "our" and "alien", linguistic adaptation, hybrid identity, North Caucasus.

Каширокова Снежана Станиславовна.
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация, г. Нальчик.
Соискатель кафедры русского языка и общего языкознания. Старший лаборант научно-образовательного центра русского языка и культуры.
ORCID: 0009-0009-3832-4901.
E-mail: kashirokova.snezhana@mail.ru

Kashirokova Snezhana Stanislavovna.
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation, Nalchik.
Post-graduate student at Department of Russian Language and General Linguistics. Senior laboratory assistant at the Scientific and Educational Center of Russian Language and Culture.
ORCID: 0009-0009-3832-4901.
E-mail: kashirokova.snezhana@mail.ru

Научная статья
УДК 811.111’38
DOI: 10.5281/zenodo.21128124

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ РУССКОГО АФОРИЗМА

© 2026 *А.И. Ковалева*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского»
ORCID 0009-0004-6951-3565

В статье рассматривается русский афоризм с точки зрения лингвостилистических свойств жанра. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения роли языковой игры в создании русских афоризмов и их трансформантов (пародийных афоризмов). В процессе исследования применялись различные методы: сравнительно-сопоставительный, семантический, метод контекстуального анализа и описательный метод. Материалом исследования послужили «классические афоризмы» и современные афоризмы, заголовки российских газетных и журнальных статей, а также произведения современных русских писателей. Для более точного определения лингвостилистических признаков афоризма приведена классификация русских афоризмов в соответствии с разными, приоритетными при создании этих сентенций уровнями языка: лексическим, фразеологическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим. Также представлен анализ различных способов игровой трансформации афоризмов на лексико-семантическом, лексико-фонетическом, фразеологическом, словообразовательном и грамматическом уровнях. Сделан вывод о том, что конститутивным признаком жанра является широкое и частотное употребление в афоризмах разноуровневых средств языковой игры.

Ключевые слова: афоризм, жанр, языковая игра, языковой уровень, стилистический прием, пародийный афоризм.

Для цитирования: Ковалева А. И. О лингвистической природе русского афоризма / А. И. Ковалева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 211–221. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21128124.

Введение. В русском языке и русской литературе афоризм вошел в моду в конце XVIII века и сформировался как жанр в XIX веке. Несмотря на актуальность и востребованность в социуме, так называемые «общезначимые выражения» [14, с. 28] постепенно становились тривиальными, вызывающими раздражение и насмешку. Такие сентенции были в большей степени характерны для периода адаптации афоризма к русской литературе: *Злодейская душа спокойна быть не может* (А. Сумароков), *Без нее (души) просвещеннейшая умница — жалкая тварь* (Н. Фонвизин), *Дела говорят лучше слов* (И. Лажечников) и т.п.

Со второй половины XX века русские писатели-афористы (Эмиль Кроткий, Г. Малкин, Б. Крутиер, Г. Симанович, А. Кнышев и др.), всё чаще используют в своих метких изречениях языковую игру, которая становится необходимым инструментом, отвечающим вызовам времени.

Различные аспекты изучения афоризма представлены в работах Л.В. Успенского [15], Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольской [16], О.Н. Кулишкиной [8], С.А. Шаталовой [20], И.А. Наличниковой [12], А.В. Корольковой [7] и др. Структурная трансформация цитат в заголовках газет рассматривалась в работах Е.А. Земской [5], Е.П. Черногрудовой [18], М.А. Дрога [3], О.В. Ломакиной [10], А.В. Хохлова [17] и др.

Вместе с тем русские афоризмы и используемые в них средства языковой игры до сих пор не подвергались специальному лингвостилистическому анализу, малоисследованы и способы трансформации «классических» русских афоризмов на

различных уровнях языковой системы при создании современных пародийных афоризмов и сопутствующего комического эффекта.

Таким образом, целью исследования является анализ средств языковой игры, способных быть лингвостилистической основой афоризма как жанра русской экспрессивной речи, и способов его игровой трансформации в производных высказываниях.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили афоризмы русских писателей XVIII–XXI вв., представленные в сборниках «Исторические афоризмы», 1836 г., «Отрывки из ненаписанного», 1966 г., «В мире мудрых мыслей», 2000 г., «Афоризмы для умных людей: Не падай духом где попало», 2004 г., «Крутые мысли», 2007 г., «На поводу у женской логики. Афоризмы», 2008 г. и др., а также газетные и журнальные статьи и произведения современных русских писателей, в которых используются пародийные афоризмы.

В ходе исследования применялся *сравнительно-сопоставительный* метод — при выявлении дифференциально-типологических признаков разноуровневых средств языковой игры, используемых в русских афоризмах, *семантический* метод и метод *контекстуального анализа* — для определения значений слов и выражений в контексте, а также *описательный* метод — при рассмотрении типов и механизмов языковой игры в афоризме и способов его игровой трансформации в производных (пародийных) высказываниях.

Основная часть. Несмотря на то что в современной теории афористики отсутствует единое толкование термина *афоризм*, наиболее полное определение этого малоформатного жанра экспрессивной речи, на наш взгляд, дано в Большой Советской Энциклопедии: «обобщенная, законченная и глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся меткой выразительностью и явной неожиданностью суждения» [32, с. 434]. Таким образом, суть афоризма состоит в остроте́ лаконично изложенной мысли, которая призвана восхищать адресата изяществом формы и парадоксальностью содержания.

Интересующие нас в рамках данного исследования лингвостилистические признаки жанра афоризма определяются прежде всего при сопоставлении с другими смежными жанрами (изречение, грегерия, крылатое выражение, пословица, сентенция, прецедентное высказывание), поскольку все они имеют такие общие черты с афоризмом как краткость, образность, остроумие и потенциальная неоднозначность. С опорой на исследования Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской [16] можно сделать вывод, что афоризм логично и корректно сравнивать лишь с пословицей, так как изречение, прецедентное высказывание, грегерия и сентенция находятся с афоризмом в гипогиперонимических отношениях: *афоризм* — разновидность *изречения* и *прецедентного высказывания*, *грегерия* и *сентенция* — в свою очередь, разновидности *афоризма*. Крылатое выражение — в большей степени синонимическое понятие. При сопоставлении пословицы с афоризмом обнаруживается, что афоризм отличается установленным авторством и, как следствие, возможностью проявления признаков идиостиля (пословица — фольклорный жанр), вместе с тем широкая тематика и стилевое разнообразие афоризма делают его объектом активной языковой игры (в пословице языковая игра — далеко не обязательный компонент), что в свою очередь способствует особой экспрессии жанра.

Анализ афоризмов русских писателей XIX-XXI вв. позволяет выделить доминантные в их стилистической основе разноуровневые средства языковой игры: лексические, фразеологические, словообразовательные, морфологические, синтаксические.

Наибольшее количество афоризмов, построенных на языковой игре, выявлено на лексическом уровне (около 50 % исследуемого материала). Конструктивной

основой афоризма, созданного при помощи лексических средств языковой игры, может быть семантико-фонетический каламбур — с активно взаимодействующими контрастными экспрессивно-семантическими полями лексических доминант, имеющих тождественный план выражения (ЛСВ полисемантов, в том числе псевдосинонимов, псевдоантонимов и энантиосемантов, а также омонимов и омоформ), и фонетико-семантический или графико-семантический каламбур — с пассивно взаимодействующими экспрессивно-семантическими полями лексических доминант с тождественным или сходным планом выражения (омофонов, омографов, однокоренных синонимов и антонимов, паронимов и парономазов).

Среди афоризмов с семантико-фонетическим каламбуром как конструктивной основой в зависимости от типа лексической доминанты могут быть выделены следующие:

- полисемические с различными видами внутрилексемных оппозиций: *Часы на цепочке, а время все же* ***убегает*** (Э. Кроткий); *В жизни, как в азбуке: среди* ***согласных*** *немало* ***глухих*** (И. Иванюк); *Творческое* ***лицо*** *бывает сильно подпорчено собственным* (Г. Малкин);

- энантиосемические: *Поворот судьбы* ***проскочить*** *нельзя* (Б. Крутиер);

в) псевдоантонимические: *Сколько* ***сил*** *отнимают иные* ***слабости****!* (И. Иванюк); *И в* ***нелетную*** *погоду можно* ***вылететь*** *со службы* (Э. Кроткий); *Ничто так не* ***накаляет*** *обстановку, как* ***ледяные*** *отношения* (А. Рас);

- псевдосинонимические: *Все в жизни* ***мелочь****, кроме* ***сдачи*** (Г. Малкин); ***Предела*** *нет только у* ***ограничений*** (Л. Леонидов); *Жаль, что и* ***близкие*** *иногда бывают* ***недалёкими*** (Э. Кроткий);

- омонимические: *Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего* ***двора*** (Э. Кроткий); *Человека формирует не только* ***среда****, но и другие дни недели* (М. Генин); *И на производстве можно дать обет* ***безбрачия*** (Э. Кроткий) — здесь используется окказиональный омоним;

Афоризмы с фонетико-семантической и графико-семантической каламбурной основой по типу их лексической доминанты могут быть определены как:

- омофонические: *Приятно* ***поласкать*** *дитя или собаку, но всего необходимее* ***полоскать*** *рот* (К. Прутков); *Разве может* ***надоесть*** *мысль о том, что* ***надо есть****?* (В. Туровский); *Будь благодарен* ***небесам****, а* ***не бесам*** (В. Кафанов);

- омографические: *На пляже и герой в трусáх (ср. трýсах) ходит* (Э. Кроткий);

- синонимические: *За всё хорошее приходится* ***платить****, за всё плохое —* ***расплачиваться*** (Е. Тарасов); *Женщина больше думает о* ***потомстве****, а мужчина — о* ***потомках*** (К. Мелихан);

- антонимические: ***Незрелый*** *ананас для человека справедливого всегда хуже* ***зрелой*** *смородины* (К. Прутков); *Минимум* ***возможностей*** *определяет максимум* ***невозможного*** (Г. Малкин);

- паронимические: ***Верящих*** *много,* ***верующих*** *мало* (Б. Крутиер);

- парономатические: *Нет* ***адьютанта*** *без* ***аксельбанта*** (К. Прутков); *На всякого* ***заведующего*** *есть свой* ***завидующий*** (Э. Кроткий); *Чтобы не* ***искушать*** *судьбу, постарайтесь не* ***искусать*** *ее* (В. Коняхин).

2-е место по частотности и популярности у писателей-афористов занимают сентенции или псевдосентенции с фразеологической основой языковой игры (около 40%). С опорой на классификацию способов трансформации фразеологизмов Н.М. Шанского [19, с. 128–129] могут быть выделены 2 основных типа преобразования устойчивых выражений в афоризме: семантический и структурно-семантический.

К первому типу игрового преобразования фразеологизма в афоризме следует отнести буквализацию семантики: *Если вы **бежите впереди паровоза**, будьте внимательны: не идет ли встречный* (Б. Трушкин); ***Взять себя в руки** можно только по частям* (Г. Малкин); *Не **криви душой** — можешь искривить позвоночник* (М. Генин);

Ко второму типу преобразования относится:

а) расширение состава фразеологического выражения: ***Три шкуры** легче **драть** с голого* (Г. Малкин); *Кто **наломал** много **дров**, тот перезимует* (А. Рас); *Были бы **таланты**, а место куда их **зарыть**, всегда найдется* (А. Ратнер);

б) сужение состава фразеологизма: ***Слово не воробей**, но и оно бывает сереньким* (Э. Кроткий);

в) замена компонента/ов во фразеологическом выражении: *На всякого **подлеца** довольно **простаков*** (А. Рас); *Не пойман — **не воруй**!* (Л. Леонидов);

г) кардинальное преобразование лексико-грамматического состава фразеологизма: *Лучше синица в руках, чем крокодил* (Г. Малкин); *Как бульдога не стриги, все равно пуделем не станет* (А. Гришанков); *На всякого мудреца простоты не напасёшься* (Л. Леонидов);

д) контаминация фразеологизированных выражений: *Семена раздора дают отличные всходы на нервной почве* (Д. Рудой); *Соль жизни в том, чтобы не сыпать её на чужие раны* (Е. Тарасов).

Языковая игра на словообразовательном уровне в афоризмах проявляется прежде всего в окказионализмах [4, с. 180]. Окказиональное преобразование может быть нескольких типов:

а) переосмысление морфемной структуры узуальных слов, которому могут подвергаться существительные, прилагательные и глаголы [14, с. 146]: *Мужчины бывают **полубогами**, женщины — только богинями* (Г. Малкин); *У умной женщины муж козёл — **козлик*** (В. Домиль);

б) создание новых слов, при котором «игровое слово смешит своей новизной, необычностью» [6, с. 189]. Для этого используется контаминация — «сплав двух слов или частей слов» [14, с. 164]: *В золотой **потреблярд** без **либерастов** не примут* (Е. Болотова); усечение корневой и финальной части слова: *Лучше недо-, чем пере-* (Е. Водолазкин, «Авиатор»); «эхо-приём»: *Кому мозги, кому — ни зги* (Л. Леонидов); словосложение: *Армию **донкихотов** можно уничтожить, но не победить* (В. Хочинский).

Для жанра афоризма характерны и некоторые морфологические приемы ЯИ, активно применяющиеся в художественной речи и предопределяющие преобразования на наиболее значимом — лексико-семантическом уровне:

а) псевдокорреляты: *Хватит **отсрачивать**, пора **подытаживать**!* (А. Кнышев);

б) намеренные грамматические ошибки: *А наш Чикатило душевнее **ихнего** Джека-Потрошителя* (А. Давидович);

в) обыгрывание имен собственных как нарицательных: *Современные Сусанины выводят из себя* (В. Сумбатов);

г) изменение формы слова в прецедентном высказывании: *Не руби сук, на котор**ых** сидишь* (Н. Фоменко): трансформация окончания (ед.ч. → мн.ч.) предопределяет актуализацию омоформии существительных *сук* и *сука*.

Синтаксическая языковая игра в афоризме может быть следующих типов:

1) синтаксическая омонимия [14, с. 107]: *Как плохо, что победы всегда **за** нами!* (Г. Малкин);

2) парадоксальные сравнительные конструкции: *В жизни, как в метро, на переходы по тоннелям уходит больше времени, чем на езду* (Э. Кроткий);

3) необычный порядок элементов сочинительных конструкций: *Комедии у нас плохие, **зато** их мало* (А. Кнышев);

4) синтаксическая компрессия [21, с. 98]: *Не везде хорошо, где рыба ищет* (Ю. Зверев);

5) нарушение синтаксической сочетаемости компонентов предложения: *Там хорошо, где нас не понаехало...* (В. Бутков);

6) парцелляция: *За науку платят. Как за макулатуру* (С. Скотников);

7) ложная причинно-следственная связь между событиями: *Грибы имеют форму зонта потому, что растут в дождливую погоду* (Э. Кроткий);

8) нарушение модели управления словом: *Любая власть надует. **Ей** главное — отнять у нас веселье* (М. Жванецкий);

9) псевдориторическое обращение: *Братья! Интеллект в опасности! Он уже не просто никому не нужен, он вызывает вражду* (М. Жванецкий);

10) симметричные предикаты: *Наш уровень жизни — их уровень смерти* (С. Альтов).

Как показывает анализ исследуемого материала, большинство русских афоризмов с игровой (каламбурной) стилистической основой, ядром которой чаще всего выступает прием амфиболии, имеет полевую экспрессивно-семантическую структуру. Экспрессивно-семантические поля в них представляют собой совокупность значений, передаваемых с помощью различных лексических средств языковой игры, способных быть ключевыми словами в афористическом высказывании.

Вслед за О.Е. Вороничевым выделяем два типа каламбурного афоризма с учетом характера взаимодействия экспрессивно-семантических полей лексических доминант [1, с. 138–147]:

1) с активным взаимодействием экспрессивно-семантических полей (совмещением/смещением), когда игра слов основана на контрастном столкновении значений ключевых слов: *Гусь свинье не товарищ — просто знакомый* (Г. Малкин) или *Гусь свинье не товарищ, а брат* (фраза из эпизода комедии Леонида Гайдая **«На Дерибасовской хорошая погода…»)** — двуполевая экспрессивно-семантическая структура с неожиданной сменой традиционной интерпретации обыгрываемой в этих афоризмах паремии на альтернативную противоположную; *Нагруженный корабль еле **возвышается** над водой, пустой — величественно **высится** над ней* (Э. Кроткий) — семантические поля параллельны и равнозначны;

2) с пассивным взаимодействием экспрессивно-семантических полей, когда игра слов основана на фонетическом сближении лексических доминант: *Иностранное слово **аудиенция** весьма удобно может быть заменено русским словом **уединенция*** (Козьма Прутков).

Анализ средств языковой игры в афоризме показал, что парадокс — один из наиболее популярных игровых приемов — является обязательным атрибутом жанра афоризма. Этой же точки зрения придерживаются Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская [16, с. 65-67], А.В. Королькова [7, с. 136], И.А. Наличникова [11, с. 122]. Парадоксальность в афоризме выражает «языковую личность автора», которая предполагает «способность к образному мышлению» [13, с. 76].

С парадоксом в афоризме может органично взаимодействовать хиазм и зевгма (парадоксальное соединение в контексте логически неоднородных членов предложения с одновременной актуализацией прямых и переносных значений ключевых слов [2, с. 66]). Примеры использования хиазма в качестве конструктивной основы афоризма находим у авторов К. Пруткова *Самый **отдаленный** пункт земного шара к чему-нибудь да **близок**, а самый **близкий** от чего-нибудь да **отдален**,* у Г. Малкина: ***Многое** оставляет желать **лучшего**, но и **лучшее** оставляет желать*

многого. Каламбурную зевгму в афоризме использует, например, М. Генин: *Лучше уж быть без ума от женщины, чем от природы*, К. Кушнер: *Писатель и швея работают по принципу: ни дня без строчки,* Э. Кроткий: *Волка и балерину ноги кормят, Мудрецы и зубные врачи зрят в корень.*

Средства языковой игры в афоризме способны выполнять разнообразные функции. Так, В.З. Санников называет следующие: дискредитирующая, обучающая, языкотворческая, развлекательная, психотерапевтическая и маскировочная [14, с. 26–30]. Т.П. Куранова выделяет такие функции, как комическая, гедонистическая, выразительная, смыслообразующая, эстетическая, компрессивная, парольная, изобразительная, аттрактивная, характерологическая, экспрессивная, эмотивная, защитная, релаксационная [9]. Поскольку основное назначение афоризма — привлечение внимание читателя и побуждение к размышлению над парадоксальным смыслом высказывания, ведущими стилистическими функциями языковой игры в афоризме следует признать смыслообразующую, аттрактивную и экспрессивную.

Наряду с афоризмами «классическими» в современной афористике, публицистике и беллетристике получили широкое распространение так называемые пародийные афоризмы, являющиеся результатом языковой игры с производящими высказываниями.

Анализ исследуемого материала (сборников афоризмов русских писателей-афористов, статей в федеральных и региональных газетах последних десятилетий, а также произведений современных русских писателей: В. Пелевина, Е. Водолазкина, Ю. Полякова и др.) позволяет выделить несколько основных видов трансформаций «классического» афоризма: преобразования формы и содержания на лексико-семантическом и лексико-фонетическом уровнях, структурно-семантические преобразования, преобразования на словообразовательном и грамматическом уровнях.

Преобразование формы и содержания афоризма на лексико-семантическом уровне осуществляется посредством использования лексических синонимов: *Всё* ***тайное*** *становится* ***стайным*** (Ю. Черняк) — в данном примере контекстуально противопоставлены парономазы. Вместе с тем компонент *стайным* воспринимается как контекстуальный синоним канонического для этой библейской сентенции *явным*, т. е. общая семантика высказывания принципиально не меняется; антонимов: *Нет беспредела несовершенству* (В. Кафанов) ← *Нет предела совершенству!* (Сократ), псевдоантонимов (словарных и контекстуальных) *Всё пустое, кроме налитого* (из коллекции Л. Светлакова) ← *Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба* (из романа «Война и мир» Л.Н. Толстого [34]).

Преобразование формы и содержания афоризма на лексико-фонетическом уровне осуществляется чаще всего посредством использования парономазов: *Как прекрасен этот* ***миф****!* (Б. Крутиер) ← *Как прекрасен этот* ***мир****!* (В. Харитонов), *Красота* ***пасёт*** *мир* (М. Задорнов) ← *Красота* ***спасёт*** *мир* (из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» [26]). Парономатическую стилистическую основу имеют также трансформанты, встречающиеся в публицистических текстах ***Друзь*** *в игре не бросит* (Комсомольская Правда, 11.04.2018 [24]) ← ***Друг*** *в беде не бросит* (из песни «Дружба крепкая» М. Пляцковского).

Наиболее частотными способами трансформации афоризма-аппелятива являются структурно-семантические преобразования:

1. Комбинаторные изменения компонентного состава пародируемого афоризма:

а) сокращение компонентного состава: *Один за всех, все — за* (М. Генин) ← *Один за всех и все за одного* (из романа А. Дюма «Три мушкетёра» [27]); *А между тем, «не суди» — это целая философия* (С. Довлатов «Соло на ундервуде. Соло на IBM» [25]) ← *Не судите, да не судимы будете* (Евангелие от Матфея, глава 7, стихи 1-2); *Хотели как*

лучше.. («Крымская газета», 12.02.2021 [36]) ← *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (В.С. Черномырдин);

б) расширение компонентного состава афоризма: *Большое видится на расстоянье, — но лучше, если всё-таки вблизи* (из коллекции Л. Светлакова) ← *Большое видится на расстоянье* (из стихотворения С.А. Есенина «Письмо к женщине» [28]); *Через тернии — к звездам...на погонах* (газета «Комсомольская правда», 9.11.2011 [30]) ← *Через тернии к звёздам* (лат. *Per aspera ad astra*, Луций Анней Сенека); *Все течет, все меняется и остается таким, как было* («Transhumanism inc.» В. Пелевина [31]) ← *Всё течет, всё меняется* (Гераклит Эфесский);

в) контекстуальная замена компонента афоризма: *Бойтесь **аистов**, дары приносящих* (Н. Фоменко) ← *Бойтесь **данайцев**, дары приносящих* (Лаокоон); *Все **льготное** детям* (Коммерсантъ, 3.08.2020 [29]) ← *Всё **лучшее** — детям* (В.И. Ленин); *Истина в **красоте*** (Е. Водолазкин «Чагин» [23]) ← *Истина в **вине*** (лат. *In vino veritas*, Плиний Старший).

2. Контаминация афоризмов: *Как много надо для счастья, когда оно не в деньгах* (В. Кафанов) ← *Как мало нужно для счастья!* (Ф. Ницше) + *Не в деньгах счастье* (высказывание приписывается Сократу).

На словообразовательном уровне основными деривационными морфологическими способами языковой игры, используемыми для создания пародийных афоризмов, являются префиксация и суффиксация: *Выживают же люди!* (В. Коняхин) ← *Живут же люди...* (из фильма «Человек с бульвара Капуцинов»); *В спорах вырождаются истины* (Л. Леонидов) ← *В споре рождается истина* (Сократ); *Аппетит **про**ходит во время еды* (Л. Леонидов) ← *Аппетит приходит во время еды* (Франсуа Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль» [35]).

На грамматическом уровне в пародийном афоризме в большей степени преобразуется не форма отдельных слов «классической» сентенции, а её синтаксическая структура: *У исключений — свои правила* (В. Кафанов) ← *В любом правиле существуют исключения* (Н.А. Римский-Корсаков); *Не быть, а слыть* (газета «Труд», 16.05.2025 [22]) ← *Не слыть, а быть* (В.И. Даль); *Мир — это тир. И люди в нем не актеры, а мишени...* (В. Пелевин «Transhumanism inc.» [31]) ← *Весь мир — театр, а люди в нём — актёры* (У. Шекспир).

Одним из редких примеров морфологической трансформации (формы слова) с целью языковой игры может служить заголовок *Красота, спаси мир!* (газета «Завтра», 4.06.2021 [33]), где обыгрывается прецедентное высказывание *Красота спасёт мир* из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» [26].

Заключение. На основе анализа лингвостилистической специфики русских афоризмов и сопоставления их со смежными явлениями (изречение, грегерия, крылатое выражение, пословица, сентенция, прецедентное высказывание) можно сделать вывод, что афоризм — жанр экспрессивной речи, значимым лингвостилистическим признаком которого является широкое и частотное использование в нём различных средств языковой игры.

Приоритетными при создании афоризмов являются лексические средства языковой игры (полисемия, псевдосинонимия, псевдоантонимия, омонимия, омоформия, омофония, омография, синонимия, антонимия, паронимия, парономазия). Они составляют около 50 % всех средств ЯИ в афоризме. С лексическими средствами ЯИ в афоризме конкурируют по частотности и популярности фразеологические: такие приемы как буквализация фразеологизма, расширение/сужение компонентного состава, замена компонентов, а также контаминация фразеологизмов (около 40 % всех средств ЯИ). В значительно меньшей степени популярна в жанре афоризма ЯИ на

словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях (эти способы в совокупности не превышают 10 %).

Способность большинства афоризмов с каламбурной конструктивной основой создавать амфиболический эффект даёт основания констатировать наличие у таких изречений полевой экспрессивно-семантической структуры. При этом отчётливо различимы две модели активного взаимодействия экспрессивно-семантических полей в афоризме: 1) первое поле становится фоновым для второго вследствие резкой контекстуальной отмены предыдущей интерпретации и 2) поля параллельны и равнозначимы.

Также установлено, что конститутивным лингвостилистическим признаком современного афоризма является парадоксальность, которая за счет использования различных лексических средств ЯИ обогащает содержание изречения, делает его эффективным инструментом передачи оригинальных и глубоких мыслей автора.

Основными функциями языковой игры в афоризме являются смыслообразующая, аттрактивная и экспрессивная. Большая или меньшая актуальность остальных зависит от тематики, конкретных стилистических приемов, культурного контекста, эмоциональной нагрузки, философской глубины высказывания.

В ходе исследования различных способов трансформации «классических» афоризмов и крылатых цитат выявлено, что наиболее популярными у пародийных афористов, публицистов и писателей способами трансформации являются преобразования на лексическом уровне с использованием антонимических/псевдоантонимических и парономатических замен и — на структурно-семантическом уровне — такие комбинаторные приемы, как сокращение/расширение компонентного состава и замена компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вороничев О.Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дисс. д-ра филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Вороничев Олег Евгеньевич; Моск. гор. пед. ун-т. — Москва, 2014. — 724 с.
2. Вороничев О.Е. О языковой природе каламбурных афоризмов Э. Кроткого / О.Е. Вороничев // Русский язык в школе. — 2021. — № 3. — С. 60–68. — http://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68.
3. Дрога М.А. Трансформация цитат в газетном тексте (на материале заголовков) / М.А. Дрога // Этнопсихолингвистика. — 2019. — № 2. — С. 131–148. — http://doi.org/10.31249/epl/2019.02.09.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская — 1-е изд. — Москва: Наука, 1992. — 221 с.
5. Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 688 с.
6. Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.И. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.И. Розанова — Москва: Наука, 1983. — 283 с.
7. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: дисс. д-ра филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Королькова Анжелика Викторовна; Смол. гум. ун-т. — Смоленск, 2005. — 864 с.
8. Кулишкина О.Н. Русский афоризм XIX-начала XX веков: эволюция и сферы влияния жанра: дисс. д-ра филол. наук: 10.01.01 Русская литература / Кулишкина Ольга Николаевна; Санкт-Петербург. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2004. — 375 с.
9. Куранова Т.П. Функции языковой игры в медиаконтексте / Т.П. Куранова // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — № 4. — С. 272–277.
10. Ломакина О.В. Реализация функционального потенциала крылатики в современной публицистике / О.В. Ломакина // Филология и культура. — 2019. — № 1 (55). — С. 76–79.
11. Наличникова И.А. Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание / И.А. Наличникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4. — С. 121–123.
12. Наличникова И.А. Когнитивно-прагматические особенности афористического дискурса: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 Германские языки / Наличникова Инна Анатольевна; Башкир. гос. ун-т — Уфа, 2010. — 204 с.

13. Наличникова И.А. Социальные и психологические основы пародоксальности (на материале немецких афоризмов) / И.А. Наличникова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 10. — С. 76–79.
14. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 544 с.
15. Успенский Л.В. Коротко об афоризмах // Е.С. Райзе. Афоризмы. Избранные изречения деятелей литературы и искусства — Санкт-Петербург: Лениздат, 1964. — С.45–47.
16. Федоренко Н.Т., Сокольская, Л.И. Афористика / Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская — 1-е изд. — Москва: Наука, 1990. — 419 с.
17. Хохлов А.А. Реализация функционального потенциала крылатых единиц в газетном заголовке (на материале российских СМИ 2011-2022 гг.): дисс. канд. филол. наук: 5.9.5 Русский язык. Языки народов России / Хохлов Алексей Александрович; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2024. — 189 с.
18. Черногрудова Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы): дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Черногрудова Елена Петровна; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2003. — 243 с.
19. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: «Специальная Литература», 1996. — 192 с.
20. Шаталова С.А. Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф.М. Достоевского (на материале «Бесы» и «Подросток»): дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Шаталова Светлана Анатольевна; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2000. — 256 с.
21. Шмелев Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке / Д.Н. Шмелев // Избранные труды по русскому языку. — Москва: Яз. славян. культуры, 2002. — С. 85–103.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. Арабкина Н., «Не быть, а слыть» [Электронный ресурс] / Н. Арабкина. — Режим доступа: https://www.trud.ru/article/16-05-2025/1710281_ne_byt_a_slyt.html (дата обращения: 16.03.2026).
23. Водолазкин Е.Г. Чагин [Электронный ресурс] / Е.Г. Водолазкин. — Режим доступа: https://books.yandex.ru/reader/VI2A4KIb?resource=book (дата обращения: 16.03.2026).
24. Гусятинский А., «Друзь в игре на бросит» [Электронный ресурс] / А. Гусятинский // Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/26818.4/3854130/ (дата обращения: 16.03.2026).
25. Довлатов С.Д. Соло на ундервуде. Соло на IBM [Электронный ресурс] / С.Д. Довлатов. — Режим доступа: https://2050.su/wp-content/uploads/2023/05/Соло-на-ундервуде.-Соло-на-IBM-Довлатов-Сергей.pdf (дата обращения: 16.03.2026).
26. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский. — 1-е изд. — Издательство Юрайт, 2020. — 528 с.
27. Дюма А. Три мушкетера [Электронный ресурс] / А. Дюма. — Режим доступа: https://dvsschool.ru/hood_literatura/tri-mushketera-1959.pdf (дата обращения: 16.03.2026).
28. Есенин С. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / С. А. Есенин — М.: Сов. Россия, Современник, 1990. — 480 с.
29. Мерцалова А., «Все льготное детям» [Электронный ресурс] / А. Мерцалова. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4441116 (дата обращения: 16.03.2026).
30. Москов А., «Через тернии — к звездам… на погонах» [Электронный ресурс] / А. Москов. — Режим доступа: https://www.krsk.kp.ru/daily/25784/2767536/ (дата обращения: 16.03.2026).
31. Пелевин В. О. Transhumanism Inc. [Электронный ресурс] / В.О. Пелевин. — Режим доступа: https://books.yandex.ru/reader/V1o7JnZg?resource=book (дата обращения: 16.03.2026).
32. Прохоров А.М. Большая советская энциклопедия / А.М. Прохоров — 3-е изд. — Москва: Большая Советская Энциклопедия том 2, 1970. — 631 с.
33. Стяжкина Н., «Красота, спаси мир!» [Электронный ресурс] / Н. Стяжкина — Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krasota_spasi_mir (дата обращения: 16.03.2026).
34. Толстой Л.Н. Война и мир в 4 Т. Тома 1 и 2 / Л.Н. Толстой. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 583 с.
35. Франсуа Р. Гаргантюа и пантагрюэль / Р. Франсуа. — Москва: Издательство «Художественная литература», 1973. — 803 с.
36. Шипшинович М., «Хотели как лучше...» [Электронный ресурс] / М. Шипшинович. — Режим доступа: https://gazetacrimea.ru/upload/iblock/217/f3uf8vt9gk9nlo5ynyuj9uvsq8m437hf/24.pdf (дата обращения: 16.03.2026).

REFERENCES

1. Voronichev, O.E. (2014). Kalambur kak fenomen russkoj ehkspressivnoj rechi (Doctoral dissertation). Moscow City University, Moscow. (In Russian).

2. Voronichev, O.E. (2021). O yazykovoj prirode kalamburnyh aforizmov Eh. Krotkogo. Russkij yazyk v shkole. 3, 60–68. (In Russian).
3. Droga, M.A. (2019). Transformaciya citat v gazetnom tekste (na materiale zagolovkov). Ehtnopsiholingvistika. 2, 131–148. (In Russian).
4. Zemskaya, E.A. (1992). Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. Mosow: Nauka, (In Russian).
5. Zemskaya, E.A. (2004). Yazyk kak deyatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech'. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, (In Russian).
6. Zemskaya, E.A., Kitajgorodskaya, M.V., Rozanova, N.I. (1983). Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest (283 p.). Moscow: Nauka. (In Russian).
7. Korol'kova, A.V. (2005). Russkaya aforistika v kontekste frazeologii (Doctoral dissertation). Smolensk Humanitarian University, Smolensk. (In Russian).
8. Kulishkina, O.N. (2004). Russkij aforizm XIX-nachala XX vekov: ehvolyuciya i sfery vliyaniya zhanra (Doctoral dissertation). Saint-Petersburg. State University, Saint-Petersburg. (In Russian).
9. Kuranova, T.P. (2010). Funkcii yazykovoj igry v mediakontekste. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 4, 272–277. (In Russian).
10. Lomakina, O.V. (2019). Realizaciya funkcional'nogo potenciala krylatiki v sovremennoj publicistike. Filologiya i kul'tura. 1 (55), 76-79. (In Russian).
11. Nalichnikova, I.A. (2016). Aforizm kak zhanr, maloformatnyj tekst i universal'noe vyskazyvanie. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 4, 121–123. (In Russian).
12. Nalichnikova, I.A. (2010). Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti aforisticheskogo diskursa (PhD disseratation). Bashkir State University, Ufa. (In Russian).
13. Nalichnikova, I.A. (2009). Social'nye i psihologicheskie osnovy parodoksal'nosti (na materiale nemeckih aforizmov). Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 10, 76–79.
14. Sannikov, V.Z. (1999). Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igre. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian).
15. Uspenskij, L.V. (1964). Korotko ob aforizmah [Aforizmy. Izbrannye izrecheniya deyatelej literatury i iskusstva]. (pp. 45–47). Saint-Petersburg: Lenizdat. (In Russian).
16. Fedorenko, N.T., Sokol'skaya, L.I. (1990). Aforistika. Moscow: Nauka. (In Russian).
17. Hohlov, A.A. (2024). Realizaciya funkcional'nogo potenciala krylatyh edinic v gazetnom zagolovke (na materiale rossijskih SMI 2011-2022 gg.) (PhD dissertation). RUDN University, Moscow. (In Russian).
18. Chernogrudova, E.P. (2003). Zagolovki s precedentnymi tekstami v sovremennoj publicistike (na materiale central'noj, regional'noj i mestnoj pressy (PhD dissertation). Voronezh State University, Voronezh. (In Russian).
19. Shanskij, N.M. (1996). Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Saint-Petersburg.: Special'naya Literatura.
20. Shatalova, S.A. (2000). Lingvisticheskie osnovy aforistiki i aforizmy v hudozhestvennyh tekstah F.M. Dostoevskogo (na materiale «Besy» i «Podrostok») (PhD disseratation). RUDN University, Moscow. (In Russian).
21. Shmelev, D.N. (2002). O semanticheskih izmeneniyah v sovremennom russkom yazyke [Izbrannye trudy po russkomu yazyku]. (pp. 85–103). Moscow: Yaz. slavyan. kul'tury. (In Russian).

Поступила в редакцию 22.03.2025 г.

ON LINGUISTIC NATURE OF RUSSIAN APHORISM

A.I. Kovaleva

The article addresses the Russian aphorism from the point of view of the genre's linguostylistic features. The relevance of the research is accounted for by the need to study the role of language game in Russian aphorisms creation and their transformants (parody aphorisms). Various research methods have been used: comparative, semantic, contextual analysis, and descriptive methods. The research material includes «classic aphorisms» and modern aphorisms, headlines of Russian newspaper and magazine articles, as well as works by modern Russian writers. For a more precise definition of the linguistic and stylistic features of an aphorism, a classification of Russian aphorisms is given in accordance with different levels of language that are of priority in creating these maxims: lexical, phraseological, word-formation, morphological, syntactic. The analysis of various ways of aphorisms game transformation at the lexical-semantic, lexical-phonetic, phraseological, word-formation and grammatical levels is also presented. It is concluded that a constitutive feature of the genre is the widespread and frequent use of multi-level means of linguistic game in aphorisms.

Key words: aphorism, genre, language game, language level, stylistic device, parody aphorism

Ковалева Александра Игоревна.
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация, г. Брянск.
Выпускник аспирантуры.
ORCID 0009-0004-6951-3565.
E-mail: aleksandra.kovaleva.1998@mail.ru

Kovaleva Aleksandra Igorevna.
Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Russian Federation, Bryansk.

Post-graduate student.
ORCID 0009-0004-6951-3565.
E-mail: aleksandra.kovaleva.1998@mail.ru

Научная статья
УДК 81'39
DOI: 10.5281/zenodo.21128231

ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.Д. КРЮКОВА 1890-Х ГОДОВ

© 2026 *Л. Л. Кононенко*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"
ORCID 0009-0007-4187-8441

Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию идиостиля Ф. Д. Крюкова — писателя, публициста и представителя донского казачества рубежа XIX—XX веков. Цель работы — реконструкция элементов диалектной картины мира донских казаков через выявление и анализ лингвокультурем, репрезентирующих концепт «донское казачество». Материалом исследования послужили ранние произведения Крюкова 1890-х годов. В работе применяется метод лингвокультурологического анализа, включающий приемы концептуального изучения и интерпретации текста. В результате выявлены и описаны ключевые компоненты концепта: свобода и самоуправление, воинская служба, православная вера и связь с «родимым краем». Доказывается, что диалектные элементы в прозе Крюкова являются не стилистическим фоном, а активным структурообразующим компонентом его идиостиля, формирующим аутентичную языковую картину мира казачества как части общерусской культуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, языковая личность, идиостиль, лингвокультурема, диалектизмы, донское казачество, Ф.Д. Крюков.

Для цитирования: Кононенко Л. Л. Диалектная картина мира донских казаков в произведениях Ф. Д. Крюкова 1890-х годов / Л. Л. Кононенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 222–230. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21128231.

В конце XX века исследование человеческого фактора в языке определило возникновение нового лингвистического направления — лингвокультурологии как науки, интегрирующей целый ряд научных подходов к изучению взаимосвязей и взаимодействия культуры, языка и их носителей. Вектор лингвистических и, в частности, лингвокультурологических исследований в XXI веке все более смещается в антропоцентрическую парадигму, фокусируя внимание на феномене языковой личности как носителе и творце национальной культуры.

Синергетическое взаимодействие социокультурных и языковых явлений предопределило очевидную необходимость в комплексном изучении трех систем — языка, личности и культуры. Данная научная тенденция нашла отражение в работах ученых, предложивших современной лингвистике различные исследовательские подходы:

— изучение историко-культурной специфики языка и механизмов вербализации как объективной, так и субъективной картины мира (в трудах Д.С. Лихачёва, К.И. Демидовой, З.Д. Поповой, Н.Ф. Алефиренко, А. Вежбицкой, Т.И. Вендиной, В.В. Воробьёва, И.А. Стернина и др.);

— изучение мифологического сознания, в котором миф рассматривается как глубинный источник образов и архетипов, транслируемых в языке и формирующих основу культурных представлений (М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский, Н.С. Ганцовская, С.В. Кошарная, К. Леви-Стросс, В.А. Маслова, Е.М. Мелетинский, Р.И. Кудряшова, В.Я. Пропп, Н.И. Толстой, Т.К. Ховрина и др.);

— анализ взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры в процессах формирования, поддержания и трансляции этнической идентичности (А.Г. Агаев,

С.А. Арутюнов, А.Р. Лурия, С.А. Мызников, Г.П. Нещименко, Г.У. Солдатовой, Н.В. Уфимцевой, Е.В. Брысиной и др.).

Интерес ученых к языковой личности, ее проявлениям, принципам и механизмам существования в ареале национального языка и культуры нашел отклик в работах по диалектологии, этнолингвистике и региональной лингвокультурологии (А.С. Мыльников, В.В. Иванов, А.К. Байбурин, А.Т. Топорков, Г.Н. Грачева, Я.В. Чеснова, А.Д. Бурман, З. Д. Брандт, В.Е. Гольдин, Б.Н. Проценко, В.И. Супрун и др.).

Говоря об этнической лингвокультуре, уместно вспомнить высказывание Е.В. Брысиной, которая в своей работе, посвященной фраземике донских казачьих говоров «Этнокультурная идиоматика донского казачества», определила диалект как феноменальное культурное явление, способное «фиксировать и отражать некоторым опосредованным образом систему ценностей, общепринятые оценки, этнически обусловленные типы поведения и настроения, существующие в конкретном социокультурном обществе не только на данный момент, но и, так называемые, “вечные” ценности данной культуры, сложившиеся на протяжении многих столетий, обусловленные культурными представлениями многих поколений» [1, с. 3].

В русле лингвокультурологического направления, особенно в ракурсе этно- и диалекто-ориентированных изысканий, особую значимость приобрело изучение индивидуальных авторских стилей (идиостилей), которые аккумулируют в себе универсальные черты национального языкового сознания и уникальные особенности регионального мировидения. Согласно «Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка», «идиостиль имеет комплексный характер, разноаспектно выражает социально-историческую сущность, национальные, индивидуально-психологические и нравственно-этические особенности личности человека. В идиостиле проявляется его мировоззрение и знание о мире (концептуальная картина мира и тезаурус), общая и языковая культура в их текстовом воплощении. Идиостиль, таким образом, — это стиль личности во всем многообразии ее многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике и прагматике текста)» [13, с. 159]. Это определение представляется всеобъемлющим, так как оно синтезирует основные научные подходы к изучению идиостиля, делая акцент на его комплексной природе.

Индивидуальный авторский стиль ярко проявляется в произведениях представителей субэтносов. Иллюстрацией данного утверждения может служить культура российского казачества. На современном этапе в культурологии, литературоведении и лингвистике существует определенная лакуна: несмотря на устойчивый интерес к вопросам национального характера и менталитета казачества, а также лексико-фразеологическому своеобразию диалектной картины мира казаков (труды Н. А. Бердяева, А.П. Пронштейна, Л.М. Орлова, Н.А. Мининкова, Н.В. Уфимцевой, Б.Н. Проценко, А.И. Агафонова, Е.В. Брысиной, Р.И. Кудряшовой, В.И. Супруна, О.В. Матвеева, Е.А. Смирновой и др.), лингвокультурологическое описание **авторского** материала казаков второй половины XIX — начала XX веков представляется полем, которое на современном этапе почти лишено внимания лингвистов и нуждается в более тщательном исследовании. С точки зрения степени изученности исключение составляет творческое наследие А.С. Серафимовича (1863–1949) и М.А. Шолохова (1905–1984). Гораздо менее исследованным является творчество Ф.Д. Крюкова (1870–1920), И.А. Родионова (1866–1940), В.А. Краснушкина (псевдоним Виктор Саевский, 1890–1920?), Р.П. Кумова (1883–1919), И.Д. Сазанова (1876–1933).

Обратимся к рассмотрению некоторых лингвокультурологических особенностей творчества одного из самых заметных авторов-казаков рубежа XIX и XX столетий

Федора Дмитриевича Крюкова, чье имя было хорошо известно участникам Белого движения Области войска Донского, но было забыто как нежелательное для упоминаний в советский период. Тем не менее, Ф.Д. Крюков — русский писатель и общественный деятель с творческой и гражданской биографией, заслуживающей внимания филологов, культурологов, историков, этнографов. В 1960-70-е годы были предприняты попытки привлечь внимание к личности этого писателя, в первую очередь в связи с «шолоховским вопросом»: статьи В.С. Моложавенко [6, с. 3–4] и В.М. Проскурина [7], а также литературоведческая книга И. Н. Медведевой-Томашевской «Стремя „Тихого Дона“», изданная в Париже в 1974 году [9]. Эти инициативы не получили широкого отклика в то время, но нашли продолжение в конце XX века, когда имя Крюкова «вернулось» в сборниках его повестей, рассказов, очерков, воспоминаний, исследовательских работах о нем и его творчестве. Несмотря на то, что работы Крюкова и исследовательские работы о нем публикуются, имя этого писателя в большинстве случаев по-прежнему связывают с версиями истории создания и авторства «Тихого Дона» (Крюков фигурирует как возможный автор рукописей, которые легли в основу романа-эпопеи) [5]. «Шолоховский вопрос» остается дискуссионным, на данный момент находится на периферии научного поля, при этом, к сожалению, отвлекает внимание от Федора Дмитриевича как самостоятельной творческой личности, носителя уникальных лингвокультурологических характеристик.

Выходец из станицы Глазуновская Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского (ныне территория Волгоградской области), Ф.Д. Крюков стал одним из первых, кто открыл широкому российскому читателю мир аутентичной донской прозы. О высокой оценке современников (В.Г. Короленко, А.С. Серафимович, П.Ф. Якубович, А.Г. Горнфельд, Н.Е. Доброво, М. Горький) свидетельствуют отзывы ведущих литераторов. Так, В. Г. Короленко подчеркивал самобытность дарования Федора Дмитриевича: «Крюков — писатель настоящий, без вывертов, без громкого поведения, но со своей собственной нотой, и первый дал настоящий колорит Дона» [4, с. 228]. Литературовед Д. И. Заславский также отмечал его исключительное место в казачьей литературе, вспоминая: «...осталось у меня о нем общее впечатление как об одном из самых ярких беллетристов „Русского богатства“. Я думаю, что он был до Шолохова самым ярким бытописателем казачества. Писал он талантливо, и я всегда дочитывал его произведения до конца» [7, с. 179]. Сам Крюков в конце 1890-х годов с горечью писал о том скромном месте, которое занимают авторы-казаки в литературном пространстве России того периода: «Литература о Донском крае и о казачестве чрезвычайно бедна. Если не считать местных периодических изданий — официальных и неофициальных, то по пальцам можно пересчитать все, что есть в общей русской печати о Доне. Теперь интересующемуся читателю, будь он, положим, студент (вспоминаю свой прошлый опыт) или какой-либо из местных жителей, нет возможности даже ознакомиться с историей родного края. Есть только два сочинения, из которых можно было бы почерпнуть исторические сведения о донском казачестве: „Историческое описание Земли Войска Донского“, — составленное еще в тридцатых годах Сухоруковым, и „Трехсотлетие Войска Донского“, написанное г. Савельевым (1870 г.). „Историческое описание Земли Войска Донского“, изданное в 70-х годах донским статистическим комитетом, вышло из продажи, и теперь, можно сказать, ни за какие деньги нельзя найти этого прекрасного труда по донской истории, доведенного до 1708 года (собственно этим годом и оканчивается самостоятельная история донского казачества; дальнейшая история идет уже в неразрывной связи с общей русской историей); нет в продаже также и ценного, хотя и краткого труда г. А. Савельева*» [11, с. 97].

Творческое наследие Ф.Д. Крюкова насчитывает около 250 [8, с. 17], а по некоторым данным 350 произведений [10, с. 199]. Литературная деятельность Ф. Д. Крюкова началась в конце XIX века, когда в 1890 году две его статьи были опубликованы с интервалом в месяц в журнале «Донская речь» — «Казаки на академической выставке» и «Что теперь поют казаки?». Этот успех закрепили последующие публикации в авторитетном «Историческом вестнике»: очерк «Гулебщики. Очерк из быта стародавнего казачества» (1892, № 10) и исторический этюд «Шульгинская расправа. (Этюд из истории Булавинского возмущения)» (1894, № 9). В дальнейшем круг периодических изданий, с которыми сотрудничал писатель, значительно расширился, включив такие влиятельные газеты и журналы, как «Петербургская газета», «Северный вестник», «Русские ведомости», «Сын Отечества», «Донская волна», «Донские ведомости», «Русская волна», «Речь». Однако наиболее значимым и плодотворным стало его многолетнее сотрудничество с журналом «Русское богатство» под редакцией В. Г. Короленко, на страницах которого с 1896 по 1917 годы были опубликованы ключевые произведения Крюкова, в том числе ранние, позднее ставшие одними из самых заметных в творчестве писателя: «Казачка» (1896) и «На Тихом Дону» (1898).

Лейтмотив произведений Крюкова — самобытный уклад казачьей жизни, нередко трагические судьбы донцов, поэтическая красота родного края (неслучайно в донских текстах Крюкова мы часто встречаем фольклорные элементы), мироощущение и самоопределение казаков, их поиск и ревностная защита своего особого места в Русском мире. Речевая характеристика героев произведений Ф. Д. Крюкова отличается стилистической и лексической полифонией, а также яркой образностью. В рамках лингвокультурологического подхода анализ речи персонажей позволяет реконструировать специфику национального менталитета, особенности народной духовности и конкретно-бытовые реалии не только казачьей среды, но и в более широком контексте — русского общества конца XIX — начала XX века.

Анализ ранней прозы Крюкова, несмотря на то, что создавались произведения в период работы автора в Петербурге и Орле, выявляет активное использование лингвокультурем, структурно организованных вокруг ключевых этнокультурных маркеров. Писатель целенаправленно включает в речь повествователя и персонажей диалектную и просторечную лексику для передачи локального колорита, онимы и топонимы для укоренения действия в конкретном историко-географическом пространстве, коннотативы для выражения ценностных ориентаций, а также жаргонизмы, иллюстрирующие особенности казачьего быта и службы. Подобный отбор языкового материала служит инструментом вербализации уникального культурного кода донского казачества. Казачий мотив был основным компонентом идиостиля Крюкова, начиная с самых ранних журнальных статей и заканчивая поздними произведениями времен Гражданской войны.

Диалектную картину мира казаков репрезентирует концепт «донское казачество», который мы рассматриваем в качестве сложного, многогранного культурного кода, занимающего особое место в русской лингвокультуре, опираясь на исследования сторонников лингвокультурологического подхода (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Н.А. Красавский, Ю.С. Степанов и др.), определяющих концепт как культурно-обусловленное ментальное образование, стоящее за словом и отражающее специфическое мировидение этноса [2, с. 65; 3, с. 76].

Ядро концепта «донское казачество» составляют:

1. Свобода и самоуправление («вольница» и «войсковой круг»). Идея особого социального устройства казаков как людей, исторически не скованных крепостным

правом. Вербализуется через лингвокультуремы сложного структурного типа, т.е. предложения, отрывки текста в виде размышлений автора от первого лица или диалоги героев, и (реже) одно/двухкомпонентные лексемы. Так, например, герой очерка «Гулебщики. Очерк из быта стародавнего казачества.» («Исторический вестник», 1892) старый казак Никита Белоус рассказывал молодым станичникам, собравшимся вместе с ним совершить набег на черкесский аул об ушедших временах казачьей вольницы: *«— На меня, ребята, положитесь без сумнения... — чистя таранку, заговорил скороговоркой Белоус: — я вам такие места покажу, каких никто не знает... Я там ведь все знаю — кажный кустик, всякой барачек! С молодых ден проникал там... У меня и кунаки были, и теперьча есть тоже... Эх, Джюбиляй-татарин был мне кунак, вот голова!.. Што мы с ним косяков поотогнали, народу сколько побрали в полон — сила сильная!.. И где не припало побывать? и на Аграхани, и в море, и в Персии... Повидал видов на вольном свете!.. Я ведь бывалый воробей!..»* [12, с. 34] или беседовал с молодыми казаками, собравшимися вместе с ним совершить набег на черкесский аул, об ушедших временах казачьей вольницы и ее символе, Степане Разине (который, по словам Белоуса, *«жив живехонек и по век не скончается»*): *«— Степан-то Тимофевич?.. У! не то ворожец, прямо колдун! да какой колдун-то! Его ни пуля не брала, ни замок не держал... Я в энти года ишшо молод был, а родитель мой покойный (царство ему небесное!) гулял с ним... Погрешил-таки покойничек, пришлось рыбки половить и по морю, и по Волге... Припало погулять на вольном свете!.. Вон гуляли, так гуляли, не по нашему!..// — Что и толковать!.. тогда попросторнее было...// — Нет, брат, народ был настоящий, а ноне што?!.// — И ноне бы погуляли, кабы царь Петро со своими немцами не давил...// — Э-э! вы вот млады, зелены ишшо, зеленей молодой травочки, а я старик, я знаю... И не дюже давнее кубыть время, а инако было... Ноне што! вон какие утеснения казацству, а казацство молчит! Заставят и одежу немецкую надевать да бороды брить... А попробовал бы царь в те поры...»* [12, с. 43, 44]. Проблеме самоуправления посвящены очерки «Казачьи станичные суды» («Северный вестник», 1892, №4) и глава X «Новочеркасск. Несколько слов о казачьем самоуправлении. Войсковой собор» очерка «На Тихом Дону» («Русское богатство», 1898), где читатель знакомится с реалиями судебного делопроизводства в станицах и административной реформе, проведенной согласно «Положению об общественном управлении в казачьих войсках» от 3 июня 1891 года. Картину этой части донской жизни Крюков представляет не только своими нередко критическими и остросатирическими комментариями, но и такими лингвокультуремами как *войсковой наказной атаман, станичный суд, суд станичных депутатов, крестьянский волостной суд, суд поселкового атамана и стариков, войсковой собор, экономическое преуспеяние казака, жалобщик* (истец), *судебная камора* (комната с двумя большими окнами и решетчатой перегородкой), *выростки* (несовершеннолетние).

2. Воинская служба — защита рубежей, военные походы, «служба царю и Отечеству» как один из базисов идентичности. Уже в одном из своих ранних произведений, историческом очерке «Шульгинская расправа. (Этюд из истории Булавинского возмущения)» (1894, № 9), Ф. Д. Крюков актуализирует для читателя сложные, подчас трагические страницы становления казачества как военного сословия. Писатель тонко фиксирует глубинное противоречие, присущее казачьему самосознанию: диалектическое сочетание архетипической «вольницы», обособленности и бунтарского духа с одной стороны, и безусловной готовности к самопожертвованию, верности долгу перед Отечеством и государем с другой. Этот дуализм, сочетание личной свободы с воинской службой, становится ключом к пониманию исторического пути

донского казака в интерпретации Крюкова: «*... красовались надписи в честь атаманов Корнилы Яковлева и Лукьяна Максимова. Первый был современник Разина, а второй Булавина; оба они явили одинаковую верность и преданность российским государям во время известных казацких возмущений*» [11, с. 6]. В главе V очерка «На Тихом Дону» («Несколько слов о донском казаке») ключевой лингвокультуремой выступает понятие «доклад» — так обозначался полный набор снаряжения и обмундирования, который казак обязан был за свой счёт приобрести «при выходе в полк». Данная реалия казачьего быта, подчёркивающая личную ответственность воина перед службой (в отличие от государственного обеспечения), раскрывается автором через развёрнутый текстовый фрагмент, насыщенный характерными диалектными номинациями предметов амуниции:

Хотя и скучно перечисление этих вещей, но тем не менее я прошу позволения поименовать их:

1) Седло с прибором; уздечка с чумбуром, недоуздок; чемодан и шесть пряжек; саквы сухарные; попона с троком; торба; щетка, скребница; фуражирка; сетка; тренога и плеть, саквы овсянные.

2) Шашка; пика; портупея и темляк; патронташ и поясной ремень; кушак, чушка и кобура; шнуры (чехол на винтовку).

3) Два чекменя и двое шаровар; шинель; папаха форменная; фуражка; башлык; теплушка; полушубок; гимнастическая рубаха; две пары сапог; галстух; две пары перчаток; три рубашки; трое подштанников, две пары холщевых портянок, одна пара суконных; два утиральника; две пары подков; сумка с мелочью; набрюшник.

Стоимость всех этих вещей равна 110 руб. 75 к. [11, с. 45]

3. Вера (православие) как смыслообразующая категория жизни казака. В творчестве Ф. Д. Крюкова тема православия занимает значимое место, выступая в качестве доминанты духовно-нравственного уклада не только донского казачества, но и всего русского общества на рубеже XIX—XX веков. Религиозный дискурс присутствует в подавляющем большинстве его текстов, зачастую формируя неявный, но устойчивый мировоззренческий фон. Даже в тех случаях, когда вера не становится центральным сюжетообразующим мотивом, она органично вплетена в ткань повествования через диалоги персонажей, детали бытового уклада и авторские описания.

Вербализация этого концепта осуществляется на нескольких уровнях. На номинативном уровне её обеспечивает устойчивый набор характерных для православной культуры лексем: *богомольцы, иерей, клобук, панихида, хоругви, певчий, трапеза* и т.д., а также онимы, отсылающие к сакральным местам и понятиям*: Троицкий монастырь, Троица, Искупитель, старый Афон, Сергиевская лавра* и др. Однако наиболее глубоко и многомерно концепт «вера» раскрывается на уровне сложносоставных лингвокультурем. К ним относятся: авторские философские отступления, раскрывающие метафизическую основу бытия персонажей; включенные в текст фрагменты православных молитв, песнопений и проповедей, звучащие из уст героев и выполняющие не только характеризующую, но и символическую функцию; развернутые диалоги и монологи персонажей на темы веры, греха, промысла и спасения, в которых оттачивается их нравственная позиция. Таким образом, православие у Крюкова предстает не как внешний, ритуальный атрибут, а как живая, экзистенциальная основа народной жизни, пронизывающая сознание, речь и поступки его героев, что позволяет реконструировать целостную религиозную картину мира изучаемой эпохи: «*Спаси вас Христос, господа старики!*» [12, с. 114]; «*Толпа надвигается, затирает Ивана Иваныча и почти вносит в церковь. С клироса несутся дружные и усердные голоса дьячков и добровольцев певчих; он слышит, между прочим, густой бас дьячка Андреевича и необыкновенно высокий и*

тонкий тенор портного Ивана Мартиныча... Сердце Ивана Иваныча наполняется восторгом и радостным трепетом, когда до него доносится: — Воскре-се-ни-е Тво-е Хри-сте Спа-а-се... // Как же хорошо и легко! Какие чудные, торжественные звуки!..» [12, с. 169]. «“Лоб-то перекрести, да ступай спать!”» [12, с. 39]. «*“— На аспида и василиска наступиши и допереши льва и змие”, — шептал в третий раз уже Филиппушка и время от времени награждал буланого плетью*» [12, с. 47].

4. Родимый край — специфический уклад жизни (чередование воинской службы и труда на земле). Данный элемент ядра концепта у Ф. Д. Крюкова вербализует целостный образ жизни донского казачества, основанный на органичном цикле «служба — земля» и неразрывной историко-духовной связи с Доном и находит своё наиболее аутентичное выражение не только в авторских описаниях, но и в живой, колоритной речи станичников, которую писатель мастерски реконструирует. С лингвокультурологической точки зрения, именно через диалектную лексику и фразеологию Крюков представляет обиходную картину мира своих героев. Он фиксирует уникальные лингвокультуремы, каждая из которых является элементом культурного кода, называющего ключевые реалии и понятия:

1. Быт и жилище: *фульварка* (изба), *баз* (двор для скота), *низ* (цокольный этаж), *пОличка* (полка для икон).

2. Одежда и атрибутика: *чекмарь* (казачья трость), *кубелек* (старинная женская верхняя одежда).

3. Занятия и социальные роли: *гулебщики* (участники набегов), ясырь (добыча), полипоны (старообрядцы).

4. Обряды и традиции: *карагод* (хоровод), *кладка* (взнос жениха, элемент предсвадебного обряда), *повечерять* (поужинать), *возгаркнуть* (запеть песню).

Диалектная фразеология у Крюкова выступает как концентрированное выражение народной мудрости, этики и юмора: «*с своей рожей сидел бы под рогожей!..*» [11, с. 30]; «*... чтобы дым пошел по все вселенной, а тогда хоть и рога в землю*» [11, с. 134]; «*без могарычей у казаков нет и речей*» [11, с. 160].

Тот же лингвокультурологический принцип, использование диалектизмов как инструмента художественной антропологии, Крюков применяет и в пейзажных зарисовках. Описания донской степи сознательно насыщены региональными фитонимами и зоонимами (названиями растений и животных), неизвестными широкому читателю (*повитель, богородицкая травка, овсюк, пырей, чернобыль, дрок, червоница, белоголов, стрепеток, кобчик, лунь* и др.). Этот авторский приём выполняет две задачи: с одной стороны, он создаёт максимально точную и чувственную пейзажную галерею, с другой, через язык природы, удваивает эффект погружения в уникальный мир Тихого Дона.

Таким образом, на всех уровнях текста — от бытовой лексики до пейзажной лирики — диалектные элементы выступают у Крюкова не просто элементом стиля или фоном, а становятся ключевым, структурообразующим средством лингвокультурной реконструкции. Они выполняют функцию этнографически точного кода, обеспечивающего аутентичность, и одновременно являются мощным художественным инструментом, создающим неповторимую атмосферу и глубину. Эта органичная интеграция диалектного пласта в авторскую речь и сознательную поэтику является одной из фундаментальных черт идиостиля Ф. Д. Крюкова. Его творческий метод можно определить как лингвокультурологический реализм, где язык становится не только средством изображения, но и главным объектом художественного исследования, через который воссоздается целостная, духовно и предметно насыщенная картина мира донского казачества.

Лингвокультурологический анализ произведений Ф. Д. Крюкова 1890-х годов позволяет не только реконструировать целостную диалектную картину мира донских казаков, но и выявляет уникальный характер его идиостиля. Диалектные компоненты в творчестве писателя выступают как активный структурообразующий элемент лингвокультуры, формирующий аутентичную языковую картину мира донского казачества конца XIX века. Через детальную репрезентацию ключевых концептов — свободы и самоуправления, воинской службы, православной веры и связи с «родимым краем» — Крюкову удается зафиксировать и художественно осмыслить специфическое мировидение казачества, органично и неотъемлемо существующее в парадигме общерусской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества : монография / Е.В. Брысина ; науч. ред. В.И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 2003. — 292 с.
2. Кадачиева Х.М. Системные и структурные характеристики концептосферы / Х.М. Кадачиева, А.Б. Абдулкадырова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 34. Вып. 3. — С. 64–70.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
4. Короленко В.Г. Избранные письма. Т. 3 / В.Г. Короленко ; [под ред. и с примеч. Н.В. Короленко, А.Л. Кривинской]. — М. : Художественная литература, 1936. — 284 с.
5. Малюкова, Л. Н. "И покатился с грохотом обвал…" судьба и творчество Ф.Д. Крюкова / Л. Н. Малюкова .— 2-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2019 .— 256 с.
6. Моложавенко В. Об одном незаслуженно забытом имени / В. Моложавенко // Молот (Ростов-на-Дону). — 1965. — 13 авг. — С. 3–4.
7. Проскурин В. К характеристике творчества и личности Ф.Д. Крюкова / В. Проскурин // Русская литература. — 1966. — № 4. — С. 179–186.
8. Смирнова Е.А. GENIUS LOCI Федора Крюкова, бытописателя «Тихого Дона» / Е.А. Смирнова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8, Литературовед. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. № 1. С.17—28.
9. «Стремя “Тихого Дона” (Загадки романа)». — Paris : YMCA-PRESS, 1974. — 195 с.
10. Супрун В.И. Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф.Д. Крюкова до Б.П. Екимова / В.И. Супрун // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сб. науч. ст. к 70-летию проф. А.Х. Гольденберга. — Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. — С. 193–204.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Крюков Ф. На Дону. В родных местах / Ф. Крюков. — М. : АИРО-XXI, 2016. — 384 с.
12. Крюков Ф. Старое поле. В начале пути / Ф. Крюков. — М. : АИРО-XXI, 2021. — 320 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной ; члены редколлегии : Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 696 с.

REFERENCES

1. Brysina, E.V. (2003). *Etnokul'turnaya idiomatika donskogo kazachestva* [Ethnocultural Idiomatics of the Don Cossacks]. Volgograd: Peremena. (In Russian)
2. Kadachieva, Kh.M., & Abdulkadyrova, A.B. (2019). Sistemnye i strukturnye kharakteristiki kontseptosfery [Systemic and Structural Characteristics of the Conceptosphere]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, 34(3), 64–70. (In Russian)
3. Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2001). Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural Concept as a Unit of Research]. In I.A. Sternin (Ed.), *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics] (pp. 75–80). Voronezh: VSU. (In Russian)
4. Korolenko, V.G. (1936). *Izbrannye pis'ma* [Selected Letters] (Vol. 3). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

5. Malyukova, L.N. (2019). *"I pokatilsya s grokhotom obval…" sud'ba i tvorchestvo F.D. Kryukova* ["And the Avalanche Rolled Down with a Crash..." The Fate and Work of F.D. Kryukov] (2nd ed.). Moscow: FLINTA. (In Russian)
6. Molozhavenko, V. (1965, August 13). Ob odnom nezastuzhenno zabytom imeni [On One Unjustly Forgotten Name]. *Molot (Rostov-on-Don)*, 3—4. (In Russian)
7. Proskurin, V. (1966). K kharakteristike tvorchestva i lichnosti F.D. Kryukova [On the Characteristics of F.D. Kryukov's Creative Work and Personality]. *Russkaya literatura*, 4, 179–186. (In Russian)
8. Smirnova, E.A. (2016). GENIUS LOCI Fedora Kryukova, bytopisatelya «Tikhogo Dona» [GENIUS LOCI of Fyodor Kryukov, Chronicler of "The Quiet Don"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8, Literaturovedenie*, 1, 17–28. (In Russian)
9. (1974). *«Stremya "Tikhogo Dona" (Zagadki romana)»* ["The Stirrup of 'The Quiet Don' (Mysteries of the Novel)"]. Paris: YMCA-PRESS. (In Russian)
10. Suprun, V.I. (2019). Lokal'nyy kazachiy tekst v yazyke i literature: ot F.D. Kryukova do B.P. Ekimova [The Local Cossack Text in Language and Literature: From F.D. Kryukov to B.P. Ekimov]. In *Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore* [East — West: The Space of the Local Text in Literature and Folklore] (pp. 193–204). Volgograd: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena». (In Russian)
11. Kryukov, F. (2016). *Na Donu. V rodnykh mestakh* [On the Don. In Native Places]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)
12. Kryukov, F. (2021). *Staroye pole. V nachale puti* [The Old Field. At the Beginning of the Path]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)
13. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] (2nd ed.). Kozhina, M.N., Bazhenova, E.A., Kotyurova, M.P., & Skovorodnikov, A.P. (Eds.). (2006). Moscow: Flinta : Nauka. (In Russian)

Поступила в редакцию 09.03.2026 г.

DIALECT-BASED LINGUISTIC WORLDVIEW OF DON COSSACKS IN WORKS OF 1890s BY F.D. KRYUKOV

L. L. Kononenko

The article deals with a linguocultural study of the individual style of Feodor Kryukov, a writer, publicist and representative of the Don Cossacks at the turn of the 19th—20th centuries. The research objective is to reconstruct elements of the dialectal worldview of the Don Cossacks by identifying and analyzing linguoculturemes that represent the concept of "the Don Cossacks." The material for the study comprises Kryukov's early works of the 1890s. The method of linguocultural analysis is applied, including techniques of conceptual study and text interpretation. As a result, the key components of the concept are identified and described, i.e. freedom and self-government, military service, Orthodox faith, and connection with the "native land." It has been proved that the dialectal elements in Kryukov's prose are not merely a stylistic background but an active structural component of his individual artistic style, forming an authentic linguistic worldview of the Cossacks as part of all-Russian culture.

Key words: linguocultural studies, linguistic worldview, concept, linguistic personality, individual style, linguoculturem, dialectal words, the Don Cossacks, Feodor Kryukov.

Кононенко Лина Леонардовна.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва.
Старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и лингвокультурологии института русского языка.
ORCID 0009-0007-4187-8441.
E-mail: kononenko-ll@rudn.ru

Kononenko Lina Leonardovna.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russian Federation, Moscow.
Senior Educator of Additional Education, Department of the Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language.
ORCID 0009-0007-4187-8441.
E-mail: kononenko-ll@rudn.ru

Научная статья
УДК 81’42:811.131.1
DOI: 10.5281/zenodo.21128328

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ КОМЕДИЙ КАРЛО ГОЛЬДОНИ

© 2026 *М. Б. Рустамова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0009-0005-2051-9672.

Статья посвящена исследованию способов выражения эмотивности в драматических текстах Карло Гольдони на материале комедий «Льстец», «Игрок» и «Слуга двух господ». Актуальность обусловлена необходимостью изучения особенностей языка комедий для дальнейшего исследования его влияния на формирование итальянского языка. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, выборка единиц определенной группы, культурологический комментарий. Языковые единицы объединены в несколько групп на основе лексико-семантических средств языка. Сделаны выводы о целях использования данных средств. Как вербальные, так и невербальные средства играют значительную роль в выражении эмотивности. В текстах данные средства служат для достижения художественного эффекта, «оживления» языка персонажей и обеспечения эмоционально-экспрессивного фона комедий.

Ключевые слова: итальянская комедия, Карло Гольдони, драматический текст, язык комедии, лингвистические средства, эмотивность, средства выражения эмотивности.

Для цитирования: Рустамова М. Б. Способы выражения эмотивности в языке комедий Карло Гольдони / М. Б. Рустамова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 231–246. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21128328.

Введение. Настоящее исследование посвящено анализу способов выражения эмотивности в комедиях итальянского драматурга Карло Гольдони. Актуальность темы определяется тем, что драматургический текст представляет собой особую форму художественной коммуникации, в которой эмоциональное содержание передается не только через речь персонажей, но и через ремарки, жесты, мимику, движение, интонационные указания и другие элементы сценического поведения. Поэтому изучение эмотивности в драматургии позволяет рассмотреть взаимодействие вербальных и невербальных средств в создании эмоционального состояния героя и общего сценического эффекта.

Обращение к творчеству Карло Гольдони особенно важно, поскольку его комедии связаны с реформированием итальянского театра XVIII века и усилением роли индивидуализированной речи персонажа. В его произведениях эмоции выражаются через оценочную лексику, обращения, междометия, повторы, экспрессивные синтаксические конструкции, а также через невербальные компоненты, зафиксированные в ремарках. Вместе с тем вопрос о соотношении данных средств в комедиях Гольдони изучен недостаточно, что определяет научную актуальность исследования.

Теоретико-методологическую основу работы составили труды, посвященные категории эмотивности, в частности исследования М. Л. Андреева, И. Е. Герасименко, А. Вежбицкой, А. К. Тютриной, В. И. Шаховского, а также работы, связанные с изучением творчества Карло Гольдони, в том числе труды М.Л. Андреева, А. К. Дживелегова и К. М. Миклашевского.

Объектом исследования являются комедии Карло Гольдони в оригинале. Предмет исследования составляют вербальные и невербальные средства выражения эмотивности в языке и сценической структуре комедий.

Цель исследования заключается в выявлении, описании и классификации данных средств, а также в определении их роли в создании эмоциональной характеристики персонажей и комического эффекта.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть теоретические подходы к понятию эмотивности; определить особенности драматургического текста как формы сценической коммуникации; выявить вербальные средства выражения эмотивности в комедиях Гольдони; охарактеризовать невербальные средства, представленные в ремарках и сценических указаниях; определить их роль в раскрытии эмоционального состояния персонажей и создании комического эффекта.

Эмпирический корпус составили реплики персонажей и авторские комментарии, содержащие маркеры экспрессии в оригинальных текстах трех комедий итальянского автора — «L'adulatore», «Il giuocatore», «Il servitore di due padroni». Для установления репрезентативности данной выборки были применены методы анализа и синтеза, описательный и контекстуальный методы, лексико-семантический анализ. Языковые средства были сгруппированы по языковым уровням в рамках классификационного подхода для систематизации материала.

Основная часть. Карло Гольдони оказал значительное влияние на жанр, язык и стиль театральной комедии не только в Италии, но и в других европейских странах. Комедия была его любимым жанром, «которым он сполна владел и в котором чувствовал себя новатором» [1, с. 71]. Он пришел в театр в эпоху импровизационной комедии дель арте и стремился создать более структурированные и литературные пьесы, что способствовало переходу от импровизации к написанному тексту. Известно, что жанр комедии дель арте характеризовался такими особенностями, как импровизированный текст, сочетающийся с «сатирой, в ее деятельном, кинетическом проявлении — шутовстве и клоунаде» [6, с. 51]. Таким образом, наряду с вербальными средствами значительную роль в выражении эмотивности представления играли невербальные средства: мимика, жесты, движение.

Карло Гольдони — «отец итальянской комедийной драматургии» [5, с. 16]. Гольдони как реформатор привнес в комедию элементы реализма, изображая повседневную жизнь и социальные отношения, а также создал многослойных персонажей с ярко выраженными реалистичными чертами характера — главное нововведение, что обогатило жанр, превратившийся в комедию нравов [2, с. 196]. Мастерски используя комические ситуации, он строил свои пьесы вокруг недоразумений и конфликтов, делая их динамичными и увлекательными для зрителей.

Комедии Гольдони изобилуют комичными монологами и диалогами, авторскими ремарками и комментариями, а для выражения иронии и комизма драматург использует различные средства. В данной работе мы рассмотрим примеры из таких комедий, как «Игрок», «Льстец» и «Слуга двух господ», выбор именно этих произведений обусловлен тем, что в них эмоциональное содержание не ограничивается прямым называнием чувств, а последовательно раскрывается через речевое поведение персонажей, смену регистров, диалектные формы, ремарки, интонационные указания и комически заостренные ситуации общения. Поэтому дальнейший анализ требует предварительного уточнения самого понятия эмотивности, поскольку без его теоретического разграничения невозможно показать, какие средства действительно выражают эмоцию, какие лишь усиливают экспрессивность реплики, а какие приобретают эмоциональное значение только в сценическом контексте.

В настоящем исследовании эмотивность понимается не как простая «эмоциональная окрашенность» слова и не как синоним экспрессивности, а как семантико-прагматическая способность языковой или сценической единицы репрезентировать эмоциональное состояние персонажа, включать это состояние в структуру речевого взаимодействия и вызывать у читателя или зрителя определенный эмоциональный отклик. В этом смысле экспрессивность выступает более широким понятием, связанным с усилением выразительности высказывания, тогда как эмотивность направлена именно на выражение, актуализацию или сценическое разворачивание эмоции. Эмоциональная окраска, в свою очередь, может рассматриваться как частный компонент эмотивности, поскольку она фиксирует оценочно-чувственный оттенок значения, но сама по себе еще не раскрывает того, каким образом эмоция функционирует в диалоге, ремарке или сценическом конфликте.

Состоящая из эмотивных сем, эмотивность является семантическим компонентом слова, который может становиться главной категориально-лексической или зависимой дифференциальной семой [7, с. 32]. В.И. Шаховский описывает три типа эмотивности: собственно эмотивность (представленную на уровне эмотивного значения), эмотивность, как одну из реализации семантики слова (представленную на уровне коннотации) и контекстуальную эмотивность (на уровне эмотивного потенциала) [7, с. 32]. Данная типология особенно важна для анализа драматургии Гольдони, поскольку в комедийном тексте эмоция редко выражается только одним способом: она может быть прямо названа в лексеме, оценочно усилена морфологической или синтаксической формой, а затем дополнительно конкретизирована ремаркой, жестом, интонацией или положением персонажа на сцене. Поэтому в дальнейшем анализе собственно эмотивность будет соотноситься с единицами, прямо называющими чувство; коннотативная эмотивность — с оценочными, сниженно-разговорными, ироническими или усилительными средствами; контекстуальная эмотивность — с теми случаями, когда эмоциональное значение возникает не из отдельного слова, а из всей драматургической ситуации, включая реплику «в сторону», диалогическое столкновение, социальную дистанцию между персонажами и сценическое действие.

Для выражения категории эмотивности в текстах художественных произведений используются различные лексико-семантические средства языка: фонетические, графические, морфологические, синтаксические и другие. Выявление средств, при помощи которых репрезентируются эмоциональные концепты в языке, классификация таких средств и их сопоставление представляет особый интерес для понимания природы языка Гольдони и, соответственно, сути его театральной реформы.

1. Графические средства. Драматический текст, как письменная форма, изначально ориентированная на сценическое воплощение, обладает двойной природой: он одновременно существует как литературный текст для чтения и как партитура будущего спектакля. Поэтому графические элементы в нем нельзя рассматривать только как внешние способы оформления. В комедиях Гольдони скобки, курсив, ремарочные пометы, указания piano, forte, da sè выполняют функцию эмоционального кодирования сценической ситуации: они определяют, кому именно адресована реплика, должна ли она быть услышана другими персонажами, каким тоном она произносится и какое внутреннее состояние сопровождает внешне нейтральное высказывание. Так, в качестве графического маркера эмотивности можно отметить сочетание скобок и шрифта. С позиции классификации В. И. Шаховского подобные средства относятся преимущественно к контекстуальной эмотивности, поскольку сами по себе скобки или курсив не содержат названия эмоции, но создают условия для ее интерпретации.

Эмоциональный смысл возникает в момент соотнесения графической формы с речевой ситуацией: реплика, помещенная в скобки, воспринимается как скрытая, внутренняя или адресованная ограниченному кругу участников сцены, а значит, она позволяет вывести на поверхность то чувство, которое персонаж не может или не хочет выразить открыто.

— скобки + курсив представляют выражение эмоций, состояние:

SMERALDINA:

Oh! (sospirando) Signor no. (Il Servitore)

— *О! (вздыхая)* Нет, сударь.

CLARICE:

(piangendo) Ingrato! Possibile che la mia morte non vi costasse un sospiro? (Il Servitore).

— *(плача)* Неблагодарный! Неужели моя смерть не стоила бы вам ни единого вздоха?

BRIGHELLA:

(Non gh'è dubbio) (***piano*** a Beatrice).

Fazzo el locandier, per servirla (***forte*** alla medesima).

— *(Без сомнения) (тихо Беатриче).*

Я изображаю трактирщика, чтобы ей служить *(громко — ей же).*

— скобки без курсива = прямая речь, произносимая в сторону, обычно — «скрывает» от других персонажей реплики, сопровождаемые негативными эмоциями разочарования, обиды и т.п.:

TRUFFALDINO:

(Diavolo! In quella locanda!).

— (Чёрт! В том трактире!)

COLOMBINA:

(I miei fiori! Oh poveri i miei fiori!) (vedendoli in terra)

— (Мои цветы! О, бедные мои цветы!) (увидев их на земле)

Следовательно, графическое оформление у Гольдони является не вспомогательным техническим элементом, а способом распределения эмоциональной информации внутри сцены: открытая реплика фиксирует социально допустимый уровень поведения персонажа, тогда как реплика в скобках, курсивная ремарка или помета da sè раскрывают скрытый эмоциональный слой: раздражение, страх, обиду, подозрение, ревность или внутреннее несогласие. Именно за счет такого расслоения возникает характерный для комедии эффект двойной коммуникации: зритель получает доступ к тому, что остается недоступным другим персонажам, и тем самым включается в механизм комического превосходства и драматической иронии.

2. Фонетические средства. У Гольдони фонетические особенности в основном обусловлены использованием венецианского диалекта, однако их значение не сводится к передаче региональной окраски речи. Диалектная фонетика становится способом сценического приближения персонажа к живой разговорной среде, поскольку усечения, аферезы, апокопы, открытые гласные, упрощенные группы согласных и иные отклонения от литературной нормы создают впечатление непосредственности, темповой подвижности и речевой телесности. В отличие от книжной итальянской речи, которая чаще воспринимается как более контролируемая и социально дистанцированная, диалектная речь у Гольдони оказывается связана с бытовым действием, комическим импульсом и эмоциональной реактивностью персонажа.

Венецианский диалект сам по себе в такой же степени, как и литературный язык на основе тосканского, способен выражать разную степень эмоциональности, однако Гольдони использует диалект как художественное средство: контрастируя с литературным итальянским, венецианский на сцене звучит менее формально, более живо и эмоционально.

Именно поэтому фонетические средства здесь следует относить преимущественно к контекстуальной эмотивности: отдельная диалектная форма не обязательно называет чувство, но в сопоставлении с литературной речью она маркирует эмоциональный режим персонажа — его социальную открытость, комическую приземленность, раздражение, живость, грубоватость или, напротив, бытовую естественность.

С точки зрения произношения венецианский диалект по сравнению с литературным итальянским характеризуется:

Более короткими формами, звучащими «энергично» за счет увеличения доли ударных слогов:

— с аферезой

— с апокопой конечного гласного: adesso i lo vôi vender (=voglio vendere), или целого слога: i me l'ha dà (=mi ha dato);

— отсутствием дифтонга: omo (=uomo),

Более открытыми гласными: se recorda (=si ricorda), ordene (=ordine),

Озвонченными t>d: avudo (=avuto),

Упрощенными группами согласных:

Gw> v: varda (=guarda),

Усечения характерны и для разговорного итальянского языка, поэтому формы с аферезой и апокопой «оживляют» и язык персонажей, говорящих на итальянском языке: ste mie parole (=queste).

Таким образом, фонетический уровень в комедиях Гольдони выполняет не только имитационно-разговорную, но и эмотивно-характерологическую функцию. Диалектные формы позволяют показать персонажа не отвлеченно, через авторское описание, а непосредственно через звучание его речи, то есть через тот материал, который в театре воспринимается зрителем мгновенно. В этом отношении фонетика становится частью сценической семантики: она помогает различать социальные роли, усиливает комический контраст между персонажами и переводит эмоциональность из области содержания в область звучащей формы.

3) В отличие от графических или фонетических средств, которые чаще работают через сценический контекст, лексика может непосредственно включать эмоцию в семантическую структуру высказывания: слово либо прямо обозначает эмоциональное состояние, либо содержит оценочный компонент, либо приобретает эмоциональную нагрузку в результате столкновения с ситуацией, адресатом и речевой манерой персонажа. При этом каждое средство соотносится с типологией В.И. Шаховского: лексемы, называющие эмоции, относятся к собственно эмотивности; просторечие, ругательства, парные синонимы и фразеологизмы чаще реализуют коннотативную эмотивность; пословицы, диалектные формы, заимствования и отдельные устойчивые обороты раскрывают свой эмотивный потенциал преимущественно в контексте конкретной сцены.

Рассмотрим, как категория эмотивности раскрывается посредством употребления следующих лексических средств:

3.1. Лексемы, обозначающие эмоциональное состояние:

Присутствуют в репликах «в сторону»:

COLOMBINA:

Pazienza. (Ho una **rabbia**, che la scannerei), (da sè)

— Терпение… (У меня такая ярость, что я бы её зарезала).

COLOMBINA:

Non sono fiori da pari sua. (Ha **invidia** anche di questi fiori). (da sè)

— Это не цветы для такой, как она. (Она завидует даже этим цветам).

Герой также может прямо описывать свои эмоции:

ARLECCHINO:

Pianzo per vu, **sospiro** per causa vostra.

— Я плачу из-за вас, вздыхаю по вашей вине.

В данных примерах эмотивность проявляется в наиболее прямой форме, поскольку лексемы rabbia, invidia, pianzo, sospiro не просто сопровождают эмоциональное состояние, а называют его как содержание реплики. Это позволяет отнести их к собственно эмотивности в понимании В.И. Шаховского. Однако драматургическая специфика Гольдони состоит в том, что даже прямое называние чувства не остается нейтральной психологической фиксацией. Когда Коломбина произносит «Ho una rabbia» или «Ha invidia» в реплике «в сторону», эмоция оказывается раздвоенной: она одновременно присутствует в тексте и скрывается внутри сценического общения. Тем самым собственно эмотивность соединяется с контекстуальной, поскольку названное чувство приобретает дополнительное значение через ситуацию сокрытия, социального контроля и комического несовпадения между внешней репликой и внутренней реакцией персонажа.

3.2. Просторечная лексика/ругательства:

LUIGIA:

Pezzo d’asino, dov’hai la testa?

— Осёл ты этакий, где у тебя голова?

LUIGIA:

Via, **ciompa**, sbrigati.

ASPASIA:

Non me ne importa **un fico.**

— Мне это ни капли не важно / мне на это наплевать.

Просторечная лексика и ругательства работают иначе: они не обязательно называют конкретное чувство, но передают эмоциональное отношение говорящего через сниженный регистр и оценочную агрессию. В выражениях pezzo d’asino, ciompa, non me ne importa un fico эмоция проявляется не как психологический термин, а как речевой жест, направленный на адресата или ситуацию. Поэтому данные единицы следует соотносить с коннотативной эмотивностью: эмоциональный смысл закреплен в оценочном оттенке слова, его социальной сниженности и коммуникативной резкости. В комедийном тексте Гольдони подобная лексика одновременно выполняет три функции: демонстрирует раздражение персонажа, снижает высокий тон ситуации и создает речевой портрет героя, поскольку его эмоциональная культура раскрывается через выбор грубого, бытового или насмешливого слова.

3.3. Парные синонимы:

SIGISMONDO:

Ma se V. E. è tanto **rigorosa e severa**, che nulla vuol avere di condescendenza per lui, credo lo faccia per una specie di disperazione. (L’adulatore).

— столь строгая и суровая.

LUIGIA:

Tanto vi vuole, **scimunita, sciocca**? (L’adulatore).

— тупица, глупышка.

FLORINDO:

Grandi accidenti accaduti sono in questa giornata! **Pianti, lamenti, disperazioni**, e all'ultimo consolazione e allegrezza.

— Слёзы, стенания, отчаяние… и, в конце концов, утешение и радость.

Парные синонимы — особый механизм эмотивного усиления: они не столько расширяют содержание высказывания, сколько создают эффект семантического давления. Сочетания rigorosa e severa, scimunita, sciocca, pianti, lamenti, disperazioni строятся на накоплении близких по смыслу слов, вследствие чего эмоциональная оценка становится более плотной и настойчивой. Здесь коннотативная эмотивность взаимодействует с контекстуальной: отдельные лексемы уже содержат отрицательную, жалобную или драматизирующую оценку, но их последовательное употребление в одной реплике усиливает впечатление раздражения, упрека, отчаяния или театрального преувеличения. Для комедии Гольдони это особенно важно, поскольку подобные ряды позволяют показать склонность персонажа к эмоциональному нагнетанию, а само нагнетание часто становится источником комического эффекта.

3.4. Фразеологические обороты с усилительным значением:

COLOMBINA:

E pure vi è il signor conte Ercole, ch'è **innamorato morto** di voi. (L'adulatore).

— смертельно влюблён в вас

LUIGIA:

(**Non vedo l'ora** di vederli). (da sè) (L'adulatore)

— (Не могу дождаться, когда их увижу).

Фразеологические обороты с усилительным значением демонстрируют, что эмотивность может выражаться не только через отдельное слово, но и через устойчивую образную модель. В выражениях innamorato morto и non vedo l'ora эмоциональное состояние передается как предельное: любовь метафорически сближается со смертью, ожидание — с невозможностью выдерживать течение времени. В этом случае коннотативная эмотивность формируется за счет образной гиперболы, а контекстуальная — за счет того, что степень преувеличения воспринимается в зависимости от ситуации и персонажа. У Гольдони такие обороты важны именно как комедийный инструмент: они делают чувство не просто выраженным, а сценически увеличенным, доведенным до формулы, которая одновременно передает эмоцию и обнаруживает ее условность, театральность или чрезмерность.

3.5. Пословицы и поговорки:

ARLECCHINO:

«La donna è fatta come la castagna, Bella de fora e drento la magagna».

— Женщина как каштан: снаружи красива, а внутри — гниль.

BRIGHELLA:

Col tempo e la paja se madura le nespole.

— Со временем и на соломе мушмула дозревает. (= всё приходит со временем)

Пословицы и поговорки у Гольдони выполняют не прямую номинативную, а интерпретационную эмотивную функцию. Они не столько называют чувство, сколько задают способ оценки происходящего: через насмешливое обобщение, житейскую мудрость, гендерный стереотип, недоверие или ироническое дистанцирование. В выражении «La donna è fatta come la castagna...» эмоциональный эффект возникает не из отдельной лексемы, а из всей образной структуры высказывания, где внешняя привлекательность противопоставляется внутренней испорченности. Поэтому такие конструкции относятся преимущественно к контекстуальной эмотивности: их эмоциональный смысл зависит от того, кто произносит пословицу, против кого она направлена и какую роль играет в развитии комического конфликта.

3.6. Диалект и заимствования. Диалект в комедиях Гольдони является не только средством социальной характеристики героя, но и важнейшим способом организации

эмотивного пространства пьесы. Переключение между литературным итальянским, венецианским диалектом, региональными формами, галлицизмами и латинизмами создает сложную систему речевых контрастов, в которой каждый код связан с определенным типом социального поведения и эмоциональной самопрезентации. Диалектная речь приближает персонажа к бытовой, телесной, непосредственной сфере общения; галлицизмы формируют эффект светской утонченности или претензии на изысканность; латинизмы, напротив, создают дистанцию, книжность и эмоциональную сухость.

Сам Гольдони писал так в предисловии к одной из комедий: «И я бы не пришел в ужас, если бы язык, используемый в ней <комедии>, был взят из речи образованных людей, поскольку он не сильно бы отклонялся от того, который понимают во всей Италии; но, подражая во многих местах действиям и рассуждениям простых людей, я нашел необходимым придерживаться тех оборотов речи, которые более всего подходят к этому типу людей. Каждому очевидно, насколько различны в каждом городе рассуждения знатных людей от рассуждений людей других сословий, и что последние настолько отличаются от других, что кажутся почти родившимися в другой стране; потому что, кроме различия во многих словах, а также в произношении, у них есть еще некоторые особые формы выражений, пословиц или жаргонизмов, которые очень приятны для тех, кто их понимает, но очень неясны для тех, кто не имеет такого опыта.

Среди тех, кто имеет наибольшее число подобных форм речи, венецианские гондольеры, которым я подражал в настоящей «Комедии» с таким вниманием, что я часто садился слушать их, когда они спорили, развлекались или занимались другими делами, чтобы иметь возможность естественным образом скопировать их в мою комедию. И эта точность сделала мое произведение таким приятным для города, где подобные вещи каждый день находятся перед нашими глазами, и подобные слова слышатся постоянно; боюсь, однако, что это может сделать его скучным для тех, кто, будучи рожден далеко от него, не понимает свойств венецианских слов» [10].

Диалект становится выразительным средством, позволяющим автору переключать языковые коды для достижения художественного эффекта, при чем диалект служит именно для социальной характеристики героя. Например, Панталоне и Арлекино говорят по-разному. В комедии «Льстец» Панталоне — богатый венецианский купец, а Арлекино шут в доме губернатора. Речь Панталоне строится сложными периодами, насыщена книжной лексикой, с отдельными фонетическими особенностями, присущими венецианскому диалекту, ориентацию на письменный стиль выдает, например, частое использование герундия, обращается на Lei, перемежает речь итальянскими словами. Арлекино, наоборот, обращается на voi, использует больше чисто диалектных слов, например, fiappare, сниженную грубую лексику (minchionare).

В комедиях Гольдони можно отметить также галлицизмы, которые делают речь персонажей в «Льстеце» более изысканной:

SANCIO:

Mi pare ch’essi venissero una mattina, in cui col mio credenziere stava **disegnando un deser**.

— составляя десерт (галлицизм)

LUIGI:

Se quei sentimenti che ho da voi raccolti, sono sinceri, tutto anderà **a seconda de’ vostri desiri**.

— в соответствии с вашими желаниями

Галлицизмы в речи персонажей выполняют функцию эмотивной стилизации. Они не выражают чувство прямо, однако создают вокруг персонажа ореол искусственной изысканности, светской манерности или стремления соответствовать определенному

социальному образцу. В комедийном контексте такая речь может восприниматься двойственно: с одной стороны, она маркирует принадлежность к более утонченному речевому регистру, с другой — обнаруживает претензию, позу и отрыв от естественного эмоционального поведения. Поэтому галлицизмы реализуют коннотативно-контекстуальную эмотивность: их эмоциональный эффект возникает из оценочного оттенка чужого кода и из его сценического столкновения с бытовой ситуацией.

Комедия «Льстец» — одно из немногих произведений комедиографа, где он использует не только венецианский, но и другие диалекты: слуги — повар-генуэзец, конюх-болонец, конюх-флорентиец, конюх-венецианец — говорят на своих диалектах.

Латинизмы создают в эмоциональном плане как бы антиэффект — использование их Доктором показывает его характер как безэмоциональный, своего рода сухой и черствый:

Signor Pantalone, ricordatevi che l'avete fatta a me, che l'avete fatta alla

casa Lombardi verrà il tempo che forse me la dovrete pagare: sì, verrà il tempo: **omnia tempus habent** (parte). (Il servitore)

— всему своё время.

Gli sponsali contratti questa mattina fra la signora Clarice ed il mio

figliuolo **coram testibus** non potevano essere sciolti da

una semplice parola data da voi ad un altro.

— в присутствии свидетелей.

Латинизмы создают противоположный эффект: они не усиливают эмоциональную открытость речи, а, напротив, рационализируют и охлаждают ее. Формулы omnia tempus habent и coram testibus переводят высказывание в регистр учености, права и книжной авторитетности, благодаря чему эмоциональная реакция персонажа как бы подавляется готовой формулой. В этом смысле латинизмы выражают эмотивность парадоксальным образом — через демонстрацию ее ограничения или отсутствия. Они создают образ героя, для которого чувство замещается нормой, цитатой, правилом, а потому становятся средством комической характеристики сухого, формального и эмоционально закрытого персонажа.

Междометия являются одним из наиболее концентрированных способов выражения эмотивности, поскольку фиксируют не развернутое описание чувства, а его мгновенный речевой выброс. В отличие от лексем, называющих эмоцию рационально и номинативно, междометие передает эмоциональную реакцию в свернутом виде, до ее логического объяснения. Поэтому в классификации В.И. Шаховского междометия могут быть отнесены к собственно эмотивности, однако в драматургическом тексте их значение почти всегда уточняется контекстом. Междометия выражают различные эмоциональные состояния героев, такие как:

— раздражение, неодобрение, разочарование:

LUIGIA:

Oibò, che brutta scuffia! Non mi piace.

— Фу ты, какой уродливый чепчик!

PANC:

Orsù, lasciamo andare questo discorso.

— Ой, оставим этот разговор.

SIGISMONDO:

Oibò, un uomo par vostro una tabacchiera di legno! Tenete questa. (L'adulatore).

— Ну же, довольно.

— побуждение:

LUIGIA:

Orsù, basta così. Da un altro servitore non avrei sofferto tanto. (L'adulatore).

— О! Как мне нравится эта ткань!

— восхищение:

LUIGIA:

Oh! quanto mi piace questa stoffa. (L'adulatore).

— удивление:

SIGISMONDO:

Oh cieli! Che sento? Vostro marito in carcere? (L'adulatore).

— О небеса! Что я слышу?

— сожаление:

ASPASIA:

Oimè! Mi fate respirare. (L'adulatore).

— Увы! / Ах!

FLORINDO:

Orsù, per non farvi arrossire, mutiamo discorso. Io ho bisogno di voi, signora Gandolfa.

— О, чтобы ты не покраснел, давай изменим разговор. Мне нужна ты, миссис. Гандолфа.

Таким образом, междометие в комедиях Гольдони не является случайной эмоциональной вставкой. Оно организует начало реплики, задает ее интонационный контур и часто обозначает резкий переход от одного эмоционального состояния к другому. В этом проявляется взаимодействие собственно и контекстуальной эмотивности: междометие непосредственно выражает эмоциональный импульс, но его точное значение определяется всей сценической ситуацией. Именно поэтому междометия особенно важны для комедийного диалога, где скорость реакции, перебивка, удивление и мгновенная смена тона становятся частью сценического действия.

4. Морфологические средства выражения эмотивности у Гольдони связаны прежде всего с суффиксами субъективной оценки, которые позволяют не прямо назвать эмоцию, а встроить ее в форму слова. Уменьшительные суффиксы могут выражать не только ласковость, но и снисходительность, фамильярность, иронию или комическое принижение адресата. Суффикс -accio, напротив, закрепляет отрицательную оценку и переводит отношение говорящего в область пренебрежения, раздражения или речевой агрессии. Интенсифицирующий суффикс -issimo усиливает качество до предела и потому в комедийной речи может передавать как искреннюю почтительность, так и преувеличенную, театрализованную любезность:

SIGISMONDO:

Perdon**ino**, di queste cose non me n'intendo. (Tenga forte, dica di no). (piano a don Sancio) (L'adulatore).

— извиненьице.

COLOMBINA:

In verità, signora padron**cina**, che questa scuffia vi sta assai bene (L'adulatore).

— хозяюшка.

LUIGIA:

Eh rabbios**etta**, veh! (L'adulatore) (rabbioso — diminutivo).

— сердитенькая.

LUIGIA:

Può anche darsi, furb**etto**, può anche darsi. (L'adulatore).

— хитрец.

Добавляет экспрессии также суффикс -accio, имеющий негативное значение:

LUIGIA:
Obbligata, l’ha da far Isabella. **Ignorantaccia**! Nemmeno è buona a cavar un guanto.
— невежда
Частотен также суффикс, интенсифицирующий значение прилагательного -issimo:
SIGISMONDO:
Servitor umil**issimo** di V. S. Illustrissima. (L’adulatore).
— наипокорнейший.
SIGISMONDO:
Servitor ossequios**issimo** della signora donna Elvira. (L’adulatore).
— наичучтивейший.
SANCIO:
Sì, è ver**issimo**. Cercherò per tempo di ripararmi. (L’adulatore).
— совершенно верно.
DOTTORE:
Obbligat**issimo**, non v'incomodate. Mio figlio non è di sì buono stomaco. Datela al signor turinese.

Следовательно, морфологическая эмотивность у Гольдони имеет преимущественно коннотативный характер: эмоциональный смысл содержится в самой словообразовательной форме, но в конкретной сцене он уточняется контекстом и может становиться ироническим, комическим или социально маркированным.

5. Синтаксические. Для выражения эмотивности текста могут использоваться самые разные структурные, смысловые и интонационные особенности синтаксических единиц (словосочетаний и предложений), а также особенности композиционного построения текста, его членения на абзацы, пунктуационного оформления. С точки зрения типологии В.И. Шаховского синтаксические средства чаще всего реализуют контекстуальную эмотивность: грамматическая форма сама по себе не всегда содержит эмоциональную сему, однако в конкретной сцене она превращается в показатель волнения, раздражения, удивления, настойчивости или комической гиперболизации. Наиболее значимыми выразительными средствами синтаксиса являются: синтаксическая структура предложения и знаки препинания; грамматические признаки предложения: простое оно или сложное, двусоставное или односоставное, полное или неполное, неосложненное или осложненное; тип предложения по цели высказывания: повествовательное, вопросительное, побудительное; характеристика предложения по эмоциональной окрашенности: невосклицательное — восклицательное.

5.1. Восклицания сопровождают положительную реакцию героев Гольдони:
LUIGIA:
Che bel colore! Che bella guarnizione! Quanto mi piace!
— Какой прекрасный цвет! Какая красивая отделка!
Также могут оформлять реплики, выражающие негативное отношение, проклятие:
Femmina **senza cervello**!
— Безмозглая!
COLOMBINA:
Eccoli, si serva. (**Maledetta**!) (da sè)
— Проклятая!

Восклицательные предложения могут служить речевой характеристикой персонажа, например, в комедии «Льстец» больше всего восклицаний присутствует в репликах главного героя льстеца, речь которого избыточно эмфатична:
SIGISMONDO:
Oh bene!

SIGISMONDO:
Siate benedetto!
— Будьте благословенны!
SIGISMONDO:
Oh! non voglio assolutamente.
SIGISMONDO:
Oh! amabilissimo signor Pantalon
SIGISMONDO:
Oh! volontieri, subito.
SIGISMONDO:
Quanto mi spiace non potervi consolare!

Восклицательные предложения у Гольдони выполняют функцию эмоционального ускорения реплики и делают внутреннее состояние персонажа сценически видимым. Восклицание может выражать восхищение, возмущение, проклятие, удивление, притворную любезность или комическое преувеличение, причем его значение определяется не только знаком препинания, но и лексическим наполнением, позицией реплики в диалоге и образом говорящего. Особенно показателен Сиджизмондо, в речи которого высокая частотность восклицаний превращает эмоциональную выразительность в устойчивую коммуникативную манеру. Его реплики звучат как постоянное театрализованное усиление чувства, что делает эмоцию одновременно средством воздействия на собеседника и частью комической маски персонажа.

5.2. К способам усиления эмотивности высказывания относится высокая частотность использования побудительных предложений с императивными формами.

LUIGI:
Dammi quei fiori; li voglio io.
— Дай мне эти цветы.
LUIGI:
Dammeli che li voglio.
— Дай их мне, я их хочу.
PANC:
Prendete le pillole.
GAND.
Datemi la mano di sposo, e ve li do subito.
— Дайте же мне руку.

5.3. Повтор форм в рамках одного предложения является распространенным в итальянском языке средством усиления:

Luigia. Sentite, faccio a voi una confidenza, che non la farei ad altra persona di questo mondo. Il Conte è una persona ch'io stimo e venero infinitamente; sono donna onorata; ma tutto quello che può sperarsi da una moglie nobile ed onestissima, **forse forse** l'averà egli da me. (L'adulatore.
— возможно, возможно
LUIGI:
Grand'ambizione ha colei! Se **niente niente** la lasciassi fare, mi prenderebbe la mano. (L'adulatore).
— ничего, ничего
SIGISMONDO:
Oh signora, voi qui? **Nulla, nulla**, non ha detto nulla.
— ничего, ничего

ISABELLA:
(Oh **pazienza, pazienza**!)
— терпения, терпения

Гольдони использует также повтор форм в следующих друг за другом предложениях, произносимые с разной интонацией и акцентуацией, они производят эффект нагнетания:

COLOMBINA:
Povera **semplice** che siete!
ISABELLA:
Io **semplice**? **Semplice** è stata mia madre.

Повторы внутрифразовые могут повторяться в разных предложениях:

ISABELLA:
Sono **stretti, stretti**.
— Они тесные, тесные.
LUIGIA:
Sono **stretti, stretti**? Vi vuol giudizio. Ma tu non ne hai, e non ne averai.
— Они тесные, тесные? Он хочет осуждения на вас. Но у вас нет, и вы не будете иметь.
FLOR:
Dite, dite, come staremo di vino a pranzo?

Синтаксические структуры могут повторяться целиком:

SIGISMONDO:
Che donne! Che donne!
— Какие женщины! Какие женщины!

Эмфатические конструкции:

Dislocazione a sinistra
ELVIRA:
L’ordine chi l’ha dato della sua carcerazione?
— Кто отдал приказ о его заключении?
CAMERIERE:
Questo lo porto io.
— Это принесу я.
Dislocazione a destra
BEATRICE Chi l'ha aperto questo viglietto?

Повтор является одним из наиболее продуктивных способов эмотивного нагнетания, поскольку он показывает не столько содержание мысли, сколько невозможность персонажа выйти из определенного эмоционального состояния. Повторяемая форма как бы задерживает реплику в зоне раздражения, волнения, недоверия, удивления или комического преувеличения. Внутрифразовые повторы создают эффект интонационного нажима, повторы в соседних репликах превращают индивидуальную эмоцию в диалогическое столкновение, а повтор целой синтаксической конструкции усиливает театральность высказывания. Следовательно, повтор у Гольдони реализует прежде всего контекстуальную эмотивность, но при соединении с оценочной лексикой или междометиями вступает во взаимодействие с коннотативной и собственно эмотивной семантикой.

6. Невербальные способы. Невербальные способы выражения эмотивности в комедиях Гольдони представлены в ремарках сценического действия и передаются преимущественно глагольными формами, герундиями и наречиями. Их значение принципиально для драматургического текста, поскольку пьеса существует не только

как последовательность реплик, но и как модель будущего сценического поведения. Ремарка позволяет зафиксировать ту часть эмоции, которая не выражена словом или выражена недостаточно полно: молчание, вздох, плач, движение, жест, физическое обращение с предметом, направление взгляда, резкость действия или, напротив, его замедленность. В терминах В.И. Шаховского невербальные средства относятся преимущественно к контекстуальной эмотивности, поскольку жест или движение не имеют устойчивого эмоционального значения вне сцены, но в конкретной ситуации становятся точным показателем внутреннего состояния персонажа.

ARLECCHINO:
(Senza parlare prende i fiori, li osserva e **sospira**.)<…>
— (Молча берёт цветы, рассматривает их и вздыхает).
ARLECCHINO:
(Sospirando e piangendo torna a buttar i fiori in terra, con **una esclamazione**.)
COLOMBINA:
(Col piede della sedia li **pesta rabbiosamente**).
— (Яростно топчет их ножкой стула).

По нашим наблюдениям в современном театре в связи с тем, что публика не в полной мере понимает венецианский диалект, для понимания действия большую роль, как и в театре комедии дель арте, играют именно невербальные способы — мимика, жесты и взаимодействие актеров (например, знаменитая постановка «Слуги двух господ» в постановке Джорджо Стрелера в миланском Театро Пикколо).

Следует отметить, что язык написанных комедий и язык сценических постановок в театре несколько отличается, что требует дополнительного анализа и сравнения. В настоящей работе мы сосредоточились именно на письменных источниках.

Заключение. В ходе исследования было установлено, что эмотивность в комедиях Карло Гольдони представляет собой не совокупность отдельных эмоционально окрашенных слов, а многоуровневый механизм организации драматургического текста, в котором вербальные и невербальные средства совместно формируют эмоциональную характеристику персонажа, динамику сценического взаимодействия и комический эффект. Вербальный уровень включает графические, фонетические, лексические, морфологические и синтаксические средства: скобки, курсив и ремарочные пометы разграничивают открытую и скрытую реплику; диалектные и фонетические особенности приближают речь к живой разговорной среде; лексика прямо называет, оценивает или маскирует эмоциональное состояние; словообразовательные формы передают оттенки ласковости, пренебрежения, иронии или преувеличенной почтительности; синтаксические конструкции фиксируют напряжение, ускорение, повторяемость и эмоциональное давление реплики. Невербальные средства, представленные указаниями на интонацию, мимику, жест, движение, молчание, позу, вздох, плач или способ обращения с предметом, дополняют словесный ряд и позволяют выявить те эмоциональные реакции, которые не всегда прямо выражены в речи персонажа, но становятся понятными через сценическое действие.

Анализ материала показал, что в комедиях Гольдони взаимодействуют три типа эмотивности, выделяемые В.И. Шаховским: собственно эмотивность проявляется в лексемах, прямо обозначающих раздражение, зависть, печаль, сожаление, восхищение или страх; коннотативная эмотивность реализуется через оценочную и просторечную лексику, ругательства, сниженные обращения, фразеологические обороты, усилительные формы, уменьшительные и пренебрежительные суффиксы; контекстуальная эмотивность возникает тогда, когда эмоциональное значение формируется всей сценической ситуацией — репликой «в сторону», диалогическим

конфликтом, повтором, междометием, ремаркой, сменой речевого кода или невербальным действием. Особую роль играет переключение между литературным итальянским, венецианским диалектом, региональными формами, галлицизмами и латинизмами, поскольку через него драматург связывает эмоцию с социальным положением, речевой манерой и сценической функцией героя: диалект создает эффект бытовой непосредственности и эмоциональной подвижности, галлицизмы маркируют светскую манерность и претензию на изысканность, а латинизмы формируют впечатление книжной сухости и рациональной дистанции. В дальнейшем данная проблематика может быть развита через сопоставление письменного текста комедий Гольдони и их сценических постановок, поскольку именно в театральном воплощении соотношение слова, интонации, жеста, мимики, паузы и актерского действия позволяет полнее раскрыть эмотивный потенциал драматургического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев М.Л. Трагикомедии Карло Гольдони / М.Л. Андреев // Studia litterarum. — 2016. — Т. 1. — № 3-4. — С. 70–80.
2. Андреев М.Л. Фарс, комедия, трагикомедия : очерки по исторической поэтике драматических жанров / М.Л. Андреев. — Москва : РАНХиГС, 2017. — 260 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с.
4. Герасименко И.Е., Тютрина О.М. Эмотивность как лингвистическая категория / И.Е. Герасименко, О.М. Тютрина // Молодой ученый. — 2016. — № 13 (117). — Т. 2. — С. 23–25.
5. Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия / А.К. Дживелегов. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1962. — 288 с.
6. Миклашевский К.М. La commedia dell’arte или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий / К.М. Миклашевский. — Москва : Издательская группа Navona, 2017. — 336 с.
7. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В.И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения. — Волгоград : Волгоградский педагогический институт, 1990. — 349 с.
8. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В.И. Шаховский. — Москва : Гнозис, 2008. — 416 с.
9. Trifone P. La lingua del dialogo. Il contributo del teatro alla storia dell’italiano / P. Trifone // Italia, Italie — Studi in onore di Hermann W. Haller / a cura di D. D’Eugenio, A. Gelmi, D. Marcucci. — Milano : Mimesis, 2021. — P. 205–216.
10. Stussi A. Per il testo e la lingua delle commedie veneziane di Goldoni [Электронный ресурс]. — URL: https://ricerca.sns.it/retrieve/e3aacdfd-ff6a-4c98-e053-3705fe0acb7e/stussi_daannaliditalianis111993univ.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Goldoni C. L’adulatore / C. Goldoni // Tutte le opere di Carlo Goldoni / a cura di G. Ortolani. — Milano : Mondadori, 1955. — Vol. 3. — P. 1294.
12. Goldoni C. Il giuocatore / C. Goldoni // Tutte le opere / a cura di G. Ortolani. — 2ª ed. — Milano : Mondadori, 1955. — Vol. 3. — (I Classici Mondadori).
13. Goldoni C. Il servitore di due padroni / C. Goldoni // Opere di Carlo Goldoni / a cura di G. Folena. — Milano : U. Mursia, 1969. — (I classici italiani ; 7).
14. Гольдони К. Год шестнадцати комедий. Т. 2 : Зимний сезон 1751 года / К. Гольдони ; изд. подгот. М. Л. Андреев. — Москва : ИМЛИ РАН, 2025. — 496 с.

REFERENCES

1. Andreev, M. L. (2016). Tragikomedii Karlo Gol’doni [Tragicomedies of Carlo Goldoni]. Studia Litterarum, 1(3–4), 70–80. (In Russian).
2. Andreev, M. L. (2017). Fars, komediia, tragikomediia: Ocherki po istoricheskoi poetike dramaticheskikh zhanrov [Farce, Comedy, Tragicomedy: Essays on the Historical Poetics of Dramatic Genres]. Moscow: RANEPA. (In Russian).
3. Wierzbicka, A. (1996). Iazyk. Kul’tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. (In Russian).

4. Gerasimenko, I. E., & Tiutrina, O. M. (2016). Emotivnost' kak lingvisticheskaia kategoriia [Emotivity as a Linguistic Category]. Molodoi uchenyi, 13(117), Vol. 2, 23–25. (In Russian).
5. Dzhivelegov, A. K. (1962). Ital'ianskaia narodnaia komediia [Italian Folk Comedy]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. (In Russian).
6. Miklashevskii, K. M. (2017). La commedia dell'arte ili Teatr ital'ianskikh komediantov XVI, XVII i XVIII stoletii [La commedia dell'arte, or The Theatre of Italian Comedians of the 16th–18th Centuries]. Moscow: Navona. (In Russian).
7. Shakhovskii, V. I. (1990). Emotivnaia semantika slova kak kommunikativnaia sushchnost' [Emotive Semantics of the Word as a Communicative Entity]. In Kommunikativnye aspekty znacheniia [Communicative Aspects of Meaning]. Volgograd: Volgograd Pedagogical Institute. (In Russian).
8. Shakhovskii, V. I. (2008). Lingvisticheskaia teoriia emotsii [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
9. Trifone, P. (2021). La lingua del dialogo. Il contributo del teatro alla storia dell'italiano. In D. D'Eugenio, A. Gelmi, & D. Marcucci (Eds.), Italia, Italie — Studi in onore di Hermann W. Haller (pp. 205–216). Milan: Mimesis. (In Italian).
10. Stussi, A. (1993). Per il testo e la lingua delle commedie veneziane di Goldoni [On the Text and Language of Goldoni's Venetian Comedies]. Retrieved from https://ricerca.sns.it/retrieve/e3aacdfd-ff6a-4c98-e053-3705fe0acb7e/stussi_daannaliditali%20anis111993univ.pdf (accessed: 28.01.2026). (In Italian).
11. Goldoni, C. (1955). L'adulatore. In G. Ortolani (Ed.), Tutte le opere di Carlo Goldoni (Vol. 3, p. 1294). Milan: Mondadori. (In Italian).
12. Goldoni, C. (1955). Il giuocatore (2nd ed.). In G. Ortolani (Ed.), Tutte le opere (Vol. 3). Milan: Mondadori. (In Italian).
13. Goldoni, C. (1969). Il servitore di due padroni. In G. Folena (Ed.), Opere di Carlo Goldoni (Vol. 7). Milan: U. Mursia. (In Italian).
14. Goldoni, C. (2025). God shestnadtsati komedii. Vol. 2: Zimnii sezon 1751 goda [The Year of Sixteen Comedies. Vol. 2: Winter Season of 1751]. Moscow: IWL RAS. https://doi.org/10.22455/wlm-imli-kg-2025-2 (In Russian).

Поступила в редакцию 02.03.2026 г.

EMOTIVE DEVICES IN COMEDIES BY CARLO GOLDONI

M.B. Rustamova

The article examines emotive devices in Carlo Goldoni's dramatic texts, based on the comedies The Flatterer, The Gambler and The Servant of Two Masters. The relevance is accounted for by the need to analyse the peculiarities of the comedy language in order to further study its influence on the formation of the Italian language. Various methods and techniques have been applied in the process of the text research: analysis and synthesis, selection of units of a certain group, cultural commentary. The language units are classified into several groups based on the lexical and semantic means of the language. The functions of these devices in the dramatic text have been identified. Both verbal and non-verbal devices are central to the emotive structure of Goldoni's comedies. In the texts, these devices contribute to the artistic effect, "enliven" the language of the characters and provide an emotionally expressive background for comedies.

Key words: Italian comedy, Carlo Goldoni, dramatic text, language of comedy, linguistic means, emotivity, emotive devices.

Рустамова Марьям Бахрам гызы.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва.
Аспирант.
ORCID 0009-0005-2051-9672.
E-mail: maryamrustamova27@yandex.ru

Rustamova Maryam Bahram gyzi.
M.V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, Moscow.

Post-graduate student.
ORCID 0009-0005-2051-9672.
E-mail: maryamrustamova27@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'42 + 81'27
DOI: 10.5281/zenodo.21128386

ЦЕННОСТНЫЕ МОДЕЛИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ДЖЕЙМИ ОЛИВЕРА

© 2026 *Н. А. Трофимова*[1], ***А. А. Озернова***[2]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
ORCID[1] 0000-0002-4088-0730
ORCID[2] 0009-0004-0750-2334

В статье исследуется гастрономический медиадискурс британского шеф-повара Джейми Оливера как пространство конструирования и трансляции ценностных установок, регулирующих повседневную кулинарную практику. Цель работы заключается в выявлении языковых и дискурсивных механизмов имплицитного убеждения, посредством которых формируются представления о простоте, доступности и личном контроле над процессом приготовления пищи. Методологическую основу исследования составляет дискурсивно-аксиологический подход с использованием корпусной обработки материала. Материалом послужил корпус скриптов кулинарных видеороликов общим объёмом 12 467 токенов. В результате установлено, что ключевыми средствами организации дискурса выступают разговорный регистр, демонстрация непосредственных кулинарных действий и систематическая сверхположительная оценочность, реализуемая через интенсивные эпитеты, повторы и градуаторы. Показано, что именно позитивная оценка формирует персуазивный потенциал коммуникации, представляя готовку как лёгкую, приятную и эмоционально вознаграждающую деятельность. Полученные результаты уточняют представления о гастрономическом медиадискурсе как разновидности популяризаторской коммуникации и демонстрируют продуктивность анализа языковой личности медиаперсоны в аксиологической перспективе.

Ключевые слова: гастрономический медиадискурс, языковая личность, ценностные модели, оценочность, персуазивные стратегии, популяризаторский дискурс, Jamie Oliver.

Для цитирования: Трофимова Н.А. Ценностные модели гастрономического медиадискурса Джейми Оливера / Н.А. Трофимова, А.А. Озернова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 247–257. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21128386.

Введение. В современном медиапространстве гастрономический дискурс выходит за рамки утилитарного описания рецептов и функционирует как средство трансляции ценностных ориентиров, связанных с образом жизни, повседневной кулинарной деятельностью и социальными ценностями. Особую роль в этом процессе играют медиаперсоны, чьи кулинарные проекты формируют устойчивые нормативные представления о «правильной» кухне, отношении к продукту и роли субъекта в процессе приготовления пищи. В этом контексте гастрономический медиадискурс может рассматриваться как пространство реализации индивидуально-авторских ценностных установок, репрезентируемых через язык.

Одной из наиболее показательных фигур в данном отношении является Джейми Оливер, чья языковая личность формируется на стыке профессионального кулинарного знания, популяризаторской риторики и ориентации на массового адресата. Его медиадискурс характеризуется выраженной установкой на снижение порога участия в кулинарной практике, акцентом на непосредственные действия с продуктами и отказом от избыточной регламентации процесса приготовления. Эти особенности делают тексты

Джейми Оливера репрезентативным материалом для анализа ценностных моделей, лежащих в основе современного гастрономического медиадискурса.

В лингвистических исследованиях языковая личность медиаперсоны традиционно рассматривается в аспекте индивидуального стиля, прагматических стратегий и аксиологической направленности высказывания. При этом гастрономический дискурс Джейми Оливера чаще анализируется с точки зрения жанровых, лексико-семантических или культурологических характеристик, тогда как системное описание ценностных установок, конструируемых в его речевой практике, остаётся недостаточно разработанным.

Целью настоящей статьи является выявление и описание ценностных моделей гастрономического медиадискурса Джейми Оливера и анализ языковых средств их реализации в популяризаторском формате кулинарного контента. Речь идёт не только о тематических характеристиках рецептурного повествования, но о систематически воспроизводимых способах организации речи, через которые формируется нормативное представление о повседневной кулинарной практике. Такой фокус соотносится с современными зарубежными исследованиями food media, рассматривающими гастрономическую журналистику как пространство формирования идентичности и демократического «миростроительства» (*worldmaking*) [13, с. 1360], а также обусловливает научную новизну исследования: гастрономический медиадискурс Джейми Оливера рассматривается как пространство целенаправленного ценностного конструирования, в котором простота, агентность субъекта и доступность готовки выступают не частными характеристиками отдельных высказываний, а структурообразующими ориентирами организации кулинарного повествования.

В качестве материала исследования используются скрипты кулинарных видеороликов Джейми Оливера, представляющие популяризаторский формат гастрономического контента. Исследование выполнено в рамках дискурсивно-аксиологического подхода; в работе сочетаются корпусные процедуры и дискурсивно-прагматическая интерпретация языковых средств.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретической основой исследования является дискурсивное понимание языковой личности как носителя и транслятора ценностных установок [4]. Наиболее значимым при этом является положение о том, что для успешной коммуникации необходимо, чтобы говорящие в полной мере владели принятыми в рамках дискурса способами общения, подбирали релевантные в данной динамической среде средства для выражения своих коммуникативных намерений [6, с. 25]. В медиапространстве такая языковая личность функционирует в условиях формата коммуникации, сочетающего информационные и развлекательные компоненты (*infotainment*), при котором передача знаний сопровождается элементами развлечения, эмоционального вовлечения и неформального общения с аудиторией [5]. Подобная модель особенно характерна для гастрономического медиадискурса, который нацелен на передачу кулинарного опыта с помощью средств массовой информации [2, с. 2], в нем обучение кулинарным практикам интегрируется с элементами развлечения и персуазивного воздействия.

В рассмотрении гастрономического медиадискурса исследование опирается на точку зрения А.В. Олянича [8], который подчеркивает его роль как формы коммуникативной регуляции потребностей — пространство дискурса не только отражает, но и конструирует их, формирует социально одобряемые способы обращения с пищей и заражает участника дискурса «гастрономическим гедонизмом». Речь в гастрономическом медиадискурсе, по мнению А.В. Олянича, может идти даже об «обсесивной эмоционализации процесса приготовления» — такой организации

коммуникации, при которой приготовление пищи сопровождается постоянным эмоциональным стимулированием адресата через визуально и вербально привлекательные описания вкуса, текстуры, аромата и удовольствия от еды. В результате образ блюда воспринимается не как нейтральная информация, а как эмоционально значимый объект, побуждающий к немедленному воспроизведению [8, с. 23].

В отечественной лингвистике гастрономический (глюттонический) дискурс рассматривается также как пространство репрезентации культурных ценностей, повседневных практик и национально обусловленных моделей пищевого поведения (работы К.М. Федоровой и Е.С. Руфовой, М.В. Удринцевой [10; 11] и др.). При этом исследователи отмечают, что гастрономическая коммуникация тесно связана с механизмами оценки, идентичности и социального взаимодействия.

Специфика языковой личности шеф-повара в медиапространстве анализируется в работах Е.В. Бондаревой и Я. Новиковой, Т.Н. Винокуровой, А.С. Белогановой [1; 3], где подчёркивается совмещение профессионального статуса и популяризаторской функции, ориентированной на массового адресата. Такая двойственная позиция позволяет рассматривать гастрономический медиадискурс как механизм трансляции экспертного знания в форме повседневной коммуникации.

Дискурсивная интерпретация медиатекстов опирается также на положения критического и социокогнитивного дискурс-анализа, в которых медиадискурс описывается как средство производства и воспроизводства социальных представлений и норм [12; 15]. В отечественной традиции сходный взгляд реализуется в исследованиях аксиологической структуры медиатекста и роли оценки в организации дискурса [9; 7], где подчеркивается связь языковых средств с формированием нормативных моделей поведения адресата.

Для анализа имплицитных оценочных стратегий, в работе используются положения теории оценивания (Appraisal Theory), разработанной Дж. Мартином и П. Уайтом [14]. Данный подход позволяет рассматривать оценочность как систему лексико-грамматических и прагматических средств, посредством которых говорящий формирует отношение адресата к описываемым практикам без прямых аксиологических деклараций.

Методологически исследование реализует дискурсивно-аксиологический подход с опорой на корпусный анализ. Материалом послужил специализированный корпус скриптов кулинарных видеороликов Дж. Оливера общим объёмом 12 467 токенов. На первом этапе проводится корпусная обработка с использованием программы AntConc (v. 4.0.10), включающая определение ключевых лексических единиц и извлечение конкордансов. На втором этапе проводился качественный дискурсивно-прагматический анализ, направленный на выявление устойчивых смысловых и оценочных доминант и их роли в формировании ценностных моделей языковой личности. Полученные результаты интерпретировались в аспекте их участия в конструировании аксиологически нагруженной модели повседневной кулинарной практики.

Применение дискурсивно-аксиологического подхода позволяет описать языковые средства как инструменты формирования и закрепления ценностных установок в гастрономическом медиадискурсе в целом, а также в речи конкретной языковой личности в этом дискурсе.

Ценностные модели гастрономического медиадискурса языковой личности Джейми Оливера

Проведённый корпусный и дискурсивно-прагматический анализ позволил выделить ряд устойчивых ценностных доминант, систематически воспроизводимых в гастрономическом медиадискурсе Джейми Оливера. Эти доминанты проявляются не в

виде прямых деклараций, а через повторяющиеся языковые паттерны, организующие коммуникативный тон взаимодействия с аудиторией. Рассмотрим основные ценностные модели, формирующие аксиологическую рамку интерпретации кулинарной практики.

Простота как базовая ценностная установка. Одной из ключевых ценностных установок, последовательно конструируемых в гастрономическом медиадискурсе Джейми Оливера, выступает простота кулинарной практики. Она функционирует не как эстетическая характеристика блюда, а как нормативный принцип организации самого процесса приготовления, предполагающий сокращение операций, минимизацию этапов и отказ от избыточной технологической сложности.

Данная ценностная установка реализуется комплексно — через лексику с семантикой простоты, редуцированные синтаксические конструкции, разговорные прагматические маркеры и минимизацию технологической детализации.

Экспликация установки на простоту происходит в первую очередь через систематическое использование лексем с семантикой простоты (*simple, simplest, basic, not complex, easy*), которые занимают метатекстовую позицию (используются не для описания отдельного ингредиента, а для оценки процесса приготовления или рецепта в целом) и функционируют как маркеры оценки рецепта. Показательно, что эти единицы характеризуют не отдельные действия, а процесс в целом, как, например, в высказываниях *I'm going to keep this super simple*; *It couldn't be simpler; the simplest dough on the planet*. Интенсификация признака с помощью суперлативных форм и усилителей (*super, ever, on the planet*) способствует универсализации простоты, представляет её как стандартный и предпочтительный способ кулинарной деятельности.

Дополнительным средством экспликации простоты выступают формулы прямого действия, минимизирующие количество операций и этапов приготовления. В речи систематически используются краткие инструкции с редуцированной синтаксической структурой и маркером *just*, ср.: *just roll it out; just put them straight in; just mix it together*, а также конструкции, подчеркивающие отсутствие технологической сложности: *not a complex bread at all; very simple; basic simple foods*. Подобные высказывания репрезентируют рецепт как последовательность элементарных шагов, не требующих предварительной подготовки.

Принцип простоты поддерживается и структурой инструкций. В текстах видеороликов преобладают краткие разговорные формулы, ориентированные на прямое выполнение действий без промежуточных операций. Характерны конструкции, указывающие на непосредственность перехода к следующему действию (*straight into the pan*), а также лаконичные команды без технической детализации (*just roll it out; just put them straight in; mix it up*). Подобная организация речи снижает когнитивную нагрузку и делает последовательность действий максимально прозрачной для восприятия.

Существенную роль играет и метакоммуникативное сопровождение процесса приготовления. Комментарии говорящего конструируют приготовление пищи как простое действие, не требующее сложного планирования или профессиональной подготовки: *it doesn't really matter; you don't really have to weigh it out; you could absolutely chop it up by hand*.

Таким образом, простота в гастрономическом медиадискурсе Джейми Оливера выступает базовым организационным принципом, определяющим выбор языковых средств и структуру кулинарной инструкции в целом. Она задаёт нормативную рамку, внутри которой кулинарная практика осмысливается как повседневная, не требующая профессиональной экспертизы деятельность, что создаёт основу для последующего конструирования других ценностных ориентиров дискурса.

Контроль и агентность субъекта в кулинарной практике. Второй ключевой ценностной доминантой гастрономического медиадискурса Джейми Оливера выступает установка на агентность субъекта и его непосредственный контроль над процессом приготовления пищи. Кулинарная деятельность в его речевой практике репрезентируется как пространство личного выбора и инициативы, а не как следование внешним нормам или предписаниям.

Формирование агентности субъекта обеспечивается сочетанием грамматических средств (формы первого лица), разговорных прагматических маркеров и лексики физического действия.

Эта установка проявляется прежде всего в систематической фокусировке на действиях, осуществляемых самим говорящим «здесь и сейчас». В текстах видеороликов преобладают формы первого лица (*I'm going to…, I want to…, I'll just…*), а также глагольные конструкции, обозначающие прямое физическое взаимодействие с продуктом (*mix, tear, chop, put, go in with*), ср.*: I'll just chop this; go in with your hands; mix it up*. Такая организация высказывания смещает внимание с рецепта как фиксированного алгоритма на субъект как источник действия, ставит фигуру исполнителя в грамматический и прагматический центр.

Значимую роль играют разговорные маркеры типа *just*, *kind of*, *straight*, снижающие степень регламентации и создающие эффект спонтанности и естественности происходящего (*…I want to kind of just pull that back and finish with olive oil*; *We go straight onto our grill and we're just going to grill that on both sides*). Эти элементы минимизируют ощущение технической сложности и формируют образ кулинарной практики как управляемого и гибкого процесса, не требующего строгого соблюдения профессиональных стандартов. Контроль над приготовлением связывается не с экспертным знанием, а с непосредственным практическим опытом.

Показательно также отсутствие дистанцированной и обезличенной подачи инструкций, характерной для традиционных рецептурных текстов (императивы без субъекта, безличные формы). Приготовление пищи репрезентируется как непринужденное и приятное занятие, форма совместного досуга (*hanging out/fun): we're just going to hang now and cook; you can have a little try and it's just fun.* Энергичный призыв *Let's do it!* Задает динамичный, игровой тон коммуникации, а лексика физического действия (*whizz up*, *bash*, *smash the hell out of)* раскрепощает новичков, снимает у них страх сделать ошибку (*just have fun with it)*.

Кухня при этом конструируется как пространство неформального общения, что поддерживается регулярным использованием обращений *brother/bro*, *dude*, *mate* к гостям и зрителям (*Bro what we're gonna do is just add a little bit of salt; So dude just try that; go on mate keep chopping bro*), стирающих дистанцию между экспертом и аудиторией. В результате контроль и агентность выступают самостоятельной аксиологической рамкой, в рамках которой кулинарная практика интерпретируется как сфера личной компетенции и свободы действия. Эта установка тесно связана с принципом простоты: снижение сложности рецепта перераспределяет ответственность в пользу субъекта и усиливает ощущение доступности и управляемости процесса.

Доступность и адаптивность как ценностная норма. Третьей устойчивой смысловой доминантой, систематически воспроизводимой в гастрономическом медиадискурсе Дж. Оливера, выступает установка на доступность кулинарной практики и её адаптацию к повседневным условиям адресата. Приготовление пищи репрезентируется как гибкий и вариативный процесс, не требующий специальных ингредиентов, строгого соблюдения рецептурных норм или профессиональной

подготовки. В центре внимания оказывается возможность осуществления действия с теми ресурсами, которыми в данный момент располагает адресат.

Установка на доступность реализуется через лексические маркеры вариативности, смягчённые синтаксические конструкции, прагматическую дерегламентацию инструкций и разговорный регистр коммуникации.

Наиболее частотным средством реализации этой установки является систематическая дерегламентация рецептурной инструкции и нейтрализация оппозиций «правильного» и «неправильного» способа приготовления. В речи регулярно используются формулы, снимающие нормативность и допускающие альтернативные решения: *you don't really have to weigh it out; it doesn't really matter; you could absolutely chop it up by hand; you can put anything; you don't even need it*. Подобные конструкции оформляют вариативность как норму, переводя выбор ингредиентов и техник в плоскость практической целесообразности.

Значимым маркером доступности становится и нейтральное упоминание готовых или предварительно обработанных продуктов. Консервированные и подготовленные ингредиенты не маркируются как «хуже» свежих, а, напротив, представляются как рациональная экономия времени и усилий: *The jarred chickpeas are incredible… for a lot of people that are very busy that's too much hard work; so kind of hunt out the jarred ones; you can buy these jars of peppers and they're delicious and all the work's done for you; a little bit of peanut butter is a cheat*. Лексемы *jarred, done for you, cheat, too much hard work* прямо апеллируют к бытовой прагматике и легитимируют упрощённые решения как естественные.

Дополнительный слой репрезентации повседневности формируется через указания на экономию времени и ресурсов: *it takes 15 minutes; cook in batches, freeze the leftovers; vegetables down the market are really really cheap; basic simple foods*. Тем самым готовка вписывается в режим занятости «обычного человека», а не профессионального повара. Кулинарная деятельность соотносится с повседневным ритмом жизни и ограниченными возможностями адресата.

Коммуникативный тон высказываний также способствует снижению дистанции и солидаризации с аудиторией. Разговорные маркеры (*just, kind of, really*), рекомендации без императивной жёсткости и обращение к опыту адресата формируют образ готовки как «обычного» занятия, интегрированного в бытовую практику. В результате кулинарная сфера перестаёт маркироваться как специализированная или элитарная и интерпретируется как доступная каждому.

Подобное смещение акцента в сторону повседневной доступности особенно заметно на фоне исследований дискурса Высокой гастрономии. Так, Г. Мейпс и А.С. Росс [14, с. 260] отмечают, что в пространстве высокой гастрономии аутентичность конструируется через маркеры элитарности и статусного потребления — использование «натуральных», «традиционных» и «сезонных» ингредиентов формирует так называемую элитарную аутентичность (*elite authenticity*). В дискурсе Джейми Оливера, напротив, аутентичность соотносится не с роскошью и исключительностью, а с адаптивностью и бытовой реализуемостью кулинарной практики. Простые продукты и готовые решения получают положительную оценку не как символ социального статуса, а как средства облегчения повседневной жизни.

Таким образом, установка на доступность выступает самостоятельной ценностной моделью, в рамках которой рецептурная нормативность уступает место гибкости, адаптивности и прагматической целесообразности. Именно эти дискурсивные стратегии последовательно снижают порог участия адресата и формируют представление о приготовлении пищи как практике, реализуемой в любых повседневных условиях.

Сверхположительная оценочность как персуазивная стратегия. Одним из наиболее частотных и системно реализуемых механизмов организации гастрономического медиадискурса Дж. Оливера выступает четко выраженная позитивная оценочность. В отличие от отдельных тематических характеристик продукта (например, *fresh, organic, homemade*), которые получают ограниченную и эпизодическую языковую репрезентацию, оценочные маркеры пронизывают текст скриптов на всех уровнях и выполняют функцию постоянного эмоционального сопровождения кулинарного действия.

На языковом уровне данная стратегия реализуется через оценочную лексику, интенсификаторы, повторы, суперлативные конструкции и эмоционально маркированные прагматические комментарии.

Прежде всего положительная оценка реализуется через лексику с семантикой гедонистического восприятия и эстетической привлекательности: *good, tasty, delicious, lovely, beautiful, amazing, gorgeous (one inch is more than enough to get that gorgeous sensation; That tahini is amazing;* hit *that with some lovely herbs and spices)*. Данные единицы функционируют как универсальные комментарии к ингредиентам, промежуточным этапам и конечному результату приготовления, формируя устойчивый фон одобрения и удовольствия. Так, описывая блюдо или продукт, говорящий регулярно прибегает к формулам типа *really, really good*, *absolutely delicious*, *so lovely*, *amazing flavour*, где оценка становится не факультативным, а обязательным — как правило, завершающим — компонентом высказывания: *You can put some garlic in that hummus as well, which is really, really nice.*

В зарубежных исследованиях *food media* подчёркивается также взаимосвязь эстетического и этического измерений гастрономического контента, где визуальная привлекательность и оценочность служат средствами конструирования повседневных норм (см., например: *Food discourse: ethics and aesthetics on Instagram*).

Важную роль играет интенсификация оценки посредством повторов и градуаторов. Удвоение наречий (*really really good*), использование усилителей (*super, absolutely, so, unbelievably*), а также суперлативные формы (*the simplest dough on the planet*, *the best ever*) обеспечивают максимальную степень позитивной градации: *Grilled vegetables, spices, you know, so there's so many options that you can do and they're super, super cool*. Такая гиперболизация переводит оценку из плоскости нейтрального описания в сферу эмоционального воздействия, усиливая персуазивный потенциал речи и создавая эффект искреннего энтузиазма. В терминах фасцинативности медиадискурса [4, с. 66] подобная эмоциональная насыщенность может рассматриваться как механизм эмоционального вовлечения адресата, поддерживающий устойчивый интерес к процессу приготовления и стимулирующий желание воспроизвести демонстрируемые кулинарные практики.

С прагматической точки зрения сверхположительная оценочность выполняет несколько функций. Во-первых, она снижает дистанцию между говорящим и адресатом и формирует атмосферу дружеского взаимодействия. Кроме того, позитивная тональность минимизирует возможную тревожность, связанную со сложностью приготовления пищи, и поддерживает ценности доступности и простоты. И наконец, постоянное вербальное одобрение результата представляет кулинарную деятельность как приятную и гарантированно успешную, что способствует мотивации аудитории к воспроизведению предлагаемых практик.

Таким образом, именно оценочность, а не специальные тематические признаки ингредиентов, выступает центральным персуазивным механизмом гастрономического медиадискурса. Регулярное использование позитивных эпитетов, интенсификаторов и

гипербол формирует устойчивую аксиологическую рамку, в пределах которой готовка пищи интерпретируется как лёгкое, приятное и эмоционально вознаграждающее занятие. Это позволяет рассматривать сверхположительную оценочность как ключевую дискурсивную стратегию языковой личности Джейми Оливера.

Взаимосвязь ценностных моделей и их регулятивная функция. Рассмотренные ценностные установки — простота, агентность субъекта и доступность кулинарной практики — не функционируют изолированно, а образуют взаимосвязанную систему, организующую целостную интерпретацию повседневного приготовления пищи. Их совокупная реализация формирует устойчивую аксиологическую рамку, в пределах которой кулинарная деятельность осмысляется как социально одобряемый способ поведения.

Простота в данном контексте задаёт структурный принцип организации кулинарного действия: сокращение его этапов, минимизация технологических операций и отказ от жёсткой регламентации создают модель «нормальной» готовки, доступной любому участнику коммуникации. Однако сама по себе простота не обладает достаточным персуазивным потенциалом. Она становится действенным принципом в сочетании с установкой на агентность, при которой субъект действия оказывается не исполнителем предписаний, а активным инициатором и контролёром процесса. Использование форм первого лица, демонстрация непосредственного физического взаимодействия с продуктом и разговорные маркеры спонтанности создают образ кулинарной практики как сферы личной компетенции и свободы действия.

Установка на доступность дополняет и закрепляет данную модель, переводя её в плоскость повседневной реальности адресата. Допущение вариативности исполнения кулинарных действий, а, следовательно, нейтрализация строгих нормативных требований и легитимация «упрощённых» решений (использование готовых продуктов, сокращение времени приготовления) снимают психологические барьеры при участии в процессе приготовления и формируют прагматически реализуемую модель кулинарной практики.

Особую роль в интеграции указанных моделей играет систематическая позитивная оценочность. Именно она соединяет структурные и прагматические элементы дискурса в единое эмоционально маркированное пространство. Постоянное вербальное одобрение используемых ингредиентов, действий и результата закрепляет представление о готовке как о гарантированно успешной и эмоционально вознаграждающей деятельности. В этом смысле оценочность выполняет не вспомогательную, а организующую функцию, обеспечивает внутреннюю согласованность ценностной системы.

Таким образом, гастрономический медиадискурс Джейми Оливера представляет собой не набор отдельных стратегий, а целостную модель символической регуляции повседневного поведения. Языковые средства в данном случае выступают механизмом нормализации определённого типа кулинарной практики, сочетающего простоту, личную инициативу и адаптивность к бытовым условиям.

Заключение. Проведенный анализ показал, что гастрономический медиадискурс Джейми Оливера является формой ценностно ориентированной коммуникации, в рамках которой языковые средства последовательно формируют представления о желательных способах повседневной кулинарной деятельности. Кулинарные видеоролики представляют собой популяризаторские тексты, которые не только демонстрируют рецепты, но и задают представления о том, как следует готовить и воспринимать сам процесс приготовления пищи.

Корпусный и дискурсивно-прагматический виды анализа позволяют сделать вывод о том, что ценностное содержание дискурса реализуется преимущественно имплицитно. Установки простоты, доступности и личного контроля над процессом выражаются через

лексические средства положительной оценки, разговорный регистр, редуцированные синтаксические конструкции, прагматические маркеры спонтанности и демонстрация непосредственных действий с продуктами. Подобная организация речи снижает дистанцию между говорящим и адресатом и репрезентирует готовку как естественную, понятную и без труда воспроизводимую практику.

Наиболее устойчивым средством персуазивного воздействия выступает систематическая позитивная оценочность. Лексика одобрения и удовольствия (*good, lovely, amazing, delicious*), повторы и интенсификаторы (*really really, super, absolutely*), а также гиперболизированные характеристики результата создают постоянный эмоционально положительный фон коммуникации. Эмоциональная оценка сопровождает практически каждый этап приготовления, закрепляя представление о процессе как лёгком, приятном и гарантированно успешном. Таким образом формируется мотивация к участию в предлагаемой практике и укрепляется доверие к говорящему.

Исследование вносит вклад в развитие дискурсивных и аксиологических исследований медиакоммуникации, демонстрирует продуктивность анализа языковой личности медиаперсоны как носителя и транслятора ценностных моделей.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать сопоставление гастрономического медиадискурса Джейми Оливера с речевыми практиками других популярных шеф-поваров и медиаперсон. Это позволит понять, являются ли выявленные ценностные установки — простота, личная инициатива, доступность — особенностью его индивидуального стиля или отражают более широкие тенденции современной медиакоммуникации о еде. Не менее важным представляется анализ того, как в условиях цифровой среды меняется образ эксперта: шеф-повар сегодня не столько дистанцированный носитель профессионального знания, сколько партнёр по общению, который демонстрирует действия, делится опытом и приглашает зрителя повторить их, последовать его примеру. В этом контексте гастрономический медиадискурс оказывается пространством, где формируются повседневные представления о «хорошей» еде, «правильной» готовке и бытовой кулинарной компетентности. Дальнейшее изучение этих механизмов позволит точнее описать, каким образом языковые средства влияют на восприятие кулинарной практики и закрепляют определённые модели поведения в повседневной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарева Е.В. Языковая личность шеф-повара Великобритании, России и Испании в гастрономическом медиадискурсе / Е.В. Бондарева, Я. Новикова // Межкультурная коммуникация в интердискурсивном аспекте. — Владивосток: ДФУ, 2021. — С. 23–35.
2. Верзина Я.Д. Репрезентация сенсуальных параметров в гастрономическом медиа-дискурсе [Электронный ресурс] / Я.Д. Верзина. — Режим доступа: https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.29 (Дата обращения: 28.02.2023). DOI: 10.60797/RULB.2024.53.29
3. Винокурова Т.Н. Языковая личность Гордона Рамзи на материале его кулинарного шоу “The F-Word” / Т.Н. Винокурова, А.С. Белоганова // Лингвокультурологические особенности иноязычного дискурса: [сб. науч. тр.]. — Омск, 2018. — С. 38–43.
4. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. — 2016. — №4. — С. 56–77.
5. Карасик В.И. Языковое проявление личности / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2015.
6. Михайлова О.А. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа / О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2021. — №6 (90). — С. 23–31. — http://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_02.
7. Молодыченко Е.Н. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа / Е.Н. Молодыченко, В.Е. Чернявская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 103–124.

8. Олянич А.В. Потребности — дискурс — коммуникация / А.В. Олянич. — Волгоград: ВГАУ, 2014.
9. Присяжнюк Т.А. Исследование элементов аксиологической составляющей дискурса СМИ / Т.А. Присяжнюк // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2012. — № 17 (271). — С. 107–112.
10. Удринцева М.В. Глюттонический дискурс: лингвокультурный и переводческий аспекты / М.В. Удринцева // Вестник Московского университета. — 2012. — № 2. — С. 86–91.
11. Федорова К.М. Глюттонический дискурс как объект лингвистического исследования / К.М. Федорова, Е.С. Руфова // Наука, образование и культура. — 2016. —№ 9 (2). — С. 45–49.
12. Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. — Cambridge: Polity Press, 2004.
13. Jones J. Rethinking Food Media: Food Journalism as an Invitation to Identity, Democratic Worldmaking, and Food Sovereignty / J. Jones // Journalism Studies. — 2025. — № 26 (11). — P. 1359–1375. — https://doi.org/10.1080/1461670X.2025.2517148.
14. Mapes G. Making privilege palatable: normative sustainability in Chef's Instagram discourse / G. Mapes, A.S. Ross // Language in Society. — 2022. — Vol. 51. — № 2. — P. 259–283.
15. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English / J.R. Martin, P.R.R. White. — London; New York: Palgrave Macmillan, 2005.
16. van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach / T.A. van Dijk. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Jamie Oliver & FunForLouis | REAL TIME RECIPES | Summer Pasta // YouTube URL: https://youtu.be/odCi_RgZI-Y?si=sTyMNY56DCqV-jb6 (дата обращения: 10.01.2026).
18. Jamie's Cheese & Chive Breakfast Popovers | Real Time Recipes (was) LIVE! // YouTube URL: https://www.youtube.com/live/dC-nMmMW77M?si=4Ixqx-NYjgL7uSOU (дата обращения: 10.01.2026).
19. Jamie's Super Quick Hummus - was LIVE | Real Time Recipes // YouTube URL: https://www.youtube.com/live/g5W9pTBx7Go?si=3ovF22C_RhlH7BO0 (дата обращения: 10.01.2026).

REFERENCES

1. Bondareva, E.V., & Novikova, Ia. (2021). Iazykovaia lichnost' shef-povara Velikobritanii, Rossii i Ispanii v gastronomicheskom mediadiskurse [The linguistic persona of a chef in the UK, Russia, and Spain within gastronomic media discourse]. In Mezhkul'turnaia kommunikatsiia v interdursivnom aspekte [Intercultural Communication in the Interdiscursive Aspect] (pp. 23–35). Vladivostok: Far Eastern Federal University. (In Russian)
2. Verzina, Ya.D. (2023) Reprezentatsiya sensual'nykh parametrov v gastronomicheskom media-diskurse [Representation of sensual parameters in gastronomic media discourse] [Electronic resource]. Access mode: https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.29 (Accessed: 02/28/2023). DOI: 10.60797/RULB.2024.53.29 (In Russian)
3. Vinokurova, T.N., & Beloganova, A.S. (2018). Iazykovaia lichnost' Gordona Ramzi na materiale ego kulinarnogo shou "The F-Word" [The linguistic persona of Gordon Ramsay based on his cooking show "The F-Word"]. In Lingvokul'turologicheskie osobennosti inoiazychnogo diskursa: sb. nauchnykh trudov [Linguocultural Features of Foreign Language Discourse: Collection of Scientific Papers] (pp. 38–43). Omsk. (In Russian)
4. Karasik, V.I. (2016). Diskursivnoye proyavleniye lichnosti [Discursive manifestation of personality]. Bulletin of RUDN. Linguistics Series. 4. 56–77. (In Russian)
5. Karasik, V.I. (2015). Iazykovoe proiavlenie lichnosti [Linguistic Manifestation of Personality]. Moscow: Gnozis. (In Russian)
6. Mikhailova, O.A. (2021) Diskursivnaya lichnost': opyt lingvoaksiologicheskogo analiza [Discursive personality: an experience of linguaxiological analysis]. Political linguistics. 6 (90). 23–31. http://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_02. (In Russian)
7. Molodychenko, E.N., & Chernyavskaya, V.E. (2022). Sotsial'naya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i diskursivnogo analiza [Social representation through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 19 (1), 103–124. (In Russian)
8. Olyanich, A.V. (2014). Potrebnosti — diskurs — kommunikatsiia [Needs — Discourse — Communication]. Volgograd: Volgograd State Agricultural University. (In Russian)
9. Prisiazhniuk, T. A. (2012). Issledovanie elementov aksiologicheskoi sostavliaiushchei diskursa SMI [A study of the axiological component elements in media discourse]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia. Iskusstvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 17 (271), 107–112. (In Russian)

10. Udryntseva, M.V. (2012). Gliuttonicheskii diskurs: lingvokul'turnyi i perevodcheskii aspekty [Gluttonic discourse: Linguocultural and translation aspects]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin], 2, 86–91. (In Russian)
11. Fedorova, K.M., & Rufova, E.S. (2016). Gliuttonicheskii diskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia [Gluttonic discourse as an object of linguistic research]. Nauka, obrazovanie i kul'tura [Science, Education and Culture], 9(2), 45–49. (In Russian)
12. Fairclough N. (2004). Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press.
13. Jones J. (2025). Rethinking Food Media: Food Journalism as an Invitation to Identity, Democratic Worldmaking, and Food Sovereignty. Journalism Studies. 2025. 26 (11). 1359–1375. https://doi.org/10.1080/1461670X.2025.2517148.
14. Mapes G. (2022) Making privilege palatable: normative sustainability in Chef's Instagram discourse / G. Mapes, A.S. Ross // Language in Society. 51. 2. 259–283.
15. Martin J.R., White P.R.R. (2005) The Language of Evaluation: Appraisal in English. London; New York: Palgrave Macmillan.
16. van Dijk T.A. (2008). Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press.

Поступила в редакцию 15.03.2026 г.

VALUE MODELS OF JAMIE OLIVER'S GASTRONOMIC MEDIA DISCOURSE

N.A. Trofimova, A.A. Ozernova

This article addresses the value models underlying Jamie Oliver's gastronomic media discourse. The study aims to identify and describe the discourse mechanisms through which normative representations of everyday cooking are constructed and reinforced. The research is conducted within a discourse-axiological framework and combines corpus-based procedures with qualitative discourse analysis. The empirical material consists of transcripts of culinary video scripts (12,467 tokens).

The findings show that Oliver's discourse is structured around several interrelated value orientations, including simplicity, subject agency, and the accessibility of cooking practices. A central persuasive mechanism is systematic hyper-positive evaluation, realized through intensifiers, repetitions, and expressive adjectives. It is argued that such positive evaluation functions as a regulatory strategy, shaping the perception of cooking as manageable, enjoyable, and socially acceptable everyday practice.

Key words: gastronomic media discourse, linguistic persona, value models, evaluativeness, persuasive strategies, popularizing discourse, Jamie Oliver.

Трофимова Нэлла Аркадьевна.
Доктор филологических наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
Профессор кафедры английской филологии и перевода.
ORCID 0000-0002-4088-0730.
E-mail: nelart@mail.ru

Озернова Анастасия Алексеевна.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
Студент 2 курса ОП магистратуры «Межкультурная коммуникация: переводоведение и лингводидактика».

ORCID 0009-0004-0750-2334.
E-mail: ozernova2@gmail.com

Trofimova Nella Arkadievna.
Doctor of Philology, Professor.
Saint Petersburg State University of Economics, Russian Federation, Saint Petersburg.
Professor at Department of English Philology and Translation Studies.
ORCID 0000-0002-4088-0730.
E-mail: nelart@mail.ru

Ozernova Anastasia Alekseevna.
Saint Petersburg State University of Economics, Russian Federation, Saint Petersburg.

Master's Degree student, 2nd year of study, academic program: «Cross-cultural communication: Translation Studies and Language Pedagogy».
ORCID 0009-0004-0750-2334.
E-mail: ozernova2@gmail.com

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья
УДК 81`22: 81`42:811.111
DOI: 10.5281/zenodo.21128512

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРИТАНСКОЙ МЕДИАСИСТЕМЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОТ ЭЛИТАРНОСТИ К ТАБЛОИДИЗАЦИИ И ГЕНДЕРНОЙ РЕКОНФИГУРАЦИИ

© 2026 ***М. А. Тамерьян***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова»
ORCID 0009-0003-1996-5099

Статья посвящена исследованию генезиса британского «нового журнализма» в последней четверти XIX — начале XX вв. Анализируется парадигмальный сдвиг от элитарной «прессы мнений» к коммерческой модели таблоида. В центре внимания находится процесс таблоидизации контента, выразившийся в упрощении медиатекста, внедрении экспрессивного синтаксиса и формировании женского сегмента аудитории как основного субъекта потребления рекламы товаров повседневного спроса. В работе также рассматривается становление профессионального «женского журнализма» на основе иммерсивных методов Элизабет Бэнкс. Исследование доказывает, что британский таблоид рубежа веков выступил не только коммерческим инструментом, но и значимым актором социокультурной трансформации викторианского общества.

Ключевые слова. Британская пресса, новый журнализм, таблоидизация, медиалингвистика, гендерный дискурс.

Для цитирования: Тамерьян М. А. Трансформация британской медиасистемы на рубеже XIX–XX вв.: от элитарности к таблоидизации и гендерной реконфигурации / М. А. Тамерьян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 258–266. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21128512.

Введение. Становление «нового журнализма» в Великобритании на рубеже веков характеризовалось переходом к информационно-центричной модели вещания. Деятельность А. Хармсворта и запуск *Daily Mail* (1896) ознаменовали институционализацию нового типа дискурса. Вместо традиционных аналитических текстов большого объема аудитории был представлен медиапродукт, характеризующийся использованием экспрессивного синтаксиса и компрессией информации. Данная стилистическая трансформация позволила минимизировать дистанцию между изданием и массовой аудиторией, превратив новость в доступный потребительский товар.

В статье рассматривается процесс трансформации британской медиасистемы в последней четверти XIX — начале XX вв. под влиянием «нового журнализма» в аспекте социолингвистических стратегий таблоидизации контента.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили репрезентативные образцы британской периодической печати последней четверти XIX — начала XX вв. В качестве основного источника анализа были отобраны текстовые фрагменты и архивные газетные полосы из *The St. James's Gazette*, *The Pall Mall Gazette, Daily Mail, Daily Mirror*. Общий объем проанализированного материала составил более 150

текстовых единиц, ограниченных хронологическими рамками 1880–1914 гг., что соответствует периоду наиболее активного становления британского таблоидного формата.

Теоретико-методологическая база исследования строится на стыке медиалингвистики, истории медиакоммуникации и теории массовых коммуникаций. Основой работы служат концепции, описывающие эволюцию медиасистем и специфику функционирования массовой печати [6], теория медиалингвистики [5], теория «повестки дня» [14], гендерный подход в медиаисследованиях [5].

Методологический аппарат работы носит комплексный характер и базируется на сочетании общенаучных и специальных филологических методов. Историко-генетический метод позволяет проследить стадиальное становление таблоидного формата в контексте развития британской медиасистемы конца XIX века. Для выявления скрытых идеологических установок и механизмов манипуляции в текстах массовой печати применяется дискурс-анализ, дополняемый лингвостилистическим анализом, направленным на экспликацию специфики экспрессивного синтаксиса таблоидов. Важное место в работе занимает метод текстовой компрессии, используемый для изучения лапидарности как инвариантной характеристики контента массовых изданий. Особую значимость для исследования гендерного аспекта имеет морфосемантический анализ, позволяющий детально описать приемы морфологической диминутивизации и их роль в девальвации социального статуса субъектов медиадискурса.

Основная часть. Теоретический фундамент исследования британской прессы рубежа XIX–XX вв. строится на пересечении нескольких научных направлений: истории журналистики, медиалингвистики и социологии массовых коммуникаций. Основополагающее значение для понимания генезиса таблоидной модели имеет концепция «нового журнализма». В отечественной науке фундаментальный анализ этого периода представлен в работах С. И. Беглова, который характеризует британскую модель как переход от партийно-политического органа к коммерческому предприятию, ориентированному на массового потребителя [2]. Процессы концентрации прессы и становление империи лорда Нортклиффа подробно исследованы Е. Л. Вартановой, указывающей на экономическую детерминированность трансформации контента и выделение «женского сегмента» как ключевого фактора выживания медиарынка [3].

С позиции медиалингвистики значимый вклад в изучение структуры медиатекста внесла Е. Н. Добросклонская. Её системный подход позволяет рассматривать таблоидный дискурс не только как совокупность новостей, но и как специфический способ языкового конструирования реальности, основанный на экспрессивном синтаксисе и оценочной лексике [4]. Механизмы манипуляции и идеологического влияния через язык прессы (в частности, использование пейоративной лексики) находят отражение в методологии С. Тичера и Р. Водак, чьи наработки в области дискурс-анализа позволяют дешифровать скрытые смыслы в номинациях типа «suffragette» [7].

Западная историография акцентирует внимание на персоналиях, сформировавших облик современной прессы. Работа Р. Шульца представляет комплексный анализ деятельности У. Стида как «крестоносца в Вавилоне», чьи методы расследовательской журналистики заложили этическую основу будущих таблоидов [16]. В свою очередь, Дж. Блэк рассматривает эволюцию британской печати через призму технологического прогресса и изменения читательских привычек, подчеркивая неизбежность таблоидизации в условиях рыночной конкуренции [11].

Особое место в теоретической базе занимают исследования, посвященные «женскому журнализму» и профессиональной деятельности Элизабет Бэнкс. Дж. Лютес анализирует феномен «front-page girls», связывая методы «трюковой журналистики» с

процессом эмансипации и поиском новой идентичности женщины в публичном пространстве [12]. Сами репортажи Э. Бэнкс, собранные в её мемуарах, служат эмпирическим материалом, подтверждающим переход от пассивного наблюдения к иммерсивным методам социальной критики [8]. Таким образом, теоретическая база исследования объединяет макроэкономические показатели развития отрасли с микроуровневым лингвистическим анализом конкретных медиапрактик.

Возникновение британского «нового журнализма» в последней четверти XIX века ознаменовано переходом от элитарной «прессы мнений» к массовой «прессе новостей». Если У. Т. Стид в рамках *Pall Mall Gazette* апробировал методы агрессивного репортажа и персонализированной журналистики, то А. Хармсворт в *Daily Mail* осуществил индустриализацию этих методов. А. Хармсворт адаптировал газету под темп жизни человека эпохи промышленной революции: лаконичность, броские заголовки и концепция “human interest stories” (историй, апеллирующих к базовым эмоциям), что стало фундаментом для последующей таблоидизации Fleet Street [1].

До реформ А. Хармсворта британский газетный дискурс отличался выраженной гендерной асимметрией. Пресса того времени представляла собой гомогенное коммуникативное пространство, ориентированное на трансляцию «жестких новостей» (*hard news*) — политики и макроэкономики. Женский сегмент аудитории находился на периферии медиасистемы: отсутствие тем о повседневности и частной жизни превращало газету в информационно закрытый конструкт, лишенный точек соприкосновения с когнитивными и социальными запросами женщины-читателя того времени.

Отметим, что развитие британской медиасистемы протекало в глубокой интеграции с американской моделью «нового журнализма», которая послужила катализатором глобальной конвергенции печатного слова. Данный период характеризовался не механической экстраполяцией отдельных приемов, а глубоким трансдискурсивным взаимодействием: британская пресса, сохранявшая традиционную ориентацию на политический истеблишмент и партийную аффилиацию, подверглась трансформации по американскому образцу, интегрируя коммерческие стратегии и технологические регламенты. Развитие технологий послужило фундаментом конвергенции: использование ротационных станков и запуск трансатлантического телеграфа в 1866 году сформировали глобальное инфополе, где скорость передачи новостей стала ключевым фактором.

Центральной точкой соприкосновения двух систем выступила фигура репортера, который в американской традиции уже к середине XIX века стал главным «добытчиком» фактов, в то время как в Британии журналистика долгое время оставалась полем деятельности публицистов и политических комментаторов. Переход к «новому журнализму» в Великобритании, инициированный У. Т. Стидом, ознаменовал принятие американского культа репортажа и сенсационности, но с сохранением специфической британской идеи «правительства через журнализм». В рамках этой модели газета превращалась из пассивного регистратора событий в активный инструмент социального действия. Репрезентативным случаем жанровой интерференции послужила имплементация интервью — формата американского происхождения, который первоначально классифицировался британским интеллектуальным истеблишментом как деструктивное вторжение в приватную сферу и признак коммерческой вульгарности. Тем не менее к 1880-м годам данный формат прошел процесс полной легитимации, став неотъемлемым инструментом качественной периодики Лондона.

Особое значение в этой связи имела гендерная реконфигурация западного медиапространства. Новые американские методы журналистского расследования в духе

викторианской эпохи, популяризированные «девушками с первой полосы» (*front-page girls*), нашли непосредственное воплощение в британской практике благодаря деятельности таких фигур, как Элизабет Бэнкс. Будучи американкой по происхождению, Э. Бэнкс импортировала в консервативную британскую среду формат «расследования под прикрытием», что не только разрушило стандарт дистанцированного наблюдения, но и вывело женский голос из частной сферы в центр публичного дискурса.

Процесс таблоидизации, кульминацией которого стало появление *Daily Mail* Альфреда Хармсворта, опирался на американскую бизнес-модель: низкая стоимость номера за счет агрессивной рекламы и опоры на интересы массового читателя (*human interest*). Резюмируя, следует отметить, что конвергенция американских бизнес-моделей и британских этических установок в рамках «нового журнализма» создала гибридную систему, детерминировавшую вектор развития глобального информационного пространства [13].

Введение британским репортером *Daily Mail* Ч. Э. Хэндсом неологизма suffragette «суфражистка» (от англ. suffrage «избирательное право») с выраженной пейоративной окраской изначально преследовало цель девальвации социального статуса активисток. Термин обладал интенционально сниженной семантикой, призванной нивелировать серьезность протестной деятельности. Использование диминутивного аффикса -ette выступало инструментом конструирования периферийного статуса женской деятельности в общественно-политическом поле, средством лингвистической маргинализации, направленным на подрыв легитимности и общественной значимости политических притязаний женского движения в массовом сознании. Тем не менее, в процессе развития медиадискурса данная номинация утратила первичную негативную коннотацию. Редакционная политика *Daily Mail* продемонстрировала высокую адаптивность, интегрировав радикальный активизм в структуру “human interest stories” [15].

В рамках реформирования британской периодики А. Хармсворт осуществил таргетирование медиадискурса на женскую аудиторию, рассматриваемую в качестве основного распорядителя домашних финансов. Инкорпорация элементов повседневности (моды, домоводства, гастрономии) в структуру издания позволила институционализировать интересы женщины как читателя. Данный подход трансформировал экономическую архитектуру СМИ: гендерно ориентированный контент стал катализатором для интеграции рынка FMCG (Fast-Moving Consumer Goods «товаров повседневного спроса») в рекламное пространство газеты. Более того, эволюция репрезентации женской повестки в таблоидах лорда Нортклиффа ознаменовала переход от ироничной дискредитации к прагматичной эксплуатации актуальных социальных трендов.

Однако коммерческий потенциал скандальной хроники и рост популярности культурного типажа новой женщины (*The New Woman*) заставили редакцию сменить тактику издания в целом. Деконструкция викторианского идеала «ангел в доме» (*angel in the house*) в рамках женского политического течения обусловила формирование общественного запроса на контент, транслирующий концепции социальной мобильности, профессиональной эмансипации и права на образование. В качестве релевантного медийного ответа А. Хармсворт и У. Стид инициировали реконфигурацию медиадискурса, интегрировав в него проблематику самореализации и функциональной эстетики в моде. Эволюция репрезентации женского движения в изданиях лорда Нортклиффа демонстрирует инверсию стратегий: от первичной дискредитации акторов протеста к их последующей инструментализации и коммерческой эксплуатации. Таким образом, политический протест был эффективно монетизирован, превратившись из

объекта критики в один из ключевых драйверов роста тиражей за счет коммерциализации скандальной хроники.

Методологическое новаторство У. Т. Стида заключалось в переходе от пассивного информирования к конструированию масштабных медиа-событий [18]. Теоретическое обоснование радикальной трансформации британской прессы в конце XIX века наиболее полно сформулировано в программных трудах У. Стида, опубликованных в журнале *Contemporary Review*. В статьях "Government by Journalism" (1886) и "The Future of Journalism" (1886) автор вводит революционное для викторианской эпохи понятие — «правительство через журналистику» (*Government by Journalism*). Согласно этой концепции, пресса перестает быть пассивным ретранслятором официальной информации и превращается в активный социально-политический институт, обладающий властью, сопоставимой с министерской [17].

У. Стид радикально переосмысливает статус редактора массового издания, наделяя его ролью светского проповедника. В его понимании газета — это современная кафедра, с которой журналист обязан направлять общественную мораль и диктовать повестку дня законодателям. Редактор становится некоронованным королем, чей авторитет базируется не на партийной принадлежности, а на прямой связи с многотысячной аудиторией. Эта модель подразумевает переход к агрессивной, персонализированной журналистике, где личность автора служит гарантом достоверности и морального веса публикации [18].

Практическим воплощением инновационных идей стал кейс "The Maiden Tribute of Modern Babylon" («Девичья жертва современного Вавилона»), опубликованный в *Pall Mall Gazette* в июле 1885 года, — расследование, посвященное проблеме детской проституции и торговле людьми в Лондоне, стало первым в истории примером медиакампании современного типа [19]. Применение стратегии обнародования шокирующих подробностей и эмоционально насыщенного языка при освещении кейса «Девичьей жертвы» подтвердило эффективность инструментария сенсационализма: У. Стид продемонстрировал, что сенсация может служить не только целям развлечения, но и быть мощным катализатором социальных реформ. Методологическая амбивалентность подхода У. Стида, сочетавшая этический радикализм с манипулятивными техниками вовлечения аудитории, создала структурный фундамент для будущих британских таблоидов. Адаптация данной методики в рамках таблоидного дискурса лорда Нортклиффа обусловила замещение социальной миссии прессы прагматическими стратегиями извлечения прибыли.

Технологическая трансформация газетных полос, инициированная У. Стидом, привела к типографской революции. С целью преодоления визуальной монотонности текстовой колонки им были внедрены так называемые "eye-catchers" («зацепки для глаз») — броские, экспрессивные подзаголовки, структурирующие внимание аудитории.

Интервью У. Стида ознаменовали переход от информационного протоколирования к антропоцентрической модели: в его беседах с политическими деятелями акцент смещался с фактологической хроники на создание глубокого психологического портрета и экспликацию личностных характеристик респондента. Приоритетом в его публикациях становилась не событийная повестка, а дескрипция внутреннего мира субъекта [17].

Журналист в его концепции перестает быть сторонним наблюдателем, приобретая статус пророка и центрального субъекта повествования. Персонализация автора, выраженная в использовании нарратива от первого лица, позволяла формировать у читателя эффект непосредственного присутствия и сопричастности [18].

Согласно концепции У. Стида, изложенной в статье “The Future of Journalism” (1886), редактор массового издания должен обладать властью, сопоставимой с министерской, превращая газету в инструмент прямого социального действия [18].

Становление женского журнализма (*Ladies' Journalism*) ознаменовало выход женщины-журналиста за пределы узкой домашней тематики. Структура данного направления объединила полярные медийные практики: от коммерчески успешной светской хроники, удовлетворявшей эскапистские запросы аудитории, до глубоких социальных расследований. Институционализация женского журнализма в формате британской прессы протекала по дескриптивному и аналитическому векторам. Первый был представлен институтом светской хроники (*Society Journalists*), специализировавшимся на верификации элитарного образа жизни, в то время как второй манифестировался в форме социально-ориентированных расследований.

Значимым этапом профессиональной эволюции женщин в медиаиндустрии стала деятельность Элизабет Бэнкс (Elizabeth Banks, 1870 —1938). Ее творчество служит репрезентативным примером адаптации инструментария «нового журнализма» У. Стида к актуальным запросам женской аудитории рубежа веков. Авторский подход Э. Бэнкс, получивший в историографии названия “stunt journalism” («трюковая журналистика») или “immersion journalism” («журналистика погружения»), базировался на методе включенного наблюдения. Использование техник социальной мимикрии позволило исследовательнице не только артикулировать проблемы уязвимых слоев населения на страницах массовой печати, но и внедрить в таблоидный дискурс ракурс повседневности, ранее находившийся за пределами внимания элитарных изданий [13; 15].

Авторский стиль Элизабет Бэнкс, определяемый в медиалогии как «журналистика перевоплощения», базировался на синтезе трех ключевых методов, адаптированных под задачи «нового журнализма» [10].

Ключевым механизмом конструирования медиатекста в работах Э. Бэнкс выступал метод *Participant Observation* «включенного наблюдения» (диегетического нарратора). Отказываясь от роли внешнего наблюдателя (экстрадиегетического нарратора), автор практиковала социальную мимикрию, интегрируясь в повседневную среду своих героев. Репрезентативный пример реализации стратегии погружения в обстоятельства представлен в серии материалов “In Cap and Apron” («В чепце и фартуке»), где в серии репортажей 1893 года через смену идентичности по методу мимикрии журналистке удалось эксплицировать скрытые противоречия викторианской сословной иерархии: нанявшись горничной в аристократический дом, журналистка детально дескриптировала тяжелые условия физического труда, дефицит личного пространства и иерархическую дистанцию между нанимателем и персоналом. Публикация инициировала широкую общественную дискуссию о трудовых правах и «классовой слепоте» высших сословий викторианской Британии [20].

Вторым компонентом методологии Э. Бэнкс выступил метод социального эксперимента (Social Experiment), базирующийся на использовании провокации как инструмента верификации латентных мотивов различных социальных групп. Кейс “The Almighty Dollar” послужил инструментом деконструкции мифа о моральной исключительности элит. Э. Бэнкс исследовала границы сословной лояльности, выявляя корреляцию между финансовым вознаграждением и готовностью аристократии к нарушению нормативных приличий. В публикации 1894 года “The Almighty Dollar” («Всемогущий доллар») Э. Бэнкс предприняла попытку верификации этической устойчивости британской аристократии. Исследовательница эксплицировала готовность. Данный прецедент позволил выявить латентную прагматизацию

ценностей британского истеблишмента, вступающую в дихотомическое противоречие с официально декларируемой приверженностью традиционализму [21].

И, наконец, жанровой инновацией Э. Бэнкс стал разоблачительный репортаж — *Muckraking* (досл. «разгребание грязи» метафора, президента Теодор Рузвельт, 1906 г.) в материале “A Day in the Life of a Flower-Girl” («День из жизни цветочницы») 1894 г., реализованный как эмпатическая репрезентация нищеты, ориентированная на повышение эмотивности медиатекста через личный опыт страдания, журналистка использовала прием социальной мимикрии, перевоплотившись в уличного торговца. Описание холода, голода и стигматизации бедняков прохожими позволило совершить переход от сухой дескрипции статистики бедности к формату “human interest stories”. Таким образом, через субъективное сопереживание конкретному индивиду Э. Бэнкс успешно конвертировала социальную проблему в востребованный информационный продукт, обладающий высоким мобилизационным потенциалом [8].

Заключение. Анализ развития британской прессы в последней четверти XIX — начале XX вв. показывает, что возникновение «нового журнализма» ознаменовало собой смену медиапарадигмы. Газетный рынок прошел через глубокую коммерциализацию, породившую культуру таблоидов. Трансформации затронули состав аудитории, вовлекая в нее женскую часть населения, и сформировали особые дискурсивные приемы манипуляции читателем в русле исторической преемственности.

Установлено, что британская пресса указанного периода прошла путь глубокой трансформации от элитарной «прессы мнений» к массовой информационно-развлекательной модели. Фундаментом этого процесса стала концепция «правительства через журналистику» У. Стида, которая радикально изменила статус редактора и внедрила методы активного социального реформирования в газетную практику.

Выявлено, что в рамках издательской стратегии А. Хармсворта (лорда Нортклиффа) произошла деполитизация методов «нового журнализма». Инструментарий сенсационализма был адаптирован под задачи высокодоходного медиабизнеса, что привело к возникновению классического таблоидного формата, ориентированного на лапидарность, визуализацию и экспрессивный синтаксис.

Обосновано, британский таблоид начала века выступал не только как коммерческий проект, но и как зеркало стремительной социокультурной эмансипации, что обусловило интеграцию в таблоидный дискурс тем повседневности и способствовало профессионализации «женского журнализма». Методы включенного наблюдения и иммерсивные практики Элизабет Бэнкс позволили выразить проблемы маргинализированных групп, заложив основы современной социально ориентированной журналистики.

Генеалогия современной расследовательской журналистики и макрейкинга напрямую восходит к профессиональным моделям, сформированным в Великобритании на рубеже веков. Эти модели детерминировали переход медиатекста из категории чистого информирования в категорию инструмента прямой социально-политической трансформации общества.

Таким образом, британский таблоид к началу XX века представлял собой сложный социокультурный феномен, в котором коммерческий прагматизм парадоксальным образом сочетался с эмансипацией аудитории и развитием новых аналитических стандартов журналистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраамов, Д. С. У. Т. Стид и истоки «нового журнализма» // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 1993. — № 4. — С. 56–64.

2. Беглов, С. И. Четвертая власть: британская модель : история печатных СМИ Великобритании. — Москва : Изд-во МГУ, 2002. — 254 с.
3. Вартанова, Е. Л. Женская пресса в системе СМИ Великобритании / Е. Л. Вартанова // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 1994. — № 1. — С. 45–52.
4. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 335 с.
5. Добросклонская, Е. Н. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Е. Н. Добросклонская. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 264 с.
6. Михайлов, С. А. Мировая журналистика. История, методология, практика / С. А. Михайлов. — Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2000. — 320 с.
7. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттак. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. — 356 с.
8. Banks, E. L. Campaigns of Curiosity: Journalistic Adventures of an American Girl in London. — Chicago ; New York : F. T. Neely, 1894. — 208 p.
9. McCombs, M. Setting the Agenda: Mass Media and Public Opinion / M. McCombs. — 2nd ed. — Cambridge : Polity Press, 2014. — 210 p.
10. Banks, E. L. The Autobiography of a Newspaper Girl / E. L. Banks. — New York : Dodd, Mead and Company, 1902. — 317 p.
11. Black, J. The English Press: A History / J. Black. — London : Anthem Press, 2019. — 242 p.
12. Lutes, J. M. Front-Page Girls: Women Writing in American Culture and Journalism, 1880–1930 / J. M. Lutes. — Ithaca : Cornell University Press, 2006. — 240 p.
13. Lutes, J. M. Into the Madhouse with Nellie Bly: Girl Stunt Reporting in Late Nineteenth-Century America and Britain / J. M. Lutes // American Quarterly. — 2002. — Vol. 54, no. 2. — P. 217–253.
14. McCombs, M. Contemporary Public Opinion: Issues and the News / M. McCombs. — New York : Routledge, 2017. — 122 p.
15. Onslow, B. Women of the Press in Nineteenth-Century Britain / B. Onslow. — London : Palgrave Macmillan, 2000. — 297 p.
16. Schults, R. L. Crusader in Babylon: W. T. Stead and the Pall Mall Gazette / R. L. Schults. — Lincoln : University of Nebraska Press, 1972. — 277 p.
17. Stead, W. T. Government by Journalism / W. T. Stead // Contemporary Review. — 1886a. — Vol. 49. — P. 653–674.
18. Stead, W. T. The Future of Journalism / W. T. Stead // Contemporary Review. — 1886b. — Vol. 50. — P. 663—679.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Stead, W. T. The Maiden Tribute of Modern Babylon / W. T. Stead // Pall Mall Gazette. — 1885. — July 6 — 10. — URL: www.attackingthetheatre.org(дата обращения: 24.05.2024).
20. Banks, E. L. In Cap and Apron: Six Months' Experience as a Lady Help and Working Housemaid / E. L. Banks // The St. James's Gazette. — 1893. — URL: archive.org (дата обращения: 24.05.2024).
21. Banks, E. L. The Almighty Dollar in London Society / E. L. Banks // Campaigns of Curiosity: Journalistic Adventures of an American Girl in London. — Chicago : F. T. Neely, 1894. — P. 153–175.
22. Banks, E. L. A Day in the Life of a Flower-Girl / E. L. Banks // The St. James's Gazette. — 1894. — (Reprinted in: Campaigns of Curiosity, 1894. — P. 66–82).

REFERENCES

1. Avraamov, D. S. (1993). U. T. Stid i istoki «novogo zhurnalizma» [W. T. Stead and the origins of "new journalism"]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10, Zhurnalistika [Moscow University Journalism Bulletin], (4), 56 —64. (In Russian)
2. Beglov, S. I. (2002). Chetvertaia vlast: britanskaia model: istoriia pechatnykh SMI Velikobritanii [The fourth estate: the British model: a history of the UK print media]. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)
3. Vartanova, E. L. (1994). Zhenskaia pressa v sisteme SMI Velikobritanii [Women's press in the UK media system]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10, Zhurnalistika [Moscow University Journalism Bulletin], (1), 45 —52. (In Russian)
4. Vartanova, E. L. (2003). Mediaekonomika zarubezhnykh stran [Media economics of foreign countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
5. Dobrosklonskaia, E. N. (2008). Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI [Medialinguistics: a systematic approach to the study of media language]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)

6. Mikhailov, S. A. (2000). Mirovaia zhurnalistika. Istoriia, metodologiia, praktika [World journalism. History, methodology, practice]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhailova V. A. (In Russian)
7. Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R., & Vettak, E. (2009). Metody analiza teksta i diskursa [Methods of text and discourse analysis]. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr. (In English).
8. Banks, E. L. (1894). Campaigns of Curiosity: Journalistic Adventures of an American Girl in London. Chicago; New York: F. T. Neely. (In English).
9. Banks, E. L. (1893). In Cap and Apron: Six Months' Experience as a Lady Help and Working Housemaid. The St. James's Gazette. Retrieved May 24, 2024, from https://archive.org (In English).
10. Banks, E. L. (1902). The Autobiography of a Newspaper Girl. New York: Dodd, Mead and Company. (In English).
11. Black, J. (2019). The English Press: A History. London: Anthem Press. (In English).
12. Lutes, J. M. (2006). Front-Page Girls: Women Writing in American Culture and Journalism, 1880–1930. Ithaca: Cornell University Press. (In English).
13. Lutes, J. M. (2002). Into the Madhouse with Nellie Bly: Girl Stunt Reporting in Late Nineteenth-Century America and Britain. American Quarterly, 54(2), 217 —253. (In English).
14. McCombs, M. (2017). Contemporary Public Opinion: Issues and the News. New York: Routledge. (In English).
15. Onslow, B. (2000). Women of the Press in Nineteenth-Century Britain. London: Palgrave Macmillan. (In English).
16. Schults, R. L. (1972). Crusader in Babylon: W. T. Stead and the Pall Mall Gazette. Lincoln: University of Nebraska Press. (In English).
17. Stead, W. T. (1886a). Government by Journalism. Contemporary Review, 49, 653 —674. (In English).
18. Stead, W. T. (1886b). The Future of Journalism. Contemporary Review, 50, 663 —679. (In English).

Поступила в редакцию 13.03.2026 г.

BRITISH MEDIA SYSTEM TRANSFORMATION AT TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES: FROM ELITIST ROOTS TO TABLOIDIZATION AND GENDER RECONFIGURATION

M. A. Tameryan

The article explores the genesis of British "New Journalism" in the last quarter of the 19th and early 20th centuries. It analyzes a paradigmatic shift from the elite “press of opinion” to the commercial tabloid model. The focus is made on the process of content tabloidization, manifested in the simplification of the media text, the introduction of expressive syntax, and the formation of a female audience segment as the primary subject of consumption for Fast-Moving Consumer Goods (FMCG) advertising. The paper also examines the rise of professional “Ladies' Journalism” based on the immersive methods of Elizabeth Banks. The study proves that the British tabloid at the turn of the century acted not only as a commercial tool but also as a significant agent of the socio-cultural transformation of Victorian society.

Keywords: British press, New Journalism, tabloidization, media linguistics, gender discourse.

Тамерьян Мария Алексеевна.
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Российская Федерация, г. Владикавказ.
Бакалавр факультета журналистики.
ORCID 0009-0003-1996-5099.
E-mail: maritu2005@mail.ru

Tamerian Maria Alekseevna.
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Russian Federation, Vladikavkaz.

Bachelor of Faculty of Journalism.
ORCID 0009-0003-1996-5099.
E-mail: maritu2005@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.21128741

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ СТРЕСС-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ[4]

© 2026 ***Н. П. Андрюшкова***[1], ***Е. Г. Назаркина***[2]
[1-2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*
ORCID[1] 0000-0001-7531-1098
ORCID[2] 0009-0009-5654-4254

Статья посвящена исследованию специфики личностных ресурсов и стресс-совладающего поведения у лиц, проживающих в условиях хронического стресса, вызванного пребыванием в зоне боевых действий. В работе рассматривается многоуровневая процессуальная модель личностных ресурсов, включающая диспозиционный, когнитивно-оценочный и мотивационно-смысловой компоненты. На основе теоретического анализа и эмпирического исследования, проведённого с участием жителей прифронтовых районов и контрольной группы, выявлена специфика их адаптационных механизмов. Установлено, что в условиях экстремального стресса формируется прагматично-адаптивная система, характеризующаяся сужением временной перспективы, доминированием ситуативных смыслов (семейных, коммуникативных) и опорой на реактивные копинг-стратегии (поиск поддержки, упреждение угроз) при дефиците проактивного поведения. Эмпирически доказано, что адаптация происходит не через истощение, а через качественную перестройку связей между компонентами системы ресурсов.

Ключевые слова: личностные ресурсы, стресс-совладающее поведение, копинг-стратегии, хронический стресс, зона боевых действий, адаптация.

Для цитирования: Андрюшкова Н. П., Назаркина Е. Г. Личностные ресурсы стресс-совладающего поведения у лиц, проживающих в зоне проведения боевых действий / Н. П. Андрюшкова, Е. Г. Назаркина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 267–275. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21128741.

Введение. Изучением личности, находящейся в стрессовых ситуациях, занимаются специалисты разных областей. Биологи, психологи, социологи исследуют процессы, происходящие с организмом в стрессовых и опасных для жизни условиях, но малоизученной остаётся проблема длительного воздействия стресс-факторов на личность. Проживание в зоне проведения боевых действий представляет собой мощный хронический стрессогенный фактор, создающий экстремальные условия для психического здоровья, адаптации человека. В такой ситуации критически важным становится вопрос о том, какие внутренние психологические механизмы позволяют личности сохранять жизнеспособность, психологическое благополучие и социальное функционирование.

С адаптационными возможностями человека, которые особенно востребованы в трудных, напряжённых, стрессовых и экстремальных ситуациях, связана проблема ресурса. Так, адаптация, представляя собой процесс приспособления к определённым жизненным обстоятельствам, может протекать успешно с привлечением человеком

[4] Исследование выполнено при поддержке госбюджетной темы «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (код темы FRRE-2026-0029).

определённых жизненных ресурсов. Особое место среди ресурсов человека занимают личностные ресурсы. Личностные ресурсы — это сложное образование, объединяющее в себе значимую часть системы психического обеспечения и самообеспечения человека. В рамках данного подхода ключевым механизмом осознанного управления внутренними ресурсами выступает совладающее поведение, которое позволяет актуализировать конкретные ресурсы с учётом особенностей ситуации. Это создаёт теоретическую основу для анализа взаимосвязи между специфическими личностными ресурсами и паттернами совладающего поведения у лиц, проживающих в зоне боевых действий [6, 8]. При высокой степени разработанности проблем ресурса и стресс-совладающего поведения, остаётся недостаточно изученным вопрос специфической конфигурации личностных ресурсов и их роли в выборе копинг-стратегий именно в контексте проживания в зоне проведения боевых действий.

На основе проведённого теоретического анализа было выяснено, во-первых, что личностные ресурсы представляют собой сложное системное образование, интегрирующее внутренние и присвоенные внешние психологические средства, которые мобилизуются для совладания с трудностями, адаптации и поддержания благополучия. Существует множество классификаций личностных ресурсов (Д. А. Леонтьева, С. Хобфолла, Л. И. Дементий и А. А. Маленова), отражающих их многоуровневую природу и динамический характер. Во-вторых, стресс-совладающее поведение (копинг) является осознанным, целенаправленным процессом использования стратегий для управления требованиями, превышающими ресурсы индивида. Проживание в зоне боевых действий можно отнести к экстремальным условиям, требующим от человека большой мобилизации личностных ресурсов и приводящим к специфической трансформации адаптационных процессов [3,7,4].

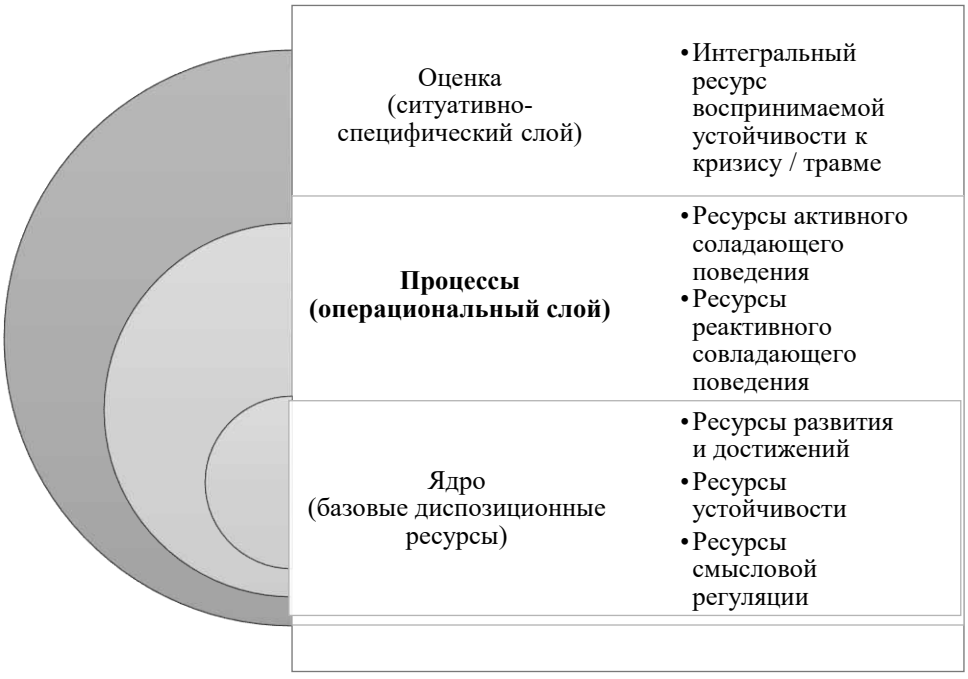

Рис. 1. Многоуровневая процессуальная модель личностных ресурсов

На основе теоретического анализа была сконструирована многоуровневая процессуальная модель личностных ресурсов, интегрирующая диспозиционный, когнитивно-оценочный, мотивационно-смысловой и позитивно-психологический

подходы. Модель включает «Ядро» (базовые диспозиционные ресурсы: эмоциональная стабильность, самоэффективность, смысложизненные ориентации), «Операциональный слой» (ресурсы регуляции и совладания (классические и проактивные копинг-стратегии)) и «Ситуативно-специфический слой» (перцептивно-результативные ресурсы — субъективная оценка своих возможностей в условиях стресса).

Данный подход подчёркивает системный, динамический и иерархический характер ресурсов, их взаимосвязь и взаимовлияние, а также активную роль субъекта в их мобилизации. В соответствие с данной теоретической основой были подобраны соответствующие эмпирические методы исследования.

Диагностический комплекс включал методики [1, 2, 5, 9], соответствующие компонентам теоретической модели:

– для оценки «ядерных» ресурсов использовались «Психологический капитал» (А. Беккер), «Личностные ресурсы психологической безопасности» (Н.Н. Красноштанова), «Система жизненных смыслов» (В. Ю. Котляков);

– для изучения «процессуальных» ресурсов (копинг-стратегий) применялись: «Опросник способов совладания» (Р. Лазарус, С. Фолкман) и «Опросник проактивного копинга, PCI» (Л. Аспинвалл, Р. Шварцер, Э. Грингласс);

– для определения «оценочного» компонент (субъективного восприятия устойчивости) использовалась «Шкала воспринимаемой способности справиться с травмой, PACT» (Дж. А. Бонанно);

– для статистической обработки данных применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ Пирсона и U-критерий Манна-Уитни для сравнения независимых выборок.

Выборка. В исследовании участвовали 46 жителей г. Донецк и г. Горловка, не выезжавшие из ДНР за время проведения боевых действий, в возрасте от 26 до 47 лет (27 женщин и 19 мужчин). Контрольную выборку составили 30 жителей г. Орехово-Зуево, Московской области, в возрасте от 25 до 42 лет (19 женщин и 11 мужчин).

Проведённое **эмпирическое исследование и анализ его результатов** позволили сформулировать следующие выводы о специфике личностных ресурсов и стресс-совладающего поведения у жителей прифронтовых районов ДНР.

Личностные ресурсы «ядерного» уровня у жителей прифронтовых районов характеризуются прагматично-адаптивной направленностью. Выявлен средний уровень базовых ресурсов (психологического капитала), однако их структура является неравномерной: наиболее выражены ресурсы социального взаимодействия и саморегуляции, направленные на поддержание функционирования «здесь и сейчас». В то же время наблюдаются относительный дефицит ресурсов, связанных с долгосрочной смысловой ориентацией, предвидением и глубокой рефлексией (оптимистичность, ресурсы предвидения, когнитивные и экзистенциальные смыслы). Всё это отражает сужение психологического горизонта в условиях хронической угрозы и является адаптивной для ситуации кризиса, но может создавать трудности в посткризисный период.

Смысловая сфера жителей прифронтовых районов подвергается глубокой экзистенциальной переоценке. На вершину иерархии выходят конкретные, эмоционально насыщенные смыслы: семейные, коммуникативные, гедонистические и альтруистические. Абстрактные, отсроченные и ориентированные на социальную конкуренцию смыслы (статусные, в меньшей степени — экзистенциальные и самореализации) теряют свою значимость. Эта «фундаментализация» смыслов выступает мощным защитным механизмом, позволяющим концентрировать ресурсы на выживании и поддержании человеческих связей.

Стресс-совладающее поведение («процессуальный» уровень) у жителей прифронтовых районов формируется как адаптивно-реактивная структура. Её ядро составляют стратегии, направленные на непосредственное преодоление трудностей через социальную поддержку (поиск эмоциональной и инструментальной поддержки), попытки упреждения конкретных угроз (превентивное совладание), а также активное противостояние (конфронтация) и регуляцию эмоционального состояния (бегство-избегание, дистанцирование, самоконтроль). При этом наблюдается выраженный дефицит стратегий, ориентированных на конструирование и контроль будущего (проактивное поведение, стратегическое планирование). Низкая склонность к принятию ответственности выступает защитным механизмом в условиях внешне обусловленного кризиса.

Субъективная оценка собственной способности справиться с травмой («оценочный» слой) отражает формирование травмо-центрированного типа воспринимаемой устойчивости. Для жителей прифронтовых районов характерны: высокий «фокус на травме» (доминирование травматического опыта), низкий «фокус на будущем» (сужение временной перспективы) и сниженная гибкость мышления. Это можно расценить как психологическую «цену» длительной адаптации к экстремальным условиям.

Корреляционный анализ выявил сложную и многогранную перестройку системы личностных ресурсов в условиях хронического стресса. Адаптация проходит не через простое истощение, а через качественную реорганизацию связей между компонентами «ядра», «процесса» и «оценки».

Так, были выявлены некоторые значимые корреляционные связи проактивного копинга (PCI) с «Ядром» системы личностных ресурсов испытуемых. Проактивное поведение имеет обратные связи с Оптимистичностью (r=-0,32) и Ресурсами предвидения (r=-0,37). Следовательно, в условиях столкновения с травматичным событием установка на рост и позитивный опыт противоречит как позитивному взгляду в будущее, так и попыткам его прогнозировать. Также обнаружена значимая прямая связь Проактивного поведения с Ресурсами саморегуляции (r=0,53). Это означает, что те, кто сохраняет способность к проактивности, делают это за счёт больших волевых усилий по управлению собой, а не за счёт веры в лучшее.

Рефлексивное совладание имеет сильную прямую связь с Ресурсами познания и самотрансценденции (r=0,54). Это свидетельствует о способности видеть мир не как абсолютно враждебный (познание) и позволяет проводить когнитивный анализ ситуации.

Стратегическое планирование имеет сильные прямые связи с Жизнестойкостью (r=0,27) и Ресурсами эмоциональной устойчивости (r=0,42). Получается, что те, кто сохранил эмоциональную стабильность и воспринимает трудности как вызов, способны планировать даже в военных условиях. Сильная обратная связь с Ресурсами взаимодействия (r=-0,60) свидетельствует о том, что планирование становится сугубо индивидуальным, изолированным процессом.

Превентивное совладание имеет обратную связь с Самоэффективностью (r=-0,55): чем меньше вера в свои силы, тем больше человек пытается предвосхитить угрозы. При этом существует сильная прямая связь с Оптимистичностью (r=0,48), что, возможно, объясняется через возникновение у людей «защитного», «наивного» оптимизма («Если я всё предусмотрю, то всё будет хорошо»). Также обнаружена обратная связь с общим уровнем ресурсов (r=-0,39), следовательно, такая гипертрофированная превентивность может быть маркером общей дефицитарности системы.

Поиск инструментальной поддержки достаточно сильно связан с Жизнестойкостью (r=0,50), а Поиск эмоциональной поддержки — с Оптимистичностью (r=0,37). Это означает, что обращение за помощью — не признак слабости для людей,

долгое время проживающих в экстремальных условиях, а стратегия, поддерживаемая определёнными «ядерными» ресурсами.

Анализ связей «Процессуального» слоя со смысловой сферой показал, какие смыслы «питают» те или иные копинг-стратегии. При интерпретации важно учитывать, что в методике СЖС более низкий балл соответствует большей выраженности смысла.

Так, Проактивное поведение обратно связано со Смыслами самореализации (r =-0,41). Это означает, что чем более значимы для человека смыслы самореализации (ниже балл), тем ниже его проактивное поведение. В условиях кризиса ориентация на личностный рост может не находить выхода в активных действиях, направленных в будущее.

Стратегическое планирование имеет сильную обратную связь с Экзистенциальными смыслами (r =-0,50), что указывает на то, что чем больше человек склонен к детальному стратегическому планированию, тем менее для него значимы экзистенциальные категории (ценность жизни, свобода). А прямая связь с Семейными смыслами (r=0,38) означает, что чем более значима для человека семья, тем слабее у него выражена склонность к детализированному планированию достижения поставленных целей. Следовательно, человек в условиях хронического стресса фокусируется на эмоциональной связи, поддержании контакта, совместном проживании страха и неопределенности с близкими людьми. В таком состоянии стратегическое планирование затруднено, так как оно требует выхода из потока переживаний в логико-действенную позицию.

Прямая связь Альтруистических смыслов с Рефлексивным совладанием (r=0,30) показывает, что чем более значим альтруизм, тем менее выражено рефлексивное совладание. В ситуации психотравматизации внимание субъекта будет сосредоточено либо на глубоком осмыслении личного опыта, либо на помощи другим.

Сильная обратная связь Когнитивных смыслов с Поиском инструментальной поддержки (r=-0,53) указывает на то, что чем больше человек склонен искать практической помощи у других, тем менее значимо для него самостоятельное познание и анализ мира.

Анализ связей классического (реактивного) копинга с «Ядром» системы личностных ресурсов испытуемых показал небольшое количество значимых связей. Например, Планирование решения проблемы имеет умеренную связь с Коммуникативными смыслами (r=0,31), что объясняется тем, что обсуждение проблемы с окружающими является одним из эффективных способов её решения.

Такое небольшое количество значимых связей может объясняться тем, что в условиях переживания хронического стресса у жителей прифронтовых районов реактивные стратегии совладания (т.е. возникающие непосредственно в ответ на стрессовую ситуацию) перестают быть чётко связанными с личностными диспозициями — люди в некоторой степени адаптировались к сложным условиям.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о сложной и многогранной перестройке системы личностных ресурсов человека, длительно проживающего в экстремальных условиях — процесс адаптации проходит не через простое истощение, а через качественную реорганизацию связей между компонентами.

Анализ корреляционных связей шкал PACT с другими компонентами модели позволяет оценить, как субъективная уверенность в способности справиться с травмой связана с реальными личностными ресурсами и стратегиями в условиях хронического стресса.

Шкала «Фокус на будущем» имеет значимые взаимосвязи с Ресурсами саморегуляции (r=0,43) и предвидения (r=0,33). Это означает, что способность формировать образ будущего поддерживается не верой в лучшее (оптимизмом), а

конкретными практическими навыками — волевым контролем над своими состояниями и мыслями (саморегуляцией) и умением прогнозировать.

Также были обнаружены значимые обратные связи с Превентивным совладанием (r=-0.30) и Коммуникативными смыслами (r=-0.33). Это указывает на существование у испытуемых некоторого конфликта между планированием будущего и гипербдительностью — поглощённость предвосхищением возможных угроз может мешать фокусироваться на будущем. При этом интересно, что, чем более значимы для человека коммуникативные смыслы — т.е. чем важнее для него общение, чувство причастности и эмоциональная связь с другими, — тем выше его способность фокусироваться на будущем. Это говорит о том, что высокая ценность социальных связей является ресурсом, поддерживающим способность конструктивно думать о будущем в условиях хронического стресса.

Обратная связь Фокуса на будущем со смыслами Самореализации (r=-0.39), с учётом инверсии шкалы СЖС, также свидетельствует о важном адаптивном ресурсе: чем более значимы для человека смыслы самореализации, раскрытия потенциала и исполнения предназначения, тем выше его способность фокусироваться на будущем.

Шкала «Фокус на травме» имеет значимые связи с Ресурсами познания и самотрансценденции (r=0,38) и Когнитивными смыслами (r=0,31). С учётом инверсии шкалы СЖС, это означает, что чем менее значимы для человека когнитивные смыслы (потребность понять мир и найти причины происходящего), тем сильнее выражена фиксация на травме. Следовательно, интенсивное погружение в травматический опыт может сопровождаться снижением субъективной значимости или блокировкой осмысленной интеллектуальной переработки этого опыта. Аналогично, прямая связь с Экзистенциальными смыслами (r=0,30) также указывает на то, что сильный фокус на травме сопряжён со снижением актуальности фундаментальных вопросов о ценности жизни и свободе.

Также была обнаружена обратная связь с Ресурсами саморегуляции (r=-0,33). Следовательно, постоянный фокус на травме истощает волевые ресурсы. Обратная связь с Поиском инструментальной поддержки (r=-0,37) говорит о том, что человек, погружённый в травму, менее активно ищет практической помощи (он, скорее, рефлексирует, чем действует). А прямая связь с Рефлексивным совладанием (r=0,36) дополняет тот факт, что фиксация на травме сопровождается её постоянным обдумыванием.

Обнаруженные взаимосвязи со шкалой «Гибкость» подтверждают роль способности переключаться как интегрального маркера адаптивности. Так, Гибкость связана с Ресурсами предвидения (r=0,35). Это означает, что способность переключаться между травмой и будущим основана на сохранной возможности прогнозировать. При этом Гибкость имеет обратные взаимосвязи с установками и стратегиями, требующими жёсткости, контроля и целеустремленности, такими как Стратегическое планирование (r=-0,43), Превентивное совладание (r=-0,39), Проактивное поведение (r=-0,33) и Когнитивные смыслы (r=-0,35). Следовательно, чтобы сохранить психическую гибкость, людям, проживающим в условиях проведения боевых действий, необходимо отказаться от слишком жёсткого целеполагания и избыточного контроля, т.к. это требует слишком много ресурсов.

Таким образом, в экстремальных условиях система личностных ресурсов перестраивается дихотомически, предполагая выбор между двумя принципиально разными адаптивными стратегиями — контроль с активными действиями или пластичность и принятие.

Сравнительный анализ с жителями мирного региона (Московская область) подтвердил ситуативную специфику личностных ресурсов и копинг-стратегий. У жителей прифронтовых районов значительно чаще используются стратегии конфронтации (Uэмп.=386; p≤0,01), поиска эмоциональной поддержки (Uэмп.=123,5; p≤0,01) и превентивного совладания (Uэмп.=232,5; p≤0,01), что отражает попытку сохранить субъективный контроль и справиться с интенсивным аффективным напряжением. В то же время у них достоверно ниже уровень проактивного поведения (Uэмп.=522; p≤0,05) и стратегического планирования (Uэмп.=185,5; p≤0,01), что свидетельствует об истощении ресурсов для долгосрочной инициативы и сужении временной перспективы под влиянием постоянной неопределённости и угрозы.

Таким образом, эмпирическое исследование подтвердило, что длительное проживание в зоне боевых действий приводит к формированию специфической, прагматично-адаптивной системы личностных ресурсов и совладающего поведения. Эта система функциональна в экстремальных условиях, так как позволяет концентрировать ограниченные психологические ресурсы на задачах выживания и поддержания базового функционирования. Однако выявленные особенности (дефицит проактивных и смыслообразующих ресурсов, травмо-центрированность, суженная временная перспектива) указывают на высокие риски психологического истощения и на необходимость целенаправленной психологической помощи, ориентированной не только на эмоциональную поддержку, но и на восстановление чувства контроля, будущей перспективы и реинтеграцию утраченных смысловых ориентиров в посткризисный период.

Результаты работы могут быть использованы психологами-практиками, специалистами социальных служб и общественных организаций при оказании помощи и консультировании населения, проживающего в зонах конфликтов и переживающего последствия военных действий, для разработки коррекционно-развивающих программ, направленных на усиление личностных ресурсов и формирование адаптивных копинг-стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская Е. П., Вечерин А. В. Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг» /Е. П. Белинская, А. В. Вечерин // Социальная психология и общество. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 137-145.
2. Белинская Е. П., Вечерин А. В., Агадуллина Е. Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности/ Е. П. Белинская, А. В. Вечерин, А. В. Агадуллина // Клиническая и специальная психология. — 2018. — 7(3). — С. 192-211.
3. Дементий Л. И., Маленов А. А. Ресурсы, этапы и пространство самореализации личности: теоретико-эмпирическое обоснование модели / Л. И. Дементий, А. А. Маленов // Южно-российский журнал социальных наук. — 2021. — Т.22. — №1. — С. 137-152.
4. Калашникова С. А. Личностные ресурсы и психологическое здоровье человека: соотношение содержания понятий /С. А. Калашникова // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2 (26). — С. 185-189.
5. Красноштанова Н. Н. Разработка и стандартизация опросника «Личностные ресурсы психологической безопасности субъекта служебной деятельности» /Н.Н.Красноштанова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т 13. — №5. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/106PSMN525.pdf .
6. Котляков В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» / В. Ю. Котляков // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. №2 (54) — С. 148-153.
7. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал /Д. А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. — 2016. — № 62. — С. 18-37.
8. Маничев С. А. Опросник «Психологический капитал» А. Беккера: адаптация на русскоязычной выборке / С. А. Маничев, В. Е. Погребицкая // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики . — 2018. –№8.– С. 489-500.

9. Avey J. B., Luthans F., Smith R. M., Palmer N. F. Impact of positive psychological capital on employee well-being over time // Journal of Occupational Health Psychology. — 2010. — Vol. 15(1). — P. 17-28.

REFERENCES

1. Belinskaya, E. P., Vecherin, A. V. (2018). Adaptaciya diagnosticheskogo instrumentariya: oprosnik «Proaktivny`j koping» [Adaptation of diagnostic tools: the questionnaire "Proactive coping"] Social`naya psixologiya i obshhestvo[Social psychology and society], 9(3),(pp137–145). (In Russian).
2. Belinskaya, E. P., Vecherin, A. V., Agadullina, E. R. (2018). Oprosnik proaktivnogo kopinga: adaptaciya na neklinicheskoj vy`borke i prognosticheskie vozmozhnosti [Questionnaire of proactive coping: adaptation to a non-clinical sample and prognostic possibilities] Klinicheskaya i special`naya psixologiya [Clinical and special Psychology] 7(3), (pp192–211). (In Russian).
3. Dementij, L. I., Malenov, A. A. (2021). Resursy`, e`tapy` i prostranstvo samorealizacii lichnosti: teoretiko-e`mpiricheskoe obosnovanie modeli [Resources, stages and space of personal self-realization: theoretical and empirical substantiation of the model] Yuzhno-rossijskij zhurnal social`ny`x nauk [South Russian Journal of Social Sciences] 22(1), (pp 137–152). (In Russian).
4. Kalashnikova, S. A. (2011). Lichnostny`e resursy` i psixologicheskoe zdorov`e cheloveka: sootnoshenie soderzhaniya ponyatij [Personal resources and human psychological health: the correlation of the content of concepts] Gumanitarny`j vector [Humanitarian vector] 2(26), (pp185–189). (In Russian).
5. Krasnoshtanova N. N.(2025) Razrabotka i standartizaciya oprosnika «Lichnostny`e resursy` psixologicheskoj bezopasnosti sub``ekta sluzhebnoj deyatel`nosti» [Development and Standardization of the Questionnaire "Personal Resources of Psychological Security of the Subject of Official Activity"] Mir nauki. Pedagogika i psixologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology] 13(5). URL: https://mir-nauki.com/PDF/106PSMN525.pdf (In Russian).
6. Kotlyakov, V. Yu. (2013). Metodika «Sistema zhiznenny`x smy`slov»[Methodology "System of vital meanings"] Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta[Bulletin of Kemerovo] 2(54), (pp 148–153). (In Russian).
7. Leont`ev, D. A. (2016). Samoregulyaciya, resursy` i lichnostny`j potencial [Self–regulation, resources and personal potential] Sibirskij psixologicheskij zhurnal [Siberian Psychological Journal] 62, (pp 18–37). (In Russian).
8. Manichev, S. A., Pogrebiczkaya, V. E. (2018). Oprosnik «Psixologicheskij kapital» A. Bekkera: adaptaciya na russkoyazy`chnoj vy`borke. [Questionnaire "Psychological capital" by A. Becker: adaptation in a Russian–speaking sample] Aktual`ny`e problemy` psixologii truda, inzhenernoj psixologii i e`rgonomiki [Current issues problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics] No. 8, (pp. 489-500). (In Russian).
9. Avey, J. B., Luthans, F., Smith, R. M., & Palmer, N. F. (2010). Impact of positive psychological capital on employee well-being over time. Journal of Occupational Health Psychology, 15(1), (pp 17–28). (In English).

Поступила в редакцию 11.03.2026 г

PERSONAL RESOURCES OF STRESS-COPING BEHAVIOUR OF INDIVIDUALS LIVING IN THE MILITARY OPERATIONS ZONE

N. P. Andryushkova, E. G. Nazarkina

The article addresses the specifics of personal resources and stress-coping behaviour in individuals living under conditions of chronic stress caused by staying in a war zone. The paper examines a multi-level procedural model of personal resources, which includes dispositional, cognitive-evaluative, and motivational-semantic components. Based on the theoretical analysis and the empirical study conducted with residents of frontline areas and a control group, the specifics of their adaptation mechanisms has been identified. It has been established that under extreme stress conditions a pragmatic-adaptive system is formed. It is characterized by time perspective narrowing, situational meanings dominance (family, communication), and reliance on reactive coping strategies (seeking support, anticipating threats), with a deficit in proactive behaviour. It has been empirically proved that adaptation occurs not through exhaustion, but through a qualitative restructuring of the connections between the components of the resource system.

Keywords: personal resources, stress-coping behaviour, coping strategies, chronic stress, war zone, adaptation.

Андрюшкова Надежда Петровна. Кандидат психологических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», Российская Федерация, г. Донецк. Старший преподаватель кафедры общей психологии. ORCID: 0000-0001-7531-1098 E-mail: andruchkova@rambler.ru	**Andryushkova Nadezhda Petrovna.** Candidate of Psychology. Donetsk State University, Russian Federation, Donetsk. Senior lecturer of General Psychology Department. ORCID: 0000-0001-7531-1098. E-mail: andruchkova@rambler.ru
Назаркина Екатерина Григорьевна. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», Российская Федерация, г. Донецк. Студент кафедры общей психологии. ORCID: 0009-0009-5654-4254. E-mail: nazarkinapsy@mail.ru	**Nazarkina Ekaterina Grigorievna.** Donetsk State University, Russian Federation, Donetsk. Student of General Psychology Department. ORCID: 0009-0009-5654-4254. E-mail: nazarkinapsy@mail.ru

Обзорная статья
УДК 159.923
DOI: 10.5281/zenodo.21129033

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2026 *А.В. Антоновский*[1], *Ван Жуйхань*[2]
[1]Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний»
[2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ORCID[1] 0000-0002-3070-6886
ORCID[2] 0009-0001-1495-9672

В статье в контексте современных психологических теорий представлен системный теоретико-методологический анализ проблемы саморегуляции в юношеском возрасте. В условиях стремительных изменений социальной и образовательной среды существенно возрастают психологические требования к молодым людям в части принятия самостоятельных решений и несения долгосрочной ответственности; в связи с этим саморегуляция постепенно становится одним из ключевых аналитических измерений понимания личностного развития и социальной адаптации в юности. В работе обобщены основные теоретические подходы к изучению саморегуляции, представленные в традиции российской психологии и в современных зарубежных исследованиях, а также проанализированы психологические особенности развития саморегуляции в юношеском возрасте. На основе сравнительного анализа литературы обосновывается необходимость понимания саморегуляции в юности как системного психологического механизма, интегрирующего цели, личностные смыслы и способы действия. Одновременно указывается, что распространённая в современных исследованиях асимметрия между теоретическими моделями и эмпирическими операционализациями, а также избыточная опора на методы самоотчёта, ограничивают объяснительный потенциал исследований реальных регуляторных процессов у молодёжи. Цель статьи — сформировать более чёткие концептуальные ориентиры и методологические основания для последующих эмпирических исследований саморегуляции в юношеском возрасте.

Ключевые слова: саморегуляция, юношеский возраст, осознанная саморегуляция, личностное развитие, субъектность, психологические ресурсы, теоретический анализ, методологические ограничения.

Для цитирования: Антоновский А. В., Ван Ж. Актуальность исследования саморегуляции в юношеском возрасте: теоретико-методологический анализ / Антоновский А. В., Ван Ж. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 276–287. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129033.

Введение. В условиях непрерывных изменений современных социальных, образовательных и профессиональных институтов существенно возрастает сложность жизненных выборов и плотность ответственности, с которыми сталкивается индивид на этапе ранней взрослости. Это обстоятельство требует пересмотра представлений о саморегуляции, ранее рассматривавшейся преимущественно как когнитивный навык, и её анализа на более высоком уровне — в контексте личностной устойчивости и социальной адаптации. В результате проблема саморегуляции выходит за рамки изучения отдельных когнитивных умений или механизмов поведенческого контроля и становится важным аналитическим основанием для понимания личностного развития и социальной адаптации молодёжи.

Юношеский возраст занимает особое место в континууме психологического развития личности. На данном этапе регуляторные механизмы претерпевают глубокую

перестройку: происходит переход от пассивных, внешне детерминированных моделей поведения к активным формам субъективного контроля, основанным на внутренних регуляторах. В юношеском возрасте индивид в большей степени начинает нести ответственность за собственные действия, выборы и их отдалённые последствия. В отечественных исследованиях подчёркивается, что саморегуляция на данном этапе развития выполняет не только инструментальную функцию обеспечения успешного выполнения конкретных задач, но и участвует в интеграции личностно-смысловых образований и жизненных стратегий. Так, М. А. Рыжова отмечает, что в юношеском возрасте регуляторные процессы опосредуют осознание жизненных целей и формирование устойчивых направлений активности личности [6, с. 218]. Аналогичную позицию занимает М. С. Чекалина, рассматривающая саморегуляцию как психологическое условие готовности к профессиональному и жизненному самоопределению [8, с. 67]. На теоретическом уровне данное положение получило достаточно широкое признание. Вместе с тем в практике эмпирических исследований различные психологические направления акцентируют разные аспекты регуляторных процессов; понятия саморегуляции, самоконтроля и волевой регуляции нередко используются перекрёстно в дизайне исследований и процедурах измерения, что усложняет теоретическую интерпретацию получаемых результатов.

В традиции российской психологии исследования саморегуляции опираются на системно-функциональный подход, разработанный О. А. Конопкиным, в рамках которого саморегуляция понимается как организованный процесс психической активности субъекта, направленный на достижение целей, обладающих личностным смыслом. Данный подход подчёркивает целенаправленный и системный характер регуляции, рассматривая индивида как активного психологического субъекта, способного к самоуправлению поведением на основе механизмов обратной связи. В. И. Моросанова развила эти положения в теории осознанной саморегуляции, трактуя её как метаресурс, обеспечивающий согласование внутренних состояний субъекта с внешними условиями деятельности [4]. Такое понимание расширяет аналитические рамки саморегуляции, связывая её не только с контролем поведения, но и с личностно-смысловыми структурами и долгосрочными жизненными целями.

Параллельно в зарубежной психологии предложен ряд моделей, обладающих значительным объяснительным потенциалом. В работах Б. Циммермана и Д. Шанка саморегуляция описывается как циклический процесс, включающий фазы предвосхищения, выполнения и саморефлексии, что делает данную модель особенно продуктивной при анализе учебной деятельности и целенаправленного поведения [11, p. 67]. В русле системно-развивающего подхода С. Гестдоттир и соавт. рассматривают саморегуляцию как компонент целенаправленного развития в контексте взаимодействия индивидуальных ресурсов и средовых условий, подчёркивая её значение для успешного функционирования в подростково-юношеском возрасте [10, p. 63]. Вместе с тем авторы указывают на необходимость учёта социокультурного контекста при интерпретации регуляторных механизмов.

Одной из ключевых проблем является асимметрия между теоретическими конструкциями и эмпирическими процедурами. Как отмечают Н. Ф. Круглова и В. И. Панов, разрозненный анализ когнитивных и регуляторных механизмов не позволяет реконструировать целостную картину развития субъекта [3, с. 45]. Дополнительным ограничением выступает зависимость от опросниковых методов. А. К. Осницкий подчёркивает, что регуляторный опыт, являющийся основой субъектной активности, не

всегда адекватно отражается в субъективных оценках респондентов, особенно в период активного формирования личностных структур в юношеском возрасте [5].

В связи с изложенным представляется актуальным проведение системного концептуального уточнения и методологического анализа проблемы саморегуляции в юношеском возрасте. Цель настоящей статьи заключается в интегративном обзоре основных теоретических подходов к пониманию саморегуляции, а также в анализе методологических напряжений, характерных для современных исследований, с учётом психологических особенностей развития в юности. Это позволит сформировать более чёткие теоретические ориентиры и исследовательские направления для последующих эмпирических работ. В рамках поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Проанализировать ключевые теоретические подходы к изучению саморегуляции в российской и зарубежной психологии.

2. Рассмотреть основные психологические особенности развития саморегуляции в юношеском возрасте.

3. Провести критическую оценку распространённых методологических решений в современных исследованиях.

4. Обозначить потенциальные направления дальнейшего развития исследований саморегуляции в юношеском возрасте.

Основная часть.

1. Саморегуляция как психологический конструкт: теоретические основания и концептуальные границы

Определение саморегуляции неизбежно сталкивается с фундаментальной методологической трудностью: необходимо рассматривать её как конкретный психологический процесс, не редуцируя при этом к отдельной способности или устойчивой черте личности. В современных исследованиях концептуальные расхождения обусловлены не столько недостаточностью теоретических моделей, сколько различиями исследовательских традиций в акцентах на уровнях анализа саморегуляции. В теоретических рамках российской общей психологии саморегуляция никогда не отождествлялась с подавлением импульсов или внешним поведенческим контролем; напротив, она последовательно понимается как организованная система психической активности субъекта, направленная на достижение целей, обладающих личностным смыслом. Такой подход подчёркивает целенаправленный, структурный и субъектный характер регуляции и создаёт устойчивую теоретическую основу для анализа сложных форм поведения.

Теоретическим ядром данного направления выступает системно-функциональная модель, разработанная О. А. Конопкиным. В рамках этой модели саморегуляция описывается как замкнутая система, включающая психологическую репрезентацию цели, построение программы действий, формирование субъективных критериев успешности, а также постоянную обратную связь и коррекцию получаемых результатов [2, с. 112]. Принципиальное значение данного подхода состоит в трактовке регуляторного поведения как динамически организуемого процесса, а не как пассивной реакции на внешние стимулы. Эффективность саморегуляции в этом случае определяется согласованностью функционирования отдельных звеньев системы, а не уровнем выраженности воли или исполнительских навыков как таковых. Именно в рамках данной логики становится возможным объяснение широко наблюдаемого в юношеской среде феномена *несоответствия потенциала и реализации*, когда при высоких когнитивных возможностях молодые люди демонстрируют регуляторные

нарушения в длительной учебной или профессиональной деятельности. Причины таких трудностей связаны не с дефицитом способностей, а с функциональной несогласованностью элементов регуляторной структуры.

Развивая идеи О. А. Конопкина, В. И. Моросанова сместила аналитический акцент с описания структуры регуляции на индивидуальные различия субъекта в процессе саморегуляции, предложив концепцию осознанной саморегуляции как относительно устойчивого стилевого метаресурса личности [4]. В данной теории подчёркивается специфика распределения психологических ресурсов в регуляторной деятельности и показано, что индивиды различаются по функциональным преимуществам на этапах планирования, моделирования условий, программирования действий и оценки результатов. Эти различия не тождественны уровню регуляторной способности, а отражают предпочтительные стратегии субъекта в условиях неопределённости. Для исследований юношеского возраста данный подход имеет особое значение, поскольку именно в этот период регуляторные стили начинают отчётливо проявляться и постепенно приобретают относительную устойчивость.

В зарубежных исследованиях саморегуляция рассматривается в рамках более дифференцированных аналитических подходов. Социально-когнитивная циклическая модель Б. Циммермана выделяет стадии предвосхищения, выполнения и саморефлексии и отличается высокой операционализируемостью при анализе учебной деятельности и целенаправленного поведения [11, p. 67]. Модель SOC (Отбор, оптимизация, компенсация), предложенная С. Гестдоттир и Р. М. Лернером в русле теории развития жизненных систем, интерпретирует регуляторное поведение как процесс распределения ограниченных ресурсов на протяжении жизненного пути и акцентирует внимание на динамическом балансе между множественными задачами развития [10, p. 63]. Дополнительный вклад в понимание отдельных аспектов регуляции вносит модель истощения саморегуляторных ресурсов, предложенная Р. Баумайстером и К. Вохс, в рамках которой подчёркивается ограниченность волевых ресурсов и их зависимость от интенсивности предшествующей регуляторной активности [9, p. 117].

Вместе с тем большинство указанных моделей ориентировано на анализ отдельных уровней или функций регуляторного поведения и не может в изолированном виде служить исчерпывающим объяснением саморегуляции в юношеском возрасте как целостного психологического механизма. В отличие от этого, российская психологическая традиция делает акцент на субъектном измерении регуляции и рассматривает согласованное функционирование когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов в рамках единой регуляторной системы. Такой подход не отвергает аналитическую ценность стадийных или стратегических моделей, но интерпретирует их как элементы более высокого уровня субъектной регуляции. В контексте изучения юношеского возраста принципиальное значение имеет не замещение одних моделей другими, а чёткое разграничение уровней анализа и областей применимости различных теоретических конструкций.

Исходя из этого, саморегуляцию целесообразно рассматривать как интегративный психологический конструкт, в центре которого находится целенаправленная деятельность, организуемая когнитивными структурами, функционально поддерживаемая волевой мобилизацией и направляемая системой личностных смыслов. Такое понимание позволяет сохранить ключевые положения российской теории о субъектности и системности регуляции, одновременно используя эмпирические преимущества западных моделей в описании стадий и стратегий регуляторного поведения. В результате формируется относительно единое теоретическое основание для

эмпирического изучения саморегуляции в юношеском возрасте и разработки адекватных методологических решений.

2. Психологические особенности развития саморегуляции в юношеском возрасте

В общем ходе психологического развития саморегуляция не возникает в юношеском возрасте, однако именно этот период является ключевым этапом глубокой перестройки её функциональной структуры. В юности индивид начинает интегрировать разрозненные регуляторные стратегии в относительно целостное личностное ядро, причём данный процесс не сводится к естественным биологическим изменениям, а представляет собой сложную перестройку психологической организации. Регуляция постепенно смещается от преимущественно реактивных форм, ориентированных на внешние требования, к проактивным моделям контроля, определяемым внутренней мотивацией и собственными целями субъекта.

Одной из ведущих характеристик саморегуляции в юношеском возрасте является расширение её временного горизонта. Регуляторная активность перестаёт обслуживать исключительно решение текущих задач и начинает соотноситься с образом будущего *Я*, профессиональными планами и ожиданиями, связанными с социальными ролями. В отечественных исследованиях подчёркивается, что в юношеском возрасте саморегуляция всё в большей степени включается в процесс конструирования жизненных стратегий и профессионального самоопределения, что обусловливает выраженную контекстную зависимость регуляторной эффективности. Так, М. С. Чекалина отмечает, что устойчивость регуляторных процессов напрямую связана с субъективной значимостью целей и их включённостью в систему личностных смыслов [8, с. 67]. В ситуациях, где цели деятельности совпадают с личностно-смысловой структурой субъекта, регуляция характеризуется большей устойчивостью и выносливостью. Напротив, при дефиците субъективной значимости задачи даже при наличии необходимых когнитивных ресурсов нередко наблюдаются снижение регуляторной мотивации и прерывание исполнения. Аналогичные выводы представлены в работах М. А. Рыжовой, подчёркивающей роль смысловой опосредованности регуляции в юношеском возрасте [6, с. 218]. Это свидетельствует о том, что в юности саморегуляция оказывается глубоко встроенной в мотивационно-смысловую систему личности и не может быть адекватно объяснена исключительно с позиций когнитивной эффективности.

Второй существенной особенностью данного периода является формирование и относительная стабилизация регуляторных стилей. Исследования В. И. Моросановой показывают, что в юношеском возрасте начинают складываться устойчивые сочетания таких регуляторных характеристик, как планомерность, гибкость, надёжность и автономность [4, с. 68]. Эти стилевые параметры не отражают напрямую уровень регуляторных возможностей, а характеризуют предпочтительные способы распределения ресурсов, принятия риска и реагирования на изменяющиеся условия деятельности. Так, в ситуациях высокой неопределённости одни молодые люди склонны снижать уровень неопределённости за счёт детального моделирования условий, тогда как другие опираются на устойчивость исполнения, обеспечивая непрерывность активности. На уровне саморегуляции данные различия являются ценностно нейтральными, однако в конкретных социальных контекстах они могут приводить к существенно различающимся траекториям развития.

С позиции теории развития жизненных систем становление саморегуляции в юношеском возрасте в значительной мере определяется степенью соответствия между индивидуальными целями и доступными средовыми ресурсами. С. Гестдоттир и

Р. М. Лернер отмечают, что при совпадении регуляторных потребностей субъекта с поддерживающими ресурсами образовательной и социальной среды (например, наставничеством или прозрачными критериями оценки) развитие регуляторных функций нередко ускоряется. В условиях же дефицита ресурсов или хронической перегрузки регуляторная система может функционировать в режиме сверхнапряжения, что проявляется в эмоциональном истощении, частых пересмотрах целей и снижении стабильности исполнения. Подобные закономерности выявляются в различных культурных контекстах, однако их конкретные формы существенно зависят от особенностей социальных институтов и культурных норм.

В российской психологической традиции развитие саморегуляции в юношеском возрасте преимущественно интерпретируется как повышение уровня координации внутренних компонентов субъектной регуляции. По мнению Е. А. Сергиенко, регуляторная зрелость не означает полного подавления импульсивных тенденций, а предполагает согласованное функционирование когнитивных, эмоциональных и волевых процессов в рамках единой регуляторной организации [7, с. 58]. С этой точки зрения типичные для юности регуляторные сбои не следует рассматривать как проявление слабости воли или дефицита мотивации; скорее они отражают незавершённость процесса внутренней координации регуляторной системы. Такой подход позволяет избежать патологизации возрастных особенностей и обеспечивает более нейтральную и научно обоснованную интерпретацию регуляторных трудностей.

Важно подчеркнуть, что развитие саморегуляции в юношеском возрасте не носит линейного и синхронного характера. Так, О. А. Гринева указывает, что в условиях повышенной учебной и социальной неопределённости даже при достаточно высоком уровне когнитивных ресурсов у части молодёжи наблюдается нестабильность регуляторных процессов, проявляющаяся в колебаниях целей, поведенческого ритма и эмоциональных затрат [1, с. 107]. Аналогичные выводы представлены в работах М.А. Рыжовой, подчёркивающей зависимость регуляторной устойчивости от социального контекста и субъективной значимости жизненных задач [6, с. 220]. Данные факты подтверждают необходимость анализа саморегуляции в юношеском возрасте в контексте конкретных социальных условий, а не исключительно через призму биологического созревания или роста способностей.

Таким образом, развитие саморегуляции в юношеском возрасте представляет собой многоуровневый психологический процесс, включающий реконструкцию целевой системы, формирование регуляторных стилей и интеграцию субъектных смыслов. В этот период саморегуляция начинает выполнять посредническую функцию между структурой личности и социальными требованиями, трансформируя внешние ожидания в личностно значимые цели и связывая краткосрочные действия с долгосрочными жизненными перспективами. Именно на этом этапе закладываются основы относительно устойчивых форм активности и жизненных стратегий, характерных для взрослого возраста.

3. Ключевые методологические проблемы исследования саморегуляции в юношеском возрасте

Если теоретическое уточнение конструкта саморегуляции отвечает на вопрос о том, что именно является объектом исследования, то методологические ограничения напрямую затрагивают проблему достоверности получаемых эмпирических результатов. Ключевая трудность современных исследований саморегуляции в юношеском возрасте заключается не в дефиците измерительных инструментов или статистических методов, а в том, что используемые исследовательские дизайны нередко оказываются неспособными адекватно отразить динамический характер регуляторных процессов, их

контекстную обусловленность и системную природу как формы субъектной активности. Данная проблема проявляется по-разному в различных теоретических традициях, однако её следствие остаётся единым: эмпирические данные не в полной мере обеспечивают объяснение реального регуляторного поведения молодёжи.

Прежде всего, наиболее дискуссионным и одновременно наиболее распространённым методологическим ограничением является высокая зависимость исследований от методов самоотчёта. Анкетные методики обладают несомненной ценностью для оценки регуляторных установок, субъективных стратегий и саморегуляторной эффективности, однако их объектом является прежде всего когнитивная репрезентация собственных регуляторных возможностей, а не функциональная реализация саморегуляции в реальных проблемных ситуациях. Как подчёркивает А. К. Осницкий, данные самоотчёта отражают в большей степени представления субъекта о своих регуляторных способностях, нежели его фактическое поведение в условиях затруднений [6]. В юношеском возрасте, когда структуры саморефлексии ещё не достигли полной устойчивости, между декларируемыми регуляторными возможностями и реальными формами регуляции нередко возникает систематическое расхождение. Оно может быть обусловлено как давлением социальных ожиданий, так и незавершённостью процессов субъектной интеграции. В этой связи прямое отождествление результатов самоотчёта с уровнем регуляторной эффективности чревато систематическим завышением оценок саморегуляции у молодёжи.

Вторым существенным ограничением выступает распространённая в эмпирических исследованиях тенденция к фрагментации и деконтекстуализации переменных на этапе их операционализации. Несмотря на то что теоретические модели подчёркивают согласованность различных звеньев регуляторной структуры, в практике исследования компоненты планирования, контроля и рефлексии часто измеряются как независимые показатели. Такой подход удобен с точки зрения статистического анализа, однако на уровне психологической организации он разрушает системный характер саморегуляции. Как справедливо отмечает Н. Ф. Круглова, в периоды активной перестройки регуляторной структуры, характерные для юношеского возраста, типичными являются временные регрессы, нестабильность эффективности и смена стилевых предпочтений, что затрудняет интерпретацию данных при использовании изолированных показателей [3, с. 46]. Реальное регуляторное поведение молодёжи всегда укоренено в конкретных жизненных ситуациях — таких как экзамены с высоким уровнем ответственности, межличностные конфликты на начальном этапе профессиональной деятельности или кризисы идентичности, — и измерения, оторванные от контекста, не позволяют реконструировать соответствующие психологические процессы.

Ещё более глубинную методологическую проблему представляет структурный разрыв между теоретическими моделями и исследовательскими операционализациями. Системные модели саморегуляции, разработанные О. А. Конопкиным и В. И. Моросановой, акцентируют интеграцию целей, личностных смыслов и механизмов обратной связи, однако в эмпирических исследованиях эта интеграция нередко редуцируется до набора параллельных показателей. Аналогичным образом, западные стадийные и стратегические модели, раскрывающие временную организацию регуляторного поведения, в основном проверяются с использованием поперечных дизайнов, что существенно ограничивает возможность анализа качественных изменений регуляторной системы в процессе развития. Отсутствие лонгитюдных и процессно-ориентированных подходов затрудняет определение границ устойчивости регуляторных

стилей и снижает потенциал переноса исследовательских выводов в образовательную и психокоррекционную практику.

Таким образом, методологические трудности исследований саморегуляции в юношеском возрасте не сводятся к отдельным техническим недостаткам, а отражают более общий разрыв между сложностью и развитием самого конструкта и используемыми исследовательскими дизайнами. Без принципиального учёта этой сложности эмпирические результаты неизбежно будут сохранять дистанцию по отношению к теоретическим моделям, что снижает их объяснительную и прикладную ценность.

4. Принципы проектирования исследований саморегуляции в юношеском возрасте

Проведённый анализ теоретических оснований и методологических ограничений указывает на необходимость рефлексивной корректировки исследовательских дизайнов в области изучения саморегуляции в юношеском возрасте. Перспективы дальнейших исследований связаны не столько с постоянным расширением арсенала измерительных методик, сколько с пересмотром базовых допущений исследовательского проектирования, с тем чтобы они соответствовали системному, развивающемуся и контекстно-зависимому характеру саморегуляции.

Во-первых, целесообразен переход от ориентации на изолированные показатели к аналитической логике, сочетающей структурный и процессуальный уровни анализа. Функциональная эффективность саморегуляции определяется не доминированием какого-либо одного звена, а степенью согласованности между целевой репрезентацией, построением действий, мониторингом результатов и их смысловой оценкой. Соответственно, при сохранении различения отдельных компонентов регуляции исследовательский дизайн должен включать показатели, отражающие целостную координацию системы. Это особенно важно в юношеском возрасте, когда регуляторная структура ещё не приобрела окончательной стабильности.

Во-вторых, принципиальное значение приобретает интеграция нескольких методов исследования. Методы самоотчёта незаменимы для анализа субъективного опыта, однако их результаты требуют верификации посредством поведенческих задач, ситуационного моделирования и внешних оценок. Сопоставление данных, полученных из различных источников, позволяет снизить систематические искажения, присущие отдельным методам, и приблизиться к пониманию того, как саморегуляция реально осуществляется в проблемных ситуациях. Данный принцип имеет особую значимость для эмпирической проверки концепции регуляторных стилей В. И. Моросановой, поскольку функциональное значение стиля проявляется прежде всего в конкретном поведении.

В-третьих, исследовательские дизайны должны целенаправленно включать контекстуальные переменные и рассматривать их как неотъемлемый элемент регуляторного механизма. Проявления саморегуляции в юношеском возрасте существенно зависят от социальных и институциональных условий, а её эффективность не является инвариантной в разных средах. Использование методов экологической моментальной оценки, ситуационных заданий и мобильных технологий позволяет фиксировать регуляторные реакции в реальных жизненных событиях — в периоды учебной перегрузки, при выборе профессиональной траектории или в ситуациях социального исключения. Такие подходы создают возможности для преодоления разрыва между декларируемыми и реализуемыми формами регуляции и для анализа временной динамики регуляторного поведения в естественных условиях.

Кроме того, с точки зрения развития лонгитюдные исследования следует рассматривать как один из ключевых путей понимания саморегуляции в юношеском

возрасте. Поперечные дизайны информативны при описании межиндивидуальных различий, однако они не позволяют выявить процессы структурной перестройки регуляторной системы во времени. Изменения саморегуляции в юности нередко носят нелинейный характер и выражаются не в накоплении, а в качественной реорганизации. Отсутствие временного измерения повышает риск интерпретации возрастной нестабильности как устойчивого личностного дефицита. Лонгитюдный подход, напротив, позволяет выявить критические точки формирования регуляторных стилей и проследить их влияние на последующее личностное развитие и социальную адаптацию.

Наконец, принципиально важно сохранять концептуальную согласованность между выбранной теоретической позицией и методами исследования. Если исследование опирается на системные модели саморегуляции О. А. Конопкина или В. И. Моросановой, то дизайн должен позволять анализировать динамические связи между целями, личностными смыслами и обратной связью. При обращении к западным стадийным или стратегическим моделям необходимо чётко обозначать уровень анализа и границы их применимости, избегая эклектичного смешения методологических логик на операциональном уровне. Методологическая прозрачность в данном случае не ограничивает теоретический диалог, а, напротив, создаёт общее основание для сопоставления различных исследовательских традиций.

В целом методологическая перспектива исследований саморегуляции в юношеском возрасте связана не с внедрением отдельных технических решений, а с изменением исследовательской оптики: переходом от статических измерений к процессуальному анализу, от деконтекстуализации — к контекстной укоренённости, от оценки способностей — к объяснению структурных механизмов. Такая переориентация задаёт чёткие координаты для дальнейших эмпирических исследований и формирует методологические предпосылки для более адекватного понимания сложности психологического развития в юношеском возрасте.

Заключение. В современном психологическом исследовании проблема саморегуляции в юношеском возрасте находится на пересечении различных теоретических парадигм и исследовательских традиций. Её сложность обусловлена как многоуровневой структурой регуляторного феномена, так и долгосрочной несогласованностью понятийных определений и исследовательских операций. Именно в этом контексте настоящая работа осуществила систематический теоретический и методологический анализ саморегуляции юношеского возраста, стремясь построить объяснительную рамку, способную интегрировать различные исследовательские подходы.

В работе прежде всего уточнены теоретические основания и концептуальные границы саморегуляции как психологического конструкта. Показано, что саморегуляцию не следует сводить к контролю импульсов или отдельного поведения; её целесообразно понимать как интегративный психологический механизм, сосредоточенный на взаимодействии целей, личностных смыслов и обратной связи. Акцент российской психологической традиции на субъектности и системности обеспечивает необходимую теоретическую опору для анализа внутренней логики регуляторной деятельности молодёжи. В то же время западные модели, предлагающие инструментарий для стадийного анализа и исследования стратегий, дополняют изучение конкретных поведенческих проявлений. Эти подходы не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга на разных уровнях анализа.

С точки зрения психологии развития, юношеский возраст не является начальным этапом формирования саморегуляции, а представляет собой критический период её структурной перестройки и стабилизации стилевых особенностей. В этот период

саморегуляция начинает выполнять функции интеграции личности и координации жизненных стратегий. Её проявления и эффективность зависят от сочетания регуляторного стиля, контекстных условий и социальной структуры. Эффективность саморегуляции определяется тем, насколько индивидуум способен интегрировать мотивационные, эмоциональные и когнитивные ресурсы в условиях нестабильной социальной среды, а не исключительно уровнем способности или силой воли. Этот вывод подчёркивает, что рассматривать регуляторные способности юношеского возраста как стабильную черту или линейно растущую характеристику невозможно для адекватного отражения их динамики.

На этой основе выявлены системные методологические трудности исследований саморегуляции в юношеском возрасте, прежде всего асимметрия между предположениями о системной природе регуляции в теоретических моделях и операционализацией этих предположений в эмпирических исследованиях. Чрезмерная зависимость от методов самоотчёта, деконтекстуализированная операционализация регуляторных переменных и недостаток лонгитюдных исследований ограничивают глубину интерпретации результатов и препятствуют переносу теоретических достижений в образовательную и социальную практику. Эти трудности не являются единичными техническими дефектами отдельных исследований, а отражают системное недооценивание сложности конструкта саморегуляции на уровне проектирования исследований.

Таким образом, теоретическая значимость работы заключается в том, что саморегуляция юношеского возраста рассматривается в рамках интегративного подхода, учитывающего её развивающийся, системный и контекстуально обусловленный характер. Это обеспечивает более устойчивые концептуальные координаты для понимания развития личности и социальной адаптации молодёжи. Работа не ставит своей непосредственной целью эмпирическую верификацию, а ориентирована на методологическое руководство для последующих исследований, позволяющее выстроить согласованную логику между теоретическим выбором и проектированием исследований. В этом смысле системная рефлексия саморегуляции в юношеском возрасте имеет не только академическое значение, но и представляет собой необходимое условие дальнейшего углубления исследований в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринева О.А. Особенности учебной мотивации, тревожности и саморегуляции в юношеском возрасте / О. А. Гринева // Вестник магистратуры. — 2024. — № 1-2(148). — С. 106-109. — EDN JOFDCX.
2. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин ; предисл. В. И. Моросановой. — Изд. стер. — М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2018. — 316 с.
3. Круглова Н.Ф. Психодиагностика регуляторно-когнитивной структуры учебной деятельности и школьная неуспешность / Н.Ф. Круглова, В.И. Панов // Прикладная психология. — 2001. — № 5. — С. 40-51.
4. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как Психологический ресурс достижения целей [Электронный ресурс] / В.И. Моросанова. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osoznannaya-samoregulyatsiya-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka-kak-psihologicheskiy-resurs-dostizheniya-tseley (дата обращения: 25.12.2025.
5. Осницкий А.К. Регуляторный опыт — основа субъектной активности человека [Электронный ресурс] / А.К. Осницкий. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/regulyatornyy-opyt-osnova-subektnoy-aktivnosti-cheloveka (дата обращения: 25.12.2025).
6. Рыжова М.А. Теоретические основы исследования саморегуляции поведения в юношеском возрасте / М.А. Рыжова // Молодой ученый. — 2025. — № 6(557). — С. 216–221. — EDN GKCNYS.
7. Сергиенко Е.А. Контроль поведения как основа саморегуляции [Электронный ресурс] / Е.А. Сергиенко. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-povedeniya-kak-osnova-samoregulyatsii (дата обращения: 25.12.2025).

8. Чекалина М.С. Саморегуляция и ее компоненты как условие готовности к профессиональному самоопределению / М.С. Чекалина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2020. — Т. 26, № 1. — С. 65–71. — http://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71.
9. Baumeister R.F. Self-Regulation, Ego Depletion, and Motivation / R.F. Baumeister, K.D. Vohs // Social and Personality Psychology Compass. — 2007. — Vol. 1, no. 1. — P. 115–128. — http://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00001.x.
10. Gestsdottir S. Intentional self-regulation, ecological assets, and thriving in adolescence: a developmental systems model / S. Gestsdottir, J.B. Urban, E.P. Bowers [et al.] // New Directions for Child and Adolescent Development. — 2011. — No. 133. — P. 61–76. — http://doi.org/10.1002/cd.304.
11. Schunk D.H. Self-regulation of Learning and Performance: Issues and Educational Applications / D.H. Schunk, B.J. Zimmerman. — Hillsdale: Routledge, 1994. — 384 p. — http://doi.org/10.4324/9780203763353.

REFERENCES

1. Grineva, O.A. (2024). Osobennosti uchebnoy motivatsii, trevozhnosti i samoregulyatsii v yunosheskom vozraste [Features of educational motivation, anxiety and self-regulation in adolescence]. Vestnik magistratury, 1–2(148), 106–109. (In Russian)
2. Konopkin, O.A. (2018). Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel’nosti [Psychological mechanisms of regulation of activity]. Moscow: URSS: LENAND. (In Russian)
3. Kruglova, N.F., & Panov, V.I. (2001). Psikhodiagnostika regulyatorno-kognitivnoy struktury uchebnoy deyatel’nosti i shkol’naya neuspeshnost’ [Psychodiagnostics of the regulatory-cognitive structure of educational activity and school failure]. Prikladnaya psikhologiya, 5, 40-51. (In Russian)
4. Morosanova, V.I. (2014). Osoznannaya samoregulyatsiya proizvol’noy aktivnosti cheloveka kak psikhologicheskiy resurs dostizheniya tseley [Conscious self-regulation of voluntary human activity as a psychological resource for achieving goals]. Teoreticheskaya i eksperimental’naya psikhologiya, 4. (In Russian)
5. Osnitskiy, A.K. (2008). Regulyatornyy opyt — osnova sub"yektnoy активности cheloveka [Regulatory experience — the basis of human subject activity]. Teoreticheskaya i eksperimental’naya psikhologiya, 2. (In Russian)
6. Ryzhova, M.A. (2025). Teoreticheskie osnovy issledovaniya samoregulyatsii povedeniya v yunosheskom vozraste [Theoretical foundations of the study of self-regulation of behavior in youth]. Molodoy uchenyy, 6(557), 216–221. (In Russian)
7. Sergienko, E.A. (2018). Kontrol’ povedeния kak osnova samoregulyatsii [Behavior control as a basis for self-regulation]. Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial’nykh nauk, 4. (In Russian)
8. Chekalina, M.S. (2020). Samoregulyatsiya i ee komponenty kak uslovie gotovnosti k professional’nomu samoopredeleniyu [Self-regulation and its components as a condition for readiness for professional self-determination]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika, 26(1), 65-71. http://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71. (In Russian)
9. Baumeister, R.F., & Vohs, K.D. (2007). Self-Regulation, Ego Depletion, and Motivation. Social and Personality Psychology Compass, 1(1), 115–128. http://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00001.x.
10. Gestsdottir, S., Urban, J.B., Bowers, E.P., Lerner, J.V., & Lerner, R.M. (2011). Intentional self-regulation, ecological assets, and thriving in adolescence: a developmental systems model. New Directions for Child and Adolescent Development, 2011(133), 61–76. http://doi.org/10.1002/cd.304.
11. Schunk, D.H., & Zimmerman, B.J. (Eds.). (1994). Self-regulation of Learning and Performance: Issues and Educational Applications. Routledge. http://doi.org/10.4324/9780203763353.

Поступила в редакцию 27.02.2026 г.

RELEVANCE OF STUDYING SELF-REGULATION IN YOUTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Antonovsky Alexander Viktorovich, Wang Ruihan

The article deals with a systemic theoretical and methodological analysis of the problem of self-regulation in youth within the framework of contemporary psychological theories. In the context of rapidly changing social and educational environments, psychological demands placed on young people in terms of independent decision-making and the assumption of long-term responsibility increase significantly. Consequently, self-regulation is gradually becoming a key analytical dimension in understanding personal development and social adaptation in

youth. This contribution summarizes the main theoretical approaches to the study of self-regulation in Russian psychology and in contemporary international research, and analyzes the psychological characteristics of self-regulation development in youth. The comparative analysis of the literature substantiates the need to understand self-regulation in youth as a systemic psychological mechanism integrating goals, personal meanings, and modes of action. It is pointed out that the asymmetry between theoretical models and empirical operationalizations, common in contemporary research, as well as excessive reliance on self-report methods, limit the explanatory potential of studies of real regulatory processes in young people. The article objective is to formulate clearer conceptual guidelines and methodological foundations for subsequent empirical studies of self-regulation in adolescence.

Key words: self-regulation, youth, conscious self-regulation, personality development, subjectivity, psychological resources, theoretical analysis, methodological limitations.

Антоновский Александр Викторович.
Кандидат психологических наук, доцент,
главный научный сотрудник отделения планирования и контроля научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ отдела планирования и контроля научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, финансово-экономической работы и государственных закупок административно-управленческого персонала Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, г. Москва.
ORCID 0000-0002-3070-6886.
E-mail: antonovsky@yandex.ru

Ван Жуйхань.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва.
Аспирант.
ORCID 0009-0001-1495-9672.
E-mail: guhe820@outlook.com

Antonovsky Alexander Viktorovich.
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Chief Researcher, Division for Planning and Control of Research and Experimental Design Works, Department for Planning and Control of Research and Experimental Design Works, Financial and Economic Activities and Public Procurement, Administrative and Managerial Personnel, Federal State Institution Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow.

ORCID 0000-0002-3070-6886.
E-mail: antonovsky@yandex.ru

Wang Ruihan.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russian Federation, Moscow.
Post-graduate student.

ORCID 0009-0001-1495-9672.
E-mail: guhe820@outlook.com

Научная статья
УДК 159.91
DOI: 10.5281/zenodo.21129138

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРАВМ НА ТЕЛО ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

© **2026** ***Дроздов А. Е.***
Северодонецкий технологический институт Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный университет им. Владимира Даля»
ORCID: 0009-0001-6095-7184

Данное исследование направлено на оценку влияния психотравм на физиологическое состояние взрослых в период с 2015 по 2025 годы. В ходе работы выявлено, что психотравмы оставляют объективные телесные следы, проявляющиеся в дисрегуляции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, нарушениях нервной системы, хронических воспалительных процессах и увеличении аллостатической нагрузки. Наиболее значимые последствия связаны с развитием кардиометаболических нарушений и ухудшением соматического состояния. Травмо-специфические виды терапии способствуют уменьшению симптоматики, однако в большинстве случаев не обеспечивают полного восстановления биомаркеров. В настоящее время отсутствует универсальный интегральный индекс для оценки телесных последствий психотравм, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований в данной области. Полученные результаты подчеркивают важность комплексного подхода к профилактике и лечению травмирующих событий у взрослых, а создание интегральных оценочных инструментов остается перспективной задачей.

Ключевые слова: психологическая травма, ПТСР, психосоматика, биомаркеры, телесный след психотравмы, функциональные нарушения здоровья.

Для цитирования: Дроздов А. Е. Влияние психологических травм на тело взрослого человека / А. Е. Дроздов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 288–298. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129138.

Введение. Психологическая травма (далее, психотравма) может представлять собой значимый фактор риска неблагоприятных телесных изменений, включая функциональные соматические расстройства, хронические, региональные боли, метаболические нарушения и воспалений. Предполагается, что воздействие психотравмы сопровождается долговременной дисрегуляцией множества систем организма, от оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники и вегетативной нервной системы, до адаптивного иммунитета, — а также проявляется в виде устойчивых и регулярных физиологических и клинических изменений. Имеющиеся данные разрозненны, так как используются неоднородные определения и шкалы тяжести травм, преобладают кросс-секционные дизайны проведения исследований, недостаточно продемонстрированы причинно-следственные связи и механизмы, стоящие за влиянием психотравм на тело взрослого человека, редко применяются биомаркеры и стандартизованные протоколы оценки телесного состояния. Отсутствие консенсуса ограничивает разработку инструментов скрининга, оценки рисков и направленного лечения, которое может быть эффективным для некоторых состояний организма.

Теоретическая значимость заключается в уточнении роли аллостатической нагрузки, психонейроиммунных и нейроэндокринных механизмов, вклад нарушений интероцепции в соматизацию.

Материалы и методы исследования. Методологическая значимость заключается в разработке и валидации стандартизованных протоколов оценки психотравмы по типу, тяжести, времени экспозиции и других параметров, и телесных маркеров, к числу

которых можно отнести некоторые медицинские показатели, например, вариабельность сердечного ритма, суточный профиль кортизола, маркёры низкоуровневого воспаления и др. Клиническая значимость заключается в том, чтобы определить необходимость скрининга травма-ассоциированного риска в первичной медико-санитарной помощи, терапии, кардиологии, гастроэнтерологии, ревматологии и других специальностей. На практике это поможет интегрировать данный подход в разработанные маршруты пациентов, выбор психотерапевтических и телесно-ориентированных методов лечения и профилактики.

Цель исследования — определить влияние психологических травм на тело взрослого здорового человека с помощью разработанных индексов «телесного следа психотравмы», сочетающих психометрические и физиологические показатели, для скрининга и стратификации клинического риска.

Основная часть. Психологическая травма (психотравма) — это экстремальный стрессовый опыт, оставляющий глубокий след в психике человека. В отличие от физической раны, которую можно непосредственно наблюдать, травматическое переживание может быть зафиксировано только с помощью опосредованных методик. Психосоматика полагает, что психологические факторы могут влиять на возникновение и течение соматических заболеваний. Согласно Patel и соавт. (2022), накоплены убедительные данные о том, что тяжёлый стресс и психотравмы отражаются как на психическом, так и на физическом состоянии человека [13]. Нейробиологические исследования свидетельствуют, что у травмированных пациентов могут наблюдаться структурные изменения мозга, например, гиперактивация миндалевидного тела, уменьшение объёма гиппокампа [2]. Установлено, что переживание психологической травмы коррелирует с ухудшением физического здоровья. Особенно выражены негативные последствия у тех, у кого в результате психотравмы развивается посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [1]. Выявлено, что даже единичный эпизод экстремального психологического стресса может иметь соматические эффекты.

Психосоматика рассматривает психотравму не как «психический» феномен с телесными эффектами, а как нарушение целостной регуляции организма. Телесные проявления психотравм в таком контексте являются эмерджентными процессами между психологическими и физиологическими, а не производными от них. Травматический опыт приводит к перераспределению приоритетности регуляции организма, изменяется чувствительность к внутренним и внешним сигналам, формируются устойчивые паттерны вегетативной и эндокринной активности. Следовательно, «телесный след» психотравмы является вполне измеримым эффектом. При травме изменяется как точность интероцептивных прогнозов, так и их «вес» в принятии решений. Результатом таких изменений становится соматизация, то есть закрепление телесных нарушений при минимальных триггерах снижения нисходящего торможения боли и когнитивной гиперфиксации на симптомах.

Психосоматическая модель также подчёркивает роль посредников и модераторов в процессе проявления «телесного следа», к числу которых относятся трудности в идентификации и вербализации эмоций, стиля внимания к телу, избегания активности, нарушений сна и циркадных ритмов, а также малоподвижности и питания. Именно эти переменные «переводят» травматический опыт в долговременные соматические исходы. Из этой логики непосредственно следует связывание психосоматических явлений с объективными метриками. На психологической оси это шкалы симптомов ПТСР, соматизации и интероцептивной чувствительности; на поведенческой — сон, уровень физической активности, пищевые паттерны, на физиологической оси — параметры

респираторной реактивности, кортизол, маркеры воспалений, кардиометаболические показатели. Психосоматический подход показывает, что терапии и профилактики должны адресовать и когнитивную работу над психотравмой, так и телесные методы. Такой подход концептуально согласует субъективные и объективные аспекты, что особенно важно для скрининга и стратификации клинического риска у «здоровых» взрослых с историей травмы.

Кроме того, важно подчеркнуть, что интегративные подходы, основывающиеся на психосоматике, предполагают использование мультидисциплинарных методов терапии. Это может включать когнитивно-поведенческую терапию, телесные практики (например, йогу, дыхательные упражнения, массаж), а также методы повышения интероцептивной осознанности, такие как медитация и майндфулнес.

Эти практики способствуют восстановлению балансировки вегетативной нервной системы, улучшению чувствительности к внутренним сигналам, снижению уровня хронического стресса и уменьшению соматических жалоб. Важной задачей является— not только устранение симптомов, но и восстановление способности организма к адекватной регуляции, что помогает снизить риск развития более серьёзных заболеваний и служит профилактикой рецидивов.

Современные исследования также демонстрируют возможность использования биомедицинских технологий, например, мониторинга физиологических параметров с помощью носимых устройств для оценки состояния организма в режиме реального времени. Такие инструменты позволяют более точно определить моменты усиления тревоги или дезрегуляции, что обеспечивает своевременное вмешательство.

В целом, психосоматическая модель призывает к более гибкому и индивидуализированному подходу к лечению и профилактике телесных проявлений травматического опыта. Она помогает понять, что тело и психика — это неразделимый организм, и выздоровление достигается только через интеграцию психологических и физиологических методов воздействия. Такой подход не только повышает эффективность терапии, но и способствует развитию большей саморегуляции и внутренней устойчивости у человека.

Еще одним важным аспектом психосоматического подхода является признание роли социального окружения и контекста жизни человека. Хронический стресс, неблагоприятные жизненные обстоятельства, отсутствие поддержки или конфликты усугубляют проявления психотравмы и способствуют закреплению соматических симптомов. Поэтому комплексная терапия часто включает работу с социальными факторами, укрепление социальных связей и развитие навыков адаптации к жизненным трудностям. Также значительную роль играет профилактика — раннее выявление уязвимых лиц и формирование стратегии снижения риска хронизации симптомов. Образовательные программы, направленные на повышение эмоциональной грамотности, развитие навыков осознанного восприятия тела и регулярное физическое движение, могут стать эффективными средствами профилактики психосоматических расстройств.

В будущем развитие психосоматики связано с углублением понимания нейробиологических механизмов, обменом данными между психологами, физиологами и специалистами в области цифровых технологий, а также внедрением персонализированных программ лечения и реабилитации. Это откроет новые горизонты для улучшения качества жизни людей, переживших травматический опыт, превратив выздоровление в действительно комплексный и устойчивый процесс.

В итоге, психосоматическая модель психотравмы расширяет традиционные представления о здоровье и болезни, подчеркивая необходимость целостного подхода к человеку, в котором внимание уделяется как внутреннему миру, так и телесным проявлениям, а также внешним условиям жизни. Такой подход не только способствует более глубокому пониманию природы психотравмы, но и предлагает эффективные пути терапии и предотвращения хронических соматических состояний.

Обзор Elliot и соавт. (2018) показывает, что пережившие психологическую травму люди в среднем оценивают своё здоровье хуже и чаще имеют медицинские проблемы, чем непережившие травму [3]. Кроме того, мета-анализ 24 исследований показал увеличение общей смертности минимум на 30% среди людей с ПТСР [11]. Хотя часть этого риска может объясняться косвенными факторами (например, курением, сниженной активностью), связь травмы с повышенной смертностью прослеживается в большинстве исследований. Мета-анализ 20 наблюдательных исследований продемонстрировал, что наличие ПТСР повышает риск любых сердечно-сосудистых нарушений [12]. Например, у ветеранов боевых действий с ПТСР вероятность инфаркта и инсульта значимо выше, чем у ветеранов без ПТСР [12].

Психотравма связана с нарушением метаболического гомеостаза. Так, обзор 9 исследований показал, что у людей с ПТСР риск развития сахарного диабета II-ого типа на 50% выше, чем у не травмированных [18]. Особенно это подтверждается в работах, использующих объективные биохимические маркеры диабета. Кроме того, 38,7% пациентов с ПТСР имели метаболический синдром против 20% в контрольных группах [14]. Известна и гендерная предрасположенность — связь ПТСР с гипертонией отчетливее прослеживается у мужчин, чем у женщин.

У лиц с хроническими болевыми синдромами, например, с фибромиалгией, хронической болью в мышцах, головными болями часто выявляются признаки пережитых травм и ПТСР. Психотравмы повышают вероятность таких расстройств в 2,7 раза [13]. Психотравмы могут оказывать иммуносупрессивное и иммуномодулирующее действие, что показал обзор 8 исследований, который выявил небольшое, но статистически значимое увеличение риска развития аутоиммунных нарушений у пациентов с ПТСР — от болезни Крона и ревматоидного артрита до рассеянного склероза [9].

У людей с ПТСР фиксируются повышенные уровни интерлейкинов IL-6, IL-1β, фактор некроза опухоли α по сравнению со здоровыми людьми, даже при отсутствии сопутствующей депрессии, что подтвердил обзор Von Majewski и соавт. (2018), охвативший 23 работы по ПТСР, подтвердил повышение в этой группе уровней IL-6, TNF-α, С-реактивного белка и других маркеров воспаления [19].

Связь ПТСР с болезнями желудочно-кишечного тракта менее изучено, результаты также неоднозначны. Ранние исследования противоречили друг другу, однако крупное исследование в Дании (2017) показало, что наличие ПТСР связано с повышенным общим риском заболеваниями ЖКТ. В частности, ПТСР чаще сопутствует синдрому раздраженного кишечника и язвенным заболеваниям. Интересно, что в целом психологическая травма не продемонстрировала сильной ассоциации с общим риском рака [5]. Лишь отдельные данные указывают на возможную связь ПТСР с риском рака яичников, но консенсус отсутствует.

При столкновении с угрозой психика активирует нейроэндокринную стрессовую ось гипоталамус–гипофиз–надпочечники (ГГН). Острый стресс ведёт к выбросу кортизола и катехоламинов, к которому организм адаптируется в краткие сроки. Однако при психотравме эти реакции могут становиться хронически гиперактивными или, напротив, парадоксально подавленными. У многих людей с ПТСР фиксируют

пониженный базальный уровень кортизола и повышенную чувствительность рецепторов. Например, Tucker и соавт. (2025) обнаружили у группы взрослых, переживших террористический акт, что спустя 7 лет после события у них уровень утреннего кортизола был ниже нормы, вопреки ожиданиям [12]. Одновременно у этих испытуемых наблюдались повышенное артериальное давление и уменьшенная частота пульса в ответ на напоминание о травме, что интерпретируется как снижение сердечно-сосудистой реактивности вследствие длительной адаптации к стрессу. Данный феномен иллюстрирует, как травма может закрепляться на уровне вегетативной нервной системы. У пациентов с ПТСР часто понижена вариабельность сердечного ритма (HF-HRV) и отмечается преобладание симпатического тонуса. Такая автономная ригидность может повышать риск аритмий, гипертонии и других осложнений.

Как отмечалось ранее, у лиц с ПТСР выявляются повышенные уровни провоспалительных цитокинов (IL-6, IL-1β, TNF-α и др.). Механистически это объясняют тем, что хронический стресс нарушает регуляцию ГГК, что приводит к дезингибиции воспаления. В норме кортизол обладает противовоспалительным действием, но при длительном стрессе клетки иммунной системы могут терять чувствительность к глюкокортикоидам. Эти изменения создают состояние хронического субклинического воспаления, которое со временем повреждает ткани и способствует развитию заболеваний — от атеросклероза до аутоиммунных процессов. В частности, Von Majewski и соавт. показали, что у лиц с ПТСР наблюдается ускоренное укорочение теломер и повышение уровней воспалительных маркеров [19].

Травматический опыт может быть «закодирован» в нервной системе в виде паттернов возбуждения. Телесная память о психотравме может проявляться в виде неожиданных соматических вспышек — панических атак, психогенных эпизодов онемения или боли при триггерных напоминаниях. С точки зрения нейрофизиологии, травма нарушает связь между верхними регуляторными отделами мозга и нижележащими структурами, ответственными за телесные ощущения и рефлексы. Kearney, B. E. и соавт. (2019) описывают «рассинхрон мозга и тела» при травме: сильный травматический страх может препятствовать нормальной обработке сенсорных сигналов, из-за чего эмоции «застревают» в теле в виде соматических симптомов [6].

Все перечисленные выше механизмы вместе составляют так называемую аллостатическую нагрузку. Это понятие описывает «износ» организма под воздействием хронического стресса. У людей с длительной травматизацией наблюдается повышенная аллостатическая нагрузка, измеряемая совокупностью биомаркеров: повышенным артериальным давлением, абдоминальным ожирением, атерогенным профилем липидов, гипергликемией, повышенным уровнем воспалительных маркеров и др. Ряд исследований прямо продемонстрировал, что пациенты с ПТСР имеют более высокий индекс аллостатической нагрузки, чем не травмированные контролы [4]. Множество клинических исследований показало, что доказательные методы психотерапии травмы, например, когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), экспозиционная терапия, EMDR приводят не только к снижению психопатологических симптомов, но и к уменьшению соматических жалоб. После курса КПТ ПТСР у пациентов отмечалось значимое улучшение субъективного физического самочувствия и сна.

Систематический обзор van den Berk-Clark и соавт. (2022) проанализировал влияние лечения ПТСР на кардиометаболические факторы риска. Авторы отметили, что в ряде исследований психотерапия ПТСР приводила к улучшению показателей вариабельности сердечного ритма, снижению артериального давления и даже к снижению смертности от сердечно-сосудистых причин [17]. Однако эффект был не

универсальным: не все факторы риска изменялись, а результаты разных работ несколько противоречивы. Например, в некоторых выборках улучшалась регуляция сердечного ритма, но не наблюдалось изменений в уровне холестерина или весе. Авторы обзора делают вывод, что доказательств влияния терапии на биомаркеры пока недостаточно, выборки многих исследований были малы, и необходимы дополнительные крупномасштабные работы.

Несколько работ попытались напрямую измерить изменения физиологических маркеров у пациентов до и после лечения травмы. Результаты оказались неоднозначными. Von Majewski и соавт. (2023) проводили наблюдение за 29 пациентами с ПТСР, проходившими курс КТП. Они замеряли уровень С-реактивного белка, который является маркером системного воспаления, на протяжении 12 недель терапии и в последующем 10-месячном катамнезе [19]. Как и ожидалось, симптомы ПТСР у пациентов значительно уменьшились за время лечения. Однако воспалительный маркер CRP не показал значимой динамики. И спустя 10 месяцев уровень CRP в среднем оставался повышенным, несмотря на стойкую психотерапевтическую ремиссию. Авторы сделали такой вывод: «факторы риска для соматического здоровья при ПТСР сохраняются, несмотря на успешное психологическое лечение». С другой стороны, есть примеры, где позитивные сдвиги биомаркеров при терапии всё же наблюдаются. Например, среди методов, специально нацеленных на работу с телесной составляющей травмы, можно отметить соматически ориентированные терапии (йога, дыхательные практики, метод Somatic Experiencing и др.). Исследование Koroglu, S. и соавт. (2016) продемонстрировало, что добавление йоги к стандартной терапии ПТСР приводило к более выраженному снижению уровня кортизола и стабилизации вариабельности сердечного ритма у женщин, переживших насилие [7]. Другое исследование показало, что метод Somatic Experiencing за 12 недель лечения снижает не только проявления ПТСР, но и уменьшает гиперактивность симпатической нервной системы, что регистрировалось через показатели кожно-гальванической реакции и ЧСС [17]. Что касается медикаментозного лечения, некоторые препараты, применяемые при ПТСР, исследовались на предмет их влияния на биомаркеры, но обзоров по фармакокоррекции соматических маркеров при ПТСР пока нет, и эта область требует дальнейшего изучения.

В свете изложенного выше актуальна задача количественного измерения суммарного воздействия психологической травмы на организм, для чего разрабатываются интегральные показатели, объединяющие психологические и физиологические характеристики. Такой интегральный индекс мог бы стать ценным инструментом скрининга и прогноза клинических рисков у травмированных пациентов. На данный момент не существует общепризнанного интегрального индекса «телесного следа», который бы однозначно комбинировал психо- и физиоданные. В обзорах подчёркивается, что исследования обычно фокусируются либо на одних психологических аспектах травмы, либо на отдельных биомаркерах, но редко связывают их воедино на уровне индивидуальной оценки пациента.

Наиболее близким аналогом служит концепция аллостатической нагрузки, о которой упоминалось выше. Исследования показывают, что лица с историей ранних психотравм имеют более высокий аллостатический индекс во взрослом возрасте. Например, Thayer и соавт. (2016) выявили, что у людей, перенесших тяжёлую психотравму в детстве, совокупный индекс нейроэндокринных маркеров существенно выше, чем в среднем по выборке, и этот индекс ассоциируется с наличием ПТСР во взрослом возрасте [16].

Отдельные исследовательские группы предлагают использовать параллельно психометрические шкалы и психофизиологические данные для более точной оценки состояния. Например, метод script-driven imagery, описанный Michopoulos и соавт. (2015), предполагает, что пациент прослушивает или представляет травматическую ситуацию, а в это время записываются физиологические параметры — частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, частота дыхания. Установлено, что у людей с ПТСР такая скрипт-индуцированная реакция значительно выше, чем у контрольных лиц. На основании подобных работ ведутся поиски биомаркеров ПТСР, которые могли бы дополнять психологические критерии. В частности, разрабатываются многокомпонентные модели, включающие вариабельность сердечного ритма, старт-рефлекс на внезапный звук, кожная проводимость и гормональные показатели, чтобы идентифицировать наличие травматического расстройства с большей уверенностью. Пока эти подходы находятся на стадии научных экспериментов, но они прокладывают путь к интегральным индексам.

Перспективным направлением является разработка моделей, которые с помощью машинного обучения объединяют опросники, пульс, давление, анализ крови на гормоны и иммуномаркеры, генетические и эпигенетические данные для предсказания рисков. Как отмечают Petrova и соавт. (2020), интеграция омикс-данных с клиническими данными по ПТСР открывает путь к созданию биопсихологического профиля пациента с травмой [11].

Несмотря на обилие исследований, в литературе сохраняются дискуссионные вопросы и противоречия относительно влияния травмы на тело. Не до конца понятно, связаны ли ухудшения здоровья прямым биологическим влиянием психотравмы или косвенно через изменения поведения? Действительно, травматизированные люди чаще ведут нездоровый образ жизни, ПТСР часто сосуществует с депрессией, которая сама по себе негативно влияет на здоровье. Другая проблема заключается в том, все ли системы организма страдают от травмы или только некоторые. Как мы рассмотрели, прочная связь установлена с кардиометаболическими и воспалительными заболеваниями. В то же время отсутствие связи с раком и, например, с нейродегенеративными заболеваниями вызывает вопросы. Это может означать, что травматический стресс затрагивает не все патофизиологические пути. Одни авторы указывают, что хронический стресс подавляет противоопухолевый иммунитет, и ожидали бы роста рака, однако эпидемиология этого не подтверждает — возможно, потому что эффект стресса перекрывается генетическими и средовыми факторами в этиологии рака.

Учёные обсуждают, имеет ли значение, когда и какая травма произошла, для характера телесных последствий. Исследования указывают, что травмы детского возраста могут иметь наиболее системное влияние, программируя работу стресс-осей на всю жизнь. Так, дети, пережившие насилие, во взрослом состоянии имеют повышенную аллостатическую нагрузку и чаще болеют сердечно-сосудистыми болезнями. С другой стороны, острые травмы в зрелом возрасте чаще приводят именно к ПТСР, но не всегда дают столь же широкий спектр соматических последствий — возможно, благодаря сформировавшейся физиологической резильентности организма взрослого. Не все аспекты влияния травмы на организм еще понятны досконально, и многие вопросы остаются открытыми.

Для решения проблемы исследования требуются длительные исследования, прослеживающие физиологические показатели у травмированных индивидов на протяжении многих лет. Существующие работы зачастую либо поперечные, либо ограничены несколькими месяцами наблюдения. Недавние данные о здоровых выживших катастрофы показывают наличие изменений даже через десятилетия. Нужно подтвердить это на более широких выборках и разных видах травм. Кроме того, важно

выяснить, обратимы ли эти изменения. Как отмечают von Majewski и соавт. (2023), без дополнительных исследований невозможно понять, нормализуются ли воспалительные маркеры спустя много лет даже у вылеченных пациентов, или остаются хронически повышенными.

Как отмечалось ранее, отсутствует единый индекс или алгоритм для объективной оценки телесного фактора психотравмы. Будущие исследования должны сфокусироваться на создании таких интегральных индексов. Подобная работа требует междисциплинарного подхода, объединяющего психологов, врачей, биоинформатиков. Разработка надёжного «телесного маркера травмы» существенно облегчила бы скрининг.

Необходимо уделить внимание разнообразию выборок. Большинство настоящих исследований проводилось на ветеранах мужского пола, пациентов в возрасте от 30 до 50 лет. Недостаточно данных по пожилым людям с травмой, хотя известно, что у пожилых реакция на стресс иная. Нет однозначных данных по подросткам и молодым взрослым, пережившим травмы, — неясно, как быстро у них появляются соматические эффекты и можно ли их предупредить.

Нужны исследования, непосредственно сравнивающие биомаркеры травмы у мужчин и женщин, чтобы понять, например, роль половых гормонов в стресс-реакции. Важны также перекрёстные факторы, такие как депрессия, тревожные расстройства, социокультурные различия, генетическая предрасположенность.

Выводы

1. Психологические травмы у взрослых оставляют объективный «телесный след» в виде нарушений регуляции HPA-оси и нервной системы, поддерживается низкоуровневое воспаление, что повышает аллостатическую нагрузку и соматический риск.

2. Травмо-фокусированная психотерапия надёжно снижает психопатологию и субъективные соматические жалобы, также есть данные о снижении риска гипертонии и диабета II-ого типа у пациентов с клинически значимой редукцией ПТСР, однако некоторые биомаркеры не всегда нормализуются.

3. Соматически ориентированные вмешательства перспективны для улучшения некоторых биомаркеров, но доказательность пока ограничена малым количеством исследований.

4. Общепринятого интегрального индекса «телесного следа психотравмы» пока нет, а ближайшим аналогом является индекс аллостатической нагрузки. Разработка интегрального индекса, включающего психометрические и медицинские показатели, воспалительные маркеры, кардиометаболический профиль является задачей будущих исследований.

5. Разброс результатов проведенных исследований объясняется вкладом прямых биологических эффектов, множеством внешних и неучтенных факторов, разрозненностью типов и временем экспозиции психотравм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клинические рекомендации — Посттравматическое стрессовое расстройство — 2023-2024-2025 (28.02.2023) — УтвержденоМинздравом РФ.
2. Психические расстройства и расстройства поведения (F00 — F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / М-во здравоохранения Рос. Федерации, Рос. об-во психиатров. — Москва : [Б. и.], 1998. -292 с. — ISBN: 5-86002- 074-0с.
3. Elliot, A. J., Turiano, N. A., Infurna, F. J., Lachman, M. E., & Chapman, B. P. (2018). Lifetime trauma, perceived control, and all-cause mortality: Results from the Midlife in the United States Study. Health Psychology, 37(3), 262-270. https://doi.org/10.1037/hea0000585

4. Glover, D.A., Stuber, M., & Poland, R.E. (2006). Allostatic load in women with and without PTSD symptoms. Psychiatry, 69(3), 191-203. https://doi.org/10.1521/psyc.2006.69.3.191
5. Gradus, J. L., Farkas, D. K., Svensson, E., Ehrenstein, V., Lash, T. L., Milstein, A., Adler, N., Sørensen, H. T. (2015). Posttraumatic stress disorder and cancer risk: A nationwide cohort study. European Journal of Epidemiology, 30, -C. 563-568. https://doi.org/10.1007/s10654-015-0032-7
6. Kearney, B. E. The brain-body disconnect: A somatic sensory basis for trauma-related disorders / B. E. Kearney, R. A. Lanius. — Текст : электронный // Frontiers in Neuroscience. — 2022. — Т. 16. — The brain-body disconnect. — С. 1015749. — URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2022.1015749/full (дата обращения: 17.09.2025).
7. Koroglu, S. The impact of mind-body therapies on the mental health of women victims of violence: A meta-analysis / S. Koroglu, G. Durat. — Text : electronic // Archives of Women's Mental Health. — 2025. — Vol. 28. — The impact of mind-body therapies on the mental health of women victims of violence. — № 1. — C. 95-111. — URL: https://link.springer.com/10.1007/s00737-024-01484-8 (date accessed: 17.09.2025).
8. Learning from Hindsight: Examining Autonomic, Inflammatory, and Endocrine Stress Biomarkers and Mental Health in Healthy Terrorism Survivors Many Years Later / P. Tucker, B. Pfefferbaum, C. S. North [et al.]. — Text : electronic // Prehospital and Disaster Medicine. — 2024. — Vol. 39. — Learning from Hindsight. — № 5. — C. 335-343. — URL: https://www.cambridge.org/core/product/identifier/S1049023X24000360/type/journal_article (date accessed: 17.09.2025).
9. Mandagere, K., Stoy, S., Hammerle, N., Zapata, I., & Brooks, B. (2025). Systematic review and meta-analysis of post-traumatic stress disorder as a risk factor for multiple autoimmune diseases. Frontiers in Psychiatry, 16, 1523994. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2025.1523994
10. Multi-omic biomarker identification and validation for diagnosing warzone-related post-traumatic stress disorder / The PTSD Systems Biology Consortium, K. R. Dean, R. Hammamieh [et al.]. — Text : electronic // Molecular Psychiatry. — 2020. — Vol. 25. — № 12. — C. 3337-3349. — URL: https://www.nature.com/articles/s41380-019-0496-z (date accessed: 17.09.2025).
11. Nilaweera, D., Phyo, A. Z. Z., Teshale, A. B., Htun, H. L., Wrigglesworth, J., Gurvich, G., Freak-Poli, R., & Ryan, J. (2023). Lifetime posttraumatic stress disorder as a predictor of mortality: A systematic review and meta-analysis. BMC Psychiatry, 23, 229. https://doi.org/10.1186/s12888-023-04716-w
12. Padhi, B. K., Khatib, M. N., Serhan, H. A., Gaidhane, A. M., Rustagi, S., Zahiruddin, Q. S., Sharma, R. K., & Satapathy, P. (2024). Cardiovascular impact of post-traumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis. Current Problems in Cardiology, 49(8), 102632. https://doi.org/1-.1016/j.cpcardiol.2024.102632
13. Patel, J. Psychosomatics: Exploring the Role of the Mind-Body Connection in Causing Physical Illnesses / J. Patel, P. Patel, H. Vaghela. — Текст : электронный // Journal of Psychophysiology Practice and Research. — 2022. — Т. 1. — Psychosomatics. — № 1. — С. 1-6. — URL: https://openaccesspub.org/psychophysiology-practice-and-research/article/1846 (дата обращения: 17.09.2025).
14. Rosenbaum, S., Stubbs, B., Ward, P. B., Steel, Z., Lederman, O. & Vancampfort, D. (2015). The prevalence and risk of metabolic syndrome and its components among people with posttraumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis. Metabolism, 64(8), -C. 926-933. https://doi.org/10.1-16/j.metabol.2015.04.009
15. Somatic Experiencing for Posttraumatic Stress Disorder: A Randomized Controlled Outcome Study / D. Brom, Y. Stokar, C. Lawi [et al.]. — Text : electronic // Journal of Traumatic Stress. — 2017. — Vol. 30. — Somatic Experiencing for Posttraumatic Stress Disorder. — № 3. — C. 304-312. — URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jts.22189 (date accessed: 17.09.2025).
16. Thayer, Z., Barbosa-Leiker, C., McDonell, M., Nelson, L. A., Buchwald, D. S., & Manson, S. (2016). Early life trauma, post-traumatic stress disorder, and allostatic load in a sample of American Indian adults. American Journal of Human Biology, 29(3), e22943 https://doi.org/10.1002/ajhb.22943
17. van den Berk Clark, C., Kansara, V., Fedorova, M., Ju, T., Renirie, T., Lee, J., Kao, J., Opada, E. T., & Scherrer, J. F. (2022). How does PTSD treatment affect cardiovascular, diabetes and metabolic disease risk factors and outcomes? A systematic review. Journal of Psychosomatic Research, 157, 110793. https://doi.org/1-.1016/j.jpsychores.2022.110793
18. Vancampfort, D., Rosenbaum, S., Ward, P. B., Steel, Z., Lederman, O., Lamwaka, A. V., Richards, J. W., & Stubbs, B. (2016). Type 2 diabetes among people with posttraumatic stress disorder: Systematic review and meta-analysis. Psychosomatic Medicine, 78(4), 465-473. https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000297
19. Von Majewski, K. Peripheral inflammation over the course of a cognitive behavioral intervention in PTSD / K. Von Majewski, N. Rohleder, T. Ehring. — Text : electronic // Brain, Behavior, & Immunity — Health. —

2023. — Vol. 30. — C. 100620. — URL: https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S2666354623000340 (date accessed: 17.09.2025).

REFERENCES

1. Klinicheskie rekomendatsii — posttravmaticheskoe stressovoe rasstroistvo — 2023-2024-2025 [Clinical guidelines — post-traumatic stress disorder — 2023-2024-2025]. (2023, February 28). (Utverzhdeno Minzdravom RF [Approved by the Ministry of Health of the Russian Federation]).
2. Ministerstvo zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Health of the Russian Federation], & Rossiiskoe obshchestvo psikhiatrov [Russian Society of Psychiatrists]. (1998). Psikhicheskie rasstroistva i rasstroistva povedeniya (F00-F99). Klass V MKB-10, adaptirovannyi dlya ispolzovaniya v Rossiiskoi Federatsii [Mental and behavioural disorders (F00-F99). Class V of ICD-10, adapted for use in the Russian Federation]. [B. i.]. ISBN 5-86002-074-0.
3. Elliot, A. J., Turiano, N. A., Infurna, F. J., Lachman, M. E., & Chapman, B. P. (2018). Lifetime trauma, perceived control, and all-cause mortality: Results from the Midlife in the United States Study. Health Psychology, 37(3), 262-270. https://doi.org/10.1037/hea0000585
4. Glover, D. A., Stuber, M., & Poland, R. E. (2006). Allostatic load in women with and without PTSD symptoms. Psychiatry, 69(3), 191-203. https://doi.org/10.1521/psyc.2006.69.3.191
5. Gradus, J. L., Farkas, D. K., Svensson, E., Ehrenstein, V., Lash, T. L., Milstein, A., Adler, N., & Sørensen, H. T. (2015). Posttraumatic stress disorder and cancer risk: A nationwide cohort study. European Journal of Epidemiology, 30, 563-568. https://doi.org/10.1007/s10654-015-0032-7
6. Kearney, B. E., & Lanius, R. A. (2022). The brain-body disconnect: A somatic sensory basis for trauma-related disorders. Frontiers in Neuroscience, 16, 1015749. https://doi.org/10.3389/fnins.2022.1015749
7. Koroglu, S., & Durat, G. (2025). The impact of mind-body therapies on the mental health of women victims of violence: A meta-analysis. Archives of Women's Mental Health, 28(1), 95-111. https://doi.org/10.1007/s00737-024-01484-8
8. Tucker, P., Pfefferbaum, B., North, C. S., Zhao, Y. D., Nitiema, P., Zettl, R., & Jeon-Slaughter, H. (2024). Learning from hindsight: Examining autonomic, inflammatory, and endocrine stress biomarkers and mental health in healthy terrorism survivors many years later. Prehospital and Disaster Medicine, 39(5), 335-343. https://doi.org/10.1017/S1049023X24000360
9. Mandagere, K., Stoy, S., Hammerle, N., Zapata, I., & Brooks, B. (2025). Systematic review and meta-analysis of post-traumatic stress disorder as a risk factor for multiple autoimmune diseases. Frontiers in Psychiatry, 16, 1523994. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2025.1523994
10. The PTSD Systems Biology Consortium, Dean, K. R., Hammamieh, R., et al. (2020). Multi-omic biomarker identification and validation for diagnosing warzone-related post-traumatic stress disorder. Molecular Psychiatry, 25(12), 3337-3349. https://doi.org/10.1038/s41380-019-0496-z
11. Nilaweera, D., Phyo, A. Z. Z., Teshale, A. B., Htun, H. L., Wrigglesworth, J., Gurvich, C., Freak-Poli, R., & Ryan, J. (2023). Lifetime posttraumatic stress disorder as a predictor of mortality: A systematic review and meta-analysis. BMC Psychiatry, 23, 229. https://doi.org/10.1186/s12888-023-04716-w
12. Padhi, B. K., Khatib, M. N., Serhan, H. A., Gaidhane, A. M., Rustagi, S., Zahiruddin, Q. S., Sharma, R. K., & Satapathy, P. (2024). Cardiovascular impact of post-traumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis. Current Problems in Cardiology, 49(8), 102632. https://doi.org/10.1016/j.cpcardiol.2024.102632
13. Patel, J. Patel, P., & Vaghela, H. (2022). Psychosomatics: Exploring the role of the mind-body connection in causing physical illnesses. Journal of Psychophysiology Practice and Research, 1(1), 1-6. https://openaccesspub.org/psychophysiology-practice-and-research/article/1846
14. Rosenbaum, S., Stubbs, B., Ward, P. B., Steel, Z., Lederman, O., & Vancampfort, D. (2015). The prevalence and risk of metabolic syndrome and its components among people with posttraumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis. Metabolism, 64(8), 926-933. https://doi.org/10.1016/j.metabol.2015.04.009
15. Brom, D., Stokar, Y., Lawi, C., Nuriel-Porat, V., Ziv, Y., Lerner, K., & Ross, G. (2017). Somatic experiencing for posttraumatic stress disorder: A randomized controlled outcome study. Journal of Traumatic Stress, 30(3), 304-312. https://doi.org/10.1002/jts.22189
16. Thayer, Z., Barbosa-Leiker, C., McDonell, M., Nelson, L. A., Buchwald, D. S., & Manson, S. (2016). Early life trauma, post-traumatic stress disorder, and allostatic load in a sample of American Indian adults. American Journal of Human Biology, 29(3), e22943. https://doi.org/10.1002/ajhb.22943
17. van den Berk Clark, C., Kansara, V., Fedorova, M., Ju, T., Renirie, T., Lee, J., Kao, J., Opada, E. T., & Scherrer, J. F. (2022). How does PTSD treatment affect cardiovascular, diabetes and metabolic disease risk factors and outcomes? A systematic review. Journal of Psychosomatic Research, 157, 110793. https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2022.110793

18. Vancampfort, D., Rosenbaum, S., Ward, P. B., Steel, Z., Lederman, O., Lamwaka, A. V., Richards, J. W., & Stubbs, B. (2016). Type 2 diabetes among people with posttraumatic stress disorder: Systematic review and meta-analysis. Psychosomatic Medicine, 78(4), 465-473. https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000297
19. von Majewski, K., Rohleder, N., & Ehring, T. (2023). Peripheral inflammation over the course of a cognitive behavioral intervention in PTSD. Brain, Behavior, & Immunity — Health, 30, 100620. https://doi.org/10.1016/j.bbih.2023.100620

Поступила в редакцию 11.03.2026 г.

IMPACT OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA ON BODY OF ADULT
Drozdov A.E.

This paper addresses the psychological trauma influence on the physical health of adults. The study covers the period from 2015 to 2025. It has been found out that psychological trauma leaves objective "bodily traces" such as dysregulation of the hypothalamic-pituitary-adrenal (HPA) axis, nervous system disturbances, chronic inflammatory processes, and increased allostatic load. The most strongly associated outcomes are cardiometabolic and functional somatic conditions. Trauma-focused therapies reduce symptoms but do not always normalize biomarkers. Currently, there is no universal integrated index for assessing the physical consequences of psychological trauma, which highlights the need for further research in this area. The results stress the importance of a comprehensive approach to prevention and treatment of traumatic events in adults. The creation of an integrative assessment tool remains a promising area for future investigation.

Keywords: psychological trauma, PTSD, psychosomatics, biomarkers, bodily trace of psychotrauma, functional health impairments.

Дроздов Артем Евгеньевич.
Кандидат психологических наук, доцент.
Северодонецкий технологический институт Луганского государственного университета имени Владимира Даля, Российская Федерация, г. Северодонецк.
Доцент кафедры социально-гуманитарных наук.
ORCID 0009-0001-6095-7184.
E-mail: Artem.Drozdov@inbox.ru.

Drozdov Artem Evgenevich .
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Severodonetsk Technological Institute.
Lugansk State University named after V. Dahl, Russian Federation, Severodonetsk.
Associate Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department.
ORCID 0009-0001-6095-7184.
E-mail: Artem.Drozdov@inbox.ru.

Научная статья
УДК 159.9.07
DOI: 10.5281/zenodo.21129311

ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ С НОРМАЛЬНЫМ И ПАТОЛОГИЧЕСКИМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМОМ

© 2026 *Т. И. Куликова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет имени Л .Н. Толстого»
ORCID: 0000-0001-8655-1599

Период обучения в вузе характеризуется значительными изменениями в личностном развитии студентов, прежде всего, обретением самостоятельности, формированием собственных взглядов на мир, осознанием высших ценностей, стремлением к самореализации и достижению успеха в учебно-профессиональной и межличностной сферах. Это может способствовать развитию перфекционизма. Стремление молодых людей соответствовать строгим стандартам может провоцировать состояние стресса, тревоги, негативно влиять на самооценку и уверенность в своих способностях. Целью нашего исследования стало выявление преобладающих копинг-стратегий студентов с разными видами перфекционизма (нормальным и патологическим). Эмпирическую выборку составили студенты педагогического вуза в количестве 61 человек в возрасте от 18 до 23 лет. В качестве диагностического материала были применены трехфакторный опросник перфекционизма, краткий дифференциальный тест перфекционизма и опросник «Стратегии совладающего поведения». Сбор данных проводился с использованием статистической обработки в программе StatSoft Аналист Версия 2,5 и применением метода корреляции Пирсона. Полученные в результате корреляционного анализа данные подтверждают нашу гипотезу о том, что существуют статистически значимые корреляционные связи между видами перфекционизма и копинг-стратегиями.

Ключевые слова: перфекционизм, нормальный перфекционизм, патологический перфекционизм, копинг-стратегии, студенты.

Для цитирования: Куликова Т. И. Преобладающие копинг-стратегии студентов с нормальным и патологическим перфекционизмом / Т. И. Куликова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 299–309. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129311.

Введение

Современный этап развития общества с точки зрения его психологического состояния можно характеризовать как эмоционально насыщенное и неустойчивое, что обусловлено высокой динамикой жизни, высоким уровнем конкуренции не только в профессиональной сфере, но и в учебной деятельности, и в обыденной жизни. Высокие стандарты устанавливают к уровню профессионализма, образовательным результатам, к качеству жизни. Качество жизни определяется эффективностью всех сфер жизнедеятельности человека, включая уровень удовлетворения базовых и социальных потребностей, уровень развития личности и т.д. С раннего детства ребенок стремится соответствовать стандартам, заданным его родителями, учителями, сверстниками. Замечено, что формирование перфекционизма — стремление к безупречности, убежденность в необходимости все делать идеально — происходит уже в детском возрасте под влиянием семейного воспитания [2]. Развитию перфекционизма среди молодежи во многом способствует система образования — престижные учебные заведения, высокие академические показатели, баллы по результатам ЕГЭ, достижения в олимпиадах и конкурсах [14]. Помимо усиления культа образовательного успеха, следует отметить и важную роль социальных сетей, которые «создают у молодых людей

иллюзию возможности быть совершенными во всех отношениях — от образа жизни и внешнего вида до социальных достижений» [21] В результате молодые люди вынуждены ставить перед собой высокие цели, предъявлять к себе завышенные требования, порой просто недостижимые [8; 20].

В последнее время проявляется повышенный интерес исследователей к феномену перфекционизма в студенческом возрасте. В период обучения в вузе жизнь студентов часто наполнена различными событиями. Изменения, происходящие в студенческом возрасте, характеризуются тем, что молодые люди обретают самостоятельность, формируют собственное мировоззрение, ориентированы на будущее и осознание высших ценностей, стремятся к самореализации и развитию в учебно-профессиональной и межличностной сферах. При этом стремление к самоутверждению также может способствовать появлению перфекционизма.

Зарубежные исследователи, изучая феномен перфекционизма, чаще всего рассматривают его через призму психического здоровья и психологического благополучия. Так, ученые Института Психологии Опольского Университета установили, что студенты часто устанавливают для себя высокие стандарты и стремятся достичь наилучших результатов в учебе, науке и во всех остальных сферах академической жизни [23]. Заданные высокие стандарты зачастую ассоциируются у студентов именно с качеством обучения. К сожалению, такая высокая степень ответственности студентов за достижение поставленных учебных целей зачастую создает немало негативных эффектов в области психического здоровья. Результаты проведенных исследований показывают, что высокий уровень перфекционизма провоцирует более высокий уровень депрессии, тревоги, враждебности и высокий уровень чувства безнадежности.

Aryani F.X. et all пришли к выводу, что стремление к совершенству является фактором, который серьезно угрожает психическому здоровью и психологическому благополучию. Семьдесят процентов молодых людей испытывают проблемы с психическим здоровьем из-за того, что предъявляют к себе слишком высокие требования [22]. Это напрямую связано с перфекционизмом. Перфекционизм – это невротическая черта личности, связанная со стремлением не совершать ошибок. Чрезмерный перфекционизм заставляет людей чувствовать, что они должны быть идеальными во всех аспектах жизни. Все чаще приходится обращаться к проблеме перфекционизма, поскольку результаты исследований показывают, что за последние десятилетия наблюдается рост индивидуального перфекционизма. В настоящее время молодые люди сталкиваются с более жесткой конкуренцией, имеют нереалистичные ожидания, становятся более тревожны и находятся под большим контролем родителей, чем предыдущие поколения.

Взгляды зарубежных исследователей разделяют и отечественные ученые. В частности И.М. Рюмина считает, что перфекционизм в студенчестве выражается в предъявлении повышенных требований студента по отношению к себе (своей личности) и окружающим в учебно-профессиональной деятельности, преувеличении требований по отношению к себе со стороны других людей [18]. Перфекционизм представляет собой устойчивый стиль личности, для которого, по мнению Е.А. Соколович, характерны чрезмерно высокие требования, направленные на себя и окружающих, и нетерпимость к ошибкам [19]. Некоторые авторы связывают проявления перфекционизма с высокой конкурентностью в студенческой среде. По убеждению Н.Г. Гаранян с соавторами, «последние поколения студентов ощущают более сильное „принуждение к

совершенству“ со стороны других людей и проявляют большую требовательность по отношению к ним и к себе» [4, с.11].

Мы разделяем точку зрения Д.Г. Одинец в том, что период студенчества является сензитивным для проявления перфекционистских установок. Автор обосновывает свою позицию не только возрастными особенностями молодых людей, но и влиянием социокультурных факторов среды [15], таких как высокий уровень благополучия, перспективы продвижения по карьерной лестнице, социальный статус, самореализация. Заданные обществом «достиженческие» ориентиры формируют у сегодняшней молодежи перфекционистские установки. Однако по убеждению В.В. Парамоновой, «перфекционизм может пониматься как потенциальная сила, способная породить интенсивную фрустрацию и полное бессилие или же невероятную удовлетворенность собственной деятельностью и творческие достижения на новой ступени личностного развития, — в зависимости от направленности этой силы и качества черт личностного стиля, этой силе сопутствующих» [16, с. 65]. Обращение к проблеме взаимосвязи психологического благополучия, смысла жизни и перфекционизма мы находим в работах В.А. Бордовского, А.А. Махровой и М.В. Даниловой [3; 12]. Авторами было выявлено наличие взаимосвязей показателей перфекционизма и смысложизненных ориентаций в разных группах респондентов. Многие современные исследователи подчеркивают связь перфекционизма с проявлением высокого уровня тревоги и депрессии у студентов, что обусловлено значительными стрессовыми нагрузками и негативными переживаниями по поводу тщетных усилий по воплощению своего идеального образа Я в реальный [6; 11].

Устранению или хотя бы уменьшению воздействия стресса может способствовать выбор правильного копинг-поведения, основной задачей которого является обеспечение и поддержание психоэмоционального благополучия человека, его психологического и физического здоровья. В психологической литературе понятие «копинг» рассматривается в различных трактовках: 1) как средство психологической защиты; 2) как определенная реакция на стрессовые события; 3) как столкновение человека с внешним миром. По определению С.К. Нартовой-Бочавер «психологическое предназначение coping состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и таким образом погасить стрессовое действие ситуации» [13, с. 21]. Р. Лазарус. и С. Фолкман определяли копинг-стратегии, исходя из оценки усилий (когнитивных, поведенческих и эмоциональных), предпринимающих человеком «для устранения внешних или внутренних противоречий» [1]. Способность человека успешно справляться со стрессом, снижать степень его негативных последствий является важным личным навыком в условиях современной нестабильности. Необходимо научиться принимать решения на основе ценностей, убеждений, смыслов и жизненных установок.

Ранее в нашем исследовании связи между смысложизненными ориентациями и копинг-стратегиями в разновозрастных группах студентов-девушек было установлено, что «низкие значения показателей структурных компонентов смысложизненных ориентаций обусловливают выбор непродуктивных копинг-стратегий, тогда как средние и высокие значения определяют продуктивные поведенческие стратегии» [9, с. 54]. В исследовании Ю.А. Рокицкой и Г.Ю. Гольевой установлено, что «копинг-стратегии могут выступать дифференциальным критерием нормативности перфекционизма: нормальному перфекционизму соответствует умеренная мобилизация копинг-ресурсов с преобладанием активных копинг-стратегий, патологическому перфекционизму

свойственна "сверхмобилизация" копинг-ресурсов с преобладанием избегающих копинг-стратегий, прокрастинации и социального избегания» [17, с. 371].

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи между перфекционизмом и стилями совладания и выявление преобладающих копинг-стратегий студентов с разными видами перфекционизма. Задачи исследования: выявить уровень и виды перфекционизма у студентов; определить степень предпочтительности копинг-стратегий у студентов; установить связь между видом перфекционизма студентов и преобладающими копинг-стратегиями. Мы предположили, что существуют статистически значимые корреляционные связи между видами перфекционизма и копинг-стратегиями у студентов.

Материалы и методы исследования

Для организации и проведения эмпирического исследования, направленного на определение выраженности видов перфекционизма и преобладающих копинг-стратегий, была сформирована эмпирическая выборка (n=61) из числа студентов от 18 до 23 лет. Цель, гипотеза и задачи исследования определили выбор диагностического инструментария. Всем участникам исследования были предложены трехфакторный опросник перфекционизма (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева) [5], краткий дифференциальный тест перфекционизма (А.А. Золотарева) [7] и опросник «Стратегии совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк) [10]. Трехфакторный опросник перфекционизма направлен на выявление общего уровня выраженности перфекционизма и его структурных компонентов. Краткий дифференциальный тест перфекционизма применяется для проведения экспресс-диагностики с целью выявления показателей нормального и патологического перфекционизма. Опросник «Стратегии совладающего поведения» (WSQ) позволяет определить предпочтения студентов в стратегиях совладающего поведения. Процедура тестирования осуществлялась в режиме онлайн на основе добровольного участия и условия анонимности.

Сбор данных проводился с использованием приложения Excel с дальнейшей статистической обработкой в программе StatSoft Аналист Версия 2,5. Данная программа является отечественным программным продуктом нового поколения для анализа данных, в т.ч. визуализации, прогнозирования и т.д. Для статистического анализа применялись метод описательной статистики для систематизации, обобщения и визуализации количественных данных, метод корреляционного анализа Пирсона (r-Pearson) для определения линейной связи между переменными и графический метод представления статистических данных для наглядного отображения результатов.

Результаты и обсуждение

На первом этапе нашего исследования была осуществлена диагностика с применением краткого дифференциального теста перфекционизма (А.А. Золотарева). В результате проведения диагностики полученные результаты были сведены к компактным и понятным данным методом графического описательного анализа результатов всей выборки (n=61) данным, удобным для интерпретации, определения однородности, выявления возможных ошибок и т.д.

Проведенный первичный описательный анализ результатов, полученных в ходе исследования, позволяет сделать вывод о стабильности величин исследуемых показателей. Значения среднего и медианы близки, что является признаком симметричного распределения. Значения показателей асимметрии (As) и эксцесс (Ek) находятся в диапазоне от -1 до +1 практически у всех показателей, следовательно, распределение значений соответствует нормальному закону или несильно отклоняется от него. Графически результаты описательного анализа представлены на рисунке 1 и рисунке 2.

Описательная статистика		
Среднее		32,15
95% Доверительный интервал для среднего	Нижняя граница	30,0
	Верхняя граница	37,0
Медиана		35,0
Дисперсия		61,4
Стандартное отклонение		7,8
Минимум		11,0
Максимум		44,0
Асимметрия		0,003
Эксцесс		0,32

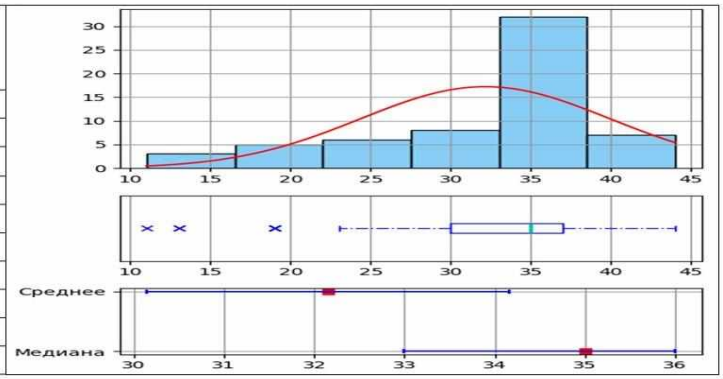

Рис. 1. Описательный график нормального перфекционизма

Описательная статистика		
Среднее		27,15
95% Доверительный интервал для среднего	Нижняя граница	22,0
	Верхняя граница	31,0
Медиана		26,0
Дисперсия		49,3
Стандартное отклонение		7,0
Минимум		12,0
Максимум		42,0
Асимметрия		0,78
Эксцесс		0,89

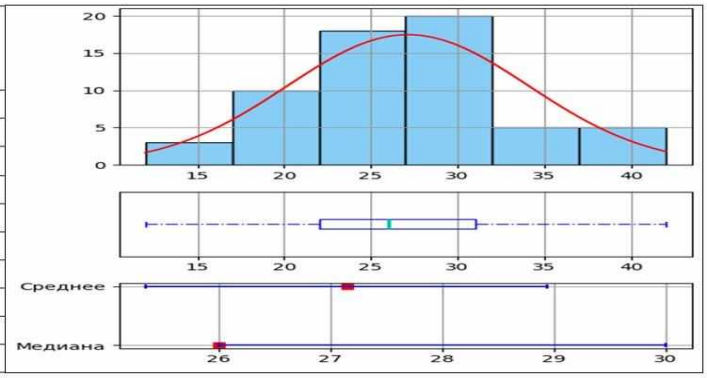

Рис. 2. Описательный график патологического перфекционизма

Применив трехфакторный опросник перфекционизма (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева) мы определили общий уровень выраженности перфекционизма и его структурные компоненты. В результате теоретического анализа мы определили, что нормальный и патологический перфекционизм по-разному отражаются на выраженности общего уровня перфекционизма, что обусловливает переход от положительной мотивации к достижению и саморазвитию к болезненной фиксации на идеальном образе Я. Определяя различия между нормальным перфекционизмом и патологическим перфекционизмом, зарубежные исследователи утверждают, что нормальный перфекционизм проявляется в зависимости от актуальности цели и ее социокультурной ценности; следовательно, он избирателен и гибок. Напротив, патологический перфекционизм состоит из обязательного стремления к качеству исполнения деятельности, которое не требуется обстоятельствами и носит своеобразный характер, т.е. патологический перфекционизм переживается с точки зрения личных обязательств и сохраняет идентифицируемую культурную цель [24].

Для установления тесноты связей между структурными компонентами и видами перфекционизма был применен коэффициент корреляции Пирсона. Уровни значимых корреляций приведены в таблице 1.

Таблица 1. Корреляционные связи структурных компонентов и типов перфекционизма

Название шкалы	**Озабоченность оценками со стороны других**	**Высокие стандарты**	**Негативное селектирование**	**Общий перфекционизм**
Нормальный перфекционизм	-,524***	,225*	-,546***	-,422***
Патологический перфекционизм	,528***	,444***	,550***	,590***

*Примечание: *p<0.05, **p<0.01, ***p<0.001*

Анализ корреляционных связей структурных компонентов и типов перфекционизма (Табл. 1) позволяет определить силу взаимосвязи показателей общего уровня перфекционизма с нормальным и патологическим типами.

По результатам корреляционного анализа можно сделать следующие выводы:

1) выявлены обратные значимые связи между нормальным типом перфекционизма и его интегрированным показателем (r= -,422). Также наблюдаются обратные значимые связи со структурными компонентами «озабоченность оценками со стороны других» (r= -,524) и «негативное селектирование» (r= -,546). Наличие обратных значимых корреляций свидетельствует о том, что для гармоничного личностного развития необходимо ориентироваться на реалистичные и разумные цели, уметь дифференцировать важные и незначимые дела, адекватно оценивать себя, свои способности и возможности. Человек с нормальным типом перфекционизма способен принимать свои неудачи и ошибки как определенный опыт без преувеличения неуспеха и, более того, без ожидания будущих проблем.

2) выявлены прямые значимые связи между патологическим типом перфекционизма и его интегрированным показателем (r=,590), а также со всеми структурными компонентами перфекционизма: «озабоченность оценками со стороны других» (r=,528), «высокие стандарты» (r=,444), «негативное селектирование» (r=,550). Для человека с паталогическим типом перфекционизма характерны установки на стремление к совершенству как самого себя, так и окружающих и выраженная восприимчивость к любой форме критики. Патологические перфекционисты склонны концентрироваться на ошибках, углубляясь в анализ даже мелких недочетов. Они слишком катастрофичны при оценке своих способностей и особенно последствий ошибок. Любые негативные события, происходящие в их жизни, вызывают у них тревогу, стыд и чувство вины.

Следующий этап исследования предполагал определение предпочтений студентов в стратегиях совладающего поведения с применением опросника «Способы совладающего поведения» (WSQ) Лазаруса. Согласно обработке результатов по Вассерману, степень предпочтительности копинг-стратегий для студентов соответствует умеренному уровню, т.е. определена в пределах 40 ≤ 60 баллов.

С целью выявления преобладающих копинг-стратегий студентов с нормальным и патологическим перфекционизмом мы применили метод корреляционного анализа Пирсона. В таблице 2 представлены значимые корреляционные связи видов перфекционизма и копинг-стратегий студентов.

Таблица 2. Корреляционные связи копинг-стратегий и видов перфекционизма

Виды перфекционизма	**Копинг-стратегии**							
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
Нормальный перфекционизм	-,347**	,281*			,389**		,445**	
Патологический перфекционизм	,549***	-,347**	,268*			,263*		-,409**

*Примечание: *p<0.05, **p<0.01, ***p<0.001*

Цифрами обозначены копинг-стратегии: 1 — конфронтация; 2 — дистанцирование; 3 — самоконтроль; 4 - поиск социальной поддержки; 5 - принятие ответственности; 6 — избегание; 7 - планирование принятия решения; 8 - положительная переоценка.

Полученные данные показывают, что различные виды перфекционизма по-разному связаны с копинг-стратегиями. Анализ корреляционных связей (таблица 2) позволяет сделать следующие выводы:

1) выявлены значимые связи на уровне $**p<0.01$ между нормальным перфекционизмом и копинг-стратегиями: конфронтация (r=-,347), принятие ответственности (r=,389), планирование принятия решения (r=,445); на уровне $*p<0.05$ между нормальным перфекционизмом и дистанцированием (r=,281). Таким образом, для студентов с нормальным перфекционизмом характерна демонстрация активного противостояния трудностям, они способны принимать свои неудачи и ошибки как определенный опыт без преувеличения неуспеха и, более того, без ожидания будущих проблем. При этом могут сознательно снизить степень значимости трудноразрешимых ситуаций, чтобы сохранить эмоциональное равновесие;

2) выявлены значимые связи между патологическим перфекционизмом и копинг-стратегиями: конфронтация (r=,549), положительная переоценка (r=-,409), дистанцирование (r=-,347), самоконтроль (r=,268) и избегание (r=,263). Данные результаты позволяют констатировать, что студенты с патологическим перфекционизмом, прибегая к конфронтации, зачастую не способны регулировать свое поведение в трудноразрешимой ситуации и склонны к импульсивности и даже выражению враждебности. Стратегия положительной переоценки и стратегия дистанцирования у студентов с патологическим перфекционизмом выражаются в недооценке своих возможностей для решения проблемных ситуаций и даже обесценивании собственных переживаний. При патологическом перфекционизме очевидно проявление сверхконтроля за своим поведением, но столкнувшись с трудностями, студенты могут просто уклониться от реальной проблемы или вовсе отрицать ее.

Полученные в результате корреляционного анализа данные подтверждают нашу гипотезу о том, что существуют статистически значимые корреляционные связи между видами перфекционизма и копинг-стратегиями. Студенты с нормальным перфекционизмом ориентированы на активный копинг, сознательное преодоление сложных ситуаций, поиск положительных сторон возникающих проблем. Студенты с патологическим перфекционизмом склонны предъявлять к себе повышенные требования, но при этом могут просто уходить от проблем, чтобы избежать ошибок и снизить степень переживания.

Заключение

Современное молодое поколение характеризуется способностью определять свой собственный стиль жизни и поведения, действовать на основе собственных убеждений и своей системы ценностей. Отличительными чертами молодых людей становятся самодетерминация, самосовершенствование и самореализация. К сожалению, стремление к совершенству иногда приобретает гиперболизированный характер и может стать причиной психического неблагополучия.

Нормальный, или позитивный, перфекционизм относится к поведению и осознанию тех студентов, кто считает, что их цель – добиться успеха на высоком уровне и они готовы продвигаться к достижению положительных результатов. Патологический, или негативный, перфекционизм относится к когнитивным установкам и стилю поведения, которые также направлены на достижение высокого уровня успеха и прогресса, но с целью избегания негативных последствий. Это означает, что перфекционизм может оказывать не только негативное, но и положительное влияние на психическое здоровье.

Нормальный перфекционизм представляет выраженность позитивных сторон стремления к совершенству, таких как самоактуализация, доброжелательность, добросовестность, открытость опыту, ответственность, переживание удовольствия от

деятельности, позитивной самооценкой, самоэффективностью. Патологический перфекционизм представляет выраженность негативных сторон стремления к совершенству, таких как эмоциональная дезадаптация, иррациональное мышление, прокрастинация, склонность к самокритике, самообвинению и обвинению других.

Актуальность проблемы перфекционизма и поведенческих стратегий совладания с трудностями в студенчестве обусловлена особенностями возрастного развития в данный период, особой чувствительностью к влиянию социокультурных факторов среды, требованиям социума к высокоразвитым личностным, интеллектуальным и профессиональным качествам студенческой молодежи. Молодые люди, владеющие различными стратегиями совладания, уверены в своей способности превратить жизненный опыт в интересные и значимые вещи. В результате, вместо того чтобы спасаться от жизненных трудностей, они вовлекаются в различные аспекты жизни, такие как работа, семья и межличностные отношения.

Результаты исследования могут быть использованы для проведения профилактической работы, направленной на формирование реалистичного образа своей личности, своих способностей и возможностей, а также для оказания психологической помощи студентам с характерными проявлениями патологического перфекционизма и дезадаптивными стратегиями поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берг О.Ф. Психологические механизмы копинг-стратегий: адаптация в условиях стресса и неопределенности / О.Ф. Берг // International Journal of Medicine and Psychology. — 2025. — Т. 8. — № 3. — С. 152–158
2. Бескова Т.В. Гендерные особенности влияния перфекционизма на субъективное благополучие личности / Т.В. Бескова // Психология и психотехника. — 2016. — № 6 (93). — С. 510-516.
3. Бордовский В.А. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и перфекционизма в структуре личностных особенностей субъекта помогающих профессий / В.А. Бордовский // Человек. Сообщество. Управление. — 2013. — №2. — С. 92–100.
4. Гаранян Н.Г. Перфекционизм, зависть и конкурентные установки в студенческой среде / Н.Г. Гаранян, А.Ю. Клыкова, М.Г. Сорокова // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т.26. — № 2. — С. 7–32. https://doi.org/10.17759/cpp.2018260202
5. Гаранян Н.Г. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии / Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева // Консультативная психология и психотерапия. — 2018. — Т. 26. — № 3. — С. 8–32. DOI: 10.17759/cpp.2018260302
6. Золотарева А.А. Перфекционизм в структуре саморегуляции личности / А.А. Золотарева // Психология и психотехника. — 2012. — № 3 (42). — С. 59–68.
7. Золотарева А.А. Краткий дифференциальный тест перфекционизма: проверка кросс-культурной устойчивости факторной структуры и психометрических характеристик / А.А. Золотарева // Культурно-историческая психология. — 2018. — № 14(1). — С. 107–115. https://doi.org/10.17759/chp.2018140112
8. Исмаил И.В. Обзор теорий перфекционизма / И.В. Исмаил // Научный лидер. — 2025. — № 19(220). — С. 83–89.
9. Куликова Т.И. Исследование взаимосвязи смысложизненных ориентаций и копинга в разновозрастных группах студентов-девушек / Т.И. Куликова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика и психология. — 2023. — № 3(54). — С. 53–60.
10. Крюкова Т.Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк // Журнал практического психолога. — 2007. — № 3. — С. 93–112.
11. Ларских М.В. Психолого-педагогическая концепция формирования конструктивного перфекционизма студента / М.В. Ларских – Автореф. дис. … д. психол. наук. — Самара, 2017. — 48 с.
12. Махрова А.А. Взаимосвязь психологического благополучия и перфекционизма у студентов высших учебных заведений / А.А. Махрова, М.В. Данилова // Вестник Омского университета. Серия «Психология». — 2025. — № 2. — С. 105–114.
13. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. — 2007. — Т. 18. — № 5. — С. 20–30.

14. Новгородова Е.Ф. Сравнительный анализ перфекционизма молодых людей, обучающихся в учреждениях разного профессионального уровня / Е.Ф. Новгородова // Человек и образование. — 2015. — № 3(44). — С. 211–216.
15. Одинец Д.Г. Проявление перфекционизма у студентов разных специальностей / Д.Г. Одинец // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Образование. Педагогика. — 2023. — Вып. 48(118). — С. 125-128
16. Парамонова В.В. Высшие устремления личности: перфекционизм как патологический феномен / В.В. Парамонова // Развитие личности. — 2009. — № 1. — С. 64–78.
17. Рокицкая Ю.А. Исследование взаимосвязи перфекционизма с копинг-поведением подростков / Ю.А. Рокицкая, Г.Ю. Гольева // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. — 2021. — № 9(199). — С. 369–374.
18. Рюмина И.М. Исследование характеристик перфекционизма студентов с разным уровнем социально-психологической адаптации / И.М. Рюмина // Современные проблемы науки и образования. — 2017. — № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=26255 (дата обращения: 02.02.2026).
19. Соколович Е.А. Личностные детерминанты перфекционизма в период ранней взрослости / Е.А. Соколович – Автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01. — БГУ М., 2021. — 29 с.
20. Тарасова Л.Е. Перфекционизм в контексте субъективного благополучия личности / Л.Е. Тарасова // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2021. — № 4(194). — С. 520–525.
21. Холмогорова А.Б. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян, Т.О. Цацулин // Культурно историческая психология. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 41–50. doi: 10.17759/chp. 2019150305
22. Aryani, F.X., Koesma, R.E., Zamralita. (2020). The Role of Perfectionism Dimensions to Psychological Well-Being in First Year Students with Stress as a Mediator. *Proceedings of the Tarumanagara International Conference on the Applications of Social Sciences and Humanities (TICASH 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 439, 612–621.
23. Słodkowska, J., Bokszczanin, A. (2012). Perfekcjonizm i stres a dobrostan psychiczny studentów uczelni wyższych. Testowanie modelu mediacyjnego. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Psychologica*, (16), 3-11. https://doi.org/10.18778/1427-969X.16.01
24. Todorov, C., Bazinet, A. (1996). Le perfectionnisme: Aspects conceptuels et cliniques. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 41(5), 291-298. doi:10.1177/070674379604100506

REFERENCES

1. Berg, O.F. (2025). Psikhologicheskie mekhanizmy koping-strategii: adaptatsiya v usloviyakh stressa i neopredelennosti [Psychological Mechanisms of Coping Strategies: Adaptation in Stressful and Uncertain Situations]. International Journal of Medicine and Psychology, 8(3), 152–158. (In Russian).
2. Beskova, T.V. (2016). Gendernye osobennosti vliyaniya perfektsionizma na sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti [Gender Features of the Influence of Perfectionism on the Subjective Well-Being of an Individual]. Psychology and Psychotechnics, 6(93), 510–516. (In Russian).
3. Bordovsky, V.A. (2013). Vzaimosvyaz' smyslozhiznennykh orientatsii i perfektsionizma v strukture lichnostnykh osobennostei sub"ekta pomogayushchikh professii [The Relationship Between Life-Meaning Orientations and Perfectionism in the Structure of Personality Traits of Helping Professions]. Human. Community, Management, 2, 92-100. (In Russian).
4. Garanyan, N.G., Klykova, A.Yu., Sorokova M.G. (2018). Perfektsionizm, zavist' i konkurentnye ustanovki v studencheskoi srede [Perfectionism, Envy, and Competitive Attitudes in the Student Environment]. Consultative Psychology and Psychotherapy, 26, 2, 7–32. (In Russian).
5. Garanyan, N.G., Kholmogorova, A.B., Yudeeva T.Yu. (2018). Faktornaya struktura i psikhometricheskie pokazateli oprosnika perfektsionizma: razrabotka trekhfaktornoi versii [Factor Structure and Psychometric Indicators of the Perfectionism Questionnaire: Development of a Three-Factor Version]. Consultative Psychology and Psychotherapy, 26, 3, 8–32. (In Russian).
6. Zolotareva, A.A. (2012). Perfektsionizm v strukture samoregulyatsii lichnosti [Perfectionism in the structure of personality self-regulation]. Psychology and Psychotechnics, 3(42), 59–68. (In Russian).
7. Zolotareva, A.A. (2018). Kratkii differentsial'nyi test perfektsionizma: proverka kross-kul'turnoi ustoichivosti faktornoi struktury i psikhometricheskikh kharakteristik [Brief differential test of perfectionism: verification of cross-cultural stability of factorial structure and psychometric properties]. Cultural-Historical Psychology, 14(1), 107–115. (In Russian).

8. Ismail, I.V. (2025). Obzor teorii perfektsionizma [Review of perfectionism theories]. Scientific Leader, 19(220), 83–89. (In Russian).
9. Kulikova, T.I. (2023). Issledovanie vzaimosvyazi smyslozhiznennykh orientatsii i kopinga v raznovozrastnykh gruppakh studentov-devushek [Study of the relationship between life-meaning orientations and coping in different-age groups of female students]. Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy and Psychology, 3(54), 53–60. (In Russian).
10. Kryukova, T.L., Kuftyak E.V. (2007). Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ) [Coping Strategies Questionnaire (adaptation of the WCQ method)]. Journal of Practical Psychologist, 3, 93–112. (In Russian).
11. Larskikh, M.V. (2017). Psikhologo-pedagogicheskaya kontseptsiya formirovaniya konstruktivnogo perfektsionizma studenta [Psychological and pedagogical concept of forming constructive perfectionism in students]. (Thesis of the dissertation … Doctor of Psychological Sciences). Samara. (In Russian).
12. Makhrova, A.A., Danilova M.V. (2025). Vzaimosvyaz' psikhologicheskogo blagopoluchiya i perfektsionizma u studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [The relationship between psychological well-being and perfectionism in university students]. Bulletin of Omsk University. Series "Psychology", 2, 105–114. (In Russian).
13. Nartova-Bochaver, S.K. (2007). «Coping behavior» v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti ["Coping behavior" in the system of personality psychology concepts]. Psychological Journal, 18, 5, 20–30. (In Russian).
14. Novgorodova, E.F. (2015). Sravnitel'nyi analiz perfektsionizma molodykh lyudei, obuchayushchikhsya v uchrezhdeniyakh raznogo professional'nogo urovnya [Comparative Analysis of Perfectionism in Young People Studying at Institutions of Different Professional Levels]. Man and Education, 3(44), 211–216. (In Russian).
15. Odinets, D.G. (2023). Proyavlenie perfektsionizma u studentov raznykh spetsial'nostei [Manifestation of Perfectionism in Students of Different Specialties]. Electronic Collection of Works of Young Specialists of the Polotsk State University Named After Euphrosyne of Polotsk. Education. Pedagogy, 48(118), 125–128. (In Russian).
16. Paramonova, V.V. (2009). Vysshie ustremleniya lichnosti: perfektsionizm kak patologicheskii fenomen [The Highest Aspirations of the Individual: Perfectionism as a Pathological Phenomenon]. Personality development, 1, 64–78. (In Russian).
17. Rokitskaya, Yu.A., Golyeva G.Yu. (2021). Issledovanie vzaimosvyazi perfektsionizma s koping-povedeniem podrostkov [Study of the Relationship Between Perfectionism and Coping Behavior in Adolescents]. Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University, 9(199), 369–374. (In Russian).
18. Ryumina, I.M. (2017). Issledovanie kharakteristik perfektsionizma studentov s raznym urovnem sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii [Study of Perfectionism Characteristics in Students with Different Levels of Socio-Psychological Adaptation]. Modern Problems of Science and Education, 2 [Electronic resource]. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=26255 (accessed: 02.02.2026). (In Russian).
19. Sokolovich, E.A. (2021). Lichnostnye determinanty perfektsionizma v period rannei vzroslosti [Personal Determinants of Perfectionism in Early Adulthood]. (Thesis of the dissertation ... for the degree of Candidate of Psychological Sciences). BSU, Moscow. (In Russian).
20. Tarasova, L.E. (2021). Perfektsionizm v kontekste sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Perfectionism in the Context of Subjective Well-Being of the Individual]. Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University, 4(194), 520–525. (In Russian).
21. Kholmogorova, A.B., Garanyan, N.G., Tsatsulin, T.O. (2019). Dinamika pokazatelei perfektsionizma i simptomov emotsional'nogo neblagopoluchiya v rossiiskoi studencheskoi populyatsii za poslednie desyat' let: kogortnoe issledovanie [Dynamics of Perfectionism Indicators and Symptoms of Emotional Distress in the Russian Student Population over the Past Ten Years: A Cohort Study]. Cultural-Historical Psychology, 15, 3, 41–50. (In Russian).
22. Aryani, F.X., Koesma, R.E., Zamralita. (2020). The Role of Perfectionism Dimensions to Psychological Well-Being in First Year Students with Stress as a Mediator. *Proceedings of the Tarumanagara International Conference on the Applications of Social Sciences and Humanities (TICASH 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 439, 612–621.
23. Słodkowska, J., Bokszczanin, A. (2012). Perfekcjonizm i stres a dobrostan psychiczny studentów uczelni wyższych. Testowanie modelu mediacyjnego. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Psychologica*, (16), 3–11. https://doi.org/10.18778/1427-969X.16.01
24. Todorov, C., Bazinet, A. (1996). Le perfectionnisme: Aspects conceptuels et cliniques. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 41(5), 291–298. doi:10.1177/070674379604100506

Поступила в редакцию 07.08.2026 г.

PREVAILING COPING STRATEGIES OF STUDENTS WITH NORMAL AND PATHOLOGICAL PERFECTIONISM

T.I. Kulikova

University education period is characterized by significant changes in students' personal development, primarily the acquisition of independence, the formation of their own world views, the awareness of higher values, the desire for self-realization and success in the academic, professional, and interpersonal spheres. This can contribute to the development of perfectionism. The desire of young people to meet strict standards can lead to stress, anxiety, and negatively affect self-esteem and confidence in their abilities. The purpose of our study was to identify the predominant coping strategies of students with different types of perfectionism (normal and pathological). The empirical sample consisted of 61 students from a pedagogical university aged 18 to 23. The diagnostic material used was the three-factor perfectionism questionnaire, the short differential perfectionism test, and the coping strategies questionnaire. The data were collected using statistical analysis in StatSoft Analyst Version 2.5 and the Pearson correlation method. The results of the correlation analysis confirm our hypothesis that there are statistically significant correlations between the types of perfectionism and coping strategies.

Keywords: perfectionism, normal perfectionism, pathological perfectionism, coping strategies, students.

Куликова Татьяна Ивановна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, Российская Федерация, г. Тула.
Доцент кафедры специальной психологии, дефектологии и социальной работы.
ORCID 0000-0001-8655-1599.
E-mail: tativkul@gmail.com

Kulikova Tatiana Ivanovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation, Tula.
Associate Professor of Special Psychology, Defectology and Social Work Department.
ORCID 0000-0001-8655-1599.
E-mail: tativkul@gmail.com

Научная статья
УДК 159,9
DOI: 10.5281/zenodo.21129352

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ СТУДЕНТОВ

© **2026** ***П.А. Побокин***[1], ***Х.В. Белашева***[2], ***Т.В. Калинкина***[3]
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
ORCID[1] 0000-0002-7814-0463
ORCID[2] 0000-0003-0430-0396
ORCID[3] 0009-0009-6678-0971

В статье приведены результаты социально-психологического мониторинга личностных свойств студентов. Актуальность исследования обусловлена большим количеством стрессов, проблемами личной самореализации и профессиональной ориентации молодежи. Цель работы - оценка психического здоровья и выявление психологических проблем студентов для оказания им необходимой помощи, способствующей успешности обучающихся в образовательном процессе. В качестве психодиагностического инструментария применялись 16-факторный личностный опросник Кеттелла, методика К. Роджерса — Д. Дайдмонда, методика Е.Е. Туник на исследование творческих характеристик, опросник суицидального риска ОСТ Т.Н. Разуваевой и методика «Якоря карьеры». У студентов всех курсов выражены средние показатели коммуникативности, открытости, общительности в установлении межличностных отношений. Психологический мониторинг личностных свойств студентов является эффективным инструментом анализа динамики индивидуального развития и адаптации к образовательному процессу. Регулярное исследование позволяет своевременно выявлять проблемы, корректировать образовательные стратегии и обеспечивать благоприятные условия для формирования гармоничной личности. Мониторинг играет ключевую роль в обеспечении успешности каждого студента и устойчивого функционирования системы высшего образования.

Ключевые слова: социально-психологический мониторинг, студенты, суицидальный риск, уровень адаптации, личность, творческие характеристики, карьерные установки.

Для цитирования: Побокин П.А. Социально-психологический мониторинг личностных свойств студентов / П.А. Побокин, Х.В. Белашева, Т.В. Калинкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3 — С. 310–319. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129352

Введение. Современное общество предъявляет высокие требования к молодым людям, особенно студентам высших учебных заведений. Учебная деятельность сопряжена с большим количеством стрессов, часто сопровождаемых конфликтами, проблемами личной самореализации и профессиональной ориентации. Высокая конкуренция на рынке труда, отсутствие гарантированной занятости, неопределенность будущего, недостаток свободного времени и давления социальных сетей способствуют росту тревоги и депрессии среди молодого поколения. Все это вызывает необходимость регулярного наблюдения за состоянием студентов, выявления негативных тенденций и предотвращения возможных рисков [1,10,21]. Поэтому тема социально-психологического мониторинга является крайне актуальной и востребованной в сфере высшего образования [9, 16, 19].

Современные молодые люди находятся под воздействием множества неблагоприятных факторов, влияющих на их физическое и психологическое состояние [15]. По данным ряда исследований, именно в период учебы студенты переживают наибольший риск развития хронических заболеваний, связанных с постоянным стрессом

и переутомлением [5, 7, 11]. Другое важное направление связано с проблемой самооценки и уверенности в себе. Всё больше современных студентов испытывают неуверенность в собственных силах, боятся неудач и имеют заниженную самооценку. Подобные ситуации препятствуют успешной учебной деятельности и полноценному социальному взаимодействию [17]. Психолог А.Г. Асмолов подчёркивает, что социализация студента проходит через интеграцию опыта взросления и профессионального становления, а постоянный мониторинг важен для понимания динамики личностного роста и потребностей студентов [4]. Согласно В.М. Климову и Р.И. Айзману важно раннее выявление признаков суицидальных настроений и депрессивных состояний среди студентов. Они призывают уделять особое внимание профилактике и поддержке уязвимых категорий студентов, испытывающих трудности адаптации [12]. По мнению С.В. Алехиной, психологический мониторинг даёт ценную информацию о профессиональных предпочтениях студентов, позволяя выстроить систему целевого трудоустройства выпускников. Необходимо обращать внимание на профессионально ориентированные потребности студентов [3].

Данная проблема настолько актуальна, что приоритетным направлением работы в высшей школе становится организация психологического сопровождения студентов, испытывающих трудности в обучении и социальной адаптации [6, 13, 14, 20]. До сих пор большинство исследований были сосредоточены преимущественно на изучении отдельных групп студентов (например, первокурсников). Однако комплексное изучение всего контингента студентов, включающее представителей всех курсов и специальностей, позволит создать полную картину происходящих изменений и разработать адекватные профилактические мероприятия.

Цель исследования: оценка психического здоровья и выявление психологических проблем студентов Института права и национальной безопасности (далее ИПНБ) Президентской Академии для оказания им необходимой помощи, способствующей успешности обучающихся в образовательном процессе.

Объект исследования: личностные свойства студентов высшего учебного заведения.

База исследования: ИПНБ ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ (2024-2025 учебный год).

Форма исследования: онлайн-тестирование.

Методики исследования: 16-факторный личностный опросник Кеттелла, методика К. Роджерса — Д. Дайдмонда, методика Е.Е. Туник на исследование творческих характеристик, опросник суицидального риска ОСТ Т.Н. Разуваевой, методика «Якоря карьеры». Разные этапы студенческой жизни требуют разных приоритетов мониторинга, потому что меняются главные задачи личности и связанные с ними риски. На первом курсе студенты сталкиваются с переходом в новые роли, изменением учебных требований и распорядка дня. В этот период главная задача — успешная адаптация: выработка эффективных учебных стратегий, формирование социальной поддержки и преодоление стрессовых реакций переходного периода. На старших курсах акцент смещается к профессиональному самоопределению: выбор направления деятельности, оценка собственных компетенций, подготовка к трудовой роли, взаимодействие с работодателями и совмещение учёбы с практикой. На выбор психодиагностического инструментария исследования повлияло и то обстоятельство, что проводить диагностику испытуемых по данным методикам можно онлайн. А форма представления результатов позволяет использовать их при дальнейшем анализе.

К проведению мониторинга первокурсников в Президентской Академии в форме онлайн-тестирования было привлечено 438 студентов разных направлений и

специальностей ИПНБ, средний возраст М = 20,5 года, (1 курс — 111, 2 курс — 106, 3 курс — 102, 4 курс — 119 респондентов соответственно). Создана база данных, включающая полученные в ходе мониторинга показатели испытуемых.

Результаты исследования. Успешность адаптации первокурсников определяет эффективность их включения в учебную деятельность и готовность к преодолению трудностей, возникающих в процессе обучения [2]. В социально-психологической адаптации студентов в вузе различают: адаптацию к условиям учебной деятельности; адаптацию к группе (установление контактов, усвоение норм и правил группового общения); адаптацию к будущей профессии. Своевременная и полноценная адаптация во многом определяет успешность подготовки студентов [8, 18]. Факторами адаптации являются не только личностные характеристики, но и особенности групповой структуры, организации, характера отношений, а также условия учебного процесса, которые могут быть специфичны для отдельных учебных групп (расписание занятий, преподаватели, отношения с куратором).

Результаты психологической диагностики респондентов на адаптацию представлены в табл,1.

Таблица 1. Результаты диагностики адаптации студентов по методике К. Роджерса-Д. Дайдмана

1 курс	**Высокий**		**Средний**		**низкий**	
	абс	**%**	**абс**	**%**	**абс**	**%**
Интегральный показатель адаптации	64	57,66 %.	44	39,64 %	3	2,7 %
Адаптивность	53	47,75 %	55	49,55 %	3	2,7 %
Дезадаптивность	1	0,90 %	65	58,56 %	45	40,54 %
Интегральный показатель самопринятия	66	59,46 %	41	36,94 %	4	3,60 %
Принятие себя	47	42,34 %	53	47,75 %	11	9,91 %
Непринятие себя	3	2,7 %	54	48,65 %	54	48,65 %
Интегральный показатель принятия других	67	60,36 %	41	36,94 %	3	2,7 %
Принятие других	47	42,34 %	60	54,05 %	4	3,60 %
Непринятие других	4	3,60 %	59	53,15 %	48	43,24 %
Интегр. Показатель эмоциональной комформности	53	47,75 %	49	44,14 %	9	8,11 %
Эмоциональный комфорт	43	38,74 %	62	55,86 %	6	5,41 %
Эмоциональный дискомфорт	13	11,71 %	59	53,15 %	39	35,14 %
Интегральный показатель интернальной выс	71	64 %	37	33,33 %.	3	2,7 %
Внутренний контроль	67	60,36 %	42	37,84 %	2	1,8 %
Внешний контроль	6	5,41 %	67	60,36 %	38	34,21 %
Интегральный показатель стремления к доминированию	46	41,44 %	52	46,85 %	13	11,71 %
Доминирование	36	32,43 %	66	59,46 %	15	13,51 %
Ведомость	7	6,31 %	73	65,77 %	31	27,93 %
Эскапизм	5	4,5 %	74	66,67 %	32	28,83 %

Для подавляющего числа студентов 1 курса ИПНБ Президентской Академии характерны высокий (47,75 %) и средний (49,55 %) уровень адаптивности, что свидетельствует о хорошем приспособлении этих респондентов к учебе в ИПНБ Президентской Академии, а также о соответствии целей этой учебы с их ожиданиями. И только у 0,90 % первокурсников диагностирована высокая дезадаптивность, что говорит о некой дисгармонии в принятии будущих решений. Результаты студентов 1 курса ИПНБ по шкале «Интегральный показатель самопринятия» показывают, что только у 3,6 % обучающихся отмечается низкий уровень, что может говорить о неудовлетворенности этих индивидов своими личностными чертами — 2,7 %. Интегральный показатель принятия других людей находится на высоком уровне и достиг отметки в 60,36 %. Как следствие, эти респонденты будут стремится к общению, взаимодействию и совместной деятельности со студентами других курсов. Эмоциональный комфорт испытывают подавляющее число первокурсников (преобладает средний уровень 55,86 %) и только у 5,41 % он находится на низком уровне. В равной мере представлены респонденты с внутренним и внешним контролем. Ведомы 6,31 % обучающихся, а склонны к эскапизму — 4,5 %. В целом, результаты данной методики могут свидетельствовать о положительной динамике социально-психологической адаптации студентов первых курсов к учебе в ИПНБ Президентской Академии и к своему окружению.

Рассмотрим краткий сравнительный анализ психологической диагностики респондентов по 16-факторному личностному опроснику Р.Б. Кеттелла.

У студентов 1 курса средние показатели отмечаются по всем основным шкалам, что соответствует нормальному развитию, но наиболее выражены показатели по личностным факторам чувствительность/уравновешенность F3 (80 %), практичность/мечтательность M (77 %), консерватизм/радикализм Q1 (79 %). У студентов 2 курса средние показатели выражены по всем основным шкалам, кроме фактора доверчивость/подозрительность L, а именно, 51 % респондентов склонны к подозрительности. Стоит отметить и результаты по личностному фактору спокойствие/тревожность O, так 35 % студентов спокойны, 20 % склонны к тревожности, а 45 % — имеют норму. У 76 % респондентов в большей степени проявляется экстраверсия. По шкале F у 75 % респондентов преобладает экспрессивность, а по шкале H у 80 % студентов — смелость. Также весьма интересные результаты получены фактору спокойствие/тревожность O: 36 % третьекурсников склоны к тревожности, тогда как 32 % — спокойны. Вероятно, данный факт, можно объяснить большой учебной нагрузкой и появлением профилирующих дисциплин. Сравнивая результаты по курсам, стоит отметить, что студенты 1 курса более открыты и общительны, чем обучающиеся 2 и 3 курсов, а также более экспрессивны. В свою очередь, обучающиеся 3 курса более дипломатичны, чем первокурсники и второкурсники.

Рассмотрим результаты проведенной психологической диагностики респондентов по методике «ОСТ» Т.Н. Разуваевой. По шкале «Демонстративность» - низкий уровень выраженности представлен у большинства студентов — 82–89 % респондентов, у которых отсутствует демонстративное суицидальное поведение. У респондентов всех курсов отмечается низкий уровень по шкале «Временная перспектива» (от 81 % до 90 %). Данный факт можно объяснить тем, что студенты ИПНБ Президентской Академии в целом конструктивно планируют свое будущее и не испытывают чувства неразрешимости текущей проблемы в страх неудач. Показатели аффективности также варьируют на низком уровне в пределах 64–78 %, что говорит о том, что у этих респондентов не выражена эмоциональная вовлеченность в психологическую травмирующую ситуацию. Стоит отметить результаты по шкале «Социальный пессимизм». У студентов 1 курса средний уровень достигает 47 %, а у 3 курса еще выше

— 52 %, что может свидетельствовать о недоверии к другим людям, подозрительности и настороженности. Практически у студентов всех курсов выражен средний уровень максимализма, что может указывать на имеющеюся у них умеренную уверенность в себе, склонность ставить реалистичные, но достаточно амбициозные цели. В тоже время у респондентов присутствуют достаточно высокие показатели антисуицидального фактора (у четвертого курса он достигает 53 %), который снимает глобальный суицидальный риск обучающихся. Более подробные результаты в табл. 2.

Таблица 2. Результаты диагностики респондентов по методике ОСТ Т.Н. Разуваевой

Шкала	**Низкий**		**Средний**		**высокий**	
	абс.	**%**	**абс.**	**%**	**абс.**	**%**
1 курс						
Демонстративность	98	88 %	8	8 %	5	4 %
Аффективность	75	68 %	29	26 %	7	6 %
Уникальность	93	84 %	12	11 %	6	5 %
Несостоятельность	64	58 %	43	39 %	4	3 %
Социальный пессимизм	40	36 %	52	47 %	19	17 %
Слом культурных барьеров	100	90 %	11	10 %	0	0
Максимализм	52	47 %	51	46 %	8	7 %
Временная перспектива	100	90 %	10	9 %	1	1 %
Антисуицидальный фактор	24	22 %	39	35 %	48	43 %
2 курс						
Демонстративность	90	85 %	10	9 %	6	6 %
Аффективность	69	65 %	23	22 %	14	13 %
Уникальность	85	80 %	15	14 %	6	6 %
Несостоятельность	66	62 %	31	29 %	9	9 %
Социальный пессимизм	43	41 %	41	39 %	22	20 %
Слом культурных барьеров	100	94 %	3	3 %	3	3 %
Максимализм	46	43 %	51	48 %	9	9 %
Временная перспектива	91	86 %	13	12 %	2	2 %
Антисуицидальный фактор	24	23 %	36	34 %	46	43 %
3 курс						
Демонстративность	84	82 %	8	8 %	10	10 %
Аффективность	80	78 %	13	13 %	9	9 %
Уникальность	84	82 %	12	12 %	6	6 %
Несостоятельность	65	64 %	28	27 %	9	9 %
Социальный пессимизм	39	38 %	53	52 %	10	10 %
Слом культурных барьеров	84	82 %	12	12 %	6	6 %
Максимализм	42	41 %	53	52 %	7	7 %
Временная перспектива	83	81 %	13	13 %	6	6 %
Антисуицидальный фактор	21	21 %	38	37 %	43	42 %
4 курс						
Демонстративность	106	89 %	10	8 %	3	3 %
Аффективность	76	64 %	32	27 %	11	9 %
Уникальность	107	90 %	9	8 %	3	2 %

Несостоятельность	62	52 %	53	45 %	4	3 %
Социальный пессимизм	40	34 %	55	46 %	24	20 %
Слом культурных барьеров	115	96 %	3	3 %	1	1 %
Максимализм	46	39 %	61	51 %	12	10 %
Временная перспектива	108	90 %	9	8 %	2	2 %
Антисуицидальный фактор	25	21 %	31	26 %	63	53 %

Результаты психологической диагностики творческих характеристик респондентов по методике Е.Е. Туник представлены в таблице 3.

Таблица 3. Распределение результатов по методике Е.Е. Туник

Шкала	**низкий**		**средний**		**высокий**	
	абс.	**%**	**абс.**	**%**	**абс.**	**%**
2 курс						
Склонность к риску	24	22,6 %	44	41,5 %	38	35,9 %
Любознательность	40	37,7 %	45	42,5 %	21	19,8 %
Сложность	31	29,2 %	66	62,3 %	9	8,5 %
Воображение	36	34 %	32	30,2 %	38	35,8 %
3 курс						
Склонность к риску	11	10,8 %	67	65,7 %	24	23,5 %
Любознательность	24	23,5 %	53	51,9 %	25	24,5 %
Сложность	20	19,6 %	60	58,8 %	22	21,6 %
Воображение	20	19,6 %	52	50,9 %	30	29,4 %

Кратко анализируя результаты полученных данных, можно констатировать тот факт, что у студентов 2 курса преобладают средние показатели по шкалам «Склонность к риску», «Любознательность», «Сложность». Причем по шкале «Сложность» средний уровень достигает 62,3 %. Как правило, эти субъекты ориентированы на познание сложных явлений и вещей. Кроме того, у второкурсников отмечаются примерно одинаковое уровневое распределение показателей по шкале «Воображение». В свою очередь у студентов 3 курса ярко выражены средние показатели по всем 4 шкалам с небольшой выраженностью шкалы «Склонность к риску» (65,7 %). Вероятно, что эти студенты будут отстаивать свои идеи и ставить перед собой высокие цели, не обращая внимания на других людей.

Результаты диагностики карьерных ориентаций респондентов по методике «Якоря карьеры» представлены в табл. 4.

Таблица 4. Распределение результатов по методике «Якоря карьеры»

Карьерные ориентации	**Среднее значение M**
Профессиональная компетентность	5,71
Менеджмент	6,74
Автономия	6,56
Стабильность места работы	7,45
Стабильность места жительства	4,97
Служение	7,31
Вызов	5,66
Интеграция стилей жизни	7,35
Предпринимательство	5,94

Среди 9 карьерных ориентаций у студентов 4 курсов ИПНБ наиболее представлены такие как, служение (7,31) и интеграция стилей жизни (7,35). Студенты с этими

карьерными ценностями будут стремиться воплощать в работе свои идеалы. Ярко выражена и ценность «Стабильность места работы» (7,45). Для данных респондентов характерна потребность в безопасности и защите; им свойственен поиск постоянной и стабильной работы. Стоит отметить высокий результат и по карьерной ценности «Менеджмент» (6,74). Эта группа студентов стремится к лидерству и высокому доходу, а первостепенное значение для них будут играть ориентация личности на интеграцию усилий других людей и полнота ответственности за конечный результат. Менее выражена карьерная ценность «Стабильность места жительства» (4,97).

Заключение. В ходе проведения социально-психологического мониторинга было выявлено, что для подавляющего числа студентов первого курса ИПНБ Президентской Академии характерны высокий (47,75 %) и средний (49,55 %) уровень адаптивности, что свидетельствует о хорошем приспособлении этих респондентов к учебе в ИПНБ Президентской Академии, а также о соответствии целей этой учебы с их ожиданиями. И только у 0,90 % первокурсников диагностирована высокая дезадаптивность. У этих респондентов возможны конфликты с окружающими, поскольку они, в силу своего возраста, еще недостаточно хорошо адаптированы к своему социальному окружению. По результатам сквозного мониторинга у студентов всех курсов выявлен низкий уровень демонстративности, аффективности, уникальности, временной перспективы и слома культурных барьеров. Данный факт можно объяснить тем, что студенты ИПНБ Президентской Академии в целом обладают высокой стрессоустойчивостью, позитивностью ко всему новому, высокой активностью и мотивацией к учёбе, устойчивы в своих интересах, работоспособны. В тоже время отмечаются средние показатели социального пессимизма и максимализма, что связано с некоторой неуверенностью в себе, пессимистическим настроением и высокой утомляемостью. В свою очередь, у респондентов присутствуют относительно высокие показатели антисуицидального фактора, который снимает глобальный суицидальный риск обучающихся.

Таким образом, проведение социально-психологического мониторинга личностных свойств студентов приобретает первостепенное значение для психологической службы. Оценка психического здоровья должна быть приоритетной частью мониторинга — она служит ранним индикатором для превентивных вмешательств и направляет ресурсы на группы с наибольшим риском. Своевременная идентификация проблем позволяет снизить число академических срывов, улучшить вовлечённость и сократить вероятность развития серьёзных психических расстройств. Необходимо систематическое и целенаправленное наблюдение за познавательным, эмоциональным и личностным развитием студентов с учетом влияния образовательной среды учреждения, позволяющее администрации, преподавательскому составу образовательного учреждения, органам управления образованием осуществлять анализ воздействия образовательных и психолого-педагогических технологий на качество обучения и личностные изменения обучающихся. Полученные в ходе проведения социально-психологического мониторинга результаты, открывают перспективу разработки программы психологического сопровождения студентов ИПНБ, направленную на преодоление трудностей адаптации в образовательной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адушинова А.Г. Психологический мониторинг профессионального становления студента на этапе его вузовской подготовки. В сборнике: Теория и практика измерения латентных переменных в образовании. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. отв. ред. А.А. Маслак. — 2007. — С. 175–176.
2. Александрович П.И. Психологическая адаптация студентов к обучению в высшем учебном заведении // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. — 2015. — № 5(178). — С. 80-84.

3. Алехина С.В., Битянова М.Р. Мониторинг как вид профессиональной деятельности педагога-психолога // Вестн. практ. психологии образования. — 2009. — №4. — С. 66 –73.
4. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолкению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы языкознания. — 2008. — Выпуск №1. — С. 65–86.
5. Бильданова В.Р. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие. Елабуга: Издательство ЕИ КФУ. — 2015. — 142 с.
6. Боронина Л.Н, Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции // Электронный журнал «Университетское управление: практика и анализ». — 2001. — № 4. — С. 65–69. https://elibrary.ru/download/elibrary_9208770_60389840.pdf (дата обращения: 19,03,2026).
7. Газиева М.З. Особенности психологического стресса студенческой молодежи // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 59-1. — С. 442-445.
8. Дубовицкая Т.В., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе// Электронный журнал «Психологическая наука и образование». — 2010. — № 2. https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/psyedu_2010_n2_27814.pdf (дата обращения: 19.03.2026)
9. Жумагалиева Б.К. Педагогический и психологический мониторинг, их место в образовательном процессе. Международный журнал экспериментального образования. — 2013. — № 7. — С. 146-150.
10. Захаренков В.В. Состояние психического здоровья и проблемы его мониторинга. Сиб. пед. журн. — 2010. — № 6. — С. 90–98.
11. Каширина Л.В. Копинг поведение студентов в условиях экзаменационного стресса // Психология. Экономика. Право. — 2013. — № 4. — С. 15–24.
12. Климов В. М., Айзман Р. И. Анализ факторов суицидального риска у студентов вуза // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2017. —№ 5. — С. 55–66.
13. Кузьмишкин А. А., Кузьмишкина, Забиров А.И., Гарькин И.Н. Адаптации студентов первого курса в вузе. Молодой ученый. — 2014. — № 3 (62). — С. 933–935. https://www.moluch.ru/archive/62/9664 (дата обращения: 19,03,2026).
14. Латушкина Ю.А., Машкова И.Ю., Побокин П.А. Социально-психологическая адаптация студентов первого курса к условиям обучения в вузе. Гуманитарные науки (г.Ялта). — 2022. — № 4 (60). — С. 143–149.
15. Латушкина Ю.А., Побокин П.А. Психологические особенности проявления агрессивного поведения. Ярославский психологический вестник. — 2022. — № 2 (53). —С. 61–64.
16. Левина И.Л. Мониторинг психического здоровья детей и подростков // Мониторинг психического здоровья: материалы Межрегиональной научно-практич. конф., Новокузнецк, 17—18 октября 2006. — Томск; Новокузнецк: Изд-во «Иван Федоров». —2006. —С. 111–114.
17. Мамкина Т.М. Психологические причины неуспешности обучения в вузе современных студентов // Северный регион: наука, образование, культура. — 2018. — № 2(38). — С. 53–57.
18. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации. Психология и школа. — 2004. — № 1. — С. 43–56.
19. Самсонова А.Н. Психологический мониторинг как средство оптимизации процесса личностно-профессионального развития студентов. В сборнике: Качество и инновации в XXI веке. Материалы 12-й Международной научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Е.Н. Кадышев, В.Н. Чайников, В.Л. Семёнов, М.М. Митюгина. — 2014. — С. 179–182.
20. Станевский, А.Г., Лубовский, Д.В. Социально-психологическая адаптация студентов с инвалидностью: результаты психолого-педагогического мониторинга. Психолого-педагогические исследования. — 2025. — Том 17. — № 1. С. 64–80.
21. Усанов В. Мониторинг в системе психологических исследований. Развитие личности. — 2011. — № 4. — С. 78–90.

REFERENCES

1. Adushinova A.G. (2007) Psixologicheskij monitoring professional`nogo stanovleniya studenta na e`tape ego vuzovskoj podgotovki [Psychological monitoring of a student's professional development during their university training]. V sbornike: Teoriya i praktika izmereniya latentny`x peremenny`x v obrazovanii. Materialy` IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. otv. red. A.A. Maslak. pp. 175–176 (in Russian).
2. Aleksandrovich P.I. (2015) Psixologicheskaya adaptaciya studentov k obucheniyu v vy`sshem uchebnom zavedenii [Psychological adaptation of students to higher education]. Trudy` BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya. no 5(178). pp. 80–84 (in Russian).

3. Alexina S.V., Bityanova M.R. (2009) Monitoring kak vid professional`noj deyatel`nosti pedagoga-psixologa [Monitoring as a type of professional activity for a psychologist-educator]. Vestn. prakt. psixologii obrazovaniya. no 4. pp. 66–73 (in Russian).
4. Asmolov A.G. (2008) Strategiya sociokul`turnoj modernizacii obrazovaniya: na puti k preodolkeniyu krizisa identichnosti i postroeniyu grazhdanskogo obshhestva [The Strategy of Sociocultural Modernization of Education: Towards Overcoming the Identity Crisis and Building a Civil Society]. Voprosy` yazy`koznaniya. Vy`pusk no 1. pp. 65–86 (in Russian).
5. Bil`danova V.R. (2015) Psixologiya stressa i metody` ego profilaktiki: uchebno-metodicheskoe posobie [Psychology of Stress and Methods of Its Prevention: Educational and Methodological Guide]. Elabuga: Izdatel`stvo EI KFU. 142 p. (in Russian).
6. Boronina L.N, Vishnevskij Yu.R., Didkovskaya Ya.V. (2001) Adaptaciya pervokursnikov: problemy` i tendencii [Adaptation of First-Year Students: Challenges and Trends]. E`lektronny`j zhurnal «Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz». no 4. pp. 65–69. (in Russian). https://elibrary.ru/download/elibrary_9208770_60389840.pdf (accessed: 19,03,2026).
7. Gazieva M.Z. (2018) Osobennosti psixologicheskogo stressa studencheskoj molodezhi [Features of psychological stress among students]. Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. № 59-1. pp. 442-445 (in Russian).
8. Duboviczkaya T.V., Kry`lova A.V. (2010) Metodika issledovaniya adaptirovannosti studentov v vuze [The methodology of studying students' adaptability at the university]. E`lektronny`j zhurnal «Psixologicheskaya nauka i obrazovanie». No 2. (in Russian).https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/psyedu_2010_n2_27814.pdf (accessed 19.03.2026).
9. Zhumagalieva B.K. (2013) Pedagogicheskij i psixologicheskij monitoring, ix mesto v obrazovatel`nom processe [Pedagogical and psychological monitoring, and their place in the educational process]. Mezhdunarodny`j zhurnal e`ksperimental`nogo obrazovaniya.. no 7. pp. 146-150 (in Russian).
10. Zaxarenkov V.V. (2010). Sostoyanie psixicheskogo zdorov`ya i problemy` ego monitoring [Mental health status and monitoring issues]. Sib. ped. zhurn., no 6. 90–98 pp. (in Russian).
11. Kashirina L.V. (2013) Koping povedenie studentov v usloviyax e`kzamenacionnogo stressa [Coping behavior of students under exam stress]. Psixologiya. E`konomika. Pravo. № 4. pp. 15-24 (in Russian).
12. Klimov V. M., Ajzman R. I. (2017) Analiz faktorov suicidal`nogo riska u studentov vuza [Analysis of Suicidal Risk Factors in University Students]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 5. pp. 55–66 (in Russian).
13. Kuz`mishkin A. A., Kuz`mishkina, Zabirov A.I., Gar`kin I.N. (2014) Adaptacii studentov pervogo kursa v vuze [Adaptation of first-year students at the university]. Molodoj ucheny`j. no 3 (62). pp. 933-935 (in Russian). https://www.moluch.ru/archive/62/9664 (accessed: 19.03.2026).
14. Latushkina Yu.A., Mashkova I.Yu., Pobokin P.A. (2022) Social`no-psixologicheskaya adaptaciya studentov pervogo kursa k usloviyam obucheniya v vuze [Social and psychological adaptation of first-year students to university conditions]. Gumanitarny`e nauki (g.Yalta). no 4 (60). pp. 143–149 (in Russian).
15. Latushkina Yu.A., Pobokin P.A. (2022) Psixologicheskie osobennosti proyavleniya agressivnogo povedeniya [Psychological features of aggressive behavior]. Yaroslavskij psixologicheskij vestnik. no 2 (53). pp. 61–64 (in Russian).
16. Levina I.L. (2006) Monitoring psixicheskogo zdorov`ya detej i podrostkov [Monitoring the mental health of children and adolescents]. Monitoring psixicheskogo zdorov`ya: materialy` Mezhregional`noj nauchno-praktich. konf., Novokuzneczk, 17—18 oktyabrya 2006. Tomsk; Novokuzneczk: Izd-vo «Ivan Fedorov». pp. 111–114 (in Russian).
17. Mamkina T.M. (2018) Psixologicheskie prichiny` neuspeshnosti obucheniya v vuze sovremenny`x studentov [Psychological Reasons for the Failure of Modern Students to Study at a University]. Severny`j region: nauka, obrazovanie, kul`tura. no 2(38). pp. 53–57(in Russian).
18. Osniczkij A. K. (2004) Opredelenie xarakteristik social`noj adaptacii [Defining the characteristics of social adaptation]. Psixologiya i shkola. no 1. pp. 43–56 (in Russian).
19. Samsonova A.N. (2014) Psixologicheskij monitoring kak sredstvo optimizacii processa lichnostno-professional`nogo razvitiya studentov [Psychological Monitoring as a Means of Optimizing the Process of Personal and Professional Development of Students]. V sbornike: Kachestvo i innovacii v XXI veke. Materialy` 12-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Redakcionnaya kollegiya: E.N. Kady`shev, V.N. Chajnikov, V.L. Semyonov, M.M. Mityugina. pp. 179-182 (in Russian).
20. Stanevskij, A.G., Lubovskij, D.V. (2025) Social`no-psixologicheskaya adaptaciya studentov s invalidnost`yu: rezul`taty` psixologo-pedagogicheskogo monitoring [Social and Psychological Adaptation of Students with Disabilities: Results of Psychological and Pedagogical Monitoring]. Psixologo-pedagogicheskie issledovaniya. Tom 17. no 1. pp. 64–80.

21. Usanov V. (2011) Monitoring v sisteme psixologicheskix issledovanij [Monitoring in the psychological research system]. Razvitie lichnosti. no 4. pp. 78–90 (in Russian).

Поступила в редакцию 18.03.2026 г.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MONITORING OF STUDENTS' PERSONAL PROPERTIES

P.A. Pobokin, H.V. Belasheva, T.V. Kalinkina

The article presents the results of socio-psychological monitoring of students' personal characteristics. The relevance of the study is accounted for by the high level of stress, personal self-realization issues, and professional orientation among young people. The purpose of the study is to assess the mental health and identify the psychological problems of students in order to provide them with the necessary assistance to ensure their success in the educational process. The 16-Factor Personality Questionnaire by Cattell, Rogers-Daidmond personality test, E.E. Tunik's method for studying creative characteristics, T.N. Razuvayeva's questionnaire for assessing suicide risk, and the "Career Anchors" method have been used in the study as psychodiagnostic tools. Students of all courses have average levels of communication, openness, and sociability in establishing interpersonal relationships. Psychological monitoring of students' personal characteristics is an effective tool for analyzing the dynamics of individual development and adaptation to the educational process. Regular monitoring allows to timely identify problems, to adjust educational strategies, and to create favorable conditions for the development of a harmonious personality. Monitoring plays a crucial role in ensuring the success of each student and the sustainable functioning of the higher education system.

Key words: socio-psychological monitoring, students, suicide risk, adaptation level, personality, creative characteristics, career attitudes.

Побокин Павел Анатольевич.
Кандидат психологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры психологии безопасности, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».
ORCID 0000-0002-7814-0463.
E-mail: pobokin-pa@ranepa.ru.

Pobokin Pavel Anatolevich.
Candidate of Psychology, Associate Professor
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Security Psychology, Senior researcher of the research laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact».
ORCID 0000-0002-7814-0463.
E-mail: pobokin-pa@ranepa.ru.

Белашева Христина Валерьевна.
Кандидат психологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.
Заведующий кафедрой психологии безопасности.
ORCID 0000-0003-0430-0396.
E-mail: belasheva-kv@ranepa.ru.

Belasheva Hristina Valeryevna.
Candidate of Psychology, Associate Professor
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.
Head of Department of Security Psychology.
ORCID 0000-0003-0430-0396.
E-mail: belasheva-kv@ranepa.ru.

Калинкина Татьяна Владимировна.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.
Старший преподаватель кафедры психологии безопасности.
ORCID 0009-0009-6678-0971.
E-mail: kalinkina-tv@ranepa.ru

Kalinkina Tatiana Vladimirovna.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.
Senior Lecturer at Department of Security Psychology.
ORCID 0009-0009-6678-0971.
E-mail: kalinkina-tv@ranepa.ru

Научная статья
УДК 364. 62:2-78-053.2 (470.6 Донбасс)
DOI: 10.5281/zenodo.21129653

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОНБАССА В ПРАВОСЛАВНОМ ДЕТСКОМ ЛАГЕРЕ

© 2026 *Н. А. Романоф*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»
ORCID 0009-0001-5617-4451

В ситуации военного конфликта наиболее незащищенной категорией являются дети, поэтому важно максимально эффективно осуществлять социальную и психологическую помощи им и вести поиск новых форм работы. Мы хотим поделиться опытом психологического сопровождения детей в православном детском лагере «Рождественское подворье» в 2019 году и обосновать, какие психологические ресурсы позволяет сформировать данная форма комплексной помощи детям.

В процессе сопровождения были выявлены следующие психологические ресурсы, способствующие улучшению эмоционального состояния детей и процессу переосмысления картины мира. 1. Православные традиции как один из факторов связи поколений, определяющий культурные основания нашего общества. 2. Возможность почувствовать принадлежность к «русскому миру» и проявить свою активную жизненную позицию. 3. Семья как ценностно-смысловая опора личности ребенка и основа традиционных ценностей. 4. Чуткое отношение «значимых взрослых» к проблемам группы детей Донбасса. 5. Опора на ценностно-смысловые предпочтения значимых сверстников, возможность получить опыт взаимодействия с ними. На наш взгляд, формирование этой группы психологических ресурсов может способствовать повышению устойчивости детей войны в трудных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: военный конфликт, психологическое сопровождение, эмоциональное состояние, ценностно-смысловая сфера, психологические ресурсы.

Для цитирования: Романоф Н. А. Опыт организации психологического сопровождения детей Донбасса в православном детском лагере / Н. А. Романоф // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 320–329. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129653.

Введение. Обсуждая разные аспекты военных конфликтов, не стоит забывать, что территория, на которой они происходят — это чья-то родная земля, в силу чего мирные жители, в особенности дети, определенным образом реагируют на военные события вокруг. Изучением психологических последствий пребывания человека в травматической ситуации занимались Ю. Александровский, А. Венгер, М. Джишкариани, А. Михайлова, Е. Морозова, Е. Столярова, Н. Тарабрина и др. Анализ последствий нужен, в первую очередь, для того, чтобы правильно выстроить систему психологической помощи. В силу этого обратим внимание на практико-ориентированные труды по психологическому сопровождению детей, эвакуированных из зоны военных действий. Это работы И. Абакумовой, А. Гришиной, П. Ермакова, Н. Зубковой, Н. Осуховой, А. Ткаченко и других [12, с. 111].

В настоящее время понятие «сопровождение» активно используется практическими психологами, педагогами, медицинскими работниками как в профессиональной терминологии, так и в практической деятельности при решении конкретных профессиональных проблем. Если рассмотреть подробнее это понятие этимологически, окажется, что оно близко таким понятиям, как содействие, совместное передвижение, помощь одного человека другому в преодолении трудностей. Следовательно, сопровождение можно рассматривать как взаимодействие двух

активных субъектов, причем сопровождаемый имеет право на принятие решений в процессе сопровождения [1, с. 52].

Понятие «психологическое сопровождение» ввел в 1992 г. Ю.В. Слюсарев. Он определял его как «недирективную форму оказания психологической помощи, которая подразумевает специально организованный процесс, направленный на создание «переходного пространства» безопасных условий, в которых становятся возможными выход личности из негативного отчуждения (от себя, других людей, мира в целом), реконструкция ее субъективного образа мира и восстановление ее связи с собой, людьми и обществом» [11, с. 3].

В контексте этого определения отметим, что значимой составляющей сопровождения является активизация саморазвития личности, что включает в себя возможность поиска личностных ресурсов в ситуациях неопределенности.

«Психологические ресурсы могут быть представлены как система способностей человека к устранению противоречий личности с жизненной средой, преодоления неблагоприятных жизненных обстоятельств посредством трансформации ценностно-смыслового измерения личности, задающего ее направленность и создающего основу для самореализации» [3]. Следовательно, значение ресурсов для личности состоит в преодолении трудных жизненных ситуаций, сохранении психологического благополучия.

В исследовании Т.Ю. Ивановой описаны функции личностных ресурсов, оказывающие системное влияние на благополучие:

— буферная (уменьшается зависимость психологического благополучия от факторов среды и ситуации),

— фильтрующая (опосредуется восприятие и оценка субъектом жизненных обстоятельств),

— мотивационная (восприятие требований как предметных задач, а не угроз) [4, с. 195].

Ресурсы в современной науке рассматриваются с точки зрения разных подходов. В системном подходе содержательные характеристики психологических ресурсов изучаются как система. В ситуационном подходе присутствует соотнесенность ресурсов и ситуации. В деятельностном подходе деятельность рассматривается как механизм, преобразующий совокупность влияний в развивающие изменения в новообразования личности [6]. Значимым является и ресурсный подход, зародившийся в гуманистической психологии, в рамках которой важное место заняло изучение конструктивного начала личности, позволяющего преодолевать трудные жизненные ситуации. Актуальной является задача раскрытия внутреннего содержательного аспекта ресурсов.

О том, как в процессе психологического сопровождения помочь детям выявить, осознать свои ресурсы мы и попробуем рассказать в нашей статье. Она посвящена анализу психологической помощи группе детей Донбасса (15 человек), которые в июле 2019 г. находились на отдыхе в православном детском лагере «Рождественское подворье» Белгородской области. Эта поездка была организована по инициативе Православного просветительского центра «Преображение» при Миссионерском отделе Патриархии и по благословению Митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Среди детей группы трое были без отцов (у двоих ребят отцы-ополченцы погибли на Донбассе в 2014 году, у одной девочки отец погиб зимой 2019 года), трое детей-сирот, находящихся под опекой.

Психологическое сопровождение включало в себя диагностику; помощь в адаптации и интеграции в жизнь лагеря; индивидуальные консультации детей.

Материалы и методы исследования. Психологическая диагностика группы включала следующие методики: методика ШОВТС (Н. Тарабриной, 2001 г.), методика Ч. Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности (адаптирована на русский язык Ю. Л. Ханиным), цветовой тест М. Люшера, рисуночный тест «Человек под дождем» (Л. Илюшиной), тест «Кто я» (М. Куна), методика «Закончи предложение» (Н. Богуславской), тест «Человечки на дереве» (Д. Лампена, адаптирован Л.П. Пономаренко). В основном, диагностика проводилась в небольших группах (3-5 человек). Проведение диагностики ПТСР проводилось только индивидуально, с последующей беседой (поскольку ответы на вопросы были связаны с травмирующими воспоминаниями).

Основная часть. Обозначим основные результаты диагностики, поскольку подробнее это было сделано в предыдущих статьях автора [8; 9]. Было выявлено, что признаки проявления ПТСР у 53 % не превышают норму, у 27 % - выше нормы (2 детей погибших, 2 детей-сирот) 20 % выявили позицию, скрытую для диагностики именно ПТСР. Из трех субшкал более всего проявилась субшкала «избегание» (от 6 до 24 баллов при норме 14, Хср всей группы = 15 баллов). На втором месте по значимости субшкала «вторжение». Дети указывают, что старались не думать и ни с кем не говорить о случившемся, также говорят о тяжелых сновидениях.

Личностная тревожность у 60 % на высоком уровне, у 40 % - на среднем.

Анализ цветового теста Люшера выявил у 40 % детей преобладание отрицательных переживаний (Х ср. СО = 24 б). Показатели ВК таковы: у 67 % детей — оптимальная активность и работоспособность, хотя у трети из них показатели близки к шкале — перевозбуждение, у 13 % — эмоциональное перевозбуждение, с вероятностью истощения, у 20 % компенсируемое состояние усталости.

У 54% детей фиолетовый цвет отнесен к предпочитаемому, что является показателем доминирования потребности в уходе от реальной действительности. Из основных цветов наиболее отвергаемыми являются синий (43 %) — фрустрирование потребности в эмоциональном комфорте и покое; и зеленый (43 %) — фрустрирование потребности в отстаивании собственной позиции, оборонительности, агрессивности защитного характера. Отвергаемые базовые потребности могут являться «источником стресса», вызывая чувство утраты и приводя к усилению тревоги.

Результаты рисуночного теста «Человек под дождем» показывают, что 50 % детей рассматривают стрессовую ситуацию как всеобъемлющую (дождь на всем пространстве рисунка), 33 % — как свою личную. На 75 % рисунков тучи, из них 42 % — тяжелые, большие (подавленное эмоциональное состояние). У 58 % человек изображен в левой части листа (что говорит об акцентировании прошлого). Тип реагирования на стресс: активный — у мальчиков, пассивный — у девочек (пол изображаемого совпадает с полом рисующего). Возраст изображаемого человека на 25 % рисунков больше собственного (более взрослые формы реагирования). Зонт (признак умения защитить себя от стресса) — на 75 % рисунков, однако на половине из них очень мал. Дополнительные детали: дома, деревья, автомобили (как признак умения переключиться на что-то), лишь на 16 % рисунков. На 25 % рисунков — человек идет по дороге слева направо (т.е. из прошлого — в будущее). При обсуждении одного из таких рисунков, на вопрос: «Куда же он идёт?», ребёнок ответил: «В Россию». Ни на одном из рисунков нет изображения радуги или солнца (признака надежды).

Результаты анализа методики М. Куна «Кто я»: у 73 % выражена семейная принадлежность, у 65 % — учебно-профессиональная позиция, 27 % обозначили свою мировоззренческую позицию «Я — христианин», лишь 40 % обозначили свою

этническо-региональную идентичность, из них 13 % пишут «я — гражданин», 27 % указывают национальность (русский, грузин). Поскольку обычно этнический статус человек обретает в подростковом возрасте, такие данные могут быть показателем конфликтного переживания своей этнической принадлежности.

В методике «Закончи предложение» (Н. Богуславской) к основным блокам предложений «отношение к друзьям, к семье, к себе, чувство вины» мы добавили блок «отношение к будущему». Интерпретация данной методики позволяет выявить, что наиболее значимой ценностью для большинства респондентов остается семья (73 %), также указаны такие ценности, как Бог (9%), любовь (9%), удовольствие (9%). Многие хотят быть похожими на старших (чаще родителей), которые их любят и оберегают.

Для всех значима дружба, в которой большинство ценит верность, умение прийти на помощь, даже когда самому несладко; дети имеют друзей и могут быть друзьями. Стремятся к жизненным достижений в значимой для себя сфере деятельности (музыка, спорт, выбор будущей профессии). Более половины респондентов пишут, что не могут забыть события войны 2014 года; 21 % отдаленную перспективу либо не планируют, либо указывают: «я умру», «мы все умрем». Для 46 % личностный смысл жизни взаимосвязан с другими людьми, в основном, с ближайшим окружением («в любви родных», «семья, друзья, близкие», «этот мир», «вера в людей и помощь», «помогать людям и исполнять заповеди»).

Результаты методики «Человечки на дереве» (проведена в начале и в конце отдыха) свидетельствуют о достаточно хорошем уровне адаптации детей в лагере. При этом у большинства позиция либо не изменилась либо изменилась незначительно. Один ребенок, который сначала не мог адаптироваться (позиция: меня нет среди этих человечков), к концу смены приобрел установку на преодоление препятствий. Один ребенок позицию устойчивости положения сменил на позицию усталости, что было результатом его перевозбуждения (ВК=2,1) при эмоционально насыщенной жизни в лагере. Позицию «усталость от необходимости поддерживать других» выразил ребенок из полной семьи, проживающий в комнате рядом с тремя детьми нашей группы, у которых умерли либо погибли близкие; у них были разговоры об этих ситуациях, позиция вполне закономерна.

Во время нашего пребывания в лагере индивидуальная работа оказалась более востребованной, нежели групповая. С младшими детьми использовалась игротерапия (особенно прием построения своего игрушечного мира), этюды И. Медведевой и Т. Шишовой [7]. С детьми 12-15 лет — беседы-консультации на основе диагностики, интересна им оказалась и игротерапия. Когда детям предлагалось изобразить свой мир с помощью игрушек, одни дети (примерно половина) изображали мир своей семьи, при этом во многих случаях совмещая его с миром войны (рядом с фигурами близких выстраивались фигуры солдат, одни из которых защитники, другие - враги). Многие выстраивали забор, иногда именно с забора начинали. Можно рассматривать это как попытку защитить себя и близких и отгородиться от опасности.

Другие дети, изображая свой мир, стразу выстраивали солдат враждующих армий, мальчики часто видели себя среди них. Когда задавался вопрос о близких, их выстраивали где-то в тылу, «они ждут и переживают». На вопрос «как дальше будет меняться этот мир?» как правило, отвечали «наши победят», «что будет потом?» - «вернутся домой, все будут рады», «что после этого будут делать?» - «пока не знаю». Это может быть показателями «отсутствия временной перспективы» и «неустойчивости, зыбкости «Я».

Таким образом, мы можем наблюдать, что события войны непосредственно включены в картину мира детей, проживающих на Донбассе.

Во время индивидуальных бесед с детьми были выявлены такие особенности. У двоих детей поездка в лагерь была связана с чувством вины («когда уезжал в лагерь, утром стреляли, как там мама, я здесь, а она там»); такую реакцию проявляли дети погибших ополченцев.

Наблюдался страх восприятия другими политической ситуации дома. Перед поездкой в российский лагерь некоторые мамы говорили детям: «Не говори, что папа служит (служил) в ополчении, неизвестно как к этому отнесутся» и дети переживали об этом.

Некоторые дети даже бравировали тем, что они живут в небезопасной обстановке, умеют отличать звуки различных снарядов, не боятся обстрелов.

В процессе беседы один ребенок сказал: «я звуков снарядов не боюсь», в продолжении беседы «а вообще я разных резких звуков боюсь». Другой ребенок военные события в регионе не отнес к травмирующей для себя ситуации), а самой травмирующей назвал некую личную ситуацию, а в процессе дальнейшей беседы сказал, что часто представляет далекий город, в котором нет войны и все люди добрые, но попасть туда невозможно. Мы видим, что травмирующий опыт вытесняется, но не проходит бесследно.

Получив задание нарисовать семью, либо дом, дерево и человека, некоторые отказывались их разукрашивать «Пусть так будет. И так хорошо». Это может быть свидетельством, как эмоциональной истощенности, так и того, что все окружающее видится именно так, в черно-белых тонах, без прикрас. Один из детей на предложение нарисовать семью, спросил: «А папу рисовать?» (его папа погиб). Потом папу рисовал, но на отдельном листе, потом приклеивал этот лист, размышляя, как лучше: со стороны бабушки, его матери, либо мамы, его жены. Этот же ребенок, отказывавшийся разукрашивать многие рисунки, рисуя «Человека под дождем», сам взял синий карандаш и начал разукрашивать дождь. Следовательно, стрессовая ситуация, которую символизирует дождь, являлась для него самым значимым в жизни событием, насыщенным переживаниями.

Во время индивидуальных консультаций важно было создать предпосылки, активизировать внутренние ресурсы для того, чтобы начался процесс переосмысления тех травмирующих событий, которые произошли с каждым из детей. Результаты диагностики и индивидуальной работы показали, что некоторые дети требуют дальнейшего психологического сопровождения дома. В первую очередь, это вопросы, связанные с переживанием утраты близкого человека, регуляцией эмоционального состояния, помощью в построении жизненной перспективы.

Необходимо отметить, что работа психолога с детьми являлась лишь частью общего контекста мероприятий, которые способствовали восстановлению душевного равновесия детей. Огромную роль сыграла общая атмосфера жизни лагеря, влияние коллектива в отрядах. Об этом свидетельствуют такие фразы из рассказов детей: «Лагерь мне стал как второй дом, вожатая обо мне заботится как мама», «Здесь вожатые очень добрые», «Я нашел здесь много хороших друзей», «Мне дома снились сначала страшные сны, потом грустные сны, а здесь мне снятся веселые сны» (кстати, многие дети группы отмечали, что они в лагере хорошо спят).

В процессе работы нами были выявлены следующие психологические ресурсы, способствующие улучшению психоэмоционального состояния детей и процессу переосмысления их картины мира.

1. Православные традиции как один из факторов связи поколений, определяющий культурные основания нашего общества.

Как пишет Ф. Василюк: «Молитва тесно связана с переживанием, и связь между ними начинается с того, что ситуация, порождающая необходимость в переживании,

является в то же время максимально предрасполагающей и к молитве. (…) Такая «критическая» ситуация и дает начало процессу переживания. Но в ней же создаются условия, подвигающие к молитве: человеку больше нечего ждать от мира, нельзя надеяться ни на других, ни на собственные силы, ни на что здешнее невозможно опереться, и в этот момент, «когда подступает отчаянье», глаза его сами поднимаются к небу: «Господи, помоги!» Эту истину Черчилль выразил точной формулой: «В окопах не бывает атеистов»…» [2, с 17].

Детям запомнилось общее чтение молитв (утренних и вечерних, до и после принятия пищи), беседы со священником, совместное посещение Литургии в ближайшем Храме (все это только по желанию). В нашей группе все дети ранее посещали церковные службы (кто-то регулярно, кто-то иногда), однако здесь они смогли увидеть то, как православие проявляется в жизни. Как вожатые, дети в отрядах (их ровесники) действительно «по православному» добросердечно к ним относятся, как они с искренней радостью встречают священника отца Михаила, который окормляет лагерь, как добрые вожатые умеют четко и принципиально бороться с тем, что противоречит православной вере (нецензурные выражения, игры в карты и т.п.). Им интересно было увидеть, что и вожатые, и их ровесники, которые веселятся, поют, танцуют под современную музыку, занимаются спортом, являются при этом православными людьми, много знают о Боге, говорят о его участии в их личной жизни.

Во время открытия лагерной смены, на котором присутствовал митрополит Иоанн, дети получили опыт того, что совместная молитва может быть услышана. С детьми нашей группы проводил беседу священник отец Михаил, окормляющий лагерь. Он говорил просто, доступно, в тоже время приводил цитаты из Библии и много исторических фактов, что удивляло детей, затронул вопросы, связанные с духовным значением военных событий, вопросы жизни и смерти, своего предназначения и многие другие. Для детей, которые столкнулись с несправедливостью мира, подвергались смертельной опасности, потеряли родных — этот разговор с умным, добрым, заботливым взрослым, который умеет просто говорить о сложном, жизненно важен.

За время пребывания в лагере у многих детей изменилось внутреннее понимание Бога: «Я раньше просто думал, что Бог есть, а теперь я точно знаю, что он есть». «Я здесь первый раз в жизни причастился и понял, что такое исповедь. Начал понимать, что такое грех»; «В лагере я больше узнал про Бога».

Таким образом, у детей происходило осмысление жизнеспособности православной системы ценностей, что укрепляет личную ценностно-смысловую сферу. Также хотим отметить, что православная вера является значимым ресурсом, а работа психолога в контексте православной веры усиливает как ресурсность детей, так и самого психолога.

2. Возможность почувствовать принадлежность к «русскому миру» и проявить свою активную жизненную позицию.

В процессе диагностики была выявлена недостаточно сформированная этническая идентичность среди детей группы, 60% её не указывают. Поскольку обычно в подростковом возрасте человек уже приобретает свой этнический статус, а дети Донбасса долго жили в ситуации государственной неопределенности, можно предполагать наличие определенных переживаний своей этнической принадлежности. Узнав ближе российских детей, они в большей степени почувствовали себя частью народа России.

Одним из важных моментов признания и заявления о своей активной жизненной позиции явилось выступление детей нашей группы с песнями о Донбассе, а также песнями на украинском языке, которые они выбирали сами. Организовать такое

выступление было инициативой детей, однако в процессе подготовки многие начали бояться выступать, сомневаться. Каждая репетиция проходила вместе с психологом, многое обсуждалось в группе. Принятие, поддержка этого выступления администрацией, вожатыми, детьми всех отрядов была очень важна.

3. Семья как ценностно-смысловая опора личности ребенка и основа традиционных ценностей.

Иван Ильин утверждал: «Воспитать ребенка, значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания». Он считал, что родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили её, подарили своему народу и своей родине новый духовный очаг, осуществили свое духовное призвание и «укрепили, обогатили жизнь своего народа на земле: они сами вошли в ту Родину, которою стоит жить и гордиться, за которую стоит бороться и умереть» [5]. Вопрос формирования «основ духовного характера», поднятый философом, труден. Однако именно сейчас его значимость важно осознать, актуализировать внутренне, и насколько возможно воплотить в своей жизни, в своей семье. Мы полагаем, что ресурсный потенциал семьи напрямую взаимосвязан со способностью взрослых к формированию «основ духовного характера» ребенка.

По мнению, Виктора Слободчикова «подлинным субъектом развития является со-бытийная общность ребенка и взрослого. (…) В основе понимания категории «значимый взрослый» показатели кровного родства: «родной — чужой» и показатели духовной близости: «близкий — чуждый». Мера кровного родства ребенка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. В ее основе - взаимное понимание, принятие, доверие. (…) . Максима такого отношения — любовь взрослого к человеческому в ребенке. (…) Эта любовь осуществляется через со-бытие в духовной практике воспитания ребенка. Значимый взрослый (в норме!) — ответственный координатор со-бытия — использует собственную самость в качестве инструмента выстраивания и развития совместности с ребенком» [10].

Нам хотелось бы обратить внимание на тот факт, что для большинства детей группы именно семья явилась главным фактором, который помог сохранить внутренний стержень, определенную систему ценностей в такой непростой жизненной ситуации. Отвечая на вопрос «Кто Я?», все указали свой семейный статус, продолжая незаконченные предложения, писали: «моя семья обращается со мной как с любимым ребенком», смысл жизни «в любви родных» и т.п. Во время нахождения в лагере для всех детей была жизненно необходима связь с семьей, телефонные звонки домой, убежденность в том, что с близкими все в порядке. (Могли не идти на мероприятие, пока не дозвонились домой). Важно, чтобы эта «привязанность к семье», порой «излишние переживания» были поняты, приняты, отреагированы.

Безусловно, именно семья обладает мощнейшим потенциалом как естественного воспитания детей, так и поддержки в условиях проживания в зоне военного конфликта.

4. Восприятие руководителей и вожатых лагеря как «значимых взрослых», чему способствовало их чуткое отношение к проблемам группы детей Донбасса.

Здесь мы снова хотим обратиться к рассмотрению уже упомянутого выше понятия «значимый взрослый». «Позиция взрослого — чужой (кровно), но близкий (духовно) является примером значимого влияния с психолого-педагогической точки зрения» [10]. Этому способствовало искреннее добросердечное отношение всех взрослых в лагере (а дети войны очень хорошо умеют отличать искреннее сочувствие от формального), чуткость к проблемам детей, и при этом нравственные требования в воспитании. Проявлялось это в умении вожатых при необходимости уделить внимание любому ребенку, а не только ребенку из своего отряда, реагировании на просьбы детей, обусловленные не капризами, а

тревожностью. Например, «буду спать только вместе с братом», хотя по возрасту эти дети должны были спать в разных отрядах; эта и многие аналогичные ситуации решались с пониманием, а не формально. При этом вожатые замечали и боролись с тем, что противоречит нравственным православным ценностям (нецензурные выражения, игры в карты; за это вся комната, а не только тот, кто попался, должны отжиматься, приседать, взявшись за плечи и т.п.). Это было определенным образцом нравственного поведения взрослого, вектором развития в случае принятия этого взрослого.

5. Опора на ценностно-смысловые предпочтения значимых сверстников, возможность получить опыт взаимодействия с ними.

Важно учитывать возрастные особенности (87 % группы — подростки). В этот период значимым становится окружение сверстников, их ценности, интересы, признание в группе. Результаты диагностики («Незаконченные предложения») показали, что все дети ценят дружбу, имеют друзей и могут быть друзьями. Учитывать нужно и то, что далеко не всегда детей из ДНР и ЛНР безусловно принимали в школах и России, и Украины, когда они там временно учились во время наиболее тяжелых военных событий на Донбассе в 2014-2015 гг. В контексте сказанного важным оказалось то, что в лагере, в основном, находились дети из воскресных школ и православных гимназий (имеющие определенную систему жизненных ценностей, готовые к проявлению понимания, искреннего сочувствия). В силу этого важны образцы нравственного поведения сверстников, увиденные в православном лагере: умение простить мелкую обиду, миролюбиво (пусть и не сразу) разрешить конфликтную ситуацию, желание порадовать чем-то другого и т.д. Если для детей именно друзья, обретенные в православном лагере, станут референтной группой, гораздо меньше вероятности того, что они будут искать утешение в сложной жизненной ситуации в какой-то плохой компании.

Выводы (заключение). Как известно, вследствие кризисных событий, всегда меняется ценностно-смысловая сфера личности (это характерно сейчас для всех жителей Донбасса). В результате одни еще больше укрепляются в добре (сочувствие, помощь другим, терпение жизненных трудностей), а другие — еще больше во зле (позиция: лишь бы в меня не попало, уход от проблем в развлечения, желание заработать на проблемах других, используя ситуацию, злость на всех). Различные жизненные обстоятельства взрослеющий человек переживает, осмысливает, и внешние образцы поведения становятся постепенно его внутренними нормативами. Военная обстановка провоцирует возникновение многих внутренних конфликтов. Решение таких вопросов — всегда результат личной нравственной работы и помочь в этом могут обозначенные выше психологические ресурсы личности.

Православный детский лагерь позволяет не только заботиться о здоровье тела (оздоровление через спорт и питание), но и укрепляться в духе (православный образ жизни, совместная молитва, беседы со священником). Мы надеемся, что опыт летнего отдыха в православном детском лагере, в атмосфере любви и добра, будет способствовать формированию ресурсного состояния, основанного на чувстве радости и защищенности, поможет в осмыслении, принятии, понимании военных событий. А главное, будет способствовать повышению устойчивости детей в трудных жизненных ситуациях, поможет им в непростой жизни на Родине в случае необходимости делать выбор в пользу добра, а не зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкова Н.В. Социально-педагогическое сопровождение в трудной жизненной ситуации в условиях современной школы /Н.В. Белкова, М.В. Дружинина // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 63-2. — С. 51–54.

2. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва: опыт психологического исследования /Ф.Е. Василюк — Москва, 2005 г. — 97 с.
3. Иваницкий А.В. Психологический ресурс как интегральная характеристика личности [Электронный ресурс] / А.В. Иванницкий // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/ view?id=23894 (дата обращения: 18.10.2020).
4. Иванова Т.Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии / Иванова Татьяна Юрьевна ; МГУ имени М.В. Ломоносова. — Москва, 2016. — 205 с.
5. Ильин И.А. О семье / И.А. Ильин // Развитие личности. — 2024. — № 4. — С. 49–67.
6. Капиева К.Р. Психический ресурс личности: паттерны и детерминанты развития / К.Р. Капиева // Гуманизация образования. — 2015. — № 3. — С. 75–81.
7. Медведева И.Я. Школа для родителей. Разноцветные белые вороны / И.Я. И.Я. Медведева И. Я., Т.Л. Шишова. — М. : Семья и шк., 1996. — 269 с. — (Шк. для родителей); ISBN 5-88539-040-1.
8. Романоф Н.А. Об особенностях психоэмоционального состояния детей, проживающих в зоне военного конфликта на Донбассе / Н.А. Романоф // Сборник трудов Международной научно-образовательной конференции Несторовские чтения (Луганск, 14 ноября 2019 года). Отв. ред. О.В. Розина. М.: ИИУ МГОУ. — 2020. —С. 218–231.
9. Романоф Н.А. Психологические последствия пребывания детей Донбасса в ситуации военного конфликта / Н.А. Романоф // Человек. Наука. Социум: научно-методический журнал. — 2022. №1(9) — С. 239–258.
10. Слободчиков В.И. Безопасное детство в опасном взрослом мире / В.И. Слободчиков // Социальная педагогика. — 2014. — № 2. — С. 99–103.
11. Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Ю.В. Слюсарев. — Санкт-Петербург, 1992. — 16 с.
12. Шелиспанская Э.В. Психолого-педагогическое сопровождение детей из регионов локальных военных конфликтов в рамках летней многопрофильной образовательной лагерной смены / Э.В. Шелиспанская, Ю.М. Васина // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2023. — Т. 23. — № 1. — С. 108–118. DOI: 10.15507/2078-9823.061.023.202301.108-118.

REFERENCES

1. Belkova, N.V. & Druzhinina, M.V. (2019). Social`no-pedagogicheskoe soprovozhdenie v trudnoj zhiznennoj situacii v usloviyax sovremennoj shkoly [Socio-pedagogical support in difficult life situations in the conditions of a modern school]. Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. [*Problems of Modern Pedagogical Education] 63*(2), 51–54. (In Russian)
2. Vasilyuk, F.E. (2005). Perezhivanie i molitva: opy`t psixologicheskogo issledovaniya [*Perezhivanie and prayer: An experience of psychological research]*. Moscow. (97 p.). (In Russian)
3. Ivanitsky, A.V. (2015). Psixologicheskij resurs kak integral`naya xarakteristika lichnosti [Psychological resource as an integral characteristic of personality]. Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya [*Modern Problems of Science and Education], 2*(3). Retrieved from http://science-education.ru/ru/article/view?id=23894 (Accessed: October 18, 2020). (In Russian)
4. Ivanova, T.Yu. (2016). Funkcional`naya rol` lichnostny`x resursov v obespechenii psixologicheskogo blagopoluchiya: dis. ... kand. psixol. nauk [*The functional role of personal resources in ensuring psychological well-being* (Unpublished Candidate of Psychological Sciences dissertation)], MGU imeni M.V. Lomonosova. — Moskva [Lomonosov Moscow State University, Moscow]. (In Russian)
5. Ilyin, I.A. (2024). O sem`e [On family]. Razvitie lichnosti *[Personality Development], 4,* 49–67. (In Russian)
6. Kapieva, K.R. (2015). Psixicheskij resurs lichnosti: patterny` i determinanty` razvitiya [Mental resource of personality: Patterns and determinants of development]. Gumanizaciya obrazovaniya. [*Humanization of Education], 3,* 75–81. (In Russian)
7. Medvedeva, I.Ya. & Shishova, T.L. (1996). Shkola dlya roditelej. Raznoczvetny`e bely`e vorony *[School for parents. Multicolored white crows]*. Moscow: Sem'ya i shk. (School for Parents); ISBN 5-88539-040-1. (In Russian)
8. Romanof, N.A. (2020). Ob osobennostyax psixoe`mocional`nogo sostoyaniya detej, prozhivayushhix v zone voennogo konflikta na Donbasse [On the peculiarities of the psycho-emotional state of children living in the zone of military conflict in Donbas]. Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel`noj konferencii Nestorovskie chteniya (Lugansk, 14 noyabrya 2019 goda). Otv. red. O.V. Rozina [In O.V. Rozina (Ed.), *Proceedings of the International Scientific and Educational Conference "Nestor Readings" (Lugansk, November 14, 2019)],* 218–231. Moscow: IIU MGOU. (In Russian)

9. Romanof, N.A. (2022). Psixologicheskie posledstviya preby`vaniya detej Donbassa v situacii voennogo konflikta [Psychological consequences of children from Donbas being in a military conflict situation]. Chelovek. Nauka. Socium: nauchno-metodicheskij zhurnal *[Man. Science. Society: Scientific and Methodological Journal], 1*(9), 239–258. (In Russian)
10. Slobodchikov, V.I. (2014). Bezopasnoe detstvo v opasnom vzroslom mire [Safe childhood in a dangerous adult world]. Social`naya pedagogika *[Social Pedagogy], 2,* 99–103. (In Russian)
11. Slyusarev, Yu.V. (1992). Psixologicheskoe soprovozhdenie kak faktor aktivizacii samorazvitiya lichnosti: avtoref. dis. … kand. psixol. nauk: 19.00.01 [*Psychological support as a factor in activating personal self-development* (Abstract of Candidate of Psychological Sciences dissertation, Saint Petersburg)]. (In Russian)
12. Shelispanskaya, E.V., & Vasina, Yu.M. (2023). Psixologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie detej iz regionov lokal`ny`x voenny`x konfliktov v ramkax letnej mnogoprofil`noj obrazovatel`noj lagernoj smeny [Psychological and pedagogical support for children from regions of local military conflicts within the framework of a summer multidisciplinary educational camp session]. Gumanitarij: aktual`ny`e problemy` gumanitarnoj nauki i obrazovaniya *[Humanitarian: Actual Problems of Humanitarian Science and Education], 23*(1), 108–118. DOI: 10.15507/2078-9823.061.023.202301.108-118. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.03.2026 г.

EXPERIENCE IN ORGANIZING PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR DONBASS CHILDREN IN ORTHODOX CHILDREN'S CAMP

N.A. Romanof

In a situation of military conflict, children are the most vulnerable category, so it is important to provide them with the most effective social and psychological assistance and to search for new forms of work. We want to share our experience of providing psychological support to children at the Orthodox children's camp "Rozhdestvenskoye Podvorye" in 2019 and to explain what psychological resources this form of comprehensive assistance to children allows for. During the support process, the following psychological resources were identified that contribute to improving the emotional state of children and facilitating the process of rethinking their worldview. Among them are as follows: 1) Orthodox traditions as one of the factors of intergenerational communication that defines the cultural foundations of our society; 2) the opportunity to feel a sense of belonging to the "Russian world" and to express one's active life stance; 3) the family as a value-based support for a child's personality and the foundation of traditional values; 4) the sensitive attitude of "significant adults" towards the problems of the Donbass children's group; 5) the reliance on the value-based preferences of significant peers and the opportunity to gain experience in interacting with them. In our opinion, the formation of this group of psychological resources can contribute to increasing the resilience of war children in difficult life situations.

Keywords: military conflict, psychological support, emotional state, value-based sphere, psychological resources.

Романоф Наталья Александровна.
Кандидат педагогических наук.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», Российская Федерация, г. Луганск.
Доцент кафедры психологии.
ORCID 0009-0001-5617-4451
E-mail: nataljaromanof@rambler.ru

Romanof Natalia Aleksandrovna.
Candidate of Pedagogy.
Lugansk State Pedagogical University, Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor at Department of Psychology.
ORCID 0009-0001-5617-4451
E-mail: nataljaromanof@rambler.ru

Обзорная статья
УДК 316.6
DOI: 10.5281/zenodo.21129792

НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

© 2026 *Т.А. Сидорчук*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный медицинский университет»
ORCID 0000-0001-6610-9314

В данной статье обобщены данные в области безопасности пожилых в ситуации военного конфликта для выявления условий формирования психологической и социальной безопасности**.** Сегодня одним из важнейших вопросов в рамках геронтообразования становится вопрос обучения основам безопасности пожилых, оказавшимся в чрезвычайной ситуации. И одна из важнейших задач - замотивировать пожилое население на получение необходимых образовательных компетенций в сфере безопасности в случае наступления чрезвычайной ситуации военного характера. К основным методам исследования относятся систематизация опыта по рассматриваемой проблеме в сфере геронтообразования, сравнительный анализ в рамках мирного и военного периодов с прогнозом сложившейся ситуации развития геронтообразованя. В базовую программу обучения пожилых должны быть включены модули начальной военной подготовки. Но пока мы имеем резкий диссонанс между социальными ожиданиями пожилых людей в отношении образовательных услуг и реальной нуждаемости обучения пожилых в экстремальных условиях. Даны рекомендации с учетом особенностей геронтологического образовательного пространства в условиях военного конфликта.

Ключевые слова: геронтообразование; образовательные потребности; пожилые; военный конфликт; мотивация к обучению; социальная и психологическая безопасность.

Для цитирования: Сидорчук Т. А. Новые траектории геронтообразования в условиях военного конфликта / Т. А. Сидорчук // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 330–340. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129792.

Введение. Мировая тенденция постарения населения требует от правительств всех стран развивать геронтологическую инфраструктуру с учетом не только современных потребностей людей старшего возраста, но и современных вызовов [9; 17]. Наиболее актуальными становятся вопросы всестороннего учета прав пожилых людей и их социализации при различных обстоятельствах жизнедеятельности [21].

Сегодня, по данным ООН, почти четверть населения планеты в разной степени вовлечена в военные конфликты и страдает от их последствий, нуждаясь в гуманитарной помощи. Но по ряду причин именно пожилые люди более всего испытывают последствия таких чрезвычайных ситуаций (ЧС), при этом вектор оказываемой им помощи имеет два направления: внешний вектор гуманитарной деятельности и внутренний, основанный на самопомощи. Трудности внешнего направления связаны с отсутствием точной информации о таких важнейших данных пожилых людей, как раса, пол, уровень образования, доход, трудоустройство, состояние здоровья, инвалидность, условия проживания и доступ к правосудию. Такие пробелы для пожилых, попавших в ЧС, становятся иногда решающим, потому что в итоге пожилые люди часто «выпадают из поля зрения в процессах оценки и планирования» в рамках гуманитарной деятельности [21].

Внутренний вектор самопомощи для пожилых напрямую коррелирует с геронтообразованием как составляющей непрерывного образования [22]. Включение

пожилых в образовательный процесс позволяет им создать нужные условия для безопасности и выживаемости, развития собственного потенциала даже в сложных условиях жизнедеятельности [12; 17; 6]. Когда пожилой человек обладает нужными компетенциями по безопасности, он из пассивного получателя услуг становится более самостоятельным и активным в борьбе за выживание.

Методологическими основами исследования послужили работы ученых в области геронтообразования И.Ф. Албеговой, Е.В. Грохотовой, Н.В. Забелиной, О.А. Мосиной, А.С. Роботовой, Г.Г. Сорокина [1; 2; 4; 13; 14;18]. Вопросами социальной безопасности в условиях ЧС занимались Н.Г. Канунникова, М.А. Колмыкова, В.В. Крапухин, А.В. Матвеев, А.И. Коваленко и др. [5; 8; 9; 11].

В условиях обострения военно-политической обстановки, связанной с вооруженным конфликтом с Украиной и затронувшей значительное количество приграничных регионов РФ, остро встала проблема обеспечения безопасности пожилых людей как особой группы риска, что требует с учетом современных вызовов реформирования системы геронтообразования [19; 9]. Сегодняшняя военная ситуация требует пересмотра содержания геронтологических образовательных программ с включением модуля начальной военной подготовки (НВП), основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) и создания условий для ускоренного поэтапного перехода к новому уровню обучения пожилых. Особые требования предъявляются и к цифровой грамотности пожилых людей [4; 14], что позволит им не только, например, быстро эвакуироваться, но и через обратную связь на самом раннем этапе оценить и проконтролировать гуманитарную чрезвычайную помощь, наладить связь с родственниками. Цифровая неграмотность, психологическая неготовность к обучению, отсутствие необходимого информационного и психологического сопровождения к продолжению обучения в экстремальных условиях жизнедеятельности часто снижают мотивацию пожилых к получению нужных компетенций и, как следствие, уровню безопасности при попадании в ЧС.

Поэтому сейчас, в период различных политических и экономических манипуляций, так важно рассмотреть новые направления развития образования старшего поколения. Проблемой является и малое количество научных исследований по рассматриваемой теме. Все это требует осуществления продуманной внутренней политики в отношении пожилых людей, попавших в ЧС, включающую разработку новых подходов в образовании, так и «SOS-программ здравоохранения в рамках гуманитарного реагирования, экономической и социальной маргинализациии, необходимость защиты от жестокого обращения и эксплуатации, социальное обеспечение и межпоколенческую поддержку» [21].

Современные кризисы способны затрагивать все сферы жизнедеятельности пожилых людей и недостаточное внимание к образовательной составляющей геронтологической инфраструктуры такой быстрорастущей возрастной категории приводит к появлению дополнительных проблем, затрагивающих качество жизни всего старшего поколения [5; 15].

Целью исследования является систематизация данных в области безопасности пожилых в ситуации военного конфликта для выявления условий формирования психологической и социальной безопасности, повышения их мотивации на получение необходимых образовательных потребностей, способствующих выживанию. В связи с этим необходимо кардинально пересмотреть подходы, направленность и содержание обучения пожилых в регионах РФ, что будет способствовать повышению их сопротивляемости в ситуациях бедствия и их выживаемости.

К основным ***методам исследования*** относятся систематизация опыта по рассматриваемой проблеме в сфере геронтообразования, сравнительный анализ в рамках мирного и военного периодов с прогнозом сложившейся ситуации развития геронтообразованння.

Основная часть.

Безопасность пожилых в чрезвычайных ситуациях

Чрезвычайная ситуация социального характера приводит к нарушению равновесия общественных отношений, вызывает конфликты и войны. К ней можно отнести военные, межэтнические, межконфессиональные конфликты, массовые беспорядки, приводящие к человеческим жертвам и нарушению условий жизнедеятельности людей [11; 8].

Пожилые люди в ЧС оказываются в более уязвимом положении по сравнению с молодыми возрастными группами населения. Слабое физическое здоровье, психические нарушения и когнитивные расстройства влияют на их мобильность и способность адаптироваться в новых экстремальных условиях. Пробелы в данных по старшей возрастной категории не позволяют точно «дифференцировать пожилых и очень пожилых людей с их разными потребностями, возможностями и приоритетами» [21].

Во время военных конфликтов мы имеем двустороннее применение военной силы в социально-политических целях. Из-за бомбежек, актов терроризма, убийств, мародерства резко увеличивается число вынужденных переселенцев, а пожилые люди часто последними эвакуируются с опасных территорий, не желая покидать родные места проживания и подвергая свою жизнь еще большей опасности. Кроме того, пожилые люди в условиях военных конфликтов могут подвергаться дискриминации, насилию, жестокому обращению, отсутствию заботы и долгосрочному паллиативному уходу [9; 21].

В итоге можно выделить целый комплекс факторов по уязвимости пожилых людей в ЧС: полиморбидность, инвалидность, маломобильность, слабое финансирование, низкий уровень грамотности, отсутствие дезагрегированных данных и неспособность правильно оценить потребности.

Кроме того, уязвимость пожилых людей в ЧС может также носить социальный характер, когда на практике им не предоставляется психологическая и информационная поддержка. Часто они теряют своих близких и членов семьи и без социально-психологической поддержки не могут адекватно оценить сложившуюся ситуацию. А отсутствие диагностического инструментария (депрессий и деменции) в условиях приютов и временных центров размещения беженцев, нехватка подготовленных специалистов приводит к резкому ухудшению психического здоровья пожилых.

Таким образом, при анализе проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди при осуществлении своих прав человека в ЧС, можно отнести: отсутствие дифференцированных данных по пожилым и их слабый учет на этапе планирования; право на жилище при ограниченной мобильности; право на социальное и пенсионное обеспечение; право на труд; право на питание и здоровье, включая вакцинацию; утрата и разрушение социальных связей вследствие вынужденного перемещения; насилие, жестокое обращение и злоупотребления; влияние цифровых технологий при оказании экстренной помощи на фоне тотальной цифровой неграмотности [11;21].

Все это заставляет заранее выделять необходимые ресурсы на всех этапах планирования, реагирования и восстановления для поддержки прав пожилых людей в чрезвычайных ситуациях.

Хотелось бы отметить, что сегодня существует ряд документов, закрепляющих соблюдение прав и защиту мирного населения, оказавшегося в зоне боевых действий (Женевская конвенция о защите жертв войны, Конвенция о неприменении срока

давности к военным преступникам и преступлениям против человечности и др.). РФ признает все эти документы, они закреплены в Концепции национальной безопасности РФ, ФЗ «О военном положении», «Национальном стандарте РФ. Безопасность в ЧС» [20; 23]. Но так во время ведения военных действий не всегда соблюдаются международные правила, особенно по отношению к старшей возрастной группе мирного населения, то знание правил поведения в зоне военных конфликтов, умение их применять на практике и оказывать себе самопомощь в критический момент могут помочь пожилым выжить в чрезвычайных ситуациях. При этом важно не только обладать нужными образовательными компетенциями в сфере безопасности жизнедеятельности, но и обладать навыками психологической устойчивости, не поддаваться панике, уметь быстро принимать решение и адекватно действовать по обстановке.

Важно отметить, что начало 21 века можно отнести к периоду с постоянно нестабильной международной ситуацией, непрекращающимися военными конфликтами в различных частях земного шара и, как следствие, появлению перечисленных угроз в отношении пожилых людей. К этим ЧС прибавились еще такие глобальные социальные и общественно-политические вызовы, как пандемия коронавируса и цифровая революция, что только усилило напряженность в старшей возрастной группе.

Таким образом, чрезвычайные ситуации социального происхождения, связанные с деятельностью человека в социуме и носящие осознанный и целенаправленный характер, по своим разрушительным последствиям часто превосходят природные, техногенные, экологические и иные современные вызовы [5; 9]. Так или иначе, все эти виды современных вызовов отрицательно влияют на качество жизни пожилых людей, увеличивая адаптационный период. Такие комплексные проблемы ставят перед различными государствами в краткосрочной перспективе задачу реформирования геронтологического образовательного пространства с учетом напряженной международной обстановки и других современных вызовов.

Роль геронтообразования по обеспечению безопасности пожилых в условиях военного конфликта

Геронтообразование является заключительной частью непрерывного образования, которое способствует улучшению качества жизни людей старшего возраста, сохраняя и повышая уровень их социальной активности, адаптации к новым условиям жизнедеятельности и интеграции в социум [1]. Геронтообразование как составляющая геронтологичекой инфраструктуры РФ сегодня также нуждается в трансформационных изменениях из-за различных современных вызовов. По мнению Албеговой И.Ф. [1], большая часть пожилых и старых людей в российских регионах не включена в образовательное пространство, что в итоге исключает огромный человеческий потенциал из социального актива общества.

К основным проблемам мирного времени, тормозящим российское геронтообразование**,** можно отнести: «слабую кадровую базу преподавателей-герагогов и тьютеров, плохое материально-техническое оснащение учебной базы без учета возрастных ограничений; недофинансирование обучения пожилых; слабую мотивацию на обучение пожилых и их ближайшего окружения, плохое здоровье пожилых и отсутствие безопасной образовательной среды, гендерное расслоение обучающихся, недостаточное социально-психологическое и информационное сопровождение образовательного процесса, отсутствие единой государственной образовательной политики в геронтообразовании» [2; 16, 17].

Чрезвычайные ситуации в результате военного конфликта приводят к обострению многих из уже существующих проблем в области прав человека, с которыми

сталкиваются пожилые люди, включая и область геронтообразования. Особенно это актуально сейчас, в период глобального политического и экономического кризиса, когда «мировая цивилизация вновь находится на переломном рубеже» [5].

Ситуация СВО удивительным образом изменила образовательные предпочтения пожилых слушателей геронтологических образовательных организаций.

Опрос пожилых студентов по образовательным предпочтениям показал необходимость расширения направлений в области безопасности жизнедеятельности и закрепления практических навыков.

С 1 сентября 2023 года во всех российских школах своевременно преподают модуль НВП в рамках уроков основ безопасности жизнедеятельности, и сегодняшняя военная ситуация требует также пересмотра содержания геронтологических образовательных программ. Страна находится в состоянии затяжного военного конфликта, имеющего тенденцию к разрастанию (в зону досигаемости средств поражения попадают все новые регионы РФ, а диверсионные акты идут на территории всего российского государства), в связи с чем необходимо расширять содержание геронтологических образовательных программ за счет внедрения в них нужных блоков НВП и основ безопасности жизнедеятельности [5, 9, 10] и замотивировать пожилое население на получение нужных компетенций в сфере безопасности.

В базовую программу обучения пожилых в приграничных районах, а также стратегически на всей территории РФ, должны быть включены следующие блоки, включая основы НВП:

1. Основы медицинской самопомощи по оказанию первой помощи, которая оказывается в порядке само- и взаимопомощи с использованием подручных средств. Упор на ослабление действия поражающего фактора от осколочных ранений и последствий контузий;
2. Алгоритм действий в чрезвычайных ситуациях (включая действия по сигналам оповещения, осведомленность о планах эвакуации и других планах действий в ЧС);
3. Ориентировка на местности, обучение слаженным действиям попадания в укрытия и другим способам защиты, изучение средств индивидуальной защиты;
4. Основы пожарной и электробезопасности;
5. Основы противодействия терроризму и экстремизму;
6. Повышение уровня осведомленности об опасности мин и ВПВ на территориях, пострадавших от конфликта, и оперативного очищения от них придомовой территории;
7. Основы цифровой грамотности с порядком пользования средствами связи оповещения (куда звонить, мед. помощь, аварийные службы, оповещение по диверсионным действиям, если стали свидетелем и т.д.);
8. Психологическая составляющая: важно уметь взвешенно принимать решения, рационально действовать в экстренных ситуациях;
9. Основы психологической реабилитации;
10. Обеспечение механизмов обратной связи (с рассмотрением жалоб и обращений);
11. Основы законодательства в сфере социального обеспечения в ЧС.

Поэтому необходимо создание условий для ускоренного поэтапного перехода к новому уровню обучения пожилых, выделение финансов на такое обучение с обязательным информационным и психологическим сопровождением для повышения уровня мотивации пожилых к получению нужных компетенций. Это требует дальнейших исследований в области образовательных предпочтений в условиях неопределенности, адаптации к новым сложившимся реалиям жизни. Но пока мы имеем

резкий диссонанс между реальными социальными ожиданиями пожилых людей в отношении необходимых образовательных услуг и их реальной доступности в экстремальных условиях.

В итоге, на сегодняшний день, старшее поколение оказалось во многом не готово к рискам военного положения. Реформирование геронтообразования позволит пожилым стать более устойчивыми к социальным изменениям и лучше адаптироваться в условиях современных вызовов. Обучение пожилых выполняет не только важнейшую задачу овладения различными компетенциями, но и в условиях военных конфликтов, повышает их адаптивные способности к новой социально-экономической и политической ситуации [8].

Роль межпоколенческого взаимодействия в обучении пожилых в современных условиях

Одним из вариантов обучения в условиях современных вызовов для «необученных» пожилых людей является сегодня «цифровое волонтерство». В современных условиях увеличивается роль межпоколенческого взаимодействия в образовании пожилых, что особенно важно в преодолении цифрового разрыва.

Одним из вариантов обучения в новых условиях СВО для пожилых людей может стать «военное волонтерство». Основная задача таких волонтеров — обучение основам безопасности в условиях ЧС, цифровым гаджетам для получения sos-компетенций, помощь во всех видах реабилитации. Сегодня такими компетенциям обладают, например, военные волонтеры из гуманитарной миссии «Мы вместе», которые оказывают помощь жителям и социально значимым организациям на территориях, где ведутся военные действия и приграничных областях. Добровольцы не только закупают медикаменты и продукты, помогают беженцам обустроиться, но и посильно обучают пожилых, оставшихся в зоне боевого соприкосновения, нужным образовательным компетенциям. Там, где нет Интернета и цифровой информации, они развозят вместе с гуманитарными пайками газеты и методички, повышая уровень информационной безопасности.

В пунктах временного размещения нужно планировать и проводить обучающие занятия с целью лучшей адаптации пожилых беженцев, помогать наладить цифровую связь с потерянными родственниками, обучать пожилых работе с порталом Госуслуг, рассказывать о правилах информационной безопасности в сети и нахождению необходимой юридической информации. Такую работу могут выполнять студенты на практике из местных вузов и колледжей, а также студенты-волонтеры различных специальностей. Важнейшая составляющая-психологическая. Оказавшись в таких центрах часто в одиночестве и в отрыве от родственников, не обладая цифровой и правовой грамотностью, находясь в стрессе, часто пожилые не в состоянии адекватно оценить сложившуюся ситуацию, что приводит к резкому ухудшению их психического здоровья и требует постоянного социально-психологического сопровождения силами студентов-психологов и студентов-медиков. Контроль и диагностика должны осуществляться также психиатрами, так как стрессы у пожилых приводят к прогрессированию болезни Альцгеймера и других психических заболеваний.

Посильную помощь сейчас оказывают и члены Всероссийской организации ветеранов, которые во взаимодействии с органами исполнительной и законодательной власти, другими общественными организациями и молодежными структурами проводят разъяснительную работу среди населения после начала СВО. Сегодня созрела необходимость дальнейшего организационного укрепления ветеранских организаций, более эффективное использование их опыта в проведении военно-патриотических, культурно-массовых мероприятий среди всех возрастных категорий населения. В частности, можно использовать опыт ветеранов-участников боевых действий и военной

службы в организации жизнедеятельности всех возрастных групп в пунктах размещения эвакуированного населения.

Положительным примером в подготовке пожилых в сфере безопасности являются школы безопасности для граждан пожилого возраста и инвалидов на базе КЦСО в Иркутской области и некоторых других областях. Пожилых людей знакомят с видами опасностей, освоению методов защиты в ЧС, развивают способности анализировать такие ситуации и принимать адекватные решения, формируют уважительное отношение к собственной безопасности.

Таким образом, в современных условиях военных конфликтов в краткосрочной перспективе успешное развитие геронтообразования невозможно без межпоколенческого взаимодействия, при этом обучение и социальная интеграция должны продолжаться даже не смотря на трудности чрезвычайных ситуаций.

Выводы и рекомендации

На сегодняшний момент большинство пожилых людей не обладает комплексом необходимых образовательных компетенций в сфере психологической, социальной и информационной безопасности в случае попадания в экстремальные ситуации. С одной стороны, пожилые ориентированы на получение таких знаний, так как понимают, что это резко повышает уровень сопротивляемости и выживаемости в чрезвычайных условиях военного конфликта. С другой стороны, мы имеем психологическую неготовность пожилых по целому комплексу причин. Таким образом, качество жизни пожилых обучающихся существенно снижаются в условиях военных конфликтов, но мотивация на непрерывное обучение даже в сложных условиях жизнедеятельности позволит сохранить им социальную активность и желание развиваться.

В результате анализа материалов по теме исследования можно сформулировать практические рекомендации, позволяющие решить ряд проблем современного геронтообразования в условиях военных конфликтов и подготовиться к будущим глобальным вызовам современности.

К практическим рекомендациям на территориях, объявленных на военном положении в связи с СВО и приграничных регионах, можно отнести:

1. Принятие мер к обеспечению полного учета комплекса потребностей по основам безопасности пожилых людей и оказания им поддержки через программы помощи и восстановления (социальное обеспечение, жилище, здравоохранение, непрерывное образование, психологическое сопровождение) в соответствии с международным правом.
2. Постоянный мониторинг по образовательным предпочтениям, так как комплекс программ должен быть гибким для обучения в обычных и чрезвычайных ситуациях. Обязательное включение в базовую программу обучения блоков НВП и основ безопасности жизнедеятельности. Обучение пожилых основам безопасности, включающим НВП и цифровую SOS-грамотность, должно носить опережающий характер, чтобы пожилые в случае наступления экстремальной ситуации могли использовать уже заранее наработанные технологии безопасности.
3. Подготовка кадровой базы для обучения пожилых людей. Обучение пожилых на современном этапе в краткосрочной перспективе невозможно без межпоколенческого взаимодействия, волонтерской деятельности, ветеранских организаций и семейного сопровождения. На первых порах необходимо привлекать к обучению на добровольной основе в любом удобном формате (можно мобильными группами): волонтеров из среды студенческого движения; добровольцев, прошедших СВО, ветеранов боевых действий и иных желающих участвовать в обучении и психолого-педагогическом сопровождении

пожилых, обладающих необходимыми компетенциями и умеющими дифференцировать проблемы старшей возрастной группы населения.

На всей территории РФ включить в образовательную деятельность комплексных центров социального обслуживания (КЦСО) блоки НВП, чтобы пожилые люди были заранее подготовлены к возможным рискам в случае наступления чрезвычайной ситуации военного характера.

4. Усиление информационного сопровождения по обучению пожилых, повысить уровень регионального финансирования на обучение пожилых.

5. Внесение изменений в существующую нормативно-правовую базу по образованию пожилых как составляющей непрерывного образования по вопросам дополнительной социальной защиты не только самих пожилых, но и социальных преференций для лиц, участвующих в процессе геронтообразования в новых чрезвычайных условиях.

6. Создание условий для участия пожилых людей в разработке различных адаптационных программ выживания, в том числе привлекая их в качестве инструкторов и наставников.

Для решения этих проблем необходимо объединение усилий региональных чиновников и государственной поддержки на федеральном уровне, что позволит устранить разрыв между разработкой образовательной политики и ее осуществлением, скоординировать действия по старшей возрастной группе населения с целью более полного учета прав пожилых людей, оказавшейся в чрезвычайной ситуации военного конфликта.

Заключение. Таким образом, сложившаяся ситуация диктует необходимость наполнения геронтообразования новым содержанием, разработки новых подходов, более приближенных к существующим реалиям. В условиях военных конфликтов поддержка пожилого населения, включая социально-психологическую, является важным элементом общей системы защиты людей старшего возраста. Обращение к данной теме является одной из первых попыток актуализировать возникшие проблемы в области геронтообразования и, автор надеется, поможет в будущем разрешить существующие противоречия. Оптимизация геронтологического образовательного пространства с учетом изменившихся образовательных потребностей позволит пожилым людям сохранить прежнее качество жизни даже в условиях современной военно-политической обстановки. Причем в условиях военных конфликтов обучение пожилых в краткосрочной перспективе оказалось невозможно без межпоколенного взаимодействия, волонтерской деятельности, добровольческого движения и ветеранской помощи. Вектор геронтообразования должен быть гибким, отвечать сложившимся условиям жизнедеятельности и обеспечивать пожилому человеку не только социальную активность и высокое качество жизни, но и социальную безопасность как в мирное, так и в военное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Албегова И.Ф. Образование пожилых людей как условие и фактор их интеграции в российский социум / И.Ф. Албегова // Социальные и гуманитарные знания. — 2015. — Т. 1, № 4. — С. 256–259.
2. Грохотова Е.В. Сложности образования людей третьего возраста в России и за рубежом / Е.В. Грохотова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2019. — № 1. — С. 81–84. — https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0018.
3. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества / М.Э. Елютина, Э.Е. Чеканова // Социологические исследования. — 2003. — № 7. — С. 43–48.

4. Забелина Н.В. Технологии геронтообразования как основа социальной активности пожилых людей в современном российском обществе / Н.В. Забелина // Инновационная наука. — 2018. — № 3. — С. 96–99.
5. Канунникова Н.Г. Современные вызовы и угрозы международной безопасности / Н Г. Канунникова // Социально-политические науки. — 2018. — № 5. — С. 230–232.
6. Касьянова Т.И., Воронина Л.И., Резер Т.М. Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста / Т.И. Касьянова, Л.И. Воронина, Т.М. Резер // Образование и наука. — 2020. — Т. 22, № 2. — С. 120–140. — https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-2-120-141.
7. Клецов А.С. Защита и действия населения в чрезвычайных ситуациях : учеб. пособие / А.С. Клецов. — М. : Изд-во МГУ, 2014. — 384 с.
8. Колмыкова М.А. Вызовы современного общества: особенности и типология / М.А. Колмыкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 8. — С. 39–42. — https://doi.org/10.23672/m7723-0823-3742-o.
9. Крапухин В.В. Поддержка уязвимых групп населения в чрезвычайных ситуациях / В.В. Крапухин // Технологии гражданской безопасности. — 2022. — Т. 19, № 2. — С. 69–73. — https://doi.org/10.54234/CST.19968493.2022.19.2.72.13.69.
10. Кудряшов Б. Энциклопедия выживания. Выживание в зоне вооружённых конфликтов / Б. Кудряшов. — Краснодар : Советская Кубань, 1999. — 336 с.
11. Матвеев А.В., Коваленко А.И. Основы организации защиты населения и территорий в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени: учебное пособие/под ред. А.В. Матвеева. — СПб: Изд-во ГУАП, 2007. — 224 с.
12. Мосина О.А., Ахтаов Р.А. Стратегические направления современного геронтообразования / О.А. Мосина, Р.А. Ахтаов // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 3. — С. 18.
13. Мосина О.А., Матайс А.С. Геронтообразование в контексте парадигмы непрерывного образования / О.А. Мосина, А.С. Матайс // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8, № 5/3. — С. 109–111.
14. Роботова А.С. Люди третьего возраста как субъекты непрерывного образования: методология и основные направления изучения / А.С. Роботова // Непрерывное образование: XXI век. — 2014. — № 4. — С. 37–54.
15. Сидорчук Т.А. Социально-психологические аспекты трансформации геронтообразования в условиях современных вызовов / Т.А. Сидорчук // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2022. — № 12. — С. 78–81. — https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.12.18.
16. Сидорчук Т.А., Сидорчук М.А. Удовлетворённость качеством образовательных услуг пожилых людей в системе дополнительного образования / Т.А. Сидорчук, М.А. Сидорчук // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2022. — Т. 11, № 1-А. — С. 91–100. — https://doi.org/10.34670/AR.2022.67.15.008.
17. Сорокин Г.Г. Образование пожилых граждан как ответ на актуальные вызовы современности / Г.Г. Сорокин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2011. — № 3. — С. 42–47.
18. Сорокин Г.Г., Фокина Е. Н. Геронтообразование: институциональный анализ / Г.Г. Сорокин, Е.Н. Фокина // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2019. — № 1. — С. 9–16. — https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-3-89-103.
19. Eakin, T., & Witten, T. M. (2018). Mechanics of population aging and survival. Biogerontology, 19(3–4), 251–269. https://doi.org/10.1007/s10522-018-9751-9

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Национальный стандарт РФ. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Первоочередное жизнеобеспечение пострадавшего населения (Приказ Росстандарта от 14.03.2022 N 129-ст https://mchs.gov.ru/dokumenty/6416 (дата обращения: 28.01.2026).
21. Организация Объединённых Наций. Доклад Независимого эксперта по вопросу осуществления всех прав человека пожилыми людьми. — 2020. — Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/olderpersons/a-hrc-45-14-german.pdf (дата обращения: 28.01.2026).
22. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 28.01.2026).

23. Федеральный закон Российской Федерации «О военном положении» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. — 2002. — № 5. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 28.01.2026).

REFERENCES

1. Albegova I.F. (2015). Obrazovanie pozhilykh liudei kak uslovie i faktor ikh integratsii v rossiiskii sotsium [Education of older people as a condition and factor of their integration into Russian society]. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia, 1(4), pp. 256–259. DOI not assigned. (In Russian)
2. Grokhotova E.V. (2019). Slozhnosti obrazovaniia liudei tret'ego vozrasta v Rossii i za rubezhom [Difficulties of education of third-age people in Russia and abroad]. Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiia, (1), pp. 81–84. https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0018 (In Russian)
3. Eliutina M.E., & Chekanova E. E. (2003). Pozhiloi chelovek v obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo obshchestva [An elderly person in the educational space of modern society]. Sotsiologicheskie issledovaniia, (7), pp. 43–48. DOI not assigned. (In Russian)
4. Zabelina N.V. (2018). Tekhnologii gerontoobrazovaniia kak osnova sotsial'noi aktivnosti pozhilykh liudei v sovremennom rossiiskom obshchestve [Gerontoeducation technologies as the basis of social activity of older people in modern Russian society]. Innovatsionnaia nauka, (3), pp. 96–99. DOI not assigned. (In Russian)
5. Kanunnnikova N.G. (2018). Sovremennye vyzovy i ugrozy mezhdunarodnoi bezopasnosti [Modern challenges and threats to international security]. Sotsial'no-politicheskie nauki, (5), pp. 230–232.(In Russian)
6. Kas'ianova T.I., Voronina L.I., & Rezer T.M. (2020). Obrazovatel'nyi potentsial rossiiskikh grazhdan pozhilogo vozrasta [Educational potential of elderly Russian citizens]. Obrazovanie i nauka, 22(2), pp. 120–140. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-2-120-141 (In Russian)
7. Kletsov A.S. (2014). Zashchita i deistviia naseleniia v chrezvychainykh situatsiiakh [Protection and actions of the population in emergency situations]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 384 p. (In Russian)
8. Kolmykova M.A. (2021). Vyzovy sovremennogo obshchestva: osobennosti i tipologiia [Challenges of modern society: features and typology]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, (8), pp. 39–42. https://doi.org/10.23672/m7723-0823-3742-o (In Russian)
9. Krapukhin V.V. (2022). Podderzhka uiazvimykh grupp naseleniia v chrezvychainykh situatsiiakh [Support of vulnerable population groups in emergency situations]. Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti, 19(2), pp. 69–73. https://doi.org/10.54234/CST.19968493.2022.19.2.72.13.69 (In Russian)
10. Kudriashov B. (1999). Entsiklopediia vyzhivaniia. Vyzhivanie v zone vooruzhennykh konfliktov [Encyclopedia of survival. Survival in armed conflict zones]. Krasnodar: Sovetskaia Kuban, 336 p. (In Russian)
11. Matveev A.V., & Kovalenko A.I. (2007). Osnovy organizatsii zashchity naseleniia i territorii v chrezvychainykh situatsiiakh mirnogo i voennogo vremeni [Fundamentals of organizing protection of population and territories in emergency situations of peacetime and wartime]. Saint Petersburg: GUAP Publishing House, 224 p. (In Russian)
12. Mosina O.A., & Akhtaov R.A. (2019). Strategicheskie napravleniia sovremennogo gerontoobrazovaniia [Strategic directions of modern gerontoeducation]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia, (3), pp. 18. DOI not assigned. (In Russian)
13. Mosina O.A., & Matais A.S. (2016). Gerontoobrazovanie v kontekste paradigmy nepreryvnogo obrazovaniia [Gerontoeducation in the context of lifelong learning paradigm]. Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl', 8(5/3), pp. 109–111. DOI not assigned. (In Russian)
14. Robotova A.S. (2014). Liudi tret'ego vozrasta kak sub"ekty nepreryvnogo obrazovaniia: metodologiia i osnovnye napravleniia izucheniia [Third-age people as subjects of lifelong education]. Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek, (4), pp. 37–54. DOI not assigned. (In Russian)
15. Sidorchuk T.A. (2022). Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty transformatsii gerontoobrazovaniia v usloviiakh sovremennykh vyzovov [Socio-psychological aspects of gerontoeducation transformation under modern challenges]. Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Poznanie, (12), pp. 78–81. https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.12.18 (In Russian)
16. Sidorchuk T.A., & Sidorchuk M.A. (2022). Udovletvorennost' kachestvom obrazovatel'nykh uslug pozhilykh liudei v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniia [Satisfaction with the quality of educational services for older people]. Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia, 11(1-A), pp. 91–100. https://doi.org/10.34670/AR.2022.67.15.008 (In Russian)
17. Sorokin G.G. (2011). Obrazovanie pozhilykh grazhdan kak otvet na aktual'nye vyzovy sovremennosti [Education of elderly citizens as a response to modern challenges]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriia: Sotsial'nye nauki, (3), pp. 42–47. DOI not assigned. (In Russian)

18. Sorokin G.G., & Fokina, E. N. (2019). Gerontoobrazovanie: institutsional'nyi analiz [Gerontoeducation: an institutional analysis]. Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiia. Ekonomika. Politika, (1), pp. 9–16. https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-3-89-103 (In Russian)
19. Eakin T., & Witten T.M. (2018). Mechanics of population aging and survival. Biogerontology, 19(3–4), pp. 251–269. https://doi.org/10.1007/s10522-018-9751-9 (In English)

Поступило в редакцию 08.02.2026г.

NEW TRAJECTORIES OF GERONTOLOGY IN CONDITIONS OF MILITARY CONFLICT

T.A. Sidorchuk

This article summarizes data on the safety of the elderly in military conflict situations to identify the conditions for developing psychological and social security. Today, one of the most important issues in gerontological education is teaching the basics of safety to elderly people in emergency situations. One of the most important tasks is to motivate the elderly population to acquire the necessary educational competencies in the area of safety in the event of a military emergency. The main research methods include systematizing the experience of gerontological education on this issue, a comparative analysis during peacetime and wartime, and a forecast of the current situation for the development of gerontological education. Basic educational programs for the elderly should include modules for basic military training. However, there is currently a sharp dissonance between the social expectations of older people regarding educational services and the actual needs of older people to learn in extreme conditions. Recommendations are provided, taking into account the specific features of the gerontological educational space in military conflict situations.

Keywords: gerontological education, educational needs, elderly, military conflict, motivation to learn, social and psychological security.

Сидорчук Татьяна Александровна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Смоленский государственный медицинский университет, Российская Федерация, г. Смоленск.
Доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук
Директор Смоленского института третьего возраста.
ORCID 0000-0001-6610-9314.
E-mail: Week24@mail.ru

Sidorchuk Tatyana Aleksandrovna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Smolensk State Medical University, Russian Federation, Smolensk.
Associate Professor, Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine, and Social Sciences
Director of Smolensk Institute of the Third Age.

ORCID 0000-0001-6610-9314.
E-mail: Week24@mail.ru

Научная статья
УДК 159.9:316.64
DOI: 10.5281/zenodo.21129935

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОВЕРИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2026 *А.А. Шаров*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»
ORCID 0000-0002-0635-1413

В статье показаны результаты эмпирического исследования взаимосвязи виртуального доверия и форм социальной активности молодежи в виртуальной среде. В исследовании приняли участие 300 респондентов, средний возраст 20,3 лет. Методы сбора данных: теоретический анализ источников по изучаемой проблематике социальной активности и доверия, психологическое тестирование (опросник доверия молодёжи к виртуальной среде Т. В. Белых, А. А. Шарова, Е. Б. Князева, В. В. Белых, авторские вопросы-шкалы диагностики степени выраженности 8 форм социальной активности молодежи в виртуальной среде). Анализ полученных результатов продемонстрировал, что существуют значимые взаимосвязи между доверием к информации и культурно-досуговой активностью, образовательно-развивающей, гражданской, социально-экономической, протестной, а также спортивной виртуальной активностью. Предиктором образовательно-развивающей, гражданской, социально-экономической, культурно-досуговой, протестной и спортивной активности в виртуальной среде является доверие к информации. На основании полученных данных предложены рекомендации в рамках работы по психолого-педагогическому сопровождению обучающейся молодежи.

Ключевые слова: взаимосвязь, виртуальное доверие, доверие к информации, предиктор, кибербезопасность, социальная активность.

Для цитирования: Шаров А.А. Взаимосвязь доверия и социальной активности в виртуальной среде у представителей современной молодежи / А.А. Шаров // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 341–350. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21129935.

Введение. Социальная активность населения и в частности молодого поколения претерпевает значительные изменения, поскольку усложняются условия функционирования общества. Это связано с рядом факторов оказывающих влияние на социальные условия, в частности, пандемической ситуации и периодом постпандемии, проведением специальной военной операции, доступностью гаджетов, высокоскоростного стационарного и мобильного интернета и т.д. В наших предшествующих исследованиях показано, что в структуре социальной активности молодежи важное место занимает интернет-сетевая и виртуально-поисковая активность [12]. Идентичные результаты показаны и другими исследователями. Так, Р.М. Шамионов и Н.В. Суздальцев констатируют, что в виртуальной среде российская молодежь осуществляет следующие виды социальной активности в онлайн-формате: дружескую, образовательную, а также досуговую формы [10]. Согласно другим данным, полученным И.И. Щемелевой, почти 90 % проанкетированных студентов предпочитают онлайн-активность ввиду быстрой передачи информации, широкого охвата аудитории,

возможности анонимности общения, а 93 % обучающихся полагают, что виртуальная среда способствует росту социальной активности в целом. Почти треть заявленных респондентов состоят в более чем 16 виртуальных сообществах [13]. Сходные результаты демонстрируются в работе зарубежных исследователей. Так, китайскими коллегами (Y.Yang et.al.) обнаружено, что активность в виртуальном пространстве в настоящее время приобрела массовый характер и охватывает более 80 % молодого населения [14]. Учитывая данные тенденции, встает вопрос о социально-психологических предикторах виртуальной активности, в частности, доверия к виртуальной среде в целом, отдельному виду контента, процедуре взаимодействия в онлайн-формате. Так, Ю.В. Веселовым выдвигается тезис о трансформации доверия в современном обществе, идущего от доверия личностного и институционального к доверию безличному, а затем и к цифровому (виртуальному) доверию, под которым понимается уверенность пользователей в безопасности как контента в целом, так и взаимодействия в киберпространстве. Автором показано, что виртуальному доверию препятствуют такие факторы, как низкая цифровая грамотность, относительно невысокая безопасность хранения персональных данных. Отдельно подчеркивается, что в настоящее время доверие в реальной среде существует наравне с виртуальным доверием, которое, безусловно, является новым социально-психологическим феноменом, требующим всестороннего изучения [3]. Что касается исследований доверия к виртуальной среде, то можно выделить работу Н. Л. Сунгуровой с соавторами, где изучались особенности личностного доверия в условиях сетевой активности российских и иностранных студентов. Показано, что иностранные студенты склонны к проявлению личностного доверия в интернет-коммуникации, тогда как российские студенты предпочитают доверять проверенным источникам [8]. В работе московских исследователей (Э. О. Тункевичус, В.А. Ребязина) представлена многокомпонентная теория цифрового доверия потребителей на российском рынке. Авторами проведено эмпирическое исследование, позволившее оценить влияние разных переменных потребительского доверия на формирование общего доверия к онлайн-сервису в контексте его использования [9]. Необходимо выделить исследование Видясовой Л.А. с соавторами, где выделяются следующие виды доверия в киберсреде: институциональное (к организациям), транзакционное (к взаимодействию с другими личностями и группами) и информационное (достоверность информации) [4]. Таким образом, прослеживается интерес российских и зарубежных исследователей к вопросам социальной онлайн-активности ее видам, доверию к виртуальной среде и его структуре и выраженности. В связи с этим, встает вопрос о том, является ли виртуальное доверие взаимосвязанным с социальной активностью молодежи в виртуальном пространстве. Актуальность исследования обусловлена расширением сфер активности в онлайн-формате, растущими киберугрозами, мошенническими атаками в виртуальном пространстве. Новизна исследования состоит в изучении не просто обобщенного (общего) доверия или различных его видов во взаимосвязи со сферами социальной активности, а именно доверия к виртуальной среде и форм социальной активности в этой виртуальной среде. Другими словами, социальная активность молодежи и ее такая социально-психологическая характеристика как доверие, изучается в настоящем исследовании исключительно в плоскости виртуальности.

С целью получения нового знания о взаимосвязи доверия к виртуальной среде и форм активности личности молодежи также в виртуальном пространстве и его последующего использования для психологической работы в рамках формирования цифровой культуры и личной кибербезопасности, нами проведено настоящее

эмпирическое исследование. **Материалы и методы исследования.** Цель исследования: выявить и описать взаимосвязь (как на уровне корреляционного, так и регрессионного анализа) видов виртуального доверия и форм социальной активности молодежи в виртуальной среде.

Гипотезы исследования.

1. Существуют значимые взаимосвязи между видами виртуального доверия и различными формами активности молодежи в виртуальной среде.

2. Рассматриваемые виды виртуального доверия являются предикторами форм социальной активности молодежи в виртуальной среде.

В контексте подтверждения, либо опровержения названных гипотез использовался авторский диагностический инструментарий. Опросник доверия молодёжи к виртуальной среде (Т. В. Белых, А. А. Шаров, Е. Б. Князев, В. В. Белых), позволяющий оценить доверие к информации, источнику информации, а также доверие к самому процессу виртуального общения. Шкала «доверие к информации» содержит 6 пунктов и подразумевает Оценку проверки достоверности источников информации, просмотра всплывающих окон с рекламной информацией без их блокировки, общего доверия к рекламной информации товаров и услуг, а также отсутствие активности в плане проверки информации, исходящей от друзей в социальных сетях и мессенджерах. Шкала «доверие к процессу виртуального общения» включает в себя 7 вопросов, которые направлены на оценку виртуального пространства в рамках идеальной платформы для взаимодействия, коммуникации и обменом контентом. Также в обозначенную шкалу включаются вопросы об оценке общих интересов как основы доверия в контексте интернет-коммуникации, об оценке разнообразных форм передачи (текстовый формат, голосовые сообщения, изображения, видео) эмоциональных состояний и настроения в целом. Кроме того, оценивается возможность в плане поиска заказчиков, покупателей, клиентов. И третья шкала «доверие к источнику информации» содержит 7 вопросов, оценивающих время существования интернет-источника, его дизайн и понятный путь навигации, разнообразие контента, регулярное обновление информации и грамотная его подача, а также возможность коммуникации в плане комментариев и обсуждений как факторов доверия к нему. Кроме того, подлежит оценки репутация источника информации в том числе по совету друзей и знакомых. Также опросник включает общую шкалу доверия к виртуальной среде, интегрирующую все вышеописанные показатели. Отметим, что в дальнейшем анализе полученных показателей нами не бралась в расчет обозначенная общая шкала, поскольку, акцент исследования сделан именно на видах доверия к виртуальной среде, а не на общим его уровне выраженности в целом.

Полная структура опросника и данные его психометрической проверки представлены в предыдущей опубликованной нами работе [2].

В рамках диагностики степени выраженности форм активности молодежи в виртуальной среде (образовательно-развивающая, гражданская, спортивная, социально-экономическая, оздоровительно-профилактическая, культурно-досуговая, духовно-религиозная, а также протестная) использовались авторские шкалы, где респонденты оценивали от в диапазоне 1 до 7 выраженность каждой заявленной формы социальной активности. Приведем подробное описание заявленного авторского инструментария.

Образовательно-развивающая активность оценивалась респондентами с помощью шкалы-вопроса: «онлайн-участие в олимпиадах; конкурсах; научных конференциях; проектно-исследовательская деятельность посредством виртуальных сервисов; посещение в онлайн-формате развивающих тренингов, публичных лекций, мастер-классов и других мероприятий, направленных на развитие личности и приобретение новых навыков».

Гражданская активность молодежи оценивалась с помощью шкалы-вопроса: «виртуальное участие в деятельности неполитических организаций; выражение гражданской позиции на сайтах неправительственных организаций, общественных объединений, в социальных сетях, видеохостингах; посещение онлайн-митингов). Оценка спортивной активности подразумевала просмотр контента, содержащего спортивные новости, результаты соревнований и аналитику; участие в бесплатных онлайн-тренировках и тренировках по подписке; посещение онлайн-платформ по тематике киберспорта.

Социально-экономическая активность подразумевала оценку выраженности разнообразных форм заработка в интернете; онлайн-приобретение товаров и услуг; виртуальные опросы; участие в инвестиционных онлайн-проектах. Оздоровительно-профилактическая с помощью шкалы-вопроса: «поиск информации о профилактике заболеваний, вакцинации, поисковая активность на популярно-медицинских, сайтах структур здравоохранения, медицинских сайтах, в том числе, онлайн-сервисах в рамках получения консультации медицинских работников» Культурно-досуговая активность с помощью шкалы-вопроса: «виртуальные путешествия по интересным местам; чтение литературы различного жанра в онлайн-библиотеке; компьютерные и онлайн-игры (квесты, экшн, ролевые игры, стратегии, симуляторы, логические и азартные и др.); другие виртуальные хобби; организация и/или проведение онлайн-встреч с друзьями, коллегами посредством облачных платформ; организация и участие в командных онлайн-играх, конкурсах)». Духовно-религиозная оценивалась с помощью шкалы-вопроса: «онлайн-чтение мировой художественной и религиозной литературы; виртуальное посещение выставок в разных областях искусства участие онлайн-посещение различных религиозных собраний, страниц в социальных сетях, форумов, конфессиональных праздников, блогов священнослужителей». Образовательно-развивающая активность подразумевала оценку онлайн-участия респондентов в олимпиадах; конкурсах; научных конференциях; проектно-исследовательская деятельность посредством виртуальных сервисов; посещение в онлайн-формате развивающих тренингов, публичных лекций, мастер-классов и других мероприятий, направленных на развитие личности и приобретение новых навыков. Наконец протестная активность предусматривала открытое выражение протестной позиции в виртуальной среде к политическим партиям, лидерам и акциям; привлечение молодежи к протестной риторике в социальных сетях, выражение на виртуальных площадках. Разработка заявленных шкал проходила на основании ранее применяемого авторского инструментария в контексте диагностики выраженности видов социальной активности молодежи, преимущественно в реальной среде [7]. Обозначенные восемь разработанных шкал проверены на очевидную валидность (5 студентов, обучающихся по профилю подготовки бакалавриата психолого-педагогического направления), содержательную валидность профессиональными экспертами (5 человек), имеющими ученые степени, а также опыт практической психологической работы. По итогам данного этапы формулировки видов социальной активности в виртуальной среде были переформулированы и дополнены.

Согласованность экспертных мнений вычислялась с помощью коэффициента конкордации Кендалла. Выявленный показатель (W=0,75) свидетельствует о приемлемой степени согласованности экспертных мнений. Полученная интегральная оценка α-Кронбаха по заявленным шкалам составила $\alpha = 0{,}786$, что свидетельствует о достаточной надежности и возможной пригодности в научно-исследовательских целях. Таким образом, диагностическая батарея включала в себя новейший авторский

инструментарий в контексте изучения социальной активности молодежи в виртуальной среде, а также видов доверия к обозначенной виртуальной среде.

Выборка составила 300 респондентов из числа представителей молодежи, из них, лиц женского пола n=193, мужского n=107, средний возраст 20,3 лет, жителей областных центров — 41 %, мегаполиса — 33 %, пригорода и села 26 %. Опрос проводился в период с октября по ноябрь 2025 года в онлайн-формате (Яндекс-формы) и носил анонимный характер. Статистический пакет для анализа данных — программа JASP 0.19.2. Статистические процедуры настоящего исследования: вычисление описательной статистики, критерия Шапиро-Уилка, проведение корреляционного анализа по Пирсону, процедуры множественного регрессионного анализа (метод Stepwise).

Основная часть. Представим полученные данные описательной статистики по изучаемым показателям социальной активности молодежи в виртуальной среде и видам доверия в таблице 1.

Таблица 1. Описательная статистика показателей виртуального доверия и активности

Переменные видов виртуального доверия и форм социальной активности в виртуальной среде	**Минимум**	**Максимум**	**Среднее**	
	Статистика		**Статистика**	**Стандартное отклонение**
Доверие к процессу виртуального общения	3	28	14,3	6,2
Доверие к информации	4	11	6,0	4,5
Доверие к источнику информации	1	26	12,3	5,5
Культурно-досуговая активность	4	7	5,2	1,6
Образовательно-развивающая активность	4	6	5,2	1,7
Гражданская	4	6	4,9	1,5
Социально-экономическая	4	7	5,2	1,6
Протестная	2	7	4,7	1,7
Духовно-религиозная	1	4	2,1	1,4
Оздоровительно-профилактическая	4	6	4,3	1,7
Спортивная	4	7	5,0	1,5

Исходя из показателей в таблице видно, что согласно средним значениям наиболее выраженным является доверие к процессу виртуального общения (14,3) далее следует доверие к источнику информации (12,3) и наконец, доверие к информации (6.0). Полученные показатели согласуются с данными, полученными по данной методике в рамках изучения доверия к виртуальной среде как фактора дезадаптивной подчиняемости молодежи в контексте онлайн-взаимодействия. Уровень выраженности доверия к источнику информации составляет 12,5 балла, а доверия к информации 6,9 баллов [1]. Это значит, что в молодежной среде на низком уровне выражены рассматриваемы виды виртуального доверия. Возможно, это обусловлено, с одной стороны, рисками, связанными с различного рода мошенническими действиями в виртуальном пространстве, а с другой — возрастающим уровнем использования технологий искусственного интеллекта и скептическим отношением к выдаваемой им информацией. Другими словами, низкий уровень в данном случае, может выступать как защитный механизм в условиях переизбытка информации и современных цифровых рисков.

Что касается форм социальной активности в виртуальной среде, то наиболее выраженными являются культурно-досуговая, образовательно-развивающая и социально-экономическая (5,2), а далее следуют спортивная (5,0), гражданская (4,9) протестная (4,7), оздоровительно-профилактическая (4,3) и духовно-религиозная (2,1). Приведенные результаты согласуются с ранее представленными исследованиями других отечественных авторов. Так, А. И. Заграничным выявлено, что молодежь осуществляет деятельность в виртуальной среде (среднее значение 3,1) [5], а Р.М. Шамионовым с соавторами показано, что общий уровень предпочтения молодежью активности в онлайн-среде равен среднему значению 3,8) [11]. Это означает, что современная молодежь в онлайн-среде осуществляет социальную активность.

Нормальность распределения проверялась при помощи критерия Шапиро-Уилка. Полученные значения по показателю p-уровня находятся в диапазоне значимости > 0,05, что позволяет применять параметрические статистические методы.

Для подтверждения первой выдвинутой гипотезы была проведена процедура корреляционного анализа по Пирсону, с помощью которого обнаружились следующие взаимосвязи: доверия к информации в виртуальной среде с культурно-досуговой активностью ($r=0,239$, $p< 0,001$), образовательно-развивающей ($r=0,366$, $p < 0,05$), гражданской ($r=0,289$, $p< 0,001$), социально-экономической ($r=0,340$, $p< 0,001$), протестной ($r=0,216$, $p< 0,001$), а также спортивной виртуальной активностью. Это значит, что чем больше будет доверие к информации, тем выше будет культурно-досуговая, образовательно-развивающая, гражданская, социально-экономическая, спортивная и протестная активность в виртуальной среде. Полученные показатели можно проинтерпретировать следующим образом. Вероятно, что в условиях большого количества виртуального контента у пользователя молодого возраста наблюдается дефицит времени как на проверку репутации источника информации, так и на анализ самого процесса коммуникации, ведь так или иначе, любой пользователь сталкивается сначала именно с самой информацией как таковой. Другими словами, доверие или недоверие к контенту в виртуальной среде обусловливается оценкой текстовой или визуальной информации. Любопытным является отсутствие как положительных, так и отрицательных взаимосвязей доверия к процессу виртуального общения и доверия к источнику с изучаемыми видами социальной активности молодежи в виртуальной среде. На наш взгляд это может быть обусловлено, с одной стороны, первичностью доверия к информации перед доверием к самому источнику и процессу взаимодействия, а с другой — особенностью психодиагностического инструментария, направленного на выявление степени выраженности, как форм социальной активности, так и обозначенных видов доверия. Также подчеркнем, что не выявлено взаимосвязей видов доверия к виртуальной среде и духовно-религиозной и оздоровительно профилактической онлайн-активности. Можно предположить, что отсутствие взаимосвязей обусловлено более низкими показателями (и средним значением) этих видов активностей. Обратим внимание на то, что использованный инструментарий является новейшей авторской разработкой и может впоследствии подвергаться модификации, что, однако, не снижает ценности впервые полученных результатов. Таким образом, первая выдвинутая нами гипотеза нашла свое частичное подтверждение.

В рамках подтверждения второй гипотезы были осуществлены следующие статистические процедуры. Перед проведением процедуры регрессионного анализа была проведена диагностика наличия коллинеарности между изучаемыми независимыми переменными (видами доверия к виртуальной среде). В результате полученные величины коэффициентов инфляции дисперсии (VIF) варьируются в приемлемом диапазоне что

свидетельствует о пригодности данных к дальнейшему построению регрессионных моделей. Значения коэффициентов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Описательная статистика показателей виртуального доверия и активности

Переменные видов виртуального доверия	Значения коэффициента инфляции дисперсии
Доверие к процессу виртуального общения	1,023
Доверие к информации	1,038
Доверие к источнику информации	1,056

В результате проведения восьми процедур регрессионного анализа где, зависимыми переменными являлись виды социальной активности в виртуальной среде (культурно-досуговая, образовательно-развивающая, гражданская, социально-экономическая, протестная, духовно-религиозная, оздоровительно-профилактическая и спортивная), а независимыми виды доверия в виртуальной среде (доверие к процессу виртуального общения, доверие к информации, доверие к источнику информации), получены статистически значимые модели, в которых доверие к информации является единственным значимым предиктором некоторых видов активности. Статистические показатели значимых предикторов и характеристики регресионных моделей представлены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Вид доверия как предиктора с показателем стандартизированного коэффициента и значимости	Вид активности	Общая характеристика регрессионных моделей
		t, R2, F, p
Доверие к информации в виртуальной среде		
β=0,128, p=0,027	Образовательно-развивающая	t=2.21, R2=0.056, F=4.92, p =0,027
β=0,289, p < 0,001	Гражданская	t=5.20, R2=0,083, F=27.06, p < 0,001
β=0,340, p < 0,001	Социально-экономическая	t=6.23, R2=0,116, F=38.92, p < 0,001
β=0,216, p < 0,001	Протестная	t=3.82, R2=0,047, F=14.59, p < 0,001
β=0,222, p < 0,001	Спортивная	t=3.93, R2=0,049, F=15.48, p < 0,001
β=0,242, p < 0,001	Культурно-досуговая	t=4.25, R2=0,077, F=8.23, p < 0,001

Из таблицы видно, что предиктором гражданской, образовательно-развивающей, социально-экономической, культурно-досуговой, протестной, а также спортивной активности в виртуальной среде является доверие к информации. Полученные данные согласуются с ранее опубликованными результатами. Так, в исследовании А.Б. Купрейченко, Е.В. Шляховой именно доверие к информации обозначается важным фактором доверия к медиа ресурсам. Более того, выделяются свойства информации, например, такие, как полнота, актуальность и т.д.[6].

Можно констатировать, что исследование позволило впервые выявить и описать взаимосвязи доверия к виртуальной среде и форм виртуальной активности личности. Также впервые выявлен положительный и значимый предиктор, влияющий на различные формы активности молодежи в виртуальной среде: это доверие к информации. Это можно объяснить аналогично нашей предыдущей интерпретацией взаимосвязей, обозначенной

выше. Вероятно, обилие разнообразного виртуального контента у пользователя вызывает временной дефицит в аспекте проверки как репутации источника информации, так анализа самого процесса коммуникации. Получается, что визуальная, аудиальная оценка самой информации является первостепенным фактором доверия к ней.

Несмотря на выявленную статистическую значимость проведенных процедур множественного регрессионного анализа, диапазон выявленных коэффициентов детерминации составил от 5,6 до 11,6 %, что может прямо указывать на совокупную детерминацию видов социальной активности молодежи в виртуальной среде, на которые, возможно, помимо доверия к информации, оказывает влияние и ряд других психологических факторов. Этот факт требует дополнительного рассмотрения и дальнейшего эмпирического изучения. Таким образом, частично подтвердилась выдвинутая нами вторая гипотеза. Следует также обозначить перспективы продолжения исследования. Это, прежде всего, численность выборки, которую в следующих изысканиях необходимо существенно увеличить, а также расширить набор форм социальной активности молодежи в виртуальной среде.

Заключение.

Гипотезы, выдвинутые нами вначале настоящего эмпирического исследования, нашли свое частичное подтверждение.

1. Существуют значимые взаимосвязи между доверием к информации в виртуальной среде и формами онлайн-активности молодежи. Доверие к информации в виртуальной среде положительно взаимосвязано с культурно-досуговой активностью, образовательно-развивающей, гражданской, социально-экономической, протестной, а также спортивной виртуальной активностью.

2. Предиктором образовательно-развивающей, гражданской, социально-экономической, культурно-досуговой, протестной и спортивной активности в виртуальной среде является доверие к информации.

Учитывая полученные данные, можно предположить мероприятия психологического плана в рамках сопровождения обучающейся молодежи в образовательных организациях. Обосновано будет рекомендовать наблюдение в динамике за выраженностью показателей доверия к виртуальной среде, а также предусмотреть возможность диагностики доверия к различным формам контента, разработать и реализовать на основании полученных данных тренинговые мероприятия в рамках противостояния киберугрозам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белых Т.В., Князев Е.Б., Шаров А.А., Белых В.В. Предикторы дезадаптивной подчиняемости молодежи в виртуальной среде / Т.В. Белых, Е.Б. Князев, А.А. Шаров, В.В. Белых // Перспективы науки и образования. — 2025. — № 5. — С. 469–481. — https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.29
2. Белых Т.В., Шаров А.А., Князев Е.Б., Белых В.В. Опросник доверия молодежи к виртуальной среде: разработка и валидизация / Т.В. Белых, А.А. Шаров, Е.Б. Князев, В.В. Белых // Перспективы науки и образования. — 2025. — № 4. — С. 344–356. — https://doi.org/10.32744/pse.2025.4.22
3. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе / Ю.В. Веселов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2020. — Т. 13. — Вып. 2. — С. 129–143. — https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202
4. Видясова Л.А., Тенсина Я.Д., Кабанов Ю.А. Результаты эмпирического исследования киберсоциального доверия среди жителей Петербурга / Л.А. Видясова, Я.Д. Тенсина, Ю.А. Кабанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2020. — Т. 13. — Вып. 2. — С. 236–254. — https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.208
5. Заграничный А.И. Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах / А.И. Заграничный // Общество: социология, психология, педагогика. — 2019. — № 4. — С. 95–98. — https://doi.org/10.24158/spp.2019.4.16

6. Купрейченко А.Б., Шляховая Е.В. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа / А.Б. Купрейченко, Е.В. Шляховая // Психологическая наука и образование [Электронный ресурс]. — 2012. — Т. 4. — № 1. — Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n1/50284 (дата обращения: 04.01.2026).
7. Психология социальной активности молодежи [Электронный ресурс] / под ред. Р.М. Шамионова. — М. : Перо, 2020. — 200 с. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792 (дата обращения: 03.01.2026).
8. Сунгурова Н.Л., Акимкина Ю.Е., Адавиях Р. Особенности личностного цифрового доверия российских и индонезийских студентов в условиях сетевой активности / Н.Л. Сунгурова, Ю.Е. Акимкина, Р. Адавиях // Образование и наука. — 2023. — Т. 25. — № 1. — С. 171–199. — https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-171-199
9. Тункевичус Э.О., Ребязина В.А. Многомерная модель формирования цифрового доверия пользователей цифровых сервисов: результаты эмпирического исследования / Э.О. Тункевичус, В.А. Ребязина // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2023. — Т. 58. — № 4. — С. 165–200. — https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-8
10. Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В. Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве / Р.М. Шамионов, Н.В. Суздальцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 21–38. — http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38
11. Шамионов Р.М., Суздальцев Н.В., Бочарова Е.Е., Акаемова Ю.А. Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн-среды / Р.М. Шамионов, Н.В. Суздальцев, Е.Е. Бочарова, Ю.А. Акаемова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2023. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 38–50. — https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.103
12. Шаров А.А. Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в усложняющихся условиях функционирования общества / А.А. Шаров // Российский психологический журнал. — 2023. — Т. 20. — № 1. — С. 20–32. — https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2
13. Щемелева И.И. Исследование социальной активности и социального активизма в офлайн- и онлайн-пространстве / И.И. Щемелева // Теория и практика общественного развития. — 2022. — № 7. — С. 57–61. — https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.6
14. Yang Y., Dongdong Y., Yu H. Comparative study on relationship between in-consistent online-offline social performance and self-efficacy of university students based on types of social activity / Y. Yang, Y. Dongdong. H. Yu // Frontiers in Psychology. — 2021. — No. 12. — P. 603–971. — https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.603971

REFERENCES

1. Belykh, T. V., Knyazev, E. B., Sharov, A. A., Belykh, V. V. (2025). Prediktory dezadaptivnoi podchinyaemosti molodezhi v virtual'noi srede [Predictors of young people's maladaptive submissiveness in a virtual environment]. Perspectives of Science and Education, (5), 469–481. https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.29 (In Russian)
2. Belykh, T. V., Sharov, A. A., Knyazev, E. B., Belykh, V. V. (2025). Oprosnik doveriya molodezhi k virtual'noi srede: razrabotka i validizatsiya [Young people's trust in virtual environment questionnaire: development and validation]. Perspectives of Science and Education, (4), 344–356. https://doi.org/10.32744/pse.2025.4.22 (In Russian)
3. Veselov, Yu. V. (2020). Doverie v tsifrovom obshchestve [Trust in a digital society]. Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology, 13(2), 129–143. https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202 (In Russian)
4. Vidyasova, L. A., Tensina, Ya. D., Kabanov, Yu. A. (2020). Rezul'taty empiricheskogo issledovaniya kibersotsial'nogo doveriya sredi zhitelei Peterburga [The results of an empirical study of cyber-social trust among residents of St. Petersburg]. Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology, 13(2), 236–254. https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.208 (In Russian)
5. Zagranichnyi, A. I. (2019). Osobennosti proyavleniya sotsial'noi aktivnosti molodezhi v virtual'noi i real'noi sredakh [The aspects of the social involvement of the youth in virtual and real environments]. Society: Sociology, Psychology, Pedagogics, (4), 95–98. https://doi.org/10.24158/spp.2019.4.16 (In Russian)
6. Kupreichenko, A. B., Shlyakhovaya, E. V. (2012). Doverie k informatsii kak faktor doveriya k elektronnym mass-media [Confidence in information as a factor of confidence in electronic mass media]. Psychological Science and Education, 4(1). Retrieved January 4, 2026 from https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n1/50284 (In Russian)
7. Shamionov, R. M. (Ed.). (2020). Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Psychology of social activity of youth]. Moscow: Pero. Retrieved January 3, 2026 from https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792 (In Russian)

8. Sungurova, N. L., Akimkina, Yu. E., Adaviyakh, R. (2023). Osobennosti lichnostnogo tsifrovogo doveriya rossiiskikh i indoneziiskikh studentov v usloviyakh setevoi aktivnosti [Features of personality trust of Russian and Indonesian students in terms of network activity]. The Education and Science Journal, 25(1), 171–199. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-171-199 (In Russian)
9. Tunkevichus, E. O., Rebyazina, V. A. (2023). Mnogomernaya model' formirovaniya tsifrovogo doveriya pol'zovatelei tsifrovykh servisov: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Multidimensional model for digital trust of digital services users: results of empirical research]. Lomonosov Economics Journal, 58(4), 165–200. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-8 (In Russian)
10. Shamionov, R. M., Suzdal'tsev, N. V. (2022). Sootnoshenie priverzhennosti molodezhi k sotsial'noi aktivnosti v internete i fizicheskom prostranstve [The Ratio Commitment to Social Activity on the Internet and Physical Space among Young People]. RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 19(1), 21–38. http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38 (In Russian)
11. Shamionov, R. M., Suzdal'tsev, N. V., Bocharova, E. E., Akaemova, Yu. A. (2023). Rol' tsennostei i vovlechennosti molodezhi v razlichnye formy aktivnosti v predpochtenii onlain/oflain-sredy [The role of values and involvement of young people in various forms of activity in the preference of the online/offline environment]. Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology, 13(1), 38–50. https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.103 (In Russian)
12. Sharov, A. A. (2023). Struktura motivatsii molodykh lyudei i ikh sotsial'naya aktivnost' v uslozhnyayushchikhsya usloviyakh funktsionirovaniya obshchestva [The Motivation Structure of Young People and their Social Activity in the Complicating Conditions of Society Functioning]. Russian Psychological Journal, 20(1), 20–32. https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2 (In Russian)
13. Shchemeleva, I. I. (2022). Issledovanie sotsial'noi aktivnosti i sotsial'nogo aktivizma v oflain- i onlain-prostranstve [Research of Social Activity and Social Activism in the Offline and Online Space]. Theory and Practice of Social Development, (7), 57–61. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.6 (In Russian)
14. Yang, Y., Dongdong, Y., Yu, H. (2021). Comparative study on relationship between in-consistent online-offline social performance and self-efficacy of university students based on types of social activity. Frontiers in Psychology, (12), 603971. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.603971

Поступила в редакцию 06.03.2026 г.

RELATIONSHIP BETWEEN TRUST AND SOCIAL ENGAGEMENT OF MODERN YOUTH IN VIRTUAL ENVIRONMENT

A. A. Sharov

The article presents the results of the empirical study of the relationship between virtual trust and forms of social activity of young people in a virtual environment. The study involved 300 respondents, with an average age of 20.3 years. The following methods of data collection have been applied: theoretical analysis of sources on the issues under study, psychological testing (questionnaire of youth confidence in the virtual environment by T. V. Belykh, A. A. Sharov, E. B. Knyazev, V. V. Belykh, the author's questions-scales for diagnosing the severity of 8 forms of social activity of youth in the virtual environment-environment). The analysis of the results demonstrated that there are significant correlations between trust in information and cultural and leisure activities, educational and developmental, civic, socio-economic, cultural and leisure centre, protest, and sports virtual activities. Trust in information is a predictor of educational, developmental, civic, socio-economic, protest and sports activity in a virtual environment. Based on the data obtained, recommendations are proposed within the framework of work on psychological and pedagogical support for young students.

***Keywords**:* interconnection, virtual trust, trust in information, predictor, cybersafety, social activity.

Шаров Алексей Александрович.
Кандидат психологических наук.
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Российская Федерация, Саратов.
Доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики.
ORCID 0000-0002-0635-1413.
E-mail: sha555@mail.ru.

Sharov Alexey Alexandrovich.
Candidate of Psychology.
Saratov State University, Russian Federation, Saratov.

Associate Professor at Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics.
ORCID 0000-0002-0635-1413.
E-mail: sha555@mail.ru.

Научная статья
УДК 159.99: 17.03
DOI: 10.5281/zenodo.21130018

«ЭТИКА ЗАБОТЫ» КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИОННОГО «ЗАМУСОРЕНИЯ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ[5]

© 2026 *М. И. Яновский*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID: 0000-0002-9265-6917.

В статье рассматривается феномен информационного «замусоривания» социокультурного пространства, возникающий под влиянием западных манипулятивных технологий и ложных мировоззренческих концепций. Автор анализирует, как внедрение искусственно сконструированных «инородных элементов» в информационно-культурную экосистему общества создаёт предпосылки к её деградации. Особое внимание уделено критике так называемой «этики заботы», созданной американским психологом Кэрол Гиллиган, которая, по мнению автора, стала одним из генераторов псевдоморального «мусора» в современном западном обществе.

Автор анализирует последствия отказа от традиционного «золотого правила» морали, и принципов справедливости и трансцендентности в этике, и превращение, взамен этого, заботы в самоцель в человеческих отношениях. Делается вывод, что это ведёт к эгоцентризму и избирательной морали. В статье также проводится анализ места заботы в моральном сознании с позиций теории Л. Кольберга, отмечается, что гипертрофированная забота без опоры на справедливость может приводить к социально-манипулятивным эффектам и деградации общественных отношений. Автор делает вывод, что подобные теории, отвергая универсальные моральные принципы, способствуют распространению информационного «шума» и дегуманизации социокультурного пространства.

Ключевые слова: забота, «этика заботы», Гиллиган, феминизм, эгоцентризм, охватывание, социокультурное пространство

Для цитирования: Яновский М. И. «Этика заботы» как источник информационного «замусорения» социокультурного пространства / М. И. Яновский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 351–359. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21130018.

Введение. Ложные теории как генератор информационного «мусора» в социокультурных пространствах. Современная информационная среда отличается насыщенностью манипулятивными технологиями воздействия на сознание человека. Это, в том числе, часть начатой Западом информационной войны против населения слабо контролируемых Западом стран. Любое общество — это информационно-культурная «экосистема». Запад зачастую выстраивает свои действия как намеренное привнесение инородных элементов в «тело» данных «экосистем», с целью или подчинения их своему контролю, физическому и когнитивному, или разрушения. Инородный элемент в экосистеме для неё самой — мусор (мусор — понятие функциональное; это вещь, или часть вещи, занимающая не своё естественное, функционально оправданное, место). Следовательно, мы имеем дело с феноменом информационно-культурного (псевдокультурного) мусора.

Каковы источники подобного «замусорения»?

[5] Исследование выполнено при поддержке госбюджетной темы «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (код темы FRRE-2026-0029).

Классическим его источником в истории являются ложные мировоззренческие концепции, активно продвигаемые и заражающие большое количество умов. Примером таких концепций является лёгшая в основу либерализма философская теория Дж. Локка. В частности, локковская трактовка мышления отменяет мышление как форму познания обобщённых существенных свойств реальности, и вводит трактовку его как формы накопления и комбинирования информации о реальности [11]. Мышление, занятое накоплением информации и комбинаторикой с ней, не направлено на различение информационного «шума» и «нешума», что вынуждает нас признать философа одним из виновников современного информационного замусорения социокультурного пространства.

Однако особо важны для понимания процессов в информационно-культурных экосистемах концепции, касающиеся вопросов морали, ведь проблема «что́ есть добро или зло» затрагивает любого человека**.** На современные западные неолиберальные течения большое влияние оказала попытка новаторского представления о морали — так называемая «*этика заботы*» американского психолога Кэрол Гиллиган [3]. Нашей целью был анализ морально-психологических аспектов данной концепции. Метод — теоретический анализ её методологии, а также рассмотрение феноменологии самой *заботы*, которая используется как принцип новой морали.

Этика заботы и проблема трансцендентного. «Этика заботы» приобрела широкую популярность на Западе, оказалась и созвучной классическому либерализму, и легла в основу многих неолиберальных декларативно-гуманистических социальных практик — феминизм, движение в защиту природы (т. наз. «зелёные») и т. д. (см. например: [1; 7]). Иногда эти практики абсурдные. Например: провозглашение права детей менять пол для избегания негативных у них переживаний; провозглашение права на эвтаназию при депрессии как забота об уменьшении моральных страданий.

«Этика заботы» возникла как попытка радикальной реформы основы человеческой морали. Так, существует традиционное понимание базиса морали как общего принципа гармонизации отношений между субъектами: «*Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними*» (Евангелие от Матфея). Философы называют это «золотым правилом» морали; оно также провозглашено практически всеми мировыми религиями: христианством, исламом, иудаизмом, буддизмом и т. д. [2]. Такое понимание основы морали легло и в основу теории морального сознания американского психолога, последователя Ж. Пиаже, Л. Кольберга. К. Гиллиган подвергла критике концепцию Кольберга (в том числе за опору на «золотое правило» морали), охарактеризовав её как выражение узко маскулинного мировосприятия [3; 4; 5]. Один из главных мотивов критики Гиллиган — использование «трансцендентного» как основы морали («трансцендентное» — внеопытное, внечувственное; то, что находится «по ту сторону» конкретного человеческого бытия). Трансцендентное отвергается в любых формах: как идея Бога, или как идеи в платоновском смысле, как абстрактный моральный принцип справедливости, как надситуативность, как духовность, противопоставленная телесности, и т. п. Подобного рода вещи К. Гиллиган и ее последовательница С. Радек отнесли к «маскулинным фантазиям» [3].

На первый взгляд в «золотом правиле» «трансцендентное» отсутствует. В действительности в нём в житейски понятной форме показывается само умственное действие трансцендирования как таковое: выйди за рамки твоего эго, посмотри на себя и свои действия с точки зрения другого человека. Кроме того, «золотое правило» актуализирует «трансцендентное» следующим образом. Оно реализует принцип обратимости отношения меня к другому и другого ко мне. Такая обратимость между мной и другим предполагает точку, или ось, равновесия между нами. Эта ось нейтральна

по отношению к нам, и, значит, трансцендентна к нам двоим. Так между мной и другим актуализируется присутствие трансцендентного идеального, перед которым, или в котором, я и другой равны. В целом это всё означает, что отказ от «золотого правила» действительно является отказом от трансцендирования и от признания важности присутствия трансцендентного. Однако становится ясно, что вместе с тем так реализуется утверждение права на эгоцентризм, своеобразный бунт эгоцентризма. «Взбунтовавшийся» эгоцентризм — это по своему смыслу отрицание принципа равенства в разных возможных его формах. Непризнание равенства и равновесия приводит к отказу и от справедливости как одной из норм человеческих отношений. «Этика заботы» противопоставила себя якобы маскулинной «этике справедливости».

Отвергая «трансцендентное», Гиллиган в качестве альтернативы предлагает новое понимание морали, как направленности на *заботу* о другом человеке: на эмпатию, на попечение о конкретном человеке и его потребностях, на объединение с другим человеком, поддержание отношений[6]. Она рассматривает это как женский взгляд на сущность морали.

Несмотря на привлекательность для многих предлагаемого Гиллиган нового взгляда на мораль, остаются неотвеченными вопросы: почему вместо традиционной, однобоко маскулинной, морали выдвигается не общечеловеческая, а такая же однобокая феминнная мораль? Почему как основа новой морали предлагается именно забота? Сведением этой морали именно к *заботе* роль женщины в обществе, вопреки декларациям, не возвышается, а наоборот, редуцируется к обслуживающим функциям.

Мы полагаем, что в действительности здесь за женский взгляд на мораль выдается взгляд феминистский, что не одно и то же. Феминизм — не столько женский взгляд на мир, сколько разновидность идеологии либерализма, с характерной для него нетерпимостью к иерархическим отношениям в обществе. Либерализм, и вслед за ним феминизм, отрицают вневременные сущностные основания в мире и человеке, т.е. «трансцендентное», мотивируя это неприятием чьих-либо претензий на власть. Такая мотивировка является плодом или ошибки, или сознательного искажения: высший уровень в любой иерархической социальной системе, например, «элита», властные структуры и т. п. — какого-либо отношения к «трансцендентному» не имеет. Антиавторитарный пафос либерализма и феминизма является скорее сопровождением неприятия «трансцендентного». Действительно, при необходимости либерализм без затруднений трансформируется в жёсткий авторитаризм и диктатуру. Неприятие же «трансцендентного» при этом остаётся константой.

Следовательно, и неприятие справедливости в феминизме — дань либералистскому дискурсу. Сама по себе *забота* справедливости не противоречит и с нею совместима.

Анализ заботы как аспекта морального сознания. Представляет интерес анализ возможного места *заботы* в моральном сознании человека с позиций критикуемой К. Гиллиган теории морального развития Л. Кольберга. Попробуем это реализовать.

Кольберг трактует моральное сознание как такое, которое может варьировать не только в рамках количественной шкалы «моральное — неморальное», но и по континууму качественно-структурных характеристик. Так, детское моральное сознание может быть высокоморальным, как и зрелое взрослое, но при этом быть качественно иным. Для ребёнка принимаемыми императивами морали являются сохранение

6 На языке традиционной философии это называется «имманентное». Противопоставление имманентного трансцендентному — старая философская проблема, в идеале решаемая их гармонизацией.

отношений со взрослым (авторитет взрослого) и своего рода гедонизм: ориентация на вознаграждение — положительные эмоции и избегание наказания — отрицательных эмоций. Эмоции и отношения — основа детского морального сознания, характеризуемого Кольбергом как доконвенциональная и конвенциональная стадии морали [14]. Но *забота* — это и есть эмоция как возможная основа отношения к другому человеку, — что присуще доконвенциональной стадии морали, по Кольбергу. Но *забота* по своему содержанию хорошо вписывается и в конвенциональную мораль: *забота* сама по себе выводит в приоритет отношения, — так же, как конвенциональная мораль. Значит, *забота* как центр морального сознания могла бы быть характерна скорее для двух ранних стадий морального сознания. У взрослого же это в той или иной степени означает инфантилизм.

По-видимому, не является случайностью склонность «адептов» «этики заботы» — феминисток, защитников окружающей среды и т. д. — к флэшмобам и другим подобным акциям именно игрового характера.

Однако почему именно *забота* была выбрана в качестве центра системы морального сознания в, по сути, неолиберальной концепции К. Гиллиган? Каково морально-психологическое содержание этого явления?

Декларация *заботы* как основы новой этики является на самом деле частью тренда западной философии XX века. Тренд был задан М. Хайдеггером, который среди философов первым обратился к заботе как важному философскому понятию и мировоззренческому принципу [5; 8]. *Забота* у немецкого философа наделяется функцией ключевого выражения человеческого Бытия, Dasein’a, — потому что, по Хайдеггеру, именно *забота* как таковая обуславливает вовлечённость человека в земную жизнь, в позицию активного «присутствия» в ней. В философии Хайдеггера человек не рассматривается как автономный субъект, противопоставленный объекту; он — ипостась Бытия (Dasein’a), в котором различение субъекта и объекта не играет роли. С другой стороны, по Хайдеггеру, любая *забота* есть *забота о себе*, т.е. *забота* — это способ аутентичного проживания именно своей жизни. В этом смысле рассуждения Хайдеггера проявляют парадокс: *забота* заставляет субъекта «растворить» себя в вовлечённости во взаимодействие с объектом, но при этом в состоянии *заботы* субъект имеет дело именно с самим собой. Как это возможно?

Дело в том, что состояние *заботы* выражает определённый тип работы личности со своим психологическим полем — пространством отношений. Феноменологически это переживается так. Озабоченностью личность создаёт в своём психологическом пространстве систему напряжений и валентностей, как бы «рыхлит» и «электризует» его. И сама вовлекается в такое наэлектризованное пространство. *Заботой* человек как бы «охватывает» объект, но *заботой* он и сам становится «охваченным» [9]. Но подобное «охватывание», реализуемое само по себе, как самостоятельное и самодостаточное ментальное действие, — свойство эгоцентрического сознания [9; см. также: 14]. И как «охватывание» для «охватывания», как форма эгоцентризма, оно способно производить множество морально-психологических эффектов социально-манипулятивного характера, например: нетерпимость к чужому, чувство своей исключительности, генерирование мифов о своей причастности к «большому добру», имитация несения большой миссии, агрессивный негативизм с «невинным лицом» и др. [9]. Следует отметить, что такие эффекты могут возникать именно, когда *забота* превращается из инструментальной ценности в самоцель, когда она противопоставлена справедливости и другим основам моральности человека. В целом активность такого рода, на наш взгляд, можно характеризовать как псевдодеятельность, а именно как деятельность,

имитирующую социальную ответственность [9]. Хорошей имитацией социальной ответственности *«этика заботы»* и вводит в заблуждение.

Имманентность в моральном сознании и идеологическое самоопределение. «Этика заботы» и проблема деформации основы морального сознания. Государственный переворот, реализованный в Киеве в 2014 г. при поддержке американских и европейских сторонников экспансии НАТО на восток, поставил перед людьми ряд вопросов мировоззренческого и психологического характера. Один из таких вопросов, задававшихся жителями Донбасса с 2014 г. — как могло случится, что сограждане, с которыми поддерживались личные и деловые отношения, в краткие сроки приобрели «живодерские» садистические установки, например, поддерживали изуверский акт сожжения людей в Одессе 2-го мая 2015 г., выражали положительные эмоциональные реакции на информацию о пытках и убийствах противников госпереворота, предлагали варианты массовых казней сторонников независимости ДНР и ЛНР, уничтожения людей путем отравления воды в Северском Донце, стерилизации молодых женщин «генетически грязного» населения Донбасса и др.? Как психологически возможен наблюдаемый при этом парадокс уверенности в своей моральной правоте у людей с подобными установками?

Обратим внимание, что данные проявления по сути совпадают с перечисленными выше некоторыми эффектами от реализации ментальной операции «охватывания» как формы эгоцентризма: чувство своей исключительности, генерирование мифов о причастности к «большому добру», нетерпимость, агрессивный негативизм с «невинным лицом» и т. д. Логично предположить, что эта операция, характерная, по нашему предположению, для реализации *заботы* как самоцели, стала доминантной когнитивной схемой у большого количества людей после майдана. Возможно, она и производит трансформацию морального сознания.

К сожалению, прямого доступа к населению послепереворотной Украины для проведения соответствующего исследования у нас нет. Тем не менее мы полагаем, что не напрямую, косвенно, особенности морального сознания представителей украинского социума с подобными моральными трансформациями можно понять по особенностям ценностной сферы лиц, проживающих в Донбассе, но выбиравших промайданную позицию в конфликте «Донбасс — Киев» в 2014-2015 гг. В 2017-2018 гг. мы провели исследование ценностных ориентаций как детерминанты отношения к конфликту Киева с Донбассом. Мы исходили из общей идеи, что импульс движения в сторону соответствующей трансформации морального сознания закладывается уже самоопределением своей позиции в морально значимой ситуации. Движение, заданное самоопределением, может быть в дальнейшем или заблокировано социальным окружением, или удержано и дать соответствующий эффект. В 2014 г. в Донбассе, как и на всей Украине, люди самоопределялись либо как сторонники законной власти, либо как сторонники прозападной майданной власти. Со вторыми со временем происходили моральные трансформации — при условии, что они оказывались в среде себе подобных. На Донбассе таких было сравнительно немного, и они со временем или уезжали, или дрейфовали в сторону нейтралитета.

Исследование было проведено на жителях Донбасса, проживающих в ДНР, среди молодежи. Задавался вопрос: «На чьей стороне правда в конфликте Украина — Донбасс?» Варианты ответов: «На стороне Киева», «На стороне Донбасса», «Обе стороны правы (неправы)». Также у испытуемых определялись ценностные ориентации по методике М. Рокича.

Результаты опубликованы в 2020 г. [12]. Здесь кратко опишем часть полученных

результатов. Ответ «На стороне Киева» почти не встречался. Ответ «Обе стороны правы (неправы)» на фоне общей антимайданной доминанты в Донбассе означает, как мы полагаем, скрыто, или частично, промайданную позицию. Далее в таблице 1 приведены ценностные ориентации, достоверно более значимые у лиц с подобной скрытой формой промайданной позиции (правая колонка), по сравнению с антимайданной позицией (левая колонка).

Таблица 1. Ценностные ориентации, различающиеся у групп с различной позицией в конфликте «Донбасс — Киев»

«прав Донбасс»	«правы (неправы) обе стороны»
терминальные ценности	
Активная деятельная жизнь ***Счастье других*** ***Красота природы и искусства*** ***Творчество***	***Уверенность в себе*** ***Счастливая семейная жизнь*** ***Удовольствия***
инструментальные ценности	
Чуткость ***Непримиримость к недостаткам в себе и других***	***Воспитанность*** ***Жизнерадостность*** ***Ответственность***

Обратим внимание, что терминальные ценности людей с условно промайданной позицией: *Уверенность в себе*, *Счастливая семейная жизнь* и *Удовольствия*, — являются ценностями личных эмоций, эмоциональных переживаний. Они так же сугубо имманентны, как и гиллигановская *забота*. Наиболее значимая из этих трёх ценностей *Уверенность в себе* по смыслу в определённой степени совпадает с содержанием понятия *забота о себе*, а *Счастливая семейная жизнь* значительно совпадает с общим понятием *забота* как попечением и опекой за близкими людьми. Из инструментальных ценностей наиболее близка к *заботе ответственность*; *воспитанность* — отчасти. *Жизнерадостность* прямо с *заботой* не связана, однако одинаково с ней может быть отнесена к имманентно ориентированным ценностям.

По сравнению с ними лица с антимайданной позицией отличались перевесом ценностей: *Счастье других*, *Красота природы и искусства*, *Творчество*, *Непримиримость к недостаткам в себе и других* и т. д. Это ценности в той или иной степени трансцендентно ориентированы, поскольку выходят за пределы замкнутого мира личных эмоциональных переживаний.

Сравнивая ценности двух условных групп, получаем основания строить предположения, каковы истоки уверенности в своей моральной правоте и у сторонников госпереворота. Абсолютизированная ценность своего замкнутого имманентного личного «мирка» — по-видимому, этот мотив заставляет закрывать глаза на нарушения морали, и справедливости в т.ч. И при усилении это качество системы ценностных ориентаций может дать большее — деформацию самого базиса морального сознания[7].

Так и «*этика заботы*», призывая отказаться от принципа справедливости и других форм воплощения «золотого правила», открывает возможность движения по пути, который логично ведет к противопоставлению личного имманентного мирка остальному миру.

Сторонники подхода «*забота* вместо справедливости» противопоставляют себя одному из центральных положений христианской, а по сути, общечеловеческой морали («золотому правилу»), и это неизбежно приводит к вариантам антихристианских (а

[7] Ср. известное саркастическое высказывание Б. Брехта: «нет ничего более похожего на фашиста, чем перепуганный буржуй».

также антиисламских, антибуддистских и т. д.) позиций. Так, на практике *забота* без справедливости приводит к тому, что забота распространяется на ближний круг «своих», при этом «чужие» получают безразлично какой большой ущерб, поскольку справедливость отменяется. Неравенство превращается в норму, и избирательная *забота* о «своих» прикрывает лёгкость перехода к практике расчеловечивания «несвоих». По сути, такой подход естественен для животного мира, с его господством природных биологических инстинктов. Для человеческого общества он равносилен деградации к бездуховности, или даже антидуховности (классические пример — украинское феминистское движение Femen). Такой подход осуществляется в криминальном мире, или при фашизме.

По-видимому, «этика *заботы*», в силу своей большой популярности на Западе, внесла весомый вклад в реанимацию в наше время разновидностей социал-дарвинизма с его узко направленной *заботой*, *заботой* о «своих». Неслучайно феномен очень близкий к *заботе*, жалость, издавна, а особенно в наше время, является эффективным инструментом обмана и мошенничества в криминальной и политической сферах [6; 10].

Скрытость подлинного смысла подобного рода теорий превращает их в генератор псевдоморального информационного мусора в социокультурных «экосистемах», и в сознаниях людей.

Выводы. Социокультурные пространства разных стран могут подвергаться разрушительным воздействиям чужеродных элементов, информационного «мусора». Источником подобного «замусорения» могут выступать ложные философские и иные теории. Одной из таких теорий выступает «этика *заботы*», созданная американским психологом К. Гиллиган. «Этика *заботы*» провозглашает необходимость отказа от авторитарной мужской морали, при этом по сути декларирует отказ от основ общечеловеческой морали, выраженных в мировых религиях — христианстве, исламе, буддизме и т. д. Анализ показывает, что отрыв *заботы* как феномена морального сознания человека от справедливости и других принципов морали, может приводить к тем или иным формам инволюции морального сознания личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агнистикова О.И. Этика заботы как способ укрепления позиций социально ответственной журналистики // XVI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2024: Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения». Санкт-Петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2024 г. Материалы конференции / Отв. ред. В.Ю. Перов. — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. — С. 6–8.
2. Апресян Р.Г. Генезис золотого правила // Вопросы философии. — 2013. — № 10. — С. 39–50. EDN: REIGXL
3. Артемьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль. Вып. 1. — М.: ИФ РАН, 2000. — С. 195–215. EDN: LHTCUF
4. Володин В.В. Эволюция понятия «забота»: культурные смыслы и исторические параллели // Концепт: философия, религия, культура. — Т. 4. 2020. № 2 (14). — С. 17–24. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-17-24
5. Молчанов С.В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. — 2011. № 2. — С. 59–72. EDN: OOFZVF
6. Смирнова И.В. Мошеннический дискурс: стратегия апелляции к жалости // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2024. № 4. — С. 123–132. https://doi.org/10.5281/zenodo.13997579
7. Собольникова Е.Н., Дороднева Н.В. «Этика заботы» и коммунитаризм как концептуальные основания современной биоэтики // XVI Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2024: Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и

решения». Санкт-Петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2024 г. Материалы конференции / Отв. ред. В.Ю. Перов. — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. — С. 233–234. EDN: DPWHBY
8. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
9. Яновский М.И. Модель псевдодеятельностных манипулятивных стратегий выстраивания социального пространства // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 1. — С. 173–184. https://doi.org/10.5281/zenodo.14934757 EDN: YLAQLV
10. Яновский М.И. Образ жертвы и жалость как инструменты информационно-психологических войн // Актуальные проблемы психологии и психофизиологии человека третьего тысячелетия: Международная научно-практическая конференция. ФНЦ ПМИ, Москва, Россия; 25—26 ноября 2025 г.: труды конференции / Под редакцией Ю.П. Зинченко, М.К. Кабардова. — М.: МАКС Пресс, 2025. — С. 101–104. DOI: 10.29003/m4843.978-5-317-07492-0/101-104
11. Яновский М.И. Принадлежность к социально-экономическому классу как фактор особенностей мышления // Способности и ресурсы человека в изменяющемся мире: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, 23-24 сентября 2025 г., ИП РАН (Москва) / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, Е.В. Волкова, Я.И. Сиповская. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2026. — С. 977–980.
12. Яновский М.И., Черкашин К.В. Проблема различения добра и зла через призму конфликта «Донбасс — Киев» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2020. — № 3-4. — С. 141–151. EDN: ZGRECA
13. Kohlberg, L. Essays on Moral Development. Volume II. The Psychology of Moral Development. The Nature and Validity of Moral Stages. — San Francisco: Harper & Row, 1981. — 423 p.
14. Piaget, J., Inhelder, B. La représentation de l'espace chez l'enfent. — Paris: Presses universitaires de France, 1948. — 581 p.

REFERENCES

1. Agnistikova O. I. (2024). Etika zaboty kak sposob ukrepleniya pozicij socialno otvetstvennoj zhurnalistiki [Ethics of care as a way to strengthen the position of socially responsible journalism]. XVI Mezhdunarodnaya konferenciya "Teoreticheskaya i prikladnaya e`tika: Traditsii i perspektivy. — 2024: Paradoksalnost morali i moralnyje paradoksy: problemy i resheniya". Sankt-Peterburgskiy Gosudarstvennyj Universitet, 21-23 noyabrya 2024 g. Materialy konferencii / V. Yu. Perov (Ed.). Saint Petersburg: Izdatelsko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshix uchebnykh zavedenij. 6–8. (In Russian)
2. Apresyan R. G. (2013). Genezis zolotogo pravila [The genesis of the Golden rule]. Voprosy filosofii. No 10. 39–50. (In Russian)
3. Artemyeva O. V. (2000). Etika zaboty: feministskaya al`ternativa klassicheskoj filosofii [Ethics of care: a feminist alternative to classical philosophy]. Eticheskaya mysl`. Vol. 1. Moscow: IF RAN. 195–215. (In Russian)
4. Volodin V. V. (2020). Evolyuciya ponyatiya «zabota»: kulturnye smysly i istoricheskie paralleli [The evolution of the concept of "caring": cultural meanings and historical parallels]. Koncept: filosofiya, religiya, kultura. Vol. 4. No 2 (14). Pp. 17—24. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-17-24 (In Russian)
5. Molchanov S. V. (2011). Moral spravedlivosti i moral zaboty: zarubezhnye i otechestvennye podxody k moralnomu razvitiyu [The morality of justice and the morality of caring: foreign and domestic approaches to moral development]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya. No 2. Pp. 59–72. (In Russian)
6. Smirnova I. V. (2024). Moshennicheskij diskurs: strategiya apellyacii k zhalosti [Fraudulent discourse: a strategy for appealing to pity]. Vestnik Donetskogo nacionalnogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psixologiya. No 4. Pp. 123–132. https://doi.org/10.5281/zenodo.13997579 (In Russian)
7. Sobolnikova E. N., Dorodneva N. V. (2024). "Etika zaboty" i kommunitarizm kak konceptualnye osnovaniya sovremennoj bioetiki ["Ethics of care" and communitarianism as conceptual foundations of modern bioethics]. XVI Mezhdunarodnaya konferenciya «Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy — 2024: Paradoksalnost morali i moralnye paradoksy: problemy i resheniya". Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Universitet, 21-23 noyabrya 2024 g. Materialy konferentsii. V. Yu. Perov (Ed.). — Saint Petersburg.: Izdatelsko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshix uchebnykh zavedenij. 233–234. (In Russian)
8. Heidegger M. (1993). Bytie i Vremya [Being and time]. V. V. Bibikhin (transl.). Moscow: Respublika. (In Russian)
9. Yanovsky M. I. (2025). Model psevdodeyatelnostnykh manipulyativnykh strategij vystraivaniya socialnogo prostranstva [A model of pseudo-activity manipulative strategies for building social space]. Vestnik

Donetskogo nacionalnogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya. No 1. 173–184. https://doi.org/10.5281/zenodo.14934757 (In Russian)
10. Yanovsky M. I. (2025). Obraz zhertvy i zhalost` kak instrumenty informacionno-psikhologicheskikh vojn [The image of victim and pity as tools of information and psychological warfare]. Aktualnyje problemy psikhologii i psikhofiziologii cheloveka tretjego tysyacheletiya: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. FNCz PMI, Moscow, Rossiya; 25—26 noyabrya 2025 g.: trudy konferentsii. Yu. P. Zinchenko, M. K. Kabardova (Eds.). — Moscow: MAKS Press. 101–104. DOI: 10.29003/m4843.978-5-317-07492-0/101-104 (In Russian)
11. Yanovsky M. I. (2026). Prinadlezhnost k socialno-ekonomicheskomu klassu kak faktor osobennostej myshleniya [Belonging to a socio-economic class as a factor of thinking features]. Sposobnosti i resursy cheloveka v izmenyayushhemsya mire: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 70-letiyu so dnya rozhdeniya V. N. Druzhinina, 23-24 sentyabrya 2025 g., IP RAN (Moskva). D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, E. V. Volkova, Ya. I. Sipovskaya (Eds.). Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 977–980. (In Russian)
12. Yanovsky M. I., Cherkashin K. V. (2020). Problema razlicheniya dobra i zla cherez prizmu konflikta "Donbass — Kiev" [The problem of distinguishing between good and evil through the lens of the Donbass—Kiev conflict]. Vestnik Donetskogo nacionalnogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya. No 3-4. 141–151. (In Russian)
13. Kohlberg, L. (1981). Essays on Moral Development. Volume II. The Psychology of Moral Development. The Nature and Validity of Moral Stages. San Francisco: Harper & Row.
14. Piaget, J., Inhelder, B. (1948). La représentation de lespace chez lenfent. Paris: Presses universitaires de France. (In French)

Поступила в редакцию 12.04.2026 г.

"ETHICS OF CARE" AS SOURCE OF INFORMATIONAL "GARBAGE" IN SOCIO-CULTURAL SPACE

M.I. Yanovsky

The article deals with the phenomenon of informational "littering" of the socio-cultural space, which arises under the influence of Western manipulative technologies and false ideological concepts. The author analyzes the way the introduction of artificially constructed "foreign elements" into the information and cultural ecosystem of society creates prerequisites for its degradation. Special attention is paid to the criticism of the so-called "ethics of care" created by the American psychologist Carol Gilligan, who, according to the author, has become one of the generators of pseudo-moral "garbage" in modern Western society.

The author analyzes the consequences of abandoning the traditional "golden rule" of morality, and the principles of justice and transcendence in ethics, and instead turning caring into an end in itself in human relations. The conclusion is made that this leads to egocentrism and selective morality. The article also analyzes the place of caring in moral consciousness from the standpoint of L. Kohlberg's theory, noting that hypertrophied care without reliance on justice can lead to socially manipulative effects and degradation of social relations. The author concludes that such theories, rejecting universal moral principles, contribute to the spread of information "noise" and the dehumanization of the socio-cultural space.

Keywords: care, "ethics of care", Gilligan, feminism, egocentrism, inclusiveness, sociocultural space.

Яновский Михаил Иванович.
Кандидат психологических наук, доцент
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры общей психологии.

ORCID 0000-0002-9265-6917.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Yanovsky Mikhail Ivanovich.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University, Russian Federation, Donetsk.
Associate Professor at Department of General Psychology
ORCID 0000-0002-9265-6917.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Обзорная статья
УДК 159.92
DOI: 10.5281/zenodo.21130152

СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГРУППОВОМ АНАЛИЗЕ С ПРАВОСЛАВНЫМИ КЛИЕНТАМИ

© 2026 *Б. Анджелкович*
Частная практика, Пастырский консультативный центр при Сербской православной церкви, Белград, Сербия
ORCID 0000-0003-3245-5977.

Статья посвящена исследованию клинического феномена сопротивления в групповом анализе клиентов, идентифицирующих себя как православные. Рассматривается специфика проявлений сопротивления на уровне личного и динамического матриксов с учетом культурно-духовного контекста. Особое внимание уделяется роли общего православного контекста терапевта и участников группы, который, с одной стороны, усиливает значимость духовной проблематики, а с другой — может выступать как специфическая форма сопротивления, затрудняющая прямую коммуникацию и психологическую интерпретацию симптомов. Обосновывается необходимость сохранения аналитической позиции терапевта, которая предполагает различение психологического и духовного измерений опыта. Эмпирическую базу исследования составляют данные работы пяти малых аналитических групп. Методологической основой выступает клинико-аналитический подход с использованием контрпереноса как диагностического и терапевтического инструмента. Показано, что работа с сопротивлениями способствует углублению группового процесса и индивидуальным изменениям участников.

Ключевые слова: групповой анализ, сопротивление, групповой матрикс, личный матрикс, динамический матрикс, православные клиенты, контрперенос, интерпретации.

Для цитирования: Анджелкович Б. Сопротивления в групповом анализе с православными клиентами / Б. Анджелкович // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 360–372. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21130152.

Введение. Для большинства клиентов, определяющих себя как православные, решающим фактором в выборе психотерапевта становится наличие у него собственного православного опыта. Работа терапевта с клиентами, определяющими себя как православные, имеет определенные характеристики, соблюдение которых дает возможность более глубокого понимания психоаналитической терапевтической техники работы [1; 2].

В групповом анализе сопротивление рассматривается не только как проявление, относящиеся к психодинамике отдельного члена группы, а как феномен, укорененный как в личном, так и в групповом и социально-культурном матриксах [6; 7]. На уровне личного матрикса сопротивления отражают привычные защитные механизмы и индивидуальные сценарии переноса, затрудняющие подлинное участие в группе. На уровне динамического матрикса сопротивления принимают форму коллективных феноменов — молчания, интеллектуализации, избегания определенных тем или поддержания статус-кво. Взаимодействие этих уровней показывает, что индивидуальные защиты всегда вплетены в групповую ткань и одновременно выражают как личные, так и разделяемые всей группой напряжения. Сопротивления — не просто барьеры, а сигналы, указывающие на важные бессознательные процессы в группе, их не следует атаковать или устранять, а нужно

понимать как осмысленное общение [5; 9;10]. Работа с сопротивлениями является важной составляющей терапевтической техники [13].

В ситуации, когда участники группы и психотерапевт принадлежат к христианско-православной традиции, сопротивления на уровне личного и динамического матриксов получают дополнительный культурно-духовный контекст. На уровне личного матрикса сопротивления представляют собой психологические защиты, проявляющиеся через содержания, связанные с религиозными представлениями о вине, грехе, смирении или духовной стойкости. На уровне динамического матрикса сопротивления могут проявляться в форме с одной стороны, группового избегания тем, связанных с сомнением, кризисом веры, агрессией или конфликтом в рамках духовного опыта, а с другой стороны, настаивании на обсуждении этих тем. Использование православных содержаний чаще всего является дополнительной преградой для установления прямой коммуникации и определения психологическо-медицинский этиологии состояния и симптомов, что является глубоким укоренившимся сопротивлением, во многом определяющим направление терапевтического процесса. Здесь терапевт занимает позицию не наставника и не духовника, а аналитика, который уважает духовный контекст группы и одновременно удерживает аналитическую рамку. Это позволяет сделать сопротивление предметом исследования, сохранив его как феномен групповой динамики, не подменяя анализ религиозной интерпретацией [4]. Таким образом, общая православная принадлежность терапевта и клиентов не отменяет аналитического подхода к сопротивлениям, но задает особый фон — усиливает значимость духовных тем и требует от терапевта внимательного различения между психологическим и духовным измерениями.

Цель данного исследования — идентифицировать проявления сопротивлений у православных клиентов на уровне личного и динамического матриксов, интерпретировать контекст сопротивления и его значение для развития группового процесса и индивидуального развития отдельных членов группы.

Метод. При работе терапевта с православными опытом проявления сопротивлений находятся в тесной связи с потенциалом конрпереноса как диагностического и терапевтического средства, которое позволяет диагностировать актуальное психологическое и, в какой-то степени, православно-духовное состояние клиентов и прослеживать возможные векторы их психологических и духовных изменений.

Выборка. Исследование охватывает пять малых аналитических групп: две группы в терапевтической среде Пастырского центра (ПЦ1 и ПЦ2), три группы — в клинике частной практики (ЧП1, ЧП2, ЧП3). В каждой группе 4–10 человек. Группы являются смешанными, возраст от 25 до 52 лет. Большинство членов группы идентифицируют себя как православные (около 80 %).

Таблица 1

Группы	Период терапии	Количество (на текущий момент)	Возраст (на текущий момент)	Пол (на текущий момент)	Образование
ЧП1	с 2015 по настоящий момент	6	32–52	3 мужчины 3 женщины	6-высшее
ЧП2	с 2018 по настоящий момент	4	35–44	2 мужчины 2 женщины	3-высшее, у 1 звание профессора 1-среднее
ЧП3	с сентября 2024 по настоящий момент	5	25–51	3 мужчины 2 женщины	5-высшее, у 1 звание профессора

ПЦ1	2016–2023	7 (на момент закрытия)	27–48 (на момент закрытия)	4 мужчины 3 женщины (на момент закрытия)	4-высшее 2-незаконченное высшее 1-среднее (на момент закрытия)
ПЦ2	с апреля 2024 по настоящий момент	4	24–37	2 мужчины 2 женщины	3-высшее, у 1 звание доцента 1-незаконченное высшее

Новизна исследования. В настоящей работе была сделана попытка соединить психологические и частично психопатологические проблемы человеческой жизни с духовными проблемами, значимыми для православной жизни человека. Новизной данного исследования является одновременное применение теоретических положений реляционной православной онтологии [8; 15] и реляционного психоанализа [3; 12], установление аналогий между психологическими техниками и духовными практиками, что в настоящей работе было описано посредством примеров из протоколов групповых сеансов. Поскольку испытуемые являются православными клиентами, исследование теоретически обогащает психоаналитическую теорию развития личности и привлекает внимание к актуальности православного святоотеческого учения. Результаты данного исследования могли бы внести вклад в более целостное понимание техники психотерапевтической работы с православными клиентами.

Основная часть. В рамках данного исследования особый интерес представляет рассмотрение взаимосвязи между культурной идентичностью, индивидуальным опытом и сопротивлением в группе. Сопротивление, традиционно понимаемое как бессознательное препятствие на пути к инсайту, в свете модели группового матрикса предстает как многоуровневое явление, коренящееся не только в личной психодинамике, но и в социальных структурах, нормативах и культурных запретах. Таким образом, сопротивление может быть интернализованной формой культурной защиты, проявляющейся в личном матриксе, но поддерживаемой групповой динамикой и социальными ожиданиями, скрытыми в основном матриксе. В этом случае цель группового аналитического процесса — не разрушить защиту, а дать ей возможность быть осмысленной в поле группы, в контексте и личного, и коллективного бессознательного.

В работе с православными клиентами особое место занимают сопротивления, связанные с категоричным разделением психологического и духовного содержаний. Очевидным парадоксом является ситуация, когда клиенты, обращаясь за психологической помощью, отрицают и игнорируют существование психологических причин своего состояния. Психотерапевту необходимо понимание феномена культурно-духовного опыта каждого отдельного члена группы, чтобы обеспечить интеграцию личности клиента посредством анализа и интерпретации сопротивлений, препятствующих установлению зрелых межличностный отношений.

Д. Винникотт (D. Winnicott) вводит понятие культурного опыта в контексте развития личности и отношений человека с внешним миром. Культурный опыт у Винникотта — это сфера, которая возникает в так называемом потенциальном пространстве между внутренней психической реальностью ребенка и внешней объективной реальностью — это все, что создается коллективно, но переживается

индивидуально. Именно через культурный опыт человек выражает свои глубинные внутренние процессы и одновременно устанавливает связь с внешним миром [11]. Поскольку вера является одной из важнейших составляющих культурного опыта, для построения коммуникации с каждым отдельным православным клиентом психотерапевту также необходимо понимание особенностей православного культурного опыта личности. Православная антропология строится на понимании человека как существа, призванного к обожению (греч. θεοσις), то есть способного к бесконечному совершенствованию и стремлению к Богу, что соответствует непрерывному процессу психологическо-духовного развития.

Групповой аналитический процесс обеспечивает клиенту понимание значения личного развития через группу как общность для преодоления своих психологических застоев, что можно сравнить с духовным значением литургии как всеохватывающей молитвы в общности/Общности, которая всякий раз на новый лад повествует о личном жизненном пути Господа Иисуса Христа. Групповая аналитическая ситуация заполняет пустоту во внутреннем мире клиентов и представляет реальность и определенную интерсубъективность [13]. По мере преодоления индивидуальных сопротивлений каждого члена группы развивается постоянная коммуникация и реконструкция на уровне осознанной и бессознательной коммуникации, охватывающей психологические структуры всех присутствующих. Использование групповой аналитической установки активирует осознанность членов группы и предлагает сиюминутные решения для проблемы одиночества. Чувство одиночества является парадоксальным для православных клиентов, которые по определению должны всегда чувствовать присутствие живого Бога. Иногда члены группы сами связывают чувство одиночества с отсутствием чувства присутствия Бога. Терапевту важно оценить вовлеченность каждого клиента в актуальное *здесь и сейчас*. С целью уменьшения дистанцирования необходимо останавливать их теологические монологи как очевидные проявления сопротивлений. Ведущему важно своим психологическо-духовным опытом через контрперенос диагностировать уровни эмоционально-когнитивного и, в некоторой степени, духовного развития всех членов группы, объединенных в групповом матриксе. Также ему необходимо вывести духовные содержания каждого отдельного клиента на понятный для всех психологический уровень [2].

Каждый клиент устанавливает отношения с психотерапевтом и другими членами группы и демонстрирует характеристики своей личности через характеристики межличностных отношений с ними, что представляет динамический матрикс группы, диагностируемый контрпереносом. Контрперенос — ценный диагностический инструмент и одно из центральных понятий психоанализа, означающее ответную эмоциональную и когнитивную реакцию аналитика на пациента. В контексте группового анализа понимание и функция контрпереноса приобретают качественно иное значение. Аналитик-ведущий в группе не является внешним наблюдателем, а включен в динамический матрикс, то есть в сеть межличностных и бессознательных коммуникаций, развивающихся в группе. В этом контексте контрперенос понимается как реакция на весь матрикс, а не только на одного участника. Ведущий является частью матрикса и находится под его влиянием; он не может оставаться нейтральным наблюдателем. Контрперенос в группе может относиться не только к конкретному члену группы, но также: к подгруппам; к ролевым позициям, которые участники проецируют на ведущего; к группе в целом как единому организму [9]. Таким образом, контрперенос в групповом анализе часто отражает аффективное состояние всей группы, включая процессы, не осознаваемые участниками.

Он становится барометром бессознательных процессов в групповом матриксе и имеет диагностическую и интервенционную ценность [6; 7].

Православная идентичность клиентов имеет свою личностную специфику в групповом динамическом матриксе, что диагностируется контрпереносом. Терапевт с личным православным опытом, принимающий всегда по-новому литургическую молитву в церковной общности/Общности, усиливает свои контрпереносные возможности для работы в терапевтической группе с православными клиентами. Таким образом, контрперенос используется как катализатор в рамках происходящего в динамическом матриксе группы, как диагностическое средство оценки и как терапевтическое средство для потенциальных изменений на пути психологического развития каждого отдельного члена группы в актуальном моменте.

Включенность православной идентичности клиентов и терапевта-ведущего в динамический матрикс группы неизбежно изменяет его структуру и влияет на особенности сопротивлений в групповом терапевтическом процессе. С одной стороны, духовный опыт может выполнять функцию сдерживающего контейнера, способствующего интеграции тревог и укреплению чувства принадлежности, с другой стороны, он может стать источником сопротивлений, связанных с защитой от изменений, поскольку обращение к православной духовной практике часто сопровождается невозможностью осознания своего эмотивного потенциала. Контрперенос терапевта в такой ситуации становится уникальным диагностическим и терапевтическим каналом: в его эмоциональных реакциях могут отражаться скрытые ожидания группы относительно терапевта как замещающего духовного отца. Это требует от ведущего особой способности к дифференциации: распознавать, где контрпереносные переживания указывают на личные резонансы, а где — на коллективные бессознательные процессы, связанные с православной идентичностью клиентов. Таким образом, сопротивления в православном контексте могут проявляться: - как идеализация терапевта в роли духовного авторитета и последующее разочарование, когда он не оправдывает ожиданий; - как рационализация и моральные интерпретации чувств: например, гнев — это грех, что мешает свободному выражению агрессии; - как перенос теологического языка в коммуникацию, что может ограничивать доступ к личным аффектам. Контрперенос позволяет не только диагностировать сопротивления, связанные с духовным аспектом, но и трансформировать их в ресурс: вера может стать поддержкой для клиентов в освоении новых способов быть в отношениях, а осознание переноса сопротивлений на духовные содержания и избегание психологического опыта открывает путь к более аутентичному соединению духовного и психологического, то есть к интеграции личности. Именно поэтому православный терапевт, сохраняющий связь с собственным литургическим опытом, способен не только идентифицировать сопротивления, но находить оптимальную форму для их интерпретации, оставаясь мостом между духовным и психотерапевтическим измерениями. Это усиливает диагностическую и интервенционную роль терапевта-ведущего в динамическом матриксе группы.

Сопротивления проявляются различными способами и требуют тонкость терапевта, чтобы увидеть самые потаенные эмоциональные характеристики динамического группового матрикса в актуальном моменте терапевтического процесса. Если отдельный клиент утверждает, что он православный, то психотерапевт может использовать проявления православной самоидентификации, то есть обеспечить возможность клиенту связать ее со своей психологической симптоматологией. Так, например, если клиент считает себя православным, а у него присутствует чувство

одиночества, и при этом он не посещает церковь, то психотерапевт может указать на это. Здесь психотерапевт благодаря эмпатии нивелирует чувство критики, часто возникающее у клиентов на подобные замечания. Другой пример: если клиент соперничает с братьями или сестрами, видит и говорит об их недостатках, а не отдает отчет своим действиям, психотерапевт может связать это с православными ценностями и через интерпретацию обеспечить клиенту возможность увидеть свою психологическую сторону. Такие интерпретации-кларификации на уровне группы часто оказываются полезными, поскольку психотерапевт избегает интерпретаций-конфронтаций до тех пор, пока группа сама не осознает свои поступки, являющиеся причиной внутренних страданий, от которых ее участники стремятся избавиться.

Отрывок из протокола сеанса № 1: *Валентина из группы ЧП3 провела три дня в Косово и Метохии. Она была там и до этого, но в этот раз была особенно воодушевлена, благодаря приятным культурным людям в группе путешественников. Терапевт сказала несколько предложений об исключительной красоте фресок в монастырях Высокие Дечаны и Печская Патриархия и добавила, что это подтверждает то, что сербский народ имеет богатую культуру и свидетельствует о существовании сербской национальной идентичности. Клиентка Соня заявила, что она не понимает, что такое национальная идентичность, что для нее это звучит странно. Терапевт спокойно констатировала, что это имеет прямую связь с наличием индивидуальной идентичности, как и то, что народ, который достиг такого духовного уровня, чтобы создать Высокие Дечаны и Печскую Патриархию и расписать их, может и в наше время достичь этого уровня: «Ваш некогда испытанный богатый глубокий психологический опыт радости и целостности говорит о том, что и сейчас Вы можете его возобновить».* В представленном фрагменте сопротивления проявляются на индивидуальном и групповом уровнях: у Сони — в форме интеллектуализации и аффективного дистанцирования, у Валентины как носителя бессознательного группы — через идеализацию культурного содержания как защиты от травматически нагруженных смыслов, а также в стремлении сохранить групповую сплоченность путем избегания латентного конфликта. Интервенция терапевта, апеллирующая к национальной идентичности, активирует ресурсный потенциал для психологическо-духовного развития каждого члена группы.

Отрывок из протокола сеанса № 2: *Интересным является эпизод реакций членов группы ПЦ1 во время первой встречи на сеансе после окончания пандемии после двух лет работы онлайн. Во время пандемии Пастырский центр переехал на другую локацию в более благоустроенное помещение, что также способствовало позитивному настрою. Было очень трогательно и забавно, когда Матвей сказал: «Все мы счастливы снова встретиться, но доктор самая счастливая». Психотерапевт в очередной раз осознала, что есть ситуации, когда полезно и оправданно показать свои истинные аутентичные чувства.* В духовном контексте сопротивления в данном эпизоде проявляются в форме благочестиво окрашенной идеализации и аффективного сглаживания, где радость встречи и юмор могут служить защитой от более сложных переживаний уязвимости и экзистенциальной тревоги, актуализированных опытом изоляции.

Отрывок из протокола сеанса № 3: *Клиентка Ангелина была членом группы ЧП1 с момента основания и одновременно приходила на индивидуальную терапию. Ее брат ранее был клиентом терапевта в тюремной больнице. Он, будучи в состоянии психоза, убил двух человек. Ему тогда было 18 лет, а Ангелине 17 лет. Перед совершением преступления он пришел к ней, взял ее куртку и сказал, что скоро вернется. В то время в девяностых годах в отделении принудительного лечения в тюремной больнице было*

довольно много молодых людей, совершивших преступления в состоянии декомпенсации психических болезней. Столкнувшись с эти фактом, автор данной работы увидела необходимость и потенциал применения группового анализа в тюремной больнице [14]. *В то же время она работала с Ангелиной и ее младшей сестрой в одной из гуманитарных организаций при Сербской Православной Церкви. Также она проводила консультации их родителям в тюремной больнице. Пару лет Ангелина приходила на индивидуальную терапию в частную практику. После был перерыв в течение 2–3 лет. Затем она возобновила терапию в группе и в индивидуальном порядке. Самой важной для нее причиной выбора терапевта было то, что «терапевт знала ее семейную историю, иначе она не смогла бы открыться». Примерно через 4 года она смогла открыться группе и постепенно рассказать историю своего брата и свои связанные с этим чувства, и группа обладала достаточным потенциалом, чтобы контейнировать такие содержания. У Ангелины был значительный прогресс в ее психологическом развитии: снизила проекцию вины на других, что частично нивелировало приступы проявления ярости и агрессии по отношению к другим членам группы; вышла замуж и родила дочку; начала посещать брата в тюремной больнице; в духовной жизни восстановила контакты с духовником и снова начала ходить на литургию. На сеансах группового анализа в процессе общения с другими членами группы осознала, что вообще не упоминает родителей и «не понимает значимость опыта отношений с родителями для психологического развития». Когда другие члены группы говорили о своих родителях, она привела слова поддержки своего отца: «Иди своей дорогой и не беспокойся о нас!» и в то же время его негативные предсказания ей и ее сестре: «Вы ни на что не способны! Будете голодать!» Отец много болел и все чаще был госпитализирован. Ангелина часто говорила, что у нее нет никаких чувств к нему и интереса к его состоянию здоровья. Все резко изменилось, когда он скончался. Через день после его смерти Ангелина пришла на индивидуальную терапию и обвинила терапевта, что у той нет эмпатии к ее горю. На групповом сеансе сказала, что «терапия приносит только вред, что она хочет совсем прекратить посещение сеансов и посвятить себя духовной практике, где на исповеди, через духовные беседы, личную молитву и посещения литургии получит все, что ей необходимо». Она была явно во взвинченном состоянии, почти в паническом. Члены группы с уважением отнеслись к ее словам уйти из группы, но все предложили подождать, успокоиться, а не принимать решение, будучи на взводе. Ангелина сказала, что прийдет еще на три сеанса, а затем ушла из группы, что было нарушением рекомендованного срока ухода при десятилетнем периоде участия в групповом анализе.* Данный клинический отрывок демонстрирует несколько уровней сопротивления, характерных как для группового анализа в целом, так и для работы с клиентами, интегрирующими православную духовность в психотерапевтический процесс. У Ангелины длительное время наблюдалось избегание аффекта и вытеснение значимых переживаний, связанных с семьей. Такое эмоциональное обеднение можно рассматривать как защиту от глубокой амбивалентности (любовь-враждебность), которая стала невыносимой в условиях травматического семейного опыта. Второй аспект — проективные и агрессивные реакции, которые ранее проявлялись в группе и уменьшились благодаря терапии. Однако в момент утраты происходит регресс: вина и невыносимый аффект снова проецируются, но уже на терапевта. Это классическая форма сопротивления — перенос аффекта на контейнер (терапевта и группу) в ответ на усиление внутреннего конфликта и боли. Третье — сопротивление через идеализацию духовного пути и девальвацию терапии. Четвертый момент — сопротивление сепарации и завершению. Нарушение договоренного процесса выхода из группы после длительного

(более 10 лет) участия указывает на трудности переработки утраты группы как объекта. Уход в состоянии аффективного возбуждения свидетельствует о невозможности выдержать процесс прощания и символизации разрыва. Роль группы как контейнера: на протяжении длительного времени она обеспечивала возможность постепенного раскрытия травматического материала. Однако в кризисный момент емкость контейнирования субъективно переживается как недостаточная, что и активирует сопротивление.

Отрывок из протокола сеанса № 4: *В группе ЧП2 Павел и Анна активны, а Дмитрий и Милена демонстрируют пассивность во многих ситуациях. Дмитрий ни с того ни с сего часто говорит, что считает себя обузой для группы, а Милена эмоционально реагирует на это, узнавая себя. Милена часто говорит, что не видит никакого смысла в групповой терапии, но при этом она не пропускает ни один сеанс: «Мне приятно прийти, чтобы со всеми повидаться». Вместе с тем ей тяжело понять Дмитрия, который утверждает, что он бесполезен, будучи успешным профессионалом своего дела. Об Анне она говорит, что она гениальна в своей области (Анна преподаватель в университете в США). В то же время Милена теряет терпение, когда речь идет об эмотивных отношениях других членов группы со своими партнерами: «Анна постоянно говорит одно и то же о своем парне, демонстрируя терпение и активность. Не понимаю, почему она все еще с ним. Павел постоянно начинает отношения с девушками, которые изначально ему не подходят». Члены группы считают, что Милена очень полезна для группы и дает им хорошую обратную связь, позволяющую им увидеть самих себя, но ей нужно быть полезной для себя самой. Дела Милены приняли драматический оборот: сначала с ее слов ей без биохимических анализов на основе снимков известный врач поставил диагноз рака толстой кишки и сказал, что ей необходима операция и химиотерапия. Она оповестила об этом терапевта на индивидуальной терапии, на которую она приходит время от времени. После того, как Милена не пришла на групповую терапию, терапевт сообщила об ее диагнозе группе. Это вызвало шок — члены группы говорили только о ней, о себе ничего. Они сказали, что эта ситуация является вызовом для духовного развития и активной позиции Милены. Все еще больше усложнилось, когда Милена сообщила терапевту о том, что у нее сканером обнаружили рак груди. Члены группы были еще более потрясены и тронуты. После Милена отправила смс, где сообщила, что маммолог сказал, что это были физиологические кисты, а не рак. Милена присутствовала на следующем сеансе и снова была в центре внимания группы. В данный момент члены группы находятся в замешательстве от противоречивой информации о состоянии здоровья Милены, но в любом случае выражают ей аутентичную убедительную поддержку.* В представленном клиническом фрагменте выявляются многоуровневые формы сопротивления, проявляющиеся как на индивидуальном, так и на групповом уровне, с выраженной спецификой, обусловленной православным культурно-духовным контекстом. На индивидуальном уровне у Милены наблюдается амбивалентность типа подход-избегание: при декларируемом обесценивании групповой терапии она сохраняет регулярное участие, что указывает на неосознаваемую потребность в принадлежности. Существенным механизмом сопротивления является ориентация на полезность для других, позволяющая избегать контакта с собственными переживаниями. Также выражены проективные и рационализирующие тенденции, проявляющиеся в критике других членов группы. Эпизоды с противоречивыми соматическими диагнозами могут рассматриваться как форма соматизированного сопротивления, где телесный симптом выполняет функцию организации внимания и выражения внутреннего конфликта.

Дмитрий, с его установкой *я обуза для группы*, демонстрирует сопротивление через самообесценивание, вызывая резонанс у Милены и активируя у нее сходные, но неосознаваемые переживания. На групповом уровне ключевым является формирование конденсатора: после сообщения о болезни Милены группа смещает фокус исключительно на нее, избегая собственные тревоги. Дополнительно проявляется рационализация духовного содержания — интерпретация происходящего как вызова для духовного развития, что выполняет защитную функцию, подменяя аффективное переживание религиозными смыслами. Таким образом, сопротивление в данной группе проявляется не только в классических психологических формах (обесценивание, проекция, соматизация, самообесцениевание), но и в духовно окрашенных механизмах — альтруистическом избегании и преждевременной смысловой интерпретации страдания, что требует от терапевта особой чувствительности к их различению.

Отрывок из протокола сеанса № 5: *Милена считает, что у нее рак, но при общении выглядит спокойной и говорит, что хочет принять Божью Волю. У нее был духовный разговор и Святое Таинство Исповеди с несколькими священниками, которые ввели ее в замешательство, посоветовав отказаться от операции. Все члены группы ЧП2 следуют литургической практике и имеют духовников. Тем не менее, все они советуют ей ориентироваться на медицинское мнение о необходимости хирургического вмешательства, а также пробудиться и принять активную позицию в своей жизни.* В данном фрагменте сопротивление Милены проявляется прежде всего в форме рационализации духовного содержания и расщепления. При потенциально угрожающем диагнозе она демонстрирует внешнее спокойствие и говорит *о принятии Божьей воли*, что указывает на защитное использование религиозных установок для избегания тревоги, страха и необходимости принятия решения. Противоречивые советы священников, в том числе отказ от операции, усиливают ее внутренний конфликт и способствуют делегированию ответственности внешнему авторитету, что также выполняет защитную функцию. На групповом уровне наблюдается иная динамика: несмотря на общую религиозность, члены группы не поддерживают пассивно-фаталистическое отношение, а ориентируют Милену на медицинское мнение и активную жизненную позицию. Тем самым группа частично противостоит ее сопротивлению, возвращая процесс к принципу реальности и личной ответственности.

Отрывок из протокола сеанса № 6: *Милена говорила о дилеммах: делать или не делать операцию, какого врача выбрать. Она сказала, что посетила несколько раз различных духовников и только один раз хирурга. У нее сложилось впечатление, что все духовники против операции. Терапевт однозначно прокомментировала, что нужно обязательно получить консультацию нескольких врачей. Так как Милена была запугана и растеряна, была не в состоянии воспринимать информацию о своей болезни, терапевт посоветовала взять на прием кого-нибудь из близких — сестру, подругу и т.п. Также она порекомендовала нескольких врачей, которые могли бы проконсультировать Милену. Другой член группы, Павел, иногда упрекающий терапевта в том, что она слишком нейтральна и пассивна, в данном случае прокомментировал: «Это минимальная нейтральность, которую Вы когда-либо демонстрировали».* В данном эпизоде сопротивление Милены проявляется как избегание реальности через смещение к духовному авторитету: она многократно обращается к духовникам, минимизируя контакт с врачами, тем самым делегируя ответственность и снижая тревогу. Это сопровождается искажением восприятия и нарастающей дезорганизацией. Интервенции терапевта направлены на восстановление контакта с реальностью (консультации врачей, опора на близких), что временно требует снижения нейтральности. Реакция группы

показывает принятие более активной позиции терапевта как необходимой для преодоления сопротивления и стабилизации Милены.

Отрывок из протокола сеанса № 7: *Анна говорила о своих нестабильных отношениях с парнем на расстоянии и о том, что она хочет, чтобы он приехал в отпуск в Сербию. Павел и Милена посоветовали ей «принять Божью Волю». Терапевт прокомментировала: «Что есть Божья Воля? Можно сказать, что Божья Воля — это реализация частей личности, присущих отдельному индивиду в определенной ситуации, то есть чтобы жить «свою жизнь». После паузы терапевт спросила: «Возможно, я упрощаю теологические понятия?» Но все члены группы невербально и вербально подтвердили то, что для них такая форма полезна и ценна.* Такая стратегия способствует интеграции духовного опыта членов группы в динамический матрикс, позволяя переработать потенциально замороженные или конфликтные элементы, что подтверждается вербальными и невербальными реакциями участников. В результате они включаются в обсуждение, осознают свои внутренние переживания и интегрируют их в групповой матрикс, не испытывая угрозы для своей веры.

Отрывок из протокола сеанса № 8: *После двухмесячных сомнений о необходимости операции, избегания принятия рекомендаций врачей, многочисленных консультаций с духовниками, страхов, связанных с последствиями химиотерапии (хотя уверенности в ее необходимости не было), Милена была прооперирована. Операция прошла успешно, но неожиданно возникли осложнения: разрыв раны, повторная операция, воспалительный процесс и сепсис, что закончилось летальным исходом. В то время, когда Милена была в больнице, члены группы и ведущая отправили ей смс-сообщение, пожелали ей здоровья и попросили связаться с ними. Ответа не последовало, а затем они получили известие от ее сестры о том, что случилось с Миленой. Произошел полный перелом в терапевтическом процессе. Особенно это отразилось на проявлениях сопротивлений: они значительно уменьшились, все члены группы воспринимали групповую терапию как живую и жизненную среду. Процесс переживания утраты каждым членом группы был трогательным. Они анализировали в себе ту часть Милены, которая была связана с пассивностью. Особенно это касалось Дмитрия, потому что они с Миленой образовывали пару (анг. pairing). Вспоминали все детали, которыми делилась Милена о том, что ей говорили отдельные духовники. Для них было почти невероятно, что, например, Отец Василий, который был и духовником Павла и которого часто упоминали на сеансах как строгого духовника, сказал Милене, что она умрет, если будет оперироваться, что опухоль не является раком, что ей нужно пить травяные чаи и не есть сладкое. Духовник Аны, который, несмотря на большую занятость и многочисленных духовных чад, сразу же принял ее и посвятил ей много времени. Все члены группы испытывали невероятную печаль и в конце сказали, что Милена через свой уход в данный момент спасла свою душу и помогает им спасти свои души. Позже сестра Милены сообщила, что по результатам биопсии, взятой во время операции, установлено, что опухоль не имела признаков злокачественности, что вызвало дополнительную печаль. Члены группы выразили желание пойти на сороковины Милены. Ведущая группы оказалась в деликатной ситуации, поскольку это нарушило бы терапевтическую установку, но после консультации с коллегой приняла эту идею. Иначе поступить было невозможно. Когда группа и ведущая отправили сестре Милены сообщение с целью уточнения времени и места панихиды, она ответила, что они могут прийти в любые выходные, но сама панихида будет проходить в кругу семьи и ближайших друзей. Ведущая объяснила, что члены группы хотели бы совместной молитвы в столь важный духовный момент (определение места пребывания души).*

Когда она передала слова сестры членам группы, Ана прокомментировала, что Милена была духовнее своей семьи. В данном фрагменте видно, что после смерти Милены происходит резкое снижение сопротивлений и качественный сдвиг в групповом процессе. Если ранее доминировали избегание, рационализация духовных содержаний и делегирование ответственности, то утрата разрушила эти защиты и привела членов группы к аутентичному переживанию — горю, вине и осмыслению. Группа начала интегрировать опыт, присваивая ту часть Милены, которая была связана с пассивностью, особенно это проявилось у Дмитрия. При этом возникла новая форма интеграции — духовное осмысление утраты (*спасла свою душу и помогает нам*), которое уже не столько избегает аффект, сколько сосуществует с ним. Группа переживает себя как живую среду, а участие в сороковинах отражает переход за пределы терапевтической рамки, где необходимость совместного переживания утраты временно оказывается сильнее терапевтической установки. Таким образом, сопротивление в группе православных клиентов проявляется как многослойный феномен, включающий как универсальные психодинамические механизмы, так и специфические духовно окрашенные формы (рационализация духовных содержаний, делегирование ответственности религиозному авторитету, смысловая фиксация на страдании). Его динамика показывает, что при определенных условиях, в частности, при столкновении с реальной утратой, сопротивление может трансформироваться в ресурс развития: как группового в форме углубления матрикса, усиления связности и аутентичности, так и индивидуального — интеграции вытесненных аспектов, повышении субъектности и ответственности.

Заключение. Сопротивления у православных клиентов чаще всего представлены в начальные периоды психотерапии. В фазе некоторого преодоления клиенты начинают принимать работу *здесь и сейчас* и анализ взаимоотношений. Групповой анализ православных клиентов может дать им возможность более полного развития на психологическо-духовном православном пути, на котором они уже находятся. Терапевтическими инструментами психотерапевта являются его теоретико-практические знания и достижения христианско-духовных ценностей. Опыт автора данной работы подтверждает, что каждая группа в зависимости от состава и стадии терапевтического процесса формирует определенный групповой матрикс, обуславливающий течение терапии и клинические проявления: сопротивления, интерпретации, переносно-контрпереносные отношения.

В данной работе на конкретных примерах показано несоответствие между самоопределением клиентов как православных и одновременно несоблюдением ими православных традиций. Они часто проецируют свои слабости на других без осознания личного участия, что противоречит основам христианского понимания развития личности, которое подразумевает взятие ответственности и вины на себя. Подобное противоречие между православной самоидентификацией и практическим несоблюдением христианских традиций следует рассматривать как проявление группового сопротивления. Оно выражается в динамическом матриксе как форма групповой защиты от боли осознавания собственной ответственности и вины. Таким образом, сопротивление перестает быть лишь индивидуальным феноменом и приобретает функцию поддержания определенного группового равновесия, препятствующего выходу на более глубокий уровень самопознания. Интерпретация сопротивлений в этой перспективе помогает не только выявить скрытые групповые механизмы отрицания и проекции, но и открыть пространство для дальнейшего духовного и личностного развития членов группы. Практика группового анализа с

православными клиентами представляет собой духовный мост между, с одной стороны, групповой работой с клиентами и, с другой стороны, культурными рамками, в которых она происходит. Важно, чтобы психотерапевт при наблюдении за клиентами своевременно осуществлял интерпретацию, используя свои теологические знания. Терапевту-ведущему в работе с православными клиентами необходимо наблюдать не только за своей психологической сферой, но и за своим православно-духовным опытом и использовать их в качестве диагностического метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анджелкович Б. Православная самоидентификация клиентов в психотерапии / Б. Анджелкович // Воспитание как основополагающий элемент образовательного процесса в вузах: Сборник научных трудов. — Воронеж: Научная книга, 2022. — С. 25–32.
2. Анджелкович Б. Работа с православными клиентами в малых аналитических группах / Б. Анджелкович // Modernity: Человек и культура. Сборник статей XXV научно-практической конференции. — Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2023. — С. 251–260.
3. Billow R.M. Relational Group Psychotherapy: From Basic Assumptions to Passion / R.M. Billow. — London; Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2003. — 256 p.
4. Black D.M. Psychoanalysis and Religion in the 21st Century. Competitors or Collaborators / D.M Black. — London and New York: Routledge, 2006. — 278 p.
5. Dalal F. Taking the Group Seriously: Towards a Post-Foulkesian Group Analytic Theory / F. Dalal. — London & Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 1998. — 304 p.
6. Foulkes S.H. Therapeutic Group Analysis / S. H. Foulkes. — London: Allen & Unwin, 1964. — 320 p.
7. Foulkes S.H. *Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles* / S. H. Foulkes. — London: Karnac, 1999. — 352 p. (Первоначально опубликовано в 1964 г.)
8. Janaras Kh. Relational Ontology / Kh. Janaras. — Brookline, MA: Holy Cross Orthodox Press, 2011. — 224 p.
9. Nitsun M. *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential* / M. Nitsun. — London: Routledge, 1996. — 256 p.
10. Pines M. Reflections on Group Analysis / M. Pines. — London: Routledge & Kegan Paul, 1985. — 192 p.
11. Winnicott D.W. The Location of Cultural Experience / D.W. Winnicott // International Journal of Psychoanalysis. — 1967. — Vol. 48. — P. 368–372.
12. Winnicott D.W. The Maturational Processes and the Facilitating Environment / D.W. Winnicott. — London: Hogarth Press, 1965. — 276 p.
13. Yalom I.D. The Theory and Practice of Group Psychotherapy / I.D. Yalom. — New York: Basic Books, 1970. — 640 p.
14. Анђелковић Б. Евалуација форензичке групне психотерапије / Б. Анђелковић // Магистарска теза. Београд:Универзитет у Београду, Медицински факултет, 2004. — 151с.
15. Григорије (Дурић), епископ. Релациона онтологија Јована Зизјуласа / Григорије (Дурић) // Докторска дисертација. — Београд: Универзитет у Београду, Православни Богословски факултет, 2014. — 341 с.

REFERENCES

1. Andzhelkovich, B. (2022). Pravoslavnaja samoidentifikacija klientov v psihoterapii [Clients' Orthodox Self-Identification in Psychotherapy] In Vospitanie kak osnovopolagajushhij jelement obrazovatel'nogo processa v vuzah: Sbornik nauchnyh trudov [Education as a Core Component of the University Educational Process: Proceedings of Scientific Works] (pp 25–32). Voronezh: Nauchnaja kniga. (In Russian).
2. Andzhelkovich, B. (2023). Rabota s pravoslavnymi klientami v malyh analiticheskih gruppah [Psychotherapeutic Work with Orthodox Clients in Small Analytic Groups] In Modernity: Chelovek i kul'tura. Sbornik statej XXV nauchno-prakticheskoj konferencii [Man and Culture: Proceedings of the 25th Scientific and Practical Conference] (pp 251–260). Saint Petersburg: Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii im. F. M. Dostoevskogo. (In Russian).
3. Billow, R.M. (2003). Relational Group Psychotherapy: From Basic Assumptions to Passion. London; Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers.
4. Black, D.M. (2006). Psychoanalysis and Religion in the 21st century: Competitors or Collaborators. London; New York: Routledge.
5. Dalal, F. (1998). Taking the Group Seriously: Towards a Post-Foulkesian Group Analytic Theory. London; Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers.

6. Foulkes, S.H. (1964). Therapeutic Group Analysis. London: Allen & Unwin.
7. Foulkes, S.H. (1999). Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles. London: Karnac. (Первоначально опубликовано в 1964 г.).
8. Janaras, K. (2011). Relational Ontology. Brookline, MA: Holy Cross Orthodox Press.
9. Nitsun, M. (1996). The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and their Creative Potential. London: Routledge.
10. Pines, M. (1985). Reflections on Group Analysis. London: Routledge & Kegan Paul.
11. Winnicott, D.W. (1967). The Location of Cultural Experience. International Journal of Psychoanalysis, 48, 368–372.
12. Winnicott, D.W. (1965). The Maturational Processes and the Facilitating Environment. London: Hogarth Press.
13. Yalom, I. D. (1970). The Theory and Practice of Group Psychotherapy. New York: Basic Books.
14. Andzhelkovich, B. (2004). Evaluatsija forenzichke grupne psihoterapije [Evaluation of Forensic Group Psychotherapy] In Master's Thesis. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Medicine. (In Serbian).
15. Grigorije (Durich) (2014). Relatsiona ontologija Jovana Zizjulasa [Relational Ontology of John Zizioulas] In Doctoral Dissertation. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Orthodox Theology. (In Serbian).

Поступила в редакцию 03.03.2026 г.

RESISTANCE IN GROUP ANALYSIS WITH ORTHODOX CLIENTS

B. Andjelkovic

This article addresses the clinical phenomenon of resistance in group analysis of clients identified as Orthodox Christians. The study explores the specific manifestations of resistance at the levels of the personal and dynamic matrices, taking into account the cultural and spiritual context. Particular attention is paid to the shared Orthodox background of both the therapist and the group members, which, on the one hand, enhances the significance of spiritual themes and, on the other hand, may function as a specific form of resistance that complicates direct communication and the psychological interpretation of symptoms. The paper substantiates the importance of maintaining the therapist's analytic position, which involves a clear differentiation between the psychological and spiritual dimensions of experience. The empirical basis of the study consists of data obtained from five small analytic groups. The methodological framework is grounded on the clinical-analytic approach, with countertransference employed as both a diagnostic and a therapeutic tool. It has been shown that working with resistance contributes to the group process deepening and to individual changes in participants.

Key words: group analysis, resistance, group matrix, personal matrix, dynamic matrix, Orthodox Christian clients, countertransference, interpretation.

Анджелкович Биляна. магистр медицины, специалист психиатрии и психотерапии, частная психотерапевтическая практика, Пастырский консультативный центр при Сербской православной церкви, Сербия, Белград. ORCID: 0000-0003-3245-5977. E-mail: biljana.andjelkovic1@gmail.com	**Andjelkovic Biljana.** Master of Medicine, psychiatry and psychotherapy specialist, Private psychotherapy practice, Pastoral Advisory Center of the Serbian Orthodox Church, Serbia; Belgrade. ORCID: 0000-0003-3245-5977. E-mail: biljana.andjelkovic1@gmail.com

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.21130247

КЛАССИФИКАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

©2026 *Н. Ю. Кравчук*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Херсонский государственный педагогический университет»[1]
Автономная некоммерческая организация «Центр содействия развитию спорта, науки и психологического благополучия «Феникс»[2]
ORCID: 0009-0006-0670-852X

В статье предлагается классификация ценности самореализации личности. Несмотря на обширные исследования в области аксиологии и психологии самореализации, отсутствует единое понимание того, какие ценностные структуры запускают, поддерживают и обеспечивают результативность самореализации. Исследование выполнено с помощью методов интегративного теоретического обзора и структурно-динамического моделирования на основе классических философских и психологических трудов и современных исследований. В результате разработана структурно-динамическая модель, объединяющая ценности самореализации в четырёхуровневую иерархию, включающую потенциальный уровень (ценности формирования внутренних интенций), трансформационный уровень (ценности экзистенциального самоопределения), бытийный уровень (ценности социально-предметной актуализации) и синергетический уровень (ценности гармонии и целостности). Модель преодолевает теоретическую фрагментарность в изучении самореализации, диалектически связывая внутреннее становление личности и её объективацию в социально-предметной деятельности через механизмы экзистенциального выбора, волевой регуляции и самотрансценденции, обеспечивающие движение от накопления сущностных сил к эвдемонической устойчивости и целостности.

Ключевые слова: самореализация личности, ценности самореализации, структурно-динамическая модель, потенциальный уровень, трансформационный уровень, бытийный уровень, синергетический уровень, экзистенциальное самоопределение, эвдемоническое благополучие, самотрансценденция.

Для цитирования: Кравчук Н.Ю. Классификация ценностей самореализации личности / Н.Ю. Кравчук // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 373–387. — https://doi.org/10.5281/zenodo.21130247.

Введение. Феномен самореализации занимает особое место в гуманитарных науках, поскольку находится на пересечении психологии, социологии и философии. Изучение различных аспектов процесса самореализации личности представляет собой актуальную и востребованную задачу, так как становление личности — это сложный путь преодоления, который сопровождается высоким уровнем неопределённости, риска и внутреннего напряжения. На пути раскрытия своего потенциала человек сталкивается с сопротивлением социальной среды, необходимостью постоянного выбора, кризисами смысла и конфликтами между личностными стремлениями и социальными ожиданиями. Наблюдается существенное расхождение в траекториях развития людей, обладающих сходными задатками и исходными возможностями. Так, одни, несмотря на наличие способностей и благоприятные стартовые условия, останавливаются в личностном росте, тогда как другие, преодолевая инерцию и внешние препятствия, достигают высокой самореализации. Объяснение данного различия следует искать в плоскости аксиологии. В условиях высокой неопределенности одной из надежных внутренних опор, удерживающих человека на траектории развития, выступает его ценностно-смысловая сфера. Именно ценности, трансформируя хаотичные побуждения в устойчивые намерения, а абстрактные способности в реальные достижения, направляют

самореализацию личности. Они служат внутренним ресурсом, который не допускает утраты целостности личности в моменты кризисов и обеспечивает её временну́ю преемственность. Тем не менее, в современной психологической науке наблюдается противоречивая ситуация. Существуют исследования ценностей (Ш. Шварц, М. Рокич) и теории самореализации (А. Маслоу, К. Роджерс, С.И. Кудинов), однако само понятие «ценности самореализации» до сих пор остаётся недостаточно осмысленным. Отсутствует единое понимание того, какие именно аксиологические структуры запускают этот процесс, поддерживают его динамику и обеспечивают его результативность, не приводящую к истощению и выгоранию личности. В статье предпринята попытка преодолеть эту теоретическую фрагментарность. Целью работы является построение структурно-динамической модели, объединяющей различные виды ценностей самореализации личности в единую иерархическую систему.

Методы и методология исследования

Работа представляет собой теоретико-концептуальное исследование, выполненное с помощью методов интегративного теоретического анализа и синтеза, а также структурно-динамического моделирования. Теоретический анализ предполагает поиск, критический анализ и обобщение психологических и философских источников для выявления общих оснований в понимании самореализации личности и её ценностных компонентов. Структурно-динамическое моделирование выступило методом формализации полученных результатов через создание иерархической модели, описывающей различные уровни ценностей самореализации личности и механизмы их трансформации в процессе личностного развития. Целью примененных методов является обеспечение понятной и воспроизводимой процедуры перехода от качественного анализа текстов к построению структурно-динамической модели. Исследование проводилось с сентября 2025 года по февраль 2026 года и включало три этапа: поиск и отбор источников, теоретический анализ и концептуальная реконструкция, обобщение и моделирование.

Теоретико-методологическую основу работы составили диалектический, гуманистический, экзистенциальный, деятельностный, синергетический и системный подходы. Диалектический подход использован для рассмотрения самореализации как процесса разрешения противоречий между потенциалом и результатом, а также между индивидуальным и социальным началами в человеке. Принцип диалектического единства позволил выстроить иерархию ценностей самореализации личности от внутренних интенций к актуализации в деятельности. Гуманистический и экзистенциальный подходы применялись для анализа смысловой и интенциональной природы самореализации, а также прояснения роли экзистенциального выбора, которые опосредуют переход от внутреннего потенциала личности к её внешним действиям. Деятельностный подход применен для обоснования тезиса о том, что ценности самореализации обретают онтологический статус и содержание только в процессе опредмечивания сущностных сил человека во внешней общественной деятельности. Деятельность же рассматривается как форма опосредования между субъективными намерениями и объективными результатами. Синергетический подход привлечен для обоснования уровня модели, где личность рассматривается как открытая самоорганизующаяся система, а перспективой анализа становится вопрос устойчивости и согласованности её ценностных уровней. Системный подход использовался для организации различных теоретических традиций в единую структурированную модель, где ценности самореализации предстают как иерархическая система взаимосвязанных элементов.

В качестве источников анализа использованы классические философские и психологические произведения (Аристотель, Гегель, Ф. Ницше, А. Маслоу, К. Роджерс,

В. Франкл, Н.А. Бердяев и др.), теоретические и обзорные работы самореализации (Д.А. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская и др.), а также современные эмпирические исследования, проясняющие аксиологические компоненты самореализации [31]. Из анализа исключались узкоспециальные эмпирические отчеты без теоретического анализа, публикации, посвященные исключительно диагностике ценностей без акцента на теорию, работы, в которых ценности и самореализация рассматриваются фрагментарно, а также публикации с неясной методологией, нерелевантным контекстом или низкого научного качества.

Сравнительный теоретический анализ использовался для сопоставления различных подходов к пониманию самореализации. Процедура анализа включала выявление общих положений и противоречий между подходами, определение логики развития представлений о самореализации в истории психологии и философии, установление иерархических отношений между различными аспектами самореализации.

Исходя из диалектического понимания развития личности как движения от возможности к действительности, разработка классификации ценностей самореализации основана на предложенных нами ранее методологических принципах:

1. Принцип объективизации ценностей означает последовательное превращение субъективных интенций в объективно выраженные продукты труда и активности человека. Данный принцип позволяет выделить уровни классификации в зависимости от степени объективации от внутренних диспозиций к внешним результатам деятельности.

2. Принцип субъектности личности понимается как переход от пассивного усвоения внешних норм к автономному субъектному действию, при котором личность критически переосмысливает унаследованные образцы и самостоятельно формулирует цели. Принцип обосновывает выделение трансформационного уровня, на котором происходит становление авторства жизни.

3. Принцип универсализации ценностей отражает движение ценностного развития от личных, эгоцентрических интересов к общечеловеческим и надиндивидуальным смыслам и задает вектор развития от потенциального уровня к бытийному и синергетическому.

4. Принцип социальной детерминации утверждает, что полнота самоосуществления достигается в общественном взаимодействии и через вклад в общее благо, поскольку раскрытие индивидуальности происходит во взаимодействии с другими людьми. Он обосновывает необходимость выделения бытийного уровня, на котором самореализация осуществляется через социально-предметную деятельность.

5. Принцип эмерджентности утверждает, что на высшем уровне самореализации возникают качественно новые свойства личности, которые не сводимы к простой сумме компонентов предыдущих уровней. Снижение психологической энтропии за счет перехода от хаотичности к упорядоченности ценностной системы личности [15] и достижение когерентности различных уровней ценностей (потенциального, трансформационного и бытийного) приводит к эмерджентным эффектам, таким, как целостность, мудрость, устойчивое психологическое благополучие, внутренняя гармония. Эмерджентность проявляется в том, что интеграция когнитивных, эмоциональных, волевых, экзистенциальных и социальных аспектов развития создает качественно новое состояние, в котором личность функционирует как согласованная самоорганизующаяся система, способная к длительной продуктивной деятельности без саморазрушения и выгорания.

Одним из основных методов исследования является структурно-динамическое моделирование, которое включило определение иерархических уровней ценностей (потенциальный, трансформационный, бытийный и синергетический), выделение компонентов каждого уровня, описание динамических связей между уровнями и формализацию модели в виде структурной схемы.

Поскольку исследование носит теоретический характер и опирается на опубликованные источники, специфические этические разрешения не требовались. Основными ограничениями являются отсутствие эмпирической проверки предложенной модели в настоящей работе; возможная селективность изученных источников, обусловленная целенаправленным, а не систематическим поиском; влияние авторской интерпретации при определении критериев классификации и выделении уровней модели.

Результаты и обсуждение

Существуют различные представления о природе самореализации, на основе анализа которых мы предлагаем структурно-динамическую модель, отражающую самореализацию как иерархически организованный процесс и результат.

Методологически обоснованным представляется рассмотрение процесса самореализации как диалектического единства, разворачивающегося во времени и пространстве. В своей динамике данный феномен проходит путь от формирования внутренних диспозиций через момент экзистенциального выбора к завершению в продуктах деятельности и интеграции в целостное бытие. Данная логика позволила выделить иерархическую систему ценностей, направляющих самореализацию личности.

Важно подчеркнуть, что переход с одного аксиологического уровня на другой не происходит автоматически. Он опосредован специфическими психологическими механизмами. Переход от потенциального уровня к трансформационному с одной стороны, требует волевого импульса, позволяющего преодолеть инерцию покоя и выйти из состояния пассивного обладания своими возможностями, с другой стороны, реализуется через механизм рефлексии и экзистенциального выбора, в котором личность утверждает себя как автора собственного жизненного пути. По мнению А.П. Мерсияновой [11], экзистенциальный выбор характеризуется тремя взаимосвязанными аспектами. Структурно он представляет собой выбор между альтернативами-ценностями — возможностями, исключающими друг друга; это «выбор, который человек не может не делать и вместе с тем не хочет делать, т.к. каждая из альтернатив является ценной» [11, с. 156]. Функционально экзистенциальный выбор является жизнеопределяющим, влечет качественные изменения многомерного мира личности, перестраивая систему ценностей и смыслов. Динамически он сопровождается напряженностью экзистенциальных данностей, таких, как жизнь и смерть, свобода и ответственность, одиночество, смысл и абсурд. Переход от трансформационного к бытийному уровню опосредован механизмом волевой регуляции и опредмечивания. Если на предыдущем этапе воля выступает как импульс к выходу из инерции, то здесь она проявляется как способность длительно поддерживать выбранное направление, организуя деятельность и обеспечивая воплощение ценностных решений в объективных продуктах труда и социальных результатах. Восхождение на синергетический уровень обеспечивается действием механизма самотрансценденции. М.В. Зиннатова определяет самотрансценденцию как «субъективную характеристику личности, обеспечивающую выход за границы актуально осознаваемого себя, постижение собственных возможностей, их осознание и воплощение в объективной реальности (деятельности, поведении, социальных отношениях)» [6, с. 121]. В отличие от волевой регуляции, ориентированной преимущественно на поддержание избранной линии деятельности, самотрансценденция предполагает качественную перестройку смысловой направленности личности, при которой собственная самореализация утрачивает статус самостоятельной цели и рассматривается как следствие реализации надличностных ценностей. Данный переход становится возможным при условии интеграции результатов предшествующих этапов развития: накопленного личностного потенциала,

осуществлённого экзистенциального выбора и реализованной в продуктивной деятельности способности к опредмечиванию сущностных сил. Самотрансценденция выступает, таким образом, «механизмом достижения субъектом самоактуализации, саморазвития, самореализации, акме» [6, с. 123], обеспечивая целостность личности.

I. Ценности формирования внутренних интенций (потенциальный уровень)

Первый уровень классификации — потенциальный — охватывает сферу внутренних качеств и интенций субъекта, предшествующих активному действию. Теоретической базой здесь выступают концепции, акцентирующие внимание на совершенствовании внутренней природы личности. Данный уровень включает внутреннюю ценностную основу самореализации — процесс становления и накопления «сущностных сил» личности и формирование волевого импульса.

Следует отметить, что в философии Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса, а также в отечественной психологии категория «сущностных сил» понимается двояко [8]. С одной стороны, они рассматриваются как универсально-деятельные способности человека, то есть его потенциал, задатки, способности, знания и умения, которые формируются и накапливаются во внутреннем плане. Пока сущностные силы не опредмечены в деятельности, они существуют как субъективная возможность, скрытый ресурс, требующий волевого усилия для перехода в действительность. С другой стороны, сущностные силы представляют собой конкретно-исторические общественные отношения, облечённые в форму деятельных способностей, через которые человек реализует эти отношения во внешнем мире. На потенциальном уровне говориться именно о процессе становления и внутреннего структурирования сущностных сил как субъективной возможности, предшествующей их опредмечиванию в деятельности.

Особую роль в структуре первого уровня играет волевой импульс. Само наличие развитых способностей и интеллекта еще не гарантирует самореализации. Необходим «пусковой механизм» — воля, которая выступит активной преобразующей силой. В контексте структурно-динамической модели волю следует понимать как ценностную установку на преодоление инерции покоя, движущую силу к действию, которая трансформирует пассивное обладание талантом в активное стремление к его реализации. Без воли накопленный потенциал рискует остаться «вещью в себе», не перейдя на следующую стадию — стадию экзистенциального выбора.

Важный вклад в понимание внутренних предпосылок самореализации вносит античная философская традиция. Аристотель в «Никомаховой этике» отделяет высшее благо для человека, эвдемонию, от гедонистического удовольствия и определяет её как «деятельность души сообразно добродетели» [2, с. 65–66]. Добродетель понимается как совершенство в реализации присущей человеку разумной деятельности. Следовательно, актуализация рационального начала выступает ценностью уровня формирования внутренних интенций.

Дальнейшее развитие представлений о самореализации требует учета волевого компонента, детально разработанного в философии Ф. Ницше, где акцент смещается с нормативной этики на индивидуально-творческое начало. Самореализация трактуется как преодоление навязанных извне стереотипов («морали рабов») и утверждение автономной субъектности через проявление «воли к власти» [12].

Основу теоретического осмысления ценностей внутренних интенций составляет гуманистическая психология. В начале XX века К. Гольдштейн [28] ввел понятие «самоактуализация» и определил его как движущую силу, направленную на то, чтобы организм стал тем, чем он способен быть в данный момент, учитывая все обстоятельства.

То есть, с точки зрения гуманистической традиции, самореализация — это активный процесс актуализации всех имеющихся индивидуальных возможностей.

А. Маслоу [10] развил эту идею, поместив потребность в самоактуализации на вершину иерархии потребностей. Следует отметить, что согласно его концепции, только после удовлетворения базовых, дефицитных потребностей человек обретает возможность сосредоточиться на развитии высших способностей. По мнению А. Маслоу, самоактуализация является не конечным состоянием, а непрерывным процессом становления, характеризующимся эффективным восприятием реальности, принятием себя, спонтанностью и автономией.

К. Роджерс, в свою очередь, постулировал наличие естественной тенденции человека к росту и развитию, направленной на достижение «полноценно функционирующей личности» [16]. В рамках данной парадигмы выделены ценности, способствующие раскрытию внутреннего потенциала: открытость опыту, конгруэнтность (соответствие «Я-реального» и «Я-идеального») и творчество.

Исследования в области эмоционального интеллекта Д. Гоулмана [29] демонстрируют, что способность к осознанию и регуляции эмоций является предпосылкой для осуществления осмысленного выбора и эффективной деятельности. То есть развитие эмоциональной саморегуляции рассматривается как один из основополагающих компонентов потенциального уровня, наряду с когнитивными и волевыми способностями, поскольку без эмоциональной грамотности личность не может адекватно воспринимать реальность, принимать осознанные решения или долгосрочно придерживаться выбранного направления развития.

На основе приведенного анализа к первой группе ценностей самореализации, ценностям формирования внутренних интенций, относятся:

1. Когнитивные ценности: развитие интеллекта, стремление к истине, рациональное понимание мира, когнитивная сложность, а также способность к созерцанию как высшей форме теоретической деятельности по Аристотелю и рефлексии как необходимого условия накопления интеллектуального ресурса.

2. Ценности автономии: независимость суждений, свобода мышления от стереотипов и внешнего давления, способность формировать собственную картину мира без некритического заимствования чужих установок, способность к самостоятельному целеполаганию. На данном этапе автономия выступает как ресурсная способность судить самостоятельно, еще не перешедшая в стадию жизненного поступка.

3. Витальные и волевые ценности: стремление к личному превосходству, физическое и психическое здоровье как ресурс, волевая устойчивость, спонтанность и жизненная энергия.

4. Ценности эмоциональной саморегуляции: понимание собственных эмоциональных состояний, развитие способности к управлению эмоциями и поведением, формирование эмоциональной устойчивости.

Данные ценности можно рассматривать как необходимое, хотя ещё и не достаточное условие самореализации личности. Оно отражает накопленный человеческий капитал, который требует актуализации в процессе общественно полезной, творчески направленной деятельности. Исследование С.И. Ди Доменико и Р.М. Райана [26] в области нейробиологии мотивации демонстрируют, что внутренняя мотивация к развитию и самосовершенствованию поддерживается удовлетворением базовых психологических потребностей в компетентности и автономии, которые служат основой для перехода к следующему уровню самореализации.

II. Ценности экзистенциального самоопределения (трансформационный уровень)

Переход от внутренних интенций к внешней предметной деятельности не является непосредственным или стихийным процессом. Он предполагает акт сознательного самоопределения, в котором личность утверждает себя как субъект свободы и ответственности. Данный этап опосредован системой ценностей, вбирающих в себя основные экзистенциальные категории человеческого бытия — смысл, свободу, ответственность. Самореализация в таком понимании предстает как процесс самостроительства и духовного самоопределения, где становление личности осуществляется через свободный выбор и творческое преобразование мира и самого себя.

М. Хайдеггер связывает самореализацию с аутентичным бытием, которое достигается через осознание человеком собственной конечности, через переживание «бытия-к-смерти» и принятие ответственности за свой жизненный нарратив. Осознание конечности существования выступает катализатором для самопроектирования, побуждая личность преодолеть «падение» в повседневность и обратиться к подлинным экзистенциальным задачам [21].

К. Ясперс развивал эту мысль, подчеркивая, что подлинное бытие раскрывается в «пограничных ситуациях», когда человек сталкивается с абсолютными ограничениями своего существования и вынужден переосмыслить саму природу своей свободы и ответственности [24].

По мнению Ж.-П. Сартра, существование предшествует сущности [18]. В такой перспективе самореализация предстает как перманентный акт свободного выбора. Ценность обретает сама способность субъекта конструировать свою сущность в условиях неопределенности, неся при этом бремя абсолютной ответственности за собственные решения.

Данная идея находит отклик в философии Н.А. Бердяева, для которого творчество и свобода составляют суть человеческого существования. Н.А. Бердяев настаивал, что подлинная личность не может быть создана природой или обществом, она созидается через акты свободного творческого самоопределения, через отказ от детерминизма и принятие духовной ответственности за своё становление [3].

Особое место в понимании трансформационного уровня имеет концепция В. Франкла, который сместил акцент со стремления к самореализации на стремление к смыслу [19]. Ученый справедливо указывал на то, что самореализация представляет собой лишь побочный результат осуществления глубокого личностного смысла, а не его цель. Погружение в собственный внутренний мир без обретения смысла, выходящего за пределы индивидуального Эго, неизбежно ведет к экзистенциальному вакууму и духовному кризису. Именно в этом пункте В. Франкл сходится с Н.А. Бердяевым, видевшим в духовной пустоте и отсутствии смысла первопричину всех форм личностного отчуждения и духовного рабства.

Э. Фромм связал самореализацию с продуктивной активностью [4, 13, 20]. В центре его концепции находится идея внутренней свободы — «свободы для» подлинного самовыражения, в противоположность негативной «свободе от» внешних ограничений. Подлинная самореализация, по Э. Фромму, становится возможной лишь благодаря способности человека к любви и творческому мышлению, которые служат условием преодоления отчуждения.

Современные эмпирические исследования также подтверждают особую роль смысла и цели жизни в структуре эвдемонического благополучия. П.Ч. На [32] утверждает, что смысл и цель являются центральными конструктами в большинстве определений эвдемонического благополучия, показал, что смысл и цели значимо

коррелируют с психологической устойчивостью, оптимизмом, социальной поддержкой и низким уровнем депрессивных симптомов, что подтверждает значимость экзистенциальных ценностей для психического здоровья и благополучия личности. Эвдемоническое благополучие отличается от гедонистического не только на психологическом, но и на биологическом уровне. Исследование Б. Л. Фредриксон и коллег [27] выявило, что оно связано с повышенной экспрессией генов противовирусного ответа и снижением экспрессии провоспалительных генов, в то время как гедонистическое благополучие демонстрирует обратную картину, что свидетельствует о более благоприятном влиянии эвдемонического пути самореализации на физическое здоровье человека.

На основании данного анализа мы выделили группу ценностей трансформационного уровня — ценности экзистенциального самоопределения, включают в себя:

1. Ценности авторства жизни: принятие ответственности за свой жизненный путь, построение целостной временной перспективы (связь прошлого, настоящего и будущего), субъектность.
2. Ценности смысла: ориентация на поиск и реализацию смыслов, выходящих за пределы собственного Эго.
3. Ценности переживания: способность воспринимать красоту, любовь, природу и искусство как личностно значимые феномены (по В. Франклу).
4. Ценности отношения: мужество вопреки страху и внешним препятствиям, стойкость, сохранение достоинства в неизбежных трагических обстоятельствах, отношение к страданию как к возможности духовного роста.
5. Ценности экзистенциального выбора: переход от способности мыслить независимо к решимости действовать независимо, готовность к выбору и действиям в условиях риска и неопределенности, нонконформизм, этическая разборчивость.

В совокупности перечисленные ценности самореализации выполняют функцию диалектического моста, переводящего скрытые потенции субъекта из плоскости внутреннего возможного в плоскость реального жизненного выбора и конкретного исторического становления личности. В этом смысле самореализация предстает как процесс постоянного творческого самопреодоления и духовного восхождения, пронизанный ответственностью перед собой и окружающими.

III. Ценности социально-предметной актуализации (бытийный уровень)

Следующий уровень — бытийный, он предполагает выход субъекта в пространство общественной деятельности. Без реализации на бытийном уровне ценности формирования внутренних интенций и экзистенциального самоопределения рискуют остаться в сфере абстрактного гуманизма или личностного эгоцентризма.

Отечественная теория самореализации, сложившаяся на основе деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), предлагает концепцию, в основе которой лежат понятия деятельности, мотива, личностного смысла. Самореализация понимается как процесс развёртывания активности субъекта, направленной на достижение личностно значимых целей в рамках социально организованной деятельности. По А.Н. Леонтьеву, мотив придаёт деятельности личностный смысл, определяя, ради чего она совершается [7]. Самореализация же предстает как процесс актуализации личностного потенциала через осмысленную деятельность, где субъект становится автором своих действий, наделяя их смыслом. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что личность проявляет и созидает себя через деятельность: «…субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в

них созидается и определяется» [17, с. 106]. То есть, с точки зрения автора, самореализация представляет собой процесс становления личности через активное преобразование мира и самого себя в деятельности. Следует учитывать, что деятельность всегда опосредована культурными формами и общественными отношениями. Личность интериоризирует, «распредмечивает» исторически накопленные способы деятельности, а затем «опредмечивает» свои способности в новых формах деятельности и творчества. Взаимосвязь между внутренним и внешним, между личным и социальным составляет суть самореализации с позиции деятельностного подхода.

Развивая эту традицию, К.А. Абульханова-Славская рассматривает самореализацию через призму целостного жизненного пути личности [1]. Человек является активным субъектом, организующим и переживающим время своей жизни, он направляет свои способности и внимание на разрешение социально значимых задач и участие в судьбе общества.

К группе ценностей социально-предметной актуализации относятся:

1. Ценности творчества и созидания: продуктивный труд, профессиональное мастерство, создание нового, имеющего объективированный результат. Причем важен не процесс, а результат, отчуждаемый от создателя на пользу общества.
2. Ценности социального вклада: служение общему благу, наставничество, гражданственность, вклад в развитие культуры и науки.
3. Ценности социальной интеграции: признание со стороны профессионального сообщества, уважение, авторитет, чувство принадлежности к целому.

Именно на бытийном уровне происходит разрешение противоречия между индивидуальным и общественным, поскольку личность реализует себя в той мере, в какой она вносит социально значимый вклад в жизнь общества.

IV. Ценности гармонии и целостности (синергетический уровень)

В современных условиях высокой сложности и неопределенности самореализация не может рассматриваться линейно, исключительно как профессиональная успешность или социальная продуктивность. По мнению А. Гори и Э. Топина [30], самореализация представляет собой психологический процесс, который разворачивается на протяжении всей жизни и осуществляет переоценку и интеграцию жизненного опыта в связи с изменениями смысла и целей. Односторонняя ориентация на достижение результата приводит к дисбалансу, истощению ресурсов и утрате смысла, что противоречит самой идее устойчивого полноценного развития. Так, человека, достигшего успеха в профессиональном развитии, но разрушившего свое здоровье или окружающую среду, сложно считать полностью самореализованным. На основании этого в структуре аксиологической системы выделен высший уровень — синергетический. Личность на нём рассматривается как открытая самоорганизующаяся система, а самореализация — как процесс поддержания динамического равновесия между внутренним потенциалом, социальной активностью и включенностью в надличностные формы бытия (культуру, природу, ноосферу). Теоретическим основанием для выделения данного уровня служат идеи К. Юнга, А. Маслоу, К. Рифф, М. Чиксентмихайи и В.И. Вернадского.

К.Г. Юнг рассматривал целостность личности как достижение психического равновесия между противоположностями — сознанием и бессознательным, рациональностью и интуицией, индивидуальным и коллективным. Процесс интеграции противоположностей, который К. Юнг назвал «индивидуацией», предполагает осознание теневых аспектов личности и достижение внутренней целостности [23]. На четвёртом уровне самореализация предстает именно как такая целостность, в которой все аспекты развития личности — когнитивные, эмоциональные, волевые,

экзистенциальные и социальные — достигают гармонического единства, позволяя человеку функционировать как целое, проявляется эффект эмерджентности.

В поздние годы жизни А. Маслоу переосмыслил иерархию потребностей и добавил уровень самотрансценденции, который предполагает выход за пределы личного развития к служению целям, превосходящим индивидуальное Эго [9]. Самотрансценденция означает движение от сосредоточенности на собственных достижениях к участию в развитии человечества и эволюции жизни. А. Маслоу подчёркивал, что люди на уровне самотрансценденции испытывают глубокое чувство связи с природой, обретают «космическое сознание» и понимают себя как часть целого, которое больше их самих, что соответствует уровню синергетической целостности, на котором личность функционирует как элемент системы.

К. Рифф [34, 35, 36] предложила концепцию эвдемонического благополучия, достигаемого через реализацию потенциала и осмысленную деятельность. Её модель выделяет шесть компонентов: личностный рост, цель в жизни, автономия, мастерство, положительные отношения с другими и принятие себя. А.С. Уотерман с коллегами [37] эмпирически доказали, что эвдемоническое благополучие включает самопознание, осознанное развитие своего потенциала, чувство цели и смысла жизни, интенсивную вовлеченность в деятельность, удовольствие от деятельности как от личного самовыражения. На синергетическом уровне благополучие становится критерием подлинности самореализации. Человек может быть успешным и продуктивным на бытийном уровне, но если его личностный рост остановился, цель в жизни размыта, мастерство превратилось в механистическую работу или отношения с окружающими деградировали, то его самореализация неполная. Психологическое благополучие предполагает также эвдемоническую устойчивость — долгосрочное, не истощающее состояние, которое не требует постоянного напряжения и саморазрушения.

Теория потока М. Чиксентмихайи [22] описывает оптимальное психологическое состояние как состояние полной поглощённости деятельностью, при котором человек полностью концентрируется на процессе, забывает о времени и самосознании, и испытывает глубокое удовлетворение. Поток возникает в точке динамического равновесия между уровнем мастерства и сложностью задачи. Исследование Дж. Накамура и коллег [33] показало, что люди, испытывающие частые состояния потока, отличаются лучшими показателями внимания, совестливости и способности к саморегуляции, их состояние коррелирует с более высокой жизненной удовлетворенностью и психологическим благополучием. На синергетическом уровне аутотелический характер потока, когда деятельность ценна сама по себе, является признаком самореализации. Следует отметить, что самореализация не должна быть ориентированной только на цель. Важно, чтобы сам процесс деятельности приносил радость, смысл, ощущение мастерства и гармонии. Если человек достигает внешних целей, но при этом испытывает постоянную скуку, фрустрацию или механистичность в деятельности, то подобная самореализация является неполной. Для синергетического уровня ценность качества переживания важнее качества результата.

Выдающийся русский ученый и философ В.И. Вернадский [5] предложил концепцию ноосферы как новой геологической стадии развития Земли, в которой человеческий разум представляет собой геологическую силу. Ноосфера — это сфера разума, в которой человечество должно действовать разумно, соответствуя законам природы и эволюции жизни. В.И. Вернадский подчеркивал, что человеческое сознание и деятельность по масштабам воздействия сравнимы с природными силами, что налагает историческую ответственность на деятельность каждого человека. В контексте

самореализации это означает, что личность, реализуя себя, должна осознавать, что её деятельность является частью эволюции ноосферы. Подлинная самореализация достигается путем разумной, согласованной деятельности, которая способствует гармонизации человека и природы.

Синергетическая природа данного уровня проявляется в возникновении эмерджентных свойств личности: целостности, когерентности ценностей и жизнестойкости, мудрости и внутренней гармонии.

К группе ценностей синергетической целостности относятся:

1. Ценности эвдемонического благополучия: восприятие физического и психического здоровья как фундаментального ресурса для длительной самореализации. Это предполагает отказ от саморазрушительных стратегий успеха в пользу экологичного отношения к себе, поддержание баланса между напряжением и восстановлением, профилактику профессионального выгорания. Как отмечает К. Рифф, подлинная самореализация невозможна без самопринятия и позитивного функционирования, а М. Хмель и З. Кроплевский [25] показали, что рост-ориентированные ценности, такие, как открытость изменениям и самотрансценденция, значимо ассоциированы с психологическим благополучием, причем присутствие смысла жизни выступает посредником в этой взаимосвязи.

2. Ценности культурно-исторической преемственности и генеративности, которые отражают включённость личности во временной континуум. К ним относятся генеративность (по Э. Эриксону) [14], потребность в наставничестве и передаче опыта, заботе о следующих поколениях, историческую ответственность, когда личность реализует себя как продолжатель традиций и созидатель будущего, осознание своей деятельности как звена в цепи поколений, сохранение культурного кода и наследия. К ценностям культурно-исторической преемственности также относится участие в научном и художественном творчестве, которое вносит вклад в эволюцию культуры; стремление к справедливому общественному порядку, основанному на нравственных и гуманных принципах.

3. Ценности экологической ответственности: осознание личности как неотъемлемой части биосферы и участницы ноосферной эволюции, понимание того, что деятельность человека имеет экологические, социальные и исторические последствия.

4. Ценности аутотелического опыта: ориентация на качество проживания момента. Согласно концепции потока М. Чиксентмихайи, высшая эффективность деятельности достигается в состоянии оптимального переживания, когда процесс ценен сам по себе. Данный подход позволяет превратить деятельность из обязанности в источник витальности и смысложизненного удовлетворения.

Таким образом, предлагаемая структурно-динамическая модель ценностей самореализации личности представляет собой иерархию, которая описывает самореализацию как закономерный процесс, проходящий ряд уровней. Он начинается с формирования внутренних интенций на потенциальном уровне, переходит к экзистенциальному самоопределению на трансформационном уровне, достигает актуализации в социально значимой деятельности на бытийном уровне и обретает онтологическую завершённость на синергетическом уровне через самотрансценденцию и служение надличностным смыслам. Следует отметить, что ценности первых двух уровней являются необходимыми предпосылками самореализации, бытийный уровень обеспечивает её объективацию в общественной жизни через опредмечивание сущностных сил, а синергетический уровень знаменует онтологическую завершённость самореализации, при которой личность обретает эвдемоническую устойчивость и самоорганизующийся характер жизненного пути.

Выводы. Проведенный теоретический анализ позволяет рассматривать самореализацию как иерархически организованный процесс, опосредованный системой ценностей. Предложенная структурно-динамическая модель показывает, что ценности самореализации меняются по мере увеличения и усложнения субъектной активности личности.

В ходе исследования обосновано выделение четырех взаимосвязанных уровней аксиологической системы:

потенциальный уровень объединяет внутренние интенции (когнитивные, витальные, волевые), выступающие основанием для формирования сущностных сил личности;

трансформационный уровень включает экзистенциальные ориентиры (смысл, цели, ответственность, авторство), обеспечивающие переход от возможности к реализации жизненного замысла;

бытийный уровень характеризуется ценностями социально-предметной актуализации, где внутренний потенциал объективируется в продуктах деятельности и социальном вкладе;

синергетический уровень интегрирует предыдущие этапы, утверждая примат целостности, устойчивого психологического благополучия и включенности личности в надличностные формы бытия (культуру, ноосферу).

Предложенная классификация разрешает противоречие между пониманием самореализации как внутреннего созревания и как внешней продуктивности, объединяя их в диалектическом единстве. Практическая значимость модели заключается в возможности её применения для диагностики барьеров личностного роста. Так, например, остановка личностного развития может быть связана не с отсутствием способностей, а с недостаточной сформированностью ценностей трансформационного или бытийного уровней. Дальнейшие перспективы исследования связаны с эмпирической верификацией данной структуры и изучением динамики ценностей самореализации личности в различных возрастных группах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. М.: Мысль,1984. 830 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. — М.: Амрита-Русь, 2024. — 448 с.
4. Вачков И.В. Аутентичность и самореализация личности в период ранней взрослости / И.В. Вачков, Т.К. Храмова // Психология и право. — 2021. — Т. 11, № 4. — С. 14–24. — https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110402.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
6. Зиннатова М.В. Самотрансценденция: феноменологическое исследование / М.В. Зиннатова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2022. — № 3 (74). — С. 116–128.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Смысл : Академия, 2005. — 352 с.
8. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека / Д.А. Леонтьев // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. — М.: Смысл, 1997. — С. 106–117.
9. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. — СПб.: Питер, 2022. — 448 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — СПб.: Питер, 2022. — 400 с.
11. Мерсиянова А.П. Основные признаки экзистенциального выбора / А.П. Мерсиянова // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 335. — С. 153–156.
12. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. — М.: АСТ, 2021. — 704 с.
13. Опекина Т.П. Комплексный анализ феномена самореализации: перспектива создания системной модели / Т.П. Опекина, Н.С. Шипова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2021. — № 4. — С. 178–188. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-4-178-188.

14. Полякова М.К. Теоретические подходы к пониманию генеративности: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / М.К. Полякова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2019. — № 6. — Режим доступа: https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN619.pdf (дата обращения: 10.01.2026).
15. Психология самоорганизации личности и социальных общностей: вызовы и решения / Е.Е. Блинова, Г.И. Давыдова, С.И. Дьяков и др. — Симферополь: Ариал, 2026. — 223 с.
16. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию / К. Роджерс. — М.: ИОИ, 2022. — 288 с.
17. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности / С.Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. — 1986. — № 4. — С. 101—108.
18. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр. — М.: АСТ, 2025. — 160 с.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022. — 164 с.
20. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.
21. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М.: Скрипториум, 2022. — 447 с.
22. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи. — М.: Смысл : Альпина нон-фикшн, 2011. — 461 с.
23. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг. — М.: АСТ, 2025. — 224 с.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Республика, 1994. — 527 с.
25. Chmiel M. Personal Values and Psychological Well-Being Among Emerging Adults: The Mediating Role of Meaning in Life / M. Chmiel, Z. Kroplewski // Brain Sciences. — 2025. — Vol. 15, № 9. — P. 930. — https://doi.org/10.3390/brainsci15090930.
26. Di Domenico S.I. The Emerging Neuroscience of Intrinsic Motivation: A New Frontier in Self-Determination Research / S.I. Di Domenico, R.M. Ryan // Frontiers in Human Neuroscience. — 2017. — Vol. 11. — P. 145. — https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00145.
27. Fredrickson B.L. A functional genomic perspective on human well-being / B.L. Fredrickson et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2013. — Vol. 110, № 33. — P. 13684–13689. — https://doi.org/10.1073/pnas.1305419110.
28. Goldstein K. The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man / K. Goldstein. — New York: American Book Company, 1939. — 533 p.
29. Goleman D. Emotional Intelligence. Why It Can Matter More Than IQ / D. Goleman. — New York: Bantam Books, 1995. — 352 p.
30. Gori A. META-Measurement for Evolution, Transformation, and Autorealization: A New Assessment Protocol / A. Gori, E. Topino // Behavioral Sciences. — 2025. — Vol. 15, № 7. — P. 942. — https://doi.org/10.3390/bs15070942.
31. Kudinov S.I. The axiological orientation of students' personalities / S.I. Kudinov, S.S. Kudinov, I.B. Kudinova, S.S. Belousova // Psychology in Russia: State of the Art. — 2018. — Vol. 11, № 1. — P. 95–105. — https://doi.org/10.11621/pir.2018.0108.
32. Na P.J. Appreciating eudaimonic well-being and positive psychosocial characteristics in mental health research / P.J. Na // International Psychogeriatrics. — 2023. — Vol. 35, № 10. — P. 537–540. — https://doi.org/10.1017/S104161022300073X.
33. Nakamura J. Flow: The Experience of Intrinsic Motivation / J. Nakamura, D.C.K. Tse, S. Shankland // The Oxford Handbook of Human Motivation. — Oxford: Oxford Academic, 2019. — P. 168–185. — https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190666453.013.10.
34. Ryff C.D. Happiness is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being / C.D. Ryff // Journal of Personality and Social Psychology. — 1989. — Vol. 57, № 6. — P. 1069–1081. — https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069.
35. Ryff C.D. The structure of psychological well-being revisited / C.D. Ryff, C.L.M. Keyes // Journal of Personality and Social Psychology. — 1995. — Vol. 69, № 4. — P. 719–727. — https://doi.org/10.1037//0022-3514.69.4.719.
36. Ryff C.D. Know Thyself and Become What You Are: A Eudaimonic Approach to Psychological Well-Being / C.D. Ryff, B.H. Singer // Journal of Happiness Studies. — 2008. — Vol. 9, № 1. — P. 13–39. — https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/978-94-007-5702-8_6.
37. Waterman A.S. The Questionnaire for Eudaimonic Well-Being: Psychometric properties, demographic comparisons, and evidence of validity / A.S. Waterman, S.J. Schwartz, B.L. Zamboanga, R.D. Ravert, M.K. Williams, V.B. Agocha, S.Y. Kim, M.B. Donnellan // Journal of Positive Psychology. — 2010. — Vol. 5, № 1. — P. 41–61. — https://doi.org/10.1080/17439760903435208.

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1991). Strategiia zhizni [Life strategy]. Moscow: Mysl’. (In Russian)
2. Aristotel’. (1984). Sochineniia v 4-kh t. T. 4 [Works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow: Mysl’. (In Russian)

3. Berdiaev, N.A. (2024). Smysl tvorchestva [The meaning of creativity]. Moscow: Amrita-Rus'. (In Russian)
4. Vachkov, I.V., & Khramova, T.K. (2021). Autentichnost' i samorealizatsiia lichnosti v period rannei vzroslosti [Authenticity and self-realization of the individual in early adulthood]. Psikhologiia i pravo, 11(4), 14–24. https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110402 (In Russian)
5. Vernadskii, V.I. (1991). Nauchnaia mysl' kak planetnoe iavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka. (In Russian)
6. Zinnatova, M.V. (2022). Samotranssendentsiia: fenomenologicheskoe issledovanie [Self-transcendence: A phenomenological study]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiia. Pedagogika. Psikhologiia, 3(74), 116–128. (In Russian)
7. Leont'ev, A.N. (2005). Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Akademiia. (In Russian)
8. Leont'ev, D.A. (1997). Samorealizatsiia i sushchnostnye sily cheloveka [Self-realization and essential human strengths]. In D.A. Leont'ev (Ed.), Psikhologiia s chelovecheskim litsom: Gumanisticheskaia perspektiva v postsovetskoi psikhologii [Psychology with a human face: A humanistic perspective in post-Soviet psychology] (pp. 106–117). Moscow: Smysl. (In Russian)
9. Maslou, A. (2022). Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki [The farther reaches of human nature]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian)
10. Maslou, A. (2022). Motivatsiia i lichnost' [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter. (In Russian)
11. Mersianova, A.P. (2010). Osnovnye priznaki ekzistentsial'nogo vybora [Main features of existential choice]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, (335), 153–156. (In Russian)
12. Nietzsche, F. (2021). Volia k vlasti [The will to power]. Moscow: AST. (In Russian)
13. Opekina, T.P., & Shipova, N.S. (2021). Kompleksnyi analiz fenomena samorealizatsii: perspektiva sozdaniia sistemnoi modeli [Comprehensive analysis of the phenomenon of self-realization: Prospects for creating a systemic model]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pedagogika. Psikhologiia. Sotsiokinetika, (4), 178—188. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-4-178-188 (In Russian)
14. Poliakova, M.K. (2019). Teoreticheskie podkhody k ponimaniiu generativnosti: problemy i perspektivy [Theoretical approaches to understanding generativity: Problems and prospects]. Mir nauki. Pedagogika i psikhologiia, (6). Retrieved from https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN619.pdf (accessed 10 January 2026). (In Russian)
15. Blinova, E.E., Davydova, G.I., Diakov, S.I., et al. (2026). Psikhologiia samoorganizatsii lichnosti i sotsial'nykh obshchnostei: vyzovy i resheniia [Psychology of self-organization of personality and social communities: Challenges and solutions]. Simferopol: Arial. (In Russian)
16. Rodzhers, K. (2022). Stanovlenie lichnosti. Vzgliad na psikhoterapiiu [On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy]. Moscow: IOI. (In Russian)
17. Rubinshtein, S.L. (1986). Printsip tvorcheskoi samodeiatel'nosti [The principle of creative self-activity]. Voprosy psikhologii, (4), 101–108. (In Russian)
18. Sartr, Zh.-P. (2025). Ekzistentsializm — eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. Moscow: AST. (In Russian)
19. Frankl, V. (2022). Chelovek v poiskakh smysla [Man's search for meaning]. Moscow: Al'pina non-fikshn. (In Russian)
20. Fromm, E. (2019). Imet' ili byt'? [To have or to be?]. Moscow: AST. (In Russian)
21. Khaidegger, M. (2022). Bytie i vremia [Being and time]. Moscow: Skriptorium. (In Russian)
22. Chikszentmihalyi, M. (2011). Potok: Psikhologiia optimal'nogo perezhivaniia [Flow: The psychology of optimal experience]. Moscow: Smysl; Al'pina non-fikshn. (In Russian)
23. Iung, K.G. (2025). Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow: AST. (In Russian)
24. Jaspers, K. (1994). Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history]. Moscow: Respublika. (In Russian)
25. Chmiel, M., & Kroplewski, Z. (2025). Personal values and psychological well-being among emerging adults: The mediating role of meaning in life. Brain Sciences, 15(9), 930. https://doi.org/10.3390/brainsci15090930
26. Di Domenico, S.I., & Ryan, R.M. (2017). The emerging neuroscience of intrinsic motivation: A new frontier in self-determination research. Frontiers in Human Neuroscience, 11, 145. https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00145
27. Fredrickson, B.L., Grewen, K.M., Coffey, K.A., Algoe, S.B., Firestine, A.M., Arevalo, J.M.G., Ma, J., & Cole, S.W. (2013). A functional genomic perspective on human well-being. Proceedings of the National Academy of Sciences, 110(33), 13684—13689. https://doi.org/10.1073/pnas.1305419110
28. Goldstein, K. (1939). The organism: A holistic approach to biology derived from pathological data in man. New York: American Book Company.

29. Goleman, D. (1995). Emotional intelligence: Why it can matter more than IQ. New York: Bantam Books.
30. Gori, A., & Topino, E. (2025). META-Measurement for Evolution, Transformation, and Autorealization: A new assessment protocol. Behavioral Sciences, 15(7), 942. https://doi.org/10.3390/bs15070942
31. Kudinov, S.I., Kudinov, S.S., Kudinova, I.B., & Belousova, S.S. (2018). The axiological orientation of students' personalities. Psychology in Russia: State of the Art, 11(1), 95–105. https://doi.org/10.11621/pir.2018.0108
32. Na, P.J. (2023). Appreciating eudaimonic well-being and positive psychosocial characteristics in mental health research. International Psychogeriatrics, 35(10), 537–540. https://doi.org/10.1017/S104161022300073X
33. Nakamura, J., Tse, D.C.K., & Shankland, S. (2019). Flow: The experience of intrinsic motivation. In R. M. Ryan (Ed.), The Oxford handbook of human motivation (pp. 168–185). Oxford: Oxford Academic. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190666453.013.10
34. Ryff, C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. Journal of Personality and Social Psychology, 57(6), 1069—1081. https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069
35. Ryff, C.D., & Keyes, C.L.M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. Journal of Personality and Social Psychology, 69(4), 719—727. https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719
36. Ryff, C.D., & Singer, B.H. (2008). Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being. Journal of Happiness Studies, 9(1), 13–39. https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/978-94-007-5702-8_6
37. Waterman, A.S., Schwartz, S.J., Zamboanga, B.L., Ravert, R.D., Williams, M.K., Agocha, V.B., Kim, S.Y., & Donnellan, M.B. (2010). The questionnaire for eudaimonic well-being: Psychometric properties, demographic comparisons, and evidence of validity. Journal of Positive Psychology, 5(1), 41–61. https://doi.org/10.1080/17439760903435208

Поступила в редакцию 23.02.2026 г.

CLASSIFICATION OF PERSONAL SELF-REALIZATION VALUES

Kravchuk N. Yu.

The article deals with the classification of the personal self-realization values. Despite extensive research in the fields of axiology and psychology of self-realization, no unified understanding has yet emerged as to which value structures initiate, sustain, and ensure the effectiveness of the self-realization process. The study was conducted with application of methods of integrative theoretical review and structural-dynamic modeling on the basis of classical works in philosophy and psychology, as well as contemporary research. As a result, a structural-dynamic model has been developed that organizes self-realization values into a four-level hierarchy comprising the potential level (values of forming internal intentions), the transformational level (values of existential self-determination), the ontological level (values of socio-practical actualization), and the synergetic level (values of harmony and wholeness). The model overcomes theoretical fragmentation in the study of self-realization by dialectically linking the inner formation of the personality with its objectification in socio-practical activity through the mechanisms of existential choice, volitional regulation, and self-transcendence — mechanisms that ensure progression from the accumulation of essential forces toward eudaimonic resilience and wholeness.

Keywords: personal self-realization, self-realization of personality, self-realization values, structural-dynamic model, potential level, transformational level, ontological level, synergetic level, existential self-determination, eudaimonic well-being, self-transcendence.

Кравчук Надежда Юрьевна.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Херсон.
Аспирант Института психологии
Центр содействия развитию спорта, науки и психологического благополучия «Феникс» , Российская Федерация, г. Сергиев Посад.
Директор.
ORCID: 0009-0006-0670-852X.
E-mail: nadine@kravchuk7.ru

Kravchuk Nadezhda Yurievna.
Kherson State Pedagogical University, Russian Federation, Kherson.
Postgraduate student at Institute of Psychology.
Phoenix Center for the Promotion of Sports, Science and Psychological Well-being, Russian Federation, Sergiev Posad.
Director.
ORCID: 0009-0006-0670-852X.
E-mail: nadine@kravchuk7.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи**: «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления**. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ**! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ к ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине.

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине).

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе* ***воздвиг*** *нерукотворный*. слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*.

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир».

8. Цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «.». при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."."».

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-). различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик. первый знак пунктуационный, второй орфографический.

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26.

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / *Я руку*, *бьющую меня*, *целую*. // в *грудь*, *оттолкнувшую — к груди тяну*, / *Чтоб*, *удивясь*, *прослушал тишину*. (М. Цветаева. Пригвождена...).

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, *красавицам мучитель*,
И всюду он гусар.

(А. Пушкин. к портрету Каверина).

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218. в библиографическом описании — С. 212–218.

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с..

г. в сочетаниях и т. д., и т. п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья
УДК 81:112
DOI:

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2024 ***Т.А. Дьякова***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов

литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XX-XX. — https://doi.org/

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т. д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т. п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала —

работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 59-68.
13. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
14. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
15. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
16. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. — Режим доступа: http: www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
17. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
18. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 20-31. — http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31.
19. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.

21. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

12. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
13. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
14. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. http://doi.org/10.1515/9783110243390.177 (In Italian)
Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German).
15. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
16. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
17. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).
18. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
19. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
20. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495 (In English).
21. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London: Bloomsbury.

22. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words**:* — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– в конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.
Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10**. Контактная информация:**

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна,** канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д: Филология и психология

Научный журнал

2026. — № 3

На русском и английском языках

Технический редактор: канд. филол. наук А. О. Якель